ISSN 0130-2620

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

275

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
275

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

ИА РАН

МОСКВА 2024

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

УДК 902/904
ББК 63.4
К78

Краткие сообщения Института археологии
Вып. 275. 2024

Издание основано в 1939 г.
Выходит 4 раза в год

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК РФ.
Специальность 5.6.3. Археология

Главный редактор:
академик РАН Н. А. Макаров

Редакционный совет:
д-р П. Бан, проф. М. Вагнер, д. и. н. М. С. Гаджиев, проф. О. Далли,
проф. К. фон Карнап Борнхайм, чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин, д. и. н. А. К. Левыкин,
чл.-корр. РАН Н. В. Полосьмак, д-р Т. Хайм, д-р Б. Хорд, д-р Чжан Со Хо

Редакционная коллегия:
д. и. н. Л. И. Авилова (зам. гл. ред.), к. и. н. К. Н. Гаврилов, д. и. н. М. В. Добровольская,
д. и. н. А. А. Завойкин, д. и. н. В. И. Завьялов, проф. М. Казанский, д. и. н. А. Р. Канторович,
к. и. н. В. Ю. Коваль, к. и. н. Н. В. Лопатин, к. и. н. Ю. В. Лунькова (отв. секретарь редакции),
акад. Болгарской АН В. Николов, Ю. Ю. Пиотровский, д. и. н. Н. М. Чаиркина,
д-р Й. Шнеевайсс, д. и. н. В. Е. Щелинский

Brief Communications of the Institute of Archaeology

Editor-in-chief:
academician N. A. Makarov

ISSN 0130-2620
DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.275

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук, 2024
© Авторы статей, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ КАМНЯ К БРОНЗЕ

Колесник А. В., Данильченко А. Ю., Гаврилов К. Н., Зоров Ю. Н., Титов В. В., Константинов Е. А., Панин П. Г., Фролов П. Д., Сычев Н. В. Николаево-Отрадное-III – местонахождение среднего палеолита на берегу Миусского лимана (северное побережье Азовского моря) 7
Жульников А. М., Кулькова М. А., Тарасов А. Ю. Новые данные анализа изделий из самородной меди с энеолитических поселений Карелии 23
Зальцман Э. Б. Новые данные о культурно-хронологическом положении приморской/жуцевской культуры 39
Клещенко А. А. Кочетовский вариант новотиторовской культуры: новые источники и их интерпретация 62
Кореневский С. Н. К вопросу о появлении втульчатого и клинкового оружия из бронзы на Кавказе 79
Мимоход Р. А. Поясная гарнитура из кости и рога культурного круга Лола в контексте хронологии, культурно-генетических процессов и межкультурных контактов 97
Купцова Л. В., Усачук А. Н. Пара щитковых псалиев с территории степного Приуралья 114
Корочкова О. Н., Спиридонов И. А. Находки литейных форм бронзового века в горно-лесном Зауралье 132
Горошников А. А., Пелих А. Л., Смекалова Т. Н. Комплекс серпов с поселения позднего бронзового века Панагия 1 (Таманский полуостров): междисциплинарное исследование 146

СКИФСКИЕ ДРЕВНОСТИ

Вальчак С. Б. Посмертное соседство: раннескифские впускные погребения в метаструктуре курганных памятников 163
Володин С. А., Шевченко А. А. Об одном типе уздечных бляшек скифской эпохи 193
Лукпанова Я. А., Сеитов А. М., Антонов М. А. Воинское захоронение V в. до н. э. из Западного Казахстана (Урысай-2, курган № 14) 209
Маслов В. Е. К вопросу о происхождении раннескифских шатровых погребальных конструкций на Северном Кавказе 222
Фирсов К. Б., Строков А. А. Навершие римского времени в виде головы кабана из «Золотого кладбища»: исторический контекст и естественнонаучные исследования 242
Шкрибляк И. И. Скифские древности Центрального Крыма V–IV вв. до н. э.: исследования последних десятилетий 257

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ И ДРЕВНЕРУССКИЙ ПЕРИОД» (МОСКВА, 29–30 НОЯБРЯ 2023 г.)

Воронцов А. М., Хомякова О. А. Введение 275
Воронцов А. М., Столяров Е. В. Барыбинский клад второй половины I – начала II века (предварительная публикация) 280

Радюш О. А. Предметы вооружения и всаднического снаряжения II–III вв. «западного» происхождения в Среднем Поочье и их культурно-исторический контекст 296
Бегунова В. В., Лопатин Н. В. Новые результаты изучения керамики городища Демидовка . . . 319
Хомякова. О. А. Браслеты с расширенными концами самбийско-натангийской культуры IV–V вв. 330

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДРЕВНОСТИ

Письмарова А. В. Стеклянные подвески и крупные бусины Увекского городища эпохи Золотой Орды в Нижнем Поволжье 348
Меньшиков М. Ю., Волошинов А. А. Погребения с инвентарем из мусульманского некрополя Кырк-Азизлер (Республика Крым) 361
Болдин И. В., Зайцев В. В., Шапошник В. Г. «Северская» монета с «княжеским знаком» и джучидские монеты с ранними русскими надчеканками, найденные на территории Любутского поселенческого комплекса 379
Гринев А. М., Сингх В. К. Деревянная деталь повозки XI в. из раскопок в Великом Новгороде 391
Панченко К. И. Поливные керамические чашки из раскопок 2019–2021 гг. в Московском Кремле 406

ЦЕРКОВНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Шуньгина С. Е. Следы освоения территории Пречистенского погоста в Тихвине до его первого летописного упоминания (по данным археологических исследований) 416
Васильева Е. Е., Чечёткина О. Ю. Кладбище при церкви Преображения в г. Боровске: археологический и антропологический аспекты 436
Шахнович М. М., Решетова И. К. Погребение в церкви Кандалакшского монастыря: к вопросу о топографии статусных захоронений в храмах русского Севера в позднем Средневековье 450
Беляев Л. А., Корзинин А. Л., Григорян С. Б. Погребение Ивана Мартемьяновича Гануса († 1552) в подклете Смоленского собора Новодевичьего монастыря 468

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 479
ОТ РЕДАКЦИИ 482

CONTENTS

FROM STONE TO BRONZE

Kolesnik A. V., Danilchenko A. Yu., Gavrilov K. N., Zorov Yu. N., Titov V. V., Konstantinov E. A., Panin P. G., Frolov P. D., Sychev N. V. Nikolaevo-Otradnoe-III – Site of the Middle Paleolithic on the Shore of the Miussky Estuary (Northern Coast of the Azov Sea) 7
Zhulnikov A. M., Kulkova M. A., Tarasov A. Yu. Items Made of Native Copper from Eneolithic Settlements in Karelia: New Analytical Data 23
Zaltsman E. B. New Data on the Cultural and Chronological Position of the Pomeranian/Rzucewo Culture 39
Kleshchenko A. A. The Kochetovka Variant of the Novotitorovka Culture: New Sources and their Interpretation 62
Korenevskiy S. N. The Issue of the Shaft-Hole and Blade Weapons Made of Bronze in the Caucasus Revisited 79
Mimokhod R. A. The Bone and Antler Belt Set of the Lola Cultural Tradition in the Context of Chronology, Cultural and Genetic Processes and Intercultural Contacts 97
Kuptsova L. V., Usachuk A. N. A Pair of Cheek-pieces from the Steppe Urals Region 114
Korochkova O. N., Spiridonov I. A. Finds of Bronze Age Casting Molds in the Mountainous-Forest Belt of the Trans-Urals 132
Goroshnikov A. A., Pelikh A. L., Smekalova T. N. The Sickle Assemblage from the Late Bronze Age Settlement Panagia 1 (Taman Peninsula): Interdisciplinary Study 146

SCYTHIAN ANTIQUITIES

Valchak S. B. Postmortem Neighborhood: Early Scythian Secondary Graves in the Meta-Structure of Kurgan Sites 163
Volodin S. A., Shevchenko A. A. One Type of Bridle Plaques from the Scythian Period 193
Lukpanova Ya. A., Seitov A. M., Antonov M. A. The Warrior's Grave of the 5th Century BC in Western Kazakhstan (Urysai-2, kurgan 14) 209
Maslov V. E. Revisiting the Origin of Early Scythian «Tent-roofed» Funerary Constructions in the North Caucasus 222
Firsov K. B., Strokov A. A. The Endpiece in the Form of a Wild Boar Head Dating to the Roman Period from the «Golden Cemetery»: Historical Context and Scientific Research 242
Shkriblyak I. I. Scythian Antiquities of Central Crimea in the 5th–4th Centuries BC: Studies of the Recent Decades 257

PROCEEDINGS OF THE SCIENTIFIC CONFERENCE «TOPICAL PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY OF THE FOREST ZONE OF EASTERN EUROPE IN THE GREAT MIGRATION AND ANCIENT RUSSIAN PERIODS» (MOSCOW, NOVEMBER 29–30, 2023)

Vorontsov A. M., Khomyakova O. A. Introduction 275
Vorontsov A. M., Stolyarov E. V. The Barybinka Treasure of the Second Half of the 1st – early 2nd Centuries (preliminary publication) 280

Radyush O. A. The Weapons and Horse-Riding Gear of «Western» Origin in the Middle Oka Region from the Second – Third Centuries and Their Cultural and Historical Context 296
Begunova V. V., Lopatin N. V. New Results of the Demidovka Ceramic Studies 319
Khomyakova O. A. Sambian-Natangian Bracelets with Broadened Ends from the 4th–5th Centuries 330

MEDIEVAL ANTIQUITIES

Pismarova A. V. Pendants and Large Glass Beads from the Uvek Fortified Settlement of the Golden Horde Period in the Lower Volga region 348
Men'shikov M. Yu., Voloshinov A. A. Burials with the Funerary Offerings from the Muslim Kyrk-Azyzler Cemetery (Republic of Crimea) 361
Boldin I. V., Zaitsev V. V., Shaposhnik V. G. The «Severian» Coin with the «Prince's Sign» and Juchid Coins with Early Russian Countermarks Found in the Territory of the Lyubutsk Settlement Site 379
Grinev A. M., Singh V. K. The Wooden Component of the 11th Century Cart from Excavations in Velikiy Novgorod 391
Panchenko K. I. Glazed Ceramic Vessels from the Excavations in the Moscow Kremlin in 2019–2021 406

CHURCH ARCHAEOLOGY

Shungina S. E. Traces of Development of the Prechistenskiy Churchyard in Tikhvin before Its First Chronicle Mention (Archaeological Data) 416
Vasil'eva E. E., Chechyotkina O. Yu. The Cemetery at the Transfiguration Church in Borovsk: Archaeological and Anthropological Aspects 436
Shakhnovich M. M., Reshetova I. K. The Grave in the Church of the Kandalaksha Monastery: Revisiting the Issue Relating to Topography of High Status Graves in the Churches of the Russian North in the Late Middle Ages 450
Belyaev L. A., Korzinin A. L., Grigoryan S. B. The Grave of Ivan Martemyanovich Ganus († 1552) in the Basement of the Cathedral of Our Lady of Smolensk in the Novodevichy Convent 468

ABBREVIATIONS 479
SUBMISSION GUIDE 482

А. В. Колесник, А. Ю. Данильченко, К. Н. Гаврилов, Ю. Н. Зоров,
В. В. Титов, Е. А. Константинов, П. Г. Панин, П. Д. Фролов, Н. В. Сычев

НИКОЛАЕВО-ОТРАДНОЕ-III – МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА НА БЕРЕГУ МИУССКОГО ЛИМАНА (СЕВЕРНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ АЗОВСКОГО МОРЯ)[1]

Резюме. В статье рассматриваются материалы нового памятника палеолита, выявленного в 2020 г. на правом берегу Миусского лимана недалеко от его устья на южной окраине с. Николаево-Отрадное Неклиновского района Ростовской области. Культурные остатки были обнаружены на двух участках пляжа и включали разновременные находки, в том числе изделия раннего, среднего и позднего палеолита (местонахождения Николаево-Отрадное II и III). На местонахождении Николаево-Отрадное III в результате зачистки в 2022 и 2023 гг. участка берегового обрыва высотой до 10 м удалось установить сложную стратиграфию лёссовых пород позднего плейстоцена и выявить горизонты, откуда происходят каменные изделия и кости животных. Вводится в научный оборот комплекс среднего палеолита этого памятника. На пляже в районе берегового обнажения найдены нуклеусы, скребло, отщепы среднепалеолитического облика. В зачистке обнаружены кремневые изделия среднего палеолита вместе с костями животных. Они залегают на значительной глубине внутри гидроморфного варианта салынской палеопочвы мезинского педокомплекса (МИС 5e). Среди находок в слое – скребла, сколы разных типов, нуклеус с торцовым рабочим фронтом. Фауна представлена ископаемыми формами плейстоценового осла, гигантского оленя и степного бизона. Обращается внимание на наличие в слое палеопочвы нуклеуса с признаками позднепалеолитической техники расщепления. Находка сопоставляется с торцовыми нуклеусами ряда среднепалеолитических памятников Западной Европы, существовавших в период МИС 5c. Для европейских индустрий такого типа характерно сочетание компонентов среднего и позднего палеолита.

Ключевые слова: средний палеолит, Северо-Восточное Приазовье, каменные орудия, МИС 5e, нуклеус с торцовым расщеплением.

[1] Работа выполнена в рамках государственного задания (№ госрегистрации НИР 124012400356-4). Палеопочвенные и литологические исследования выполнены в рамках проекта РНФ № 21-77-10104 (Е. А. Константинов и П. Г. Панин), палеонтологические исследования осуществлялись в рамках проекта РНФ № 23-17-00232 (В. В. Титов).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.275.7-22

Введение

Систематическое исследование памятников среднего палеолита Северо-Восточного Приазовья ведется на протяжении почти вековой истории (*Данильченко*, 2022). Накоплен весьма значительный материал. Опорными памятниками региона следует признать стоянки и местонахождения Рожок-I (*Праслов*, 1968. С. 64–93), Носово-I (*Праслов*, 1972, *Щелинский,* 1999), Марьева Гора (*Данильченко и др*., 2020) и др. В последние годы наблюдается активизация полевых работ в данном регионе (*Очередной и др.*, 2018а; 2018б). Местонахождения на южной окраине с. Николаево-Отрадное (Неклиновский район, Ростовская область) на берегу Миусского лимана были обнаружены Ю. Н. Зоровым в 2020 г. Они известны по предварительным публикациям (*Колесник и др*., 2021; 2023б). Цель настоящей публикации – введение в научный оборот материалов комплексного исследования местонахождения Николаево-Отрадное-III по результатам работ 2022 и 2023 гг.

Местонахождения Николаево-Отрадное-II (далее НО-II) и III (далее НО-III) расположены на правом берегу лимана в 5 км от морского побережья (рис. 1: *1, 2*). На этом размытом абразией участке берега лимана высотой около 10–12 м обнажены субаквальные и субаэральные отложения возрастом до ~ 350 тыс. лет со значительными перерывами в осадконакоплении. На северной окраине села в основании берегового разреза обнажаются верхнемиоценовые известняки. На пункте НО-II вскрыты лиманные отложения, перекрытые предположительно каменским педокомплексом (МИС 7) и более поздними лёссами. Под этим педокомплексом в почвенном делювии и в верхах лагунных отложений лимана в гравийных прослоях отмечены археологические остатки (*Колесник и др.*, 2023б). Разрез пункта НО-III фактически надстраивает разрез пункта НО-II.

Стратиграфия

Местонахождение НО-III приурочено к району береговому обнажению, где в стенке вскрывается разрез палеобалки (рис. 2: *1*). Зачистка этого участка в 2022–2023 гг. была доведена до уровня воды в лимане, нижележащие отложения (ниже 10.0 м) пробурены (табл. 1).

Таблица 1. Основные литолого-стратиграфические подразделения местонахождения НО-III по данным исследований 2022–2023 гг.

Современный чернозем обыкновенный

Сл. 1. гор. Ap (0,0–0,6/0,6 м)	–	легкий суглинок, темно-серый с буроватым оттенком, зернистый, рыхлый, включения битого кирпича.
Сл. 2. гор. B (0,6–1,2/0,6 м)	–	средний суглинок, серый с редкими темно-серыми пятнами, редкие карбонатные новообразования в виде рыхлых стяжений, присутствует белесая присыпка.
Сл. 3. гор. BC (1,2–2,0/0,8 м)	–	легкий суглинок, светло-палевый, видна белесая карбонатная присыпка, в слой по корнеходам и трещинам проникает темно-серый гумусированный материал из вышележащего слоя.

Окончание табл. 1

Слаборазвитая интерстадиальная палеопочва брянского интервала (МИС 3)

Сл. 4. (2,0–3,3/1,3 м) – легкий суглинок, палевый с буроватым оттенком, плотный, свежий, пористый, есть карбонатные конкреции Ø до 1 см. Слой пронизан современными корнеходами. Граница слоя волнистая, переход ясный.

Уровень интерстадиального почвообразования (МИС 5а–?)

Сл. 5. (3,3–4,4/1,1 м) – средний суглинок, желтовато-бурый с гумусированными пятнами, пористый, местами – неясно слоистый. Граница наклонная, переход резкий по цвету.

Крутицкая интерстадиальная почва (МИС 5с)

Сл. 6. гор. АВ (4,4–6,0/1,6 м) – средний суглинок, светло-бурый с гумусовыми пятнами и затеками в нижней части профиля, слабо пористый, редкие карбонатные конкреции неправильной неправильной формы. На глубине 5,3 м отмечен горизонт из нескольких мелких фрагментов костей животных и кремневой чешуйки. Переход резкий, граница волнистая.

Сл. 7. гор. В (6,0–6,4/0,4 м) – легкий суглинок, палевый, неясно слоистый, с редкими темными гумусированными пятнами, с рассеянными пылеватыми карбонатами (лёссовый дериват; делювий, слабопереработнанный почвообразованием). Переход резкий, граница волнистая. Внизу встречены редкие переотложенные культурные остатки в виде небольших линз.

Салынская межледниковая палеопочва (МИС 5е)

Сл. 8. гор. А (6,4–7,5/1,1 м) – средний суглинок, темно-серый с буроватым оттенком, зернистый, местами неясная слоистость, включения кристаллов гипса по корнеходам Ø до 1–3 см, редкие карбонатные новообразования. Переход постепенный, граница языковатая. В слое зафиксированы переотложенные фаунистические остатки и кремневые изделия среднего палеолита.

Сл. 9. гор. В (7,5–8,7/1,2 м) – средний суглинок, светло-бурый с сизоватым оттенком, в верхней части с пятнами и затеками, в нижней – массивный. Переход постепенный, граница языковатая.

Палеопочва каменского педокомплекса (?) (МИС 7)

Сл. 10. (8,7–9,6/0,9 м) – средний суглинок, серо-бурый слабогумусированный пятнистый (темно-серые пятна). Переход постепенный, граница языковатая.

Сл. 11. (9,6–11,0/1,4 м) – средний суглинок, желто-бурый, пятнистый, слабогумусированный. Переход постепенный, граница языковатая.

Сл. 12 (11,0–12,0/1,0 м) – легкий суглинок, палево-желтый с бурыми и серыми пятнами (переходный горизонт к субаквальным отложениям). Переход резкий, граница ровная.

Лагунные отложения

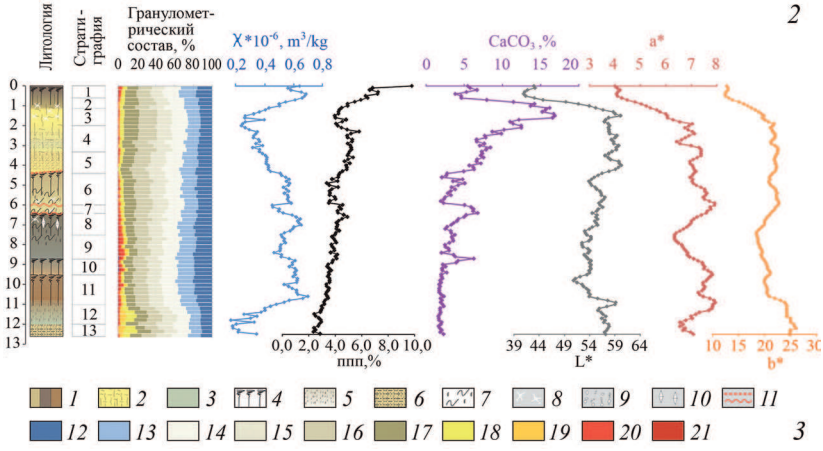
Сл. 13 (12,0–12,6/0,6 м) – горизонтальное переслаивание суглинка легкого серого и супеси желто-серой. Мощность прослоев 5–15 мм.

Миусский лиман
Николаево-Отрадное
Таганрогский залив

1

НО III
НО II

2


Литология
Страти-графия
Гранулометрический состав, %
0 20 40 60 80 100
χ*10⁻⁶, m³/kg
0,2 0,4 0,6 0,8
CaCO₃,%
0 5 10 15 20
a*
3 4 5 6 7 8
0,0 2,0 4,0 6,0 8,0 10,0
ппп,%
39 44 49 54 59 64
L*
10 15 20 25 30
b*
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11
12 13 14 15 16 17 18 19 20 21

3

В основании вскрытой осадочной толщи залегают водноосадочные слоистые алевриты (слой 13), имеющие, вероятно, лагунное происхождение. В слое 13 наблюдается повышенное содержание песка, низкое содержание ила, низкие значения ППП и карбонатности, минимальные значения магнитной восприимчивости.

Вышележащая субаэральная пачка имеет мощность ~ 12 м. Нижний педокомплекс (слои 10–11) состоит из двух палеопочв буроватого цвета. Материал имеет высокие значения магнитной восприимчивости, сравнительно высокое содержание илистой фракции, повышенное содержание среднего песка, невысокую карбонатность, умеренные значения ППП, выраженный темно-бурый оттенок. Следов резких эрозионных границ и склонового переотложения материала не обнаружено. Вероятно, во время формирования педокомплекса балка еще не была сформирована. Опираясь на сопоставление со строением ЛПС опорных разрезов Приазовья (*Velichko et al.,* 2009; *Величко и др.*, 2012; *Mazneva et al.*, 2021; *Konstantinov et al.*, 2018; *Panin et al.*, 2018; 2023), данный педокомплекс можно предварительно соотнести с каменским (МИС 7).

Верхний педокомплекс (слои 5–9) имеет мощность 5,4 м и состоит из трех палеопочв. Залегающая в основании темно-серая палеопочва (слои 8–9) отличается повышенной мощностью гумусового горизонта (более 1 м) и признаками намыва. Эта палеопочва выстилает дно палеобалки, увеличивая свою мощность в районе тальвега. Материал из слоев 8–9 имеет высокие значения магнитной восприимчивости и ППП, умеренное содержание карбонатов, приуроченное к гор. В, умеренное содержание ила, повышенное содержание среднего песка, сравнительно низкие значения L*, a* и b* в слоях 8 и 9. Палеопочва слоев 8 и 9 перекрыта лёссовым дериватом (слой 7), т. е. склоновыми отложениями, выполняющими палеобалку. Слой 6 представлен светло-бурой палеопочвой, которая также имеет признаки намыва. Верхняя граница слоя 6 наклонная, имеет резкий эрозионный характер. Слой 5 представлен уровнем слабого побурения, которому соответствует слаборазвитая степная палеопочва. Палеопочвы слоев 5 и 6 имеют высокие значения a* и b*. В этих палеопочвах растет содержание карбонатов, но отмечаются низкие значения магнитной восприимчивости и содержания ила.

Уверенно прослеживается изменение морфологии верхнего педокомплекса (слои 5–9) вдоль стенки обрыва. Поднимаясь из палеобалки по склону наверх, палеопочвы сближаются. Нижняя намытая палеопочва замещается автоморфной

Рис. 1 (с. 10). Карта Миусского лимана с обозначением памятников (*1*). Локализация местонахождений Николаево-Отрадное-II (НО-II) и III (НО-III) (*2*). Литологическое строение и аналитические характеристики разреза НО-III (*3*)

Условные обозначения к литологическим колонкам: *1* – гумусированный суглинок; *2* – лёссовидный суглинок; *3* – глеевый суглинок; *4* – полно развитый почвенный профиль; *5* – слабо развитый почвенный профиль; *6* – переслаивание суглинка и супеси; *7* – признаки переотложения (комки, слоистость); *8* – рыхлые карбонатные стяжения; *9* – плотные карбонатные конкреции; *10* – кристаллы гипса; *11* – резкие эрозионные границы

Гранулометрические фракции (мкм): *12* – < *2*; *13* – *2–4*; *14* – 4–8; *15* – 8–16; *16* – 16–31; *17* – 31–63; *18* – 63–125; *19* – 125–250; *20* – 250–500; *21* – 500–1000

черноземовидной палеопочвой. Ее перекрывает менее мощная палеопочва бурого цвета, выше залегает слабовыраженная бледно-бурая палеопочва. Такое строение и стратиграфическая позиция верхнего педокомплекса позволяет коррелировать его с мезинским педокомплексом разреза Беглица (*Величко и др.*, 2012). Нижняя палеопочва рассматриваемого педокомплекса ассоциируется с межледниковой салынской (МИС 5e), средняя с интерстадиальной крутицкой (МИС 5c), верхняя – с интерстадиальной беглицкой (МИС 5a).

Слой 4, представленный слабым уровнем побурения, может быть предварительно отнесен к брянскому уровню почвообразования (МИС 3). Слой 3 представлен светло-палевым лёссовидным суглинком, который сформировался в поздневалдайское время (МИС 2). Венчает разрез чернозем обыкновенный (МИС 1), в гумусовом горизонте которого наблюдается повышенная илистость, высокие значения ППП, низкие значения L*, a* и b*. Для гор. В установлены максимальные значения карбонатности – до 17 % и высокие значения светлоты (L*).

В интервале от 2 до 6 слоя диаграмма гранулометрического состава (рис. 1: *3*) показывает типичное для эоловых лёссов преобладание фракции крупных алевритов (40–70 %), весьма высокую сортировку по размерам частиц. В слоях 7–9 наблюдается значительный рост мелкого и среднего песка. Наличием гумусированных комков и эрозионных границ позволяет предположить, что слои 7–9 представляют собой балочное заполнение, представленное лёссовым дериватом – т. е. продуктом склонового переотложения лёссово-почвенной серии. Рост песка в основании толщи (слои 12–13) знаменует переход к подстилающим субаквальным отложениям. Изменения глинистой фракции в палеопочвах в целом согласуется с графиком изменения магнитной восприимчивости и светлотой осадка (L*).

Тафономическая модель накопления культурных остатков

Переотложенные в древности культурные остатки сосредоточены в осевой части балочного заполнения. Переотложение размытых остатков стоянки происходило одновременно с аккумуляций мелкозема в зоне небольшой линейной депрессии. Культурные остатки залегают вперемешку с обломочным материалом (не окатанные обломки известняка) и концентрируются в тальвеге небольшой балки, что указывает на участие водного потока в генезисе этих отложений, сепарацию наиболее тяжелой фракции переносимого материала в «русловой» фации отложений. Заполнение депрессии происходило длительное время, поэтому переотложенные культурные остатки сконцентрировались по тальвегу промоины в виде своеобразной «жилы», залегающей наклонно в сторону лимана согласно геометрии балки. Подобная тафономическая модель накопления фаунистических остатков отмечена на местонахождении у г. Антрацит в Центральном Донбассе (*Кротова и др.*, 1996). Здесь фиксируется своеобразная «лента» перенесенных водным потоком фаунистических остатков по тальвегу глубокой балки мощностью до 8 м. Расположение фаунистических остатков данного объекта было обусловлено последовательным наложением тальвегов различной генерации. Переотложенные культурные остатки местонахождения НО-III в крутицкой и салынской палеопочвах отлагались подобным образом, их следует датировать

временем накопления делювия салынской палеопочвы (МИС 5-е), ее заключительной стадией. Основное количество находок концентрируется на этом уровне. Перенос размытых культурных остатков разрушаемой эрозией стоянки был завершен в начале накопления делювия крутицкой палеопочвы (МИС S 5c).

Фауна

В ходе работ 2022–2023 гг. была собрана коллекция из 103 образцов фауны. Определимыми до рода и вида оказалось 19 находок, остальные из-за сильной степени фрагментации можно определить только как принадлежащие копытным среднего и крупного размера. Большая часть костей, вероятно, была расколота с целью получения костного мозга. Наличие фрагментов черепов лошади и бизона указывает на разделку их для получения головного мозга животных. Многие кости имеют следы выветривания, что свидетельствует об их длительном нахождении на поверхности почвы до захоронения.

Определимые находки (кости дистальных частей конечностей, зубы) принадлежат плейстоценовому ослу *Equus hydruntinus* (Regalia, 1907) (26 % определимых находок), носорогу Rhinocerotidae gen. (фрагмент корня зуба, вероятно, *Coelodonta*), степному бизону *Bison priscus* (Bojanus, 1827) (63 % находок) и гигантскому оленю *Megaloceros giganteus* (Blumenbach, 1799). В целом, эти животные были характерны для фаун конца среднего и всего позднего плейстоцена. Остатки *E. hydruntinus* ограничивают временной отрезок формирования местонахождения поздним плейстоценом.

Вся представленная в коллекции фауна млекопитающих связана с охотничьей деятельностью древнего человека в исследуемом регионе (*Байгушева, Титов*, 2007). Остатки крупных копытных представлены преимущественно обломками трубчатых костей конечностей (плечевые, локтевые, лучевые, большеберцовые, метаподии), а также отдельными фрагментами лопаток, позвонков, ребер, фаланг, костей запястья и заплюсны, зубов. Минимальное количество особей – по одному на каждый из таксонов. Состав фауны указывает на наличие открытых пространств степного типа (находки плейстоценового осла, плейстоценового бизона) и участков разреженного леса и зарослей кустарников (носорог и гигантский олень), располагавшихся на берегу пресноводного водоема (остатки раковины перловицы).

В зачистке салынской почвы на глубине 7,30 м найдены единичные створки пресноводного моллюска перловицы *Unio* (*Crassiana*) ex gr. *crassus* (Philipsson, 1788). Происхождение этих раковин в культуросодержащем горизонте может быть двояким. В качестве ближайшей аналогии можно привести скопление правых створок пресноводных моллюсков близкого вида *Unio* ex gr. *tumidus* в культурном слое 5 стоянки Рожок-I, вероятно, связанных с пищевым поведением обитателей стоянки.

Среди остатков фауны, залегающих в палеопочве, выделяется небольшой сегмент медиальной части трубчатой кости крупного копытного животного в виде пластины с поперечно усеченными концами (рис. 2: *8*). Размеры предмета: 74 × 25 × 10 мм. Поверхность окатанная. Внутренняя поверхность пластины соответствует естественной трещине, т. е. пластина является фрагментом более

Рис. 2. Вид на местонахождение Николаево-Отрадное-III в 2021 г. (1). Верх зачистки 2023 г. (2). Кремневые изделия (3–7), костяной предмет (8) из делювия палеопочвы МИС 5е

крупного предмета с цилиндрической поверхностью. Поперечное усечение фрагментов трубчатых костей нехарактерно для их дробления с целью добычи костного мозга (*Колесник и др.*, 2023а). Поэтому нельзя исключить вероятность искусственной модуляции данного предмета.

Кремневые изделия

Коллекция кремневых изделий местонахождения происходит из делювия ископаемых палеопочв и сборов на пляже лимана. Из суглинка происходят 27 кремней (табл. 2). Сырье – темно-серый кремень мелового происхождения. Все изделия слегка окатанные, основная часть покрыта тонкой белой патиной.

Таблица 2. Местонахождение Николаево-Отрадное-III. Состав коллекции кремневых изделий из зачистки

№	Тип изделий	Всего
	чешуйки	5
	отщепы размерами 1-3 см вторичные	7
	отщепы размерами 1-3 см с участками корки	3
	отщеп размерами 4 см с участками корки	1
	отщепы пластинчатые, с фасетированной площадкой	2
	краевые сколы с нуклеусов	2
	скол формирования орудия	1
	нуклеус	1
	изделия с вторичной обработкой	4
	обломок кремня	1
Всего		27

Нуклеус остаточный двуплощадочный торцовый, с фасетированными площадками, арковидной тыльной стороной с участками корковой поверхности, боковые участки сформированы негативами продольных сколов (рис. 2: *5*). Скалывание производилось т. н. «твердым» отбойником, судя по рельефу негативов ударного бугорка. Выделяются также краевые сколы с нуклеусов с продольно-поперечной огранкой, отщеп с фасетированной площадкой (рис. 2: *3*), скол формирования орудия с изогнутым профилем, с точечной площадкой и продольно-поперечной огранкой. Среди орудий выделяются типичные изделия среднего палеолита: угловатое скребло из отщепа с широкой грубо фасетированной площадкой (рис. 2: *4*) и утраченной вершиной; фрагмент продольного скребла на тонком отщепе (рис. 2: *6*); фрагмент орудия с конвергентным лезвием и вентральным утончением базальной части; остроконечник с альтернативной обработкой из мелкого тонкого отщепа (рис. 2: *7*).

В подъемном материале на пляже шириной около 10 м к среднему палеолиту относятся 17 кремней аналогичной степени сохранности (табл. 3). Все изделия имеют относительно крупные размеры. Видимо, более мелкая фракция выпавших из обрыва кремней была снесена прибойной волной вглубь водоема. В береговом обнажении непосредственно над пляжем следы культурного слоя не отмечены.

Таблица 3. Местонахождение Николаево-Отрадное-III.
Состав коллекции кремневых изделий из сборов на пляже лимана

№	Тип изделий	Всего
	отщепы размерами 3–5 см вторичные	2
	отщеп размерами 6 см с участками корки	1
	отщепы пластинчатые	3
	пластина	1
	скол формирования орудия	1
	отщеп с ретушью	1
	нуклеусы	7
	изделие с вторичной обработкой	1
Всего		17

Кремневые изделия относятся к классическим для регионального среднего палеолита типам. Нуклеусы представлены двумя кубовидными (рис. 3: *4*) и одноплощадочным (рис. 3: *5*) образцами в начальной стадии расщепления, двумя нуклеусами с радиально-дисковидным расщеплением (рис. 3: *2*), образцом с веерообразной системой сколов (новый), нуклеусом с уплощенным рабочим фронтом и тремя площадками (рис. 3: *7*). Среди сколов выделяются скол формирования орудия (рис. 3: *3*), массивная пластина, крупный полупервичный скол с фасетированной площадкой (рис. 3: *6*). Крупное скребловидное орудие напоминает нож носовского типа, по В.Е. Щелинскому (*Щелинский*, 1999), с интенсивной сработанностью условной лезвийной кромки (рис. 3: *1*).

Обсуждение материалов и заключение

Тафономический анализ условий залегания культурных остатков указывает на их переотложение в тальвег промоины небольшой балки на берегу древнего водоема после длительного экспонирования на дневной поверхности. По стратиграфическим критериям, археологические материалы датируются временем накопления делювия палеопочвы МИС 5e. Процесс переноса остатков был завершен в начале накопления палеопочвы МИС 5c.

Видовой состав промысловой фауны местонахождения НО-III близок фауне стоянки Рожок-I, что отражает общность экологической обстановки в период

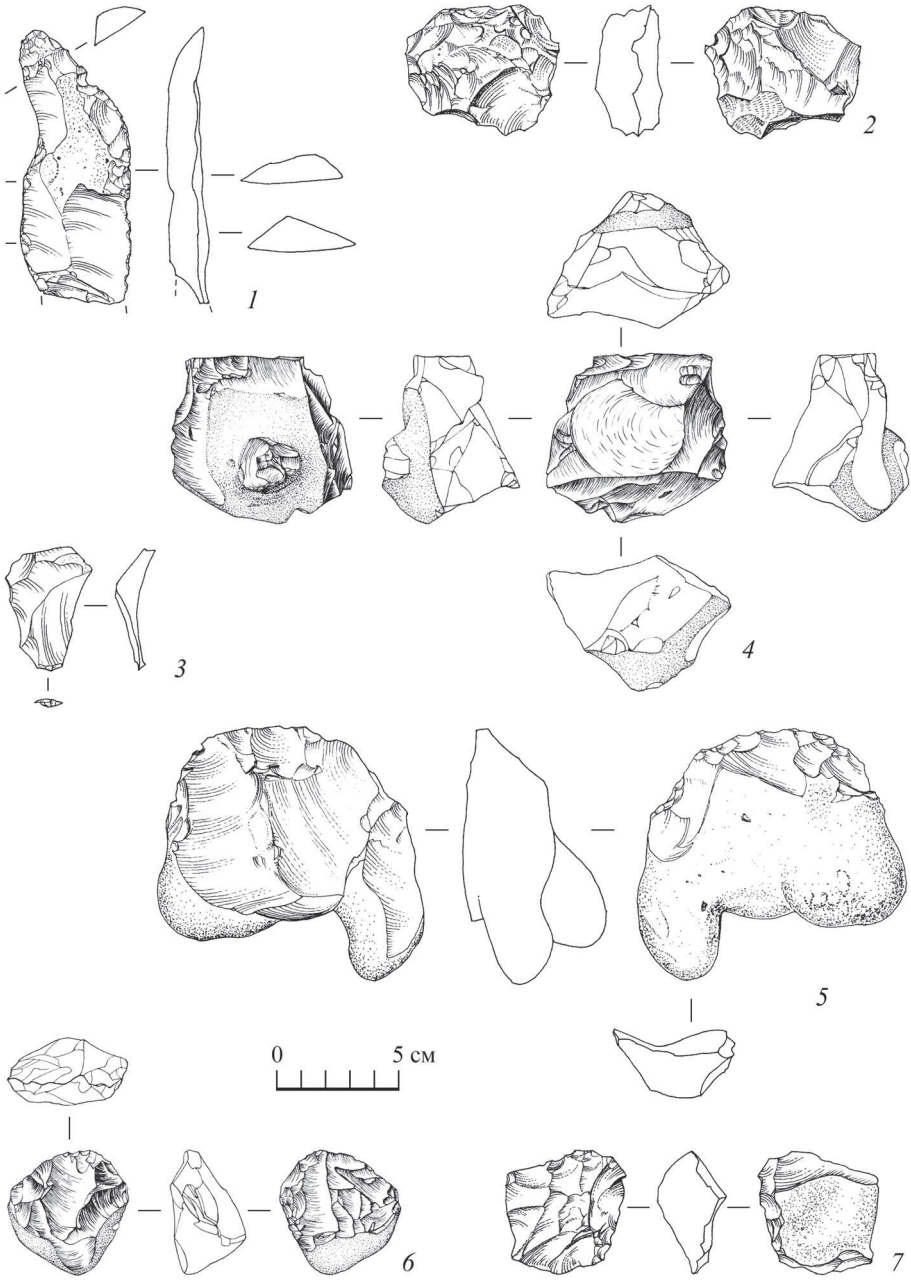


Рис. 3. Местонахождение Николаево-Отрадное-III, сборы на пляже (*1–7*)

существования стоянок. Степень фрагментации костей животных местонахождения НО-III указывает на высокую интенсивность переработки зооресурсов.

Коллекция кремневых изделий из балочного заполнения небольшая, но весьма показательная. Кроме обычных изделий среднего палеолита, обращает на себя внимание сработанный нуклеус с торцовым фронтом, близкий позднепалеолитическим образцам. Среднепалеолитические пластинчатые технологии первичного расщепления в ассоциации с орудиями среднепалеолитических и позднепалеолитических типов представлены на Европейском континенте комплексами в Западной Европе, в Крыму (*Чабай*, 2004), на Донбассе. В плане культурной таксономии эти индустрии не образуют гомогенную группу. Основное количество таких памятников находится на севере Франции и в Бельгии, большинство из них существовало в пределах МИС 5c (*Van Vliet-Lanoe et al.*, 1993. Fig. 80; *Revillon*, 1994. Fig. 10). На юге Восточной Европы, на Донбассе, известна стоянка Курдюмовка со сходным набором каменного инвентаря и с той же датировкой в пределах МИС 5c (*Колесник*, 2003. С. 152). Находка в делювии салынской палеопочвы местонахождения НО-III остаточного торцового двуплощадочного нуклеуса (резца?) позднепалеолитического облика хорошо вписывается в эту группу памятников, но имеет пока что самую раннюю для юга Русской равнины датировку в пределах морской изотопной стадии 5e.

Активная эрозия берега лимана и прилегающих участков морского побережья открывают перспективу обнаружения новых памятников среднего палеолита, погребенных на большой глубине.

ЛИТЕРАТУРА

Байгушева В. С., Титов В. В., 2007. Природная среда и условия жизни охотников на зубров в Приазовье // Вестник антропологии. Вып. 15. С. 113–119.

Величко А. А. и др., 2012. Становление зоны степей юга России (по материалам строения лёссово-почвенной формации Доно-Азовского региона) // Доклады Академии наук. Т. 445. № 4. С. 464–464.

Данильченко А. В., Колесник А. В., Очередной А. К., Зоров Ю. Н., 2020. Марьева Гора – памятник среднего палеолита в Северо-Восточном Приазовье // SP. № 1. С. 201–224.

Данильченко А. Ю., 2022. История изучения среднего палеолита Северо-Восточного Приазовья и нижнего течения р. Северский Донец // SP. № 1. С. 387–413.

Колесник А. В., 2003. Средний палеолит Донбасса. Донецк: Лебедь. 294 с. (Археологический альманах; вып. 12.)

Колесник А. В., Зоров Ю. Н., Данильченко А. Ю., Константинов Е. А., Титов В. В., 2021. Новые памятники раннего и среднего палеолита в Северо-Восточном Приазовье // Верхний палеолит Европы: время культурных новаций: Междунар. науч. конф. / Ред. С. А. Васильев и др. СПб.: ИИМК РАН. С. 93–95.

Колесник А. В., Гиря Е. Ю., Данильченко А. Ю., Титов В. В., Олих О. Г., Очередной А. К., 2023а. Костяные изделия со стоянки среднего палеолита Рожок I (культурный горизонт VI) в Северо-Восточном Приазовье // SP. № 1. С. 101–128.

Колесник А. В., Зоров Ю. Н., Данильченко А. Ю., Титов В. В., Константинов Е. А., Фролов П. Д., Сычев Н. В., 2023б. Николаево-Отрадное II – новый памятник раннего и среднего палеолита в Северо-Восточном Приазовье // АЭАЕ. Т. 51. № 3. С. 25–31.

Кротова А. А., Герасименко Н. П., Белан Н. Г., Колесник А. В., 1996. Позднеплейстоценовое палеонтологическое местонахождение у г. Антрацита Луганской области // Археологический альманах. № 4. Донецк. С. 7–14.

Очередной А. К., Воскресенская Е. В., Степанова К. Н., Вишняцкий Л. Б., Нехорошев П. Е., Ларионова А. В., Зарецкая Н. Е., Блохин Е. К., Колесник А. В., 2018а. Комплексные геоархеологические исследования среднепалеолитических памятников Русской равнины // Записки ИИМК РАН. № 17. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 74–83.

Очередной А. К., Степанова К. Н., Нехорошев П. Е., Колесник А. В., Зоров Ю. Н., 2018б. Исследование памятников палеолита в Ростовской области РФ в 2018 г. // Донецкие чтения – 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы III Междунар. науч. конф. (25 октября 2018 г.). Т. 7. Донецк: Донецкий нац. ун-т. С. 202–204.

Праслов Н. Д., 1968. Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона. Л.: Наука. 164 с.

Праслов Н. Д., 1972. Мустьерское поселение Носово I в Приазовье // МИА. № 185. Л. С. 75–82.

Чабай В. П., 2004. Средний палеолит Крыма. Киев: Шлях. 323 с.

Щелинский В., 1999. Каменная индустрия Носово I в Приазовье: технологический аспект // Археологический альманах. № 8. Донецк. С. 109–128.

Konstantinov E. A., Velichko A. A., Kurbanov R. N., Zakharov A. L., 2018. Middle to Late Pleistocene topography evolution of the North-Eastern Azov region // QI. Vol. 465. Part A. P. 72–84.

Mazneva E. et al., 2021. Middle and Late Pleistocene loess of the Western Ciscaucasia: Stratigraphy, lithology and composition // QI. Vol. 590. P. 146–163.

Panin P. G., Timireva S. N., Morozova T. D., Kononov Yu. M., Velichko A. A., 2018. Morphology and micromorphology of the loess-paleosol sequences in the south of the East European plain (MIS 1 – MIS 17) // CATENA. Vol. 168. P. 79–101.

Panin P., Kalinin P., Filippova K., Sychev N., Bukhonov A., 2023. Paleo-pedological record in loess deposits in the south of the East European plain, based on Beglitsa-2017 section study // Geoderma. Vol. 437. 116567.

Revillon S., 1994. Les industries laminaire du Paléolithique moyenn en Europe septrionale. L'Exemple des gisements de Saint-Germain-des-Vaux. Port-Racine (Manche), de Seclin (Nord) et de Riencourt-lès-Bapaume (Pas-de-Calais). Lille: Université des sciences et technologies de Lille. 188 p. (Publications du Centre d'Études et de Recherches Préhistoriques; 5.)

Van Vliet-Lanoe B., Tuffreau A., Cliquet D., 1993. Position stratigraphique des industries à lames du Paléolithique moyen en Europe occidentale // Riencourt-lès-Bopaume (Pas-de-Calais). Un gisement du Paléolithique moyen / Dir. A. Tuffreau. Paris: Maison des sciences de l'homme. P. 104–106. (Documents d'archéologie française; № 37.)

Velichko A. A., Catto N. R., Kononov M. Yu., Morozova T. D., Novenko E. Yu., Panin P. G., Ryskov G. Ya., Semenov V. V., Timireva S. N., Titov V. V., Tesakov A. S., 2009. Progressively cooler, drier interglacials in southern Russia through the Quaternary: Evidence from the Sea of Azov region // QI. Vol. 198. Iss. 1–2. P. 204–219.

Сведения об авторах

Колесник Александр Викторович, Донецкий государственный университет, ул. Университетская, 24, Донецк, 283001, ДНР, Россия; e-mail: akolesnik2007@mail.ru;

Данильченко Алексей Юрьевич, Каменский музей декоративно-прикладного искусства и народного творчества, пр. Карла Маркса, 56, Каменск Шахтинский, Ростовская обл., 347811 Россия; e-mail: adanil4enko@ya.ru;

Гаврилов Константин Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: k_gavrilov.68@mail.ru;

Зоров Юрий Николаевич, Донское наследие, ул. Нижнебульварная, 29, Ростов-на-Дону, 344022, Россия; e-mail: zoroff.yura@yandex.ru;

Титов Вадим Владимирович, Южный научный центр РАН, пр. Чехова, 41, Ростов-на-Дону, 344022, Россия; e-mail: vvtitov@yandex.ru;

Константинов Евгений Александрович, Институт географии РАН, Старомонетный пер., 29, стр. 4, Москва, 119017, Россия; e-mail: eakonstantinov@yandex.ru;

Панин Павел Геннадьевич, Институт географии РАН, Старомонетный пер., 29, стр. 4, Москва, 119017, Россия; e-mail: pgpanin@igras.ru;

Фролов Павел Дмитриевич, Геологический институт РАН, Пыжевский пер., 7, стр. 1, 119017, Россия; e-mail: pavlentiy987@mail.ru;

Сычев Никита Владиславович, Институт географии РАН, Старомонетный пер., 29, стр. 4, Москва, 119017, Россия; e-mail: nvsychev25@igras.ru

A. V. Kolesnik, A. Yu. Danilchenko, K. N. Gavrilov, Yu. N. Zorov,
V. V. Titov, E. A. Konstantinov, P. G. Panin, P. D. Frolov, N. V. Sychev

NIKOLAEVO-OTRADNOE-III – SITE OF THE MIDDLE PALEOLITHIC ON THE SHORE OF THE MIUSSKY ESTUARY (NORTHERN COAST OF THE AZOV SEA)

Abstract. The article examines the materials of a new Paleolithic site identified in 2020 on the right bank of the Miussky estuary near its mouth on the southern outskirts of the village of Nikolaevo-Otradnoe in the Neklinovsky district, Rostov region. Cultural remains were found at two sites on the beach and included finds of different times, including products of the Early, Middle and Late Paleolithic (the sites of Nikolaevo-Otradnoe II and III). At the site of Nikolaevo-Otradnoe III as a result of the cleanup in 2022 and 2023 of a section of a coastal cliff up to 10 m high. It was possible to establish a complex stratigraphy of loess rocks of the Late Pleistocene and identify the horizons from which stone products and animal bones originate. The complex of the Middle Paleolithic of this site is being introduced into scientific circulation. Cores, scrapes, and flakes of the Middle Paleolithic appearance were found on the beach in the area of the coastal outcrop. In the stripping, flint products of the Middle Paleolithic, together with animal bones, and mollusks' shells, were found at a considerable depth in the gully filling of the Salyn interglacial paleosol of the Mezin pedocomplex (MIS 5e). Among the finds in the layer are scrapers, chips of various types, a core with an end working front. The fauna is represented by fossil forms of Pleistocene ass, giant deer and steppe bison. Attention is drawn to the presence of a cores in the interglacial paleosol layer with signs of Late Paleolithic cleavage technique. The find is compared with the cores with an end working front of a number of Middle Paleolithic sits of Western Europe that existed during the period of the MIS 5c. For European industries of this type, a combination of components of the Middle and Late Paleolithic is characteristic.

Keywords: Middle Paleolithic, North-Eastern Azov Sea region, stone tools, MIS 5e, cores with an end working front.

REFERENCES

Baygusheva V. S., Titov V. V., 2007. Prirodnaya sreda i usloviya zhizni okhotnikov na zubrov v Priazov'e [Natural environment and living conditions of aurochs hunters in Azov region]. *Vestnik antropologii [Bulletin of anthropology]*, 15, pp. 113–119.

Chabay V. P., 2004. Sredniy paleolit Kryma [Middle Palaeolithic of Crimea]. Kiev: Shlyakh. 323 p.

Danilchenko A. V., Kolesnik A. V., Ocherednoy A. K., Zorov Yu. N., 2020. Mar'eva Gora – pamyatnik srednego paleolita v Severo-Vostochnom Priazov'e [Mar'eva Gora – Middle Palaeolithic site in North-Eastern Azov region]. *SP*, 1, pp. 201–224.

Danilchenko A. Yu., 2022. Istoriya izucheniya srednego paleolita Severo-Vostochnogo Priazov'ya i nizhnego techeniya r. Severskiy Donets [History of study of the Middle Paleolithic of the Northeastern Azov region and lower reaches of the Severskiy Donets River]. *SP*, 1, pp. 387–413.

Kolesnik A. V., 2003. Sredniy paleolit Donbassa [Middle Palaeolithic of Donbass]. Donetsk: Lebed'. 294 p. (Arkheologicheskiy almanakh, 12.)

Kolesnik A. V., Girya E. Yu., Danilchenko A. Yu., Titov V. V., Olikh O. G., Ocherednoy A. K., 2023. Kostyanye izdeliya so stoyanki srednego paleolita Rozhok I (kul'turnyy gorizont VI) v Severo-Vostochnom Priazov'e [Bone items from Middle Paleolithic site Rozhok I (cultural horizon VI) in Northeastern Azov region]. *SP*, 1, pp. 101–128.

Kolesnik A. V., Zorov Yu. N., Danilchenko A. Yu., Konstantinov E. A., Titov V. V., 2021. Novye pamyatniki rannego i srednego paleolita v Severo-Vostochnom Priazov'e [New sites of Early and Middle Paleolithic in Northeastern Azov region]. *Verkhniy paleolit Evropy: vremya kul'turnykh novatsiy [Upper Paleolithic of Europe: a time of cultural innovations]*. S. A. Vasil'ev, ed. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 93–95.

Kolesnik A. V., Zorov Yu. N., Danilchenko A. Yu., Titov V. V., Konstantinov E. A., Frolov P. D., Sychev N. V., 2023. Nikolaevo-Otradnoe II – novyy pamyatnik rannego i srednego paleolita v Severo-Vostochnom Priazov'e [Nikolaevo-Otradnoe II – new monument of Early and Middle Paleolithic in Northeastern Azov region]. *AEAE*, vol. 51, no. 3, pp. 25–31.

Krotova A. A., Gerasimenko N. P., Belan N. G., Kolesnik A. V., 1995. Pozdnepleystotsenovoe paleontologicheskoe mestonakhozhdenie u g. Antratsita Luganskoy oblasti [Late Pleistocene paleontological location near Antratsit, Luhansk region]. *Arkheologicheskiy almanakh [Archaeological miscellany*], 4. Donetsk, pp. 7–14.

Ocherednoy A. K., Stepanova K. N., Nekhoroshev P. E., Kolesnik A. V., Zorov Yu. N., 2018a. Issledovanie pamyatnikov paleolita v Rostovskoy oblasti RF v 2018 g. [Research of Paleolithic sites in Rostov region, Russian Federation in 2018]. *Donetskie chteniya – 2018: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti: III konferentsiya [Donetsk readings 2018: education, science, innovation, culture and challenges of our time: III conference]*, vol. 7. Donetsk: Donetskiy natsional'nyy universitet, pp. 202–204.

Ocherednoy A. K., Voskresenskaya E. V., Stepanova K. N., Vishnyatskiy L. B., Nekhoroshev P. E., Larionova A. V., Zaretskaya N. E., Blokhin E. K., Kolesnik A. V., 2018b. Kompleksnye geoarkheologicheskie issledovaniya srednepaleoliticheskikh pamyatnikov Russkoy ravniny [Comprehensive geoarchaeological research of Middle Paleolithic sites of Russian Plain]. *Zapiski IIMK RAN [Notes of IIMK]*, 17. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 74–83.

Praslov N. D., 1968. Ranniy paleolit Severo-Vostochnogo Priazov'ya i Nizhnego Dona [Early Palaeolithic of the Northwestern Azov region]. Leningrad: Nauka. 164 p.

Praslov N. D., 1972. Must'erskoe poselenie Nosovo I v Priazov'e [Mousterian settlement Nosovo I in the Azov region]. *MIA*, 185, pp. 75–82.

Shchelinskiy V., 1999. Kamennaya industriya Nosovo I v Priazov'e: tekhnologicheskiy aspekt [Stone industry of Nosovo I in Azov region: technological aspect]. *Arkheologicheskiy almanakh [Archaeological miscellany]*, 8. Donetsk, pp. 109–128.

Velichko A. A. i dr., 2012. Stanovlenie zony stepey yuga Rossii (po materialam stroeniya lessovo-pochvennoy formatsii Dono-Azovskogo regiona) [Formation of steppe zone of southern Russia (based on materials of loess-soil formation structure of the Don-Azov region)]. *Doklady Akademii nauk [Reports of Academy of Sciences]*, vol. 445, no. 4, pp. 464–464.

About the authors

Kolesnik Aleksandr V., Donetsk State university, ul. Universitetskaya, 24, Donetsk, 283001, Donetsk People's Republic, Russian Federation; e-mail: akolesnik2007@mail.ru;

Danilchenko Aleksey Yu., Kamensk Museum of Decorative and Applied Arts and Folk Art, prosp. Karla Marksa, 56, Kamensk Shakhtinskiy, 347811, Russian Federation; e-mail: adanil4enko@ya.ru;

Gavrilov Konstantin N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: k_gavrilov.68@mail.ru;

Zorov Yuriy N., Donskoe Nasledie, ul. Nizhnebulvarnaya, 29, Rostov-na-Donu, 344022, Russian Federation, e-mail: zoroff.yura@yandex.ru;

Titov Vadim V., Southern Scientific Center Russian Academy of Sciences, prosp. Chekhova, 41, Rostov-na-Donu, 344022, Russian Federation, e-mail: vvtitov@yandex.ru;

Konstantinov Evgeniy A., Institute of Geography Russian Academy of Sciences, Staromonetny per., 29, bld. 4, Moscow, 119017, Russian Federation; e-mail: eakonstantinov@yandex.ru;

Panin Pavel G., Institute of Geography Russian Academy of Sciences, Staromonetny per., 29, bld. 4, Moscow, 119017, Russian Federation; e-mail: pgpanin@igras.ru;

Frolov Pavel D., Geological Institute Russian Academy of Sciences, Pyzhevsky per., bld. 1, Moscow, 119017, Russian Federation; e-mail: pavlentiy987@mail.ru;

Sychev Nikita V., Institute of Geography Russian Academy of Sciences, Staromonetny per., 29, bld. 4, Moscow, 119017, Russian Federation; e-mail: nvsychev25@igras.ru

А. М. Жульников, М. А. Кулькова, А. Ю. Тарасов

НОВЫЕ ДАННЫЕ АНАЛИЗА ИЗДЕЛИЙ ИЗ САМОРОДНОЙ МЕДИ С ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ КАРЕЛИИ[1]

Резюме. В статье публикуются данные, полученные в результате изучения геохимического состава серии медных предметов, обнаруженных на поселениях, относящихся к разным периодам энеолита Карелии. Результаты исследования позволили наметить четыре этапа в развитии металлообработки на территории региона и в освоении его рудной базы. Впервые удалось обнаружить свидетельства использования древним населением региона не только самородной меди с территории Заонежья, но и иных рудопроявлений, расположенных в южной части Карелии.

Ключевые слова: энеолит, медные изделия, рудная база, состав металла.

На территории Карелии обнаружено 265 медных предметов на 23 энеолитических памятниках: 143 экз. найдено на девяти стоянках с ромбоямочной керамикой; 106 экз. – на четырех поселениях с асбестовой керамикой типа Войнаволок; 10 экз. – на пяти стоянках с асбестовой керамикой типа Оровнаволок; 6 экз. – на пяти стоянках с асбестовой керамикой типа Палайгуба. Большая часть данных памятников расположена в бассейне Онежского озера и лишь три стоянки находятся в юго-западной части бассейна Белого моря. Поселения с ромбоямочной керамикой датированы радиоуглеродным методом 4000–3300 calBC; с керамикой типа Войнаволок – 3300–3100 calBC; с керамикой типа Оровнаволок – 3100–2500 calBC; с керамикой типа Палайгуба – 2500–1800 (1750) calBC (*Жульников, Тарасов*, 2021).

Исследования состава металлических изделий, обнаруженных на поселениях каменного века Финляндии и Северной Фенноскандии, показывают, что

[1] Исследования стоянки Фофаново XIII проводились А. Ю. Тарасовым в рамках выполнения госконтракта в рамках плановой научной темы сектора археологии ИЯЛИ КарНЦ РАН.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.275.23-38

они изготовлены из самородной меди (с незначительной долей естественных примесей или без них), видимо, карельского происхождения (*Hood, Helama*, 2010; *Nordqvist et al.*, 2012; *Kolpakov et al.*, 2021). Единственное исключение: медное изделие со стоянки Лиллбергет в Северной Швеции (с типичной гребенчатой керамикой начала IV тыс. до н. э.) (*Halen*, 1994) оказалось выплавлено из сульфидной руды (*Ikäheimo*, 2019. P. 102, 103), что требует дополнительного изучения, поскольку у ряда исследователей вызывает сомнение столь ранняя датировка найденных здесь металлических предметов (*Nordqvist et al.*, 2011). Изделия (видимо, из карельской меди), найденные на территории Фенноскандии, включают следующие категории: кинжал, имитирующий форму сланцевого, со стоянки Карлботнбаккен (*Hood, Helama*, 2010); пронизка из Харловки 1-6 (*Kolpakov et al.*, 2021. Fig. 9: *10*), кольцо с поселения Суоваара Полвиярви (*Ikäheimo*, 2019. Fig. 3: *b*), нож с черешком с Киерикки Оулу (Ibid. Fig. 3: *e*), рубящие орудия (тесло и долото) со стоянок Варрис и Куккосаари Суомуссалми (*Huggert*, 1996; *Ikäheimo*, 2019. Fig. 3: *a*) (рис. 1).

Проявления самородной меди, расположенные на довольно обширной территории Заонежской структуры, в Новое время подверглись интенсивной разработке (*Тимофеев*, 1934), поэтому поиск древних горных выработок оказался затруднен (*Журавлев*, 1975). В этой связи на первый план в выявлении на территории Фенноскандии источников сырья для производства медных изделий выходит изучение состава довольно многочисленной серии металлических предметов, обнаруженных на разновременных энеолитических поселениях Карелии.

Материалы

Исследованные медные предметы происходят с пяти стоянок, расположенных за пределами известных на территории южной части Карелии месторождений меди (рис. 1). Кроме того, был проанализирован состав медного дендрита с рудопроявления (рудника) «Береговое» на западном берегу Онежского озера.

Стоянка Оровнаволок (*Оровнаволок I*) открыта и частично раскопана Н. Н. Гуриной в 1939–1940 гг. XX в. (рис. 1: *1*). В раскопе (176 кв. м) помимо фрагментов ромбоямочной керамики от 40 сосудов, 76 орудий из кварца, сланца, кремня было найдено восемь неопределенных медных обломков и три медных изделия, два из которых представляют собой фрагменты рыболовных крючков, одно – узкую медную пластину, видимо, остатки ножа (*Гурина*, 1951. Рис. 28: *1, 2*). В 2018 г. экспедицией Петрозаводского университета на стоянке были проведены разведочные работы. Коллекция, собранная в шурфах и при просеве части отвала из раскопа 1939–1940 гг., состоит из 1895 предметов: фрагменты ромбоямочной керамики от 40 сосудов, обломки наконечников стрел из кремня, заготовка сланцевой кирки, кварцевые, сланцевые, кремневые отщепы, кальцинированные косточки. Кроме того, обнаружено 38 медных артефактов: пронизка, заготовка ножа (?), 10 пластинок, 7 каплевидных кусков, 8 дендритов, 11 мелких неопределенных предметов (рис. 2: *1–11*).

Стоянка-мастерская Фофаново XIII, расположенная в Западном Прионежье (рис. 1: *4*), является наиболее ярким примером производственного комплекса, связанного с индустрией рубящих орудий с трапециевидным или полуоваль-

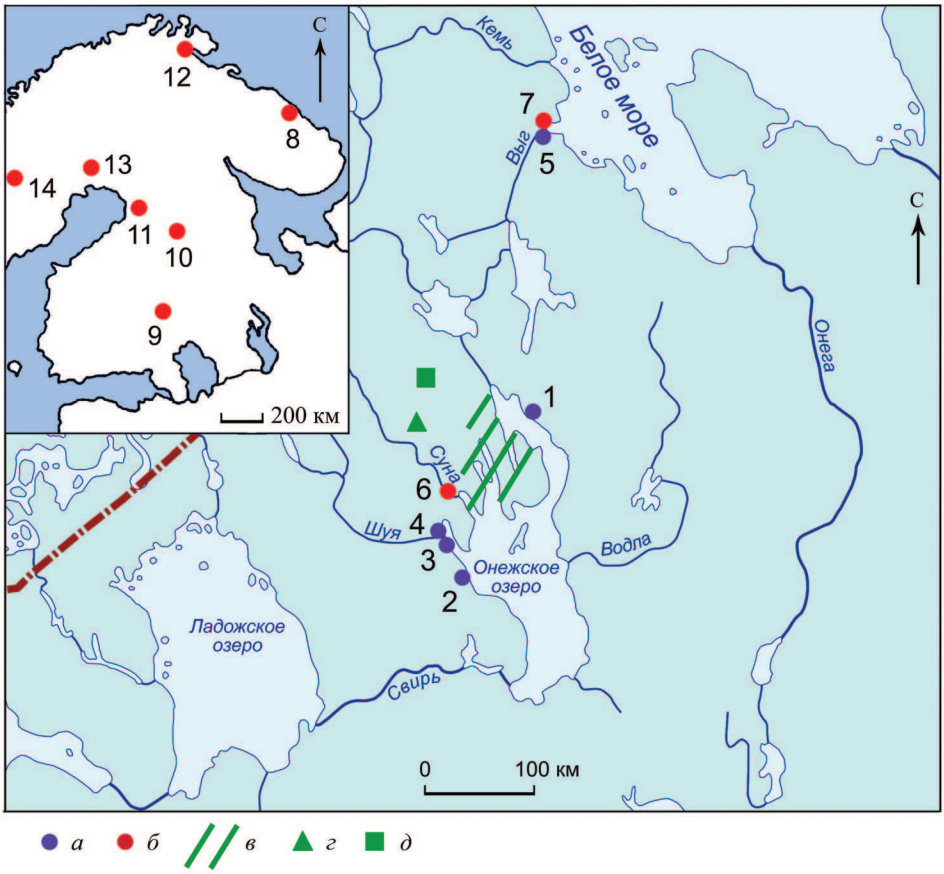


Рис. 1. Карта расположения стоянок с медными находками (*а, б*) и месторождений меди на территории Карелии (*в–д*)

Условные обозначения: *а* – стоянки с медными изделиями (*1–5*), результаты анализа которых представлены в статье; *б* – стоянки с медными предметами (*6–14*), упомянутые в статье; *в* – рудопроявления самородной меди на территории Заонежья и западного побережья Онежского озера; *г* – Койкарское рудопроявление; *д* – Эльмусское рудопроявление

1 – Оровнаволок; *2* – Деревянное XVI; *3* – Пески IVa; *4* – Фофаново XIII; *5* – Бесовы Следки II; *6* – Суна XXV; 7 – Залавруга IV; *8* – Харловка 1-6; *9* – Суоваара Полвиярви; *10* – Куккосаари Суомуссалми; *11* – Киерикки Оулу; *12* – Карлботнбаккен; *13* – Лиллбергет; *14* – Варрис

ным поперечным сечением (русско-карельского типа). На стоянке-мастерской А. М. Спиридоновым была проведена шурфовка, А. М. Жульниковым осуществлялись сборы, а в 2010–2011 гг. А. Ю. Тарасовым проведены раскопки (*Тарасов*, 2015). Площадь памятника по материалам сборов и шурфовки оценивается в 40 000 кв. м. Наиболее вероятный возраст, устанавливаемый по образцам нагара и обожженной кости млекопитающего, проанализированным с помощью AMS-метода, соответствует диапазону около 3498–3139 лет до н. э. (средние значения калиброванных диапазонов) (*Tarasov et al.*, 2017).

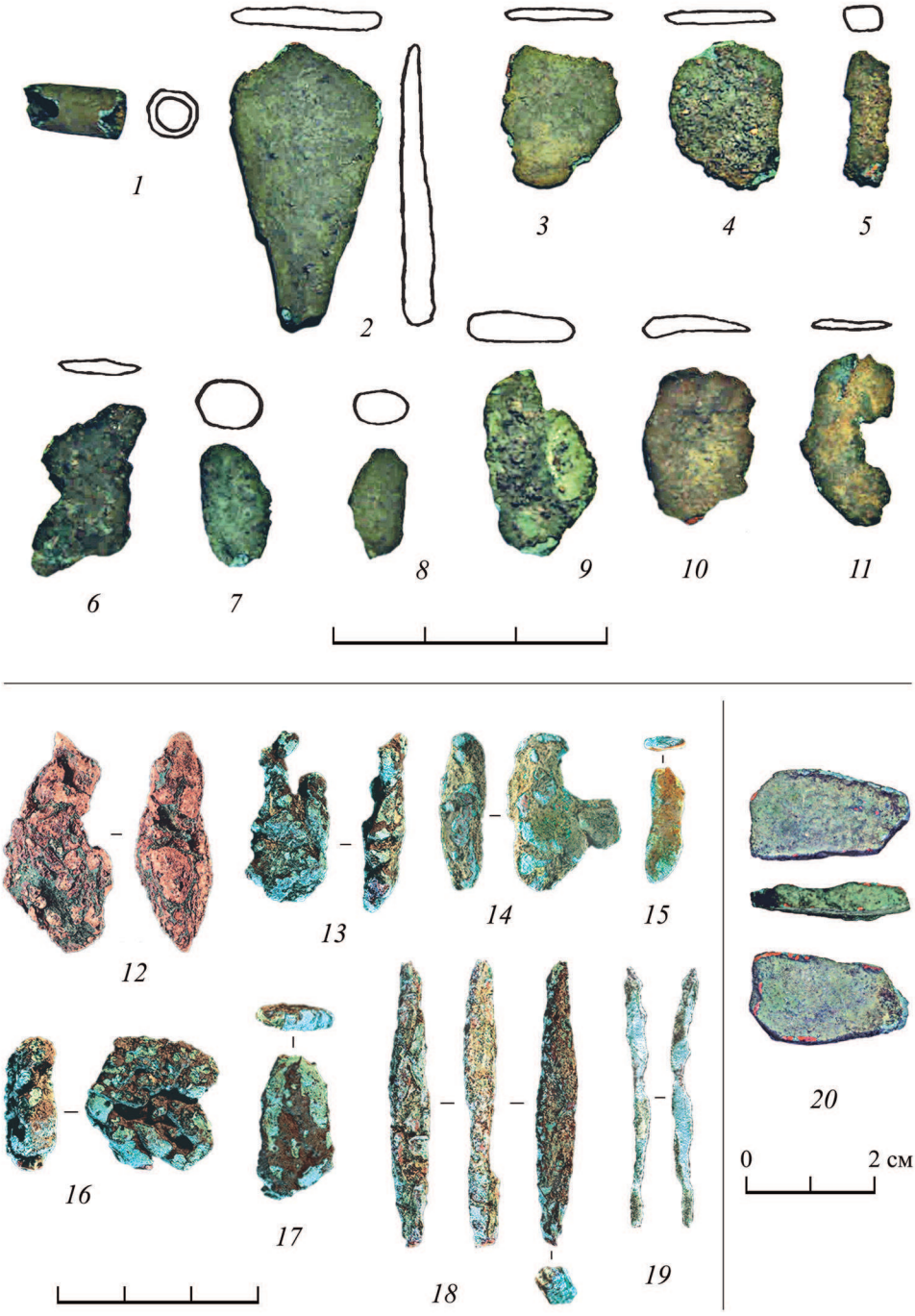


Рис. 2. Изделия из меди с энеолитических памятников Карелии

1–11 – стоянка Оровнаволок с ромбоямочной керамикой; *12–19* – стоянка Фофаново XIII с асбестовой керамикой типа Войнаволок и Оровнаволок (ранняя фаза); *20* – стоянка Деревянное XVI с асбестовой керамикой типа Палайгуба

Раскоп площадью 30 кв. м при средней мощности культурного слоя около 90 см (с учетом дерна) оказался чрезвычайно насыщен находками – было собрано около 340 000 предметов, большую часть которых (около 85 %) составляют изделия, связанные с массовым производством рубящих орудий русско-карельского типа из метатуфа. В раскопе, по сравнению со всеми иными памятниками эпохи камня Обонежья, наблюдалась необычно высокая плотность изделий, использовавшихся древними людьми в обмене: украшения из янтаря (29 экз.), медные предметы (58 экз.), куски асбеста (2769 экз.). В двух верхних горизонтах посуда типов Войнаволок и Оровнаволок представлена в примерно одинаковой пропорции, тогда как в нижнем (третьем) горизонте доля сосудов с геометрической орнаментацией, характерной только для посуды типа Войнаволок, превышает 80 %.

Большинство медных предметов со стоянки – это бесформенные кусочки: ветвистые дендриты и их обломки, реже – бесформенные пластинки размером до 3 см (рис. 2: *12–17*). Только два предмета могут считаться собственно изделиями – медный стержень и «проволока», в отношении которой невозможно установить, является ли она цельным изделием или фрагментом (рис. 2: *18, 19*). Медный стержень представляет собой сильно вытянутый неровный «пруток» подпрямоугольного сечения, в средней части приплюснутый, утончающийся к концам, которые при этом не заострены, и может быть либо шилом, либо медным отжимником для обработки окремненных пород. Косвенно данное предположение подтверждается следующим наблюдением: при просмотре с помощью бинокулярной лупы заготовок наконечников стрел со стоянки в двух случаях были отмечены небольшие участки с вкраплениями субстанции зеленого цвета, соответствующей по окраске медным окислам.

В верхнем слое стоянки найдено шесть медных предметов, во втором – 39, в третьем, где количество находок в целом значительно меньше, чем во втором горизонте, обнаружено 13 медных артефактов. Такое распределение находок по условным горизонтам позволяет предполагать, что большая часть изделий из меди на памятнике связана с керамикой типа Войнаволок.

Поселение Пески IVa находится в северо-западной части Петрозаводской губы Онежского озера (рис. 1: *3*). В 2000–2004 гг. А. М. Жульниковым было исследовано 120 кв. м. Культурный слой поселения содержит комплексы инвентаря (изделия из камня, янтаря, меди, глины, кальцинированные косточки), связанного с разновременными типами керамики: ямочно-гребенчатой (неолит), ромбоямочной (финал неолита – начало энеолита), асбестовой (энеолит) типов Войнаволок и Палайгуба, сетчатой (начала раннего железного века). По данным планиграфии и стратиграфии, три найденных на стоянке изделия из меди (пластинка, капля и дендрит), как и янтарные, соотносятся с керамикой типа Войнаволок.

Стоянка Деревянное XVI обнаружена в 2012 г. А. М. Жульниковым на западном берегу Онежского озера (рис. 1: *2*). На поселении выявлено два культурных слоя, разделенных стерильной прослойкой намывного песка. В верхнем слое обнаружен комплекс с асбестовой керамикой типа Палайгуба, в нижнем – комплекс с керамикой типа Оровнаволок, датированный по образцу угля (березовая кора) 2850–2490 лет до н. э. (4071 ± 28 (Hela-4909)). При сборах и зачистке в верхнем слое были собраны многочисленные сланцевые отщепы, что указывает

на наличии на стоянке мастерской по изготовлению сланцевых рубящих орудий. В этом же слое был обнаружен фрагмент медного изделия (рис. 2: *20*).

Стоянка Бесовы Следки II находится в низовье реки Выг (рис. 1: *5*), открыта Г. А. Панкрушевым в 1957 г., раскапывалась Ю. А. Савватеевым в 1959 г. В раскопе в основном найдена неолитическая ямочно-гребенчатая керамика, но встречены также единичные фрагменты ананьинской керамики раннего железного века (*Савватеев*, 1977). Исследования памятника в 2018–2019 гг. А. М. Жульниковым и в 2022–2023 гг. Ю. А. Тарасовым показали, что культурный слой на острове, к которому приурочена стоянка, залегает в виде нескольких пятен, ограниченных выходами скал. При шурфовке одного из таких «пятен» культурного слоя в 2019 г. были обнаружены мелкие фрагменты тонкостенной асбестовой керамики типа Палайгуба, кальцинированные косточки, кварцевые артефакты и медная пластинка.

Методы и результаты исследований

Применение прецизионных геохимических методов исследования (микрозондовый анализ – SEM-EDX) металла в точках на поверхности образца позволяет наиболее точно установить его химический состав, а также определить минералогический состав акцессорных включений. Такой метод может быть использован не только для определения состава металла, но и для выявления типов медных месторождений.

Для исследования на сканирующем электронном микроскопе образцы (22 экз.) были закатаны в шайбы из эпоксидной смолы. Состав образцов определялся с помощью электронного микроскопа HitachiTM-3000 с приставкой энергодисперсионного анализатора Oxford. Обработка спектров производилась автоматически при помощи программного пакета микроанализатора Swift ED 3000. При съемке использованы следующие установки: ускоряющее напряжение 20 кВ, ток зонда 1.6 нА, рабочее расстояние 10 мм, время накопления спектра в точке 20 секунд в точечном режиме.

С поселения Оровнаволок происходят образцы № 1–10; со стоянки Пески IVa – № 11, 12; со стоянки-мастерской Фофаново XIII – № 13, 14, 18–23; с месторождения «Береговое» (Кондопожский район) – № 17; со стоянки Бесовы Следки II – № 16.

Образец № 15 со стоянки Деревянное XVI проанализирован неразрушающим методом рентгенофлуоресцентного анализа (РФА). Химический состав определялся с помощью прибора Olympus Vanta C pXRF в режиме GeohimExtra.

По геохимическому составу можно выделить четыре группы образцов самородной меди.

Первая группа. Самородная медь с зонами окисления в краевых зонах (по краям образцов), с включениями кварца и ряда иных минералов.

Образец 1 (*пластинка*) представлен самородной медью (100 % Cu). По краям образца развиваются каемки оксидов меди шириной до 600 мкм, содержание меди в краевой части снижается до 68–30 %. Оксиды меди также присутствуют в виде угловатых включений размером 50–70 мкм вокруг пор в образце.

Образец 3 (*пластинка*) в центральной части сложен самородной медью (100 % Cu). По краям образца развиваются каемки оксидов меди шириной до 1000 мкм; оксиды меди также присутствуют вокруг неоднородностей внутри образца. В краевой части образца фиксируются слабо окатанные зерна кварца, альбита и калиевого полевого шпата размером 100–200 мкм. В зерне альбита было встречено включение мусковита длиной 70 мкм.

Образец 4 (*пластинка*) представлен самородной медью (100 % Cu). По краям образца развиваются каемки оксидов меди шириной до 600 мкм, содержание меди в краевой части снижается до 88–31 %.

Образец 5 (*капля*) представлен самородной медью (100 % Cu). По краям и трещинам в образце развиваются каемки оксидов меди шириной до 1000 мкм, в них содержание меди снижается до 71–31 %.

Образец 6 (*дендрит?*) представлен самородной медью (100 % Cu). В краевых зонах и по порам в центральной части образца развиваются оксиды меди. Толщина краевых зон – до 200 мкм. Содержание Cu снижается до 66 %.

Образец 7 (*дендрит?*) представлен самородной медью (100 % Cu). По трещинам и порам в краевой части образца медь окисляется. Содержание Cu снижается до 65 %. В краевой части встречаются крупные (до 200 мкм) окатанные зерна кварца.

Образец 8 (*капля*) представлен самородной медью (100 % Cu). По трещинам и порам в образце развиваются оксиды меди. Содержание Cu в оксидах снижается до 84–30 %.

Образец 9 (*дендрит?*) представлен самородной медью. По краям – окисленные каемки шириной 100–150 мкм. В краевой части самородная медь переходит в куприт (Cu_2O) и имеется участок (1 × 1 мм), сложенный оксидами меди с включениями окатанных и остроугольных зерен кварца размером 20–100 мкм.

Образец 10 (*дендрит?*) представлен самородной медью (100 % Cu). По трещинам и порам в образце развивается оксиды меди. Содержание Cu снижается до 69–68 %. В полостях оксиды меди растут в виде игольчатых кристаллов. В образце встречено единичное зерно оксида железа.

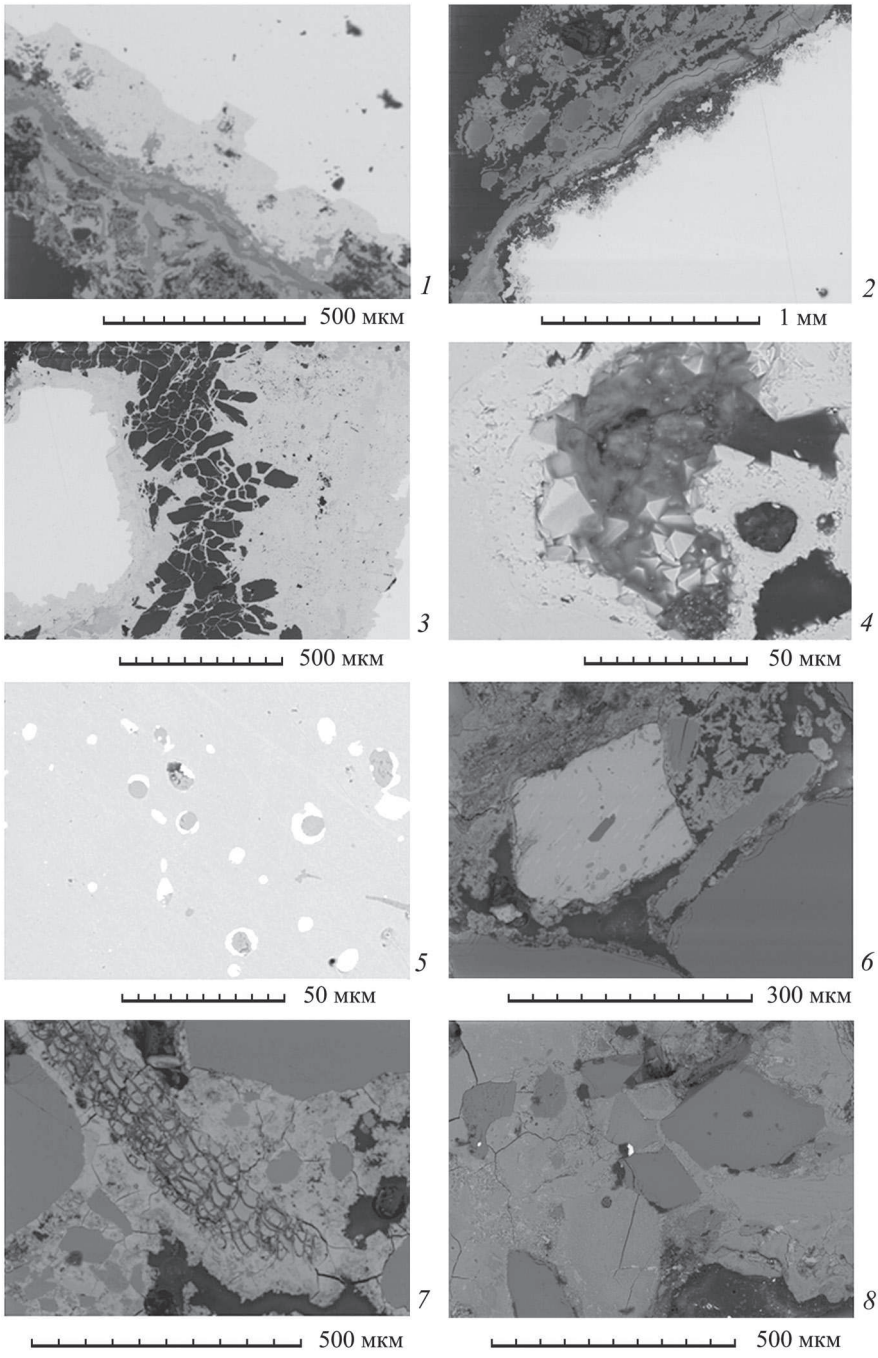
Образец 11 (*дендрит?*) представлен самородной медью (100 % Cu). По трещинам и порам в образце развиваются оксиды меди. Содержание Cu снижается до 91–70%.

Образец 12 (*капля*) состоит из самородной меди с содержанием Cu 94,5 %. В образце наблюдаются несколько специфических неоднородностей. По краям образец окисляется, что проявляется в виде каемки шириной до 150 мкм; содержание меди в краевой части снижается до 69–71 %. Самородная медь переходит в куприт (Cu_2O). В образце присутствуют редкие поры, вокруг которых также развиваются оксиды меди.

Образец 13 (*дендрит?*) в центральной части сложен самородной медью, в краевых частях и по трещинам окисляется и медь переходит в куприт. Образец рассекается кварцевым прожилком (рис. 3: *3*).

Образец 14 (*дендрит?*) представлен самородной медью (100 % Cu); присутствуют поры изометричной формы.

Образец 17 (*дендрит*) сложен самородной медью (99,9–95,5 %). По краям – окисленные каемки шириной до 400 мкм, содержание меди в краевой части


1
500 мкм
2
1 мм
3
500 мкм
4
50 мкм
5
50 мкм
6
300 мкм
7
500 мкм
8
500 мкм

снижается до 70–73 %. Самородная медь переходит в куприт (Cu_2O) (рис. 3: *1*). В образце присутствуют трещины, вокруг которых также развиваются оксиды меди (50–200 мкм) неправильной формы.

Образец 22 (*дендрит?*) сложен самородной медью (99,9–95,5 %) (рис. 3: *2*). По краям – окисленные каемки шириной до 900 мкм, содержание меди в краевой части снижается до 65–73 %. Самородная медь переходит в куприт (Cu_2O), который содержит примеси оксидов железа. В краевой части также присутствуют окатанные зерна кварца размером 50–100 мкм.

Образец 15 (*пластина*) состоит из меди, почти не имеющей посторонних примесей. Такой состав характерен для самородной меди, что позволяет включить его в первую группу образцов.

Вторая группа. Образцы этой группы сложены оксидами меди с зонами самородной меди. Оксиды меди распределены в образцах по всей площади. Окисленные участки имеют неровную шагреневую поверхность, у самородной меди поверхность ровная. В образцах присутствуют включения самородного серебра (образец № 2) и других минералов (кварц, альбит, калиевый полевой шпат). В полостях встречаются идиоморфные кристаллы меди.

Образец 2 (*пластинка*) сложен незакономерными срастаниями самородной меди с оксидами меди (рис. 3: *4*). Содержание меди в оксидах варьирует от 91 до 67 %. В зоне оксида меди встречено единичное зерно самородного серебра. В образце присутствуют полости, в некоторых из них развиваются кристаллы меди кубического и октаэдрического габитуса. В качестве акцессорных минералов встречаются апатит, амфибол.

Образец 18 (*дендрит?*) представлен срастаниями самородной меди с оксидами меди. Самородная медь имеет резкие границы с оксидами меди. В массе оксидов меди также присутствует самородная медь в виде мелких включений (от 10 до 20 мкм) неправильной формы. Содержание меди в оксидах варьирует от 86 до 68 %. В образце присутствуют минералы группы амфибола, кварц и альбит, представленные зернами прямоугольной формы, размером 10–30 мкм.

Третья группа. Медь с примесью сурьмы, мышьяка и свинца.

Образец 16 (*пластинка*) сложен самородной медью, иногда окисленной до куприта. По всей площади образца (в самородной меди и в куприте) равномерно

Рис. 3 (с. 30). Фотографии микроструктуры медных предметов с энеолитических памятников Карелии: месторождения «Береговое» (*1*); Фофаново XIII (*2, 3, 6–8*); Оровнаволок (*4*); Бесовы Следки II (*5*)

1 – образец 17: светлое – самородная медь; темное – краевые зоны, переходящие в куприт; *2* – образец 22: светлое – самородная медь и темное – оксиды меди в краевой зоне образца; 3 – образец 13: кварцевый прожилок (темно-серые зерна) в оксиде меди; *4* – образец 2: кристаллы меди; *5* – образец 16: кольцевые выделения оксидов меди, свинца, сурьмы и мышьяка (белое) в самородной меди; *6* – образец 20: зерно ильменита с включением кварца; *7* – образец 19: трещиноватость в цементе (смесь оксидов и гидроокислов меди и железа); *8* – образец 20: обломочные зерна минералов в цементирующей кварцевой массе с примесью оксидов меди и железа

распределены выделения, сложенные смесью оксидов меди, сурьмы, мышьяка и свинца (рис. 3: *5*). Состав этих включений довольно постоянен (CuO – 37,50–39,36; As_2O_3 – 3,58–4,52; Sb_2O_3 – 8,80–9,54; PbO – 47,18–49,34 мас. %). Они встречаются в виде изометричных зерен или имеют кольцевое строение, часто сдвоенных колец. Размер одиночных выделений составляет 5–15 мкм, сдвоенные кольца имеют размер до 25 мкм.

Четвертая группа. Оксиды меди, цементирующие зерна минералов («конгломерат»).

Образец 19 (*пластинка?*) сложен обломочными неокатанными зернами минералов, цемент представлен смесью оксидов и гидроксидов меди и железа. Встречены зерна кварца размером до 300 мкм; калиевого полевого шпата с пертитами альбита – до 500 мкм; циркона – до 30 мкм, эпидота – до 150 мкм, куприта – до 10 мкм. В цементе встречаются широкие параллельные трещины (рис. 3: *7*).

Образец 20 (*пластинка?*) представляет собой конгломерат, состоящий из обломков минералов (кварца, альбита, калиевого полевого шпата, ильменита, куприта) (рис. 3: *6, 8*). Цемент конгломерата – силикатный с примесями оксидов меди и железа. Размер зерен кварца – от 100 до 600 мкм; ильменита – 250 мкм; полевых шпатов – до 500 мкм, куприта – до 10 мкм. Зерно альбита пронизано включениями титанита.

Образец 21 (*пластинка?*) сложен обломочными неокатанными зернами эпидота, альбита, калиевого полевого шпата, кварца, титанита и куприта. Размер зерен минералов варьирует от 10 до 400 мкм. Цемент кварцевый с примесью оксидов железа и меди.

Образец 23 (*пластинка?*). В образце встречены зерна калиевого полевого шпата до 400 мкм в кварцевой основной цементирующей массе с примесью оксидов меди и железа.

Геохимический анализ образцов грунта со стоянки-мастерской Фофаново XIII. Образцы отложений были отобраны из разреза на краю раскопа. Определение химического состава отложений было проведено методом рентгенофлуоресцентного анализа на спектрометре «Спектроскан МАКС» в РГПУ им. А. И. Герцена. Наибольшая антропогенная активность в слое, судя по геохимическим индикаторам, выявлена в отложениях на глубине 85–95 см от поверхности. Резкий скачок концентрации меди отмечен в разрезе на глубине 80–85 см. Эти высотные отметки соответствуют условному третьему горизонту культурного слоя, где преобладают фрагменты керамики типа Войнаволок и, видимо, связанные с ней каменные артефакты и изделия из меди.

Обсуждение результатов

По геохимическому составу меди можно выделить четыре группы образцов и предположить генезис формирования самородной меди. Возможные месторождения и рудопроявления рассмотрены исходя из геохимического состава изученных образцов и литературных данных. Более точные результаты по непосредственным рудопроявлениям могут быть получены только при сравнении изученных образцов с геохимическим составом образцов из месторождений.

Образцы из *первой* и *второй групп*, вероятно, связаны с рудопроявлением самородной меди Заонежья. Одно из них расположено на территории Кондопожского района Республики Карелия, откуда происходит образец № 17. Крупные самородки меди здесь приурочены к зонам низкотемпературного жильного гидротермального изменения, представленного эпидотом, кальцитом, хлоритом, кварцем. Самородная медь также могла формироваться в результате вторичных процессов, мигрируя из диабазов и отлагаясь по трещинам отдельности пород, образуя очень тонкие пластинки (в 2–3 мм толщиной) при площади до 15 × 20 см. Анализ одного образца самородной меди показал полное отсутствие каких-либо примесей. Самородная медь замещается купритом (*Кулешевич, Лавров*, 2010).

Третья группа представляет собой медь с примесью сурьмы и свинца. По геохимическому составу этот образец предположительно относится к рудопроявлению Эльмусской площади, находящейся северо-западнее Заонежья (рис. 1: *д*). По генезису рудопроявление представляет собой современную линейную кору выветривания и зону окисления по колчеданным рудам и вмещающим сланцам бергаульской свиты (*Кулешевич*, 2016).

Несомненный интерес вызывает *четвертая группа*, включающая образцы из оксидов меди, цементирующих зерна различных минералов («конгломерат»). По своему происхождению эта группа может быть связана с Койкарской площадью, объединяющей месторождения и рудопроявления, расположенные в районе, прилегающем к оз. Пальеозеро (к западу от Заонежья) (рис. 1: *г*). Здесь в осадочные породы среднепротерозойского возраста интрудировали мощные тела габбро-диабазов, с которыми связаны магматические месторождения титаномагнетита, жильные месторождения магнетита, сопровождаемого сульфидами, кварц-полевошпатовые, кварцевые и кальцито-кварцевые жилы с сульфидами железа и меди (*Иващенко, Голубев*, 2009; *Голубев и др*., 2007).

Пик меди в составе образцов грунта из нижнего слоя стоянки Фофаново XIII косвенно подтверждает связь найденных на этом памятнике металлических изделий с комплексом асбестовой керамики типа Войнаволок.

Выводы

Полученные данные, с учетом имеющихся иных сведений о характере металлообработки в Карельском энеолитическом очаге, позволяют наметить четыре этапа в освоении технологии производства медных изделий и использования местной рудной базы.

Первый этап. Население с ромбоямочной керамикой бассейна Онежского озера примерно на рубеже V–IV тыс. до н. э. начинает использовать самородную медь Заонежья для изготовления украшений (кольца, пронизки) и небольших по размерам орудий (рыболовные крючки, ножи). Медь обрабатывается холодной ковкой (*Журавлев, Врублевская,* 1978). На некоторых стоянках помимо готовых изделий в изобилии представлены отходы металлообработки в виде мелких дендритов. В перв. пол. IV тыс. до н. э. изделия из металла (медные кольца) впервые начинают использоваться в обмене с населением, проживавшим на территории Финляндии. На раннем этапе энеолита (с ромбоямочной и типичной гребенчатой керамикой) характерны изделия исключительно из самородной меди Заонежья.

Второй этап. На территории Карелии он соотносится с памятниками с асбестовой керамикой геометрического стиля типа Войнаволок (3300–3100 calBC). Население этой группы памятников вело активный обмен с соседними территориями рубящими орудиями русско-карельского типа из метатуфа, изделиями из кремня, лидита, меди, асбестом и посудой с примесью асбеста (*Жульников, Тарасов*, 2021). По-прежнему на некоторых стоянках с керамикой типа Войнаволок велика доля отходов металлообработки в виде мелких дендритов, что, вероятно, обусловило резкое возрастание доли меди в нижней части культурных отложений на стоянке-мастерской Фофаново XIII. На втором этапе, наряду с использованием заонежской меди, древние люди осваивают иное по генезису рудопроявление, расположенное к западу от Онежского озера. Изделия, изготовленные из руды данного месторождения, представляют собой, по сути, имитации медных поделок (подвесок?): они состоят из зерен минералов, сцементированных, видимо, медью (в настоящее время – это медные окислы). Возможно, в этот период самородной заонежской меди становится недостаточно для обеспечения увеличившихся потребностей в металлических изделиях. Это, в свою очередь, потребовало расширения рудной базы. В составе изделий на втором этапе появляются медные стержни, которые, не исключено, начинают применять при производстве орудий из окремненных пород.

Третий этап. На стоянках с асбестовой керамикой типа Оровнаволок (3100–2500 calBC) Э. Л. Чистяковой ранее были выявлены признаки кардинальных перемен в технологии металлообработки. Наряду с холодной ковкой зафиксированы также плавление, литье, горячая ковка, термическая обработка (отжиг холоднодеформированных изделий и нагрев слитков перед горячей деформацией) (*Журавлев и др.*, 1991; *Чистякова* (*Врублевская*), 1991. С. 198). Впервые на стоянках Карелии, относящихся к этому этапу, появляются тигли (*Жульников*, 1999. Рис. 63). Видимо, с освоением на третьем этапе технологии плавки меди связано отсутствие на стоянках с керамикой типа Оровнаволок отходов обработки металла в виде многочисленных обломков дендритов.

Четвертый этап. На данном этапе на территории Карелии и Кольского полуострова распространяется асбестовая керамика типа Палайгуба (2500–1800 (1750) calBC) с признаками влияния шнуровой и чирковской керамики (*Жульников*, 2022). В это время население региона, видимо, впервые осваивает литье плоских рубящих орудий в односторонних формах. Обломки такой формы найдены А. М. Спиридоновым на стоянке Суна XXV в Западном Прионежье (рис. 1), датируемой втор. пол. III тыс. до н. э. К четвертому этапу относят миниатюрное тесло и стержень-проколку с прямоугольным сечением со стоянки Залавруга IV в Юго-Западном Прибеломорье (рис. 1), изготовленные из переплавленной самородной меди с последующей холодной деформацией рабочей части (*Чистякова* (*Врублевская*), 1991. С. 198–200).

На стоянках этого этапа встречаются тигли из глины с обильной примесью мелкого песка и каменные молоты с желобчатыми выемками для привязывания к рукояти.

Расширение рудной базы продолжается за счет освоения незначительных по площади рудопроявлений, расположенных за пределами Заонежья. В это время продукция Карельского очага металлообработки, судя по ареалу находок

(см. рис. 1), видимо, распространяется по всей территории Восточной Фенноскандии.

Полученные данные подтверждают гипотезу С. В. Кузьминых с соавторами о первичности появления металлургии на Севере Европы: «ни технология, ни формы изделий не дают очевидных свидетельств каких-либо внешних импульсов для возникновения карельского очага металлообработки» (*Кузьминых и др.*, 2022. С. 364). На протяжении энеолита на территории региона происходило не только усложнение технологии обработки, увеличение разнообразия видов медных изделий, но и постепенное территориальное расширение используемой рудной базы и, видимо, масштабов обмена.

Авторы выражают благодарность А. М. Кулькову (Центр коллективного пользования «Рентгенодифракционные методы исследования» Санкт-Петербургского гос. ун-та) за помощь в определении состава медных изделий.

ЛИТЕРАТУРА

Голубев А. И., Иващенко В. И., Трофимов Н. Н., Кондрашова Н. И., Лавров О. Б., 2007. Рудные формации и металлогенические комплексы Карелии // Геология и полезные ископаемые Карелии. Вып. 10. Петрозаводск. С. 155–176.

Гурина Н. Н., 1951. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера // Поселения эпохи неолита и раннего металла на севере европейской части СССР / Ред. М. Е. Фосс. М.; Л.: АН СССР. С. 77–142. (МИА; № 20.)

Жульников А. М., 1999. Энеолит Карелии (памятники с пористой и асбестовой керамикой. Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН. 224 с.

Жульников А. М., 2022. О контактах населения с чирковской и асбестовой палайгубской керамикой // ПА. № 3 (41). С. 188–203.

Жульников А. М., Тарасов А. Ю., 2021. О происхождении и хронологии асбестовой керамики геометрического стиля типа Войнаволок // РА. № 4. С. 21–34.

Журавлев А. П., 1975. Обследование медных рудников Заонежья // АО 1974. М.: Наука. С. 14.

Журавлев А. П., Врублевская Э. Л., 1978. Ранний этап металлообработки в Карелии // СА. № 1. С. 154–165.

Журавлев А. П., Чистякова Э. Л., Жульников А. М., 1991. Новые данные по обработке самородной меди в энеолите Карелии // СА. № 1. С. 167–172.

Иващенко В. И., Голубев А. И., 2009. Колчеданное оруденение – перспективная базовая золоторудная формация Карельского региона // Геология и полезные ископаемые Карелии. Вып. 12. Петрозаводск. С. 5–11.

Кузьминых С. В., Дегтярева А. Д., Орловская Л. Б., 2022. Северная периферия Циркумпонтийской металлургической провинции: металл, сплавы, технология // SP. № 2. С. 347–372.

Кулешевич Л. В., 2016. Золото-сульфоарсенидная минерализация Эльмусской площади, Карелия // Федоровская сессия 2016: материалы Междунар. науч. конф. СПб.: Рос. минералог. о-во. С. 143–145.

Кулешевич Л. В., Лавров О. Б., 2010. Самородная медь, золото и медные промыслы в Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Науки о Земле. № 4. С. 46–49.

Савватеев Ю. А., 1977. Залавруга. Археологические памятники низовья реки Выг. Ч. 2. Стоянки. Л.: Наука. 323 с.

Тарасов А. Ю., 2015. Фофаново XIII – пример интенсивной производственной деятельности эпохи раннего металла в лесной зоне // Замятнинский сборник. Вып. 4. СПб.: МАЭ РАН. С. 307–317.

Тимофеев В. И., 1934. Месторождения медных руд Заонежья // Известия Ленинградского геолого-гидро-геофизического треста. № 2. С. 2–15.

Чистякова (*Врублевская*) *Э. Л.*, 1991. Структура самородной меди и медных находок древних поселений Карелии // *Журавлев А. П.* Пегрема (поселения эпохи энеолита). Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН. С. 171–200.

Halén O., 1994. Sedentariness during the Stone Age of Northern Sweden in the light of Alträsket Site, c. 5000 B.C., and the Comb Ware Site Lillberget, c. 3900 B.C.: Source Critical Problems of Representativity in Archaeology Stockholm: Almqvist & Wiksell. 263 p. (Acta Archaeologica Lundensia. Series in 4; 20.)

Hood B. C., Helama S., 2010. Karlebotnbakken reloaded. Shifting the Chronological Significance of an Iconic Late Stone Age Site in Varangerfjord, North Norway // FA. Vol. XXVII. P. 35–43.

Huggert A., 1996. Early Copper Finds in Northern Fennoscandia // Current Swedish Archaeology. Vol. 4. P. 69–82.

Ikäheimo Ja., 2019. Neolithic Native Copper Finds from Finland and North-West Russia: A Multi-Method Approach // FA. Vol. XXXVI. P. 87–107.

Kolpakov E., Murashkin A., Kiseleva A., Shumkin V., Mannermaa K., 2021. Kharlovka 1–6 on the Kola Peninsula: One of the Oldest Gressbakken House Sites in Northern Fennoscandia // Iskos. 24. P. 21–42.

Nordqvist K., Herva V.-P., Ikäheimo J., Lahelma A., 2012. Early copper use in Neolithic north-eastern Europe: An overview // Estonian Journal of Archaeology. 16, 1. P. 3–25.

Nordqvist K., Ikäheimo J., Herva V-P., Lahelma A., 2011. Lillberget reloaded: Re-examining an anomalous Typical Comb Ware site in Överkalix, North Sweden // FA. Vol. XXVIII. P. 71–78.

Tarasov A., Nordquist K., Mökkönen T., Khoroshun T., 2017. Radiocarbon chronology of the Neolithic–Eneolithic period in Karelian Republic (Russia) // Documenta Praehistorica. Vol. XLIV. P. 98−121.

Сведения об авторах

Жульников Александр Михайлович, Петрозаводский государственный университет, пр. Ленина, 33, Петрозаводск, 185910, Россия; e-mail: rockart@yandex.ru;

Кулькова Марианна Алексеевна, РГПУ им. А.И. Герцена, наб. р. Мойки, 48/12, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: kulkova@mail.ru;

Тарасов Алексей Юрьевич, Карельский научный центр РАН, Пушкинская ул., 11, Петрозаводск, 185910, Россия; e-mail: taleksej@mail.ru

A. M. Zhulnikov, M. A. Kulkova, A. Yu. Tarasov

ITEMS MADE OF NATIVE COPPER FROM ENEOLITHIC SETTLEMENTS IN KARELIA: NEW ANALYTICAL DATA

Abstract. The paper presents results of recently conducted geochemical investigations of a series of copper objects originating from settlements dated to different stages of the Eneolitic period in Karelia. Our findings suggest four stages of development of metal (copper) working in the region and exploitation of its resource base. This study is the first to discover evidence demonstrating that the ancient population of this region used not only native copper in the Trans-Onega region but also exploited other ore occurrences located in the southern part of Karelia.

Keywords: Eneolithic, copper items, ore resource base, chemical composition of metals.

REFERENCES

Chistyakova (Vrublevskaya) E. L., 1991. Struktura samorodnoy medi i mednykh nakhodok drevnikh poseleniy Karelii [Structure of native copper and copper finds from Karelia ancient settlements]. *Zhuravlev A. P. Pegrema (poseleniya epokhi eneolita) [Pegrema (Settlements of Eneolithic epoch)]*. Petrozavodsk: Karelskiy nauchnyy tsentr RAN, pp. 171–200.

Golubev A. I., Ivashchenko V. I., Trofimov N. N., Kondrashova N. I., Lavrov O. B., 2008. Rudnye formatsii i metallogenicheskie kompleksy Karelii [Ore formations and metallogenic complexes of Karelia]. *Geologiya i poleznye iskopaemye Karelii [Geology and minerals of Karelia]*, 11. Petrozavodsk, pp. 155–176.

Gurina N. N., 1951. Poseleniya epokhi neolita i rannego metalla na severnom poberezh'e Onezhskogo ozera [Neolithic and Early Metal age settlements on northern shore of Lake Onega]. *Poseleniya epokhi neolita i rannego metalla na severe evropeyskoy chasti SSSR [Neolithic and Early Metal age settlements in the north of European part of the USSR]*. M. E. Foss, eds. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 77–142. (MIA, 20.)

Ivashchenko V. I., Golubev A. I., 2009. Kolchedannoe orudenenie – perspektivnaya bazovaya zolotorudnaya formatsiya Karel'skogo regiona [Pyrite mineralization – a promising basic gold ore formation in Karelian region]. *Geologiya i poleznye iskopaemye Karelii [Geology and minerals of Karelia]*, 12. Petrozavodsk, pp. 5–11.

Kuleshevich L. V., 2016. Zoloto-sul'foarsenidnaya mineralizatsiya El'musskoy ploshchadi, Kareliya [Gold-sulfoarsenide mineralization of Elmusskaya square, Karelia]. *Fedorovskaya sessiya 2016 [Fedorovskaya session 2016]*. St. Petersburg: Rossiyskoe mineralogicheskoe obshchestvo, pp. 143–145.

Kuleshevich L. V., Lavrov O. B., 2010. Samorodnaya med', zoloto i mednye promysly v Karelii [Native copper, gold and copper extraction in Karelia]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Nauki o Zemle [Scientific notes of Petrozavodsk state university. Earth Sciences]*, 4, pp. 46–49.

Kuzminykh S. V., Degtyareva A. D., Orlovskaya L. B., 2022. Severnaya periferiya Tsirkumpontiyskoy metallurgicheskoy provintsii: metall, splavy, tekhnologiya [Northern periphery of Circumpontic metallurgical province: metal, alloys, technology]. *SP*, 2, pp. 347–372.

Savvateev Yu. A., 1977. Zalavruga. Arkheologicheskie pamyatniki nizov'ya reki Vyg [Zalavruga. Archaeological sites of lower reaches of Vyg River], 2. Stoyanki. Leningrad: Nauka. 323 p.

Tarasov A. Yu., 2015. Fofanovo XIII – primer intensivnoy proizvodstvennoy deyatel'nosti epokhi rannego metalla v lesnoy zone [Fofanovo XIII – an example of intensive industrial activity of Early metal age in forest zone]. *Zamyatninskiy sbornik [Zamyatnin collection]*, 4. St. Petersburg: MAE RAN, pp. 307–317.

Timofeev V. I., 1934. Mestorozhdeniya mednykh rud Zaonezh'ya [Copper ore deposits of Trans-Onega region]. *Izvestiya Leningradskogo geologo-gidro-geofizicheskogo tresta [Proceedings of Leningrad geological and hydro-geophysical trust]*, 2, pp. 2–15.

Zhulnikov A. M., 1999. Eneolit Karelii (pamyatniki s poristoy i asbestovoy keramikoy) [Eneolithic of Karelia (sites with porous and asbestos ceramics)]. Petrozavodsk: Karelskiy nauchnyy tsentr RAN. 224 p.

Zhulnikov A. M., 2022. O kontaktakh naseleniya s chirkovskoy i asbestovoy palaygubskoy keramikoy [On contacts of population with Chirkovsksys and asbestos Palaygub ceramics]. *PA*, 3 (41), pp. 188–203.

Zhulnikov A. M., Tarasov A. Yu., 2021. O proiskhozhdenii i khronologii asbestovoy keramiki geometricheskogo stilya tipa Voynavolok [On the origin and chronology of asbestos ceramics of geometric style of Voynavolok type]. *RA*, 4, pp. 21–34.

Zhuravlev A. P., 1975. Obsledovanie mednykh rudnikov Zaonezh'ya [Survey of Trans-Onega copper mines]. *AO 1974*. Moscow: Nauka, p. 14.

Zhuravlev A. P., Chistyakova E. L., Zhulnikov A. M., 1991. Novye dannye po obrabotke samorodnoy medi v eneolite Karelii [New data on processing of native copper in Eneolithic of Karelia]. *SA*, 1, pp. 167–172.

Zhuravlev A. P., Vrublevskaya E. L., 1978. Ranniy etap metalloobrabotki v Karelii [Early stage of metalworking in Karelia]. *SA*, 1, pp. 154–165.

About the authors

Zhulnikov Alexander M., Petrozavodsk State University, prosp. Lenina, 33, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation; e-mail: rockart@yandex.ru;

Kulkova Marianna A., Herzen University, nab. Moiki, 48/12, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: kulkova@mail.ru;

Tarasov Alexey Yu., Karelian Research Centre of RAS, ul. Pushkinskaya, 11, Petrozavodsk, 185910, Russiah Federation; e-mail: taleksej@mail.ru

Э. Б. Зальцман

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ ПРИМОРСКОЙ/ЖУЦЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ[1]

Резюме. Новейшие AMS-даты, полученные для древнейших поселений приморской/жуцевской культуры Прибрежное и Ушаково-3, меняют наши представления о начале этого культурного феномена. Известные ранее радиоуглеродные определения имели слишком большую погрешность, излишне удревняя начало культуры. Большинство дат располагалось в диапазоне 3300–2800 CalBC, что делало приморскую культуру без особого на то основания самой ранней из КШК или даже автоматически исключало ее из этого списка, если придерживаться ранней части диапазона. К настоящему времени не подлежит сомнению, что начало приморской культуры шнуровой керамики лежит в интервале 3050–2900 CalBC. С учетом наличия значительного количества шнуровой посуды (около 60 %) этот промежуток имеет смысл сузить до 2950–2900 CalBC. Новая культура возникла на побережье за очень короткий срок – в процессе миграции и интеграции одновременно нескольких разнородных компонентов. Очень быстро происходит выработка собственных форм. Кубки раннего типа (местный вариант А-кубков) распространяются уже на начальной стадии культуры. Очевидной целью являлось сформировать новую идентичность.

Ключевые слова: Калининградская область, побережье Калининградского залива, приморская/жуцевская культура, культура шнуровой керамики, культура шаровидных амфор, AMS-даты, посуда.

Классический набор признаков ранней культуры шнуровой керамики (далее – КШК) включает, прежде всего, каменные боевые топоры, кубки, как правило, с высокой шейкой, украшенные декором простейшего типа в виде

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР «Материальный мир Калининградского региона от неолита до позднего Средневековья и Нового времени» (№ НИОКТР 124012400322-9).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.275.39-61

сочетания горизонтальных оттисков шнура и ямок или наколов, амфоры округлой формы, орнаментированные вертикально спускающимися вниз линиями («Strichbündelamphore»), горшки с пальцевыми защипами (Wellenleistengefäße). Остатки постоянных поселений редки, а в некоторых КШК не известны даже поселения временного характера. Погребения курганные или грунтовые, нередко образующие могильники. Могилы содержали скорченные погребения. Особо выделяют вариант, когда мужчины лежали на правом боку головой на запад, а женщины – на левом головой на восток. Гендерные различия зафиксированы и в наборе инвентаря: мужчина отправлялся в загробный мир, вооруженный боевым топором, женские погребения сопровождались набором посуды и украшениями.

Естественно, это обобщающая характеристика, локальных вариантов КШК достаточно много, как и особенностей им присущих. К тому же, некоторые КШК благодаря своим исключительным чертам выпадают из общего списка. Речь идет, прежде всего, о культуре Злота, где погребения катакомбные, а инвентарь может включать совершенно различные по происхождению типы посуды (*Krzak*, 1976). КШК Швейцарии, в которой погребения практически неизвестны, также резко выделяется среди большинства остальных родственных *культурных* формирований. Но даже на их фоне приморская/жуцевская/Haffküstenkultur культура разнится специфичностью керамического комплекса и изделий из камня и кремня, особенностями поселенческой структуры (наличие крупных поселенческих центров и долговременных построек особой конструкции), экономики, нацеленной, прежде всего, на эксплуатацию водных ресурсов, но при наличии скотоводства и земледелия; иного рода погребальной обрядностью, не оставляющей следов в материальном выражении (редкие грунтовые погребения в пределах поселений обнаружены, но их не более двух десятков).

Неудивительно, что к концу XX столетия уже существовало множество противоречащих друг другу идей, касающихся главным образом вопросов происхождения и особенностей формирования приморской культуры (*Зальцман*, 2022б. С. 97–113). Негативным фактором явился значительный разброс радиоуглеродных определений даже в пределах одного поселения. Это было связано с долгим временем существования крупных поселенческих комплексов, наличием в их пределах следов совершенно различных по происхождению культур, иногда предшествующих появлению собственно приморской/жуцевской.

Важнейшими для понимания начального этапа сложения приморской культуры, казалось бы, должны были стать радиоуглеродные значения с поселения Прибрежное, которые довольно многочисленные и по преимуществу не противоречащие друг другу, хотя датированию подвергались различные материалы, включая уголь, кальцинированные кости и скорлупа лесного ореха, извлеченные с нижнего уровня заполнения котлованов построек. Даты показали необычайную древность данных сооружений и содержащихся в них материалов (прилож. 1). Отчасти этому способствовала сравнительно большая погрешность, позволяющая излишне удревнять начало культуры. Большинство дат располагалось в диапазоне 3300–2800 CalBC, что делало приморскую культуру без особого на то основания самой древней из КШК или даже автоматически исключало ее из этого списка, если придерживаться, конечно, ранней части интервала.

Предваряя дальнейший анализ радиоуглеродных дат из Прибрежного и соседнего поселений Ушаково-3, кратко рассмотрим данные по хронологии основных КШК, первая фаза существования которых, по мнению большинства исследователей, в той или иной мере совпадает с началом «шнуровой» экспансии в Европе.

Следуя Е. Хюбнер, фаза 1а в культуре одиночных погребений приходится на промежуток около 2850–2800 CalBC (*Hübner*, 2005). В этой наиболее ранней фазе пока еще встречался набор артефактов с небольшим спектром типов. К древнейшему типу, по Е. Хюбнер, относится местный вариант топоров с широким обухом типа B1, но не A1, как предполагали ранее (Ibid. S. 726. Abb. 502). Также известны еще очень редко встречающиеся в курганных погребениях А-кубки, украшенные простым шнуром, с четко выделенной высокой, отогнутой наружу горловиной и выпуклым туловом в средней части (Ibid.). В довершение всего в погребениях фазы 1а встречаются янтарные шайбы с выпуклой лицевой стороной, кремневые лезвия и трехгранные наконечники стрел. Среди ранней поселенческой керамики выделяют А-амфоры, сосуды, украшенные отпечатками пальцев, и горшки с пальцевыми защипами (Wellenleistengefäße) (Ibid. S. 726). Жилые сооружения, соответствующие этому периоду, не обнаружены (Ibid. S. 706).

На основе серии дендродат определен возраст начальной фазы распространения КШК в Восточной Швейцарии. На данной территории наиболее ранние шнуровые материалы датируются около 2725–2700 BC (*Furholt*, 2003. S. 57). Уже на самом раннем этапе встречались кубки с короткой шейкой, а также с более высокой шейкой воронковидной формы, украшенные сочетанием горизонтальных оттисков шнура и расположенным под ним рядом мелких ямок или наколов (Ibid.). На пос. Zürich-Kanalisationssanierung выявлены кубки, украшенные бороздками, характерные для ранней фазы, как и самые ранние в Восточной Швейцарии А-амфоры, горшки с пальцевыми защипами. Здесь же зафиксированы т. н. Винельц-узоры (Vinelzer Muster) – треугольники, полуовалы и волнистые линии, заполненные точками; шнуровые кубки с короткими шейками (Ibid.).

В Западной Швейцарии наиболее ранние поселенческие комплексы с материалами КШК датируются дендрологическим методом около 2750 BC (Ibid. S. 64). Кубки приблизительно такой же формы, что и в Восточной Швейцарии. Среди них особо выделяются кубки с короткой шейкой, слабопрофилированные или же, напротив, с высокой воронковидной формы шейкой (Ibid. S. 65, 66). Украшены они, как правило, сочетанием шнура и наколов или ямок, иногда повторяющихся друг за другом. Часть кубков отличались выпуклым туловом. С самого начала встречаются А-топоры и сосуды с пальцевыми защипами или налепными валиками, украшенными отпечатками пальцев. Представлены сосуды, сложно украшенные свисающими, заполненными точками треугольниками и волной. Вместе с тем известны декоры в виде полуовалов, образованные точками.

К настоящему времени одни из самых ранних дат, которые не вызывают особых сомнений, происходят из Богемии: наиболее ранние погребения КШК датируются около 2900 CalBC. Они содержали стандартный набор инвентаря раннего этапа (А-горизонт): А-амфору, А-кубок и А-боевой топор. В довершение

всего костяные пряжки также относились к этой группе находок. Комбинации А-горизонта в могилах подтверждали, что боевые топоры и поясные пряжки принадлежали к мужским атрибутам, а амфоры только к женским (*Dobeš et al.*, 2021. P. 503).

Большинство дат из курганов КШК на территории Малопольши соотносится с 2800/2700 CalBC (*Włodarczak*, 2013. S. 381; 2014. S. 47). Однако радиоуглеродные определения для нескольких курганов с юго-востока Польши показывают более ранний результат. Таковыми являются курганы А и В из Берувки в Прикарпатье, которые датируются в интервале 2891–2706 и 2850–2700 CalBC соответственно (*Włodarczak*, 2021. P. 440). Курган № 1 в среднем датируется в рамках 3081–2891 CalBC, т. е. еще более ранним временем (*Włodarczak*, 2018. P. 190, 191). Этот курган имеет признаки древнейшей фазы КШК, предшествующей КШК-А (горизонт А) (*Włodarczak*, 2021. S. 440). Не так давно опубликованы результаты исследования кургана Губинек (юго-восток Польши), который, по общепризнанному мнению, является единственным курганом степного типа в регионе. Он и датируется около 3000 CalBC, демонстрируя «раннее проникновение на высокогорные территории Юго-Восточной Польши групп людей, имеющих восточноевропейское степное происхождение» (Ibid. P. 437–439).

Наконец, ранний этап существования культуры Злота, занимающей северную часть Малопольской возвышенности, ограниченной реками Каменной, Вислой, Нидой и Бобжей, в настоящее время соотносится с интервалом около 2900–2800 CalBC (*Włodarczak,* 2008. S. 557; 2014. P. 25; 2017. P. 300). Единственным абсолютным определением возраста культуры Злота за пределами 2900–2500 BC считается дата 4390±100 BP для могилы, выявленной на горе Сальве Регина в Сандомире, но она отличается значительной погрешностью (*Witkowska*, 2021. S. 38).

Известные в прошлом радиоуглеродные значения из Прибрежного и Ушаково-3, считающиеся наиболее ранними среди памятников приморской культуры (рис. 1), в силу большой погрешности не обладают точностью (прилож. 1). В 2019, а затем в 2022 гг. автор предложил учитывать только крайние, наиболее поздние значения и не брать в расчет самое начало временного интервала, датируя жилища 2-го этапа протофазы из Прибрежного в диапазоне 3000/2900–2800 CalBC, что неплохо согласуется с началом КШК в Центральной Европе (*Зальцман*, 2019. С. 141; 2022б. С. 275). К сожалению, для построек первого этапа (жилища 1, 4, 6, 10) к настоящему времени не существует новых, более точных дат. Но факт присутствия в этих сооружениях все той же украшенной шнуром посуды подсказывает нам, что временной промежуток между двумя группами построек был ничтожным. После того как жилища первого этапа сгорели в пожарище, были возведены новые, более надежной конструкции (жилища 2, 3, 5 и 7).

Новейшие AMS-даты, полученные в 2022–2023 гг., в совокупности, подтвердили эту точку зрения (прилож. 2). Два радиоуглеродных определения по скорлупе лесного ореха из очага постройки 7 и мусорной ямы (объект 8), относящейся к соседней постройке 2, укладываются в интервалы 3097–2918 CalBC и 3092–2912 CalBC соответственно. Нелишне подчеркнуть, что предыдущее датирование этих объектов не противоречит новым радиоуглеродным определениям. Но, как и следовало ожидать, будучи гораздо точнее, последние

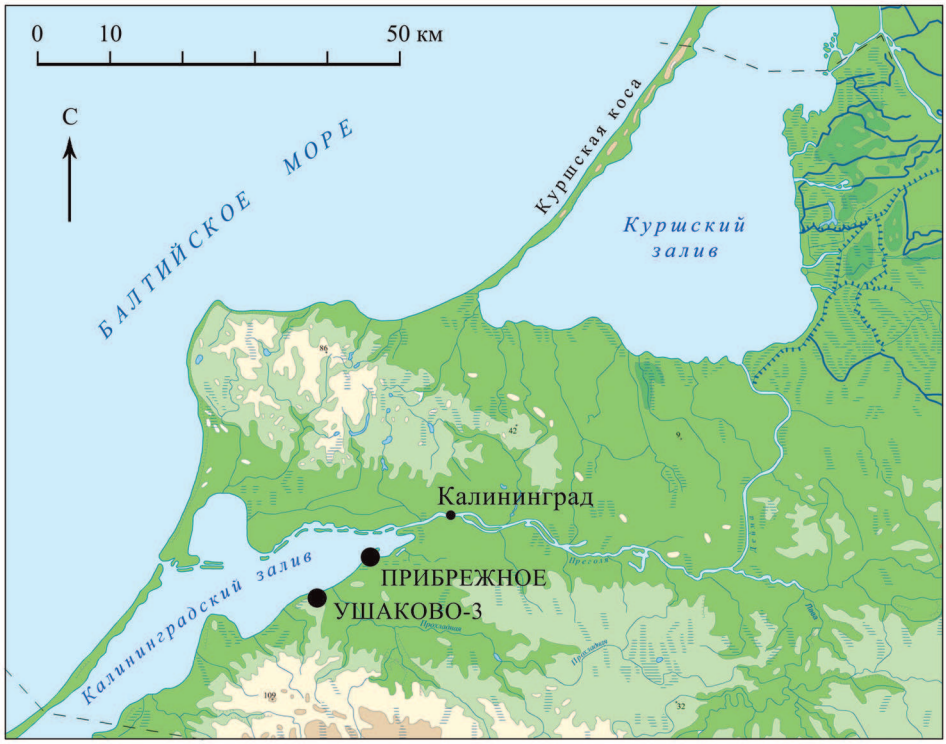


Рис. 1. Месторасположение поселений приморской культуры Прибрежное и Ушаково-3 на побережье Калининградского залива

значительно сузили временной интервал, в котором могли существовать жилые сооружения поселения Прибрежное, причем в сторону поздней части отрезка. Еще одна AMS-дата, уже по углю, относящаяся к той же мусорной яме (объект 8), выглядит несколько моложе, но и она соответствует полученному интервалу: 3002–2885 CalBC. Наконец, радиоуглеродное значение по углю с нижнего уровня заполнения постройки 7, также полученное с помощью AMS, в свою очередь согласуется с предыдущими: 3025–2902 CalBC. При этом все они выполнены в трех разных лабораториях. Любопытно, что даты по углю выглядят чуть моложе, чем радиоуглеродные значения по скорлупе ореха. Но рассматривая их в совокупности, мы получаем приблизительный интервал в 3050–2900 CalBC.

Таким образом, опираясь на новые AMS-даты, мы можем с уверенностью утверждать, что рассуждения об излишне раннем начале поселения Прибрежное и, в свою очередь, протофазы приморской культуры ошибочны и не имеют под собой реальной основы. Более того, результаты датирования (с учетом анализа древностей, извлеченных из объектов поселенческого характера) в конечном счете позволяют исключить целый ряд ложных выводов, затрагивающих важнейшие проблемы и прежде всего – вопрос генезиса приморской культуры.

Коллекция артефактов из постройки 7 наиболее представительна и сочетает в себе почти все основные составляющие культурного комплекса протофазы восточной группы приморской культуры. Керамический комплекс включает 7 типов посуды, в свою очередь подразделяющихся на несколько вариантов: кубки (рис. 2: *2–7*), кубковидные сосуды, близкие по форме собственно кубкам, но более толстостенные (рис. 2: *8–11*), сосуды тюльпановидной формы (рис. 3: *10, 11*), амфоры (рис. 3: *8, 9*), глубокие миски (рис. 3: *2–5, 7*), миски овальной или удлиненно-овальной формы (рис. 3: *1, 6*), широкогорлые горшки, имеющие отдаленные прототипы в культуре шаровидных амфор (далее – КША) (рис. 4: *7–9*), местной цедмарской культуре «лесного» неолита (рис. 4: *5, 10*) и, полностью не исключена возможность, культуре воронковидных кубков (далее КВК) (рис. 4: *11, 12*) (*Зальцман*, 2022б). Однако среди кубков преобладали слабопрофилированные формы с коротким венчиком и продолговатым туловом (рис. 2: *5–7*), которые не имеют ничего общего с керамическим комплексом КША. Отдельные кубки из Прибрежного, орнаментированные сочетанием шнура и наколов, в сущности, являются прототипами А-кубков. Такая разновидность зафиксирована не только в постройке 7, но и в нижней части культурного слоя, а также в некоторых объектах (рис. 2: *7*; 5: *9, 11*). Кроме того, все в той же постройке 7 обнаружен фрагмент А-амфоры (рис. 2: *1*).

Помимо вышеперечисленных дат в настоящее время получены AMS-даты для соседнего поселения Ушаково-3, также подтвердившие ранний характер памятника (прилож. 2). В отличие от Прибрежного, культурный слой данного поселения оказался смытым родниковыми водами на нижнюю береговую террасу. В целом, судя по датам, полученным обычным методом, слои отлагались постепенно и их смешение не имело тотального характера. Два наиболее надежных определения по древесным остаткам с нижнего уровня культурного слоя (горизонт 18) датировали начальный этап существования поселения приморской культуры в Ушаково-3 в интервале 2897–2747 CalBC (прилож. 1). В сезоне 2022 г. сомнения в отношении этих радиоуглеродных определений были развеяны с появлением новых, датирующих комплекс хозяйственных ям (всего 5 объектов), зафиксированных на противоположном берегу ручья.

Одна из ям (объект 59) указанного комплекса содержала значительное количество древесного угля, по которому получены с помощью AMS три хорошо согласующиеся между собой даты (прилож. 2). Средние значения лежат в интервале 2850–2750 CalBC, в целом совпадая с предыдущими определениями по дереву непосредственно с поселения. С придонной части объекта 59 происходят фрагменты кубков и мисок (рис. 6: *2, 5–7*). Они имели сравнительно слабый обжиг и толченый кварц в керамической массе, что типично для раннего типа керамики местного варианта приморской культуры. Кубок характеризовался формой тулова, близкой к воронковидной, выделенными плечиками и коротким венчиком (рис. 6: *6*). Декор представлял собой сочетание горизонтальных шнуровых оттисков и штампа в виде одного ряда столбиков. Еще один фрагмент кубка оказался неорнаментированным, с воронковидной формы коротким венчиком (рис. 6: *5*). Миска с прямым венчиком, дно выделено (рис. 6: *7*). Орнамент отсутствует, но непосредственно под краем венчика размещались небольших размеров налепы овальной формы. Также на данном уровне находился еще один

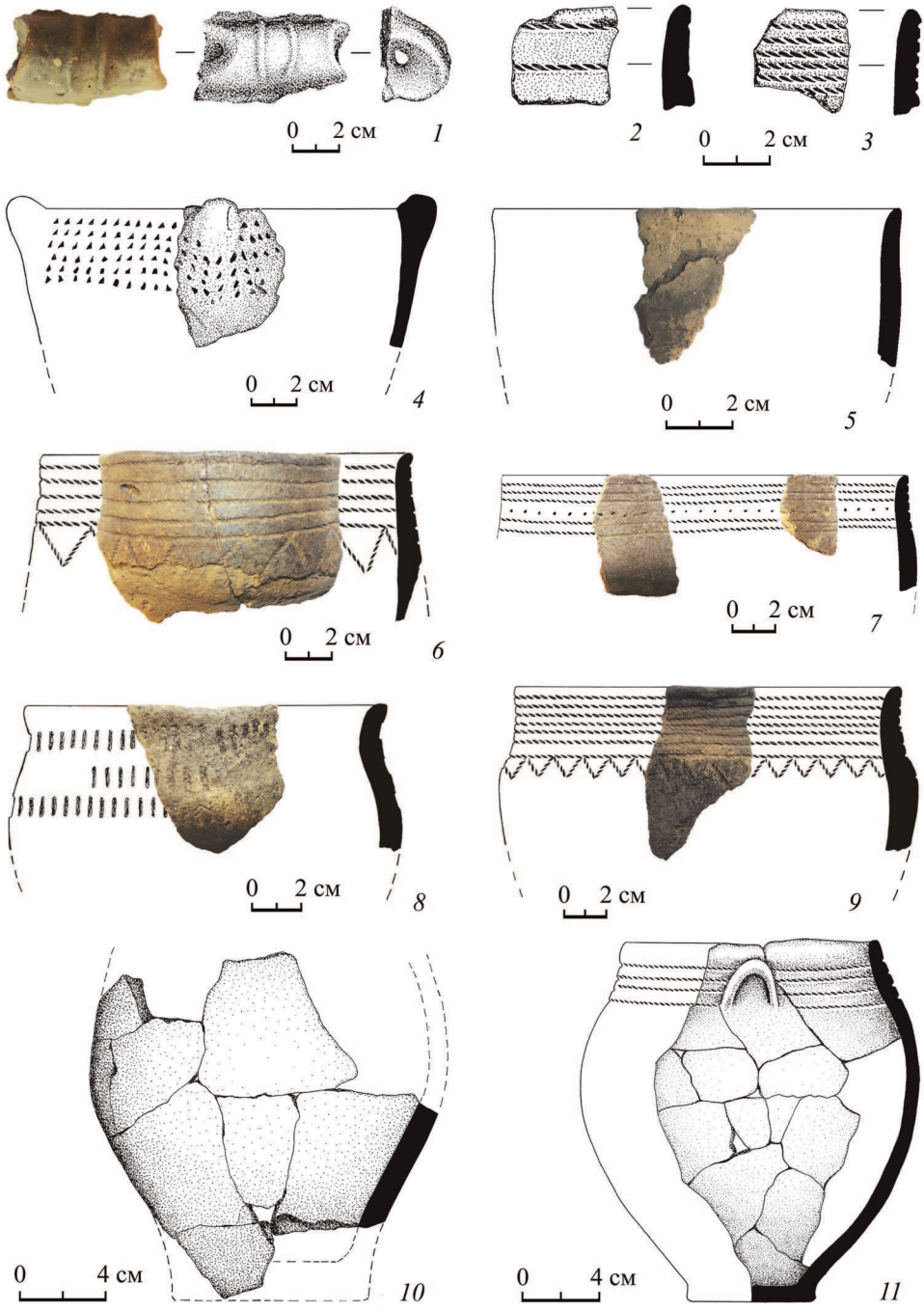


Рис. 2. Поселение Прибрежное, постройка 7. Фрагменты посуды

1 – ушко амфоры; *2–7* – кубки; *8–11* – кубковидные и горшковидные сосуды

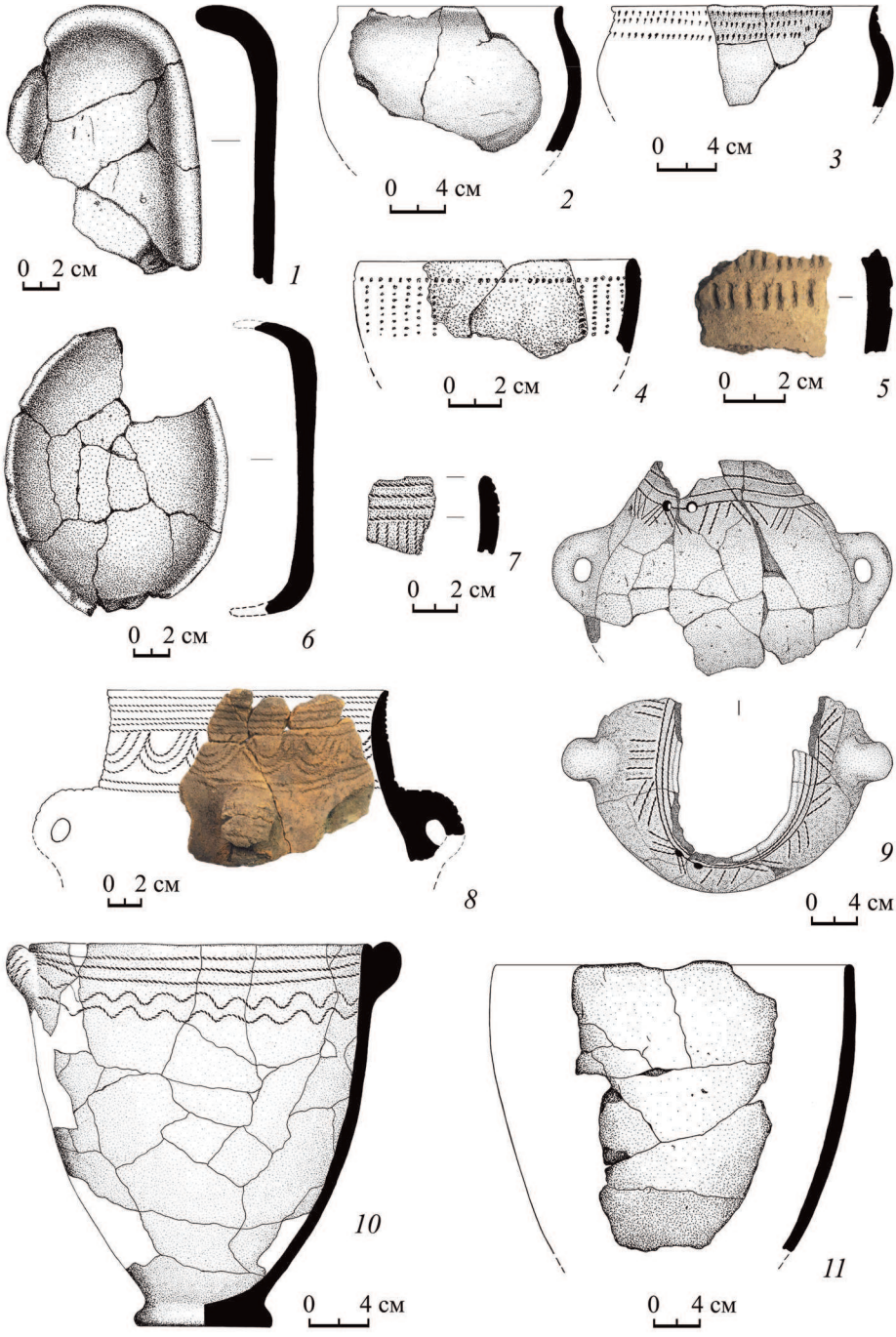


Рис. 3. Поселение Прибрежное, постройка 7.
Фрагменты посуды

1, 6 – миски овальной и удлиненно-овальной формы; *2–5, 7* – глубокие миски; *8, 9* – амфоры; *10, 11* – сосуды тюльпановидной формы

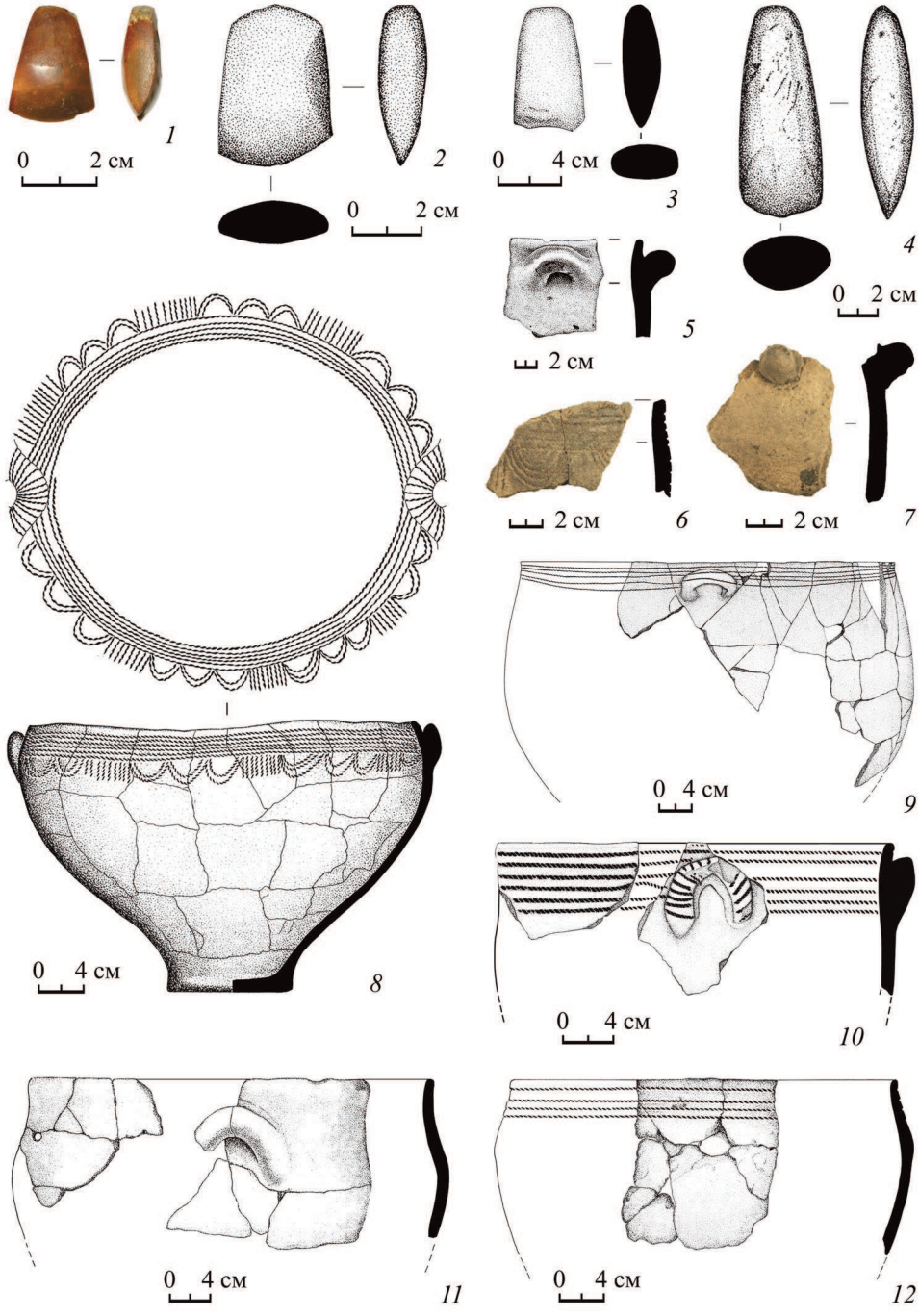


Рис. 4. Поселение Прибрежное.
Находки с нижнего уровня заполнения котлована постройки 7

1 – миниатюрный топорик из яшмы; *2–4* – каменные топорики; *5–12* – разновидности широкогорлых горшков

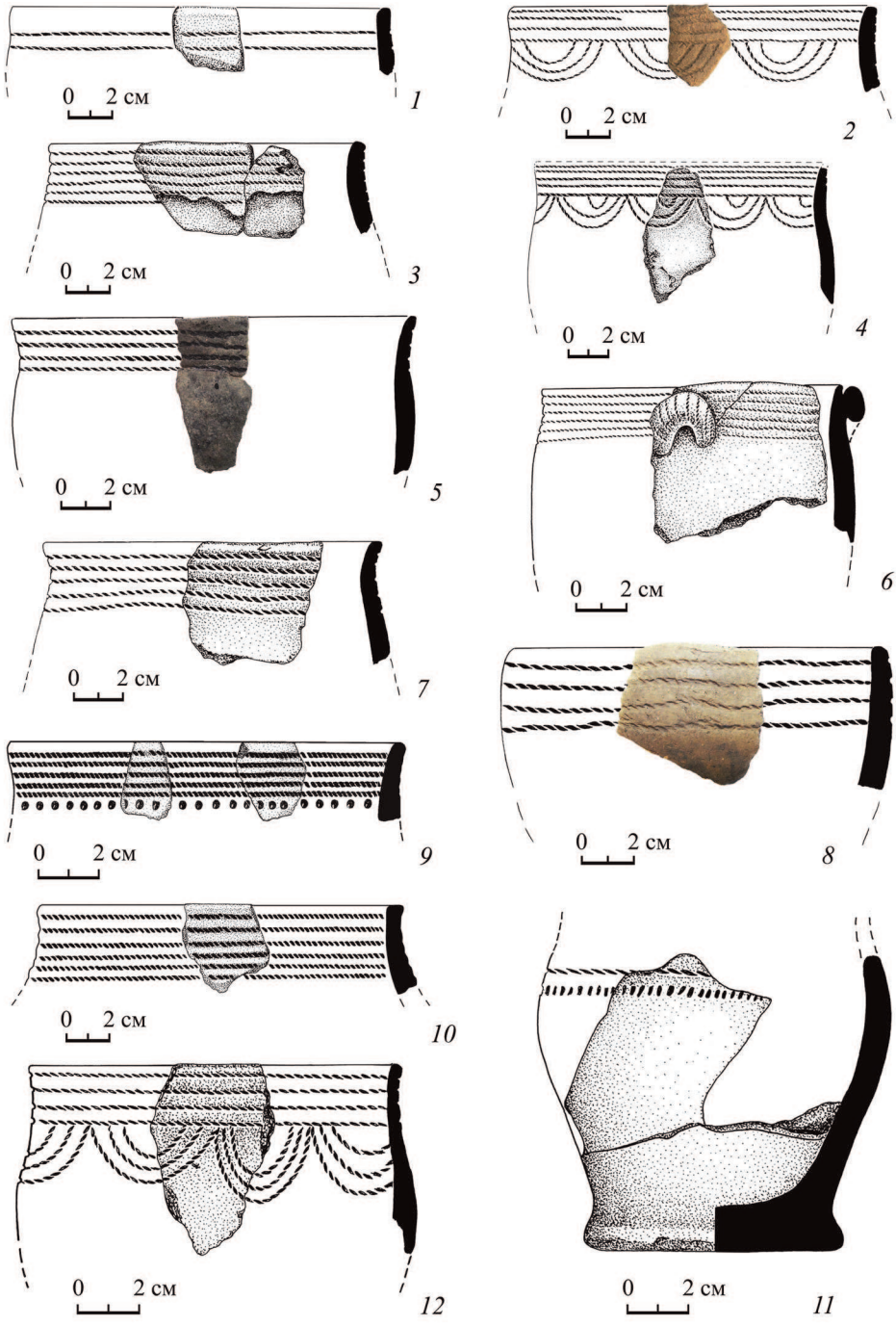


Рис. 5. Поселение Прибрежное. Кубки (*1–9*), кубковидный сосуд (*10*)

1 – постройка 3; *2* – постройка 10; *3, 6, 7, 10* – постройка 2; *4* – постройка 9; *5* – постройка 11; *8, 11, 12* – нижний уровень культурного слоя; *9* – объект 35А

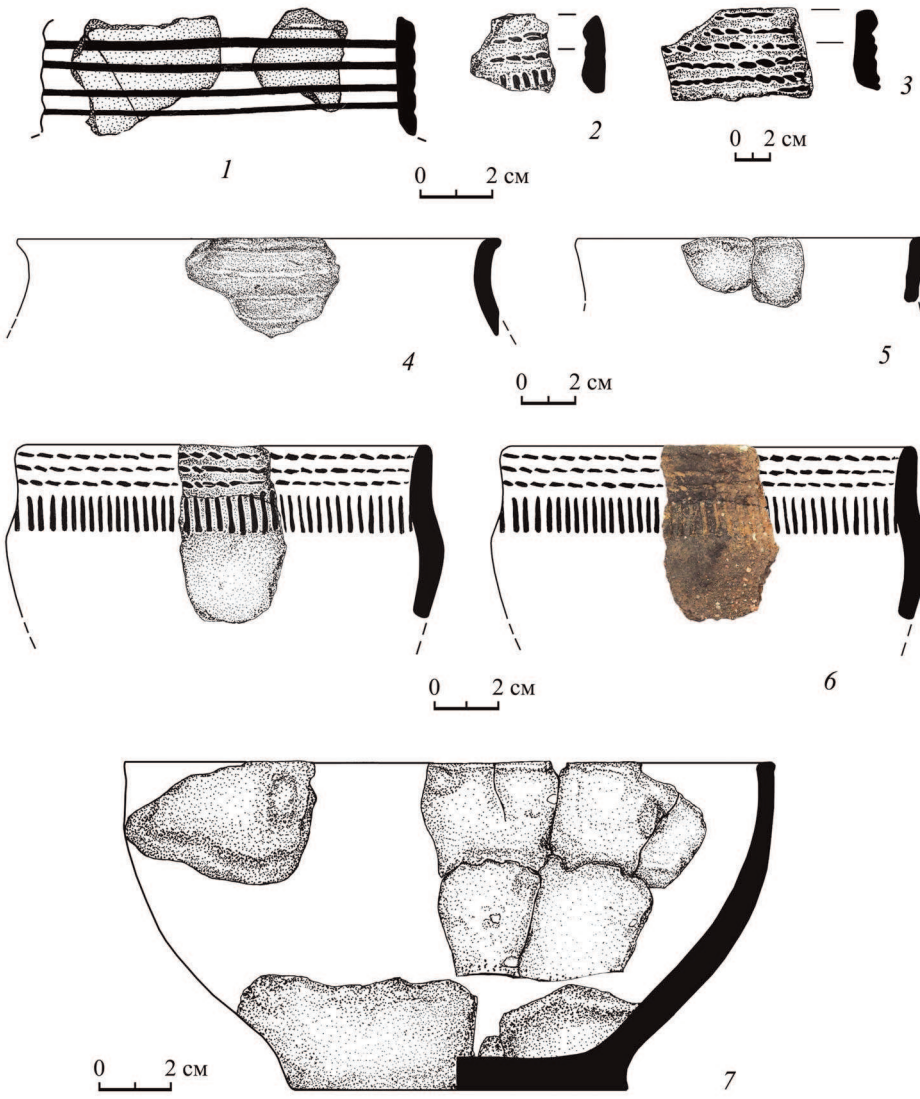


Рис. 6. Поселение Ушаково-3, объект 59. Фрагменты посуды

мелкий фрагмент миски, возможно, сферической формы, украшенной обычным для КШК декором в виде сочетания простого шнура и мелких ямок продолговатой формы (рис. 6: *2*). Чуть выше стратиграфически в заполнении той же ямы выявлены очевидные обломки А-амфоры. Частично сохранились лишь фрагменты шейки цилиндрической формы, украшенной линиями бороздок, но и такая находка является одной из первых на древнейших поселениях северо-восточного побережья Вислинского залива (рис. 6: *1*). Сосуд темно-серого цвета, отличался примесью в керамической массе шамота и органики, что совершенно нехарактерно для керамики приморской культуры. Ближе к поверхности объекта обнаружены еще два фрагмента сосудов средних размеров, декорированных горизонтальными оттисками шнура (рис. 6: *3, 4*).

Своей формой кубок находит прямые аналогии среди ранее обнаруженных материалов с нижнего уровня поселения Ушаково-3 (рис. 7: *2*), а также соседнего поселения Ушаково-1 (*Зальцман*, 2019. Рис. 517: *3*). Что касается декора, то украшены они были сочетанием оттисков шнура и наколов продолговатой формы. Тем не менее в объекте 59 кубок аналогичной формы отличался декором в виде сочетания шнура и столбиков, типичного для КША. Миска с поселения по форме также напоминает аналогичные образцы в культуре шаровидных амфор (рис. 7: *4*) (тип IVB1, по Т. Вислянскому) (*Wisławski*, 1966. S. 23). Относительно прочих составляющих культурного комплекса Ушаково-3 добавим, что амфорам также можно найти частичные параллели в КША (рис. 7: *5, 6*) (тип IC1, по Т. Вислянскому), а варианты посуды в виде светильников удлиненно-овальной формы и широкогорлых горшков S-образной формы имеют явные аналогии в культурах «лесного» неолита (рис. 7: *8, 13, 14*). Таким образом, как и в Прибрежном, в глаза бросается смешанный характер комплекса, где представлены три составляющие – формы, возможно, проистекающие из КША (рис. 7: *4–6, 10, 12*); разновидности, включающие светильники и широкогорлые горшки (рис. 7: *8, 13, 14*), распространившиеся в приморской культуре под влиянием или непосредственном участии населения местных культур «лесного» неолита, а также компоненты ранней КШК типа А-кубков, но с короткой шейкой и пока еще очень редких фрагментов А-амфор («Strichbündelamphore») (рис. 7: *2, 3, 7, 9, 11*). Сосуд кубковидных очертаний является местной производной от кубков раннего типа (рис. 7: *1*).

Добавим также, что в это же время распространение получают кубки специфической тюльпановидной формы, не имеющие шейки (обнаружены в постройках 2, 5, 7 и на нижнем уровне культурного слоя в Прибрежном) (рис. 2: *4*; 5: *8*).

Изготавливали кубки, как, впрочем, и сосуды кубковидной формы, происходящие из вышеуказанных памятников, обычно очень тщательно, хотя их количество невелико. В керамической массе кубков обнаруживается очень мелкая минеральная примесь толченого кварца и слюды, а поверхность сравнительно хорошо заглажена, иногда подлощена. Предположительно, орнаментированные кубки из Прибрежного могли использоваться для питья. Это исключительно местные формы, очень рано возникшие на побережье (рис. 5). На раннем этапе они имели орнамент только в виде простых оттисков шнура, сочетания шнура и наколов или ямок округлой формы, а также шнуровых полуовалов (рис. 5). Отметим, что кубки, украшенные полуовалами (всего обнаружено 3 экз.), очень быстро исчезают из обихода.

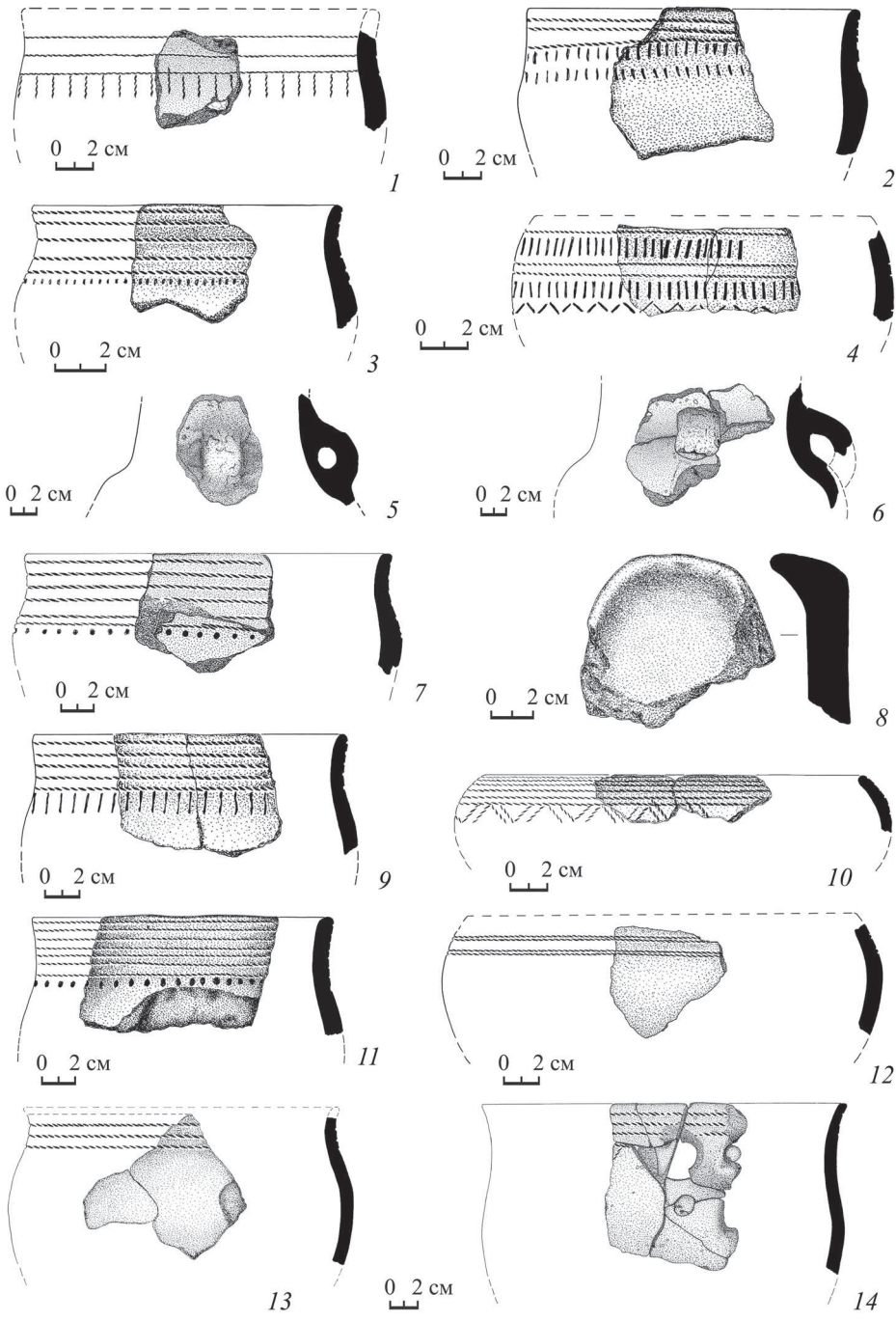


Рис. 7. Поселение Ушаково-3. Посуда раннего этапа

1 – сосуд кубковидной формы; *2, 3, 7, 9, 11* – кубки; *4* – миска; *5, 6* – амфоры; *8* – миска удлиненно-овальной формы; *10, 12–14* – широкогорлые горшки

Амфоры из Прибрежного, как и кубки, благодаря своеобразию формы, в целом, явно местного происхождения, хотя декор в виде полуовалов или столбиков имеет своим источником КША (рис. 3: *8, 9*). Разница с КША видна и в количестве ушек, которых всегда только два, в отличие от амфор КША по преимуществу с 4 ушками.

Однако миски в форме полусферы однозначно происходят из круга КША, где они получили широкое распространение (рис. 3: *4, 5*) (*Wiślański*, 1966. S. 31) Странным является лишь то, что в КША миски намного разнообразнее, чем в постройках из Прибрежного и Ушаково-3, где были представлены только две наиболее простые разновидности – без шейки и с шейкой. К тому же они всегда с хорошо выделенным донышком, что в КША встречается реже.

Превалирующей категорией посуды, однако, являются широкогорлые горшки открытого типа, численность которых составляет 40 % от всей посуды в Прибрежном. Всего насчитывается 8 разновидностей широкогорлых горшков. В постройке 7 представлены наиболее распространенные, к которым, прежде всего, относятся сосуды S-образной формы с плавной профилировкой тулова, постепенно сужающегося к небольшому по размеру, но массивному донышку (рис. 4: *5, 10*). Украшались они значительно реже, чем остальные. Прототипами подобного рода сосудов, предположительно, могли послужить широкогорлые горшки цедмарской культуры с аналогичными очертаниями, но более архаичного облика (*Gumiński*, 2001. S. 134. Ryc. 2: *a, d, e, j*). С другой стороны, до сих пор имеются неясности с хронологией и периодизацией цедмарской культуры. Если следовать периодизации В. Гуминьского, то начало приморской культуры будет соответствовать т. н. постцедмарскому этапу, который приходится на 3500–2800 CalBC (*Gumiński*, 2020. P. 127, 128).

Противоположные характеристики имеют красиво украшенные горшки приземистой формы. Шейка у таких сосудов отсутствует полностью, как и у горшков в форме полусферы, орнаментальные схемы включают преимущественно шнуровые полуовалы и простые оттиски шнура (рис. 4: *8*). По крайней мере, горшки в виде полусферы, видимо, своим происхождением связаны с КША, хотя форма их заметно трансформировалась (рис. 4: *7, 9*). Наименее очевидно распространение широкогорлых горшков воронковидных очертаний и с почти прямым венчиком (рис. 4: *11, 12*). Путаницу вносит то обстоятельство, что сосуды аналогичной формы встречались в Жуцево среди не так уж давно проанализированных материалов КВК (*Felczak*, 2018. Ryc. 16: *3, 4*). Но горшки воронковидной формы известны и в КША (*Nosek*, 1967. Ryc. 113: *5, 8*).

В последнем случае можно было бы не касаться роли КВК в становлении приморского культурного феномена, хотя довоенные исследователи на этом настаивали (*Ehrlich*, 1936; *Kilian*, 1955). Но наличие на памятнике длинных домов столбовой конструкции с двухрядной конструкцией стен находит прямые параллели именно среди соседних групп КВК, в особенности в лупавской группе из Померании (*Świderski, Wierzbicki*, 1990. S. 38). К довершению всего следы стоянок КВК к настоящему времени выявлены в Прибрежном и Ушаково-3. Радиоуглеродные определения, датирующие материалы с этих стоянок, подтверждают, что население, их оставившее, продолжало здесь существовать, возможно, вплоть до прихода новых переселенцев (*Зальцман*, 2020).

Вне всякого сомнения, охарактеризованные древности, относящиеся к периоду формирования приморской культуры, отражают очевидный смешанный, частью синкретический характер возникшего на побережье Юго-Восточной Прибалтики образования, сложившегося на основе нескольких совершенно различных компонентов.

Идея об участии в формировании новой культуры представителей КША не нова и выдвигалась неоднократно (*Šturms*, 1970. S. 183; *Żurek*, 1954. S. 39; *Okulicz*, 1973. S. 132), так как ее специфические черты легко вычленяются на фоне любых древностей. Они прослеживаются не только в Прибалтике, привлекавшей население КША своими залежами янтаря, высоко ими ценившимися, но и в Восточной Европе, в первую очередь в фатьяновской культуре, в которой этот компонент проступает достаточно явственно (*Szmyt*, 1999. P. 139).

В Прибрежном и Ушаково-3, как в наиболее ранних приморских поселенческих комплексах и, более того, соседствующих с областью распространения КША, очевидно «амфорный» компонент должен был быть в особенности выраженным. В самом деле, варианты орнамента, представляющие собой штамп в виде мелких столбиков, на посуде из построек в Прибрежном следует считать обычным явлением. Но такой декор широко встречался только среди керамических материалов постройки 1 и прилегающей к ней постройки 11, в постройке 7 и остальных аналогичных сооружениях находки керамики с подобным орнаментом единичны (рис. 2: *8*; 3: *5*). Причем предпочтение отдавалось простейшим схемам в виде горизонтальных рядов, иногда разделенных на группы.

Значительно шире на посуде из построек представлены характерные для КША шнуровые полуовалы, которыми могли украшаться даже кубки (рис. 3: *8*; 4: *6, 8*; 5: *2, 4, 12*). Шнуровые полуовалы кроме КША известны только в трипольской культуре (*Burdo, Videiko*, 2010. Fig. 2: *7*). В приморской культуре они были достаточно популярны, но лишь на раннем этапе существования. Происхождение мисок и горшков в виде полусферы, амфор раннего типа из Ушаково-3, как уже упоминалось, имеет те же корни. Но даже эти типы посуды всегда несут в себе следы трансформации, в частности – хорошо выделенное донце, что свойственно посуде именно приморской культуры раннего этапа. К тому же значительное число экземпляров посуды из Прибрежного имеет синкретические черты.

Остальные формы посуды либо отличаются настолько трансформированным обликом, что найти прямые параллели в КША весьма затруднительно, либо связаны с «лесным неолитом» и (полностью не исключено) КВК. Что характерно: в Прибрежном в жилищах помимо посуды основного культурного комплекса обнаружена керамика местных культур «лесного неолита», но собственно керамика КША почти неизвестна (*Зальцман*, 2022б. С. 122, 136). Возможно, напрямую связан с КША лишь один украшенный мелкими столбиками фрагмент из постройки 4 (Там же. Рис. 45: *8*). Ранее автор относил его к основному комплексу, однако некоторые из технологических характеристик (выступающие на поверхности частицы дресвы и слабый обжиг), даже без учета орнамента, ближе к керамике КША, чем к приморской.

Еще совсем недавно, в 2021 г., отдельными исследователями утверждалось, что начало приморского образования приходится на 3200 CalBC, когда на побережье Юго-Восточной Прибалтики мигрировали группы населения КША

(*Piličiauskas et al.*, 2021). Они якобы и были ответственны за создание приморской культуры. В прибрежной зоне мигранты, по логике авторов, стали вести оседлый образ жизни, занимаясь рыболовством и охотой на морского зверя (Ibid. P. 222).

Авторы трактовали даты из Прибрежного, опираясь на самый ранний отрезок интервала. Естественно, такое толкование дат из Прибрежного автоматически исключало приморскую культуру из круга КШК, самые ранние в котором, как мы видели, могли возникнуть только в интервале 3000–2900 CalBC. В таком случае приморская культура становилась одной из группировок КША на побережье, с изменившейся структурой поселений и хозяйства, трансформированным культурным комплексом, коренными переменами в погребальном обряде.

Без всякого сомнения, представленная модель противоречит целому ряду фактов, даже без учета новых дат. Прежде всего обращает на себя внимание утверждение о раннем появлении КША на юго-восточном побережье. Заселение сообществами КША Хельмской земли происходит в промежутке 3250–3000 гг. до н. э. (*Szmyt*, 1999. P. 81). Источником, конечно, явилась соседняя Куявия, откуда и началась миграция. Но на остальных территориях КША распространяется позднее. Первая фаза Восточно-Люблинской подгруппы приходится на 3000/2950–2900/2850 CalBC. (*Bronicki*, 2021. P. 258). Около 3000 CalBC группы переселенцев КША появляются в Подлясье (*Szmyt*, 1999. P. 81). Период существования КША на Сандомирской возвышенности в Южной Польше, где шнуровая орнаментация была обычным явлением, укладывается в рамки 2900–2500 CalBC. (*Witkowska*, 2021. P. 38, 39). Начало соседней с Куявией западной группы КША (территория Германии) датируется в пределах около 3100–2900 CalBC, но комплексы со шнуровой орнаментацией относятся к 2900–2700/2600 CalBC (*Woidich*, 2014. P. 74). Таким образом, нет никаких оснований предполагать, что группы населения КША проникают в прибрежную зону раньше, чем на большинство соседних территорий. Не придавалось значения и тому факту, что слишком широкое распространение шнуровой орнаментации (почти 60 %), наблюдаемое в Прибрежном, совершенно не соответствует периоду, к которому авторы относили памятник.

Необъяснимым, если придерживаться данных идей, является и то обстоятельство, что погребальные обряды приморской культуры и КША коренным образом различаются между собой. Одиночные погребения в пределах поселений – черта, свойственная местным неолитическим сообществами и отдельным группам КШК в Прибалтике, но только не КША. К тому же эти приморские погребения считаются экстраординарными, их число крайне незначительно, а основной погребальный обряд неизвестен и археологическими методами неуловим. Перемены в хозяйственном укладе никак не могли повлиять на столь серьезные преобразования в погребальной сфере. Общеизвестно, что группы населения КША, даже оказавшись в самых отдаленных районах Восточной Европы, сохраняли верность собственным традициям, ритуалам, общественной организации, стратегии выживания, что археологически подтверждается специфическими погребальными практиками, особенностями гончарного производства, обработки сырья и изготовления изделий из кремня (*Szmyt*, 2016. P. 32). Погребальные и поселенческие комплексы КША с отдаленных территорий

Волыни, Подолья и Молдавского нагорья в целом согласуются с древностями КША центральной и соседних групп. Особая значимость придавалась местам погребения, отмеченным присутствием каменных гробниц, вокруг которых были сосредоточены сезонные поселения (*Szmyt*, 2009. P. 240, 241). Такая модель поведения коренным образом отличается от той стратегии, которая характерна для носителей КШК в период формирования.

Навыки домостроительства приморской культуры совершенно иные и не имеют к КША никакого отношения. Структура керамического комплекса очевидным образом указывает на смешанный характер и происхождение значительной части форм посуды и орнамента из самых различных источников, но не только из КША. То же самое мы можем сказать о технологических особенностях керамических изделий. Набор янтарных украшений тесно связан с Восточной Прибалтикой (*Loze*, 2008). Экономика отличалась комплексностью и разнонаправленностью, производящее хозяйство, наличие которого подтверждается результатами новейших исследований, существовало уже в период формирования приморской культуры.

Появление полученных с помощью AMS новых дат, серьезным образом уточнивших хронологию поселений Прибрежное и Ушаково-3, полностью опровергает идеи о продвижении групп населения КША на юго-восточное побережье. Весьма вероятно, учитывая наличие фрагментов А-амфор в Прибрежном и Ушаково-3 и чересчур широкое распространение шнурового декора уже на начальном этапе (пока еще достаточно редких в местном комплексе), что интервал 3050–2900 CalBC для Прибрежного следует также рассматривать исходя из позднейшей его части. Иными словами, стоит предполагать начало формирования приморской культуры около 2950–2900 CalBC, но не ранее.

Приморское культурное образование возникло на побережье в процессе миграции и за очень короткий срок, интегрировав в себя одновременно несколько гетерогенных компонентов. Изначальная неоднородность культурного комплекса, скорее всего, связана с миграцией на побережье преимущественно мужского населения и, соответственно, установлением экзогамных отношений. Такая модель уже была продемонстрирована для КШК Центральной и Северной Европы (*Kristiansen et al.*, 2017. P. 339). Женщины, по-видимому, происходили из совершенно различных культурных групп (КША и Цедмар), что и отразилось на керамическом комплексе, имеющем ярко выраженный смешанный характер.

Очень быстро происходит интеграция и выработка собственных форм. Кубки раннего типа с короткой шейкой (местный вариант А-кубков) также распространяются в начальной стадии культуры. Местными по происхождению являлись кубки и более крупных размеров сосуды тюльпановидной формы, а также амфоры с овальной горловиной.

Устройство и структура жилых сооружений, несомненно, была заимствована из КВК. Но и здесь не обошлось без новых конструктивных решений. Типы каменных топоров тоже местные по происхождению. Редкость кремня на побережье вынуждала использовать небольшие по размеру каменные топорики трапециевидной формы (рис. 4: *2–4*), встречаются и миниатюрные экземпляры из яшмы (рис. 4: *1*).

Новые переселенцы заняли слабозаселенную местность между областями КША и нарвской культурой. Пока нет никаких доказательств, что эти прибреж-

ные районы уже использовались нарвским населением, но следы стоянок поздней КВК обнаружены на тех же участках, где впоследствии возникли первые приморские поселения. Стратегия, при которой мигранты в период переселения выбирают малозаселенные области, известна и для культуры одиночных погребений (*Ebbesen*, 2006. P. 169).

С населением нарвской культуры, обитавшими севернее, вероятно, отношения имели ограниченный характер. Распространившиеся в приморской культуре миски овальной формы (светильники) – почти все, что могло быть взято из этой культуры (*Robson et al.*, 2022). Сюда также стоит включить некоторые редкие виды ямочного орнамента. Инородная керамика, обнаруженная в постройках из Прибрежного, находит прямые аналогии в цедмарской и культуре гребенчатой керамики. Фрагменты плоских днищ с раковинной и иной органической примесью, типичных именно для цедмарской культуры, служат тому дополнительным подтверждением (*Зальцман*, 2022б. Рис. 50: *12*; 66: *3*).

Отношения с сообществами КША, видимо, имели более сложную направленность. Мы не обладаем прямыми доказательствами связей с соседствующей с юга поморско-прусской группы КША, так как до сих пор не обнаружены следы их поселений, а посуда и другие вещи из каменных гробниц отличаются по большинству параметров (*La Baume*, 1943). Но в отдаленных группировках параллели обнаруживаются. Судя по более поздним приморским древностям, датируемым уже серединой или второй половиной III тыс. до н. э., связи с КША резко возрастают, причем на этих поселениях фиксируется изредка и собственно керамика КША (*Зальцман*, 2022а).

Причина, повлекшая за собой миграцию новой группы населения на побережье, могла бы оставаться для нас неясной. Но не стоит забывать, что именно на рубеже 3000–2900 гг. до н. э. среди отдельных сообществ в Центральной и Восточной Европе резко возрастает интерес к янтарю (*Czebreszuk*, 2003). Янтарь в связи с изменившейся ситуацией становится одним из важных ресурсов. Следовательно, возможность контролировать сбор янтаря и сверх того перспектива использовать богатые биоресурсы заливов могли спровоцировать перемещения мобильных групп, причем с достаточно отдаленных территорий.

Итак, к настоящему времени не подлежит сомнению, что начало приморской культуры шнуровой керамики лежит в пределах 3050–2900 Cal BC. С учетом приведенных выше доказательств, этот промежуток необходимо сузить до 2950–2900 Cal BC. Мигрировавшая группа, захватив юго-восточное побережье, за короткий срок заложила основы новой материальной культуры, впитав и трансформировав отдельные компоненты соседних образований, одновременно создав совершенно неизвестные ранее культурные формы. Очевидной целью при этом являлось сформировать новую, отличную от соседних идентичность.

ЛИТЕРАТУРА

Зальцман Э. Б., 2019. Восточная группа приморской культуры. Анализ материалов поселенческих комплексов. Ч. 1, 2. 687 + 318 с. М.: ИА РАН (Материалы спасательных археологических исследований; т. 26.)

Зальцман Э. Б., 2020. Культурная и хронологическая принадлежность средненеолитических материалов с поселений Ушаково 3 и Прибрежное // КСИА. Вып. 258. С. 46–64.

Зальцман Э. Б., 2022а. «Амфорный» компонент в восточной группе приморской культуры (2800–2200 гг. до н. э.) // КСИА. Вып. 269. С. 49–69.

Зальцман Э. Б., 2022б. Восточная группа приморской культуры. Проблемы происхождения и развития. М.: ИА РАН. 287 с. (Материалы спасательных археологических исследований; т. 27.)

Bronicki A., 2021. Chronology and periodization of the Globular Amphora culture East Lublin Subgroup // BPS. Vol. 25. P. 221–263.

Burdo N., Videiko M., 2010. «Cord» ornamented pottery of the Trypillia Culture. A macro analysis // BPS. Vol. 15. P. 110–121.

Czebreszuk J., 2003. Amber on the Threshold of a World Career // Amber in Archaeology: Proceedings of the Fourth International Conference on Amber in Archaeology, Talsi / Eds.: C. W. Beck, I. B. Loze, J. M. Todd. Riga: Institute of the History of Latvia Publishers. P. 164–179.

Dobeš M., Pecinovská M., Ernée M., 2021. On the earliest Corded Ware in Bohemia // Yamnaya Interactions: proceedings of the International Workshop held in Helsinki, 25–26 April 2019 / Eds.: V. Heyd, G. Kulcsár, B. Preda-Bălănică. Budapest. P. 487–511. (Archaeolingua; vol. 44.) (The Yamnaya Impact on Prehistoric Europe; vol. 2.)

Ebbesen K., 2006. The Battle Axe Period = Stridsøksetid. København: Attika. 859 p.

Ehrlich B., 1936. Succase // Elbinger Jahrbuch. Bd. 12/13. S. 1–98.

Felczak O., 2018. Kultura pucharów lejkowatych w jej środkowym okresie trwania na obszarze stanowiska nr 1w Rzucewie // Zespół osadniczy z epoki kamienia – Rzucewo, gmina Puck, stanowisko 1. Gdańsk: Muzeum Archeologiczne w Gdańsku. S. 83–107. (Fontes Commentationesque ad Res Gestas Gedani et Pomeraniae; t. VII.)

Furholt M., 2003. Die absolutchronologische Datierung der Schnurkeramik in Mitteleuropa und Südskandinavien. Bonn: Dr. Rudolf Hobelt. 282 S. (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie; 101.)

Gumiński W., 2001. Kultura Zedmar. Na rubieży neolitu «zachodniego» // Od neolityzacji do początków epoki brązu. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie. S. 133–152.

Gumiński W., 2020. The oldest pottery of the Para-Neolithic Zedmar culture at the site Szczepanki, Masuria, NE-Poland // Documenta Praehistorica. Vol. XLVII. P. 126–154.

Hübner E., 2005. Jungneolithische Gräber auf der Jütischen Halbinsel. Typologische und chronologische Studien zur Einzelgrabkultur. København: Det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab. 1502 S.

Kilian L., 1955. Haffküstenkultur und Ursprung der Balten. Bonn: Rudolf Habelt. 320 S.

Kristiansen K., Allentoft M. E., Frei K. M., Iversen R., Johannsen N. N., Kroonen G., Pospieszny Ł., Price T. D., Rasmussen S., Sjögren K.-G., 2017. Re-theorising mobility and the formation of culture and language among the Corded Ware Culture in Europe // Antiquity. Vol. 91. P. 334–347.

Krzak Z., 1976. The Złota Culture. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 254 s.

La Baume W., 1943. Die jungsteinzeitliche Kugelamphorenkultur in Ost- und Westpreußen // Prussia. Bd. 35. Königsberg. S. 13–80.

Loze I., 2008. Lubāna ezera mitrāja neolīta dzintars un tā apstrādes darbnīcas. Riga: Latvijas vēstures institūta apgāds. 188 l.

Nosek S., 1967. Kultura amfor kulistych w Polsce. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 464 s.

Okulicz J., 1973. Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w. n. e. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 588 s.

Piličiauskas G., Skipitytė R., Oras E., Lucquin A., Craig O. E., Robson H. K., 2021. The globular amphora culture in the Eastern Baltic: new discoveries // Acta Archaeologica. Vol. 92, 2. P. 203–227.

Robson H. K., Lucquin A., Admiraal M., Dolbunova E., Adamczak K., Czekaj-Zastawny A., Fitzhugh W. W., Gumiński W., Kabaciński J., Kotula A., Kukawka S., Oras E., Piezonka H., Piličiauskas G., Sørensen S. A., Thielen L., Wetzel G., Meadows J., Hartz S., Craig O. E., Heron C. P., 2022. Light Production by Ceramic Using Hunter-Gatherer-Fishers of the Circum-Baltic // Proceedings of the Prehistoric Society. Vol. 88. P. 25–52.

Šturms E., 1970. Die steinzeitlichen Kulturen des Baltikums. Bonn: Rudolf Habelt. 298 S.

Świderski W., Wierzbicki J., 1990. Osada ludności kultury pucharów lejkowatych w Poganicach, woj. Słupsk, stanowisko 4 (strefa 2). Poznań: Instytut Prahistorii Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. 145 s.

Szmyt M., 1999. Between west and east people of the Globular amphora Culture in Eastern Europe: 2950–2350 BC. Poznań: Institute of Prehistory. 351 p. (BPS; vol. 8.)

Szmyt M., 2009. Eastern European Destinations of Central European Cultural Patterns. The case of Globular Amphora Culture (end of the 4th – middle of the 3rd millennium BC) // BPS. Vol. 14. P. 231–250.

Szmyt M., 2016. Distant East Destinations of Globular Amphora Culture People: Creation and re-Creation of Identity in Peripheral Landscapes // Transitional Landscapes? The 3rd Millennium BC in Europe. Bonn: Habelt. P. 21–34. (Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie; 292.) (Human Development in Landscapes; 9.)

Wisławski T., 1966. Kultura amfor kulistych w Polsce północno-zachodniej. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 285 s.

Witkowska B., 2021. Radiocarbon dating of the archival funeral complexes of the Globular Amphora culture on the Sandomierz Upland: Gajowizna, Malice, Mierzanowice and Sandomierz Sites // BPS. Vol. 25. P. 7–47.

Włodarczak P., 2008. Kultura złocka i problem genezy kultury ceramiki sznurowej w Małopolsce // Na pograniczu światów: studia z pradziejów międzymorza bałtycko-pontyjskiego ofiarowane Profesorowi Aleksandrowi Kośko w 60 rocznicę urodzin. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie. S. 555–576.

Włodarczak P., 2013. Projekt badań chronologii absolutnej eneolitu i początków epoki brązu w Małopolsce // Otázky neolitu a eneolitu našich krajín – 2010 / Eds.: I. Cheben, M. Soják. Nitra: Archeologický ústav Slovenskej akadémie vied. S. 373–387.

Włodarczak P., 2014. The traits of Early-Bronze Pontic cultures in the development of old upland Corded Ware (Małopolska groups) and Złota culture communities // BPS. Vol. 19. P. 7–52.

Włodarczak P., 2017. Battle axes and beakers. The Final Eneolithic societies // The Past societies. 2. 5500–2000 BC. Polish lands from the first evidence of human presence to the early Middle Ages. Warszawa: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk. P. 275–336.

Włodarczak P., 2018. Chronometry of the Final Eneolithic cemeteries at Święte, Jarosław District, from the perspective of cultural relation among Lesser Poland, Podolia and north-western Black Sea region // BPS. Vol. 23. P. 178–212.

Włodarczak P., 2021. Eastern impulses in cultural and demographic change during the end of the south-eastern Polish Eneolithic // Yamnaya Interactions: proceedings of the International Workshop held in Helsinki, 25–26 April 2019 / Eds.: V. Heyd, G. Kulcsár, B. Preda-Bălănică. Budapest. P. 436–461. (Archaeolingua; vol. 44.) (The Yamnaya Impact on Prehistoric Europe; vol. 2.)

Woidich M., 2014. The Western Globular Amphora Culture. A New Model for its Emergence and Expansion // eTopoi. Vol. 3. P. 67–85.

Żurek J., 1954. Osada z młodszej epoki kamiennej w Rzucewie, pow. Wejherowski, i kultura rzucewska // Fontes Archaeologici Posnanienses. T. 4 (1953). Poznań. S. 1–43.

Сведения об авторе

Зальцман Эдвин Борисович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: edwin_zalcman@mail.ru

E. B. Zaltsman

NEW DATA ON THE CULTURAL AND CHRONOLOGICAL POSITION OF THE POMERANIAN/RZUCEWO CULTURE

Abstract. The latest AMS-dates obtained for Pribrezhnoe and Ushakovo-3, which are the earliest sites of the Pomeranian/Rzucewo culture, have been changing our understanding of when this cultural phenomenon emerged. The previous radiocarbon dates were

of poor accuracy. They placed the beginnings of this culture to a much earlier period. Most dates ranged within 3300–2800 Cal BC, thus the Pomeranian culture was considered to be the earliest of the Corded Ware culture (CWC) without any justification and was even automatically excluded from this list because its dates were outside the earlier «tail» of the range. Today there is no doubt that the Pomeranian culture of the Corded Ware entity emerged within 3050–2900 Cal BC. Given the presence of a large number of corded vessels (around 60 %), it would be reasonable to narrow this time span to 2950–2900 Cal BC. The new culture emerged during a very short period of time in the course of migration and simultaneous integration of several heterogeneous components. Its population developed its own forms of vessels very quickly. The beakers of the earlier type (a local variant of A-beakers) were spread as early as the initial stage of this culture with a clear aim of developing a new identity.

Keywords: Kaliningrad region, Vistula Lagoon coast, Pomeranian/Rzucewo culture, Corded Ware culture, Globular Amphorae culture, AMS-dates, vessels.

REFERENCES

Zaltsman E. B., 2019. Vostochnaya gruppa primorskoy kul'tury. Analiz materialov poselencheskikh kompleksov [Eastern group of Pomeranian culture. Analysis of materials of settlement complexes], 1, 2. Moscow: IA RAN. 687 + 318 p. (Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy, 26.)

Zaltsman E. B., 2020. Kul'turnaya i khronologicheskaya prinadlezhnost' sredneneoliticheskikh materialov s poseleniy Ushakovo 3 i Pribrezhnoe [Cultural and chronological attribution of Middle Neolithic materials from the settlements Ushakovo 3 and Pribrezhnoye]. *KSIA*, 258, pp. 46–64.

Zaltsman E. B., 2022a. «Amfornyy» komponent v vostochnoy gruppe primorskoy kul'tury (2800–2200 gg. do n. e.) [«The amphora» component in the Eastern group of Pomeranian culture (2800–2200 BC)]. *KSIA*, 269, pp. 49–69.

Zaltsman E. B., 2022b. Vostochnaya gruppa primorskoy kul'tury. Problemy proiskhozhdeniya i razvitiya [The Eastern group of Pomeranian. Issues of origin and development]. Moscow: IA RAN. 287 p. (Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy, 27.)

About the author

Zaltsman Edwin B., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: edwin_zalcman@mail.ru

Приложение 1

Радиоуглеродные даты с поселений Прибрежное и Ушаково-3, полученные в 2005–2010 гг.

№ п/п	Памятник	Датир. материал	Комплекс	Дата BP	OxCal (2021) 68,3 %	OxCal (2021) 95,4 %	Лаб. индекс
1	Прибрежное	кость	Постройка 2, нижн. уровень заполнения	4470 ± 60	3334–3214 (35,3 %) 3190–3148 (11,9 %) 3139–3087 (14,1 %) 3058–3031 (7,0 %)	3357–3009 (90,0 %) 2983–2934 (5,5 %)	Ki-11352
2	Прибрежное	кость	Постройка 3, нижн. уровень заполнения	4410 ± 80	3316–3294 (4,8 %) 3289–3239 (11,1 %) 3104–2916 (52,4 %)	3340–2902 (95,4 %)	Ле-6218
3	Прибрежное	кость	Постройка 3, нижн. уровень заполнения	4530 ± 60	3362–3314 (17,1 %) 3296–3286 (2,9 %) 3240–3104 (48,3 %)	3491–3465 (2,3 %) 3375–3024 (93,2 %)	Ki -11351
4	Прибрежное	скорлупа ореха	Постройка 7 (очаг В)	4470 ± 70	3335–3213 (33,6 %) 3191–3086 (27,4 %) 3059–3030 (7,2 %)	3360–3005 (87,3 %) 2992–2928 (8,2 %)	Ле-9055
5	Прибрежное	уголь	Постройка 7, нижн. уровень заполнения	4320 ± 90	3261–3252 (1,1 %) 3100–2870 (64,1 %) 2800–2778 (3,1 %)	3336–3212 (10,6 %) 3193–2842 (72,7 %) 3193–2842 (12,2 %)	Ле-8971
6	Прибрежное	уголь	Объект № 8	4505 ±	3344–3265 (23,1 %) 3244–3103 (45,2 %)	3371–3011 (94,8 %) 2976–2968 (0,4 %) 2945–2939 (0,3 %)	Ki-10580
7	Прибрежное	уголь	Объект № 8	4430 ±	3321–3237 (20,9 %) 3176–3161 (3,3 %) 3106–3007 (30,2 %) 2988–2930 (13,9 %)	3337–3211 (28,8 %) 3194–2917 (66,6 %)	Ki-9947
8	Ушаково-3	дерево	Горизонт 18, культурный слой	4210 ± 50	2896–2851 (22,9 %) 2809–2747 (32,4 %) 2727–2698 (12,9 %)	2908–2662 (92,3 %) 2654–2631 (3,2 %)	Ki-19202
9	Ушаково-3	дерево	Горизонт 18, культурный слой	4230 ± 40	2902–2866 (37,6 %) 2803–2766 (27,6 %) 2717–2706 (5,6 %)	2914–2843 (42,3 %) 2814–2672 (53,1 %)	Ki-19204

Приложение 2

Радиоуглеродные даты с поселений Прибрежное и Ушаково-3, полученные с использованием AMS

№ п/п	Памятник	Датир. материал	Комплекс	Дата BP	OxCal (2021) 68,3 %	OxCal (2021) 95,4 %	Лаб. индекс
1	Прибрежное	скорлупа лесного ореха	Постройка 7	4399 ± 26	3085–3059 (16,1 %) 3030–3006 (15,8 %) 2989–2930 (36,4 %)	3097–2918 (95,4 %)	BRAMS-5040
2	Прибрежное	скорлупа лесного ореха	Объект № 8	4381 ± 26	3019–2926 (68,3 %)	3092–3053 (13,1 %) 3036–2912 (82,3 %)	BRAMS-5039
3	Прибрежное	уголь	Объект № 8	4300 ± 20	2913–2895 (68,3 %)	3002–2996 (1,1 %) 2926–2884 (94,3 %)	IGAN-9906
4	Прибрежное	уголь	Постройка 7	4351 ± 24	3011–2979 (30,3 %) 2965–2949 (11,7 %) 2937–2911 (26,2 %)	3025–2902 (95,4 %)	GV-04329
5	Ушаково-3	уголь	Объект № 59	4209 ± 24	2889–2866 (25,6 %) 2803–2768 (36,6 %) 2716–2707 (6,1 %)	2896–2850 (33,5 %) 2810–2746 (48,4 %) 2728–2696 (13,6 %)	GV-04327
6	Ушаково-3	уголь	Объект № 59	4205 ± 35	2889–2859 (21,0 %) 2806–2753 (36,5 %) 2721–2703 (10,7 %)	2901–2839 (29,2 %) 2816–2668 (66,2 %)	GV-04506
7	Ушаково-3	уголь	Объект № 59	4180 ± 41	2882–2848 (15,9 %) 2811–2744 (33.6 %) 2730–2694 (16,5 %) 2685–2678 (2,3 %)	2889–2630 (95,4 %)	GV-04518
8	Ушаково-3	уголь	Культурный слой	4153 ± 35	2871–2839 (13,7 %) 2816–2799 (7,2 %) 2781–2669 (47,3 %)	2881–2623 (95,4 %)	GV-04514

А. А. Клещенко

КОЧЕТОВСКИЙ ВАРИАНТ НОВОТИТОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ: НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ[1]

Резюме. В статье проводится анализ современной источниковой базы по памятникам новотиторовской культуры Прикубанья первой четверти III тыс. до н. э., позволяющий по-новому взглянуть на содержание и датировку ее так называемого кочетовского варианта, основной спецификой которого являются погребения, совершенные в вытянутом положении. В частности, в работе приводятся результаты анализа их стратиграфической позиции в курганах новотиторовской культуры и сравнения погребального инвентаря из захоронений кочетовского варианта и других основных обрядовых групп. В результате делается вывод о том, что появление традиции вытянутых погребений в Прикубанье происходит на рубеже раннего и среднего или на самом раннем этапе существования новотиторовской культуры. Оно было связано не с влиянием носителей северокавказской культуры, как предполагалось ранее, а с прямой или опосредованной миграцией традиций квитянской (постмариупольской) культуры из Северного Причерноморья, ставшей одним из субстратов сложения новотиторовской культуры.

Ключевые слова: эпоха бронзы, новотиторовская культура, кочетовский вариант, северокавказская культура, квитянская культура, погребальный обряд, стратиграфия, погребальный инвентарь, хронология.

Последние 20 лет XX в. стали важнейшей вехой в истории изучения памятников эпохи бронзы Предкавказья, определившей модель абсолютной и относительной хронологии отдельных культурных феноменов, этапов их развития и межкультурных связей. Работы С. Н. Кореневского, А. Н. Гея, А. Д. Резепкина, В. А. Трифонова, Н. И. Шишлиной, А. В. Кияшко, М. В. Андреевой, М. Г. Гаджиева и других ученых стали определяющими для историографии палеометалла рассматриваемого региона на долгие годы вперед.

[1] Работа выполнена в рамках коллективной плановой темы ИА РАН № НИОКТР 122011200270-0.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.275.62-78

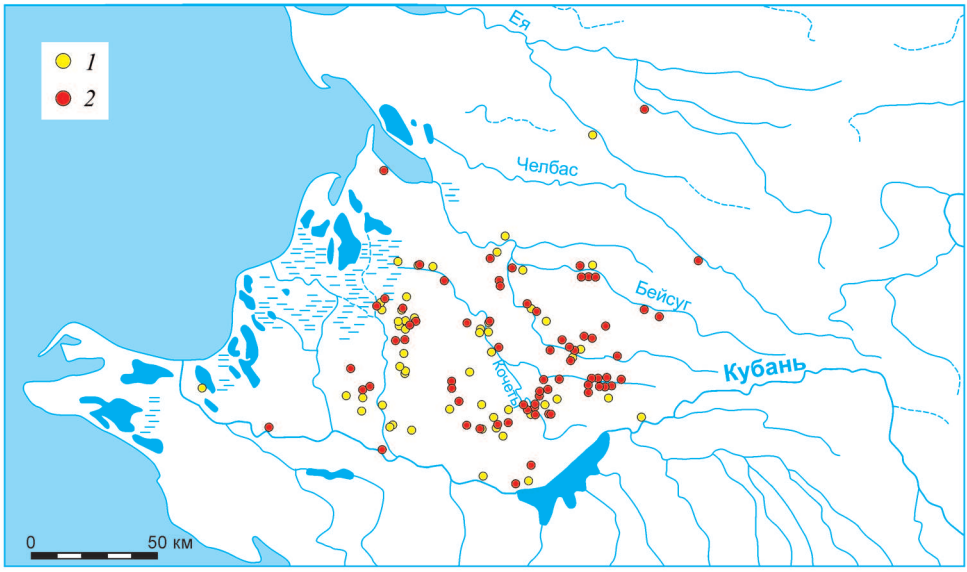


Рис. 1. Ареал памятников новотиторовской культуры на территории Прикубанья
1, 2 – общий ареал; *2* – памятники, содержавшие вытянутые на спине погребения

Одним из главных достижений этого периода является выделение и характеристика особой новотиторовской культуры (далее – НТК) конца ранней – начала средней бронзы в первую очередь в трудах А. Н. Гея (*Гей*, 1991; 1993; 2000 и др.). В калиброванных датах время ее существования соответствует самому концу IV – первой четверти III тыс. до н. э., основной ареал – западная и центральная часть Прикубанской низменности (рис. 1).

Согласно концепции А. Н. Гея, основанной на данных стратиграфии и планиграфии курганных кладбищ эпохи бронзы Прикубанья, а также эволюции материальной культуры, НТК складывается на основе двух субстратов – ямного и степного майкопского (пластуновского) – и проходит в своем развитии три этапа (*Гей*, 2000. С. 99–106, 193–196. Рис. 36; 56). На первом из них в обряде доминирует традиция скорченных на левом боку погребений с восточной ориентировкой, с определенной долей скорченных на спине и правом боку и вытянутых погребений. Для второго и третьего же этапов характерны захоронения с ориентировкой головой в западном направлении: скорченные на правом боку, а также вытянутые, редко – левобочные и скорченные на спине погребения. Кроме того, автор концепции НТК выделил для развитого и позднего ее этапов два основных локальных варианта: понурский и кочетовский (*Гей*, 2000. С. 106–110. Рис. 37). В частности, для последнего характерно значительное (до 50 % в восточной части основного ареала) количество погребений, совершенных в вытянутом на спине положении с западной ориентировкой (рис. 1: *2*; 3). Надо сказать, что В. А. Трифонов в своей периодизации прикубанских памятников эпохи ранней – средней бронзы отделил серию вытянутых погребений от «новотитаровской

культурной группы», отнеся их к позднему этапу ямной культуры и особой предкатакомбной культурной группе (*Трифонов*, 1991. Рис. 11). Эта концепция была подвергнута критике со стороны А. Н. Гея (*Гей*, 2000. С. 21–23).

Следует отметить, что концепция А. Н. Гея, рассматривающая погребальный обряд НТК в целом как динамичное, зависящее от разных обстоятельств и форм внутренних и внешних взаимосвязей явление, в определенной степени противоречива. Как было выше отмечено, первый этап эволюции НТК характеризуется автором наличием в том числе редких вытянутых на спине погребений с восточной ориентировкой – так называемая обрядовая группа 15 (*Гей*, 2000. С. 105). Далее же автор констатирует, что для ранних новотиторовских памятников вытянутый обряд «почти совершенно неизвестен», а оформление кочетовского варианта НТК приходится «на рубеж первого и второго или на начало третьего этапа» (Там же. С. 111). Наконец, в «схеме формирования и видоизменения погребального обряда» раннего – начала среднего бронзового века на территории Прикубанья А. Н. Гей окончательно помещает серию вытянутых погребений кочетовского варианта в группу памятников второго и третьего этапов НТК (Там же. С. 195. Рис. 56).

В настоящее время значительное увеличение корпуса источников, новые аналитические работы, в частности, по вопросам происхождения вытянутого погребального обряда в Предкавказье, а также изменение вектора методики исследования позволяют по-новому взглянуть на памятники кочетовского варианта НТК.

Источники и методика исследования

Основой для выделения новотиторовской культуры А. Н. Гею послужил анализ 877 погребений, открытых на территории Прикубанской низменности в результате раскопок 1970–1989 гг. Общая же источниковая база по могильникам эпохи энеолита – среднего бронзового века данного региона, согласно подсчетам автора, составила порядка 2000 погребений (Там же. С. 10–16. Табл. 1). Следует отметить, что ревизия данной источниковой базы – за счет пересмотра культурной атрибуции и исключения недостоверных комплексов – позволила несколько пересмотреть эти данные. Согласно нашим подсчетам, в этот период было исследовано 768 достоверных погребений НТК в 264 курганах. При этом совокупный корпус источников по эпохе энеолита – среднего бронзового века составил 1730 культурно дифференцируемых погребений.

Важно отметить, что до конца 1980-х гг. полевые исследования проводились в основном в западной части Прикубанья – в зонах строительства оросительных систем (рис. 2: *1*). После же 1990 г. ареал новостроечных работ в целом сместился к востоку (рис. 2: *2*). Эта тенденция привела к определенному выравниванию статистического дисбаланса между сериями погребальных памятников различных микрорайонов Прикубанья. Так, за период 1990–2020 гг. источниковая база по изучению эпох энеолита, ранней и средней бронзы увеличилась на треть и составила около 2660 погребений в 595 курганах. Из них погребения НТК составили более 40 % (1086 погребений в 370 курганах). При этом перенос акцента полевых исследований на восточные районы Прикубанья в первую

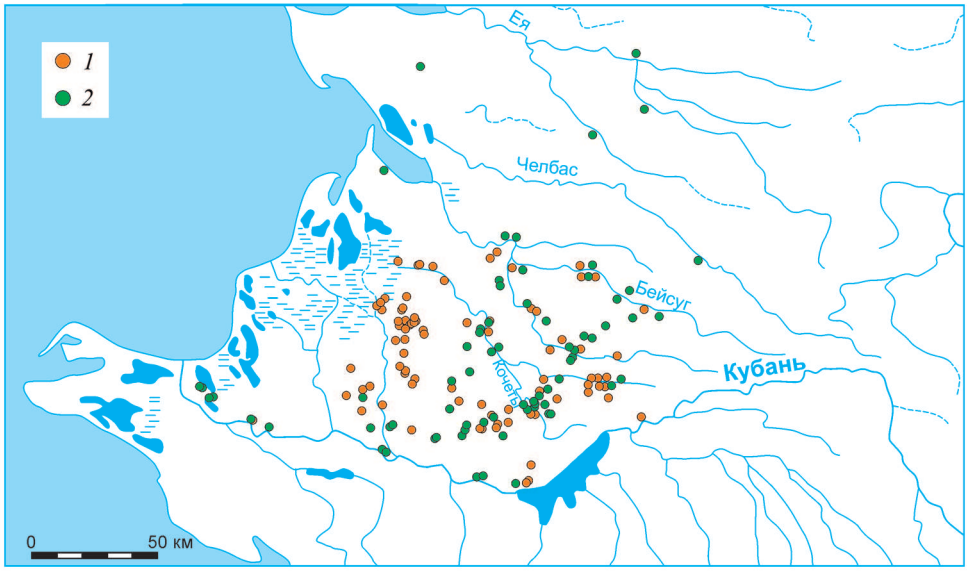


Рис. 2. Курганные могильники эпохи энеолита – бронзового века, исследованные на территории Прикубанья

1 – раскопки 1970–1989 гг.; *2* – раскопки 1990–2020 гг.

очередь существенно увеличил серию вытянутых погребений НТК (примерно на 75 %) (рис. 1: *2*).

Из указанного выше общего массива погребений НТК 840 представляют собой индивидуальные (одиночные) погребения с установленным положением погребенного (рис. 4: *I, а–г*), 154 погребения – коллективные (рис. 4: *I, д*), 62 захоронения – с неустановленным обрядом (в основном – детские) (рис. 4: *I, е*), небольшую серию представляют кремированные, расчлененные, недокопанные и разрушенные захоронения, а также кенотафы (рис. 4: *I, ж*). Одиночные погребения представлены четырьмя основными обрядовыми группами (табл. 1): скорченно на левом боку – в основном с восточной ориентировкой (110 погребений) (рис. 4: *I, а, III, а*), скорченно на спине – в основном с западной ориентировкой[2] (81)

[2] Вопрос о культурной дифференциации скорченных на спине погребений на новотиторовские и собственно ямные в прикубанских подкурганных могильниках довольно сложен и решается в большинстве случаев индивидуально. Факт континуитета ямных традиций в данном регионе Предкавказья в первой четверти III тыс. до н. э. вполне очевиден. Аргументами для соотнесения части скорченных на спине погребений с НТК являются: западная ориентировка, наличие повозок и их деталей, планиграфия и стратиграфия курганных насыпей и др. С учетом хронологической динамики и общих предпосылок формирования обрядности НТК такие погребения могут быть обозначены как «ямно-новотиторовские». В целом к чистым позднеямным погребениям в Прикубанье, синхронным НТК, в настоящее время может быть отнесена серия из порядка 100–130 погребений с доминирующей ориентировкой в восточном направлении (рис. 4: *III, б–2*).

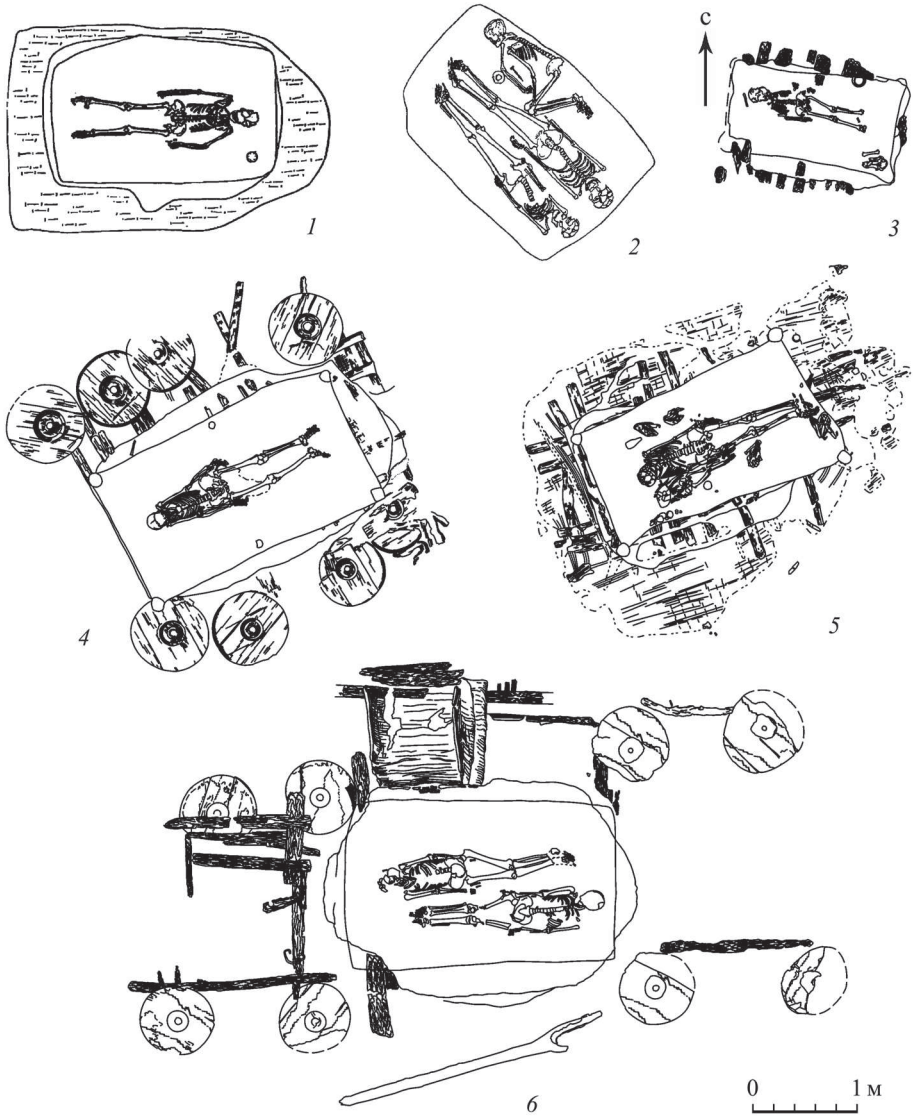


Рис. 3. Кочетовский вариант новотиторовской культуры: примеры погребений

1 – ПКОС-1979 6/9; *2* – Динской-1973 1/27; *3* – Межкирпильский I 4/25; *4* – Пластуновский I 2/13; *5* – Пластуновский I 1/11; *6* – Межкирпильский I 4/21

(рис. 4: *I, б, III, б–1*), вытянуто на спине – в основном с западной ориентировкой (195) (рис. 4: *I, в, III, в*), скорченно на правом боку – в основном с западной ориентировкой (454) (рис. 4: *I, г, III, г*).

Таблица 1. Количественный состав погребений, содержащих захоронения основных обрядовых групп новотиторовской культуры

Основные обрядовые группы	одиночные	Сочетания в коллективных погребениях										всего
		ск лб	ск сп	выт	ск пб	расчл / не установлено	ск пб + выт	ск пб + ск сп	ск лб + ск пб	ск лб + выт	ск лб + ск сп	
ск лб	110	7	2	4	36		2	1				162
ск сп	81	2	3	2	4	3						95
выт	195	4	2	22	19	4			2			248
ск пб	454	36	4	19	37	4				2	1	557

Сокращения: *ск лб* – скорченно на левом боку, *ск сп* – скорченно на спине, *выт* – вытянуто на спине, *ск пб* – скорченно на правом боку, *расчл* – расчлененные

Анализ коллективных погребений НТК, как и любой другой скотоводческой «курганной» культуры, является отдельной сложной задачей. Однако выносить их за пределы выборки, рассматривая только индивидуальные погребения, представляется неоправданным. Исходя из задач исследования, все коллективные погребения были условно разделены на те же 4 группы – в соответствии с содержанием в них захоронений основных обрядовых групп НТК (табл. 1).

Таким образом, к группе, содержащей вытянутые погребения (кочетовского варианта) НТК, были отнесены 248 захоронений из 105 курганов.

Для определения хронологической позиции погребений кочетовского варианта НТК в рамках трехэтапного ее деления, обоснованного в работах А. Н. Гея, все курганы, содержавшие вытянутые на спине погребения, были разделены на 5 групп: курганы, содержавшие только вытянутые погребения НТК (29 насыпей: рис. 4: *II, а*); курганы, в которых вытянутые погребения являлись основными при погребениях всех остальных групп (36 насыпей: рис. 4: *II, б*); курганы, в которых вытянутые погребения являлись впускными при достоверно ранних погребениях НТК (в основном – скорченных на спине и левом боку) (19 насыпей: рис. 4: *II, в*); курганы, где вытянутые погребения были впускными при хронологически не диагностируемых и поздних погребениях – в основном скорченных на правом боку (40 насыпей: рис. 4: *II, г*); нестратифицированные курганы (22 насыпи: рис. 4: *II, д*).

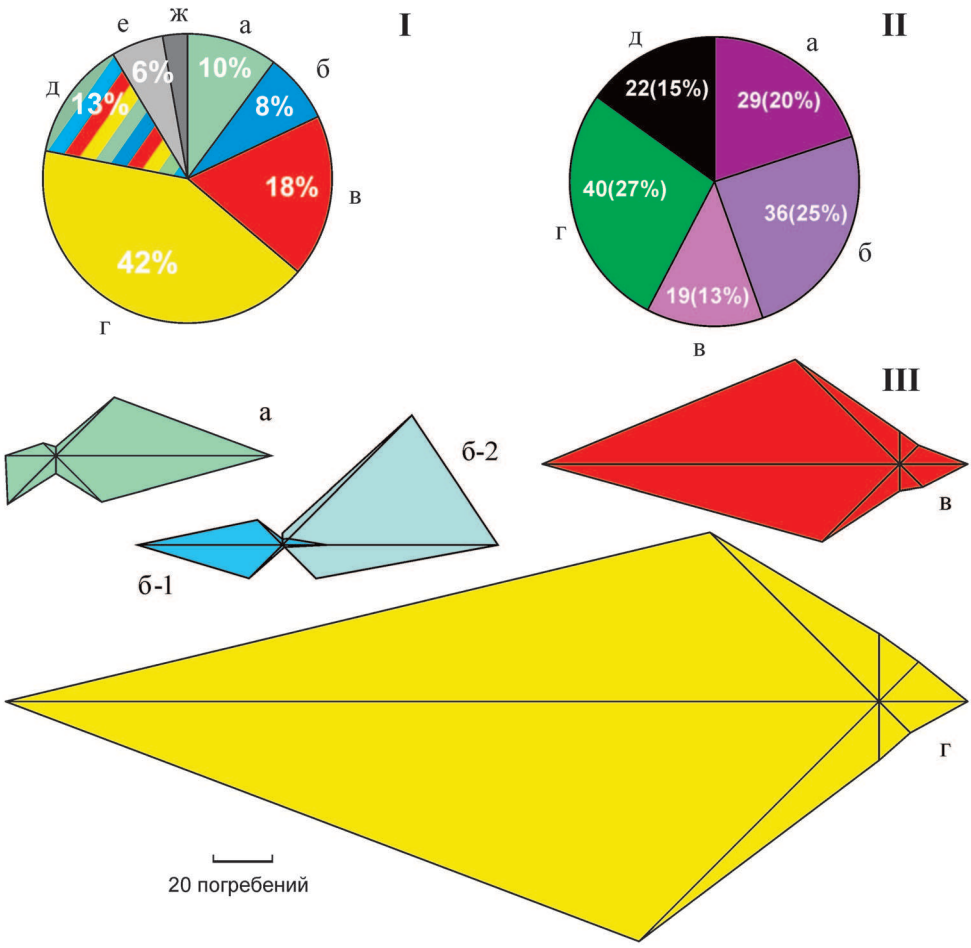


Рис. 4. Соотношение погребений кочетовского варианта с другими основными группами погребений новотиторовской культуры

I – соотношение групп погребений новотиторовской культуры: *а* – скорченные на левом боку; *б* – скорченные на спине; *в* – вытянутые на спине; *г* – скорченные на правом боку; *д* – коллективные; *е* – обряд не установлен; *ж* – прочее

II – соотношение курганов, содержавших вытянутые на спине погребения (кочетовского варианта): *а* – не сопровождались погребениями других групп; *б* – основные при погребениях остальных групп; *в* – впускные при предшествующих ранних погребениях других групп; *г* – впускные при хронологически не диагностируемых и поздних погребениях других групп; *д* – нестратифицированные курганы

III – распределение ориентировок в основных группах погребений новотиторовской культуры: *а* – скорченные на левом боку; *б* – скорченные на спине (*1* – новотиторовские погребения; *2* – ямные погребения); *в* – вытянутые на спине; *г* – скорченные на правом боку

Таким образом, из 124 стратифицированных курганов 84 (или 2/3) содержали вытянутые погребения, относящиеся или потенциально относящиеся к раннему этапу НТК. В этих курганах было обнаружено 149 (или 60 %) всех известных погребений кочетовского варианта НТК.

Анализ погребального инвентаря

Помимо рассмотренных случаев курганной стратиграфии для понимания специфики и относительной хронологической позиции погребений кочетовского варианта НТК важен анализ их погребального инвентаря – в первую очередь в сравнении с соответствующими данными для других основных обрядовых групп.

В целом погребальный инвентарь встречается в 52 % захоронений НТК[3]. В частности, в рамках «кочетовской» группы он был обнаружен в 58 % погребений. В целом весь вещевой комплекс культуры можно разделить примерно на 40 категорий и подкатегорий, половина из которых встречается более чем в 10 погребениях. К последним, в частности, относятся «сферосидериты» и формованные куски охры, каменные предметы различных форм, астрагалы (в том числе со сверлинами), отдельные фрагменты керамики, относительно простые костяные и роговые изделия, кремневые предметы (в основном – отщепы). Однако анализ перечисленных категорий инвентаря выходит за рамки настоящей работы в силу своей незначительной информативности. Здесь же необходимо остановиться на более выразительных видах инвентаря, позволяющих проиллюстрировать специфику группы вытянутых погребений на фоне погребений трех других основных традиций (табл. 2).

Керамические сосуды и их части (в том числе – жаровни) встречены в 204 погребениях, из них с установленным обрядом – 164 комплекса. В целом распределение их по четырем основным группам довольно схоже и колеблется в пределах 12–17 % (табл. 2). При этом группа вытянутых погребений в этом отношении наиболее представительна, что напрямую связано с несколько большим содержанием в ней детских погребений, в свою очередь, чаще сопровождавшихся керамическими сосудами. Следует отметить, что кочетовская керамическая серия представлена практически всеми типами сосудов, выделяемых для НТК (*Гей*, 2000. С. 134–149. Рис. 40–45).

Деревянные повозки и их детали в рассматриваемой выборке встречены в 126 комплексах. Из них обряд был установлен в 120 случаях. Надо отметить, что доля таких комплексов для группы вытянутых погребений в целом близка к соответствующему показателю в ранней группе скорченных на левом боку захоронений (табл. 2).

[3] Здесь не учитываются находки костей животных, традиционно относимых к жертвенникам, хотя вопрос о принадлежности их к одной из категорий собственно погребального инвентаря (наряду с другими культовыми предметами) остается открытым.

Таблица 2. Встречаемость отдельных категорий инвентаря в погребениях основных обрядовых групп новотиторовской культуры

Наиболее массовые категории инвентаря	Основные обрядовые группы			
	I	II	III	IV
керамические сосуды и жаровни	11,7 % (19)	16,8 % (16)	17,3 % (43)	15,4 % (83)
деревянные повозки и их детали	13,6 % (22)	25,3 % (24)	11,7 % (29)	8,1 % (45)
металлические височные кольца	3,1 % (5)	13,7 % (13)	14,9 % (37)	15,1 % (84)
костяные бусы	2,5 % (4)	5,3 % (5)	9,7 % (24)	5,0 % (28)
роговые булавки	2,5 % (4)	4,2 % (4)	1,6 % (4)	4,7 % (26)
бронзовые орудия	4,9 % (8)	2,1 % (2)	5,2 % (15)	2,7 % (15)
каменные терочники-куранты	2,5 % (4)	3,2 % (3)	4,0 % (10)	1,8 % (10)
кремневые наконечники стрел	1,2 % (2)	0	4,0 % (10)	0,7 % (4)

I – скорченно на левом боку; II – скорченно на спине; III – вытянуто на спине; IV – скорченно на правом боку; в графах указаны абсолютное количество комплексов и их доля от погребений основной обрядовой группы (для коллективных погребений соотношение с обрядовой группой определялось по местоположению предмета в погребении)

Металлические височные подвески были обнаружены в 140 комплексах НТК. Из них только в одном не была установлена поза погребенного. В целом все группы, кроме «левобочной», обеспечены этой категорией инвентаря одинаково (14–15 % погребений) (табл. 2). Интересно, что доля комплексов с серебряными кольцами в группах II–IV также довольно стабильна – примерно 65–70 %. Однако здесь следует отметить, что только в группе вытянутых погребений были встречены находки золотых височных подвесок (2 комплекса). Причем оба они имели архаичную восточную ориентировку, а одно к тому же сопровождалось бесчерешковым ножом (рис. 5: *11*), морфологически близким к ножам эпохи ранней бронзы (Пашковский I, курган 1, погребение 14: *Федосова*, 2013. С. 158. Рис. 134: *17, 18*). Последнее погребение можно интерпретировать как переходное от майкопской к новотиторовской традиции – наряду с группой синкретических майкопско-раннесеверокавказских погребений Закубанья (*Клещенко*, 2020. С. 229–230).

Следующие пять категорий погребального инвентаря имеют особое значение для темы настоящего исследования.

Наборы костяных бус и пронизей были встречены в 63 погребениях, из них в 61 был установлен обряд. В вытянутых погребениях НТК они встречаются в 2–4 раза чаще, чем в захоронениях других обрядовых групп (табл. 2; рис. 5: *1–4*). При этом почти половина из этих наборов имеет в своем составе или полностью состоит из уплощенных в сечении форм бус (рис. 5: *1–3*). Как показал анализ стратиграфии и сочетания комплектов костяных бус с другими хронологически маркерными категориями инвентаря, уплощенные бусы чаще встречаются в наиболее ранних комплексах НТК.

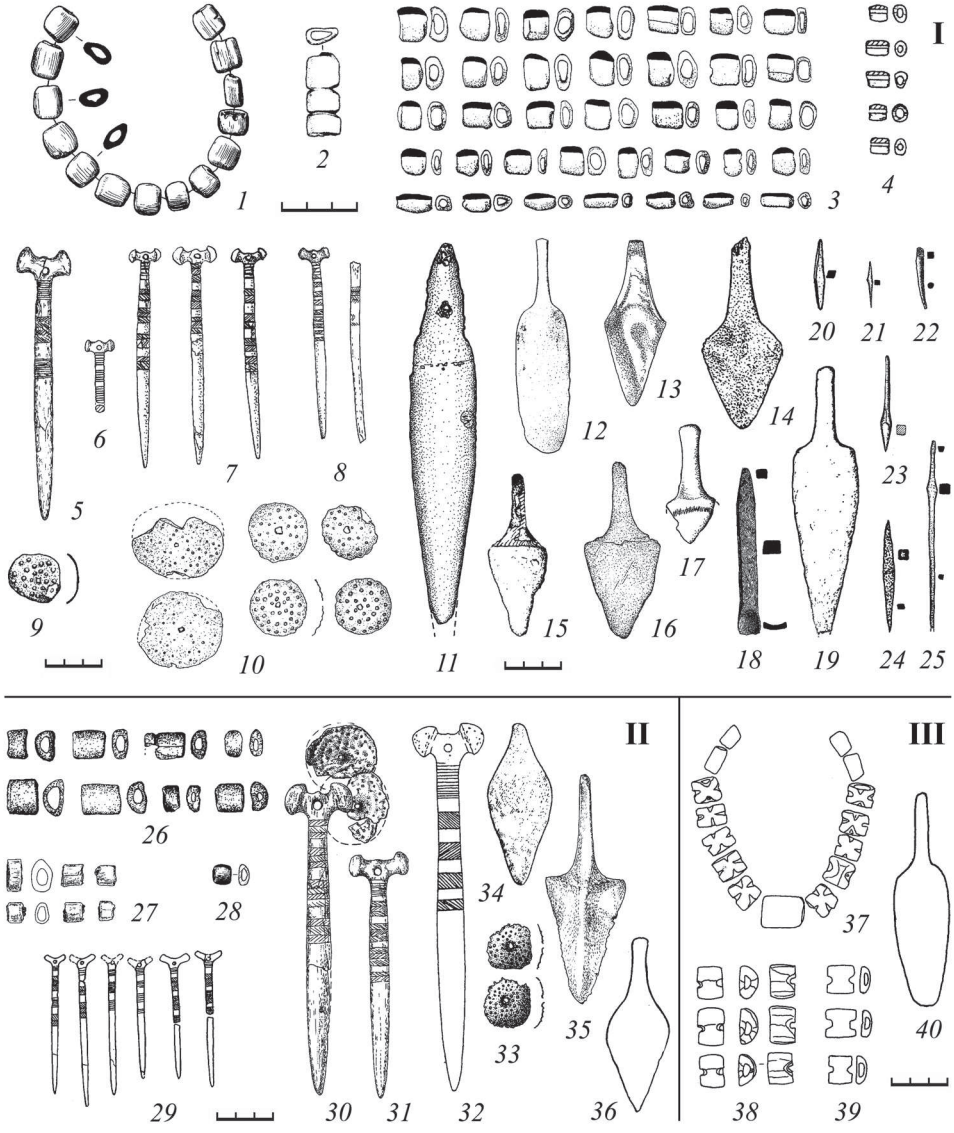


Рис. 5. Кочетовский вариант новотиторовской культуры (I) и аналогии ему в ранней северокавказской (II) и квитянской (III) культурах

I – погребальный инвентарь: *1–4, 26–28, 37–39* – кость; *5–8, 29–32* – рог; *9–24, 33–36, 40* – бронза

1 – Пластуновский I 1/11; *2* – Батуринский II 3/6; *3* – Новокорсунская-1985 1/10; *4, 20* – Новокорсунская-1990 1/5; *5, 10* – Бузиновская 2/8; *6* – Кисляковский XIII 3/2; *7, 9, 13, 21* – Новокорсунская-1985 1/3; *8* – Пластуновский 54 1/18; *11, 25* – Пашковский I 1/14; *12* – Батуринский II 3/11; *14, 24* – Тимашевский 1/20; *15* – Пролетарский-1986 5/11; *16* – Верхний-1978 3/6; *17* – Днепровская I 3/1; *18, 22* – Новокорсунская-1985 2/22; *19* – Полтавская III 5/6; *23* – Раздольная 7/8; *26* – Солнечный III 1/4; *27, 30* – Родионов I 8/6; *28, 33* – Бужор 1/2; *29* – Дальний 2/11; *31* – Родионов IV 8/6; *32* – Кавказский II 9/10; *34* – Серегинский 1/39; *35* – Большой Петропавловский 9/9; *36* – Дальний 2/14; *37* – Вишневатое 2/2; *38* – Кондратьевка 2/1; *39* – Булаховка 1 3/9; *40* – Богдановский карьер 2/3

Особо следует отметить состав булавочных наборов из погребений НТК (всего – 41 комплекс, из них с установленным обрядом – 38). В вытянутых погребениях находки их довольно редки и ближе всего по встречаемости соотносятся с наиболее ранней группой скорченных на левом боку захоронений, уступая в 2 раза группам II и IV (табл. 2). Это может быть косвенно объяснено тем, что использование в обряде булавок изначально являлось проявлением ямной традиции (скорченных на спине погребений). При этом надо отметить, что все булавки, обнаруженные при вытянутых погребениях, – так же как и булавки, сопровождавшие скорченные на левом боку погребения, относились к наиболее раннему типу – с простым зональным орнаментом (рис. 5: *5–8*). То же самое можно сказать и о формах и орнаментации бронзовых кованных пуансонных блях (рис. 5: *9, 10*). Интересна находка поздней формы булавки с геометрическим орнаментом в коллективном погребении 27 Динского кургана (раскопки 1973 г.): здесь два вытянутых погребенных сопровождались скорченным на правом боку, при этом булавка относилась именно к последнему (*Гей*, 2000. Рис. 2: *5*; 50: *16*).

Бронзовые орудия обнаружены в 42 комплексах НТК, из них обряд был прослежен в 40 случаях. В вытянутых погребениях они встречаются в 2 раза чаще, чем в группах скорченных на спине и на правом боку. Интересно, что по этому показателю «кочетовская» группа опять совпадает с самой ранней группой левобочных захоронений (табл. 2; рис. 5: *11–25*). При этом часть орудийного набора из погребений кочетовского варианта НТК сама по себе имеет весьма архаичный в рамках древностей НТК облик. Здесь присутствуют ранние формы ножей: упоминавшийся выше бесчерешковый (майкопского облика) (рис. 5: *11*) и с овальной формой лезвия (тяготеющий к раннеямной традиции) (рис. 5: *12*), а также короткожелобчатое долото (рис. 5: *18*), имеющее многочисленные аналогии в памятниках предшествующего раннебронзового горизонта (*Кореневский*, 2011. Рис. 71). Наиболее представительна в вытянутых погребениях серия ножей с коротким подчеркнуто ромбическим и треугольным абрисом лезвия (рис. 5: *13–17*). А. Н. Гей отнес их к позднему этапу эволюции НТК (*Гей*, 2000. Рис. 46). Однако, как показал анализ серии таких ножей из северокавказских памятников Закубанья, они имеют более раннее происхождение (*Клещенко*, 2011. С. 97. Рис. 2: *II*) и синхронны рубежу 1 и 2 этапов НТК или более раннему времени. Формы бронзовых шильев из вытянутых погребений НТК (рис. 5: *20–24*) в основном сопоставимы с сериями таких изделий в других основных обрядовых группах.

Кремневые выемчатые треугольные наконечники стрел встречены в 16 новотиторовских погребениях. При этом в кочетовских захоронениях они встречаются в 4 раза чаще, чем в погребениях скорченных на боку групп, а в группе II таких находок вовсе нет (табл. 2; рис. 6: *1–10*). Интересно, что одно из четырех скорченных на правом боку погребений с наконечниками являлось коллективным и сопровождалось вытянутым скелетом. Здесь важно отметить, что большинство вытянутых погребений с кремневыми наконечниками по стратиграфии относятся к наиболее ранним в рамках НТК – как и два погребения с такими же наконечниками из ранней группы левобочных захоронений, в одном из которых, правда, стрела была обнаружена в груди погребенного, т. е. по факту не являлась частью погребального инвентаря. Здесь имеет смысл привести еще один пример: в одном из захоронений пластуновской культуры, относящемся, согласно имеющейся

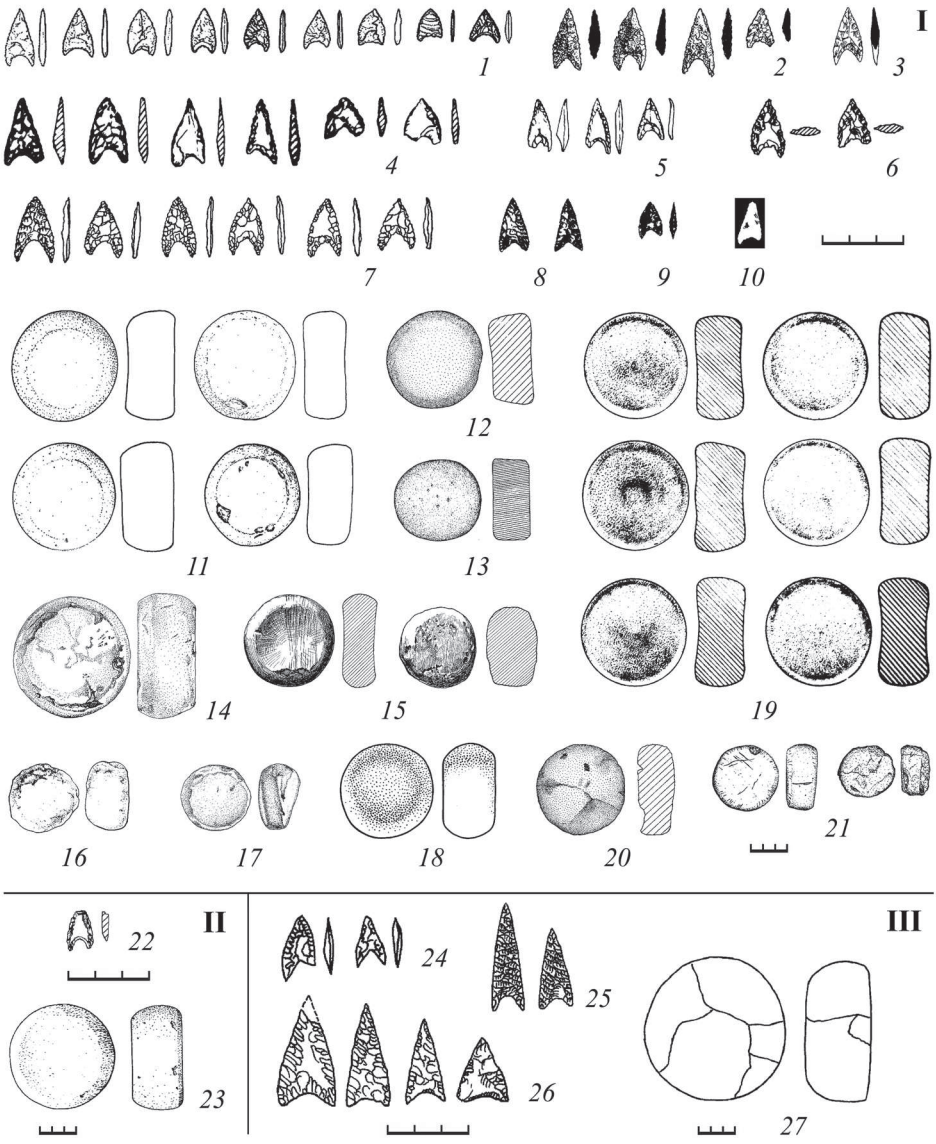


Рис. 6. Кочетовский вариант новотиторовской культуры (I) и аналогии ему в ранней северокавказской (II) и квитянской (III) культурах

I – погребальный инвентарь: *1–10, 22, 24–26* – кремень; *11–19, 23* – камень; *20, 21* – глина; *27* – охра

1, 11 – Полтавская III 5/6; *2* – Бураковский 2/3; *3* – Межкирпильский I 4/21; *4* – Пролетарский-1986 5/11; *5* – Анапская I 2/5; *6* – Белевцы I 3/12; *7* – Тимашевский 1/20; *8, 19* – Батуринский II 3/11; *9* – Батуринский I 2/14; *10* – Раздольная 6-5; *12, 20* – Пластуновская 52 2/9; *13* – Первомайская 1/7; *14* – Новокорсунская-1985 2/11; *15* – Пластуновский I 1/11; *16* – Батуринский II 3/6; *17* – Новокорсунская-1985 2/15; *18* – Анапская I 1/2; *21* – Украинский I 1/4; *22* – Ильский 29 5/1; *23* – Кавказский II 9/8; *24* – Шахтерск 2/9; *25* – Ковалевка 5/2; *26* – Вербки V 1/7; *27* – Новый Мир I 2/10

радиоуглеродной дате, к XXXIV–XXXII вв. до н. э. (Бейсужек XXXV, курган 3, погребение 21), такой наконечник оказался вросшим в бедренную кость погребенного (*Клещенко*, 2018. С. 139. Рис. 4).

К еще одной категории изделий, подчеркивающих специфику вытянутых погребений НТК, относятся каменные терочники-куранты (встречены в 31 комплексе). В группе III они встречаются на треть чаще, чем в погребениях наиболее архаичных групп I и II, и в 2 раза чаще, чем в скорченных на правом боку захоронениях (табл. 2; рис. 6: *11–19*). Интересна при этом совместная находка терочника-куранта и глиняной лепешки такой же формы в одном комплексе (рис. 6: *12, 20*), а также совместная находка двух глиняных лепешек, имитирующих терочники-куранты (рис. 6: *21*).

Таким образом, рассмотрение отдельных категорий инвентаря из погребений кочетовского варианта НТК позволяет сделать два основных вывода.

Во-первых, наряду с общими чертами материальной культуры, планировкой совместных подкурганных кладбищ и другими деталями обрядности, объединяющими различные группы погребений в такой яркий феномен, как НТК, кочетовский ее вариант имеет свою специфику – не только в обрядовых традициях, но и в вещевом комплексе.

Во-вторых, проведенное исследование вполне определенно указывает на весьма архаичный облик части инвентарного набора «кочетовских» погребений в рамках общей динамики развития новотиторовских древностей. В частности, речь идет о таких категориях вещей, как костяные уплощенные бусы, роговые молоточковидные булавки, большая часть бронзовых орудий, кремневые наконечники стрел. Это подтверждает сделанный выше на основании анализа стратиграфических данных вывод о раннем характере появления вытянутого обряда в среде носителей НТК: как минимум на рубеже 1 и 2 этапов или даже ранее – с самого начала формирования новотиторовских традиций в Прикубанье.

Сопоставительные материалы

При выделении вытянутых погребений НТК в особый локальный кочетовский вариант А. Н. Гей отметил, с одной стороны, их генетическую связь с «мариупольской общностью позднего неолита – раннего энеолита и ее погребальной обрядностью», а с другой – предположил, что появление вытянутого обряда в НТК явилось следствием смешения населения Прикубанья со «степной группой» носителей северокавказской культуры (имеется в виду территория Ставропольской возвышенности) (*Гей*, 2000. С. 109–110).

Полученные в последнее время археологические источники, а также, в значительной степени, новые аналитические исследования позволяют взглянуть на эту проблему несколько под другим углом.

Во-первых, современная источниковая база дает возможность вполне обоснованно утверждать, что появление вытянутого погребального обряда в Предкавказье приходится на самое начало III тыс. до н. э. и связано напрямую (миграционная модель) или опосредованно (инфильтрация традиций через синхронные культурные группы – ямную или степную майкопскую/пластуновскую) с носителями вытянутого обряда погребений квитянской (постмариупольской)

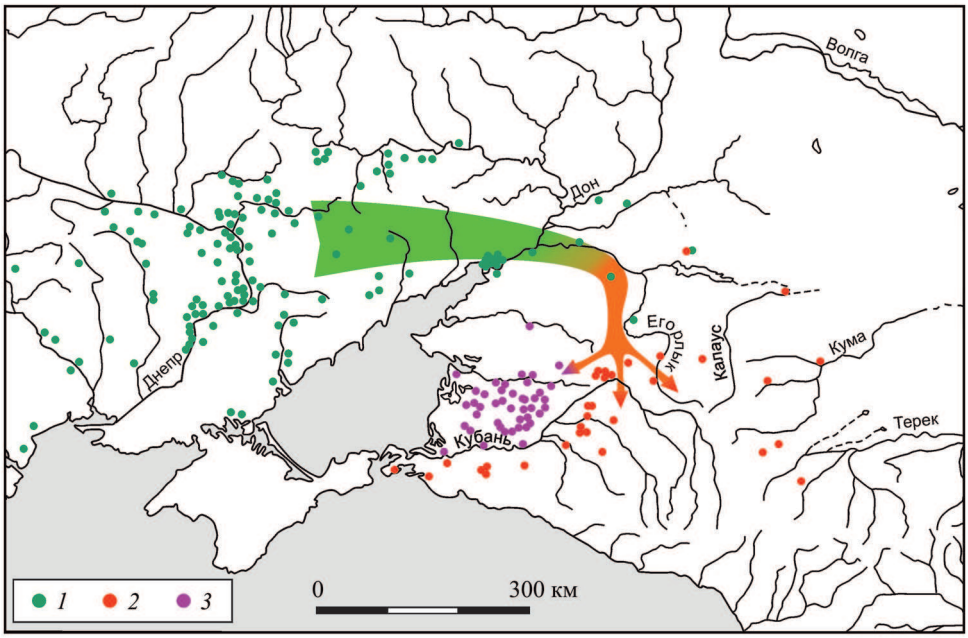


Рис. 7. Карта предположительной миграции носителей вытянутого обряда погребений на рубеже IV и III тыс. до н. э.

1 – памятники квитянской (постмариупольской) культуры; *2* – памятники ранней северокавказской культуры; *3* – памятники кочетовского варианта новотиторовской культуры

культуры Северного Причерноморья (*Клещенко*, 2020. С. 237–239) (рис. 7)[4]. На это указывают не только внезапное появление и стремительное распространение в степном Предкавказье обряда вытянутого положения погребенных в ямах сразу после исчезновения майкопской погребальной традиции, а судя по небольшой серии синкретических (майкопско-северокавказских) комплексов – непосредственно в самом конце существования последней, но и ряд категорий погребального инвентаря, напрямую связывающих материальную культуру квитянских племен второй половины IV тыс. до н. э. и носителей вытянутого обряда начала III тыс. до н. э. в Предкавказье (как кочетовского варианта НТК, так и раннего этапа северокавказской культуры): уплощенные костяные бусы (рис. 5: *1–3, 26–28, 37–39*), кремневые выемчатые треугольные наконечники стрел (рис. 6: *1–10, 22, 24–26*), каменные терочники-куранты и их

[4] Здесь представлена карта памятников вытянутых позднеэнеолитических погребений – она же «группа I (в курганах)», соотносимых Ю. Я. Рассамакиным с квитянской культурой (*Rassamakin*, 2004. Abb. 4), с добавлением синхронных захоронений с тем же обрядом, известных на территории Нижнего Дона (по: *Файферт*, 2014). Следует отметить, что вопрос о включении в квитянскую культуру крайних западных и восточных памятников обозначенного ареала в настоящее время дискуссионен и нуждается в дальнейшем изучении.

глиняные подражания (рис. 6: *11–21*) (прототип – квитянские формованные охряные лепешки той же формы: рис. 6: *27*), редкая форма бронзовых ножей (рис. 5: *12, 40*) и некоторые другие.

Во-вторых, та же источниковая база позволяет выделить из общей серии погребений северокавказской культуры (а это не менее 2300 комплексов) лишь порядка 60 вытянутых захоронений, достоверно относящихся к раннему ее этапу и имеющих, в частности, в погребальном наборе категории и формы вещей, схожие с инвентарем захоронений кочетовского варианта НТК (ср.: рис. 5: *1–3, 5–10, 13–17* и *26–36*; рис. 6: *1–18* и *22, 23*). Наличие такой относительно небольшой серии раннесеверокавказских вытянутых захоронений в первую очередь связано с невозможностью их достоверной идентификации в силу значительного числа безынвентарных комплексов. Однако даже в этих обстоятельствах следует признать, что очевидная диспропорция раннесеверокавказской и синхронной ей кочетовской серий НТК (пока этот показатель соответствует 1:4) дает повод усомниться в возможности влияния столь малочисленной группы раннесеверокавказского населения на формирование одной из основных погребальных традиций в среде носителей НТК – как это было указано в работе А. Н. Гея. Впрочем, этот вывод имеет значение только в том случае, если мы признаем за информацией, получаемой из подкурганных кладбищ III тыс. до н. э., наличие более или менее объективных демографических данных.

Выводы

Проведенный анализ памятников кочетовского варианта новотиторовской культуры позволил прийти к следующим выводам:

1. Данные стратиграфии, статистического анализа и рассмотрение отдельных категорий погребального инвентаря однозначно свидетельствуют о том, что формирование особой традиции вытянутых погребений в среде носителей НТК происходит на рубеже раннего и среднего или даже на самом раннем этапе существования культуры, т. е. не позже самого начала III тыс. до н. э.

2. Процесс этот был связан не с влиянием северокавказской культуры, как предполагалось ранее, а с прямой или опосредованной миграцией традиций квитянской (постмариупольской) культуры из Северного Причерноморья на рубеже IV и III тыс. до н. э., ставшей еще одним – наряду с ямным и степным майкопским (пластуновским) – субстратом сложения такого яркого и многокомпонентного феномена, как новотиторовская культура.

ЛИТЕРАТУРА

Гей А. Н., 1991. Новотиторовская культура (предварительная характеристика) // СА. № 1. С. 54–72.

Гей А. Н., 1993. Проблема социальной дифференциации и эволюции общества степных скотоводов эпохи бронзы (на примере новотиторовской и катакомбной культур Степного Прикубанья) // Социальная дифференциация общества / Отв. ред. Г. Е. Афанасьев. М.: Наука. С. 42–77.

Гей А. Н., 2000. Новотиторовская культура. М.: Старый сад. 224 с.: ил.

Клещенко А. А., 2011. Бронзовые ножи и шилья раннего этапа эпохи средней бронзы Закубанья // КСИА. Вып. 225. С. 88–99.

Клещенко А. А., 2018. Могильник Бейсужек XXXV (Краснодарский край, Кореновский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 138–143. (Материалы спасательных археологических исследований; т. 25.)

Клещенко А. А., 2020. Миграционная гипотеза происхождения северокавказской культуры // SP. № 2. С. 227–242.

Кореневский С. Н., 2011. Древнейший металл Предкавказья: типология, историко-культурный аспект. М.: Таус. 336 с.: ил.

Трифонов В. А., 1991. Степное Прикубанье в эпоху энеолита – средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья: по материалам археологических работ в зонах мелиорации Краснодарского края / Отв. ред. В. М. Массон. Л.: Наука. С. 92–163.

Файферт А. В., 2014. Курганные погребения раннего бронзового века Нижнего Подонья (свод археологических источников). Ростов-на-Дону: электронное издание. 499 с.

Федосова Ю. Н., 2013. Отчет о проведении охранно-спасательных археологических работ на участке территории объекта археологического наследия регионального значения – курганного могильника «Пашковский 1» (курган 1) на территории г. Краснодара в 2013 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 41571.

Rassamakin Ju. Ja., 2004. Die nordpontishche Steppe in der Kupferzeit. Teil 1 und 2. Mainz: Verlag Philipp von Zabern. 233 und 553 S.

Сведения об авторе

Клещенко Александр Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: sansanych@bk.ru

A. A. Kleshchenko

THE KOCHETOVKA VARIANT OF THE NOVOTITOROVKA CULTURE: NEW SOURCES AND THEIR INTERPRETATION

Abstract. The paper analyzes the modern source base for the sites of the Novotitorovka culture in the Kuban region dating to the first quarter of the third millennium BC, this analysis provides an opportunity to gain a new insight into the components and the dating of the so called Kochetovka variant characterized by burials in an extended posture. For example, the paper describes results of their stratigraphic position in the Novotitorovskaya kurgans and compares funerary offerings from the burials of the Kochetovka variant as well as other main funerary groups. This analysis concludes that the tradition of burying the dead in an extended position appeared in the Kuban region during the transition from the early to the middle stage or during the earliest stage of the Novotitorovskayaa culture development. It was not linked to the influence of the North Caucasus culture population as has been earlier thought; instead, it was linked with direct or indirect migration of the traditions of the Kvityanaya (post-Mariupol) culture in the northern Black Sea maritime coastline that became one of the substrates during the Novotitorovka development process.

Keywords: Bronze Age, Novotitorovskaya culture, Kochetovka variant, North Caucasus culture, Kvityanaya culture, funerary rite, stratigraphy, funerary offerings, chronology.

REFERENCES

Fayfert A. V., 2014. Kurgannye pogrebeniya rannego bronzovogo veka Nizhnego Podon'ya (svod arkheologicheskikh istochnikov) [Kurgan burials of Early Bronze Age in Lower Don region (corpus of archaeological sources)]. Rostov-na-Donu. Electronic publication. 499 p.

Fedosova Yu. N., 2013. Otchet o provedenii okhranno-spasatel'nykh arkheologicheskikh rabot na uchastke territorii ob"ekta arkheologicheskogo naslediya regional'nogo znacheniya – kurgannogo mogil'nika «Pashkovskiy 1» (kurgan 1) na territorii g. Krasnodara v 2013 g. [Report on conduct of protection and rescue archaeological work at the archaeological heritage site of regional significance – «Pashkovskiy 1» kurgan cemetery (kurgan 1) in territory of Krasnodar in 2013]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Gey A. N., 1991. Novotitorovskaya kul'tura (predvaritel'naya kharakteristika) [Novotitorovskaya culture (preliminary characteristic)]. *SA*, 1, pp. 54–72.

Gey A. N., 1993. Problema sotsial'noy differentsiatsii i evolyutsii obshchestva stepnykh skotovodov epokhi bronzy (na primere novotitorovskoy i katakombnoy kul'tur stepnogo Prikuban'ya) [The issue of social differentiation and evolution of steppe pastoralists society in Bronze Age (on example of Novotitorovskaya and Catacomb cultures of Kuban steppe region)]. *Sotsial'naya differentsiatsiya obshchestva [Social differentiation of society]*. G. E. Afanas'ev, ed. Moscow: Nauka, pp. 42–77.

Gey A. N., 2000. Novotitorovskaya kul'tura [Novotitorovskaya culture]. Moscow: Staryy sad. 224 p.: il.

Kleshchenko A. A., 2011. Bronzovye nozhi i shil'ya rannego etapa epokhi sredney bronzy Zakuban'ya [Bronze knives and awls of the early stage of the Middle Bronze Age in Kuban basin]. *KSIA*, 225, pp. 88–99.

Kleshchenko A. A., 2018. Mogil'nik Beysuzhek XXXV (Krasnodarskiy kray, Korenovskiy rayon) [Beysuzhek XXXV cemetery (Krasnodar Region, Korenovskiy district)]. *Goroda, selishcha, mogil'niki. Raskopki 2017 [Cities. settlements, cemeteries. 2017 excavations]*. A. V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 138–143. (Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy, 25.)

Kleshchenko A. A., 2020. Migratsionnaya gipoteza proiskhozhdeniya severokavkazskoy kul'tury [Migration hypothesis of the origin of North Caucasian culture]. *SP*, 2, pp. 227–242.

Korenevskiy S. N., 2011. Drevneyshiy metall Predkavkaz'ya: tipologiya, istoriko-kul'turnyy aspekt [Earliest metal of the Fore-Caucasus: typology, historical and cultural aspect]. Moscow: Taus. 336 p.: il.

Trifonov V. A., 1991. Stepnoe Prikuban'e v epokhu eneolita – sredney bronzy (periodizatsiya) [Steppe Kuban region in the Eneolithic – Middle Bronze Age (periodization)]. *Drevnie kul'tury Prikuban'ya: po materialam arkheologicheskikh rabot v zonakh melioratsii Krasnodarskogo kraya [Ancient cultures of Kuban region: based on materials of archaeological work in the reclamation zones of Krasnodar Region]*. V. M. Masson, ed. Leningrad: Nauka, pp. 92–163.

About the author

Kleshchenko Aleksandr A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: sansanych@bk.ru

С. Н. Кореневский

К ВОПРОСУ О ПОЯВЛЕНИИ ВТУЛЬЧАТОГО И КЛИНКОВОГО ОРУЖИЯ ИЗ БРОНЗЫ НА КАВКАЗЕ[1]

Резюме. В статье анализируются находки на Южном Кавказе крупных плоских бронзовых тесел и комплексных топоров, найденных в Приереванском кладе в Армении, а также клад бронзовых тесел и кинжалов у г. Двин в Армении. Оба эти клада, вероятно, относятся к времени до формирования майкопской культуры в Предкавказье и куро-араксской культуры на Южном Кавказе. Специально уделено внимание находке глиняной литейной форме комплексного топора-молота в поселения Дзедзвеби в районе Болниси в Грузии. Поселение относится к культуре сиони. Хозяйственная яма, в которой была найдена литейная форма, датируется втор. пол. V тыс. до н. э. Состав металла кладов отражает использование мышьяковых бронз. Кроме того, в рассматриваемый период началось изготовление втульчатых коротkообушных топоров, один из которых был найден в Приереванском кладе. В целом рассмотренный материал позволяет ставить вопрос о влиянии традиций металлообработки племен Дунайского халколита на распространение втульчатых комплексных топоров на Южном Кавказе в конце V – начале IV тыс. до н. э.

Ключевые слова: энеолит, медь, топор-молот, топор-клевец, топор-мотыга, кинжал, тесло, клад, комплекс, мышьяковая бронза, Кавказ, Подунавье, хронология.

Появление втульчатого оружия на медной основе (топоров-молотов, топоров-мотыг), как известно, ранее всего произошло в культурах Дунайского халколита, в частности, блока культур Караново VI – Варна – Гумельница – Коджадермен в середине V тыс. до н. э.

К концу V тыс. до н. э. возникли формы топоров-мотыг типа Ариушд и Ясладань. По своему предназначению они были многофункциональны и могли

[1] Исследование выполнено в рамках НИОКТР 122011200270-0 «Динамика развития духовной и материальной культуры в энеолите – бронзовом веке (Юго-Восточная Европа, Кавказ, Передний Восток)».

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.275.79-96

использоваться и как оружие, и как орудия, что, вероятно, обеспечило им широкую популярность. Топоры типа Ариушд и Ясладань А. Вульпе датировал временем Кукутени АВ (Триполье BI, BII) 4300–4200/4100 calBC (*Vulpe*, 1975; *Todorova*, 1981; *Кореневский*, 2017).

Комплексные топоры-молоты и топоры-мотыги (не тесла) отливались в литейные формы спинкой книзу и брюшком наверх. Втулка орудия, при ее рассмотрении в профиль, сужалась к верху и напоминала в разрезе «гриб». Такое устройство втулки можно увидеть на топоре-мотыге из ст. Усть-Лабинской и топоре с паспортом «из Венгрии» (рис. 1: *5, 7*).

Другим районом активного распространения комплексных топоров на медной основе был Кавказ, где в основном они зафиксированы на пространстве от Квемо-Картли до южных районов Армении и Нахичеванской области Азербайджана (рис. 2). За топорами с затупленными стержнями на обухе укрепилось в литературе название топоры-клевцы. Скорей всего, пиковидный отросток на обухе этих орудий использовался в основном для работ с твердыми, каменистыми грунтами, но не для нанесения колющего удара врагу. В 1973 г. был опубликован клад топоров-клевцов и крупных плоских тесел, найденный у с. Джрашен в Армении (*Мартиросян, Мнацаканян*, 1973), который получил название Приереванского клада (рис. 2: *7*).

В Предкавказье комплексных орудий с втулкой известно мало. Они представлены топором типа Ариушд (рис. 1: *5*) из станицы Усть-Лабинской и находками из коллекции Е. Зичи (*Zichy*, 1897) (рис. 1: *1–4*), включающей топоры типов Мезекерештес (рис.1: *1*), Ясладань (рис. 1: *2*) и два двойных молота (рис. 1: *3, 4*) с конструкцией втулки по типу Ясладань, по классификации А. Вульпе (*Кореневский*, 1994; 2012; *Рындина*, 2002). Медный молот энеолитического типа был найден также у с. Ругуджа в Дагестане (*Кореневский*, 2012. С. 207. Рис. 75: *8*).

Вопрос об определении культурной принадлежности кавказских комплексных топоров-клевцов и топоров-мотыг был достаточно сложен, поскольку в основном все эти орудия были найдены случайно. При первой публикации Приереванского клада культурная принадлежность его даже не рассматривалась. Отмечалось только, что клад относится к III тыс. до н. э. (*Мартиросян, Мнацаканян*, 1973). В обобщающем обзоре по куро-араксской культуре в томе «Археологии СССР» 1994 г. этот комплекс обсуждался в контексте ее древностей (*Мунчаев*, 1994. С. 41; *Areshian*, 2007), и, следовательно, датировка топоров-клевцов могла находиться в рамках втор. пол. IV тыс. до н. э. – как сейчас датируется куро-араксская культура в Армении (*Badalyan*, 2018. P. 51–57).

Однако предположение о принадлежности топоров-клевцов к куро-араксской культуре столкнулось с несоответствием в датировках и культурной принадлежности новых открытий на Южном Кавказе. Так, топор-молот (или клевец) был обнаружен в погребении в сосуде (№ 17002) на поселении позднего халколита Овчулар тепеси, расположенного к северу от г. Нахичевани в Азербайджане (*Marro et al.*, 2009; 2011). Более подробно остановимся на этом сюжете ниже.

В литературе, как известно, имеются сведения о находке топора-клевца кавказских форм (рис. 1: *8*) из поселения Веремье на юге Восточной Европы, раскопанного В. В. Хвойкой (*Хвойка*, 1901. Табл. XXI: *11*; *Відейко*, 2003; 2006.

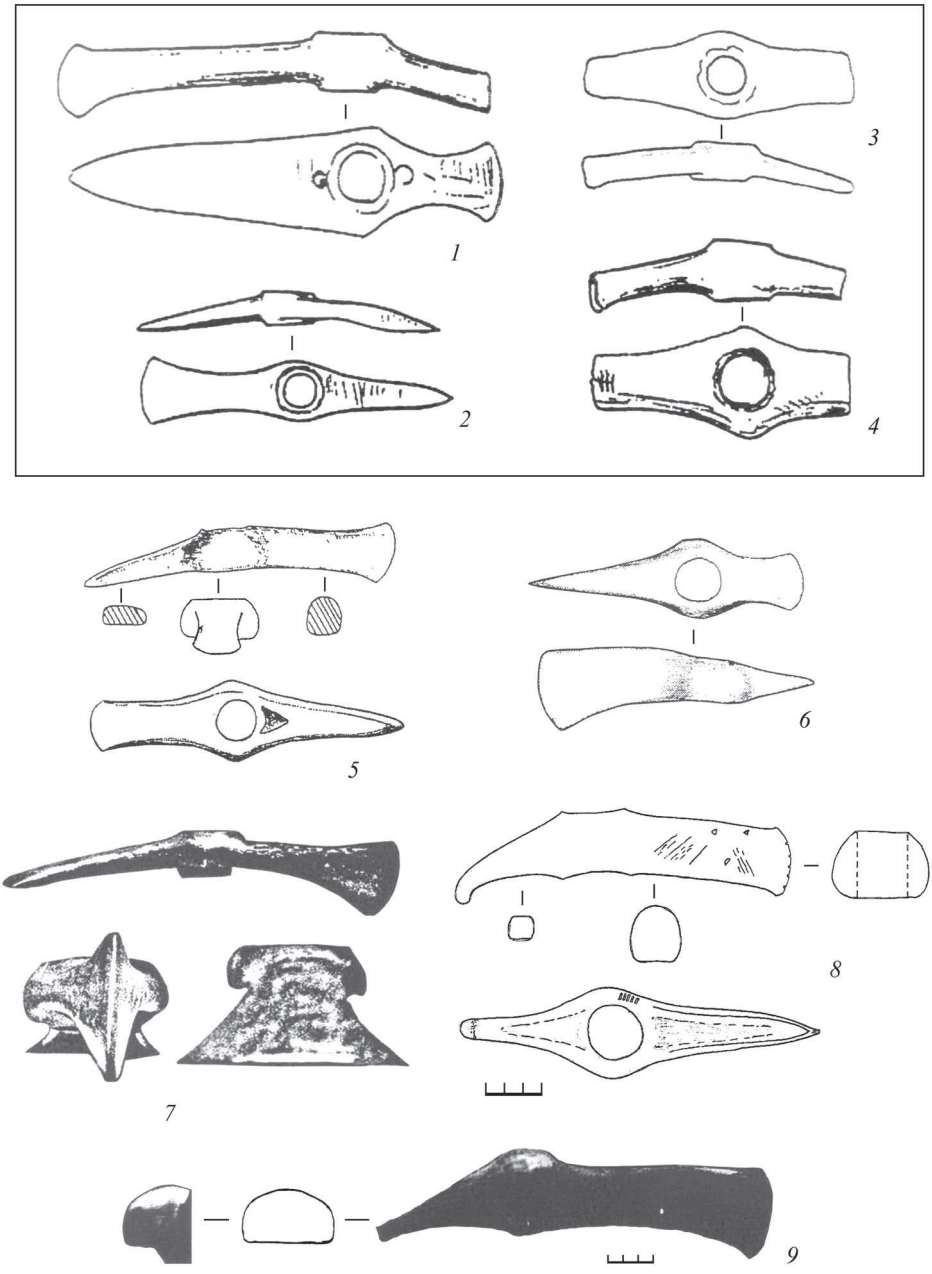


Рис. 1. Комплексные втульчатые орудия Кавказа и Подунавья эпохи энеолита

1 – топор-молот/мотыга; *2, 9* – топоры-клевцы; *3, 4* – двусторонний молот; *5–7* – топоры-мотыги; *8* – топор-псевдоклевец

1 – Кубань; *2* – Приэльбрусье; *3* – у Владикавказа; *4* – у Майкопа; *5* – Усть-Лабинская; *6* – с. Джебота (Грузия); *7* – Венгрия, экспозиция выставки «Бронзовый век без границ», ГИМ; *8* – Веремье; *9* – Приереванский клад

1–4 – Коллекция Е. Зичи; *5, 8, 9* – по: *Кореневский*, 2011; *6* – по: *Гамбашидзе и др.*, 2006; *7* – фото С. Н. Кореневского

Рис. 2. Карта находок комплексных втульчатых орудий, литейной формы и меднорудных месторождений Южного Кавказа

Условные обозначения: *а* – орудия (*1–6, 8–10*); *б* – клады (*7, 12*); *в* – литейная форма (*11*); *г* – меднорудные месторождения (*13–29*)

1 – Джебота; *2* – Тианети; *3* – Дманиси; *4* – Дигоми; *5* – Пинезаури; *6* – Симониатхеви; *7* – Джрашен; *8* – Алаверди; *9* – Гюмри; *10* – Овчулар тепеси; *11* – Дзедзвеби; *12* – Двин; *13* – Алавердское; *14* – Шамлукское; *15* – Личское; *16* – Техутское; *17* – Айкадзорское; *18* – Апарнанское; *19* – Айодзорское; *20* – Ехегнадзорский рудный узел; *21* – Газминское; *22* – Дастакертское; *23* – Кафанское; *24* – Каджаранское; *25* – Агаракское; *26* – Маднеульское; *27* – Болнисский рудный узел; *28* – Хал-Хорское; *29* – Келабакский рудный узел

С. 54–57). Однако проверка источника показала, что этот клевец, изданный в собрании находок В. В. Хвойки, не был отмечен в числе инвентаря с поселения Веремье и его происхождение неизвестно. Возможно, он попал в Киев с юга как некая случайная находка с неясным паспортом происхождения (*Відейко*, 2006. С. 54–57; *Кореневский*, 2011. С. 66). А. Вульпе относил топор-клевец из Веремья к комплексным топорам типа Ариушд.

По составу металла клевец из Веремья может быть отнесен к мышьяковым бронзам: содержание мышьяка у него 0,9 % (*Черных*, 1966. С. 69, 122. № 393). К настоящему времени таких орудий в майкопских или куро-араксских комплексах не зафиксировано.

В последние годы появилась новая и очень важная информация о времени появление топоров-молотов и топоров-клевцов на Южном Кавказе, связанная с находкой литейной формы такого комплексного орудия в довольно раннем контексте вещей начала медно-бронзового века Южного Кавказа. Форма происходит из хозяйственной (?) ямы на поселении культуры сиони Дзедзвеби-IV.3 у г. Болниси (Грузия) в Квемо Картли (*Stollner, Gambashidze*, 2018. S. 152. Add. 2). Вместе с ней была найдена и льячка. Поэтому связь литейной формы и льячки с комплексом древнего местного металлурга бесспорна. Находки в этой яме авторы раскопок относят к докуро-араксскому времени (Ibid. S. 151, 152) (рис. 3: *1–3*).

Уточнение хронологии находок из Дзедзвеби стало возможным с получением дат ^{14}C. Так, культура сиони датируется концом V – началом IV тыс. до н. э. (4055–3905 calBC; 4065–3910 calBC; 4175–3955 calBC; 4245–3975 calBC) (*Sagona*, 2014. P. 36). По сообщению И. Гамбашидзе, дата ямы, где литейная форма топора-клевца была найдена вместе с керамикой культуры сиони, соотносится именно с концом V тыс. до н. э. (4318–4237 calBC; 4327–4175 calBC). Она совпадает с датировками комплекса № 17002 из Овчулар тепеси (*Marro et al*., 2009; 2011) и топоров-мотыг типа Ариушд и Ясладань племен Дунайского халколита (*Рындина*, 2002. С. 257) – т. е. тоже с концом V – началом IV тыс. до н. э. (Триполье BI-BII, BII).

Тип орудия, отливаемого в форме из Дзедзвеби, может проиллюстрировать медный топор-молот из Гюмри (рис. 3: *4*).

Находка из Дзедзвеби очень важна для определения времени существования многочисленных случайных находок комплексных топоров Южного Кавказа и топоров из коллекции Е. Зичи в Предкавказье. Она также может стать источником для датировки топоров-клевцов клада Джрашен.

Клад Джрашен (*Мартиросян, Мнацаканян*, 1973) составляют 7 топоров-клевцов, 1 втульчатый короткообушный топор, 10 плоских тесел и один обломок втулки топора. Всего 19 предметов.

Мне удалось рассмотреть некоторые детали этого комплекса, выставленного в витрине Ереванского исторического музея. К ним можно отнести овальную втулку в ее гипотетическом разрезе, которую можно назвать «грибовидной» (рис. 4: *5–9*). Скос лезвия клина может быть направлен или немного вниз, или вверх. Окончание клина могло проковываться. Один клевец имеет тупое лезвие. Отросток на обухе орудия всегда имеет тупое окончание. На брюшке топоров снизу имеется ложбинка – место усадки металла.

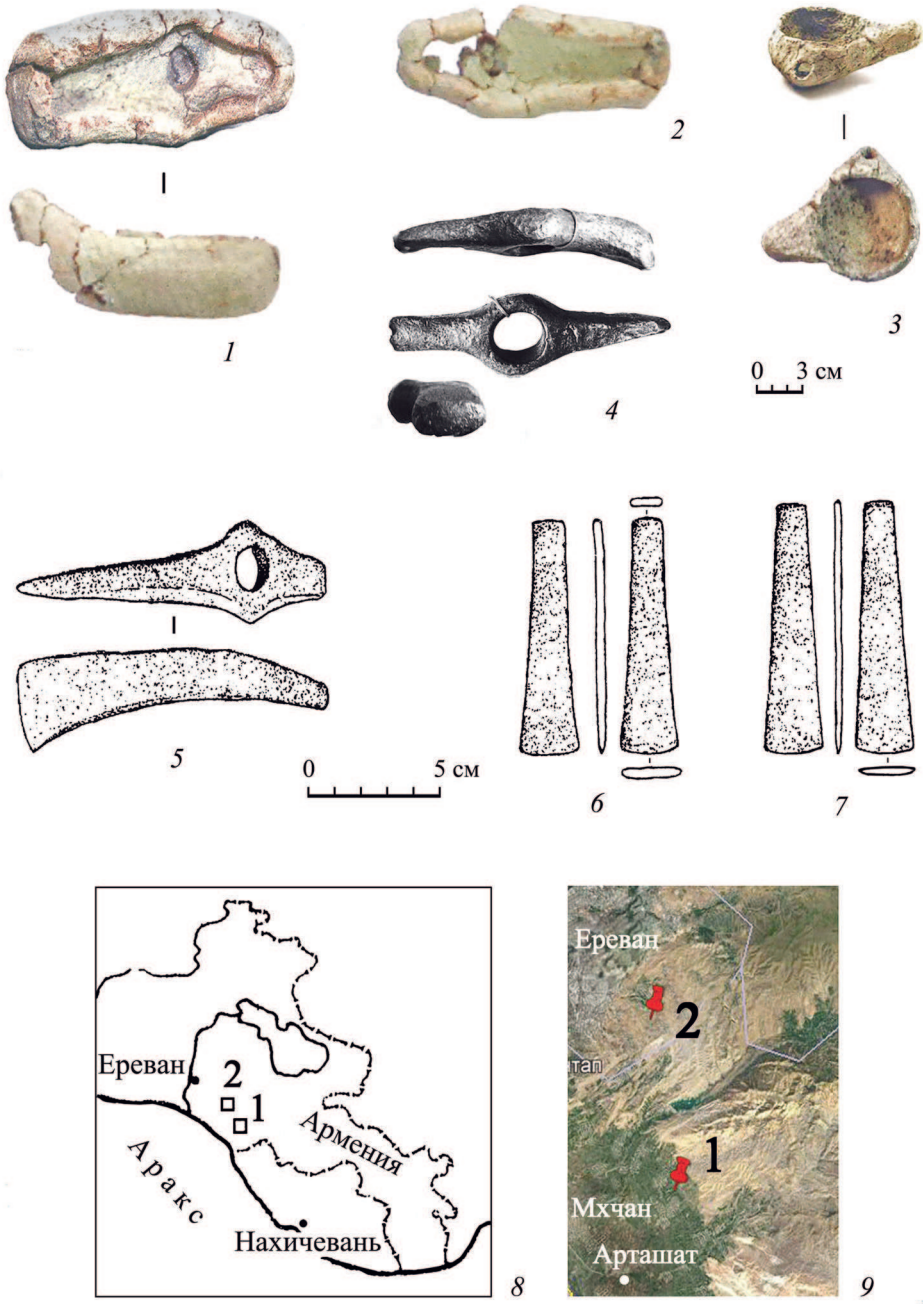


Рис. 3. Находки из пос. Дзедзвеби IV.3 (*1–3*), Гюмри (*4*), Овчулар тепеси (*5–7*) и местоположение Двинского (8: *1*; 9: *1*) и Приереванского (8: *2*; 9: *2*) кладов на карте Армении

1, 2 – литейная форма; *3* – льячка; *4* – топор; *5* – топор-клевец; 6, *7* – тесла

1–3 – по: *Stollner, Gambaschidze*, 2018); *4* – фото С. Н. Кореневского, Музей в г. Гюмри; *5–7* – по: *Marro et al.*, 2009

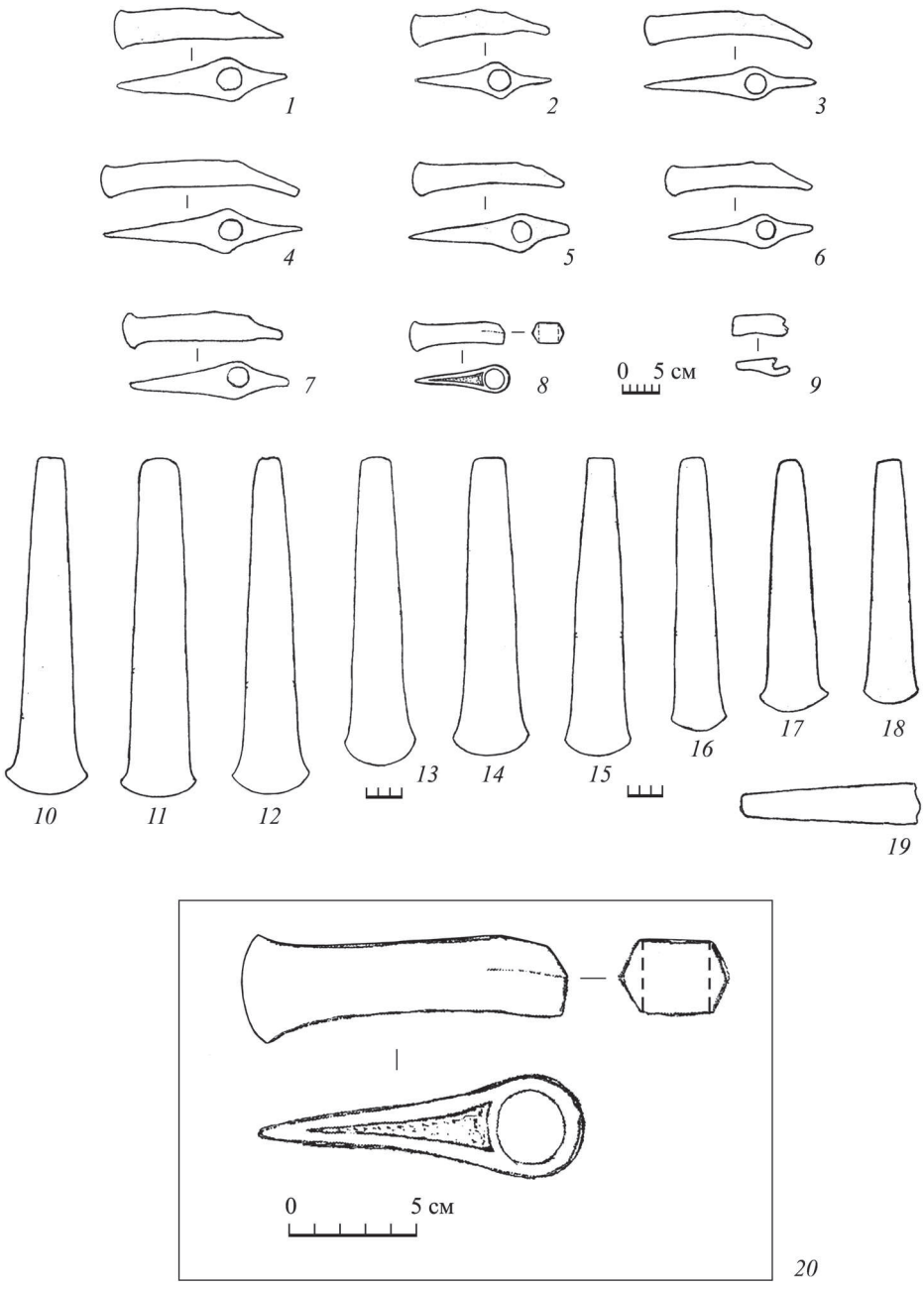


Рис. 4. Приереванский клад (по: *Геворкян*, 1980)

1–7 – топоры-клевцы; *8* – коротковтульчатый топор; *9* – обломок коротковтульчатого топора; *10–19* – тесла; *20* – коротковтульчатый топор крупным планом, рис. С. Н. Кореневского

Втульчатый короткообушной топор из Приереванского клада по строению клина и втулки напоминает клевцы, но не имеет отростка на обухе. Отверстие для насада рукоятки у него круглое, как и у клевцов. Можно полагать, что его форма возникла как некая модификация втульчатого топора-клевца, у которого обушная часть просто не имела отростка (рис. 4: *20*).

Тесла клада имеют удлиненные пропорции (рис. 4: *10–19*). Окончание кли¬на у некоторых из них расковано и расширено. Длина тесел колеблется от 23 до 25 см (табл. 1)

Таблица 1. Клад Джрашен, размеры орудий (в мм)

№ ан.	Предмет	Длина	A	B	B/A	Пятка тесла	Диаметр отверстия
9751	тесло, обломок	138	27	3	0,11	18	
9750	тесло	220	47	12	0,25	20	
9749	тесло	257	63	18	0,3	20	
9748	тесло	257	67	8	0,11	28	
9747	тесло	242	55	8	0,14	20	
9746	тесло	255	64	18	0,3	18	
9745	тесло	239	55	14	0,25	21	
9744	тесло	224	45	12	0,262	20	
9743	тесло	252	63	17	0,26	25	
9742	тесло	252	60	20	0,33	24	
9760	клевец	220	48	14	0,29		30
9759	клевец	234	60	11	0,18		30
9758	клевец	206	44	13	0,29		27
9757	клевец	225	50	11	0,22		30
9756	клевец	230	42	9	0,21		29
9755	клевец	275	45	10	0,22		35

Примечание: A – длина лезвия; B – высота дуги лезвия; B/A – коэффициент скругления лезвия.

Особенности состава металла топоров из Приереванского клада были изучены А. Ц. Геворкяном (*Геворкян*, 1980). Анализы выполнены по методике эмиссионного спектрального анализа в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН. По их результатам было установлено, что все вещи клада изготовлены из мышьяковой бронзы (табл. 2).

Таблица 2. Результаты анализа металла орудий клада Джрашен и случайных находок из Алаверди (№ 3734) и Ленинакана (№ 9724), в % (по: *Геворкян*, 1980, С. 104, 106, 107)

Орудие	№ ан.	Sn	Pb	Ag	Bi	Sb	Fe	Ni	As	Cu
тесло	9742	0,001	0,3	0,15		0,02	0,03	0,09	1,3	Осн.
тесло	9743	0,05	0,3	0,012			0,003	0,1	5	Осн.
тесло	9744	0,02	0,15	0,14		0,01		0,3	2,5	Осн.
тесло	9745	0,005	0,2	0,14		0,02	0,03	0,25	2,5	Осн.
тесло	9746	0,04	0,16	0,2		0,017		0,22	2,5	Осн.
тесло	9747	0,003	0,005	0,25				0,04	2,5	Осн.
тесло	9748	0,003	0,6	0,5	0,002	0,26	0,07	0,35	5	Осн.
тесло	9749	0,001	0,8	0,14			0,001	0,2	5	Осн.
тесло	9750	0,009	0,15	0,05			0,03	0,2	2,5	Осн.
тесло	9751	0,001	0,05	0,06		0,004	0,003	0,09	3,5	Осн.
лом	9752	0,015	0,003	0,03			0,001	0,3	2,7	Осн.
топор	9753	0,04	0,05	0,15			0,008	0,09	4	Осн.
клевец	9754	0,009	0,015	0,1		0,006	0,03	0,7	5,5	Осн.
клевец	9755	0,003	0,05	0,06		0,1	0,5	0,25	2,5	Осн.
клевец	9756	0,003	0,015	0,06		0,01	0,003	0,3	4	Осн.
клевец	9757	0,003	0,15	0,015		0,015	0,02	0,15	5	Осн.
клевец	9758	0,003	0,2	0,1		0,009	0,02	0,6	6	Осн.
клевец	9759	0,001	0,2	1		0,075	0,006	0,4	2,5	Осн.
клевец	9760	0,003	0,003	0,1			0,002	0,1	5	Осн.
клевец	3734	0,003	0,004	0,012			0,002	0,15	1,5	Осн.
топор	9724	0,02		0,04			0,003	0,006	2,7	Осн.

А. Ц. Геворкян совершенно справедливо отметил, что по имеющимся результатам анализа очень трудно связывать исходный продукт готового изделия с рудными источниками. На практике руда разных источников могла обогащаться, перемешиваться. Вводимые в плавку легирующие минералы также могли привносить свои сопутствующие примеси. Не исключен факт наличия переплавки ранее произведенных изделий для получения новых предметов (*Геворкян*, 1980. С. 53).

Еще один клад бронзовых орудий с теслами, похожими на тесла Приереванского клада, был найден у г. Двин в 2018 г. (рис. 5) (*Avetisyan et al.*, 2021; *Гаспарян, Кореневский*, 2021).

Место находки клада было осмотрено Б. Гаспаряном и мной. Клад был зарыт на вершине невысокого холма. Осмотр холма, его шурфовка и обследование прилегающей местности не обнаружили никаких свидетельств культурного слоя. По месту находки комплекс был назван Двинским.

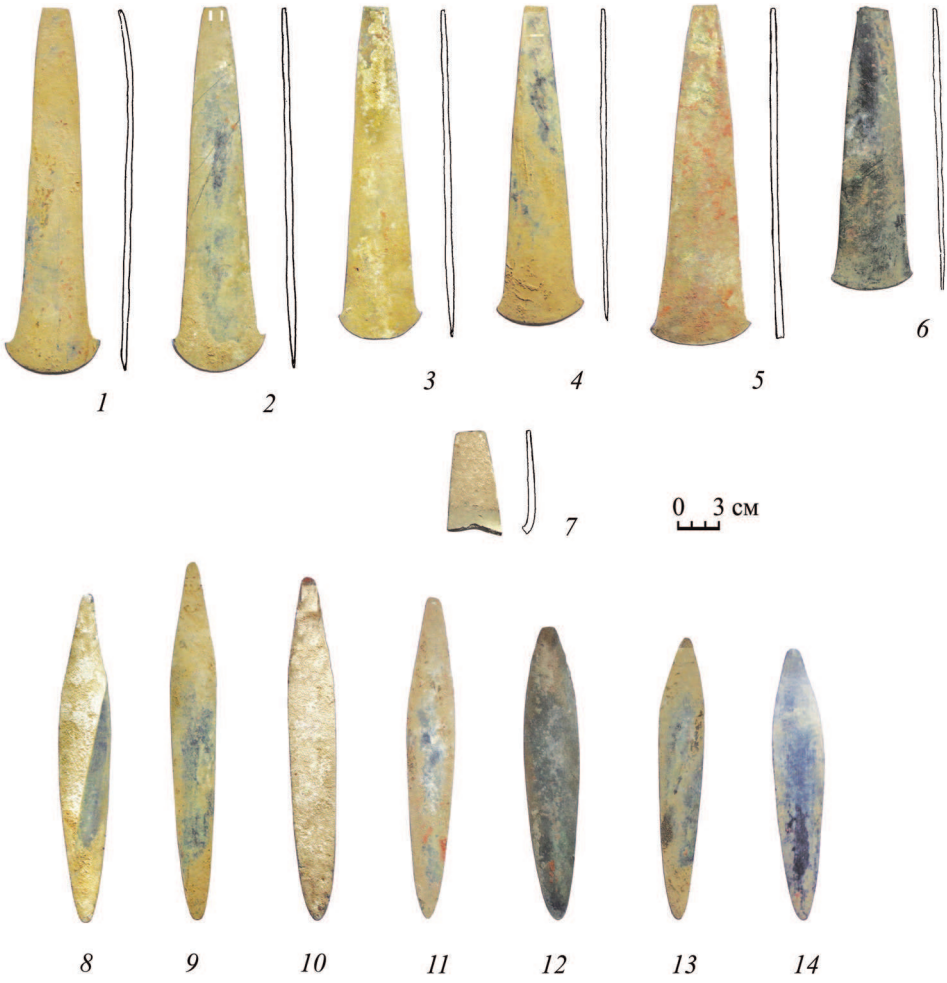


Рис. 5. Клад у г. Двин (по: *Гаспарян, Кореневский*, 2021)
1–6 – тесла; *7* – обломок тесла; *8–14* – кинжалы

Расположение Двинского клада было определено мной по GPS, так же как и район находки Приереванского клада у с. Джрашен, на который мне указал Б. Гаспарян. При наложении полученных координат на карту выяснилось, что места находок Двинского и Приереванского кладов территориально близки – оба находятся в пересеченной, холмистой местности и расстояние на карте по прямой между ними около 12–13 км (рис. 3: *8, 9*).

Двинский клад состоит из 7 т. н. бесчеренковых кинжалов, 6 целых тесел и одного обломка тесла, который, следует заметить, был найден несколько в стороне от места находки клада.

Тесла клада имеют значительную для орудий этой категории длину: от 295 до 370 мм (табл. 3). Заточка тесел обоюдоострая. У одного из тесел рубящий

край не заточен (рис 5: *5*) – толщина окончания клина у него равна 2 мм. Это изделие-полуфабрикат, такое же, как и один клевец Приереванского клада с тупым рубящим краем клина.

Таблица 3. Размеры орудий Двинского клада (*1–14*) и из пещеры Арени (*15*), в мм

№ ан.	Орудие	Длина	А	В	В/А	Пятка тесла	Вес в граммах
1	тесло	264	76	25	0,32	22	370
2	тесло	247	67	26	0,38	15	290
3	тесло	253	60	19	0,31	18	340
4	тесло	239	61	18	0,29	17	305
5	тесло	238	62	14	0,22	15	340
6	тесло	234	58	13	0,22	15	295
7	тесло	70				25	
8	кинжал	250					74,4
9	кинжал	225					73,4
10	кинжал	215					72,18
11	кинжал	207					58,84
12	кинжал	195					54,88
13	кинжал	181					68
14	кинжал	185					133
15	секира	140	77	24	0,31	23	133

Примечание см. в табл. 1.

Бронзовые тесла Приереванского и Двинского кладов относятся к одному типу крупных орудий со скругленным и несколько расширенным лезвием (рис. 4: *10–18*; 5: *1–6*). Они резко отличаются по своим размерам от тесел майкопской и куро-араксской культур. Наиболее близки им по форме тесла клада Нахаль Мишмар (*Bar Adon*, 1980. P. 113, 167, 168, 169) и ряда памятников Ближнего Востока.

Семь кинжалов Двинского клада однотипны (рис. 5: *8–14*). Их длина колеблется от 250 до 181 мм. Колюще-рубящая часть клинка достигала длины до 160 мм. По своей конфигурации двинские кинжалы напоминают кинжалы «бесчеренкового» типа майкопской культуры, но имеют от них веские отличия. Рукоятки майкопских кинжалов несколько угловатые с намеком на выделение плечиков. Кроме того, у майкопских кинжалов нередко наблюдаются зазубрины на рукоятке (*Кореневский*, 2011. С. 102. Рис. 10). Такой признак на кинжалах Двинского клада полностью отсутствует.

Кинжалы Двинского клада по сравнению с майкопскими орудиями выделяются своими крупными размерами. Поэтому рассматриваемые орудия вряд ли были кинжалами майкопцев. Однако очевидно, что мастера-оружейники майкопско-новосвободненской общности, а также лейлатепинской культуры и мастера, изготовившие кинжалы Двинского клада, ориентировались на одну и ту же идею формы кинжала с широкой трапециевидной рукояткой, наподобие рукоятей кремневых кинжалов предыдущих эпох.

Аналогии кинжалам бесчеренкового типа на Южном Кавказе на уровне общих признаков формы достаточно известны. Так, бесчеренковый кинжал, как редкая находка, есть в комплексе погр. 3 м-ка Твлепиас-цкаро куро-араксской культуры времен слоя поселения Квацхелеби С (*Джавахишвили, Глонти*, 1962), но пропорции у этого кинжала между клинком и рукояткой несколько иные.

Находки кинжалов малых размеров без черенка и с намечающимся черенком известны из поселений Кюль-тепе I, Техут и раннего горизонта (4000–3700 calBC) пещеры Арени (*Bobokhyn et al*., 2014. P. 310. Fig.7: *3–5*). При сравнении всех этих орудий становится очевидным, что в слоях поселений Южного Кавказа представлены только небольшие кинжальчики. Кинжалы же Двинского клада имеют более крупные размеры и являются боевыми формами.

За пределами Кавказа, в Иране, бесчеренковые или полубесчеренковые кинжалы известны в слое Тепе Габристан II-9 (*Кореневский*, 2011. Рис. 13: *1–3*; *Majidzadeh*, 1976). Этот слой синхронен слоям Сиалка III-3–5 урукского времени. Кинжалы с намечающимся черенком в Тепе Гиссар фиксируются в слое I (*Кореневский*, 2011. Рис. 13: *7, 8*; *Schmidt*, 1933. Pl. 90: *H 930*; 1937. Pl. XVI: *H 3483, 4388, 3408*). Они есть в слоях Тепе Гиссара II (*Кореневский*, 2011. Рис. 13: *4–6, 9*; *Schmidt*, 1933. Pl. LCIV H 1331, H 21, H 31, H 1041).

Датировка слоя Тепе Гиссар I (по: Э. Шмидту – слои Тепе Гиссар I A, B, C) довольно широкая – в рамках 40–37 вв. до н. э. Дата слоя II-9 Тепе Габристан тоже укладывается в рамки начала IV тыс. до н. э. (*Majidzadeh*, 1976; *Fazeli*, 2004. P. 194).

В Дунайском регионе бронзовые кинжалы без черенка распространены в основном в культурах времени Триполья BII, как, например, в кладе Городница (4000–3800 вв. до н. э.) (*Відейко*, 2003; 2006; *Кореневский*, 2011. С. 21–40), что соответствует раннему времени майкопско-новосвободненской общности и раннему урукскому периоду Месопотамии (*Кореневский*, 2011. С. 21–40). В целом кинжалы Двинского клада отражают начавшуюся «клинковую революцию», которая, по данным археологии Ближнего Востока, Кавказа и Европы, в IV тыс. до н. э. стремительно развивалась (*Кореневский*, 2017).

Общий вес находок Двинского клада составляет (без обломка тесла) 2124 грамма: средний вес тесел равен 274 г, кинжалов – 59 г. Если оценивать стоимость изделий по весу, то стоимость тесла будет почти в пять раз больше стоимости кинжала.

Изделия Двинского клада были проанализированы в 2019 г. современным методом рентгенофлуоресцентного анализа на аппарате «Торнадо Брюкер» (табл. 4).

Таблица 4. Результаты анализа металла орудий из Двинского клада (в %)

№	Cr	Fe	Ni	Cu	Zn	As	Pb	Орудие
1	0,07	0,13	0,16	95,13	0,05	4,37	0,10	тесло
2	0,07	0,15	0,19	97,14	0,13	1,43	0,89	тесло
3	0,06	0,11	0,25	96,14	0,04	3,33	0,07	тесло
4	0,08	0,15	0,20	96,83	0,03	2,57	0,15	тесло
5	0,07	0,20	0,18	94,71	0,09	4,38	0,36	тесло
6	0,07	0,14	0,15	95,76	0,10	3,68	0,1	тесло
7	0,08	0,15	0,24	91,95	0,07	7,17	0,35	тесло
8	0,06	0,13	0,14	95,13	0,05	3,68	0,81	кинжал
9	0,08	0,14	0,18	95,21	0,04	4,3	0,05	кинжал
10	0,05	0,15	0,24	92,87	0,06	6,26	0,38	кинжал
11	0,06	0,14	0,23	95,37	0,07	4,01	0,12	кинжал
12	0,06	0,17	0,23	96,98	0,11	2,42	0,05	кинжал
13	0,06	0,14	0,20	94,83	0,70	3,89	0,15	кинжал
14	0,09	0,14	0,15	94,88	0,11	4,57	0,05	кинжал

Проанализированные предметы Двинского клада изготовлены из мышьяковой бронзы с содержанием мышьяка от 1,43 до 6,26 %. Лишь в одном случае концентрация мышьяка достигает 7,15 %. Но этим орудием является сломанное тесло. Характер деформации показывает, что предмет сильно изогнули, и он лопнул на изгибе. Трудно сказать, зачем это сделали. Ясно только, что столь высокое содержание мышьяка могло сделать предмет довольно хрупким. Может быть, древний мастер учитывал такое обстоятельство и превратил отливку тесла в лом?

Металл Двинского клада сближается с металлом Приереванского клада по концентрациям никеля (в десятых долях процента, но не более 0,7 %) и свинца – с десятых долей процента. Однако в металле орудий Приереванского клада не обнаружена примесь цинка. Возможно, это говорит о разнице в источниках металла, если только такая разница не является следствием разности методик[2].

Содержание никеля в составе мышьякового металла от 0,1 % и более рассматривалось Е. Н. Черных как критерий отнесения такого металла к мышьяково-высоконикелевой группе (*Черных*, 1966. С. 38). Н. В. Рындина и И. Г. Равич определяли этот порог в бóльших концентрациях: от 0,8 до 1 % (*Рындина, Равич*, 2019. С. 35–38). При этом добавление никеля вместе с мышьяком в сплав они рассматривали как полезную присадку (Там же. С. 135).

Судя по наборам изделий, оба клада были комплексами мастеров-оружейников, непосредственно имевших дело с производством включенных в клады

[2] Имеются в виду данные оптико-эмиссионного и рентгенофлуоресцентного анализов.

вещей. В пользу последнего вывода свидетельствуют находки литейного брака, лома и незаконченных орудий – плоского топора в Двинском кладе и бракованной отливки топора-клевца в кладе Приереванском.

Изготовившие предметы этих комплексов мастера обладали близкими навыками производства вещей из мышьяковых бронз. Они хорошо знали оптимальные пропорции мышьяка в сплаве для отливки орудий, допуская его присутствие не выше 5–6 %.

Вещи обоих кладов их владельцы, скорее всего, рассматривали как своего рода жертвенные изделия, которые надо было зарыть в землю без планов в будущем вернуть их назад. Находка Двинского клада на вершине естественного холма явно неслучайна. По верованиям зарывших клад людей, вершина холма могла маркировать особое место магической силы – в самой высокой точке возвышенности.

Выводы

Представленный материал позволяет датировать появление литья комплексных орудий в глиняных формах на Южном Кавказе с конца V тыс. до н. э. – начала IV тыс. до н. э. и связывать это явление с культурой сиони. К этому же времени на Кавказе тяготеют находки топоров-клевцов и топоров-мотыг.

Наличие однотипных крупных тесел в кладах Джрашен и Двинском позволяет считать эти комплексы близкими по времени, а кроме того, дает возможность предполагать их появление в период существования памятников культуры сиони, поскольку в комплексах более поздней эпохи (майкопской и лейлатепинской культур) подобных орудий не зафиксировано.

Предложенную хронологию подтверждает находка топора-молота на поселении Овчулар тепеси конца V тыс. до н. э. и время распространения топоров-мотыг типа Ариушд в периоды Триполья BI/BII–BII, один из которых зафиксирован как находка из ст. Усть-Лабинской.

Такая хронология предоставляет возможность рассматривать подобные вещи на Кавказе как вещи времени, предшествующего появлению памятников майкопско-носвободненской общности и лейлатепинской культуры.

По сути, их можно было бы связать с кавказским энеолитом, но в отличие от энеолита дунайских культур V тыс. до н. э., орудия которых изготовлены из чистой меди, заря освоения втульчатых ударных орудий и клинкового оружия на медной основе на Кавказе была представлена мышьяковыми бронзами с вполне освоенной металлургией медно-мышьяковых сплавов.

Распространение на Кавказе комплексных топоров отражает влияния дунайских форм орудий. Однако идея дунайских типов комплексных топоров была модернизирована под стандарты местного литья топоров-клевцов и топоров-мотыг. Но все же традиции формы дунайских топоров типа Ариушд и Ясладань на Кавказе сохранились в конфигурации втулок орудий, которые имели «грибовидные» очертания.

Более того, сам факт отливок изделий в глиняных литейных формах на Южном Кавказе документирует собственное (и раннее) производство таких приспособлений для изготовления втульчатых топоров.

В рассматриваемое время в производстве комплексных топоров на Южном Кавказе возникает форма короткообушного топора, которая нашла самое широкое распространение в IV тыс. до н. э. у племен майкопской, лейлатепинской и куро-араксской культур. Нет оснований считать, что форма такого оружия была занесена на Кавказ с юга – из области культур Месопотамии, где находки таких изделий очень редки и случайны.

Особого обсуждения требует ареал комплексных топоров-клевцов и топоров-мотыг на Южном Кавказе, а также – как я отметил ранее (*Гаспарян, Кореневский*, 2021) – его связи с различными районами меднорудных месторождений за пределами Алавердского рудного узла, поскольку он сопряжен с довольно узкой территорией в центральных районах региона – от Квемо Картли до области Нахичевани в Азербайджане.

Совмещение картографирования меднорудных проявлений на этой территории показывает, что ареал топоров-клевцов прямо увязывается с расположением месторождений от Болнисского рудного узла в Квемо Картли (*Ткемаладзе*, 1982) до Хал-Холмского месторождения медных руд, расположенного в 18 км к северу от Нахичевани (*Нагиев, Мамедов*, 2009), где локализовано и поселение Овчулар тепеси.

В Армении к рудным месторождениям тяготеют находки клевцов в Алаверди и Гюмри, а клады Джрашен и Двин располагаются поблизости от Айкедзорского меднорудного узла (*Пиджян*, 1975).

Рассматривая такую локализацию топоров-клевцов и топоров-мотыг на Южном Кавказе, мы может констатировать, что эти предметы были связаны с древними (и, возможно, одними из первых) металлургами, которые осваивали меднорудные месторождения этого региона.

ЛИТЕРАТУРА

Відейко М. Ю., 2003. Нова хронологія кукутені-трипілля // Трипільська цивілізація у спадщині України. Київ: Просвіта. С. 106–117.

Відейко М. Ю., 2006. Досліження трипільської цивілізації у науковій спадщині археолога Вікентія Хвойки. Ч. 1. Київ: ІА НАНУ. 208 с.

Гамбашидзе Ир., Миндиашвили Г., Гогочури Г., Кахиани К., Джапаридзе И., 2010. Древнейшая металлургия и горное дело в Грузии в VI–III тыс. до н. э. Тбилиси: Mtsignibari. 592 с. (На груз. яз.)

Гаспарян Б. Кореневский С. Н., 2021. Клад бронзовых орудий начала медно-бронзового века у села Двин (Центральная Армения) // АЭАЕ. Т. 49. № 2. С. 43–52: 10 рис.

Геворкян А. Ц., 1980. Из истории древнейшей металлургии Армянского нагорья. Ереван: АН Армянской ССР. 128 с.

Джавахишвили А. И., Глонти Л. И., 1962. Урбниси I. Археологические раскопки, проведенные в 1954–1961 гг. на селище Квацхелеби. Тбилиси: АН Грузинской ССР. 73 с.

Кореневский С. Н., 1994. Общие черты изучения энеолита в Предкавказье // XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тез. докл. Кисловодск. С. 18–20.

Кореневский С. Н., 2011. Древнейший металл Предкавказья: типология, историко-культурный аспект. М.: Таус. 386 с.

Кореневский С. Н., 2012. Рождение кургана: погребальные памятники энеолитического времени Предкавказья и Волго-Донского междуречья). М.: Таус. 256 с.

Кореневский С. Н., 2017. Оружие в комплексах культур начала медно-бронзового века (V–IV тыс. до н. э.). Очерки военизации древних обществ по данным археологии. Подунавье, юг Восточной Европы, Кавказ, Ближний Восток). М.: ИА РАН. 283 с.

Мартиросян А. А., Мнацаканян А. О., 1973. Приереванский клад древней бронзы // КСИА. Вып. 134. С. 122–127.

Мунчаев Р. М., 1994. Куро-аракская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа / Отв. ред.: К. Х. Кушнарева, В. И. Марковин. М.: Наука. С. 8–57. (Археология.)

Нагиев В. Н., Мамедов И. А., 2009. Полезные ископаемые Нахичеванской автономной Республики. Баку. 276 с.

Пиджян Г. О., 1975. Медно-молибденовые формации руд Армянской ССР: геология, минералогия и геохимия. Ереван: АН Армянской ССР. 311 с.

Рындина Н. В., 2002. Медные топоры-молотки и топоры-тесла Восточной Европы (эпоха энеолита) // Проблемы археологии Евразии: к 80-летию Н. Я. Мерперта / Отв. ред. Р. М. Мунчаев. М.: ИА РАН. С. 246–258.

Рындина Н. В., Равич И. Г., 2019. Металл майкопской культуры Северного Кавказа в свете аналитических исследований. М.: Книжный дом Университет. 236 с. (Труды ист. факультета МГУ.)

Ткемаладзе М. Т., 1982. Геолого-структурные формирования медных, свинцово-цинковых месторождений Болнисского рудного района (ГССР) Тбилиси: Мецниереба. 260 с.

Хвойка В. В., 1901. Каменный век среднего Приднепровья // Труды Одиннадцатого Археологического съезда в Киеве, 1899. Т. 1. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля. С. 736–812.

Черных Е. Н., 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.: Наука. 144 с. (МИА; № 132.)

Areshian G., 2007. From extended families to incipient polities: the trajectory of social complexity in the Earle Bronze Age of the Ararat Plain (Central Near Eastern Highlands) // Social Orders and Social Landscapes / Eds.: L. M. Popova, C. W. Hartly, A. T. Smith. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing. P. 26–53.

Avetisyan P., Gasparian B., Bobokhyan A., 2021. Metal and Knowlege Transfer Armenia during of 4th and 3th Millenia BC // The Caucasus: Bridge between the urban centres of Mesopotamia and the Pontic steppes in the 4th and 3th millennium BC: The transfer of knowledge and technologies between East and West in the Bronze Age: Proceedings of the Caucasus Conference (Frankfurt am Main, 2018). Regensburg: Schnell & Steiner. P. 87–100.

Badalyan R., 2018. The chronology of the Kuro-Araxes: New data and old problems of periodization and chronology of the Early Bronze Age materials in Armenia // ARAMAZD: Armenian Journal of Near Eastern studies. Vol. XII. Iss. 1. P. 51–65.

Bar-Adon P., 1980. The cave the Treasure. The Finds from the Cave in Nahal Mishmar. Jerusalem: Israel Exploration Society. 243 p.

Bobokhyan A., Meliksetian Kh., Casparian B., Avetisyan P., Chatainger Ch., Pernicka E., 2014. Transition to extractive Metallurgy and Social Transformation in Armenia at the End of the Stone Age // Stone Age of Armenia / Eds.: B. Gasparyan, M. Arimura. Kanazawa: Kanazawa University. P. 283–313.

Fazeli H., 2004. Chalcolithic Archaeology of the Qazvin Plain // Persiens Antike Pracht: Bergbau – Handwerk – Archäologie: Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum vom 28. November 2004 bis 29. Mai 2005. Bochum. P. 194–199.

Majidzadeh Y., 1976. The early prehistoric cultures of the central plateau of Iran: an archaeological history its development during the fifth and fourth millennia BC: Dissertation of Doctor of Philosophy / The University Chicago. 500 p.

Marro C., Bakhshaliyev V., Ashurov S., 2009. Excavations at Ovçular Tepesi (Nahichevan, Azerbaijan). First Preliminary Report: 2006–2008 Seasons // Anatolia Antiqua. Vol. XVII. P. 31–87.

Marro C., Bakhshaliev V., Ashurov S., 2011. Excavations at Ovchular tepesi (Nahichevan, Azerbaidjan. Second Preliminary Report: The 2008–2010 Seasons // Anatolia Antiqua. Vol. XIX. P. 53–100.

Sagona A., 2014. Rethinking the Kuro-Araxes genesis // Paléorient. Vol. 40. No. 2. P. 23–46.

Schmidt E. F., 1933. Tepe-Hissar excavations, 1931 // Museum Journal. Vol. XXIII. No. 4. P. 323–487.

Schmidt E. F., 1937. Excavations at Tepe Hissar, Damghan. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 478 p.

Stollner Th., Gambashidze I., 2018. Das prähisorische Siedlungsplateu Dzedzwebi nache Balitschi in Unterkartli // Gold & Wein. Georgiens älteste Schätzes: Begleitband zur Sonderausstellung,

6. Oktober 2018 – 10. Februar 2019, Archäologisches Museum Frankfurt. Mainz: Nünnerich-Asmus – Verlag und Media. P. 150–157.

Todorova H., 1981. Die kupferzeitliche Äxte und Beile in Bulgarien. München: Beck. 66 S. (Prähistorische Bronzefunde; IX, 14.)

Vulpe A., 1975. Die Äxte und Beile in Rumänien II. München: Beck. IX, 97 S., 63 Taf. (Prähistorische Bronzefunde; IX, 5.)

Zichy E., 1897. Voyages au Caucase et an Asie Centrale = Kaukázusi és Közepázsiai utazásai. Budapest: Ranschburg. 613 p., pl.

Сведения об авторе

Кореневский Сергей Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: Skorenevskiy@yandex.ru

S. N. Korenevskiy

THE ISSUE OF THE SHAFT-HOLE AND BLADE WEAPONS MADE OF BRONZE IN THE CAUCASUS REVISITED

Abstract. The paper analyzes finds of large bronze flat axes and pick-axes in the South Caucasus, which have been discovered in the Yerevan hoard in Armenia as well as the hoard of bronze flat axes and daggers near the city of Dvin, Armenia. Most likely, both hoards date to the time prior to the period when the Maykop culture emerged in the Fore-Caucasus and the Kura-Araxes culture appeared in the South Caucasus. The paper also focuses on the find of a clay casting mould used to produce a hammer-axe at the Dzedzvebi site in the Bolnisi district in Georgia. This site has been attributed to the Sioni culture. The household pit where the casting mould was found dates to the second half of the V millennium BC. The elemental composition of the hoard metal demonstrates the use of arsenic bronze. Besides, shaft-hole axes with a shortened butt one of which was included in the Yerevan hoard began to be made in this period. On the whole, the examined materials enable us to argue that at the end of the V – early IV millennia BC the metalworking tradition of the Danube Chalcolithic population influenced the spread of dual purpose axes in the South Caucasus.

Keywords: Eneolithic, copper, hammer-axe, pick-axe, axe-adze, dagger, flat axe, hoard, complex, arsenic bronze, Caucasus, Danube region, chronology.

REFERENCES

Chernykh E. N., 1966. Istoriya drevneyshey metallurgii Vostochnoy Evropy [History of ancient metallurgy in Eastern Europe]. Moscow: Nauka. 144 p.

Dzhavakhishvili A. I., Glonti L. I., 1962. Urbnisi. I. Arkheologicheskie raskopki, provedennye v 1954–1961 gg. na selishche Kvatskhelebi [Urbnisi. I. Archaeological excavations carried out in 1954–1961 at settlement Kvatskhelebi]. Tbilisi: Akademiya nauk Gruzinskoy SSR. 73 p.

Gambashidze Ir., Mindiashvili G., Gogochuri G., Kakhiani. K., Dzhaparidze I., 2010. Drevneyshaya metallurgiya i gornoe delo v Gruzii v VI–III tys. do n. e. [Earliest metallurgy and mining in Georgia in VI–III mill. BC]. Tbilisi: Mtsignibari. 592 p. (In Georgian.)

Gasparyan B., Korenevskiy S. N., 2021. Klad bronzovykh orudiy nachala medno-bronzovogo veka u sela Dvin (Tsentral'naya Armeniya) [Hoard of bronze tools of the beginning of Copper-Bronze Age near village Dvin (Central Armenia)]. *AEAE*, vol. 49, no. 2, pp. 43–52: ill.

Gevorkyan A. Ts., 1980. Iz istorii drevneyshey metallurgii Armyanskogo nagor'ya [From the history of ancient metallurgy of Armenian highlands]. Erevan: Akademiya nauk Armyanskoy SSR. 128 p.

Khvoyka V. V., 1901. Kamennyy vek srednego Pridneprov'ya [Stone Age of Middle Dnieper region]. *Trudy Odinnadtsatogo Arkheologicheskogo s"ezda v Kieve, 1899 [Proceedings of Eleventh Archaeological congress in Kiev, 1899]*, vol. 1. Moscow: Tipografiya G. Lissnera i A. Geshelya, pp. 736–812.

Korenevskiy S. N., 1994. Obshchie cherty predmaykopskogo perioda v Predkavkaz'e [Common features of pre-Maykop period in the Fore-Caucasus]. *XVIII Krupnovskie chteniya po arkheologii Severnogo Kavkaza [XVIII Krupnov readings on archaeology of North Caucasus]*. Kislovodsk, pp. 18–20.

Korenevskiy S. N., 2011. Drevneyshiy metall Predkavkaz'ya: tipologiya, istoriko-kul'turnyy aspekt [Earliest metal of the Fore-Caucasus: typology, historical and cultural aspect]. Moscow: Taus. 386 p.

Korenevsky S. N., 2012. Rozhdenie kurgana: pogrebal'nye pamyatniki eneoliticheskogo vremeni Predkavkaz'ya i Volgo-Donskogo mezhdurech'ya [Emergence of the kurgan: funeral monuments of the Eneolithic period of the Northern-Caucasus and Volga-Don between rivers]. Moscow: Taus. 256 p.

Korenevskiy S. N., 2017. Oruzhie v kompleksakh kul'tur nachala medno-bronzovogo veka (V–IV tys. do n. e.) [Weapons in complexes of the early Copper-Bronze Age cultures (V–IV mill. BC)]. *Ocherki voenizatsii drevnikh obshchestv po dannym arkheologii. Podunav'e, yug Vostochnoy Evropy, Kavkaz, Blizhniy Vostok [Essays on militarization of ancient societies based on archaeology data. The Danube region, South of Eastern Europe, Caucasus, Near East]*. Moscow: IA RAN. 283 p.

Martirosyan A. A., Mnatsakanyan A. O., 1973. Prierevanskiy klad drevney bronzy [Yerevan hoard of ancient bronze]. *KSIA*, 134, pp. 122–127.

Munchaev R. M., 1994. Kuro-arakskaya kul'tura [Kuro-Araks culture]. *Epokha bronzy Kavkaza i Srednego Azii. Rannyaya i srednyaya bronza Kavkaza [The Bronze Age of the Caucasus and Central Asia. Early and Middle Bronze Ages of the Caucasus]*. K. Kh. Kushnareva, V. I. Markovin, eds. Moscow: Nauka, pp. 8–57. (Arkheologiya.)

Nagiev V. N., Mamedov I. A., 2009. Poleznye iskopaemye Nakhichevanskoy avtonomnoy Respubliki [Minerals of the Nakhichevan Autonomous Republic]. Baku. 276 p.

Pidzhyan G. O., 1975. Medno-molibdenovaya formatsiya rud Armyanskoy SSR: geologiya, mineralogiya i geokhimiya [Copper-molybdenum ore formation of Armenian SSR: geology, mineralogy and geochemistry]. Erevan: Akademiya nauk Armyanskoy SSR. 311 p.

Ryndina N. V., 2002. Mednye topory-molotki i topory-tesla Vostochnoy Evropy (epokha eneolita) [Copper hammer-axes and flat axes of Eastern Europe (Eneolithic Age)]. *Problemy arkheologii Evrazii [Problems of Eurasia archaeology]*. R. M. Munchaev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 246–258.

Ryndina N. V., Ravich I. G., 2019. Metall maykopskoy kul'tury Severnogo Kavkaza v svete analiticheskikh issledovaniy [Metal of Maykop culture of North Caucasus in the light of analytical research]. Moscow: Knizhnyy dom Universitet. 236 c. (Trudy istoricheskogo fakulteta MGU.)

Tkemaladze M. T., 1982. Geologo-strukturnye formirovaniya mednykh, svintsovo-tsinkovykh mestorozhdeniy Bolnisskogo rudnogo rayona (GSSR) [Geological and structural formations of copper, lead-zinc deposits of the Bolnisi ore region (Georgian SSR)]. Tbilisi: Metsniereba. 260 p.

Videyko M. Yu., 2003. Nova khronologiya Kukuteni-Trypillya [New chronology of Cucuteni-Tripolye]. *Trypil's'ka tsyvilizatsiya u spadshchyni Ukraïny [Tripolye civilization in heritage of Ukraine]*. Kyïv: Prosvita, pp. 106–117.

Videyko M. Yu., 2006. Doslidzhennya trypil's'koï tsivilizatsiï u naukoviy spadshchyni arkheologa Vikentiya Khvoyky [Tripolye civilization research in scientific heritage of the archaeologist Vikentiy Khvoyka], 1. Kyïv: IA NANU. 208 p.

About the author

Korenevskiy Sergey N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: Skorenevskiy@yandex.ru

Р. А. Мимоход

ПОЯСНАЯ ГАРНИТУРА ИЗ КОСТИ И РОГА КУЛЬТУРНОГО КРУГА ЛОЛА В КОНТЕКСТЕ ХРОНОЛОГИИ, КУЛЬТУРНО-ГЕНЕТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ[1]

Резюме. Статья посвящена анализу поясной гарнитуры из кости и рога культурного круга Лола. В ней охарактеризованы все известные на сегодняшний день поясные пряжки и подвески лолинской и невинномысской культур, а также волго-уральской культурной группы. Установлена их хронология как в рамках отдельных культур, так и в рамках всего посткатакомбного блока. Раскрываются механизмы происхождения отдельных типов поясной гарнитуры, которые связаны с Кавказом и собственным формотворчеством. На примере костяных и роговых пряжек реконструируются межкультурные связи культурного круга Лола с носителями бабинских и покровских традиций.

Ключевые слова: культурный круг Лола, лолинская культура, невинномысская культура, волго-уральская культурная группа, пряжки, поясные подвески, хронология, происхождение, межкультурные контакты.

Поясная гарнитура из кости и рога культурного круга Лола неоднократно привлекала внимание исследователей (*Андреева*, 1986; *Братченко*, 1995; *Калмыков*, 2005; *Калмыков, Мимоход*, 2005; *Мимоход*, 2012; 2013, С. 104–133; 2018а; 2018б). Рассматривались вопросы типологии, хронологии, происхождения и семантики. На сегодняшний день в культурный круг Лола, который расположен в восточной части посткатакомбного мира, входят лолинская и невинномысская культура, а также волго-уральская культурная группа (ВУКГ) (рис. 1). Для погребений всех этих культурных образований характерна поясная гарнитура из кости и рога: пряжки и подвески.

[1] Работа выполнена в рамках коллективной плановой темы ИА РАН № НИОКТР 122011200270-0.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.275.97-113

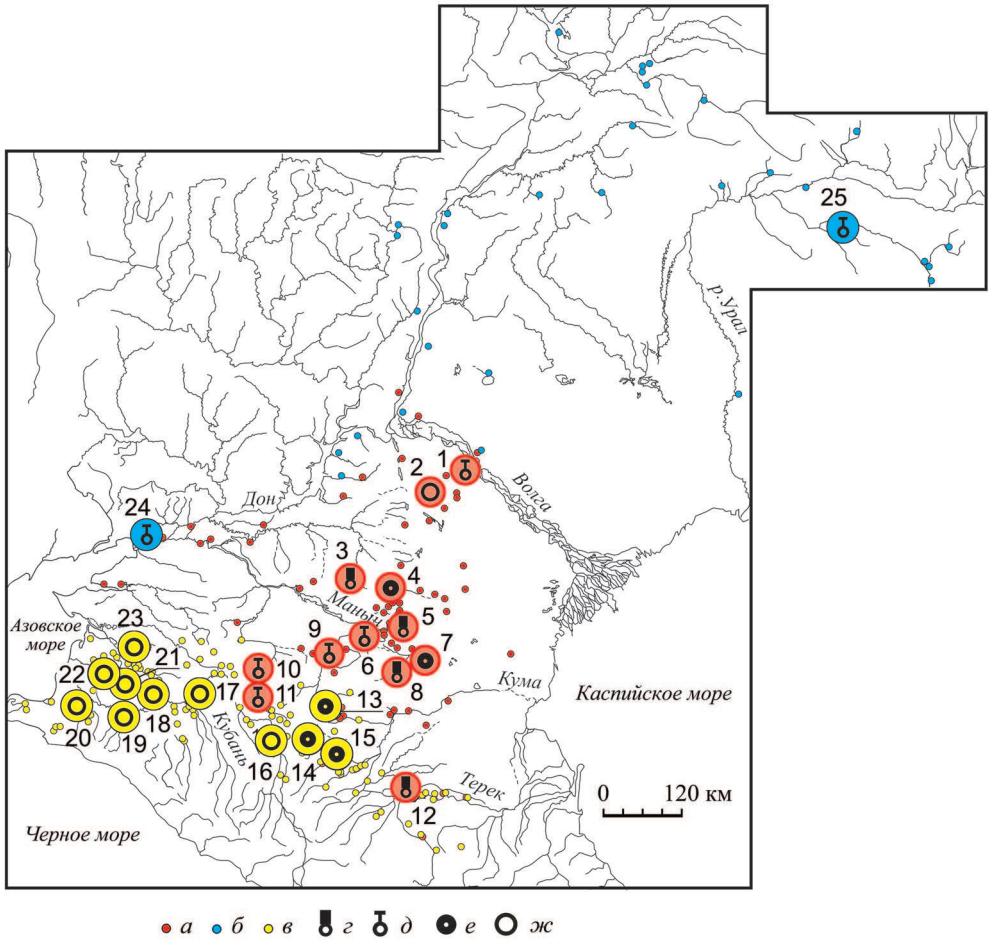


Рис. 1. Памятники с костяными/роговыми поясными пряжками и подвесками культурного круга Лола

а – лолинская культура; *б* – невинномысская культура; *в* – волго-уральская культурная группа; *г* – кольцевидно-широкопланочные пряжки; *д* – кольцевидно-узкопланочные пряжки; *е* – поясные подвески типа Элиста-Калиновский; *ж* – пряжки бабинских и покровских типов

1 – Кривая Лука XXI 1/9; *2* – Ут 6/1; *3* – Темрта 1 2/7; *4* – Элиста 6/1; *5* – Кевюды 1 3/5; *6* – Типки I 2/4; *7* – ВМЛБ I 1965 30/1, 32/3, 37/2; *8* – Чограй VIII 34/1; *9* – Ипатово 3 2/13; *10* – Ильинский 1 1/6; *11* – Родионов 4 5/3; *12* – Черноярская 3/10; *13* – Калиновский 2/2; *14* – Николаевский 3 2/6; *15* – Ульяновский 1 3/5; *16* – Невинномысский 1 13/6, Невинномысский 3 7/19; *17* – Садовый 4/10; *18* – Праздничный к. 1; *19* – Колос 2 1/17; *20* – Адагум 1 7/3; *21* – Красносельский 9 6/12, 10 2/2; *22* – Олений I 2/8; *23* – Батуринская I 5/2; *24* – Ливенцовская крепость п. 6; *25* – Тамар-Уткуль VII 4/3

Лолинская культура

В ее материалах насчитывается 14 изделий (рис. 2). Они маркируют все три этапа развития лолинских древностей. Для раннего и развитого периодов характерны фигурные роговые кольцевидно-планочные пряжки кавказской традиции (4 экз.) (рис. 2: *1–8*). Первый этап маркируют широкопланочные кольцевидные изделия вычурной формы типа Чограй-Кевюды (Ч-К), в которых опознаются антропоморфные мужские и отдельные зооморфные черты (рис. 2: *1–4*), большая часть из них покрыта резным орнаментом. Погребения совершены в глубоких катакомбах (рис. 2: *1, 2*) и ямах (рис. 2: *3, 4*).

На втором этапе изделия типа Ч-К сменяют кольцевидные пряжки типа Ипатово-Типки (И-Т) с Т-образной планкой (5 экз.) (рис. 2: *5–8*). Захоронения устроены в ямах (рис. 2: *5, 8*) и редуцированных катакомбах (рис. 2: *6, 7*). У предметов пропадает вычурность и, соответственно, антропоморфные и зооморфные черты, исчезает орнаментация. Изделия развитого периода продолжают эволюцию предметов раннего этапа, которая идет по пути упрощения. Тем не менее как в раннелолинское, так и среднелолинское время фигурные пряжки клали исключительно в погребения мужчин, которые перешагнули 35-летний рубеж и в большинстве своем были даже значительно старше (45–55 лет) (*Калмыков, Мимоход*, 2005. С. 225).

На заключительном этапе развития культуры традиция фигурных пряжек пресекается, но продолжает существовать традиция использования пояса в погребальной обрядности. На смену кольцевидно-планочным изделиям приходят позднелолинские поясные подвески типа Элиста-Калиновский (Э-К), которые представляют собой округлые костяные диски, изогнутые в сечении, с маленьким отверстием в центре (4 экз.) (рис. 2: *9–11*). Авторы публикации в один голос утверждают, что они сделаны из черепной кости человека (*Рыков*, 1936. С. 63; *Синицын*, 1978. С. 39, 40, 43). Погребения совершены только в ямах и насыпи (рис. 2: *9–11*), катакомбный обряд к заключительному этапу полностью изживается. Если изделия раннего и развитого этапов уверенно идентифицируются как пряжки благодаря хорошо опознаваемой системе крепления свободного и глухого ремня, а также расположению их в половине случаев в районе таза умершего (рис. 2: *2, 3, 6, 7*), то морфология предметов типа Э-К свидетельствует о том, что они могли только подвешиваться. Их нахождение в ряде случаев в районе пояса у умерших лолинской (рис. 2: *9*) и невинномысской (рис. 3: *12*) культур позволяет рассматривать эти изделия в качестве поясных подвесок. Нельзя не обратить внимание, что иногда пряжки и подвески располагаются не у таза, а у колен (рис. 2: *4, 5, 8, 10*), рук (рис. 2: *10, 11*) и перед умершим (рис. 2: *1*). Близкая ситуация с расположением поясных деталей наблюдается и у других «пряжечных» культур (культурный круг Бабино, колесничные культуры). Здесь также большинство изделий находятся в районе таза, но имеются случаи их обнаружения и в других местах: у колен, рук, головы (*Савва*, 1992. С. 34; *Литвиненко*, 2004. С. 275). Поясом, например, могли связывать руки или ноги умершего, в результате чего пряжка или поясная подвеска оказывались в соответствующем месте (ср.: *Гершкович*, 1979. С. 59; 1986. С. 136; *Петров*, 1983. С. 121; *Мимоход*, 2013. С. 109).

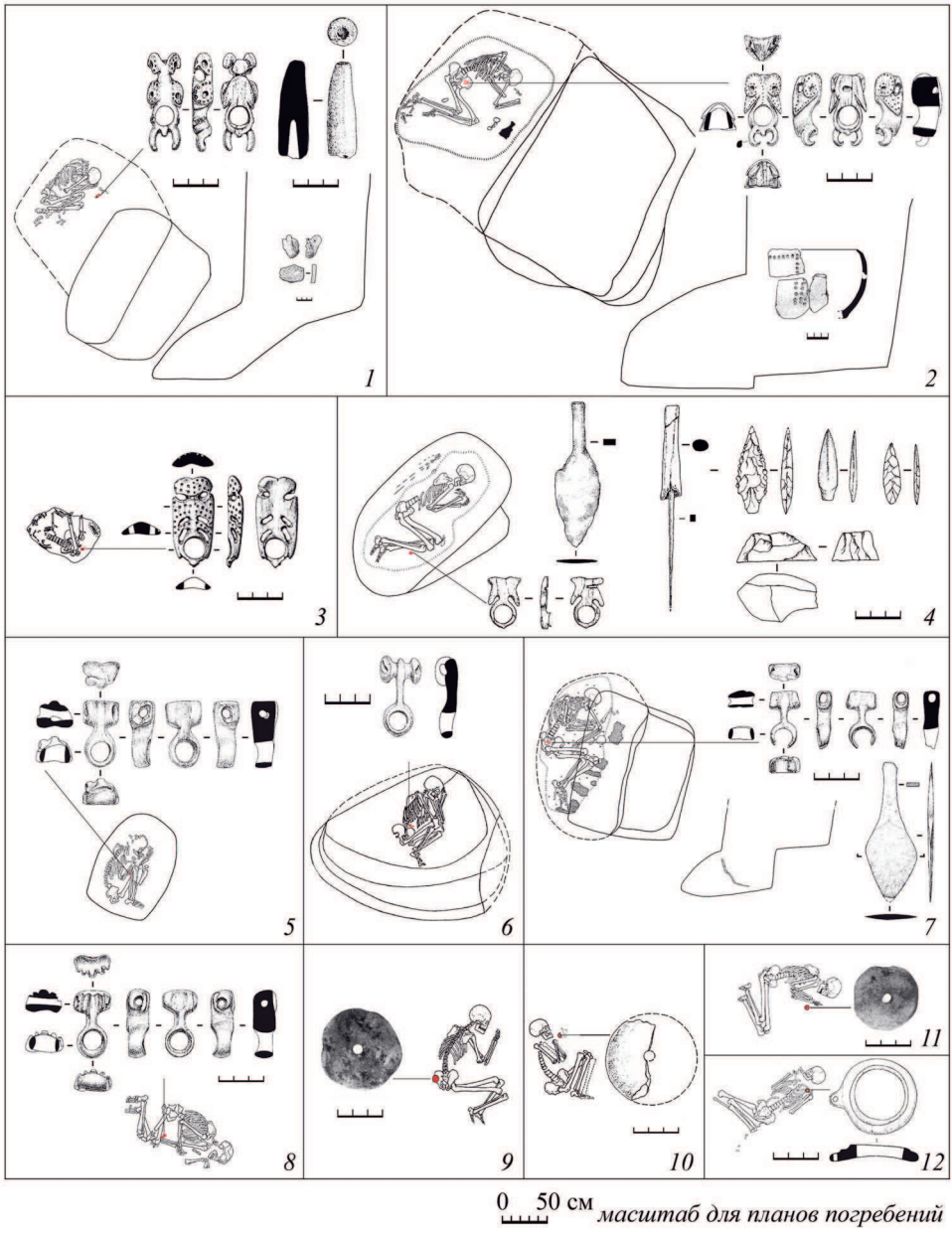


Рис. 2. Погребения лолинской культуры с поясными пряжками и подвесками

1 – Чограй VIII 34/1; *2* – Кевюды 1 3/5; *3* – Темрта 1 2/7; *4* – Черноярская 3/10; *5* – Типки I 2/4; *6* – Кривая Лука XXI 1/9; *7* – Ипатово 3 2/13; *8* – Ильинский 1 1/6; *9* – ВМЛБ 1965 I 32/3; *10* – Элиста 6/4; *11* – ВМЛБ 1965 I 30/1; *12* – Ут 6/1

Отдельный интерес представляет пряжка, обнаруженная в комплексе Ут 6/1 на севере Калмыкии (рис. 1; 2: *12*). Она явно покровского происхождения и, без сомнения, датируется заключительным этапом лолинской культуры. Это погребение находится на границе покровского и лолинского ареалов. Тем не менее, на мой взгляд, комплекс Ут 6/1 следует рассматривать как позднелолинский, а не покровский. Дело в том, что в данном захоронении пряжка – это единственная категория инвентаря, что характерно именно для посткатакомбной традиции, и чему есть показательные примеры в нашем иллюстративном ряде (рис. 2: *3, 5, 6*, *8–11*; 3: *1, 2, 4, 5, 7, 9–12*), в то время как в покровских древностях погребения с пряжками, как правило, сопровождались дополнительным инвентарем (сосуды и др.), зачастую достаточно разнообразным. Это еще станет очевидным, если учесть находку пряжки покровского облика и в невинномысском погребении в Закубанье (рис. 1; 3: *10*).

Невинномысская культура

На сегодняшний день в ее материалах известно 13 изделий (рис. 3). Как и в лолинской культуре, поясная гарнитура, вероятно, маркирует три этапа развития невинномысских древностей, хотя достоверных данных о пряжках раннего периода у нас крайне мало. Они ограничиваются находкой кольцевидного изделия в кургане 1 могильника Праздничный в Прикубанье (рис. 1). Этот предмет раннебабинского облика (тип/период IБ днепро-донской бабинской культуры, по Р. А. Литвиненко) (*Литвиненко*, 2020. Рис. 1) происходит из слабодокументированных работ Н. И. Веселовского 1903 г. (*Марковин*, 1960. Рис. 5: *2*). Характер комплекса остается непонятным, а соответственно, и вопрос о принадлежности данного изделия к раннему этапу невинномысской культуры остается в известном смысле открытым.

Два следующих периода хорошо документированы поясной гарнитурой. На развитом этапе представлены два типа пряжек. Это округлая пряжка с бортиком с центральным отверстием (тип IIА по Р. А. Литвиненко) (рис. 3: *4*) и поясные детали округлой формы с бортиком и двумя разновеликими отверстиями (тип IIБ, по Р. А. Литвиненко) (рис. 3: *5–7*). Погребения совершены в ямах (рис. 3: *4, 5, 7*) и в могиле с подбойной конструкцией (рис. 3: *7*). Комплекс Олений I 2/8 был разрушен, погребальный обряд неизвестен (рис. 3: *6*).

На заключительном этапе представлены четыре типа поясных деталей. Все погребения совершены в ямах (рис. 3: *8–14*). Два раза в захоронениях невинномысской культуры встречены овальные изогнутые в сечении пряжки с двумя разновеликими отверстиями и бортиком вокруг центрального позднебабинского облика (тип III, по Р. А. Литвиненко) (рис. 3: *8, 9*). Причем одно изделие из уникального погребения, где была обнаружена четырехколесная повозка (рис. 3: *8*). Она является самой поздней в рамках позднего бронзового века Восточной Европы. В трех захоронениях присутствовали поясные подвески типа Э-К (рис. 3: *12–14*), которые, как было показано выше, встречены и в соседней лолинской культуре. Особый интерес представляет пряжка, обнаруженная в комплексе Адагум 1 7/3 (рис. 3: *10*). Она не относится к посткатакомбным стандартам и имеет выраженный покровский облик. В погребении 6

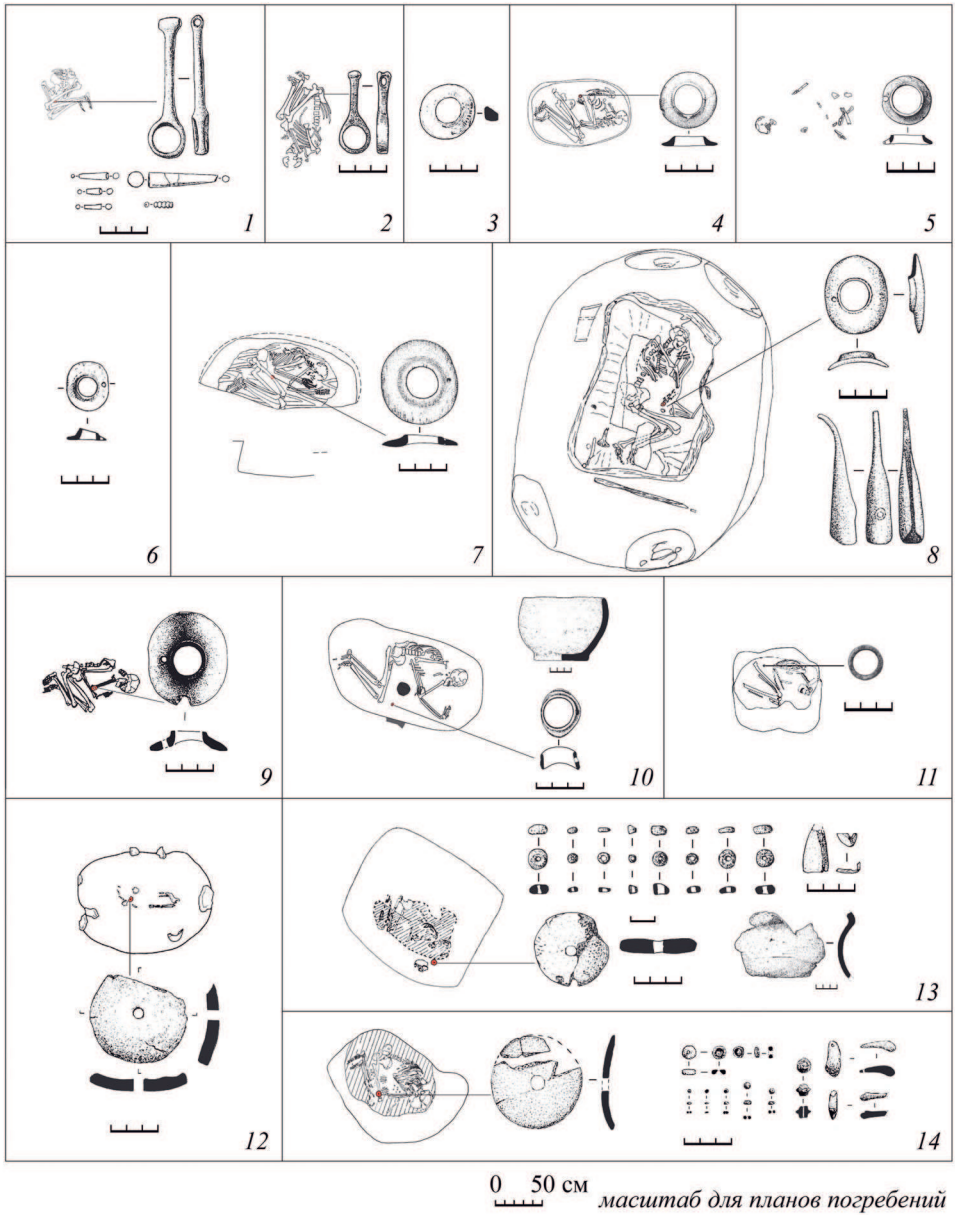


Рис. 3. Погребения волго-уральской культурной группы и невинномысской культуры с поясными пряжками и подвесками

1 – волго-уральская культурная группа; *2* – невинномысская культура

1 – Тамар-Уткуль VII 4/3; *2* – Ливенцовская крепость п. 6; *3* – Праздничный к. 1; *4* – Невинномысский 3 7/19; *5* – Красносельский 10 2/2; *6* – Олений I 2/8; *7* – Колос 2 1/17; *8* – Садовый 4/10; *9* – Батуринская I 5/2; *10* – Адагум 1 7/3; *11* – Невинномысский 1 13/6; *12* – Калиновский 2/2; *13* – Николаевский 3 2/6; *14* – Ульяновский 1 3/5

кургана 13 могильника Невинномысский 1 в районе таза умершего располагалось костяное кольцо (рис. 3: *11*), которое тоже можно отнести к поясной гарнитуре.

Волго-уральская культурная группа

В ее материалах известны две однотипные кольцевидно-узкопланочные пряжки (рис. 1; 3: *1, 2*). Типологически они близки лолинской поясной гарнитуре группы И-Т. Одно погребение принадлежит очень своеобразной обрядовой группе сидячих захоронений (рис. 3: *1*), которые хорошо представлены в ВУКГ (*Мимоход*, 2021). В погребении 6, устроенном в руинах Ливенцовской крепости, пряжка находилась под тазом, что однозначно свидетельствует о принадлежности кольцевидно-узкопланочных изделий к поясной гарнитуре.

Хронология

В своем развитии блок посткатакомбных культурных образований прошел три периода: фаза ПКБ I, II и III (*Мимоход*, 2022. Рис. 6; *Мимоход и др.*, 2022. С. 25, 26). Первые из них датируются интервалом 2200–2000 CalBC. Они соответствуют финалу среднего бронзового века. К началу позднего бронзового века относится фаза ПКБ III – 2000–1800 CalBC (рис. 4). В хронологическом отношении поясная гарнитура культурного круга Лола распределяется следующим образом.

Фазу ПКБ I маркируют фигурные роговые кольцевидно-широкопланочные пряжки (рис. 4: *1–4*) и, возможно, кольцевая поясная деталь раннебабинского облика. На фазе ПКБ II распространяются роговые изделия типа И-Т (кольцевидные с Т-образной планкой) (рис. 4: *6–9*). На этом этапе им синхронны типологически близкие кольцевидно-узкопланочные пряжки, которые известны в материалах ВУКГ (рис. 4: *10, 11*). В это же время в невинномысской культуре встречаются поясные детали бабинского облика: более ранняя модификация – тип IIA (рис. 4: *12*) и более поздняя – тип IIБ (рис. 4: *13–15*). На фазе ПКБ III в лолинской и невинномысской культурах распространяются поясные подвески типа Э-К (рис. 4: *16–18, 20, 21*). В последней также присутствуют позднебабинские пряжки типа III (рис. 4: *22, 23*). Еще фазу ПКБ III маркируют единичные изделия покровского происхождения, известные в материалах лолинской и невинномысской культур (рис. 4: *19, 24*), а также костяное кольцо, аналогии которому имеются в позднем комплексе днепро-донской бабинской культуры (Кирпичный Бугор п. 3) и покровском захоронении (Лисичанск, ЛЖЗ, п. 4 к. 3), чьи датировки в рамках заключительной фазы существования посткатакомбного блока хорошо подтверждаются данными стратиграфии (*Отрощенко*, 2001. Мал. 22: *10*; *Санжаров, Черных*, 2021. Рис. 10). Отдельно следует отметить, что костяные и роговые пряжки нехарактерны для катакомбной эпохи. Всплеск этой традиции наблюдается именно в посткатакомбное время, продолжает она свое развитие и в начале позднего бронзового века.

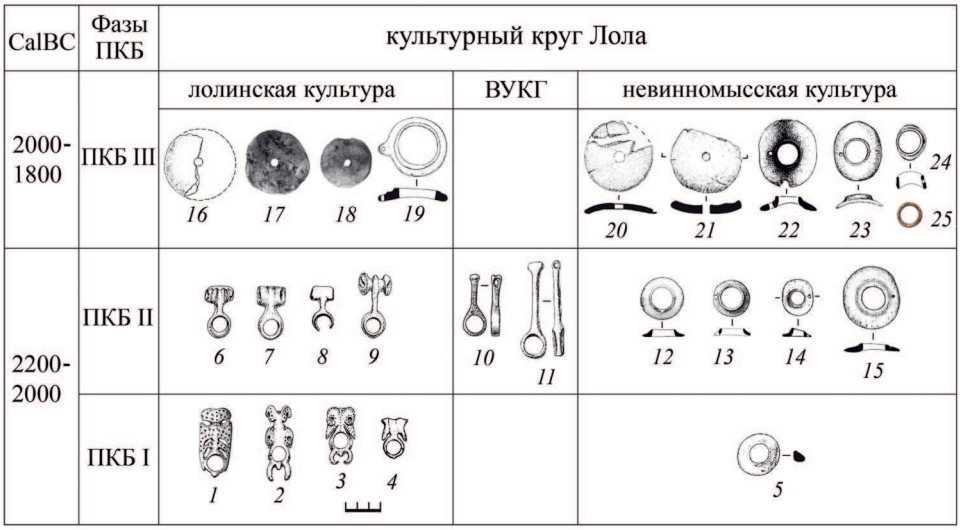


Рис. 4. Хронология поясной гарнитуры культурного круга Лола

1 – Темрта 1 2/7; *2* – Чограй VIII 34/1; *3* – Кевюды 1 3/5; *4* – Черноярская 3/10; *5* – Праздничный к. 1; *6* – Ильинский 1 1/6; *7* – Типки I 2/4; *8* – Ипатово 3 2/13; *9* – Кривая Лука XXI 1/9; *10* – Ливенцовская крепость п. 6; *11* – Тамар-Уткуль VII 4/3; *12* – Невинномысский 3 7/19; *13* – Красносельский 10 2/2; *14* – Олений I 2/8; *15* – Колос 2 1/17; *16* – Элиста 6/4; *17* – ВМЛБ 1965 I 32/3; *18* – ВМЛБ 1965 I 30/1; *19* – Ут 6/1; *20* – Ульяновский 1 3/5; *21* – Калиновский 2/2; *22* – Батуринская I 5/2; *23* – Садовый 4/10; *24* – Адагум 1 7/3; *25* – Невинномысский 1 13/6

Происхождение

Взрывное появление поясной гарнитуры в культурном круге Лола требует своего объяснения, тем более что произошло оно на территории, где какие-либо прототипы для нее отсутствуют вовсе. Прежде всего речь идет о фигурных роговых пряжках лолинской культуры и ВУКГ.

Яркая поясная гарнитура раннелолинского этапа типа Ч-К (рис. 5: *I*) находит убедительные аналогии в культурах средней бронзы Северо-Восточного Кавказа: гинчинской и присулакской (рис. 5: *1–4*). Эти серии демонстрируют полное соответствие всех структурных элементов ременных пряжек раннего периода лолинской культуры. Свободный конец пояса захлестывался за кольцо, а глухой намертво крепился к планке благодаря дополнительным отверстиям в ее окончании. Однако отождествлять полностью лолинские пряжки типа Ч-К (рис. 5: *I*) и гинчинско-присулакские кольцевидно-широкопланочные изделия (рис. 5: *1–4*) не стоит на уровне семантики передаваемых образов, хотя с точки зрения их генетической взаимосвязи в свете охарактеризованных выше структурных элементов это особых сомнений не вызывает. Все лолинские пряжки имеют ярко выраженную мужскую символику (рис. 5: *I*). Фаллическая

деталь показана даже на самой стилизованной пряжке этого типа из Черноярской (рис. 2: *4*). В свою очередь, в гинчинско-присулакской серии у целых экземпляров этот элемент отсутствует (рис. 5: *1, 3*). Мало того, есть весомые уже опубликованные аргументы рассматривать кавказские пряжки как передающие женский образ (*Мимоход*, 2018а. С. 258–260; 2018б. С. 108–110). С выходом отдельных социумов Северо-Восточного Кавказа в степь на пике аридизации периода 2200 CalBC (*Мимоход*, 2013. С. 292–316; 2018в. С. 37–40; *Мимоход и др.*, 2022. С. 26–29) в лолинской культуре распространилась и поясная гарнитура типа Ч-К (рис. 5: *I*). Только в патриархальных кочевых скотоводческих обществах она приобрела ярко выраженную мужскую символику.

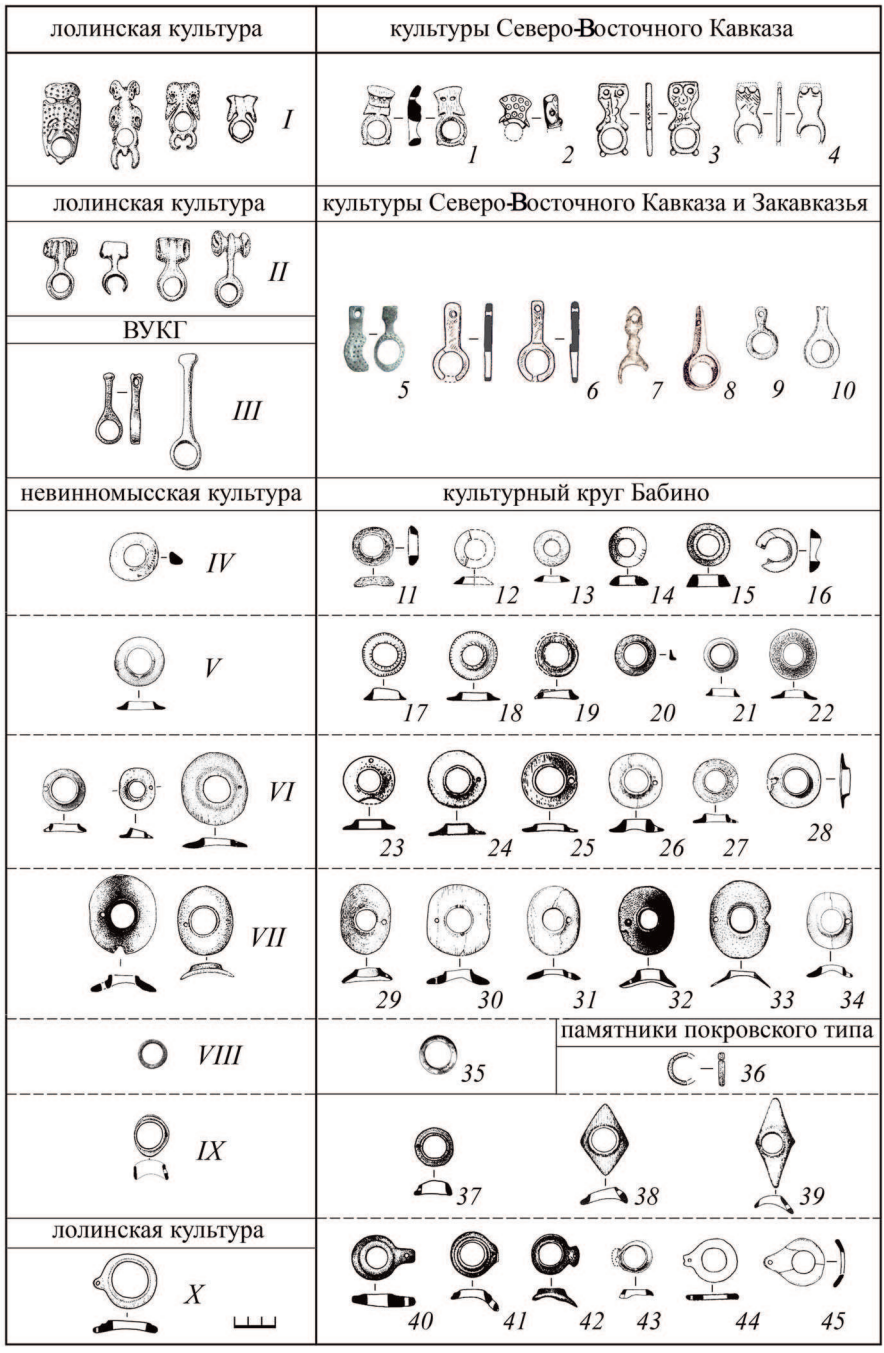
Как уже отмечалось, на фазе ПКБ II в лолинской культуре появляются изделия типа И-Т (рис. 5: *II*), а в ВУКГ – кольцевидно-узкопланочные пряжки (рис. 5: *III*). Типологически они близки. Следует обратить внимание на то, что на Кавказе есть аналогии этим типам поясных деталей (рис. 5: *5–10*), в том числе с перпендикулярной системой расположения отверстий (рис. 5: *5, 8*). Это дает основание предполагать, что пряжки типа И-Т и их аналогии в волго-уральской группе также связаны своим происхождением с кавказским регионом.

Отдельный интерес представляет происхождение поясных подвесок типа Э-К, известных по материалам лолинской и невинномысской культур (рис. 4: *16–18, 20, 21*). Никаких прототипов для этих оригинальных изделий, особенно с учетом характера сырья, нет в предшествующий период. В синхронном окружении таких изделий единицы, и здесь мы имеем дело с межкультурными контактами, о чем речь пойдет ниже. По всей видимости, поясные подвески типа Э-К – это результат формотворчества носителей традиций культурного круга Лола.

Межкультурные контакты

Поясные детали посткатакомбной эпохи во многом являются этнографическими маркерами культурного круга Лола и культурного круга Бабино. Однако это не означает, что данные изделия не могли попадать в инокультурные контексты соседствующих культурных образований, скорее всего, вместе с людьми, которые по тем или иным причинам оказывались в составе этих социумов.

Нельзя не обратить внимание, что в поясной гарнитуре невинномысской культуры есть серия пряжек (рис. 5: *III–VII*), которая находит убедительные аналогии в культурном круге Бабино (рис. 5: *11–34*). Причем в последнем это представительные серии, которые формируют наглядный облик бабинских культур. Картографирование поясной гарнитуры бабинского происхождения невинномысской культуры показывает, что подавляющее большинство пряжек бабинских типов обнаружено в северо-западной части ее ареала (*Мимоход*, 2024. Рис. 1), на территории северо-западного локального варианта (*Мимоход*, 2023). С уверенностью можно констатировать, что наличие поясной гарнитуры бабинского облика – это результат контактов носителей невинномысских традиций и днепро-донской бабинской культуры. Это особенно станет очевидным, если учесть, что данные пряжки обнаружены в погребениях, совершенных


лолинская культура
культуры Северо-Восточного Кавказа
I
1
2
3
4
лолинская культура
культуры Северо-Восточного Кавказа и Закавказья
II
ВУКГ
III
5
6
7
8
9
10
невинномысская культура
культурный круг Бабино
IV
11
12
13
14
15
16
V
17
18
19
20
21
22
VI
23
24
25
26
27
28
VII
29
30
31
32
33
34
VIII
памятники покровского типа
35
36
IX
37
38
39
лолинская культура
X
40
41
42
43
44
45

не по бабинскому, а по невинномысскому обряду. В свою очередь, происхождение пряжек в культурном круге Бабино связывается с Центральной Европой и карпато-дунайским регионом (Там же).

В чем-то схожая, но не идентичная ситуация складывается с картографированием поясных подвесок типа Э-К. Комплексы с ними расположены в юго-восточной части ареала невинномысской культуры, на территории ее юго-восточного локального варианта (*Мимоход*, 2024. Рис. 1), который примыкает к району распространения лолинской культуры, и их нет на территории северо-западного варианта. В этой связи логично предположить, что присутствие поясных подвесок типа Э-К обусловлено соответствующими контактами с восточным соседом. Впрочем, в последнем случае картина немного сложнее, чем с бабинской поясной гарнитурой. Дело в том, что в материалах лолинской и невинномысской культур поясные подвески типа Э-К представлены почти паритетно: четыре в Лоле и три в Невинномысске. Создается впечатление, что они имманентно присущи обеим культурам, равно как бабинские пряжки маркируют все составляющие культурного круга Бабино. Один из эпонимных комплексов Элиста 6/1 относится к лолинской культуре, а второй, Калиновский 2/2, – к невинномысской. В результате в названии поясных подвесок типа «Элиста-Калиновский», которое было введено в научный оборот почти 20 лет назад (*Калмыков, Мимоход*, 2005), как нельзя более точно отразилось то, что они характерны для обеих родственных культур. Однако концентрация этих изделий только в рамках юго-восточного локального варианта невинномысской культуры и отсутствие их в материалах северо-западного варианта наводит на мысль, что в невинномысских древностях появление данной поясной гарнитуры связано все-таки тоже в определенной мере с межкультурными контактами соседних родственных культурных образований.

Рис. 5 (с. 106). Поясная гарнитура культурного круга Лола и сопоставительные материалы

I – лолинская культура, тип Чограй-Кевюды; *II* – лолинская культура, тип Ипатово-Типки; *III* – волго-уральская культурная группа, кольцевидно-узкопланочные пряжки; *IV* – невинномысская культура, тип IБ; *V* – невинномысская культура, тип IIА; *VI* – невинномысская культура, тип IIБ; *VIII* – невинномысская культура, поясное кольцо; *IX* – невинномысская культура, пряжка покровского облика с двумя отверстиями с пересекающимися каналами; *X* – лолинская культура, пряжка покровского облика с двумя разновеликими отверстиями в одной плоскости и редуцированной планкой

1 – Ирганайский 1/1; *2* – Ирганайское пос.; *3* – Гертма III 5/1; *4* – Гертма III 6/3; *5* – Донифарс п. 4 (без масштаба); *6* – Гатын-Кале п. 7; *7* – Гатын-Кале п. 30; *8* – Гинчи склеп 2; *9* – соор. 58 пос. Ханлар; *10* – Ханлар 18/1; *11* – Репный I 7/1; *12* – Керчик, Гать III 3/3; *13* – Хомуш-Оба 2/8; *14* – Спасское IX 1/5; *15* – Власовский I 7/1; *16* – Жареный Бугор 3/1; *17* – Горный 2/4; *18* – о. Виноградный п. 22; *19* – Ясиновский III од. кург./6; *20* – Веселовская 3/10; *21* – Линево 6/6; *22* – Лимаревка 1/20; *23* – Вербки II 3/2; *24* – Русский Колодец II 2/7; *25* – Запорожец 1/19; *26* – Лещевка 1/2; *27* – Николаевка 3/10; *28* – Филоновский курган п. 2; *29* – Любарцы 5/2; *30* – Крутенький I 2-3/11; *31* – Сидорово 1/1; *32* – Старая Катериновка 31/4; *33* – Калфа; *34* – Угледар 1/3; *35* – Кирпичный Бугор п.3; *36* – Лисичанск, ЛЖЗ 3/4; *37* – Чилгир 3/3; *38, 39* – Федоровский 1/1; *40* – Неприк к.1; *41* – Чардым 1/9; *42* – Спиридоновка II 1/1; *43* – Лозовка V 4/2; *44* – Чурилово 1 5/1; *45* – Большенаполовский VIII 1/7

В свою очередь, поясные подвески типа Э-К, которые были сгенерированы в рамках культурного круга Лола, в единичных случаях тоже выступали в качестве объекта межкультурных трансляций. Так, в бабинско-покровском слое пос. Ильичевка на Северском Донце обнаружено изделие, аналогичное по морфологии поясным подвескам типа Э-К, которое, скорее всего, было сделано из черепной кости (*Панковский*, 1999. С. 200. Рис. 2: *8*). Такое же изделие происходит из позднебабинского поселения Ливенцовка I на Нижнем Дону (*Братченко*, 1976. Рис. 62: *10*). С учетом того, что поясные подвески типа Э-К культурного круга Лола, а также изделия из Ильичевки и Ливенцовки однозначно датируются фазой ПКБ III, поясную гарнитуру из этих поселений следует рассматривать также в контексте межкультурных контактов, где предкавказские посткатакомбные культуры оказываются донорами, а покровско-бабинские социумы – реципиентами.

Прямо противоположная ситуация наблюдается при анализе пряжек покровского облика в погребениях культурного круга Лола (рис. 5: *IX, X*). Изделие из комплекса Адагум 1 7/3 (рис. 3: *10*) – это довольно редкое даже для покровской традиции изделие. Пряжка имеет специфическую систему крепления глухого конца ремня. В бабинской традиции основное и дополнительное отверстия находятся в параллельных плоскостях (рис. 5: *23–34*). В подавляющем большинстве покровских (рис. 5: *40–45*), потаповских и синташтинских поясных деталей крепление ремня аналогично бабинскому. Особенность системы адагумской пряжки состоит в том, что дополнительное отверстие не параллельно центральному, а перпендикулярно, т. е. канал малого отверстия направлен в большое (рис. 5: *IX*). Такая система встречается крайне редко, и характерна она именно для покровской поясной гарнитуры (рис. 5: *37–39*).

Что касается пряжки из позднелолинского комплекса Ут 6/1 с редуцированной планкой (рис. 5: *X*), то аналогии ей хорошо представлены в покровских материалах (рис. 5: *40–45*). На мой взгляд, покровские поясные детали с укороченной планкой восходят к поясной гарнитуре типа И-Т лолинской культуры (рис. 5: *II*) и кольцевидно-узкопланочным пряжкам ВУКГ (рис. 5: *III*). Это является одним из ярких свидетельств участия носителей посткатакомбных традиций в формировании древностей начала поздней бронзы. Тем не менее поясные детали с редуцированной планкой, происходящие из покровских захоронений (рис. 5: *40–45*), являются вполне опознаваемым культурным индикатором, и подобное изделие в лолинской культуре выглядит явно инокультурным.

Таким образом, наличие единичных случаев обнаружения пряжек покровского происхождения в захоронениях лолинской и невинномысской культур следует рассматривать в контексте межкультурных контактов. Для культурного круга Лола они не служат культурными индикаторами, но, безусловно, являются хронологическими маркерами в рамках фазы ПКБ III.

Такими же емкими хроноиндикаторами выступают и мелкие поясные кольца (рис. 5: *VIII, 35, 36*). Только в ситуации с ними пока сложно определиться с их изначальной культурной принадлежностью. Дело в том, что этих предметов известно пока только три. Один из них обнаружен в позднем невинномысском захоронении (рис. 3: *11*; 5: *VIII*), еще один – в позднебабинском комплексе (рис. 5: *35*) и еще один – в покровском погребении (рис. 5: *36*). При таком раскладе определиться с культурной спецификой этой категории инвентаря пока

нельзя. Может быть, речь идет и о надкультурном феномене. Однако все три изделия объединяют два важных фактора. Во-первых, все они датируются фазой ПКБ III, а, во-вторых, их расположение в могилах идентично. Кольца находились у тазовых костей умерших (*Ильюков, Мячин*, 2015. Рис. 6: *2*; *Литвиненко*, 2016. Рис. 5: *14–16*; *Санжаров, Черных*, 2021. Рис. 11: *7*), что снимает все вопросы по поводу принадлежности их к поясной гарнитуре.

Таким образом, костяные и роговые пряжки и поясные подвески культурного круга Лола достаточно разнообразны. Их анализ раскрывает механизмы сложения лолинских древностей и характер межкультурных контактов. При этом все типы поясной гарнитуры служат четкими хронологическими индикаторами всех этапов блока посткатакомбных культурных образований.

ЛИТЕРАТУРА

Андреева М. В., 1986. Об одной зооантропоморфной фигурке из Ставрополья // СА. № 2. С. 231–234.

Братченко С. Н., 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наукова думка. 252 с.

Братченко С. Н., 1995. Пряжки эпохи средней бронзы и их северокавказские формы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. Ч. II. СПб.: ИИМК РАН. С. 8–26.

Гершкович Я. П., 1979. Костяные зооморфные пряжки культуры многоваликовой керамики // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: тез. докл. науч. конф. / Отв. ред. А. А. Моруженко. Донецк. С. 59–60.

Гершкович Я. П., 1986. Фигурные поясные пряжки культуры многоваликовой керамики // СА. № 2. С. 132–145.

Ильюков Л. С., Мячин С. В., 2015. Погребения лолинской культуры из Невинномысского I могильника // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 13 / Отв. ред. А. И. Юдин. Саратов. С. 77–90.

Калмыков А. А., 2005. Роговые фигурные пряжки Егорлык-Калаусского междуречья // Проблеми дослідження памяток археології Східної України / Гол. ред. В. В. Отрощенко. Київ: Шлях. С. 78–82.

Калмыков А. А., Мимоход Р. А., 2005. Роговые и костяные поясные пряжки и подвески лолинской культуры // Матеріали та дослідження з археології Східної України. № 4 / Гол. ред. С. М. Санжаров. Луганськ: Східноукраїнський національний університет імені Володимира Даля. С. 201–234.

Литвиненко Р. А., 2004. «Пряжки» и колесничество: проблема соотношения // Матеріали та дослідження з археології Східної України. № 2 / Гол. ред. С. М. Санжаров. Луганськ: Східноукраїнський національний університет імені Володимира Даля. С. 257–290.

Литвиненко Р. А., 2020. Посткатакомбная эпоха Восточной Европы: миграции или военные походы // SP. № 2. С. 333–357.

Литвиненко Р. О., 2016. Пізній етап Дніпро-Донської бабинської культури // Донецький археологічний збірник. № 20 / Гол. ред. Р. О. Литвиненко. Вінниця: Видавництво Донецького національного університету. С. 7–43.

Марковин В. И., 1960. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.). М.: Изд-во АН СССР. 152 с. (МИА; № 93.)

Мимоход Р. А., 2012. Костяные и роговые пряжки финала средней – начала поздней бронзы в Восточной Европе и на Кавказе как хронологические индикаторы и свидетельства культурных контактов // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 9 / Отв. ред. В. А. Лопатин. Саратов: Саратовский гос. ун-т. С. 23–44.

Мимоход Р. А., 2013. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М.: ИА РАН. 568 с. (Материалы охранных археологических исследований; т. 16.)

Мимоход Р. А., 2018а. Происхождение и семантика фигурных пряжек эпохи бронзы в Европе и на Кавказе в контексте ближневосточных влияний // АВ. № 24. СПб. С. 249–275.

Мимоход Р. А., 2018б. Семантика фигурных роговых пряжек кавказской традиции (финал средней бронзы) // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа / Отв. ред. У. Ю. Кочкаров. Карачаевск: Карачаево-Черкесский гос. ун-т. С. 107–110.

Мимоход Р. А., 2018в. Палеоклимат и культурогенез в Восточной Европе в конце III тыс. до н. э. // РА. № 2. С. 33–48.

Мимоход Р. А., 2021. «Загадочные» сидячие захоронения бронзового века в Волго-Уралье // РА. № 3. С. 52–66.

Мимоход Р. А., 2022. Штурм Ливенцовско-Каратаевской крепости: война миров или война внутри мира // КСИА. Вып. 266. С. 79–96.

Мимоход Р. А., 2023. Кольцевые костяные пряжки/подвески в Центральной и Восточной Европе на рубеже III–II тыс. до н. э., или конвергенция минус // КСИА. Вып. 270. С. 187–203.

Мимоход Р. А., 2024. Поясная гарнитура невинномысской культуры как несостоявшаяся центробежная сила // Достижения и перспективы изучения археологии Северного Кавказа в XX – первой четверти XXI века: материалы Междунар. науч. конф. по археологии Северного Кавказа «XXXIII Крупновские чтения», посвящ. 120-летию со дня рождения Е. И. Крупнова / Отв. ред. Д. С. Коробов. М.: ИА РАН. С. 90–93.

Мимоход Р. А., Гак Е. И., Хомутова Т. Э., Рябогина Н. Е., Борисов А. В., 2022. Палеоэкология – культурогенез – металлопроизводство: причины и механизмы смены эпох в культурном пространстве юга Восточной Европы в конце средней – начале поздней бронзы // РА. № 1. С. 24–38.

Отрощенко В. В., 2001. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). Київ: Інститут археології. 288 с.

Панковский В. Б., 1999. Функционально-типологический анализ костяного инвентаря поселения Ильичевка // Проблемы скифо-сарматской археологии (к 100-летию Бориса Николаевича Гракова). III Граковские чтения / Отв. ред. П. П. Толочко. Запорожье. С. 196–201.

Петров Ю. Э., 1983. Костяные пряжки раннесрубного времени на территории Среднего Поволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев / Гл. ред. С. Г. Басин. Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. ин-т. С. 118–122.

Рыков П. С., 1936. Очерки по истории Нижнего Поволжья (по археологическим материалам). Саратов: Саратовское краевое изд-во. 152 с.

Савва Е. Н., 1992. Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев: Штиинца. 227 с.

Санжаров С. Н. Черных Е. А., 2021. Курганные древности эпохи бронзы Привольнянской излучины Северского Донца. Луганск: Изд-во Луганского гос. ун-та им. В. Даля. 276 с.

Синицын И. В., 1978. Древние памятники Восточного Маныча. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та. 132 с. + 118 с. ил.

Сведения об авторе

Мимоход Роман Алексеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: mimokhod@gmail.com

R. A. Mimokhod

THE BONE AND ANTLER BELT SET OF THE LOLA CULTURAL TRADITION IN THE CONTEXT OF CHRONOLOGY, CULTURAL AND GENETIC PROCESSES AND INTERCULTURAL CONTACTS

Abstract. The paper analyzes a belt set made of bone and antler that is ascribed to the Lola cultural traditions. It characterizes all belt buckles and pendants of the Lola and Nevinnomyssk cultures as well as the Volga-Urals cultural group known to date. It also determines their chronology both within separate cultures and within the entire post-Catacomb family of cultures. The paper describes the mechanisms of origin of some belt set types linked to the Caucasus as well as specific types of belt sets developed by the aforementioned populations. The bone and antler buckles are used to reconstruct intercultural links between the Lola contexts and the Babino and Pokrovka traditions.

Keywords: Lola family of cultures, Lola culture, Nevinnomyssk culture, Volga-Urals cultural group, buckles, belt pendants, chronology, origin, intercultural contacts.

REFERENCES

Andreeva M. V., 1986. Ob odnoy zooantropomorfnoy figurke iz Stavropolya [On a zooanthropomorphic figurine from Stavropol region]. *SA*, 2, pp. 231–234.

Bratchenko S. N., 1976. Nizhnee Podone v epokhu sredney bronzy [Lower Don region in Middle Bronze Age]. Kiev: Naukova dumka. 252 p.

Bratchenko S. N., 1995. Pryazhki epokhi sredney bronzy i ikh severokavkazskie formy [Middle Bronze Age belt buckles and their North Caucasian forms]. *Konvergentsiya i divergentsiya v razvitii kultur epokhi eneolita – bronzy Sredney i Vostochnoy Evropy [Convergence and divergence in development of Eneolithic – Bronze Age cultures of Central and Eastern Europe]*, II. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 8–26.

Gershkovich Ya. P., 1979. Kostyanye zoomorfnye pryazhki kultury mnogovalikovoy keramiki [Zoomorphic bone belt buckles of multiroller ceramics culture]. *Problemy epokhi bronzy yuga Vostochnoy Evropy [Issues of Bronze Age of the South of Eastern Europe]*. A. A. Moruzhenko, ed. Donetsk, pp. 59–60.

Gershkovich Ya. P., 1986. Figurnye poyasnye pryazhki kultury mnogovalikovoy keramiki [Figured belt buckles of multiroller ceramics culture]. *SA*, 2, pp. 132–145.

Ilyukov L. S., Myachin S. V., 2015. Pogrebeniya lolinskoy kultury iz Nevinnomysskogo I mogilnika [Burials of Lola culture from Nevinnomysskiy I cemetery]. *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraya [Archaeological heritage of Saratov region]*, 13. A. I. Yudin, ed. Saratov, pp. 77–90.

Kalmykov A. A., 2005. Rogovye figurnye pryazhki Egorlyk-Kalausskogo mezhdurechya [Antler figured belt buckles from Egorlyk-Kalaus interfluve]. *Problemi doslidzhennya pamyatok arkheologiï Skhidnoï Ukraïni [Issues of research of archaeological sites of Eastern Ukraine]*. V. V. Otroshchenko, ed. Kiïv: Shlyakh, pp. 78–82.

Kalmykov A. A., Mimokhod R. A., 2005. Rogovye i kostyanye poyasnye pryazhki i podveski lolinskoy kultury [Antler and bone belt buckles and pendants of Lola culture]. *Materiali ta doslidzhennya z arkheologiï Skhidnoï Ukraïni [Materials and research from archaeology of Eastern Ukraine]*, 4. S. M. Sanzharov, ed. Lugansk: Skhidnoukraïnskiy natsionalniy universitet imeni Volodimira Dalya, pp. 201–234.

Litvinenko R. A., 2004. «Pryazhki» i kolesnichestvo: problema sootnosheniya [«Buckles» and chariots: issues of interrelations*]. Materiali ta doslidzhennya z arkheologiï Skhidnoï Ukraïni [Materials and research from archaeology of Eastern Ukraine]*, 2. S. M. Sanzharov, ed. Lugansk: Skhidnoukraïnskiy natsionalniy universitet imeni Volodimira Dalya, pp. 257–290.

Litvinenko R. A., 2020. Postkatakombnaya epokha Vostochnoy Evropy: migratsii ili voennye pokhody [Post-catacomb period in Eastern Europe: migrations or military raids]. *SP*, 2, pp. 333–357.

Litvinenko R. O., 2016. Pizniy etap Dnipro-Donskoï babinskoï kulturi [Late stage of Dnieper-Don Babino culture]. *Donetskiy arkheologichniy zbirnik [Donetsk archaeological collection]*, 20. R. O. Litvinenko, ed. Vinnitsya: Vidavnitstvo Donetskogo natsionalnogo universitetu, pp. 7–43.

Markovin V. I., 1960. Kultura plemen Severnogo Kavkaza v epokhu bronzy (II tys. do n. e.) [Culture of North Caucasus tribes in Bronze Age (II mill. BC)]. Moscow: AN SSSR. 152 p. (MIA, 93.)

Mimokhod R. A., 2012. Kostyanye i rogovye pryazhki finala sredney – nachala pozdney bronzy v Vostochnoy Evrope i na Kavkaze kak khronologicheskie indikatory i svidetelstva kulturnykh kontaktov [Bone and antler buckles of the final Middle – Early Late Bronze Age in Eastern Europe and the Caucasus as chronological indicators and evidence of cultural contacts]. *Arkheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi [Archaeology of East European forest-steppe]*, 9. V. A. Lopatin, ed. Saratov: Saratovskiy gos. universitet, pp. 23–44.

Mimokhod R. A., 2013. Lolinskaya kultura. Severo-zapadnyy Prikaspiy na rubezhe srednego i pozdnego periodov bronzovogo veka [Lola culture. North-Western Caspian region at the turn of Middle and Late periods of Bronze Age]. Moscow: IA RAN. 568 p. (Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy, 16.)

Mimokhod R. A., 2018a. Proiskhozhdenie i semantika figurnykh pryazhek epokhi bronzy v Evrope i na Kavkaze v kontekste blizhnevostochnykh vliyaniy [Origin and semantics of Bronze Age figured buckles in Europe and the Caucasus in context of Near Eastern influences]. *AV*, 24. St. Petersburg, pp. 249–275.

Mimokhod R. A., 2018b. Semantika figurnykh rogovykh pryazhek kavkazskoy traditsii (final sredney bronzy) [Semantics of figured antler buckles of Caucasian tradition (final stage of Middle Bronze Age)]. *Kavkaz v sisteme kulturnykh svyazey Evrazii v drevnosti i srednevekove. XXX «Krupnovskie chteniya» po arkheologii Severnogo Kavkaza [Caucasus in system of cultural relations of Eurasia in antiquity and Middle Ages. XXX «Krupnov readings» on archaeology of North Caucasus]*. U. Yu. Kochkarov, ed. Karachaevsk: Karachaevo-Cherkesskiy gos. universitet, pp. 107–110.

Mimokhod R. A., 2018v. Paleoklimat i kulturogenez v Vostochnoy Evrope v kontse III tys. do n. e. [Paleoclimate and cultural genesis in Eastern Europe in the end of III mill. BC]. *RA*, 2, pp. 33–48.

Mimokhod R. A., 2021. «Zagadochnye» sidyachie zakhoroneniya bronzovogo veka v Volgo-Urale [«Mysterious» seated burials of the Bronze Age in Volga-Urals region]. *RA*, 3, pp. 52–66.

Mimokhod R. A., 2022. Shturm Liventsovsko-Karataevskoy kreposti: voyna mirov ili voyna vnutri mira [The assault of the Livetsovka-Karataevo fortress: the war of the worlds or the war within the world?]. *KSIA*, 266, pp. 79–96.

Mimokhod R. A., 2023. Koltsevye kostyanye pryazhki/podveski v Tsentralnoy i Vostochnoy Evrope na rubezhe III–II tys. do n. e., ili konvergentsiya minus [Bone ring buckles/pendants in Central and Eastern Europe during transition from the third to the second millennia BC or convergence minus]. *KSIA*, 270, pp. 187–203.

Mimokhod R. A., 2024. Poyasnaya garnitura nevinnomysskoy kultury kak nesostoyavshayasya tsentrobezhnaya sila [Belt-sets of Nevinnomyssk culture as a failed centrifugal force]. *Dostizheniya i perspektivy izucheniya arkheologii Severnogo Kavkaza v XX – pervoy chetverti XXI veka. XXXIII Krupnovskie chteniya [Achievements and prospects of studying archaeology of North Caucasus in XX – first quarter of XXI century. XXXIII Krupnov readings]*. D. S. Korobov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 90–93.

Mimokhod R. A., Gak E. I., Khomutova T. E., Ryabogina N. E., Borisov A. V., 2022. Paleoekologiya – kulturogenez – metalloproizvodstvo: prichiny i mekhanizmy smeny epokh v kulturnom prostranstve yuga Vostochnoy Evropy v kontse sredney – nachale pozdney bronzy [Paleoecology – culture genesis – metal production: the reasons and mechanisms of the change of periods in the cultural space of the South of Eastern Europe at the turn of the Middle and Late Bronze Ages]. *RA*, 1, pp. 24–38.

Otroshchenko V. V., 2001. Problemi periodizatsiï kultur serednoï ta piznoï bronzi pivdnya Skhidnoï Evropi (kulturno-stratigrafichni zistavlennya) [Issues of periodization of Middle and Late Bronze Age cultures of the South of Eastern Europe (cultural and stratigraphic comparisons)]. Kiïv: IA NANU. 288 p.

Pankovskiy V. B., 1999. Funktsionalno-tipologicheskiy analiz kostyanogo inventarya poseleniya Ilichevka [Functional and typological analysis of bone inventory from Il"ichevka settlement]. *Problemy skifo-sarmatskoy arkheologii. III Grakovskie chteniya [Issues of Scythian-Sarmatian archaeology. III Grakov readings]*. P. P. Tolochko, ed. Zaporozhe, pp. 196–201.

Petrov Yu. E., 1983. Kostyanye pryazhki rannesrubnogo vremeni na territorii Srednego Povolzhya [Bone buckles of early Srubnaya period in territory of Middle Volga region]. *Kultury bronzovogo veka Vostochnoy Evropy [Bronze Age cultures of Eastern Europe]*. Kuybyshev. S. G. Basin, ed. Kuybyshev: Kuybyshevskiy gos. pedagogicheskiy institut, pp. 118–122.

Rykov P. S., 1936. Ocherki po istorii Nizhnego Povolzhya (po arkheologicheskim materialam) [Essays on history of Lower Volga region (based on archaeological materials)]. Saratov: Saratovskoe kraevoe izdatelstvo. 152 p.

Sanzharov S. N. Chernykh E. A., 2021. Kurgannye drevnosti epokhi bronzy Privolnyanskoy izluchiny Severskogo Dontsa [Bronze Age kurgan antiquities of the Privolnyanskaya bend of Severskiy Donets]. Lugansk: Luganskiy gos. universitet imeni V. Dalya. 276 p.

Savva E. N., 1992. Kultura mnogovalikovoy keramiki Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurechya [Multiroller ceramics culture of Dniester-Prut interfluve]. Kishinev: Shtiintsa. 227 p.

Sinitsyn I. V., 1978. Drevnie pamyatniki Vostochnogo Manycha [Ancient sites of Eastern Manych]. Saratov: Saratovskiy universitet. 132 p. + 118 p. ill.

About the author

Mimokhod Roman A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: mimokhod@gmail.com

Л. В. Купцова, А. Н. Усачук

ПАРА ЩИТКОВЫХ ПСАЛИЕВ С ТЕРРИТОРИИ СТЕПНОГО ПРИУРАЛЬЯ[1]

Резюме. В статье впервые, с привлечением данных трасологии и AMS-датирования, публикуются результаты изучения пары псалиев, выявленных в захоронении грунтового могильника у с. Беляевка, функционировавшего на начальном этапе позднебронзовой эпохи. Детали конской упряжи всегда привлекают внимание исследователей, так как обладают четкими диагностическими признаками для определения культурно-хронологической принадлежности комплексов, в которых были найдены. Беляевские роговые изделия сочетают в себе признаки как восточной (синташтинской), так и западной (доно-волжской абашевской) псалийных традиций, при заметном преобладании признаков первой. Межкультурные контакты, повлиявшие на морфологию изделий, подчеркиваются также деталями обряда и обликом керамической посуды.

Ключевые слова: степное Приуралье, псалии, детали конской упряжи, трасологический анализ, поздний бронзовый век, синташтинская культура, межкультурные контакты.

Описание комплекса

В 2021 г. археологическим отрядом Оренбургского госпедуниверситета в ходе проводимой разведки в Беляевском районе Оренбургской области на левом берегу реки Урта-Бутря было выявлено частично разрушенное ее руслом захоронение начального этапа эпохи поздней бронзы. Оно являлось частью могильника, получившего название «Грунтовый могильник 1 у с. Беляевка», полноценно исследованного в 2022–2023 гг. (рис. 1: *1, 2*). Всего на площадке могильника исследовано 12 синташтинских захоронений. В общей нумерации

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 23-68-10006 «Этнокультурные процессы в бронзовом и раннем железном веке в свете междисциплинарных исследований в Южном Приуралье».

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.275.114-131

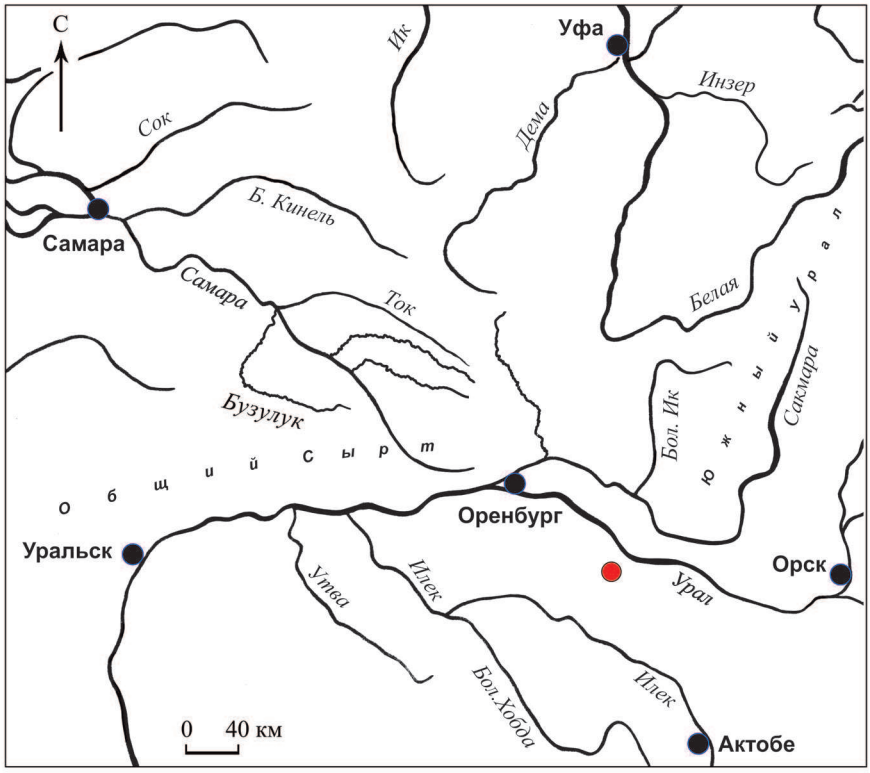
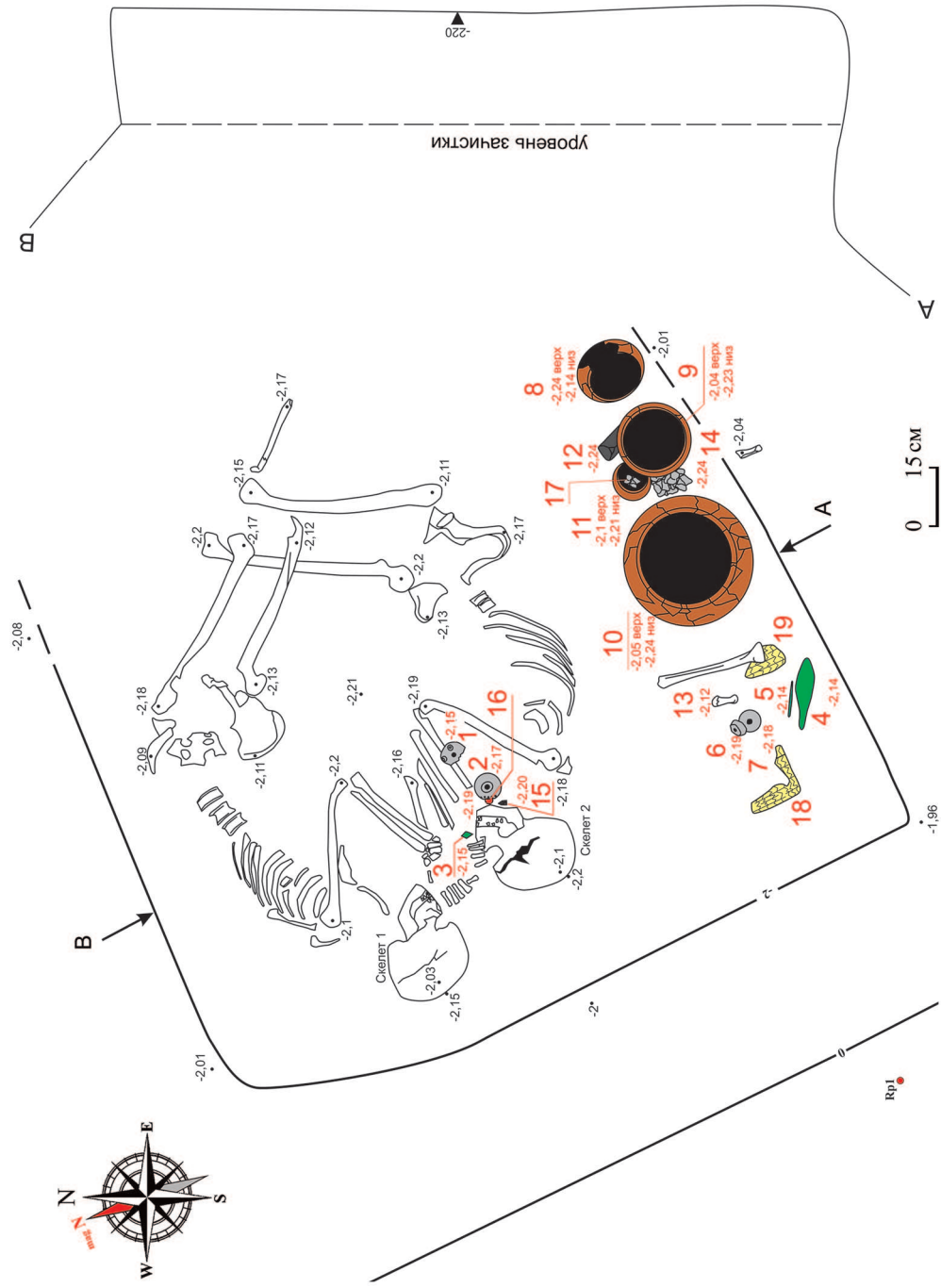


Рис. 1. Грунтовый могильник у с. Беляевка

1 – расположение могильника на карте (выделено красной меткой); *2* – топографический план могильника с указанием места нахождения исследованного захоронения


уровень зачистки
-220
A
B
0 15 см
Скелет 1
Скелет 2
Rp1
N
S
E
W
mag N

комплексов некрополя анализируемый получил название «погребение 1» (далее – п. 1).

П. 1 (рис. 2) было совершено в яме подпрямоугольной формы 1,6 × 1,4 м, ориентированной по линии запад – восток. Восточная часть ямы разрушена размывом реки. По периметру ямы, на стенках, фиксировалась илистая обмазка. На дне, обнаруженном на глубине 2,15–2,24 м от уровня современной дневной поверхности, были выявлены скелетированные останки двух человек, лежавших лицом друг к другу, головой на запад – юго-запад. Скелет мужчины 34–44 лет[2] (№ 2) лежал в позе адорации на левом боку, женщины 40–44 лет (№ 1) – на правом, колени женского костяка лежали поверх колен мужского, кисти рук женского костяка лежали поверх кистей мужского. Погребение сопровождалось набором разнообразного инвентаря (рис. 3).

Поверх правой локтевой кости мужчины находились роговые щитковые псалии (рис. 3: *1, 2*), притом что один из псалиев (№ 1) лежал лицевой стороной вниз, а другой (№ 2) – лицевой стороной вверх. Под нижней челюстью мужчины обнаружена каменная заготовка для наконечника стрелы (рис. 3: *8*) и комок красной глины. На его левой кисти зафиксированы фрагменты бронзового широкожелобчатого браслета (рис. 3: *3*). За спиной мужского скелета, вдоль южной стенки погребальной камеры, выявлены следующие предметы: четыре лепных керамических сосуда (рис. 3: *9–12*), кузнечный молот[3] (рис. 3: *4*), бронзовый нож (рис. 3: *5*), бронзовое шило (рис. 3: *13*), два костяных пряслица (рис. 3: *6, 7*). Также в погребении зафиксировано шесть таранных костей МРС: пять из них компактно лежали возле сосуда 2, и еще одна находилась внутри сосуда 4. Кроме того, среди инвентаря обнаружены левая пяточная кость овцы и задняя фаланга сайги[4].

Настоящая работа посвящена детальному анализу щитковых псалиев: их морфологии и трасологии, выяснению хронологической принадлежности и специфики культурной среды, в которой данные изделия были изготовлены.

Рис. 2 (с. 116). Грунтовый могильник у с. Беляевка. План погребения 1. Находки на плане погребения

1 – роговой псалий 1; *2* – роговой псалий 2; *3* – фрагмент бронзового браслета; *4* – бронзовый нож; *5* – бронзовое шило; *6, 7* – костяные пряслица; *8* – керамический сосуд 1; *9* – керамический сосуд 2; *10* – керамический сосуд 3; *11* – керамический сосуд 4; *12* – каменный кузнечный молот; *13* – кости овцы и сайги; *14* – альчики МРС; *15* – заготовка каменного наконечники стрелы; *16* – комок красной глины; *17* – альчик МРС внутри сосуда 4; *18, 19* – фрагменты растительного тлена

[2] Половозрастные определения выполнены М. Б. Медниковой, д. и. н., вед. н. с. отдела теории и методики ИА РАН.

[3] Определение Д. В. Сёмина, с. н. с., ООО «НПЦ “УТР”».

[4] Определения костей животных выполнены И. М. Григорьевой, м. н. с. отдела научных исследований ФГБОУ ВО «ОГПУ».

Морфология и трасологический анализ

Псалий 1 (рис. 3: *1*) – дисковидной формы с трапециевидной невыделенной планкой, с наибольшим диметром в сохранившейся части 5,4 см, имеет толщину от 3,5 мм в планке до 8 мм в центре щитка. На внутренней стороне сохранилось два фигурных шипа. По центру сделано трензельное отверстие диаметром 10 мм, заканчивающееся валиком. На месте излома псалия зафиксированы следы четырех дополнительных отверстий диаметром 6 мм (в центре) и 4 мм, расположенных в линию.

Псалий 2 (рис. 3: *2*) – дисковидной формы с трапециевидной невыделенной планкой, с наибольшим диметром в сохранившейся части 5,8 см, имеет толщину от 4 мм в планке до 8 мм в центре щитка. На внутренней стороне целиком сохранился один фигурный шип, но имеются остатки трех других. По центру сделано трензельное отверстие диаметром 11 мм, заканчивающееся валиком. В верхней части псалия зафиксированы пять дополнительных отверстий диаметром в среднем 4 мм, расположенных в линию.

Трасологическое изучение изделий осуществлялось по сложившейся методике (*Усачук*, 2013. С. 26). Использовался портативный микроскоп Zoom 60x – 100 xMG10085. В нашем распоряжении были отчетные рисунки псалиев, но в процессе трасологического изучения находок они были нарисованы заново (рис. 3: *1, 2*; 4, 5).

Псалий 1 с монолитными шипами. Сохранился почти весь щиток с нижней парой шипов. Часть поверхности щитка осыпалась (рис. 4: *1А*). Третий шип с небольшой частью щитка был найден отдельно. Этот обломок не стыкуется с псалием и потому нарисован отдельно (рис. 3: *1.1*; 4: *1.1*). Ввиду того, что оба псалия по изготовлению похожи, мы полагаем, что на псалии 1 было четыре монолитных шипа и сохранившийся отдельно шип являлся, скорее всего, левым верхним (рис. 4: *1Б*) (судя по следам сработанности, псалий 1 – правый). Планка не сохранилась, но четыре маленьких отверстия в ней восстанавливаются благодаря остаткам их каналов. Логичным является и пятое отверстие (место позволяет) – по паре отверстий справа и слева от центрального в планке, поэтому на рисунке мы реконструировали и пятое маленькое отверстие (рис. 3: *1*; 4: *1*; 5: *1*). Осыпалась и часть края втулки (рис. 4: *1В*), а в верхней части втулка немного утрачена (рис. 4: *1Г*).

Судя по очень мелким размерам ячей губчатого вещества, в качестве сырья использовался лосиный рог (*Бородовский*, 2007. С. 33) – типичное сырье для изготовления щитковых псалиев (*Усачук*, 2013. С. 32, 105–106; *Кузнецов, Усачук*, 2019. С. 337). Учитывая, что изготавливался псалий с довольно длинными монолитными шипами, можно определенно говорить о том, что использована двойная роговая пластина. Псалий небольшой по площади, а потому мастеру удалось, сместившись ближе к закраине лопаты лосиного рога (ср.: *Усачук, Кузнецов,* 2019. С. 126–127; *Куприянова, Усачук*, 2020. С. 74), выкроить такую двойную пластину, в середине которой нет или почти нет прослойки губчатого вещества. На щитке (рис. 4: *1Д*) и на торце втулки (рис. 4: *1Е*) сохранились остатки резки, когда мастер оформлял щиток и планку. Край щитка псалия чуть-чуть приподнят. Это известный прием, позволяющий сделать втулку вокруг центрального отверстия чуть выше (*Усачук*,

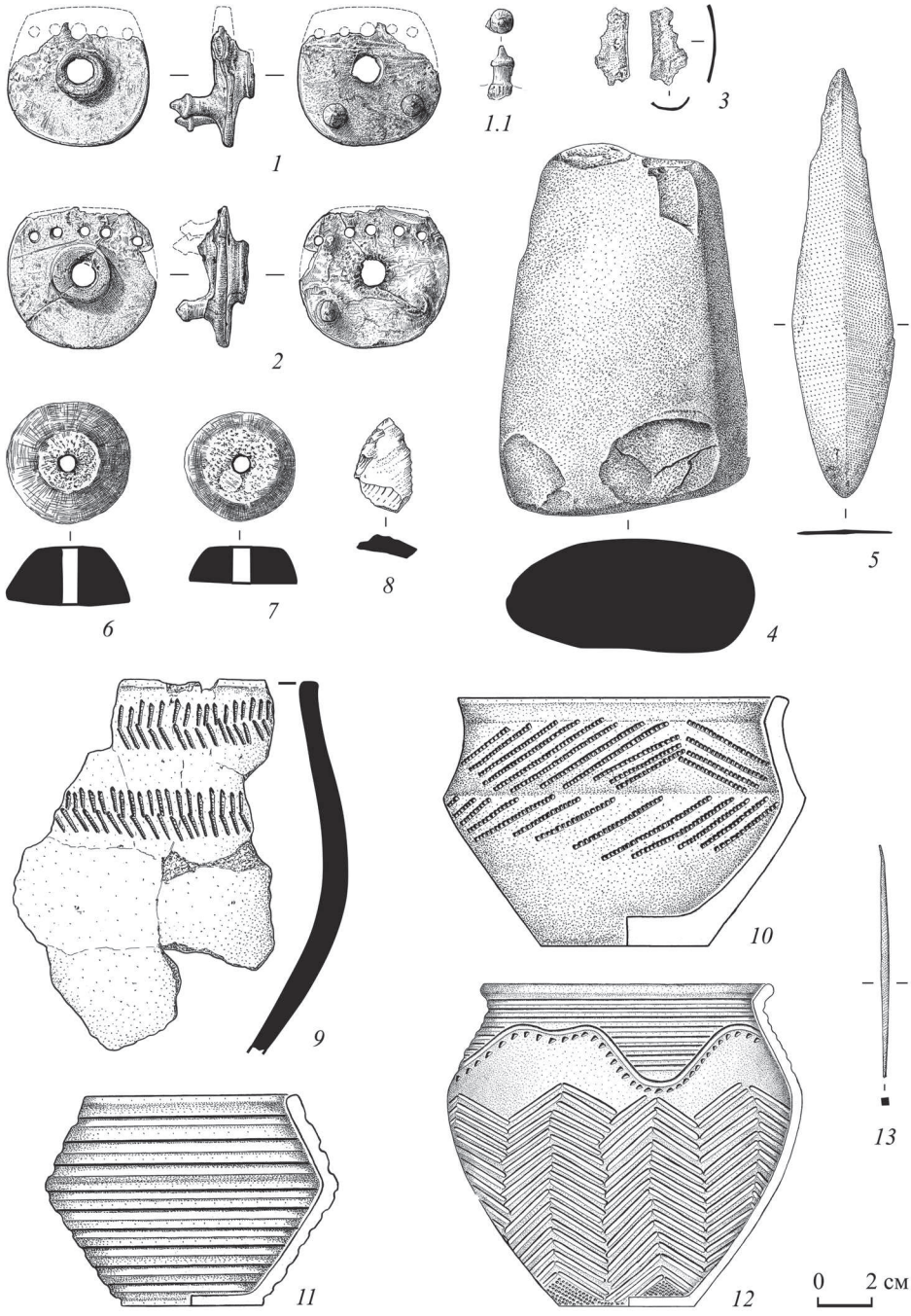


Рис. 3. Грунтовый могильник у с. Беляевка. Инвентарь погребения 1

1 – псалий 1 (1.1. – верхний левый шип); *2* – псалий 2; *3* – фрагмент бронзового широкожелобчатого браслета; *4* – каменный кузнечный молот; *5* – бронзовый нож; *6, 7* – костяные пряслица; *8* – заготовка каменного наконечника стрелы; *9* – керамический сосуд № 1; *10* – керамический сосуд № 2; *11* – керамический сосуд № 4; *12* – керамический сосуд № 3; *13* – бронзовое шило

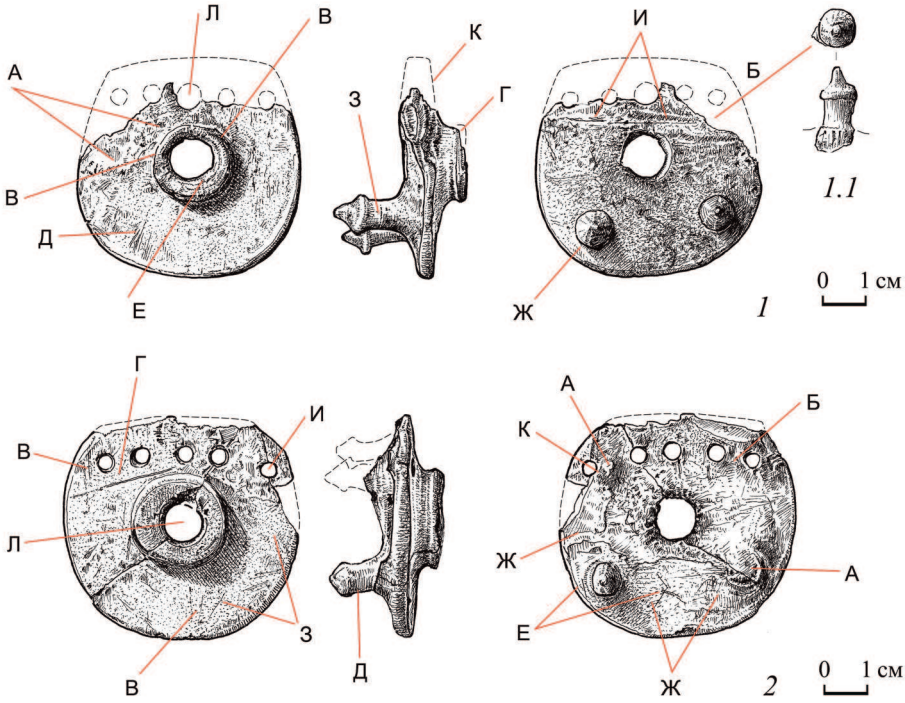


Рис. 4. Грунтовый могильник у с. Беляевка. Погребение 1. Следы изготовления роговых псалиев

1 – псалий 1 (1.1 – верхний левый шип); *2* – псалий 2

2013. С. 43, 53, 61, 71, 109; *Усачук и др*., 2011. С. 248; *Куприянова, Усачук*, 2020. С. 78), а следовательно, чуть прочнее. На тыльной стороне псалия следов резки почти не сохранилось, хотя видно, что правый нижний шип (рис. 4: *1Ж*) вырезан неровно. След резки (рис. 4: *1З*) сохранился и на левом нижнем шипе. В районе перехода щитка в планку видны слабые остатки резки (рис. 4: *1И*), в результате чего планка в профиле «пошла» на конус (рис. 4: *1К*). Как изготовлены центральное в щитке и маленькие отверстия в планке, – неясно, следы не сохранились (отверстия в планке, как упоминалось выше, частично разрушены). Интересной деталью псалия является то, что центральное отверстие в планке (рис. 4: *1Л*) чуть больше диаметром (0,6 см), чем остальные (0,4 см).

Псалий 2 почти такой же, как и псалий 1, с четырьмя монолитными шипами. Сохранился лучше, поскольку почти цела невыделенная планка этого псалия. Утрачены ее небольшая верхняя часть и небольшой фрагмент щитка сбоку. Тыльная сторона этого псалия частично разрушена, но при этом целым сохранился один нижний шип, а основания двух (рис. 4: *2А*) хорошо просматриваются. Едва-едва, но сохранилось и основание наиболее разрушенного четвертого шипа (рис. 4: *2Б*). Мастером при изготовлении и этого псалия использована в качестве сырья двойная роговая пластина, выбранная по тем же критериям,

что и пластина для первого псалия. На внешней стороне щитка сохранились слабые следы резки (рис. 4: *2В*), оставшиеся от оформления массивной втулки, и тонкий двойной длинный диагональный след острого металлического лезвия (рис. 4: *2Г*), который производит впечатление чуть более позднего, чем следы оформления втулки, и связан, скорее всего, с выравниванием и небольшим утончением поверхности будущей планки. Слабые локальные следы резки сохранились на шипе (рис. 4: *2Д*) и на обратной стороне щитка (рис. 4: *2Е*), перекрытые следами очень тонкого абразива (рис. 4: *2Ж*). Таким же абразивом обрабатывали после резки и внешнюю сторону щитка (рис. 4: *2З*). Отверстия в планке сверлились по-разному. Только одно отверстие – крайнее правое (рис. 4: *2И*) – идет на конус с внешней стороны. Очевидно, мастер расположил сверло с лицевой стороны псалия, чтобы ему не мешал сверлить один из верхних шипов. В результате отверстие слегка затрагивает основание шипа (рис. 4: *2К*). Остальные четыре маленьких отверстия имеют ровный канал сверления и три из них могли сверлиться с любой из сторон, но крайнее левое, очевидно, сверлилось, как и крайнее правое, с внешней стороны из-за монолитного шипа. В канале центрального отверстия в щитке (рис. 4: *2Л*) следы не сохранились. Вероятно, оно, как и маленькие отверстия, сверлилось, а не вырезалось.

На следы изготовления обоих беляевских псалиев наложились следы использования.

Псалий 1. Внешняя поверхность щитка залощена (кроме тех участков, на которых осыпался верхний слой компакты). Некоторые участки щитка (рис. 5: *1А, 1Б*) залощены сильнее. Внутренняя поверхность щитка практически заполирована, в том числе частично снивелированы острия сохранившихся шипов (рис. 5: *1В*). Центральное отверстие немного больше сработано в направлении на 6–7 часов (рис. 5: *1Г*)[5].

Псалий 2. Внешняя поверхность щитка залощена, на одном участке (рис. 5: *2А*) залощенность немного больше. Нижняя часть центрального отверстия (рис. 5: *2Б*) залощена немного сильнее. Немногочисленные сохранившиеся участки щитка залощены и на внутренней стороне. Интересная деталь: сильно завальцованы и залощены остатки левого нижнего шипа (рис. 5: *2В*) – видимо, какое-то время псалий использовался с утраченным шипом. Сохранившийся шип (рис. 5: *2Г*) утратил часть своего острия, но не из-за поломки, а от постепенного истирания.

Из-за плохой сохранности беляевская пара псалиев дала неполную информацию об изготовлении и использовании, но и ее оказалось достаточно, чтобы сравнить эти изделия с подобными.

Если говорить о следах изготовления, то совпадение многих производственных операций, начиная с выбора сырья, приводит нас к выводу, что оба псалия, а, возможно, не только псалии, но и вся упряжь (*Усачук*, 2013. С. 115), изготовлены одним мастером. Процесс изготовления был начат с подготовки сырья: мастер выбрал нужные пластины рога, подверг их вымачиванию в органических кислотах и термической обработке (ср.: Там же. С. 107). Затем были

[5] Все описания псалиев ведутся, исходя из их положения на рисунках внешней стороной на смотрящего.

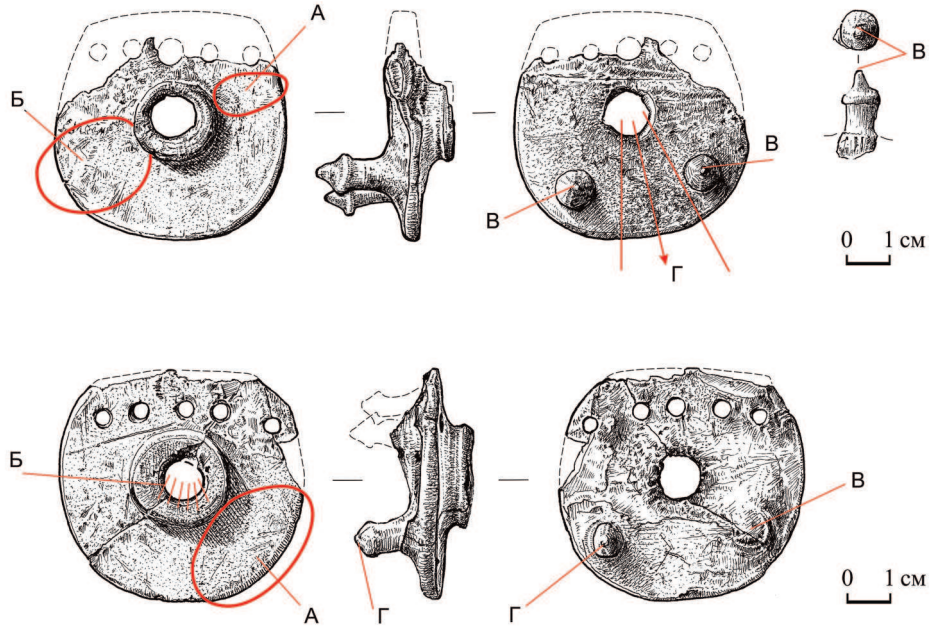


Рис. 5. Грунтовый могильник у с. Беляевка. Погребение 1. Следы использования роговых псалиев

1 – псалий 1 (1.1. – верхний левый шип); *2* – псалий 2

оформлены с использованием острых металлических лезвий контуры будущих псалиев. Большое внимание мастер уделил аккуратному оформлению массивных втулок в районе будущих центральных отверстий в щитках. О том, что втулки вчерне были вырезаны раньше отверстий, может свидетельствовать тот факт, что на псалии 2 (рис. 4: *2Л*) просверленное отверстие сместилось во время изготовления немного вправо (неравномерная толщина втулки по отношению к отверстию на псалии 1 получилась из-за утраты части втулки (рис. 4: *1Г*), о чем говорилось выше). Оформление планки подразумевало небольшое их утончение по сравнению со щитком, причем утончались планки, судя по сохранившимся следам (рис. 4: *1И, 2Г*), с обеих сторон. Важно отметить, что этот прием использовался только южноуральскими мастерами (*Усачук*, 2013. С. 107). Еще одна деталь изготовления, свойственная южноуральским «псалиевых дел» мастерам, – тщательная обработка внутренней поверхности щитка (Там же. С. 107–108). На беляевских экземплярах обработка обеих сторон псалиев практически одинакова по аккуратности и тщательности. Выступы по краям планок «беляевским» мастером не предусматривались (ср.: Там же. С. 108). На внутренней стороне обоих экземпляров мастер аккуратной резкой оформил шипы, причем шипы на двух псалиях вырезаны в одной манере (это также является доказательством того, что пару псалиев изготавливал один мастер). После актов резки оба псалия обрабатывались тонким абразивом (ср.: Там же). Маленькие отверстия в планке, скорее всего, сверлились (ср.: Там же).

Судя по сохранившимся следам сработанности, беляевская пара псалиев была достаточно изношена к тому моменту, когда их (а скорее всего, упряжь) поместили в погребение. Следы сработанности, как и изготовления, сохранились частично, но, сравнивая между собой направления более сработанных участков внешней стороны щитков (рис. 5: *1Б, 2А*), можно сказать, что мы фиксируем остатки группы следов I (*Усачук*, 1998. Рис. 2) и, таким образом, псалий 1 был правым, а псалий 2 – левым в упряжи (ср.: *Усачук*, 1998. С. 77; 2013. С. 122–123). Впрочем, следы сработанности показывают, что история эксплуатации правого псалия была более динамична, но нам не хватает данных, чтобы интерпретировать появление локального участка немного большей залощенности на внешней стороне щитка этого изделия (рис. 5: *1А*) и чуть большей сработанности отверстия в щитке на внутренней стороне псалия (рис. 5: *1Г*). О бóльших нагрузках на правый псалий может свидетельствовать и более крупное центральное отверстие в планке (рис. 4: *1Л*). П. Ф. Кузнецов, с которым обговаривались детали изготовления и эксплуатации беляевских псалиев, предложил версию появления этого отверстия при ремонте, т. е. усилил ощущение более динамичной «жизни» правого псалия. Кстати, по остаткам отверстий в планке на псалии 1 (правом), они идут более ровно в ряд, чем на планке псалия 2 (левом). Возможно, П. Ф. Кузнецов прав, и мы видим частичную поломку и вторичных отверстий в планке правого псалия.

Культурно-хронологический контекст

По таким признакам, как наличие втулки на щитке вокруг трензельного отверстия, трапециевидной планки, четырех фигурных монолитных шипов, отсутствие бокового отверстия для крепления ремня и орнаментации, анализируемые изделия имеют синташтинскую культурную принадлежность (*Чечушков, Епимахов*, 2010. С. 186–187, 211. Рис. 6; *Бочкарев, Кузнецов*, 2013. С. 63). Кроме того, вышеописанные следы изготовления изделий (утончение планки по сравнению с щитком и тщательная обработка внутренней поверхности щитка) также указывают на южноуральскую (синташтинскую) традицию их изготовления. Однако отнести их к «каноническим» синташтинским псалиям нельзя, т. к. они выбиваются по такому признаку, как наличие на планке отверстий, расположенных в ряд, что является важным диагностическим признаком доно-волжской абашевской (по другой терминологии – покровской) культурой традиции (*Чечушков, Епимахов*, 2010. С. 187, 188; *Бочкарев, Кузнецов*, 2013. С. 69; *Григорьев*, 2022. С. 163). Таким образом, беляевские псалии сочетают в себе синташтинские и более западные – доно-волжские абашевские (покровские) признаки при преобладании первых. По классификации В. С. Бочкарева и П. Ф. Кузнецова, которыми были выделены 5 вариантов синташтинских псалиев, беляевские находки близки варианту А2 (*Bochkarev, Kuznetsov*, 2023. P. 159).

Если говорить о частичных аналогиях, то наиболее близким беляевским псалиям изделием в памятниках синташтинской культуры является псалий 2 из комплекса 4/8 мог. Каменный Амбар-5 (рис. 6: *1*) (*Епимахов*, 2005. С. 114. Рис. 85: *11*), с той разницей, что у каменноамбарского экземпляра планка хорошо выделена выступами, трензельное отверстие имеет форму мягкого квадрата.

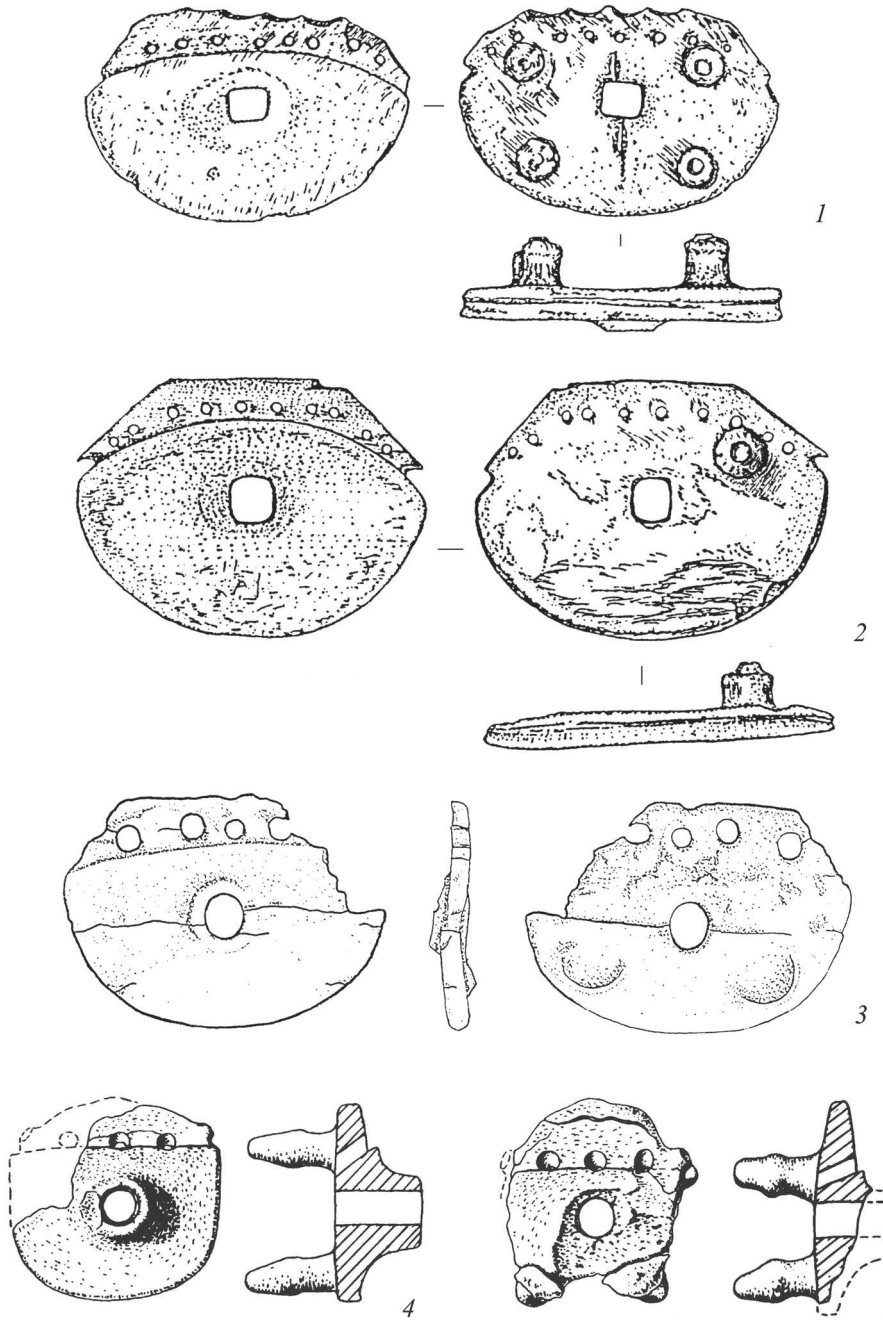


Рис. 6. Ближайшие аналогии псалиям из погребения грунтового могильника у с. Беляевка

1 – Каменный Амбар-5 4/8; *2* – Каменный Амбар-5 4/насыпь; *3* – Кривое Озеро 9/2; *4, 5* – Синташта СМ п. 12

По таким признакам, как отсутствие орнаментации, наличие щитка с трапециевидной планкой и отверстиями в ряд, беляевские псалии соотносятся с изделиями из комплексов: мог. Кривое Озеро 9/2 (рис. 6: *3*) (*Виноградов*, 2003. С. 91. Рис. 36: *3*), мог. Каменный Амбар, курган 4, насыпь (рис. 6: *2*) (*Епимахов*, 2005. С. 86. Рис. 67: *5*), Синташта СМ, п. 12 (рис. 6: *4, 5*) (*Генинг и др*., 1992. С. 164. Рис. 79: *9, 10*), притом что количество шипов и оформление центрального отверстия вариативны. Это наиболее близкие аналогии рассматриваемым предметам. На этом изделия, сочетающие в себе синташтинские и покровские признаки, среди коллекций синташтинских памятников далеко не исчерпываются. В целом влияние доно-волжской (покровской) псалийной традиции на синташтинскую прослеживается достаточно рельефно (*Чечушков, Епимахов*, 2010. С. 187, 188; *Bochkarev, Kuznetsov*, 2023. P. 161).

В п. 1 сочетание синташтинских и раннепокровских признаков отмечено не только в морфологии псалиев. Наличие двух культурных традиций отчетливо демонстрирует и выявленная здесь керамика. Так, не вызывает сомнений синташтинская принадлежность сосудов 3 и 4. Сосуд 3 (рис. 3: *12*) – горшковидный с округлым туловом, короткой отогнутой шейкой, с выделенным внутренним ребром, практически полностью орнаментирован. В верхней части узор представлен прочерченными каннелюрами, обрамленными волнистой линией, подчеркнутой подтреугольными вдавлениями штампа. Большую часть орнаментальной композиции на тулове занимает т. н. «вертикальная елочка», в придонной части в «елочку» вписаны треугольники, заполненные частыми косыми вдавлениями гребенчатого штампа. Сосуд 4 (рис. 3: *11*) – биконический, тулово полностью орнаментировано прочерченными каннелюрами. Таким образом, форма и орнаментация этих керамических изделий согласуются с синташтинской гончарной традицией (*Ткачев, Хаванский*, 2006. С. 67–75, 84–92).

Морфология сосудов 1 и 2 не типично синташтинская. Сосуд 1 (рис. 3: *9*) – плавно профилированный со слабо выделенным венчиком, украшенный в верхней части двумя рядами отпечатков гребенчатого штампа, образующих подобие горизонтальной «елочки». Сосуд 3 (рис. 3: *10*) – остроребериый, с отогнутым венчиком и хорошо выделенным внутренним ребром. Верхняя часть тулова украшена наклонными отпечатками гребенчатого штампа. По такому признаку, как концентрация «небрежно» нанесенного орнамента в верхней части тулова оттисками косо поставленного штампа, сосуды 1 и 2 тяготеют к покровской (ранннесрубной) манере изготовления (*Мочалов*, 2008. С. 151, 195). Схожая с данными сосудами керамическая коллекция выявлена в потаповском памятнике Грачевка II (*Мочалов*, 2008. С. 151; *Кузнецов и др*., 2018. С. 37–39). Отметим, что сочетание восточных (синташтинских) и западных (покровских) признаков в памятниках потаповского типа проявлено наиболее рельефно (*Ткачев*, 2007. С. 303–304; *Григорьев*, 2022. С. 167).

Обряд п. 1 (рис. 2) также несколько отличается от классического синташтинского. Ориентировка скелетов и их положение в позе адорации вполне согласуются с обрядовыми нормами синташтинской культуры (*Епимахов*, 2002. С. 42, 46–47; *Ткачев*, 2007. С. 102, 109–110). Редким является положение костяков лицом друг к другу «в позе объятий». Традиция парного погребения (когда мужчина и женщина покоятся в могиле «обнявшись») свое наибольшее

распространение получит в памятниках алакульской линии развития и срубно-алакульских (*Рафикова*, 2008; 2019; 2023). В могильниках синташтинской культуры достоверно зафиксированная «поза объятий» встречается нечасто, притом что двойные и коллективные погребения представлены (*Епимахов*, 2002. С. 109–117). Обратившись к вопросу генезиса парных погребений (когда в могиле находятся только два разнополых скелета, и они покоятся «обнявшись») в западноалакульской культурной группе, Я. В. Рафиковой было показано, что в синташтинских памятниках Приуралья, являющихся генетической основой их сложения, тождественных комплексов нет (*Рафикова*, 2019. С. 196). Она отмечает, что в начале эпохи поздней бронзы наиболее ранние парные захоронения зафиксированы в материалах покровских некрополей (Натальино II 2/1, 3/1; Покровск (юго-восточная группа) 32/1, 34/1) (Там же. С. 198). Поза костяков в Беляевском могильнике практически аналогична представленной в комплексе 32/1 юго-восточной группы Покровского могильника (Памятники срубной культуры…, 1993. С. 146. Табл. 16: *5*; *Рафикова*, 2019. С. 199. Рис. 11: *2*). Говоря о традиции существования захоронений «в позе объятий», со своей стороны, заметим, что в синташтинских памятниках Зауралья комплексы с погребенными, покоящимися лицом друг к другу «обнявшись», встречаются, но для них, как правило, характерны особенности. Наиболее приближенными к беляевскому вариантами можно считать размещение скелетов в п. 2/8 мог. Каменный Амбар-5 и в п.1 мог. Синташта CI, с той разницей, что и в том и в другом случае за спиной правобочного костяка находился скелет ребенка (*Генинг и др*., 1992. С. 253. Рис. 138; *Епимахов*, 2005. С. 35. Рис. 29). Интересно, что в п. 2/8 мог. Каменный Амбар-5 были помещены псалии, один из которых сочетал в себе синташтинские и покровские признаки (*Епимахов*, 2005. С. 38. Рис. 31: *4*). Принимая во внимание все вышесказанное, считаем, что в случае с беляевским погребением положение скелетов «обнявшись» можно считать элементом покровской обрядности.

Таким образом, при явном преобладании признаков синташтинской культуры в п. 1 могильника Беляевка отчетливо фиксируются признаки представленности инокультурных западных (доно-волжских абашевских или покровских) включений. Проявление культурной миксации демонстрируют роговые псалии, керамика и обряд.

Для определения хронологической принадлежности комплекса по костям животного и человека были получены 2 AMS-даты (табл. 1). Их значения несколько отличаются. Дата, полученная по кости человека, укладывается в интервал второй половины XX – первой четверти XIX в., по кости МРС – в диапазон первой четверти XIX – первой половины XVIII в. до н. э., что соотносится с общепринятыми на сегодняшний день синташтинскими и потаповскими хроноинтервалами (*Молодин и др*., 2014. С. 140, 145; *Кузнецов и др*., 2018. С. 91–92, 98–99). Обращает на себя внимание тот факт, что дата, полученная по кости человека, старше той, что получена по кости животного, и интервалы их некалиброванных значений не пересекаются. В то же время данные, полученные после калибровки, не разделены каким-либо значительным промежутком. Такая ситуация связана с тем, что, скорее всего, для образца человеческой кости проявлен резервуарный эффект, о чем свидетельствует высокое содержание в нем белка ($\delta^{15}N$, ‰), в то же время значения $\delta^{13}C$, ‰ для речной диеты

вариабельны, а удревнение возраста может варьировать от нескольких до тысяч лет (*Hollund et al*., 2010. P. 2979–2981; *Шишлина и др.*, 2015. С. 267–272; *Чагаров, Добровольская*, 2018. С. 395). Косвенным подтверждением факта употребления в пищу рыбы населением, оставившим некрополь, может являться не только более старший возраст даты по кости скелета 1, но и наличие рыболовного крючка в одном из соседних захоронений. Принимая во внимание вышесказанное, очевидно, что большее доверие вызывает дата, полученная по кости животного, и время создания комплекса приходится на промежуток первой четверти XIX – первой половины XVIII в. до н. э.

Таблица 1. Радиоуглеродные даты, полученные по материалам п. 1 грунтового могильника 1 у с. Беляевка

№ п/п	Лабор. №	Место взятия образца	Образец	14C (BP)	Cal BC (1 sigma)	$\delta^{13}C$, ‰	$\delta^{13}N$, ‰	% Coll	C/N_{at}
1	$IGAN_{AMS}$ 10211	ГМ Беляевка-1 п. 1	Ребро скелета 1 (жен)	3550 ± 20	1932–1881	-18,85	12,71	11,24	3,18
2	$IGAN_{AMS}$ 10212	ГМ Беляевка-1 п. 1	Альчик МРС	3495 ± 25	1880–1767	-18,51	7,31	19,96	3,19

Примечания:

1) калибровка проведена в программе OxCalV 4.4.4, калибровочная кривая IntCal 20;

2) дата № 1 ранее опубликована (*Купцова, Халяпин*, 2023. С. 242), № 2 публикуется впервые.

Заключение

Пара щитковых псалиев, выявленных в могильнике у с. Беляевка, вероятно, помещена в захоронение вместе с конской уздой и была изготовлена одним мастером. Перед тем как попасть в захоронение, псалии активно использовались, причем правый имеет более динамичную историю эксплуатации. Основные морфологические признаки в сочетании с данными трасологического анализа указывают на синташтинскую принадлежность изделий. Однако от канонических синташтинских беляевские псалии отличает наличие в планке отверстий, расположенных в ряд, что свидетельствует о влиянии западного – доно-волжского абашевского (покровского) – культурного компонента. О наличии межкультурных контактов в среде населения, оставившего некрополь, свидетельствует не только облик деталей конской упряжи, но и сопровождающая захоронение керамика, и особенности погребального обряда. Отметим, что в приуральской группе синташтинских памятников анализируемый комплекс не единственный демонстрирующий связи с колесничными культурами западных территорий. Одно из погребений синташтинского грунтового могильника у горы Березовой также отчетливо маркируется включениями доно-волжского абашевского

компонента (*Усачук, Купцова*, 2024. С. 53). В более позднее время процессы взаимодействия восточных и западных культурных образований, основа которых была заложена в начале позднебронзовой эпохи, приведут к появлению населения, оставившего самобытные памятники западноалакульской культурной группы (*Ткачев*, 2007. С. 321–338; 2018. С. 519–521).

Авторы статьи выражают благодарность П. Ф. Кузнецову за активное участие в обсуждении типологии и эксплуатации беляевской пары псалиев.

ЛИТЕРАТУРА

Бородовский А. П., 2007. Древний резной рог Южной Сибири (эпоха палеометалла). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 176 с.

Бочкарев В. С., Кузнецов П. Ф., 2013. Культурно-типологические характеристики древнейших дисковидных псалиев Северной Евразии // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: материалы тематич. науч. конф. / Ред. Е. А. Черленок и др. СПб.: Скифия-принт. С. 61–79.

Виноградов Н. Б., 2003. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во. 362 с.

Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В., 1992. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во. 408 с.

Григорьев С. А., 2022. Роговые и костяные псалии Евразии начала позднего бронзового века // Уфимский археологический вестник. Т. 22. № 1. С. 162–177.

Епимахов А. В., 2002. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск: Южно-Уральский гос. ун-т. 170 с.

Епимахов А. В., 2005. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск: Челябинский дом печати. 192 с.

Кузнецов П. Ф., Мочалов О. Д., Хохлов А. А., Энтони Д. У., 2018. Грачевские курганы: Археология, антропология, геномный анализ. Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т. 195 с.

Кузнецов П. Ф., Усачук А. Н., 2019. Общее и особенное в изготовлении псалиев из Урени – деталей упряжи боевых колесниц // SP. № 2. С. 335–341.

Куприянова Е. В., Усачук А. Н., 2020. Псалии могильника Степное 1: практический и семантический аспекты использования // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 8. 1. С. 69–100.

Купцова Л. В., Халяпин М. В., 2023. Погребения с сейминско-турбинским инвентарем из Оренбургского Предуралья: хронологический, палеодиетический и миграционный аспекты // Археология Евразийских степей. № 3. С. 235–248.

Молодин В. И., Епимахов А. В., Марченко Ж. В., 2014. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Т. 13. Вып. 3. С. 136–167.

Мочалов О. Д., 2008. Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья. Самара: Самарский гос. пед. ун-т. 252 с.

Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье. Т. I. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1993. 200 с. (САИ; вып. В1-10.)

Рафикова Я. В., 2008. Парные погребения срубно-алакульской контактной зоны Южного Зауралья // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История». № 18. С. 5–13.

Рафикова Я. В., 2019. Парные погребения западноалакульской (соль-илецкой) культурной группы: хронология, генезис, интерпретация // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. № 3 (31). С. 173–208.

Рафикова Я. В., 2023. Парные погребения кожумбердынской культурной группы эпохи поздней бронзы Южного Приуралья // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. № 4 (48). С. 130–181.

Ткачев В. В., 2007. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актюбинский обл. центр истории, этнографии и археологии. 384 с.

Ткачев В. В., 2018. Генезис алакульской культуры в контексте горной археологии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 20. № 3 (2). С. 517–526.

Ткачев В. В., Хаванский А. И., 2006. Керамика синташтинской культуры. Орск; Самара: Орский гуманитарно-технолог. ин-т. 180 с.

Усачук А. Н., 1998. Трасологический анализ щитковых псалиев из погребений лесостепного Подонья // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 11. Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та. С. 72–81.

Усачук А. Н., 2013. Древнейшие псалии (изготовление и использование). Киев; Донецк: ИА НАНУ. 304 с.

Усачук А. Н., Кузнецов П. Ф., 2019. Псалии из Софьинского могильника: новый взгляд на старые находки // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 14. Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та. С. 123–134.

Усачук А. Н., Купцова Л. В., 2024. Костяные изделия из погребения 9 могильника у горы Березовой (трасологический анализ и поиск аналогий) // ВААЭ. № 1 (64). С. 45–58.

Усачук А. Н., Юдин А. И., Африканов Ю. А., 2011. Новые находки щитковых псалиев в Саратовском Поволжье // SP. № 2. С. 247–264.

Чагаров О. С., Добровольская М. В., 2018. Изотопы азота и углерода в реконструкции питания образа жизни среднедонского населения скифского времени (по материалам курганного могильника Терновое-Колбино) // КСИА. Вып. 253. С. 390–402.

Чечушков И. В., Епимахов А. В., 2010. Колесничный комплекс Урало-Казахстанских степей // Бочкарев В. С. и др. Кони, колесницы и колесничие степей Евразии: коллективная монография. Екатеринбург; Самара; Донецк. С. 181–229.

Шишлина Н. И., Ларионова Ю. О., Эрлих В. Р., Ковалев Д. С., ван дер Плихт Й., 2015. Погребение майкопской культуры из могильника Синюха: результаты изотопного исследования // КСИА. Вып. 238. С. 262–276.

Bochkarev V. S., Kuznetsov P. F., 2023. Early Cheekpieces in Eurasia // Chariots in Antiquity: Essays in Honour of Joost Crouwel. Oxford. P. 151–178. (British Archaeological Reports. International Series; 3159.)

Hollund H. L., Higham T., Belinski A., Korenevski S., 2010. Investigation of palaeodiet in the North Caucasus (South Russia) Bronze Age using stable isotope analysis and AMS dating of human and animal bones // JAS. Vol. 37. Iss. 12. P. 2971–2983.

Сведения об авторах

Купцова Лидия Владимировна, Оренбургский государственный педагогический университет, ул. Советская, 19, Оренбург, 460014, Россия; e-mail: orelin.84@mail.ru;

Усачук Анатолий Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: doold@mail.ru

L. V. Kuptsova, A. N. Usachuk

A PAIR OF CHEEK-PIECES FROM THE STEPPE URALS REGION

Abstract. This paper is the first to publish the results of the study conducted to examine a pair of cheek-pieces retrieved from a grave in a cemetery without kurgans near the village of Belyaevka that was in operation in the initial period of the Late Bronze Age. The elements of the horse trappings always attract researchers' attention as they have clear diagnostical traits used to determine the cultural attribution and chronology of the assemblages in which they have been found. The Belyaevka antler items combine traits of the eastern (Sintashta) and the western (Don – Volga Abashevo) cheek-piece

traditions, with noticeable predominance of the traits typical for the former. Intercultural contacts that influenced the morphology of the items are also emphasized by the burial rite elements and the form of the ceramic vessels.

Keywords: steppe Urals region, cheek-pieces, elements of horse trappings, tracewear analysis, Late Bronze Age, Sintashta culture, intercultural contacts.

REFERENCES

Bochkarev V. S., Kuznetsov P. F., 2013. Kul'turno-tipologicheskie kharakteristiki drevneyshikh diskovidnykh psaliev Severnoy Evrazii [Cultural and typological characteristics of the earliest discoid cheek-pieces of Northern Eurasia]. *Problemy periodizatsii i khronologii v arkheologii epokhi rannego metalla Vostochnoy Evropy [Problems of periodization and chronology in archaeology of Early Metal Age of Eastern Europe]*. E. A. Cherlenok, ed. St. Petersburg: Skifiya-print, pp. 61–79.

Borodovskiy A. P., 2007. Drevniy reznoy rog Yuzhnoy Sibiri (epokha paleometalla) [Ancient carved antler in South Siberia (Early metals period)]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 176 p.

Chagarov O. S., Dobrovolskaya M. V., 2018. Izotopy azota i ugleroda v rekonstruktsii pitaniya obraza zhizni srednedonskogo naseleniya skifskogo vremeni (po materialam kurgannogo mogil'nika Ternovoe-Kolbino) [Nitrogen and carbon isotopes in reconstructing diet and mode of life of the Middle Don population in Scythian period (the case study of the Ternovoe-Kolbino kurgan cemetery)]. *KSIA*, 253, pp. 390–402.

Chechushkov I. V., Epimakhov A. V., 2010. Kolesnichnyy kompleks Uralo-Kazakhstanskikh stepey [Chariot complex of the Ural- Kazakhstan steppes]. *Bochkarev V. S. et al. Koni, kolesnitsy i kolesnichie stepey Evrazii [Horses, chariots and charioteers of Eurasian steppes]*. Ekaterinburg; Samara; Donetsk, pp. 181–229.

Epimakhov A. V., 2002. Yuzhnoe Zaural'e v epokhu sredney bronzy [Southern Trans-Urals in the Middle Bronze Age]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skiy gos. universitet. 170 p.

Epimakhov A. V., 2005. Rannie kompleksnye obshchestva severa Tsentral'noy Evrazii (po materialam mogil'nika Kamennyy Ambar-5) [Early complex societies of the North of Central Eurasia (based on materials from Kamennyy Ambar-5 cemetery)], 1. Chelyabinsk: Chelyabinskiy dom pechati. 192 p.

Gening V. F., Zdanovich G. B., Gening V. V., 1992. Sintashta: Arkheologicheskie pamyatniki ariyskikh plemen Uralo-Kazakhstanskikh stepey [Sintashta: Archaeological sites of Aryan tribes of the Ural-Kazakhstan steppes], 1. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 408 p.

Grigor'ev S. A., 2022. Rogovye i kostyanye psalii Evrazii nachala pozdnego bronzovogo veka [Antler and bone cheek-pieces of Eurasia in the beginning of Late Bronze Age]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik [Ufa archaeological bulletin]*, vol. 22, no. 1, pp. 162–177.

Kuptsova L. V., Khalyapin M. V., 2023. Pogrebeniya s seiminsko-turbinskim inventarem iz Orenburgskogo Preduralya: khronologicheskiy, paleodieticheskiy i migratsionnyy aspekty [Burials with Seima-Turbino inventory from the Orenburg Cis-Urals: chronological, paleodietic and migration aspects]. *Arkheologiya Evraziyskikh stepey [Archaeology of Eurasian steppes],* 3, pp. 235–248.

Kupriyanova E. V., Usachuk A. N., 2020. Psalii mogil'nika Stepnoe 1: prakticheskiy i semanticheskiy aspekty ispol'zovaniya [Cheek-pieces from Stepnoe I cemetery: practical and semantic aspects of use]. *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*, 8, 1, pp. 69–100.

Kuznetsov P. F., Mochalov O. D., Khokhlov A. A., Anthony D. U., 2018. Grachevskie kurgany: Arkheologiya, antropologiya, genomnyy analiz [Grachevskie kurgans: Archaeology, anthropology, genomic analysis]. Samara: Samarskiy gos. sotsial'no-pedagogicheskiy universitet. 195 p.

Kuznetsov P. F., Usachuk A. N., 2019. Obshchee i osobennoe v izgotovlenii psaliev iz Ureni – detaley upryazhi boevykh kolesnits [Common and special in manufacture of cheek-pieces from Ureni – harness details of battle chariots]. *SP*, 2, pp. 335–341.

Mochalov O. D., 2008. Keramika pogrebal'nykh pamyatnikov epokhi bronzy lesostepi Volgo-Ural'skogo mezhdurech'ya [Ceramics of Bronze Age burial sites of the Volga-Ural interfluve forest-steppe]. Samara: Samarskiy gos. pedagogicheskiy universitet. 252 p.

Molodin V. I., Epimakhov A. V., Marchenko Zh. V., 2014. Radiouglerodnaya khronologiya kul'tur epokhi bronzy Urala i yuga Zapadnoy Sibiri: printsipy i podkhody, dostizheniya i problemy [Radiocarbon

chronology of Bronze Age cultures of the Urals and the South of Western Siberia: principles and approaches, achievements and problems]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Novosibirsk state university]*, vol. 13, iss. 3, pp. 136–167.

Pamyatniki srubnoy kul'tury. Volgo-Ural'skoe mezhdurech'e [Srubnaya culture sites. Volga-Ural interfluve], I. Saratov: Saratovskiy universitet, 1993. 200 p. (SAI, V1-10.)

Rafikova Ya. V., 2008. Parnye pogrebeniya srubno-alakul'skoy kontaktnoy zony Yuzhnogo Zaural'ya [Double burials of Srubnaya-Alakul contact zone in Southern Trans-Urals]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya» [Bulletin of Chelyabinsk state university. Series «History»]*, 18, pp. 5–13.

Rafikova Ya. V., 2019. Parnye pogrebeniya zapadnoalakul'skoy (sol'-iletskoy) kul'turnoy gruppy: khronologiya, genezis, interpretatsiya [Double burials of West Alakul (Sol-Iletsk) cultural group: chronology, genesis, interpretation]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of Orenburg state pedagogical university]*, 3 (31), pp. 173–208.

Rafikova Ya. V., 2023. Parnye pogrebeniya kozhumberdynskoy kul'turnoy gruppy epokhi pozdney bronzy Yuzhnogo Priural'ya [Double burials of Late Bronze Age Kozhumberdy cultural group in Southern Urals]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of Orenburg state pedagogical university]*, 4 (48), pp. 130–181.

Shishlina N. I., Larionova Yu. O., Erlikh V. R., Kovalev D. S., van der Plicht J., 2015. Pogrebenie maykopskoy kul'tury iz mogil'nika Sinyukha: rezul'taty izotopnogo issledovaniya [Maikop graves from Sinyukha burial ground: results of stable isotope study]. *KSIA*, 238, pp. 262–276.

Tkachev V. V., 2007. Stepi Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnogo Kazakhstana na rubezhe epokh sredney i pozdney bronzy [Steppes of Southern Urals and Western Kazakhstan at the turn of Middle and Late Bronze Ages]. Aktobe: Aktyubinskiy oblastnoy tsentr istorii, etnografii i arkheologii. 384 p.

Tkachev V. V., 2018. Genesis alakulskoy kultury v kontekste gornoy arkheologii [Genesis of Alakul culture in context of mining archaeology]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN [Bulletin of Samara scientific center RAS*]. Vol. 20, No. 3 (2), pp. 517–526.

Tkachev V. V., Khavanskiy A. I., 2006. Keramika sintashtinskoy kul'tury [Ceramics of Sintashta culture]. Orsk; Samara: Orskiy gumanitarno-tekhnologicheskiy institut. 180 p.

Usachuk A. N., 1998. Trasologicheskiy analiz shchitkovykh psaliev iz pogrebeniy lesostepnogo Podon'ya [Tracewear analysis of shield cheek-pieces from burials of the Don forest-steppe region]. *Arkheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi [Archaeology of East European forest-steppe], 11. Dono-Donetskiy region v epokhu sredney i pozdney bronzy [Don-Donets region in Middle and Late Bonze Ages]*. Voronezh: Voronezhskiy gos. universitet, pp. 72–81.

Usachuk A. N., 2013. Drevneyshie psalii (izgotovlenie i ispol'zovanie) [Earliest cheek-pieces (manufacturing and use)]. Kiev; Donetsk: IA NANU. 304 p.

Usachuk A. N., Kuptsova L. V., 2024. Kostyanye izdeliya iz pogrebeniya 9 mogil'nika u gory Berezovoy (trasologicheskiy analiz i poisk analogiy) [Bone artifacts from burial 9 of cemetery at Mount Berezovaya (tracewear analysis and search for analogies)]. *VAAE*, 1 (64), pp. 45–58.

Usachuk A. N., Kuznetsov P. F., 2019. Psalii iz Sof'inskogo mogil'nika: novyy vzglyad na starye nakhodki [Cheek-pieces from Sof'inskiy cemetery: a new look at old finds]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya [Archaeological sites of Orenburg region]*, 14. Orenburg: Orenburgskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 123–134.

Usachuk A. N., Yudin A. I., Afrikanov Yu. A., 2011. Novye nakhodki shchitkovykh psaliev v Saratovskom Povolzh'e [New finds of shield cheek-pieces in Saratov Volga region]. *SP*, 2, pp. 247–264.

Vinogradov N. B., 2003. Mogil'nik bronzovogo veka Krivoe Ozero v Yuzhnom Zaural'e [Bronze Age cemetery Krivoe Ozero in Southern Trans-Urals]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 362 p.

About the authors

Kuptsova Lidia V., Orenburg State Pedagogical University, ul. Sovetskaya, 19, Orenburg, 460014, Russian Federation; e-mail: orelin.84@mail.ru;

Usachuk Anatolij N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: doold@mail.ru

О. Н. Корочкова, И. А. Спиридонов

НАХОДКИ ЛИТЕЙНЫХ ФОРМ БРОНЗОВОГО ВЕКА В ГОРНО-ЛЕСНОМ ЗАУРАЛЬЕ[1]

Резюме. Публикация посвящена находкам двух тальковых форм, обнаруженных на разрушенном поселении Шигирский Исток III в Свердловской области. Первая представляет собой комбинированную створку для одноушкового кельта со скошенным лезвием и валиком по краю втулки с одной стороны и двулезвийного ножа-кинжала с кольцевым упором у черенка с другой. Еще одна матрица предназначалась для отливки долота. Анализ контекстов и аналогий позволяет с достаточной уверенностью атрибутировать их в рамках черкаскульской культуры эпохи бронзы и рассматривать как свидетельства развития традиций местного центра металлопроизводства и интегрированности в систему связей культур заключительной фазы Западноазиатской металлургической провинции.

Ключевые слова: Урал, Западноазиатская металлургическая провинция, кельт одноушковый, нож с кольцевым упором, долото втульчатое, черкаскульская культура,

Шигирский Исток III находится в зоне Шигирского торфяника в 3,5 км к северу от пос. Нейво-Рудянка Кировградского городского округа Свердловской области (рис. 1). Занимает холмистую площадку на южном берегу Шигирского озера между ручьем Шигирский Исток, вытекающим в этом месте из озера, и грунтовой дорогой, проложенной еще в XIX в. Западная часть памятника обращена к обрывистому берегу высотой до 2 м, северо-восточная переходит в заболоченную ложбину. Общая площадь специалистами оценивается примерно в 11 тыс. кв. м. На протяжении длительного времени территория памятника распахивалась. Здесь располагались огороды, заброшенные к началу 2000-х гг. С того времени поверхность поросла травой и молодыми березами, тогда как крупные деревья, преимущественно сосны, маркируют границу некогда существовавшей пахоты.

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РНФ 24-28-00470 «Короткий бронзовый век Урала».

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.275.132-145

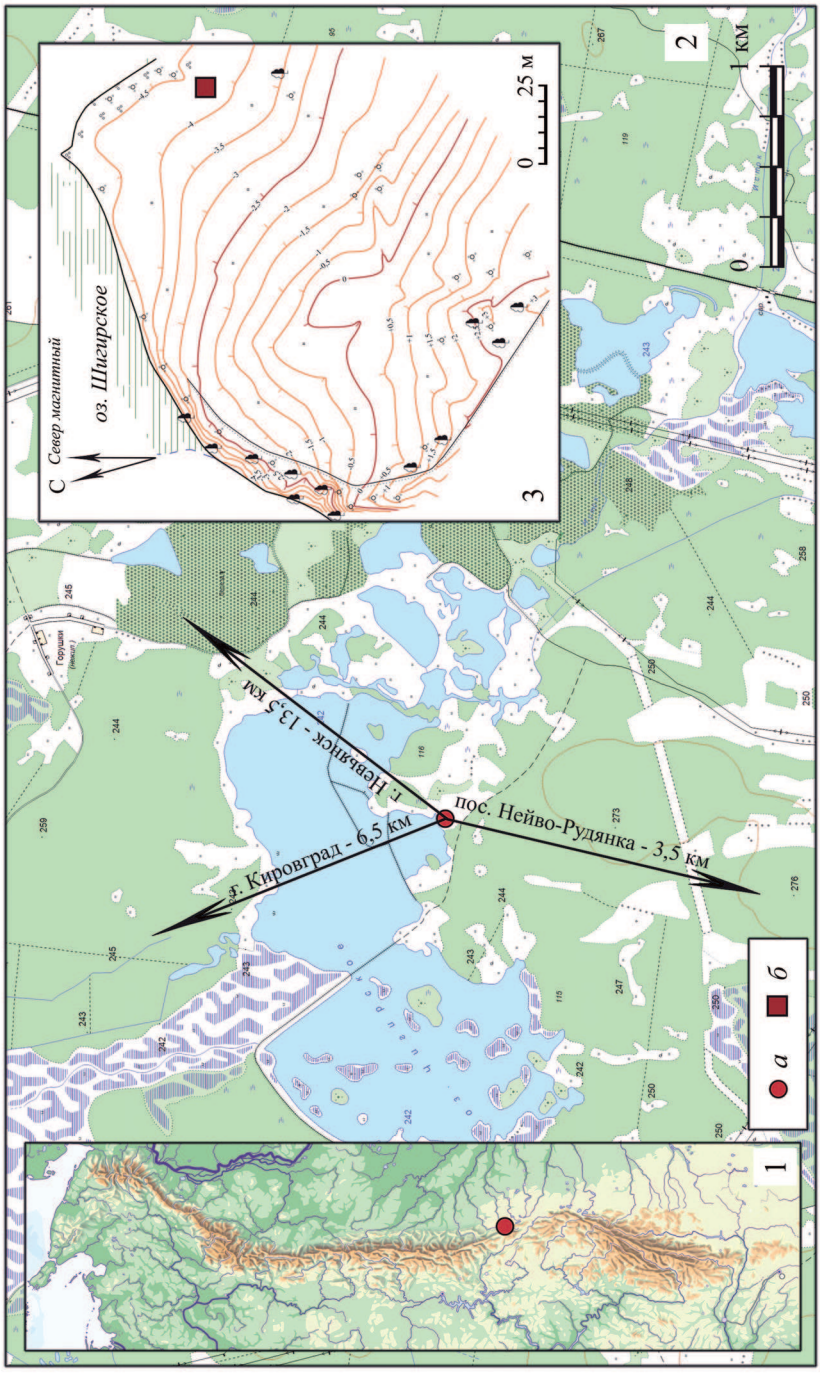


Рис. 1. Шигирский Исток III. Местоположение и план памятника

1 – карта Урала; *2* – карта побережья Шигирского озера; *3* – план памятника

Условные обозначения: *а* – местоположение памятника; *б* – место находки литейных форм

Памятник открыт в 1984 г. Ю. Б. Сериковым. Тогда же было собрано более 7000 артефактов, относящихся к мезолиту, неолиту, энеолиту, бронзовому и раннему железному векам (*Чаиркина и др.*, 2001. С. 28, 29).

Летом 2023 г. от учителя истории школы пос. Нейво-Рудянка И. Н. Тупикова поступило тревожное сообщение о проведении на территории Шигирского Истока III несанкционированных работ по снятию и вывозу плодородного грунта. Оперативный осмотр разрушений показал, что на примыкающей к ручью части культурный слой срезан и большей частью вывезен. Оставшийся грунт, смешанный с дерниной, сбуртован в отдельные кучи, подготовленные к транспортировке. Местные жители указали также место транзитного пункта, расположенного на границе леса. Здесь происходило временное складирование земли для дальнейшей погрузки в самосвалы.

По результату проведенного осмотра в Управление государственной охраны объектов культурного наследия Свердловской области было направлено обращение о проведении проверки по факту разрушения культурного слоя ОАН Шигирский Исток III. Ответ на него получен 15.09.2023 г. (№ 38-01-23/225). Согласно письму, сотрудники Управления передали информацию о нарушении законодательства в сфере охраны ОКН в органы полиции, а также запросили данные о том, кто проводил земляные работы, в администрацию Кировградского городского округа. Однако реальных действий по выявлению виновников вандализма предпринято не было. Разрушение культурного слоя продолжилось. Самостоятельный запрос, направленный авторами в администрацию пос. Нейво-Рудянка, также не дал результата. Официальных согласований на земляные работы на побережье озера никто не проводил. Вывоз грунта продолжался вплоть до октября 2023 г.

Понимая, что огромная часть артефактов будет безвозвратно утрачена, мы предприняли несколько выездов с целью их сбора. Многие предметы, в частности, бóльшая часть керамики, были буквально вдавлены в почву и при извлечении рассыпались на мелкие фрагменты. Тем не менее в отвалах и кучах удалось собрать весьма представительную коллекцию, которая к настоящему времени насчитывает 577 ед. (шифр коллекции 4297). Судя по находкам, площадка памятника активно осваивалась в энеолите и бронзовом веке, эпизодически в эпоху раннего железа и Средневековья. При разборе одной из сбуртованных для вывоза куч обнаружена створка комбинированной литейной формы, еще одна створка от другой формы найдена неподалеку вдавленной в землю. Именно эти литейные формы – в центре внимания данной публикации.

Створка комбинированной формы (рис. 2; 4: *2*) для отливки кельта с петелькой и двулезвийного ножа. Матрица представляет массивный брусок из талька светло-серого цвета толщиной до 5,2 см, трапециевидной в плане и полукруглой в сечении формы. Боковые грани скруглены. На внешней поверхности хорошо видны следы формообразования в виде продольных волнистых и ребристых срезов. Негатив кельта вырезан на плоской стороне бруска размерами 15,5 × 8,6 см. Для негатива ножа на обратной стороне сделана уплощенная площадка трапециевидной формы шириной 2,7 см около литника и 3,7 см в области окончания клинка. На широкой плоскости створки со стороны негатива кельта сохранились следы нагара и маслянистый блеск. Такие же следы присутствуют

Рис. 2. Шигирский Исток III. Комбинированная литейная форма. Тальк

в ложе клинка. На боковых гранях и торцах створки нанесены узкие риски, служившие для точного совмещения (?) половинок формы. Из них три расположены на продольных сторонах, две вверху, на уровне петельки, еще одна в нижней четверти, ближе к лезвию. Метка в виде двух параллельных линий нанесена с нижнего торца створки, еще две с верхнего, слева и справа от паза, предназначенного для установки сердечника. С негативом ножа соотносится отметка, маркирующая кончик клинка на верхнем торце створки.

Негатив топора-кельта. Вырезан на глубину до 2,3 см, предназначен для отливки орудия с одной петлей, примыкающей к краю втулки, увенчанной массивным валиком. Корпус асимметричный, трапециевидной формы, клиновидный в профиле, лезвие скошено в сторону петли. Сечение в верхней части округлое, в нижней – овальное. Размеры отливаемого предмета: длина – до 12,4 см, ширина в области втулки – 5,6 см, в наиболее узкой части лезвия – 3,7 см, предполагаемая толщина – 4,7 см, петля размером 2,5×0,7 см.

В верхней части створки вырезан широкий полукруглый паз, предназначенный для установки сердечника, шириной 4,7 см, углубленный до 1,6 см и отделенный от отливаемого орудия ступенькой высотой 0,6 см. Паз прорезают два канала диаметром 1,0 и 0,6 см, являющиеся литниками и, скорее всего, выпором (для отвода газов или металла). Также на плоскости совмещения створок

видны поперечные желобки шириной около 1 мм, размеченные в 9 см от верхнего края полуформы. При этом они не заходят на внешние стороны и, скорее всего, выполняли какую-то другую функцию (вентиляционные каналы, остатки разметки?). Еще один, едва различимый, желобок намечен около середины валика на безушковой стороне негатива.

Негатив ножа вырезан на глубину 0,5 см в районе черенка, 0,6 см в области перекрестия и до 0,2 см по линии ребра. Предназначен для отливки двулезвийного клинка листовидной формы с округлым кончиком, продольным ребром-нервюрой, выемками в верхней части лезвия и кольцевым упором эллипсоидной формы. Длина готового изделия составляла около 13,6 см, ширина – 2,9–3 см, толщина – до 0,4 см, кольцевой упор – 1,9 × 1,2 см.

Для культурно-хронологической атрибуции изделий, которые отливались в данной литейной форме, особое значение имеет расположение двух типологически разных предметов на одной матрице. При этом ножи с кольцевым упором имеют широкий круг аналогий в рамках культур степной полосы Волго-Уралья последней фазы бронзового века. А вот кельт, который отливался в форме, таких параллелей не имеет. Но известна одна подобная комбинированная форма из двух створок из фондов Шадринского музея, найденная на р. Крутишка у с. Макарьевское (*Дмитриев*, 1930). Матрица предназначалась для отливки аналогичного кельта и ножа-бритвы. Судя по ней, вторая створка рассматриваемой формы была симметричной, тем более для подобных кельтов не характерны арочные фаски и «пещерки».

Литейная форма долота (рис. 3; 4: *1*) вырезана на трапециевидном бруске талька серо-розового цвета размерами: длина – 11,7 см, ширина в верхней части – 7,1 см, нижней – 6,1 см, толщина бруска – 2,2–2,8 см. На боковых гранях размечены риски, предназначенные для совмещения створок. В верхней части сохранились в том числе следы, предположительно, «неудачных меток». На широкой плоскости помимо негатива отливаемого предмета прочерчены прямые линии первоначальной разметки ключевых точек изделия: верхнего края и валика втулки, середины и нижнего края. Следует отметить, что линейная разметка в ряде случаев переходит в риски, нанесенные на боковые плоскости. На верхнем торце створки также сохранились следы предварительной разметки в виде двух глубоких линий, маркирующих паз для установки сердечника диаметром 2,7 см. К нему примыкают остатки литника размером 0,9 × 0,6 см. Нижняя торцевая грань створки размечена тремя параллельными линиями, переходящими на широкую плоскость. Две из них расположены на расстоянии 2,3 см друг от друга, что соответствует ширине отливаемого орудия в лезвийной части и совпадает с остатками разметки абриса предмета. Третья риска, вероятно, помечает толщину стенки будущего изделия.

Матрица служила для отливки долота длиной 9,5 см, сужающегося от округлой втулки диаметром 3,1 см к прямому лезвию шириной 2,3 см. К сожалению, отсутствие второй створки не позволяет реконструировать облик орудия, поэтому неизвестно, оно имело желобчатое углубление или другая сторона была симметричной. Мы склоняемся к первому варианту. Дело в том, что на широкой плоскости сохранились риски в срединной части, которые являются следами разметки. Допускаем, что они предназначались для определения уровня

Рис. 3. Шигирский Исток III. Литейная форма долота. Тальк

постановки сердечника. Точно такие же риски можно видеть на лицевой стороне одной из створок для отливки желобчатого долота с Липовой Курьи (*Хлобыстин*, 1976. Рис. 15: *2*). И, как нам кажется, стоит обратить внимание на полоски около втулки, которые напоминают маркировки для выделения валика. В нашем случае такого валика нет, но столь характерная разметка из параллельных линий подсказывает, что он, вероятно, планировался.

По своим культурно-хронологическим характеристикам изделия комплементарны друг другу и являются типичными образцами поздней фазы бронзового века, которые относят к изделиям лобойковско-дербеденевской группы (*Тихонов*, 1960. С. 44, 45; *Бочкарев*, 2017. С. 171–173). Двулезвийные ножи с кольцевым упором в основании черенка известны в комплексах заключительной фазы бронзового века степной и лесостепной полосы Западноазиатской металлургической провинции. Нередко их называют кинжалами киммерийского типа, но, вслед за авторами обобщающей работы, посвященной данной категории артефактов (*Подобед и др*., 2009. С. 3), мы также склоняемся к нейтральному наименованию «ножи с кольцевым упором» (*Черных*, 1976. С. 119–122). Согласно представленной типологии, наш нож относится к группе 2 (*Подобед и др.*, 2009. С. 4, 5). Ближайшие территориально ножи с упором обнаружены на пос. Палатки II (*Викторова*, 2001. Рис. 5: *1*), с. Катайское, оз. Малый Касаргуль, с. Кочневское, с. Троицкое (*Обыденнов, Шорин*, 1995. Рис. 54[)], сел. Хрипуновское 1 (*Дегтярева, Костомарова*, 2011. Рис. 13: *10*), сел. Щетково 2 (*Матвеев, Аношко*,

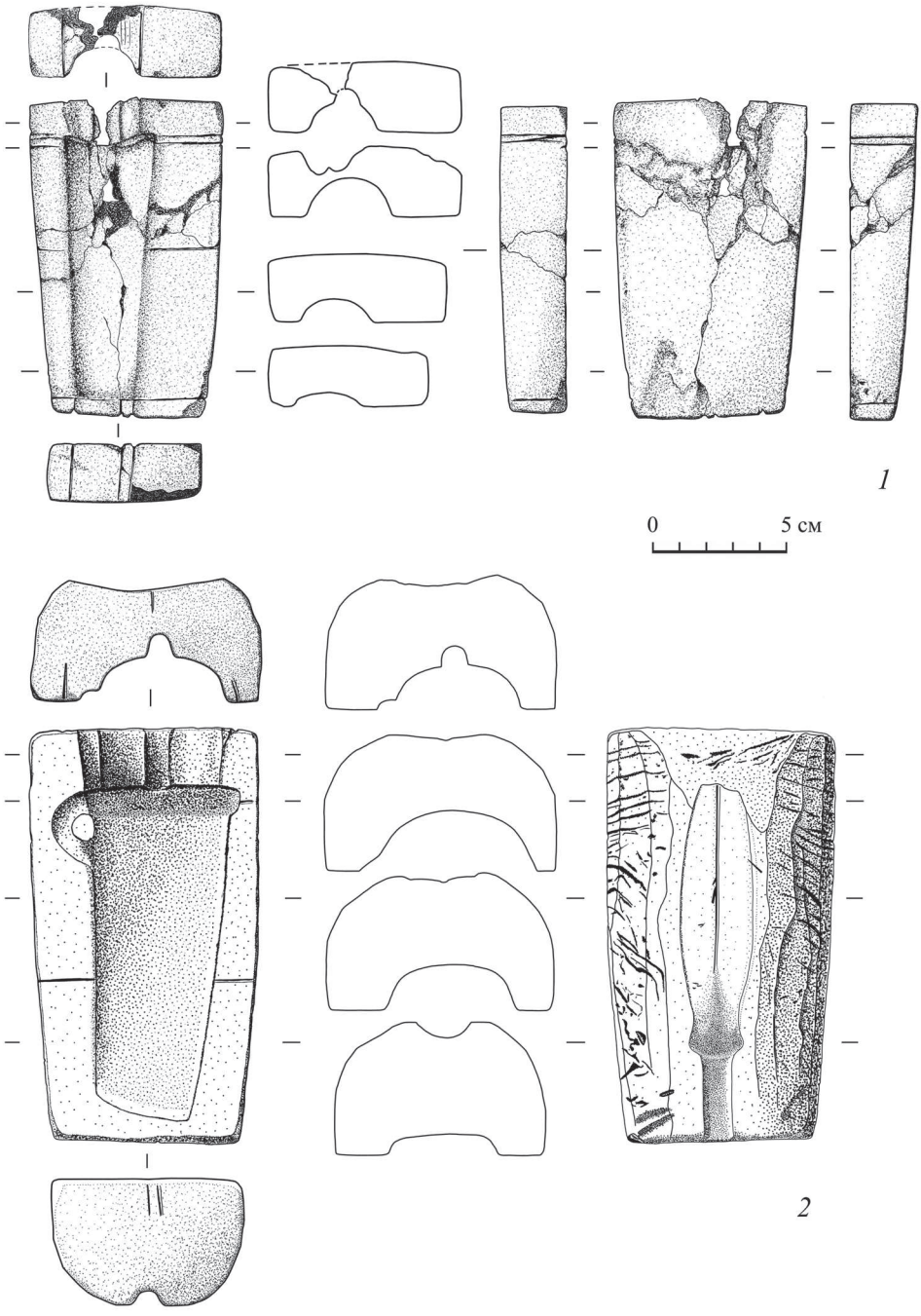


Рис. 4. Шигирский Исток III. Литейные формы. Тальк

2009. Рис. 41: *7*), пос. Синташтинское (*Генинг и др.*, 1992. С. 100. Рис. 41: *15*), мог. Черноозерье 1 (*Генинг, Стефанова*, 1994. Рис. 10: *1*), пос. Алексеевское (*Кривцова-Гракова*, 1948. Рис. 20: *1*), пос. Павловка (*Зданович*, 1988. Табл. 10В: *12*). Все перечисленные предметы связаны с комплексами черкаскульской, бархатовской и алексеевско-саргаринской культур, хронологические диапазоны которых если не полностью, то отчасти совпадают. Не противоречат этому выводу и контексты других известных находок – ирменской, сабатиновской, белозерской культур заключительной фазы бронзового века.

Аналогии кельту нам неизвестны. Но в любом случае он обладает весьма характерными диагностирующими признаками, среди которых – массивность, валик по краю втулки, большая петля, скошенное лезвие. Экземпляры подобного рода вполне сопоставимы с кельтами т. н. дербеденевского типа, распространенными к западу от Урала (*Тихонов*, 1960. С. 44–48; *Черных*, 1970. Рис. 48; *Бочкарев*, 2017. С. 171–174). Но нас более всего интересуют кельты и литейные формы, обнаруженные на территории Зауралья и соотносимые с уже упомянутыми черкаскульской, пахомовской и алексеевско-саргаринской культурами. Находок подобного рода здесь немного, а имеющиеся составляют весьма вариативный ряд: пос. Кизильское (*Стоколос*, 2004. Рис. 5), Чебаркуль III (*Алаева*, 2019. Рис. 1: *6*), пос. Кокшарово (*Старков*, 1970. Рис. 4: *4*), остров Сосновый на Аятском озере (*Спиридонов*, 2020. Рис. 1), Чесноковская Пашня (*Сальников*, 1967. Рис. 58: *16*), на р. Канаш, у с. Катайское, с. Кочневское, Ирбитское озеро, гора Караульная, оз. Карагуз в лесостепном Зауралье (*Черных*, 1970. Рис. 48), Усть-Терсюкский 2 могильник (*Матвеева, Костомаров*, 2009. Рис. 5), случайная находка на р. Пышме (*Чикунова*, 2020. Рис. 3). Вполне уместно в этом перечне отметить глиняные реплики кельтов памятника Сузгун II (*Галкин*, 1989. Рис. 32: *4*) и кельты в составе культового комплекса Тартас-1 (*Молодин и др.*, 2020. Рис. 3: *4*). Перечисленные изделия не составляют какой-то устойчивой серии, здесь есть кельты с т. н. пещеркой, слепой втулкой и арочной фаской, с лобным ушком-петелькой, с боковым ушком-петелькой, безушковые. Далеко не все из них обладают надежным культурным контекстом, но половина из представленного перечня соотносится с комплексами андроноидной общности.

Культурно-хронологическую позицию шигирской матрицы дополняет упомянутая выше форма с р. Крутишка у с. Макарьевское (Курганская область, Далматовский район), предназначенная для отливки аналогичного шигирскому топора-кельта и ножа-бритвы (*Дмитриев*, 1930). Подобные ножи-бритвы являются типичным атрибутом культур поздней бронзы и относятся к т. н. терешковскому типу В6 (*Тутаева*, 2014. С. 182). Для них характерны раздвоенные клинки с расширенной верхней частью и наличие объемного упора для рукоятки. Этот наиболее многочисленный тип бритв представлен в комплексах андроноидной общности и культур валиковой керамики (Там же. С. 184, 185. Рис. 1: *4–13, 22*).

Гораздо больше параллелей у долота, которое соответствует разряду Т-20, по классификации Е. Н. Черных (*Черных*, 1976. С. 109), или отчасти типу 62, по классификации В. С. Бочкарева (*Бочкарев*, 2017. С. 192). Подобные предметы имели широкое распространение в культурах заключительной фазы Западно-

азиатской металлургической провинции (*Аванесова*, 1991. Рис. 37; *Дегтярева, Костомарова*, 2011. С. 31, 32). В лесостепном и лесном Зауралье их известно не так много. Отсутствие второй створки заставляет нас быть осторожными в поисках непосредственных аналогий. Но в любом случае, контекстные находки подобного типа, среди которых значатся Перелески, Карлуга, Ново-Никольское, Шамшинский и Омский клады (*Аванесова*, 1991. Рис. 37: *7–13, 16, 17*), Черемуховый Куст (*Зах*, 1995. Рис. 39: *9*), в большинстве своем сопряжены с памятниками черкаскульской и алексеевско-саргаринской культур. Реперной в этом плане является форма для отливки желобчатого долота с пос. Липовая Курья в горно-лесном Зауралье (*Хлобыстин*, 1976. Рис. 15: *1, 2*), археологический контекст которой связан с черкаскульской культурой.

Достаточно определенная хронологическая позиция металлических реплик, для изготовления которых были предназначены данные формы, коррелируется с керамическими собраниями эпохи бронзы памятника Шигирский Исток III, представленными коллекциями коптяковской и черкаскульской культур. Черкаскульская керамика существенно преобладает (ср.: 115 и 30 фрагментов соответственно). Металлокомплекс коптяковской культуры в горно-лесном Зауралье в настоящее время является наиболее представительным (*Корочкова и др.*, 2020. Рис. 23–32; 52–55). Кельты, долота и ножи тех типов, которые отливались в публикуемых изделиях, в его состав не входят. Это позволяет с высокой долей уверенности связывать матрицы пос. Шигирский Исток III с черкаскульской культурой.

Черкаскульская керамика представлена характерными экземплярами сосудов горшечной и горшечно-баночной формы с обильной примесью талька (рис. 5). Шейка сосудов обычно короткая, тулово слабо раздутое, днища плоские. Орнамент представляет комбинации бордюров из зигзагов, разнонаклонных оттисков, треугольников и меандровидных фигур. Преобладает гребенчатая и резная техника орнаментации. Единичные сосуды украшены маленькими круглыми ямками и фигурными скобками (рис. 5: *1*), что является особенностью черкаскульских комплексов северного ареала и адресует к особенностям орнаментики культур таежной зоны.

Столь очевидная взаимосвязь литейных форм с черкаскульским комплексом существенно дополняет портрет не только собственно этой культуры, но и представления о динамике металлопроизводства эпохи бронзы в горно-лесном Зауралье. Сложившийся в первой трети II тыс. до н. э. коптяковско-сейминский центр свидетельствует об укоренившихся здесь технологиях, которые опирались на местные сырьевые источники (*Корочкова*, 2023. С. 75–79). Неясным остается вопрос об исторических судьбах данного центра, так как собственно металлические орудия черкаскульской культуры, генетически связанной с коптяковской, крайне немногочисленны. Находки литейных форм в месте, находившемся в эпицентре сырьевой базы коптяковско-сейминского центра (Калатинская группа меднорудных месторождений), переводят проблему наследования традиций носителей этого центра мастерами черкаскульской культуры из гипотетической в реальную. Конструктивные особенности литейных форм, в частности система литниковых каналов, а также типология отливавшихся в них изделий, адресуют к достижениям мастеров степной зоны.

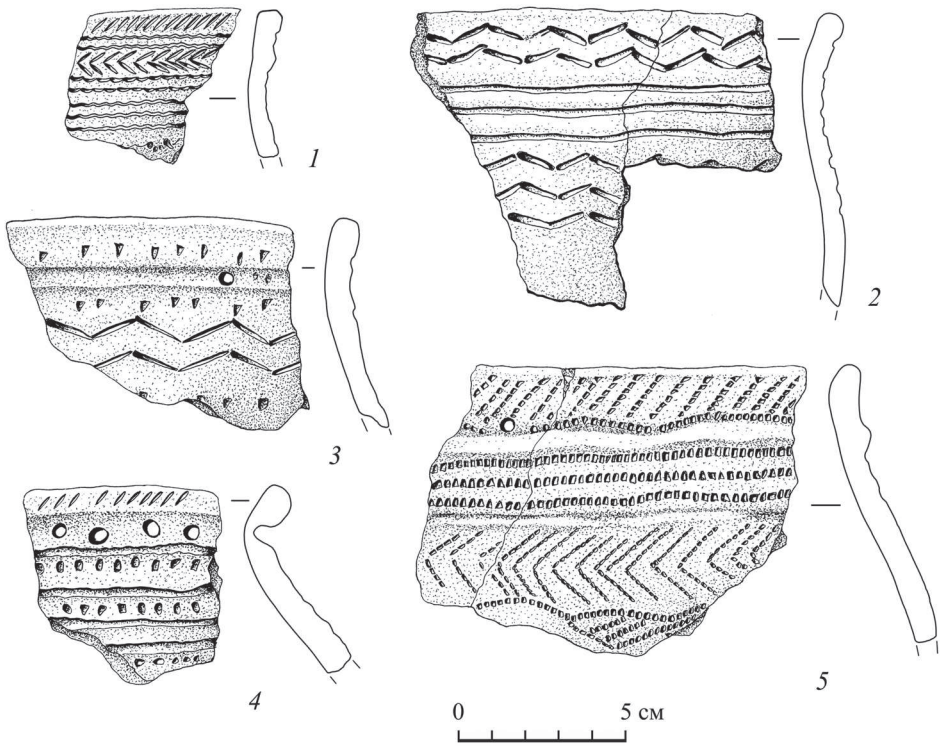


Рис. 5. Шигирский Исток III. Керамика черкаскульской культуры

В поиске параллелей мы ориентировались, прежде всего, на ближайшие в территориальном и культурном отношении свидетельства и намеренно уходили от детальной оценки публикуемых предметов в рамках лобойковско-дербеденевского горизонта, поскольку предметы этих типов ассоциируются прежде всего с европейскими археологическими феноменами. Полагаем, что к востоку от Урала разворачивалась собственная история развития металлопроизводства, основанная на развитии достижений сейминско-турбинских традиций втульчатого литья на основе оловянных сплавов и усвоения традиций своего времени, которые сформировались в степной зоне. В. С. Бочкарев уверенно связывает находки подобного типа с черкаскульскими, сусканскими комплексами (*Бочкарев*, 2017. С. 172, 173). Е. Н. Черных в свое время аргументировал их принадлежность культурам общности валиковой керамики (*Черных*, 1983). Полагаем, что круг пользователей стоит расширить и включать в него носителей пахомовской, сузгунской, бархатовской культур. Столь заметный восточный шлейф на территории, в том числе удаленный от источников сырья, актуализирует проблему производящих центров, универсальных и специфических алгоритмов металлопроизводства на северной окраине Западноазиатской провинции.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесова Н. А., 1991. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент: ФАН. 200 с.

Алаева И. П., 2019. Металлические орудия и изделия финала бронзового века Южного Зауралья // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): материалы Междунар. конф.: К 100-летию отечественной академической археологии. Т. II. СПб.: ИИМК РАН. С. 270–272.

Бочкарев В. С., 2017. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // SP. № 2. С. 159–204.

Викторова В. Д., 2001. Погребальные комплексы на острове Каменные Палатки // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 4. Екатеринбург: Банк культурной информации. С. 95–107.

Галкин В. Т., 1989. Сузгунско-лозьвинские поселения в Тобольском Прииртышье // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков / Ред. М. Ф. Косарев и др. Тюмень: Тюменский гос. ун-т. С. 129–136.

Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В., 1992. Синташта: Археологические памятники арийских племен урало-казахстанских степей. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во. 408 с.

Генинг В. Ф., Стефанова Н. К., 1994. Черноозерье I – могильник эпохи бронзы среднего Прииртышья. Екатеринбург: Уральский ун-т. 66 с.

Дегтярева А. Д., Костомарова Ю. В., 2011. Металл позднего бронзового века лесостепного Притоболья // ВААЭ. № 1 (14). С. 30–45.

Дмитриев П. А., 1930. Литейная форма Шадринского музея музея // Техника обработки камня и металла. М.: Рос. ассоц. науч.-исслед. ин-тов обществ. наук. С. 53–60. (Тр. секции археологии Ин-та археологии и искусствознания; 5.)

Зах В. А., 1995. Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск: Наука. 96 с.

Зданович Г. Б., 1988. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск: Уральский ун-т. 184 с.

Корочкова О. Н., 2023. Среднее Зауралье и Западная Сибирь: от эпохи камня к эпохе металла // ПА. № 3. С. 70–83.

Корочкова О. Н., Стефанов В. И., Спиридонов И. А., 2020. Святилище первых металлургов Среднего Урала. Екатеринбург: Уральский ун-т. 214 с.

Кривцова-Гракова О. А., 1948. Алексеевское поселение и могильник // Археологический сборник. М. С. 59–172. (Тр. ГИМ; вып. 17.)

Матвеев А. В., Аношко О. М., 2009. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень: Тюменский дом печати. 416 с.

Матвеева Н. П., Костомаров В. М., 2009. К вопросу об особенностях погребального обряда населения пахомовской культуры лесостепи Западной Сибири // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. № 1. С. 15–25.

Молодин В. И., Ефремова Н. С., Дураков И. А., Ненахов Д. А., Бобин Д. Н., 2020. Металлические приклады святилища восточного варианта пахомовской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 26. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 493–500.

Обыденнов М. Ф., Шорин А. Ф., 1995. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург: Уральский ун-т. 196 с.

Подобед В. А., Усачук А. Н., Цимиданов В. В., 2009. Ножи эпохи поздней бронзы с кольцевым упором из Центральной Азии и Сибири и их западные аналогии // Древности Сибири и Центральной Азии. Т. 1–2 (13–14). Горно-Алтайск. С. 3–16.

Сальников К. В., 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука. 408 с.

Спиридонов И. А., 2020. Роль инокультурного компонента в формировании морфологических особенностей черкаскульско-межовского металлокомплекса // Геоархеология и археологическая минералогия. Т. 7. С. 161–164.

Старков В. Ф., 1970. Кокшарово I – многослойный памятник неолита и бронзы в Среднем Зауралье // СА. № 1. С. 97–107.

Стоколос В. С., 2004. Поселение Кизильское позднего бронзового века на реке Урал (по материалам раскопок 1971, 1980, 1981 гг.) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия 1: Исторические науки. № 2. С. 207–236.

Тихонов Б. Г., 1960. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // *Тихонов Б. Г., Гришин Ю. С.* Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. М.: АН СССР. С. 5–115. (МИА; № 90.)

Тутаева И. Ж., 2014. Металлические бритвы эпохи поздней бронзы Восточной Европы // Российский археологический ежегодник. Вып. 4. СПб. С. 175–193.

Хлобыстин Л. П., 1976. Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье. Л.: Наука. 64 с.

Чаиркина Н. М., Савченко С. Н., Сериков Ю. Б., Литвяк А. С., 2001. Археологические памятники Шигирского торфяника. Екатеринбург: Банк культурной информации. 194 с.

Черных Е. Н., 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука. 180 с. (МИА; № 172.)

Черных Е. Н., 1976. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука. 301 с.

Черных Е. Н., 1983. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г. Б. Зданович. Челябинск: Башкирский ун-т: Челябинский ун-т. С. 81–99.

Чикунова И. Ю., 2020. Случайная находка литейной формы эпохи поздней бронзы на р. Пышме // ВААЭ. № 2 (49). С. 29–37.

Сведения об авторах

Корочкова Ольга Николаевна, Уральский федеральный университет, ул. Мира, 19, Екатеринбург, 622002, Россия; e-mail: Olga.Korochkova@urfu.ru;

Спиридонов Иван Андреевич, Уральский федеральный университет, ул. Мира, 19, Екатеринбург, 622002, Россия; e-mail: Z-is5@mail.ru

O. N. Korochkova, I. A. Spiridonov

FINDS OF BRONZE AGE CASTING MOLDS IN THE MOUNTAINOUS-FOREST BELT OF THE TRANS-URALS

Abstract. The publication focuses on the findings of two talc casting molds discovered at the destroyed settlement of Shigirsky Istok III in the Sverdlovsk region. The first mold is a combined one. It was designed for casting an asymmetrical celt with a beveled cutting edge and a roller along the socket edge, whereas the other part was used for casting a two-bladed knife-dagger with an annular stop near the handle. The other mold was used for casting chisels. The analyzed contexts and analogies suggest that they can be attributed to the Cherkaskul culture of the Bronze Age with sufficient certainty. These artifacts may be considered the evidence of development of traditions related with the local metal production center and integration into the system of cultural links of the final stage of the West Asian metallurgical province.

Keywords: Urals, West Asian metallurgical province, one-loop celt, knife with an annular stop, socketed chisel, Cherkaskul culture.

REFERENCES

Alaeva I. P., 2019. Metallicheskie orudiya i izdeliya finala bronzovogo veka Yuzhnogo Zaural'ya [Metal tools and items of final Bronze Age of South Trans-Urals]. *Drevnosti Vostochnoy Evropy, Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v kontekste svyazey i vzaimodeystviy v evraziyskom kul'turnom prostranstve (novye dannye i kontseptsii) [Antiquities of Eastern Europe, Central Asia and South*

Siberia in context of relations and interactions in Eurasian cultural space (new data and concepts)], II. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 270–272.

Avanesova N. A., 1991. Kul'tura pastusheskikh plemen epokhi bronzy aziatskoy chasti SSSR [Culture of Bronze Age pastoral tribes of Asian part of the USSR]. Tashkent: Fan. 200 p.

Bochkarev V. S., 2017. Etapy razvitiya metalloproizvodstva epokhi pozdney bronzy na yuge Vostochnoy Evropy [Stages of development of Late Bronze Age metal production in the South of Eastern Europe]. *SP*, 2, pp. 159–204.

Chairkina N. M., Savchenko S. N., Serikov Yu. B., Litvyak A. S., 2001. Arkheologicheskie pamyatniki Shigirskogo torfyanika [Archaeological sites of Shigir peat bog]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii. 194 p.

Chernykh E. N., 1970. Drevneyshaya metallurgiya Urala i Povolzh'ya [Earliest metallurgy of Urals and Volga region]. Moscow: Nauka. 180 p. (MIA, 172.)

Chernykh E. N., 1976. Drevnyaya metalloobrabotka na Yugo-Zapade SSSR [Early metalworking in the South-West of the USSR]. Moscow: Nauka. 301 p.

Chernykh E. N., 1983. Problema obshchnosti kul'tur valikovoy keramiki v stepyakh Evrazii [Problem of entity of cultures with roller ceramics in steppes of Eurasia]. *Bronzovyy vek stepnoy polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya [Bronze Age of steppe zone of Ural-Irtysh interfluve]*. G. B. Zdanovich, ed. Chelyabinsk: Bashkirskiy gos. universitet: Chelyabinskiy gos. universitet, pp. 81–99.

Chikunova I. Yu., 2020. Sluchaynaya nakhodka liteynoy formy epokhi pozdney bronzy na r. Pyshme [Isolated find of Late Bronze Age casting mold on Pyshma river]. *VAAE*, 2 (49), pp. 29–37.

Degtyareva A. D., Kostomarova Yu. V., 2011. Metall pozdnego bronzovogo veka lesostepnogo Pritobol'ya [Late Bronze Age metal of Tobol forest-steppe region]. *VAAE*, 1 (14), pp. 30–45.

Dmitriev P. A., 1930. Liteynaya forma Shadrinskogo muzeya [Casting mold from Shadrinsk museum]. *Tekhnika obrabotki kamnya i metalla [Technique of stone and metal processing]*. Moscow: Rossiyskaya assotsiatsiya nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk, pp. 53–60. (Trudy sektsii arkheologii Instituta arkheologii i iskusstvoznaniya, 5.)

Galkin V. T., 1989. Suzgunsko-loz'vinskie poseleniya v Tobolskom Priirtysh'e [Suzgun-Loz'va settlements in Tobol Irtysh region]. *Zapadnosibirskaya lesostep' na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov [West Siberian forest-steppe at the turn of Bronze and Iron Ages]*. M. F. Kosarev, ed. Tyumen: Tyumenskiy gos. universitet, pp. 129–136.

Gening V. F., Stefanova N. K., 1994. Chernoozer'e I – mogil'nik epokhi bronzy srednego Priirtysh'ya [Chernoozer'e I – Bronze Age cemetery in Middle Irtysh region]. Ekaterinburg: Ural'skiy universitet. 66 p.

Gening V. F., Zdanovich G. B., Gening V. V., 1992. Sintashta: Arkheologicheskie pamyatniki ariyskikh plemen uralo-kazakhstanskikh stepey [Sintashta: Archaeological sites of Aryan tribes in Ural-Kazakh steppes]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatelstvo. 408 p.

Khlobystin L. P., 1976. Poselenie Lipovaya Kur'ya v Yuzhnom Zaural'e [Lipovaya Kur'ya settlement in South Trans-Urals]. Leningrad: Nauka. 64 p.

Korochkova O. N., 2023. Srednee Zaural'e i Zapadnaya Sibir': ot epokhi kamnya k epokhe metalla [Middle Urals and Western Siberia: from age of stone to age of metal]. *PA*, 3, pp. 70–83.

Korochkova O. N., Stefanov V. I., Spiridonov I. A., 2020. Svyatilishche pervykh metallurgov Srednego Urala [Sanctuary of the first metallurgists in Middle Urals]. Ekaterinburg: Ural'skiy universitet. 214 p.

Krivtsova-Grakova O. A., 1948. Alekseevskoe poselenie i mogil'nik [Alekseevskoe settlement and cemetery]. *Arkheologicheskiy sbornik [Archaeological collection]*. Moscow, pp. 59–172. (Trudy GIM, 17.)

Matveev A. V., Anoshko O. M., 2009. Zaural'e posle andronovtsev: Barkhatovskaya kul'tura [Trans-Urals after the Andronovo people: Barkhatovskaya culture]. Tyumen: Tyumenskiy dom pechati. 416 p.

Matveeva N. P., Kostomarov V. M., 2009. K voprosu ob osobennostyakh pogrebal'nogo obryada naseleniya pakhomovskoy kul'tury lesostepi Zapadnoy Sibiri [On features of burial rite of Pakhomovskaya culture population of Western Siberia forest-steppe]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates [Bulletin of Tyumen state university. Studies in Humanities. Humanitates]*, 1, pp. 15–25.

Molodin V. I., Efremova N. S., Durakov I. A., Nenakhov D. A., Bobin D. N., 2020. Metallicheskie priklady svyatilishcha vostochnogo varianta pakhomovskoy kul'tury [Metal sets in sanctuary

of eastern version of Pakhomovskaya culture]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Issues of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]*, 26. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 493–500.

Obydennov M. F., Shorin A. F., 1995. Arkheologicheskie kul'tury pozdnego bronzovogo veka drevnikh ural'tsev (cherkaskul'skaya i mezhovskaya kul'tury) [Late Bronze Age archaeological cultures of ancient Uralians (Cherkaskul and Mezhovka cultures)]. Ekaterinburg: Ural'skiy universitet. 196 p.

Podobed V. A., Usachuk A. N., Tsimidanov V. V., 2009. Nozhi epokhi pozdney bronzy s kol'tsevym uporom iz Tsentral'noy Azii i Sibiri i ikh zapadnye analogii [Late Bronze Age knives with ring stop from Central Asia and Siberia and their Western analogies]. *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noy Azii [Antiquities of Siberia and Central Asia]*, 1–2(13–14). Gorno-Altaysk, pp. 3–16.

Salnikov K. V., 1967. Ocherki drevney istorii Yuzhnogo Urala [Essays of ancient history of South Urals]. Moscow: Nauka. 408 p.

Spiridonov I. A., 2020. Rol' inokul'turnogo komponenta v formirovanii morfologicheskikh osobennostey cherkaskul'sko-mezhovskogo metallokompleksa [Role of alien ethnocultural component in formation of morphological features of Cherkaskul-Mezhovka metal complex]. *Geoarkheologiya i arkheologicheskaya mineralogiya [Geoarchaeology and archaeological mineralogy]*, 7, pp. 161–164.

Starkov V. F., 1970. Koksharovo I – mnogosloynyy pamyatnik neolita i bronzy v Srednem Zaural'e [Koksharovo I – a multi–layer Neolithic and Bronze Age site in Middle Trans-Urals]. *SA*, 1, pp. 97–107.

Stokolos V. S., 2004. Poselenie Kizil'skoe pozdnego bronzovogo veka na reke Ural (po materialam raskopok 1971, 1980, 1981 gg.) [Late Bronze Age Kizilskoe settlement on Ural river (materials from 1971, 1980, 1981 excavations)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 1: Istoricheskie nauki [Bulletin of Chelyabinsk state pedagogical university. Series 1: Historical sciences]*, 2, pp. 207–236.

Tikhonov B. G., 1960. Metallicheskie izdeliya epokhi bronzy na Srednem Urale i v Priural'e [Bronze Age metal items in Middle and Western Urals]. *Tikhonov B. G., Grishin Yu. S. Ocherki po istorii proizvodstva v Priural'e i Yuzhnoy Sibiri v epokhu bronzy i rannego zheleza [Essays on history of production in Urals and South Siberia in Bronze and Early Iron Ages]*. Moscow: AN SSSR, pp. 5–115. (MIA, 90.)

Tutaeva I. Zh., 2014. Metallicheskie britvy epokhi pozdney bronzy Vostochnoy Evropy [Late Bronze Age metal razors in Eastern Europe]. *Rossiyskiy arkheologicheskiy ezhegodnik [Russian archaeological annual]*, 4. St. Petersburg, pp. 175–193.

Viktorova V. D., 2001. Pogrebal'nye kompleksy na ostrove Kamennye Palatki [Burial associations on the island Kamennye Palatki]. *Okhrannye arkheologicheskie issledovaniya na Srednem Urale [Protection archaeological research in Middle Urals]*, 4. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii, pp. 95–107.

Zakh V. A., 1995. Poselok drevnikh skotovodov na Tobole [Early stock-breeders' settlement on Tobol]. Novosibirsk: Nauka. 96 p.

Zdanovich G. B., 1988. Bronzovyy vek Uralo-Kazakhstanskikh stepey (osnovy periodizatsii) [Bronze Age of Ural-Kazakh steppes (fundamentals of periodization)]. Sverdlovsk: Ural'skiy universitet. 184 p.

About the authors

Korochkova Olga N., Ural Federal University, ul. Mira, 19, Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: Olga.Korochkova@urfu.ru;

Spiridonov Ivan A., Ural Federal University, ul. Mira, 19, Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: Z-is5@mail.ru

А. А. Горошников, А. Л. Пелих, Т. Н. Смекалова

КОМПЛЕКС СЕРПОВ С ПОСЕЛЕНИЯ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ПАНАГИЯ 1 (ТАМАНСКИЙ ПОЛУОСТРОВ): МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ[1]

Резюме. В статье вводится в научный оборот и характеризуется комплекс из двух серпов (целого и обломка), найденный на поселении Панагия 1 на Таманском полуострове. Комплекс уникален – это второй клад, содержащий предметы прикубанского очага металлопроизводства позднего бронзового века, который документально четко зафиксирован в культурном слое поселения. Целый серп клада был сильно сжат пополам, образуя узкое пространство, внутри которого был обломок второго серпа – такое складывание серпов известно в зоне прикубанского очага металлопроизводства, причем в его ранней группе. Целый серп является важным свидетельством существования серпов с плавно, симметрично изогнутой спинкой и низкой дугой не только на раннем, ахметовском, но и на среднем, удобненском, этапе прикубанского очага металлопроизводства. Удобненский этап синхронизируется с поздней сабатиновской культурой. Состав сплава серпов изучен методом рентгено-флуоресцентного безэталонного анализа. Серпы изготовлены из меди с добавлением небольшого (около 1,5 %) количества мышьяка. Подобные сплавы характерны для кубанского металлопроизводства эпохи поздней бронзы.

Ключевые слова: поселение Панагия 1, комплекс серпов, прикубанский очаг металлургии и металлообработки.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-68-00010 «Палеоэкология и палеоэкономика древнего населения Крыма: хозяйственные модели в меняющихся природных условиях и вклад древней антропогенной деятельности в формирование современного почвенного покрова региона», https://rscf.ru/project/22-68-00010/

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.275.146-162

В последнее десятилетие наши знания о позднем бронзовом веке (далее – ПБВ) Таманского полуострова существенно расширились в результате масштабных археологических работ, связанных с развитием инфраструктуры Тамани и Крыма (более подробно см.: *Сударев*, 2020. С. 68–73). Активно вводятся в научный оборот новые данные о памятниках и знаковых находках. При этом обобщающие работы по поселенческим памятникам ПБВ микрорегиона и металлическим изделиям, обнаруженным на них, редки: комплексно введены в научный оборот пока только подобные данные по поселению Балка Лисовицкого IV (*Кияшко*, 2020).

С конца прошлого десятилетия публикуются материалы непрерывных раскопок поселения Панагия 1 – наиболее масштабно исследованного памятника ПБВ на территории Восточной Европы. В частности, данные антропологических (*Абрамова и др.*, 2020. С. 5–11) и археозоологических исследований (*Горошников и др.*, 2021), технико-технологического анализа керамики (*Клемешова и др.*, 2022), а также данные о таких категориях находок, как глиняные поделки (*Горошников, Горошникова*, 2021а), костяные (*Усачук и др.*, 2023) и металлические изделия (*Кияшко, Горошников*, 2020; *Леонов и др.*, 2023. С. 56).

Поселение расположено в юго-западной части Таманского полуострова, в урочище Холодная Долина (рис. 1: *1*). Выявлено в 2017 г., исследуется с 2017 г. по настоящее время, с перерывом на пандемийный 2020 г. (*Горошников*, 2018; *Горошников, Горошникова*, 2020; 2022). Всего к настоящему времени раскопано свыше 17 га его территории. В пределах исследованной площади изучены особенности планиграфии, на основе полученных материалов сделаны выводы касательно его хронологии. Поселение представляет собой в основе однослойный памятник, который относится к позднесабатиновскому – раннебелозерскому периодам и может быть датирован в пределах XIII–X вв. до н. э. На территории памятника открыты также единичные объекты эпохи средней бронзы, финала среднего бронзового века – ранней фазы позднего бронзового века, погребения эпохи античности, средневековья, а также участок средневекового кочевья. Однако именно указанные позднесабатиновский и раннебелозерский периоды существования памятника являются наиболее представительными: находки этого времени наполняют всю изученную площадь поселения (*Усачук и др.*, 2023. С. 36, 37).

В полевом сезоне 2022 г. археологические исследования памятника проводились в центральной части его территории, определенной по итогам разведочных работ 2021 г. (*Горошников, Горошникова*, 2021б). Общая площадь раскопа № 6 составила 6,38 га.

В юго-западной части раскопа, практически у его границы, в квадрате 156 был обнаружен комплекс, состоявший из двух бронзовых серпов – целого и обломка (рис. 1: *2*; 2). Предметы зафиксированы в культурном слое, представлявшем собой плотный суглинок серо-коричневого цвета, на глубине 6,28 м от R_0.

Комплекс был обнаружен на примерно равном удалении от ямы 149, прослеженной на материке по верхнему краю на глубине 6,80–6,84 м от R_0 и от камней объекта 84. При этом обратим внимание на связку объектов 83, 84 и 94, представлявших собой на момент фиксации однорядные и разреженные наброски, состоявшие из мелких песчаниковых расслоенных обломков (рис. 1: *2*).

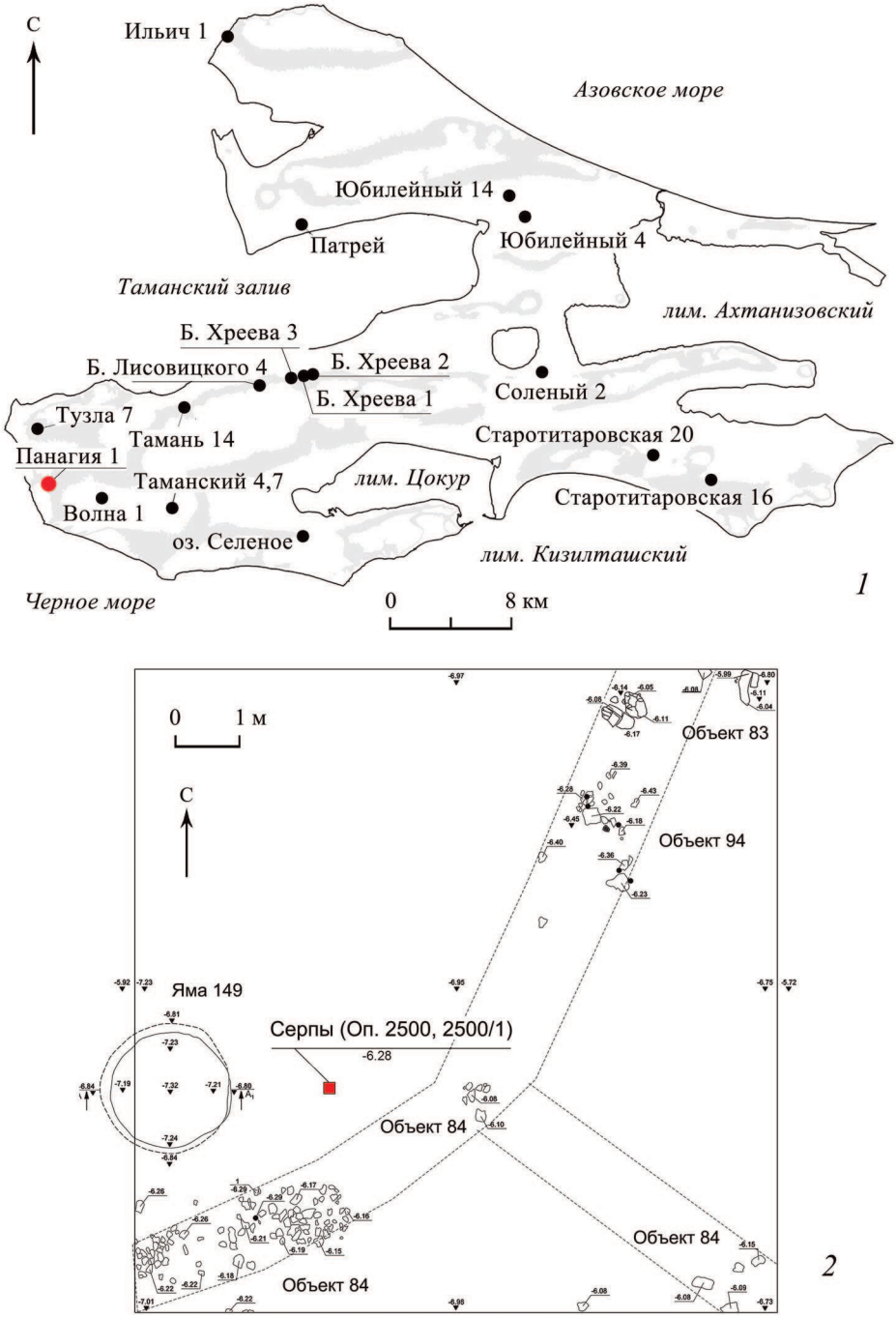


Рис. 1. Поселение Панагия 1. Место обнаружения комплекса серпов

1 – местонахождение поселения на карте Таманского полуострова; *2* – план квадрата, где были обнаружены серпы

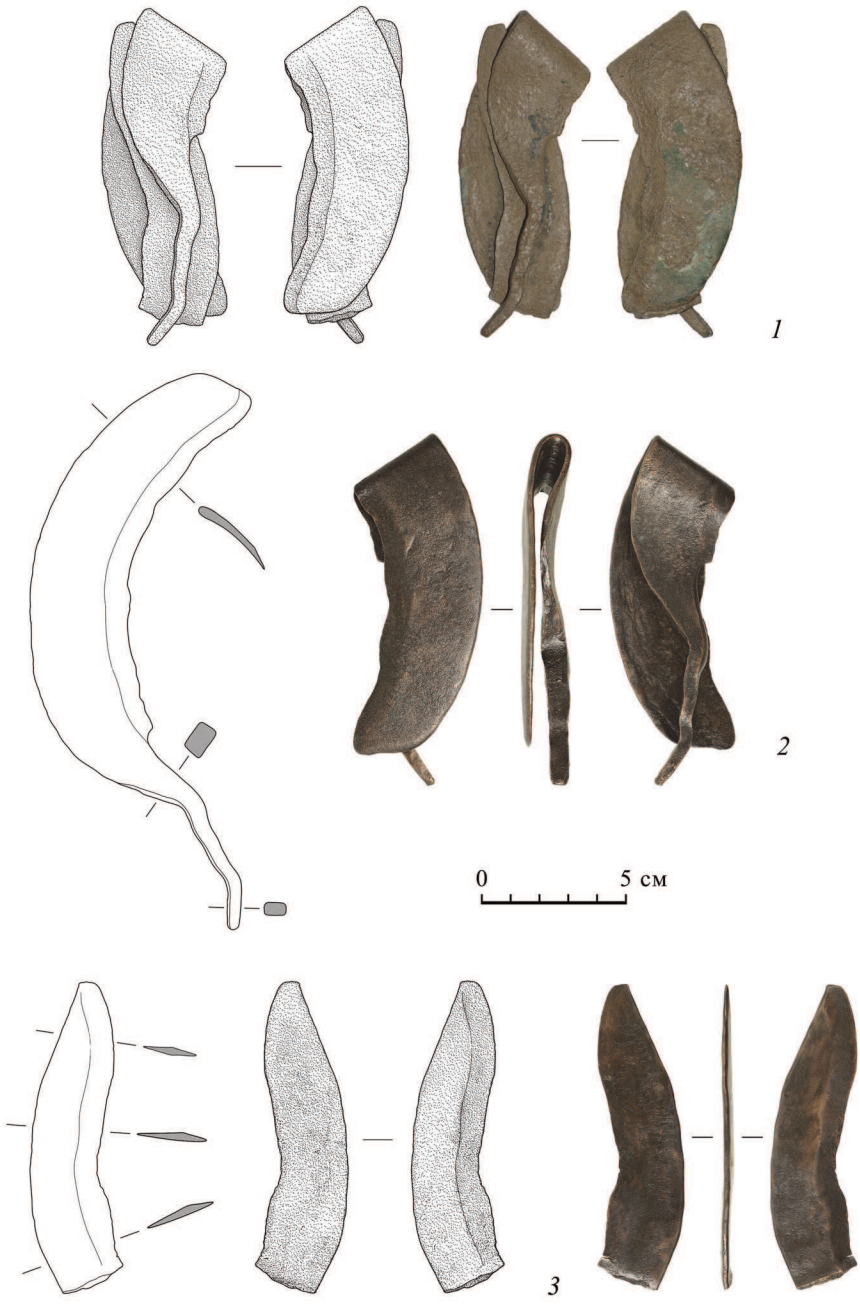


Рис. 2. Серпы из клада с поселения Панагия 1

1 – фотография и рисунок до реставрации; *2* – фотография и рисунок (реконструкция) серпа № 1 (Оп. 2500); *3* – фотография и рисунок серпа № 2 (Оп. 2500/1)

Учитывая небольшую глубину залегания камней относительно дневной поверхности, можно с уверенностью интерпретировать их как остатки каменного основания постройки, состоявшей из нескольких помещений, разрушенной плантажной распашкой в советский период (либо разобранной в древности), с шириной стен до 1,1–1,3 м, что в целом соотносится с параметрами конструкций, типичных для памятника (рис. 1: *2*, пунктирные линии – предполагаемый контур постройки). Находки, обнаруженные в заполнении между камнями, позволяют отнести объекты 83, 84 и 94 к ПБВ и определить хронологический период их функционирования в пределах XIII–X вв. до н. э., что подтверждает и материал из культурного слоя в пределах квадрата, а также из заполнения хозяйственной ямы 149, зафиксированной на уровне материка. Археологические находки представлены фрагментами каменных орудий (терочников), костяными изделиями и фрагментами керамики с валиковой орнаментацией.

Учитывая взаиморасположение обнаруженного комплекса металлических предметов, хозяйственной ямы и остатков постройки, можно предположить, что серпы были намеренно помещены в фундамент постройки или вблизи стены и затем либо вследствие антропогенного воздействия (распашки), либо естественных процессов были смещены относительно изначального места расположения (принимая во внимание условность нашей реконструкции, мы получаем значение смещения в 0,75 м к северо-западу от стены). Таким образом, комплекс, найденный на памятнике в 2022 г., можно обозначить как клад, депонированный во время существования поселения в позднесабатиновский – раннебелозерский периоды (XIII–X вв. до н. э.), что соотносится и с новым определением понятия «клад» (см.: *Бочкарев, Климушина*, 2022. С. 28). Не исключен и сакральный характер комплекса.

Первый серп (рис. 2: *1, 2*), целый, был сложен пополам и сильно сжат в древности, образуя узкое пространство, внутри которого был обломок второго серпа. Серп имеет плавно и симметрично изогнутую спинку, сжат прокованно-заточенной стороной лезвия наружу. Кроме деформации при сжатии, других древних повреждений предмета не видно, т. е. он до деформации был в рабочем состоянии. Общая длина в выпрямленном виде – 19,6 см. Максимальная длина лезвийной части в выпрямленном виде – 15,1 см, хорда лезвия – 12,2 см, ширина лезвия – до 3,6 см, толщина лезвия – до 3 мм, высота дуги изгиба спинки – 6,8 см, высота дуги лезвия – 3,3 см. Соотношение длины лезвийной части к высоте дуги спинки – 2,2. Вес – 122,6 г. Отлит в односторонней форме. Литье режущей кромки – «под левую руку». Сечение лезвия клиновидное. Покрыт патиной. Литник сглажен, не виден, возможно, был на спинке при переходе к рукояточной части. Откован, лезвие заточено односторонней проковкой (включая нижний край носка). Был в работе – лезвие неровное, возможно, поправлялся ковкой по лезвию для убирания мелких сколов, образовавшихся при работе. Носковая часть скошена в результате эксплуатации. Штырь рукояти образован сильной поперечной сковкой, сковка начиналась там, где кончалась заточка лезвия. Штырь является продолжением лезвия со стороны режущей кромки, немного загнут назад и самый конец – вверх, в сечении прямоугольный.

В описанный серп был вложен обломок лезвийной части (носок) второго серпа (рис. 2: *3*). Сохранившаяся часть спинки лезвия – плавно изогнута. Длина

фрагмента – 11,3 см, ширина лезвия – до 2,8 см, толщина лезвия – до 3,1 см. Вес – 51,3 г. Отлит в односторонней форме. Литье режущей кромки – «под левую руку». Сечение лезвия клиновидное. Покрыт патиной. Откован, лезвие заострено односторонней проковкой (включая носок). На кромке лезвия – следы использования, некрупные сколы.

Морфологически данные орудия четко вписываются в серию серпов, являющихся продукцией прикубанского очага металлургии и металлообработки позднебронзового века (далее – ПОММ ПБВ). Целый серп из Панагии 1 относится к группе 2 серпов очага, по А. А. Иессену (*Иессен*, 1951. С. 110), маркирующей ранние, ахметовский и удобненский, этапы ПОММ ПБВ (*Бочкарев*, 1996; *Бочкарев, Пелих*, 2019. Рис. 1). По современной классификации этот предмет относится к варианту А-Iа – серпы с плавно, симметрично изогнутой спинкой и низкой дугой.

Визуально целый серп из Панагии 1 наиболее схож с предметами из комплексов ахметовского этапа ПОММ ПБВ, таких как: Ахметовский клад (*Марковин, Глебов*, 1979. Рис. 2: *3–5*), клад Батарейка (*Сокольский*, 1980. Рис. 1: *19, 21, 32*) и Крыловский клад (*Колотухин*, 2003. Рис. 64: *24*; *Дергачев, Бочкарев*, 2002. Табл. 42: *553*; 43: *560*). Серп из Панагии 1, таким образом, является важным свидетельством продолжения существования варианта серпов с плавно и симметрично изогнутой спинкой и низкой дугой как минимум на следующем, удобненском, этапе ПОММ ПБВ, синхронизируемом с красномаяцким очагом металлообработки, который в основном обслуживал население поздней сабатиновской культуры (Сабатиновка-II) (*Бочкарев*, 2017. С. 174; *Пелих*, 2021. С. 51).

Обломок лезвия, который был вложен в целый серп, морфологически также относится к предметам кубанской позднебронзовой серии.

Обратим внимание, что в зоне распространения изделий прикубанского очага металлопроизводства и до выявленного на Панагии 1 комплекса фиксировались клады серпов, обнаруженные на поселениях. В первую очередь это клад из культурного слоя поселения Балка Лисовицкого IV (Темрюкский район Краснодарского края). Примечательно, что он близок нашему комплексу географически. Этот клад состоит из трех компактно лежавших на западной окраине поселения (на глубине 3-го пласта) бронзовых серпов и фрагмента топора (*Кияшко*, 2020. С. 212, 216. Рис. 5). Серпы отличаются по форме от целого серпа Панагии 1, но также относятся к серии изделий ПОММ ПБВ. Исходя из наличия в кладе обломка вислообушного топора, предположительно урекского типа (*Бочкарев, Пелих*, 2022. С. 108), клад с Балки Лисовицкого IV может быть датирован ранним, ахметовским, этапом ПОММ (*Бочкарев, Пелих*, 2019. С. 179. Рис. 1). То есть данный клад полностью вписывается в хронологический диапазон поселения Балка Лисовицкого IV – от каменской культуры через ранний этап сабатиновской культуры до ее финала (*Кияшко*, 2020. С. 219).

На поселении найден и эпонимный Ахметовский клад, собранный вблизи ст. Ахметовской Лабинского района Краснодарского края и относящийся к ранней хронологической группе прикубанского очага металлопроизводства. Однако в этом случае мы не можем четко привязать комплекс к слою поселения, тем более что как раз Ахметовское поселение специалистами датируется временем

гораздо более ранним, нежели клад, а именно раннебронзовым веком (*Марковин, Глебов*, 1979. С. 240).

Иная ситуация с кладом серпов, обнаруженным на территории поселения Кишпек 2 в окрестностях с. Чегем Второй Чегемского района Кабардино-Балкарии (*Мокрушин, Нарожный*, 2017. Рис. 3; 2018). Данное поселение, как констатируют его исследователи, преимущественно датируется перв. пол. VII в. до н. э. Авторы публикаций клада помещают его непосредственно в слой поселения, причем связывают этот комплекс с заключительной фазой существования памятника. По их мнению, это клад литейщика, и «в спешке покидая свой дом, владелец не успел захватить с собой уложенные “стопкой” 6 бронзовых серпов» (*Мокрушин, Нарожный*, 2018. С. 59).

Можно согласиться с мнением, что клад серпов с Кишпека 2 является кладом литейщика. На это указывают, в частности, отмеченные авторами его публикации особенности: три серпа из шести не обработаны после отливки, у одного обломан штырь рукояти, у оставшихся двух держаки рукоятей резко загнуты: у одного – назад и вверх, а у другого – перпендикулярно плоскости лезвия и вверх. Как справедливо считают авторы, данная деформация, вероятно, была вызвана необходимостью компактно уложить вещи при сокрытии клада (*Мокрушин, Нарожный*, 2017. С. 303). И, конечно, уже одно это говорит об отсутствии какой-либо спешки при его депонировании.

Нам не известны достоверные находки целых бронзовых серпов в северокавказских памятниках позднейшего предскифского времени и моложе: самые молодые памятники с такими серпами в регионе относятся к позднебелозерскому этапу. С другой стороны, известен лишь один железный дериват серпа формы прикубанских позднебронзовых из погребения 1 могильника Индустрия 2, VIII – перв. пол. VII в. до н. э. (*Березин, Дударев*, 2004. С. 85–92. Рис. 5: *1*). Нам также не известны клады литейщиков, содержащие продукцию прикубанского очага металлопроизводства, но датирующиеся по находящимся в них предметам некубанских форм временем более поздним, чем эпоха поздней бронзы.

Все это требует от нас с сомнением относиться к четкой привязке клада серпов с территории поселения Кишпек 2 к слою памятника и, тем более, не связывать клад с заключительной фазой существования поселения. Возможно, мы имеем дело с кладом, спрятанным на территории, занятой под поселение значительно позже. Тем более что подобные случаи бывали. Пример тому – клад бронзовых предметов раннего этапа ПОММ ПБВ, найденный на территории поселения античной эпохи в районе г. Берислав на Херсонщине (*Добровольський*, 1948. С. 152–163; *Бочкарев, Пелих*, 2019. Рис. 1).

Для полноты списка упомянем также сведения о возможном происхождении с территории западнокобанского поселения Боргустанского клада бронзовых предметов (*Егоров*, 1951; *Козенкова*, 1989. С. 47). При этом данный клад, исходя из обстоятельств его поступления в музей, к сожалению, достоверно в культурном слое поселения не зафиксирован. Клад относится к поздней, бекешевской, группе ПОММ ПБВ, т. е. он моложе клада с Панагии 1 (*Бочкарев, Пелих*, 2019. С. 179. Рис. 1).

Таким образом, из всех находок кладов, содержащих предметы прикубанского очага металлопроизводства, вводимый нами в научный оборот комплекс

является всего лишь вторым, документально четко зафиксированным в культурном слое поселения. В этом его безусловная уникальность и значимость.

Особо обратим внимание на способ упаковки серпов с Панагии 1: обломок одного серпа был вложен в другой серп, намеренно сложенный пополам и сжатый.

Случаи специальной деформации серпов при их упаковывании в клады, складывание лезвийных частей серпов в 2–3 раза известны в зоне прикубанского очага металлопроизводства и, более того, являются характерными для комплексов его ранней группы[2]. Такие серпы есть в Ахметовском кладе (*Марковин, Глебов*, 1979. Рис. 1; *Дергачев, Бочкарев*, 2002. Табл. 42: *547*), в Таманском (Батарейка) кладе (*Сокольский*, 1980. Рис. 2: *14*; *Дергачев, Бочкарев*, 2002. Табл. 54: *710–712*), Крыловском кладе (*Дергачев, Бочкарев*, 2002. Табл. 42: *553*; 43: *560*) и кладе из Краснодарского музея (Там же. Табл. 43: *569–571*). К этому списку можно добавить, что разломаны на 2–3 части лезвия серпов Балашовского клада удобненской хронологической группы (Там же. Табл. 44: *575–576*; 55: *718*) и Самарского клада ахметовской группы (*Бочкарев*, 1972. Рис. 1: *3*).

Состав металла серпов из клада был изучен методом неразрушающего рентгенофлуоресцентного безэталонного анализа (РФА) в Отделе естественно-научных методов в археологии Крыма Крымского федерального университета с помощью спектрометра Mistral M1 (Bruker). Анализ металла проводился в нескольких точечных областях на поверхности изделий, и затем результаты усреднялись. Время измерения в каждой точке – 20 с. Для анализа было выбрано 10 элементов: медь (Cu), мышьяк (As), олово (Sn), свинец (Pb), сурьма (Sb), никель (Ni), железо (Fe), серебро (Ag), золото (Au), марганец (Mn). Порог чувствительности метода составил 0,01 масс. %. Как показали измерения, в исследуемых предметах золото, марганец, олово и свинец в определяемых количествах в составе сплава не присутствуют (т. е. их менее 0,01 %), поэтому в таблице результатов измерений они не приводятся.

Таблица 1. Состав металла предметов из клада с пос. Панагия 1, измерения с помощью метода РФА, (масс. %)

Предмет	Cu	Fe	Ag	As	Sb	Ni
Серп 1	97,74	0,14	0,14	1,36	0,54	0,08
Серп 2	98,06	0,22		1,57	0,05	0,09

В среде специалистов нет единого мнения о минимальном пороге искусственного легирования древних бронз (см., напр.: *Рындина, Равич*, 2012. С. 5, 6; *Сапрыкина и др.*, 2016. С. 28, 29). Есть точка зрения, что бронзы Северного Кавказа начинаются уже с количества в них мышьяка ≥ 0,3 % (*Барцева*, 1974. Табл. 2). Однако большинство исследователей сходятся во мнении, что бронзами, в частности мышьяковыми, являются сплавы, содержащие выше 1 % легирующего компонента (*Гак и др.*, 2023. С. 268; *Рындина, Равич*, 2012. С. 5, 6).

[2] Благодарим В. С. Бочкарева, обратившего наше внимание на данную особенность.

Как видно из таблицы, серпы клада изготовлены из меди с добавлением небольшого (около 1,5 %) количества мышьяка, позволяющего вместе с тем считать этот элемент искусственной добавкой. В целом, медно-мышьяковые сплавы являются классическими для прикубанского очага металлопроизводства позднебронзового века (*Пелих*, 2003. С. 14). Бронзовые серпы с легирующей добавкой мышьяка появляются на Северном Кавказе в конце среднего бронзового века – на костромском этапе (*Черных*, 1966. С. 104–105; *Пелих и др.*, 2020. С. 20, 21) – и широко представлены в комплексах ПОММ ПБВ на всем протяжении его развития. В частности, для раннего, ахметовского, этапа серпы с легирующей добавкой мышьяка (редко – с дополнительными к As другими легирующими компонентами) являются основными в Ахметовском кладе (As – от 2 до 5,5 %) (*Марковин, Глебов*, 1979. С. 242, 243), кладе Балка Лисовицкого IV (As – от 1 до 6 %) (*Кияшко*, 2020. С. 215), кладе Батарейка (As – от 1 до 4 %) (*Черных*, 1980. С. 152, 153), Самарском кладе (As – от 3 до 4 %) (*Наумов, Миняев*, 1972. С. 90, 91).

К этому списку можно еще добавить сведения о поступившем в Ставропольский музей серпе, возможно, с горы Стрижамент[3]. Это сильно деформированный в древности серп, так же как и целый серп из Панагии 1 с плавно и симметрично изогнутой спинкой, относящийся к ранней группе серпов ПОММ ПБВ. Рентгенофлуоресцентный анализ, проведенный в отделе научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа С. В. Хавриным[4], показал, что данный предмет был отлит из медно-мышьякового сплава с долей As в 4,5–5 % и следовыми включениями других элементов. Для нас этот предмет важен тем, что он как бы замыкает на востоке зону распространения схожих морфологически и по составу металла серпов (с плавно и симметрично изогнутой спинкой; с откованным штырем рукояти; часто – с намеренно деформированным лезвием для удобства складирования; бронзовых – с легирующей добавкой мышьяка), включающую тем самым как Кубань, так и соседние регионы, где фиксируется продукция прикубанского очага металлопроизводства на ранних этапах его существования.

В дальнейшем, на финальных этапах эпохи бронзы, спектр форм серпов, производимых ПОММ ПБВ, расширяется. Основными становятся т. н. коленчатые серпы. При этом состав их металла в целом не меняется: абсолютное большинство поздних серпов прикубанского очага металлопроизводства также сделано из мышьяковой бронзы (см.: Курчанский клад (*Новичихин и др.*, 2022. С. 23–25), Кяфарский клад (*Бочкарев и др.*, 2023. С. 110), клад из урочища Нарат-Эшик (*Нечитайло*, 2000), Ростовский клад, клад из Чубери (*Чартолани*, 1989. С. 105, 177), поселение Кобяково (*Наумов*, 1980. С. 77–78), а также ряд единичных находок).

Немногочисленные исключения – ряд серпов Нарат-Эшикского клада (*Нечитайло*, 2000) и два серпа позднекубанского типа из клада Констанцы (*Черных*,

[3] *Прокопенко Ю. А., Кравцова С. Л.* Находки предметов эпохи бронзы и раннего железного века на склонах горы Стрижамент (Ставропольская возвышенность): доклад на междунар. конф. «X “Анфимовские чтения” по археологии Западного Кавказа: Западный Кавказ в контексте евразийских древностей» (г. Анапа, 23–25 октября 2020 г.)

[4] Благодарим С. В. Хаврина и И. Ж. Тутаеву за помощь в анализе предмета.

1981. С. 22–23) – изготовлены из «чистой» меди без легирующих добавок, что на примере серпов из Констанцы объяснялось Е. Н. Черных отсутствием у кузнеца-литейщика мышьяка для легирования (Там же. С. 24).

В заключение коснемся вопросов интерпретации клада с поселения Панагия 1 как памятника определенной категории.

В структурном отношении клад с поселения Панагия 1 является т. н. чистым кладом, т. е. состоящим из изделий одной категории (*Бочкарев, Климушина*, 2023. С. 115). Состав клада – два предмета первоначально хозяйственного назначения – может говорить об отнесении этого комплекса условно к «хозяйственным» или «ординарным» кладам. При этом, исходя из состояния предметов (это лом, а не изделия, которые можно использовать по их прямому хозяйственному назначению), клад следует скорее отнести к типу кладов литейщиков как особому варианту ординарных кладов (Там же. С. 122). То есть комплекс серпов с Панагии 1 можно трактовать как профанный объект, сокрытый на временное хранение.

С другой стороны, мы не можем исключать и вотивный характер проанализированного комплекса: серпы, входящие в него, могли быть испорчены и фрагментированы намеренно – как бы умерщвлены этим (*Бочкарев, Климушина*, 2022. С. 33). И были принесены в жертву – помещены в фундамент постройки, исследованной на поселении.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова А. Н., Горошников А. А., Горошникова З. В., 2020. Предварительный палеоантропологический анализ населения поздней бронзы Таманского полуострова по материалам поселения Панагия 1 // Древности Кубани: сб. науч. тр. Вып. 24. Ростов-на-Дону; Таганрог: Южный федеральный ун-т. С. 5–11.

Барцева Т. Б., 1974. Цветные сплавы на Северном Кавказе в раннем железном веке // СА. № 1. С. 24–37.

Березин Я. Б., Дударев С. Л., 2004. Новые погребальные комплексы раннежелезного века из Кисловодской котловины // МИАСК. № 4. С. 85–107.

Бочкарев В. С., 1972. Новый клад прикубанских бронз из Ростовской обл. // КСИА. Вып. 132. С. 87–89.

Бочкарев В. С., 1996. Новые данные о Прикубанском очаге металлургии и металлообработки эпохи поздней бронзы // Между Азией и Европой. Кавказ в IV – I тыс. до н. э.: материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. А. Иессена / Науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: ГЭ. С. 96–97.

Бочкарев В. С., 2017. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // SP. № 2. С. 159–204.

Бочкарев В. С., Городовая В. В., Пелих А. Л., 2023. Кяфарский клад бронзовых орудий // АВЕС. Вып. 19. С. 102–118.

Бочкарев В. С., Климушина А. И., 2022. О термине и понятии «Клад» в современной археологической литературе (по европейским материалам эпохи бронзы) // АВЕС. Вып. 18. С. 19–38.

Бочкарев В. С., Климушина А. И., 2023. К вопросу о классификации и культурно-исторической интерпретации кладов металлических изделий эпохи бронзы Северо-Западного Кавказа // АВ. № 38. С. 107–125.

Бочкарев В. С., Пелих А. Л., 2019. Клады с изделиями прикубанского очага металлургии и металлообработки позднего бронзового века // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): материалы Междунар. конф. (18–22 ноября 2019 г.,

Санкт-Петербург). Т. II: Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.): к 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В. С. Бочкарева / Отв. ред.: А. В. Поляков, Е. С. Ткач. СПб.: ИИМК РАН: Невская Типография. С. 179–183.

Бочкарев В. С., Пелих А. Л., 2022. Связи прикубанского очага металлопроизводства периода поздней бронзы с Центральным и Западным Закавказьем // ЗИИМК. № 27. С. 105–116.

Гак Е. И., Луньков В. Ю., Кузьминых С. В., 2023. Химико-аналитическое исследование древнего металла: проблемы корреляции и использования данных // КСИА. Вып. 271. С. 267–280.

Горошников А. А., 2018. Поселение эпохи поздней бронзы Панагия I в юго-западной части Таманского полуострова // Связи и взаимоотношения культур бронзового века Циркумпонтийского региона: новые данные и материалы: тез. докл. круглого стола / Отв. ред. А. Н. Гей. М.: ИА РАН. С. 17–19.

Горошников А. А., Горошникова З. В., 2020. Исследования поселения эпохи поздней бронзы «Панагия I» в юго-западной части Таманского полуострова в 2017–2019 гг. // XV Всероссийская археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы»: материалы конф. / Отв. ред. Е. В. Вдовченков. Ростов-на-Дону; Таганрог: Южный федеральный ун-т. С. 106–115.

Горошников А. А., Горошникова З. В., 2021а. Закрытый комплекс с зооморфным глиняным изделием из раскопок поселения «Панагия I» на Тамани в 2018 г. // Новые материалы и методы археологического исследования: материалы VI конф. молодых ученых / Отв. ред. В. Е. Родинкова. М.: ИА РАН. С. 62–64.

Горошников А. А., Горошникова З. В., 2021б. Разведочные работы на территории поселения Панагия I в 2021 г. // XVI Международная археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы и Восточного Средиземноморья»: материалы конф. / Отв. ред. Е. В. Вдовченков. Ростов-на-Дону; Таганрог: Южный федеральный ун-т. С. 103–106.

Горошников А. А., Горошникова З. В., 2022. Изучение памятников эпохи поздней бронзы на юго-западе Таманского полуострова (по материалам поселения Панагия 1) // Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei: Istorie – Arheologie – Muzeologie. Editia 32. Chişinău: Casa Editorial-Poligrafică «Bons Offices». P. 65–66.

Горошников А. А., Горошникова З. В., Тимонина Г. И., 2021. Анализ остеологического материала из раскопок поселения эпохи поздней бронзы Панагия 1 // XVI Международная археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы и Восточного Средиземноморья»: материалы конф. / Отв. ред. Е. В. Вдовченков. Ростов-на-Дону; Таганрог: Южный федеральный ун-т. С. 107–110.

Дергачев В. А., Бочкарев В. С., 2002. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Высшая антропологическая школа. 348 с.

Добровольський А. В., 1948. Бериславський скарб бронзової доби // Археологія. Т. II. С. 152–163.

Егоров Н. М., 1951. Боргустанский клад 1941 г. // СА. № XV. С. 292–295.

Иессен А. А., 1951. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / Ред. Е. И. Крупнов. М.; Л.: АН СССР. С. 75–124. (МИА; № 23.)

Кияшко А. В., 2020. Поселение эпохи бронзы Балка Лисовицкого IV на Тамани: общий обзор и характеристика металлического инвентаря // АВ. № 30. С. 207–222.

Кияшко А. В., Горошников А. А., 2020. О памятниках белозерской культуры на Таманском полуострове // Волго-Уральский регион от Древности до Средневековья. Материалы VI Нижневолжской междунар. археолог. науч. конф. / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т. С. 40–46.

Клемешова М. Е., Горошников А. А., Горошникова З. В., 2022. Технико-технологический анализ керамики эпохи поздней бронзы поселения Панагия 1 (предварительные результаты) // ДБ. Т. 27. С. 170–180.

Козенкова В. И., 1989. Кобанская культура: западный вариант. М.: Наука. 196 с. (САИ; В 2–5; вып. 3.)

Колотухин В. А., 2003. Поздний бронзовый век Крыма. Киев: Стилос. 139 с.

Леонов Л. Л., Горошников А. А., Горошникова З. В., Антипенко А. В., Смекалова Т. Н., 2023. Рентгено-флуоресцентные исследования состава сплава предметов эпохи поздней бронзы из раскопок поселения Панагия 1 в 2022 г. Предварительное сообщение // Новые материалы и методы археологического исследования: история VS источниковедение: материалы VII конф. молодых ученых / Отв. ред. В. Е. Родинкова. М.: ИА РАН. С. 56–57.

Марковин В. И., Глебов А. И., 1979. Клад бронзолитейщика из окрестностей станицы Ахметовской // СА. № 2. С. 239–245.

Мокрушин В. П., Нарожный Е. И., 2017. Новые материалы предскифского времени с поселения Кишпек-2 в Кабардино-Балкарии // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе: сб. науч. ст. Т. I / Отв. ред.: А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: Алтайский ун-т. С. 297–303.

Мокрушин В. П., Нарожный Е. И., 2018. Клад бронзовых серпов из Кабардино-Балкарии // Связи и взаимоотношения культур бронзового века Циркумпонтийского региона: новые данные и материалы: тез. докл. круглого стола / Отв. ред. А. Н. Гей. М.: ИА РАН. С. 58–59.

Наумов Д. В., 1980. Химическая характеристика металлических изделий кобяковской культуры // *Шарафутдинова Э. С.* Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура). Л.: Наука. С. 77–80. (САИ; вып. 1–11.)

Наумов Д. В., Миняев С. С., 1972. Химический состав металлических предметов Самарского клада // КСИА. Вып. 132. С. 89–91.

Нечитайло А. Л., 2000. Результаты анализа Нарат-Эшикских серпов // XXI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тез. докл. конф. / Ред. А. Б. Белинский. Кисловодск: Наследие. С. 106–107.

Новичихин А. М., Смекалова Т. Н., Сапрыкина И. А., Демченко А. А., 2022. Клад позднего бронзового века из ст. Курчанская: междисциплинарные исследования изделий // ПИФК. № 4. С. 17–36.

Пелих А. Л., 2003. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки и его место в системе межкультурных связей эпохи поздней бронзы Кавказа и Юго-Восточной Европы: автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб. 26 с.

Пелих А. Л., 2021. Бронзовые топоры верхнекубанского типа: хронология и география // Кобанская культурно-историческая общность в контексте древностей Кавказа: памяти д-ра ист. наук В. И. Козенковой: сб. ст. / Ред.: А. А. Малышев, А. Ю. Скаков. М.: МАКС Пресс. С. 44–54.

Пелих А. Л., Сазонов А. А., Черных Ел. Н., 2020. Серп с территории поселения Пшиш // Семнадцатые чтения по археологии Средней Кубани: тез. и докл. / Отв. ред. С. Л. Дударев. Армавир: Дизайн-студия Б. С. 18–22.

Рындина Н. В., Равич И. Г., 2012. О металлопроизводстве майкопских племен Северного Кавказа (по данным химико-технологических исследований) // ВААЭ. № 2 (17). С. 4–20.

Сапрыкина И. А., Кузьминых С. В., Пельгунова Л. А., 2016. Исследование химического состава цветного металла Ананьинского могильника // ПА. № 1 (15). С. 26–40.

Сокольский Н. И., 1980. Таманский клад бронзовых орудий // СА. № 2. С. 144–150.

Сударев Н. И., 2020. Историография изучения памятников эпохи поздней бронзы – раннего железного века Таманского полуострова // XV Всероссийская археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы»: материалы конференции / Отв. ред. Е. В. Вдовченков. Ростов-на-Дону; Таганрог: Южный федеральный ун-т. С. 68–79.

Усачук А. Н., Горошников А. А., Мимоход Р. А., 2023. Костяные орудия первичного цикла работы с шерстью в комплексах позднего бронзового века // АЕС. № 2. С. 36–63.

Чартолани Ш. Г., 1989. К истории нагорья Западной Грузии доклассовой эпохи. Тбилиси: Мецниереба. 267 с.: ил.

Черных Е. Н., 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы М.: Наука. 144 с. (МИА; № 132.)

Черных Е. Н., 1980. О химическом составе металла Таманского клада // СА. № 2. С. 150–154.

Черных Е. Н., 1981. Клад из Констанцы и вопросы балкано-кавказских связей в эпоху поздней бронзы // СА. № 1. С. 19–26.

Сведения об авторах

Горошников Андрей Алексеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: goroshnikov89@bk.ru;

Пелих Алексей Леонидович, Армавирский государственный педагогический университет, ул. Розы Люксембург, 159, Армавир, 352901, Россия; e-mail: pelich1976@mail.ru;

Смекалова Татьяна Николаевна, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского; пр. Академика Вернадского, 4, Симферополь, 295007, Республика Крым, Россия; Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», мкр. Орлова роща, 1, Гатчина, 188300, Россия; e-mail: tnsmek@mail.ru

A. A. Goroshnikov, A. L. Pelikh, T. N. Smekalova

FROM THE LATE BRONZE AGE SETTLEMENT PANAGIA 1 (TAMAN PENINSULA): INTERDISCIPLINARY STUDY

Abstract. The paper introduces into scientific discourse an assemblage of two sickles (one intact sickle and the other preserved in a fragment) found at the Panagia 1 settlement in the Taman peninsula and describes their characteristics. This unique assemblage is the second hoard comprising items from the Kuban Late Bronze Age metal-producing focus that has been reliably recorded in the settlement occupation layer. The intact sickle from the hoard was bent in half, with its two parts compressed together forming a narrow space into which the fragment of the second sickle was placed. Such manner of sickle bending is known in the Kuban metal production focus; notably, it is typical for the early group of the focus assemblages. The intact sickle provides important evidence for sickles with a smoothly and symmetrically curved back and a low arch that were spread not only on the early stage of the Kuban metal production focus known as the Akhmetovskaya stage but also on the Udobnaya stage. The latter stage is contemporary with the late Sabatinovka culture. The elemental composition of the sickle alloy has been studied using the reference-free X-ray fluorescence analysis. It has been shown that the sickles were made of copper containing a small amount of arsenic (around 1,5 %). Such alloys are characteristic of the Kuban metal production in the Late Bronze Age.

Keywords: Panagia 1 settlement, assemblage of sickles, Kuban metal production and metalworking focus.

REFERENCES

Abramova A. N., Goroshnikov A. A., Goroshnikova Z. V., 2020. Predvaritel'nyy paleoantropologicheskiy analiz naseleniya pozdney bronzy Tamanskogo poluostrova po materialam poseleniya Panagiya 1 [Preliminary paleoanthropological analysis of Late Bronze Age population of Taman Peninsula based on materials from settlement Panagia 1]. *Drevnosti Kubani [Antiquities of Kuban]*, 24. Rostov-na-Donu; Taganrog: Yuzhnyy federalnyy universitet, pp. 5–11.

Bartseva T. B., 1974. Tsvetnye splavy na Severnom Kavkaze v rannem zheleznom veke [Non-ferrous alloys in North Caucasus in Early Iron Age]. *SA*, 1, pp. 24–37.

Berezin Ya. B., Dudarev S. L., 2004. Novye pogrebal'nye kompleksy rannezheleznogo veka iz Kislovodskoy kotloviny [New burial complexes of the Early Iron Age from the Kislovodsk depression]. *MIASK*, 4, pp. 85–107.

Bochkarev V. S., 1972. Novyy klad prikubanskikh bronz iz Rostovskoy obl. [New hoard of Kuban bronzes from Rostov region]. *KSIA*, 132, pp. 87–89.

Bochkarev V. S., 1996. Novye dannye o Prikubanskom ochage metallurgii i metalloobrabotki epokhi pozdney bronzy [New data on the Late Bronze Age Kuban focus of metallurgy and metalworking]. *Mezhdu Aziey i Evropoy. Kavkaz v IV–I tys. do n. e. [Between Asia and Europe. Caucasus in IV–I mill. BC]*. Yu. Yu. Piotrovskiy, ed. St. Petersburg: GE, pp. 96–97.

Bochkarev V. S., 2017. Etapy razvitiya metalloproizvodstva epokhi pozdney bronzy na yuge Vostochnoy Evropy [Stages of development of Late Bronze Age metal production in the South of Eastern Europe]. *SP*, 2, pp. 159–204.

Bochkarev V. S., Gorodovaya V. V., Pelikh A. L., 2023. Kyafarskiy klad bronzovykh orudiy [Kyafar hoard of bronze tools]. *AVES*, 19, pp. 102–118.

Bochkarev V. S., Klimushina A. I., 2022. O termine i ponyatii «Klad» v sovremennoy arkheologicheskoy literature (po evropeyskim materialam epokhi bronzy) [On the term and concept of «Hoard» in modern archaeological literature (based on European materials from the Bronze Age)]. *AVES*, 18, pp. 19–38.

Bochkarev V. S., Klimushina A. I., 2023. K voprosu o klassifikatsii i kul'turno-istoricheskoy interpretatsii kladov metallicheskikh izdeliy epokhi bronzy Severo-Zapadnogo Kavkaza [On the issue of classification and cultural and historical interpretation of hoards of metal products from the Bronze Age in North-West Caucasus]. *AV*, 38, pp. 107–125.

Bochkarev V. S., Pelikh A. L., 2019. Klady s izdeliyami prikubanskogo ochaga metallurgii i metalloobrabotki pozdnego bronzovogo veka [Hoards with products of Late Bronze Age Kuban focus of metallurgy and metalworking]. *Drevnosti Vostochnoy Evropy, Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v kontekste svyazey i vzaimodeystviy v evraziyskom kul'turnom prostranstve (novye dannye i kontseptsii) [Antiquities of Eastern Europe, Central Asia and Southern Siberia in context of relations and interactions in Eurasian cultural space (new data and concepts)], II. Svyazi, kontakty i vzaimodeystviya drevnikh kul'tur Severnoy Evrazii i tsivilizatsiy Vostoka v epokhu paleometalla (IV–I tys. do n. e.) [Connections, contacts and interactions of ancient cultures of Northern Eurasia and civilizations of the Orient in Early metal period (IV–I mill. BC)]*. A. V. Polyakov, E. S. Tkach, eds. St. Petersburg: IIMK RAN: Nevskaya tipografiya, pp. 179–183.

Bochkarev V. S., Pelikh A. L., 2022. Svyazi prikubanskogo ochaga metalloproizvodstva perioda pozdney bronzy s Tsentral'nym i Zapadnym Zakavkaz'em [Connections of Late Bronze Age Kuban focus of metal production with Central and Western Transcaucasia]. *ZIIMK*, 27, pp. 105–116.

Chartolani Sh. G., 1989. K istorii nagor'ya Zapadnoy Gruzii doklassovoy epokhi [On the history of the Western Georgia highlands in pre-class epoch]. Tbilisi: Metsniereba. 267 p.: ill.

Chernykh E. N., 1966. Istoriya drevneyshey metallurgii Vostochnoy Evropy [History of the earliest metallurgy of Eastern Europe]. Moscow: Nauka. 144 p. (MIA, 132.)

Chernykh E. N., 1980. O khimicheskom sostave metalla Tamanskogo klada [On chemical composition of metal in Taman hoard]. *SA*, 2, pp. 150–154.

Chernykh E. N., 1981. Klad iz Konstantsy i voprosy balkano-kavkazskikh svyazey v epokhu pozdney bronzy [Constanta hoard and the issues of Balkan-Caucasian relations in Late Bronze Age]. *SA*, 1, pp. 19–26.

Dergachev V. A., Bochkarev V. S., 2002. Metallicheskie serpy pozdney bronzy Vostochnoy Evropy [Late Bronze Age metal sickles of Eastern Europe]. Kishinev: Vysshaya antropologicheskaya shkola. 348 p.

Dobrovol's'kyy A. V., 1948. Beryslavs'kyy skarb bronzovoï doby [Berislav hoard of the Bronze Age]. *Arkheologiya [Archeology]*, II, pp. 152–163.

Egorov N. M., 1951. Borgustanskiy klad 1941 g. [Borgustan hoard of 1941]. *SA*, XV, pp. 292–295.

Gak E. I., Lun'kov V. Yu., Kuz'minykh S. V., 2023. Khimiko-analiticheskoe issledovanie drevnego metalla: problemy korrelyatsii i ispol'zovaniya dannykh [Chemical-analytical study of ancient metal: Issues of correlation and data use]. *KSIA*, 271, pp. 267–280.

Goroshnikov A. A., 2018. Poselenie epokhi pozdney bronzy Panagiya I v yugo-zapadnoy chasti Tamanskogo poluostrova [Late Bronze Age settlement Panagia I in southwestern part of Taman peninsula]. *Svyazi i vzaimootnosheniya kul'tur bronzovogo veka Tsirkumpontiyskogo regiona: novye dannye i materialy [Connections and interrelations of Bronze Age cultures of Circumpontic region: new data and materials]*. A. N. Gey, ed. Moscow: IA RAN, pp. 17–19.

Goroshnikov A. A., Goroshnikova Z. V., 2020. Issledovaniya poseleniya epokhi pozdney bronzy «Panagiya I» v yugo-zapadnoy chasti Tamanskogo poluostrova v 2017–2019 gg. [Studies of Late Bronze Age settlement «Panagia I» in southwestern part of Taman зeninsula in 2017–2019]. *XV Vserossiyskaya arkheologicheskaya konferentsiya studentov i aspirantov «Problemy arkheologii Vostochnoy Evropy» [XV All-Russian archaeological conference of students and postgraduates «Problems of archaeology of Eastern Europe»]*. E. V. Vdovchenkov, ed. Rostov-na-Donu; Taganrog: Yuzhnyy federalnyy universitet, pp. 106–115.

Goroshnikov A. A., Goroshnikova Z. V., 2021a. Zakrytyy kompleks s zoomorfnym glinyanym izdeliem iz raskopok poseleniya «Panagiya I» na Tamani v 2018 g. [A closed assemblage with a zoomorphic clay object from excavations of settlement «Panagia I» in Taman in 2018]. *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniya: VI konferentsiya [New materials and methods of archaeological research: VI conference]*. V. E. Rodinkova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 62–64.

Goroshnikov A. A., Goroshnikova Z. V., 2021b. Razvedochnye raboty na territorii poseleniya Panagiya I v 2021 g. [Exploration work in the territory of settlement Panagia I in 2021]. *XVI Mezhdunarodnaya arkheologicheskaya konferentsiya studentov i aspirantov «Problemy arkheologii Vostochnoy Evropy i Vostochnogo Sredizemnomor'ya» [XVI International archaeological conference of Students and postgraduates «Problems of archaeology of Eastern Europe and Eastern Mediterranean»]*. E. V. Vdovchenkov, ed. Rostov-na-Donu; Taganrog: Yuzhnyy federalnyy universitet, pp. 103–106.

Goroshnikov A. A., Goroshnikova Z. V., 2022. Izuchenie pamyatnikov epokhi pozdney bronzy na yugo-zapade Tamanskogo poluostrova (po materialam poseleniya Panagiya 1) [Study of Late Bronze Age sites in south-west of Taman Peninsula (based on materials from settlement Panagia 1)]. *Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei: Istorie – Arheologie – Muzeologie*, 32. Chişinău: Casa Editorial-Poligrafică «Bons Offices», pp. 65–66.

Goroshnikov A. A., Goroshnikova Z. V., Timonina G. I., 2021. Analiz osteologicheskogo materiala iz raskopok poseleniya epokhi pozdney bronzy Panagiya 1 [Analysis of osteological material from excavations of Late Bronze Age settlement Panagia 1]. *XVI Mezhdunarodnaya arkheologicheskaya konferentsiya studentov i aspirantov «Problemy arkheologii Vostochnoy Evropy i Vostochnogo Sredizemnomor'ya» [XVI International archaeological conference ofsStudents and postgraduates «Problems of archaeology of Eastern Europe and Eastern Mediterranean»]*. E. V. Vdovchenkov, ed. Rostov-na-Donu; Taganrog: Yuzhnyy federalnyy universitet, pp. 107–110.

Iessen A. A., 1951. Prikubanskiy ochag metallurgii i metalloobrabotki v kontse medno-bronzovogo veka [Kuban focus of metallurgy and metalworking at the end of Copper-Bronze Age]. *Materialy i issl dovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza [Materials and investigations for archaeology of the North Caucasus]*. E. I. Krupnov, ed. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 75–124. (MIA, 23.)

Kiyashko A. V., 2020. Poselenie epokhi bronzy Balka Lisovitskogo IV na Tamani: obshchiy obzor i kharakteristika metallicheskogo inventarya [Bronze Age settlement Balka Lisovitskogo in Taman: general overview and characteristics of metal inventory]. *AV*, 30, pp. 207–222.

Kiyashko A. V., Goroshnikov A. A., 2020. O pamyatnikakh belozerskoy kul'tury na Tamanskom poluostrove [On Belozerka culture sites in Taman peninsula]. *Volgo-Ural'skiy region ot Drevnosti do Srednevekov'ya: VI Nizhnevolzhskaya arkheologicheskaya konferentsiya [Volga-Ural region from Antiquity to Middle Ages: VI Lower Volga archaeological conference]*. A. S. Skripkin, ed. Volgograd: Volgogradskiy gos. universitet, pp. 40–46.

Klemeshova M. E., Goroshnikov A. A., Goroshnikova Z. V., 2022. Tekhniko-tekhnologicheskiy analiz keramiki epokhi pozdney bronzy poseleniya Panagiya 1 (predvaritel'nye rezul'taty) [Technical and technological analysis of ceramics from Late Bronze Age settlement Panagia 1 (preliminary results)]. *DB*, 27, pp. 170–180.

Kolotukhin V. A., 2003. Pozdniy bronzovyy vek Kryma [Late Bronze Age of the Crimea]. Kiev: Stilos. 139 p.

Kozenkova V. I., 1989. Kobanskaya kul'tura: zapadnyy variant [Koban culture: western variant]. Moscow: Nauka. 196 p. (SAI.)

Leonov L. L., Goroshnikov A. A., Goroshnikova Z. V., Antipenko A. V., Smekalova T. N., 2023. Rentgeno-fluorestsentnye issledovaniya sostava splava predmetov epokhi pozdney bronzy iz raskopok poseleniya Panagiya 1 v 2022 g. Predvaritel'noe soobshchenie [X-ray fluorescence studies of alloy composition of Late Bronze Age objects from excavations of settlement Panagia 1 in 2022 Preliminary information]. *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniya: istoriya*

VS istochnikovedenie: VII konferentsiya molodykh uchenykh [New materials and methods of archaeological research: history VS source studies: VII conference of young scientists]. V. E. Rodinkova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 56–57.

Markovin V. I., Glebov A. I., 1979. Klad bronzoliteyshchika iz okrestnostey stanitsy Akhmetovskoy [Hoard of a bronze founder from the vicinity of village Akhmetovskaya]. *SA*, 2, pp. 239–245.

Mokrushin V. P., Narozhnyy E. I., 2017. Novye materialy predskifskogo vremeni s poseleniya Kishpek-2 v Kabardino-Balkarii [New materials of pre-Scythian period from settlement Kishpek-2 in Kabardino-Balkaria]. *Trudy V (XXI) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Barnaule – Belokurikhe [Proceedings V (XXI) All-Russian archaeological congress in Barnaul – Belokurikha]*, 1. A. P. Derevyanko, A. A. Tishkin, eds. Barnaul: Altayskiy gos. universitet, pp. 297–303.

Mokrushin V. P., Narozhnyy E. I., 2018. Klad bronzovykh serpov iz Kabardino-Balkarii [Hoard of bronze sickles from Kabardino-Balkaria]. *Svyazi i vzaimootnosheniya kul'tur bronzovogo veka Tsirkumpontiyskogo regiona: novye dannye i materialy [Connections and interrelations of Bronze Age cultures of Circumpontic region: new data and materials]*. A. N. Gey, ed. Moscow: IA RAN, pp. 58–59.

Naumov D. V., 1980. Khimicheskaya kharakteristika metallicheskikh izdeliy kobyakovskoy kul'tury [Chemical characteristics of metal products of Kobyakovo culture]. *Sharafutdinova E. S. Pamyatniki predskifskogo vremeni na Nizhnem Donu (kobyakovskaya kul'tura) [Sites of pre-Scythian period on Lower Don (Kobyakovo culture)]*. Leningrad: Nauka, pp. 77–80. (SAI.)

Naumov D. V., Minyaev S. S., 1972. Khimicheskiy sostav metallicheskikh predmetov Samarskogo klada [Chemical composition of metal objects of Samarskyy hoard]. *KSIA*, 132, pp. 89–91.

Nechitaylo A. L., 2000. Rezul'taty analiza Narat-Eshikskikh serpov [Rezults of analysis of Narat-Eshik sickles]. *XXI Krupnovskie chteniya po arkheologii Severnogo Kavkaza [XXI Krupnov readings on archaeology of North Caucasus]*. A. B. Belinskiy, ed. Kislovodsk: Nasledie, pp. 106–107.

Novichikhin A. M., Smekalova T. N., Saprykina I. A., Demchenko A. A., 2022. Klad pozdnego bronzovogo veka iz st. Kurchanskaya: mezhdistsiplinarnye issledovaniya izdeliy [Late Bronze Age hoard from Kurchanskaya Cossack village: interdisciplinary research of items]. *PIFK*, 4, pp. 17–36.

Pelikh A. L., 2003. Prikubanskiy ochag metallurgii i metalloobrabotki i ego mesto v sisteme mezhkul'turnykh svyazey epokhi pozdney bronzy Kavkaza i Yugo-Vostochnoy Evropy: avtoreferat dissertatsii … kandidata istoricheskikh nauk [Kuban focus of metallurgy and metalworking and its place in system of intercultural relations of Late Bronze Age of Caucasus and Southeastern Europe: PhD Thesis. St. Petersburg. 26 p.

Pelikh A. L., 2021. Bronzovye topory verkhnekubanskogo tipa: khronologiya i geografiya [Bronze axes of Upper Kuban type: chronology and geography]. *Kobanskaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost' v kontekste drevnostey Kavkaza [Koban cultural and historical community in context of the Caucasus antiquities]*. A. A. Malyshev, A. Yu. Skakov, eds. Moscow: MAKS Press, pp. 44–54.

Pelikh A. L., Sazonov A. A., Chernykh El. N., 2020. Serp s territorii poseleniya Pshish [Sickle from territory of settlement Pshish]. *Semnadtsatye chteniya po arkheologii Sredney Kubani [Seventeenth readings on archaeology of Middle Kuban]*. S. L. Dudarev, ed. Armavir: Dizayn-studiya B, pp. 18–22.

Ryndina N. V., Ravich I. G., 2012. O metalloproizvodstve maykopskikh plemen Severnogo Kavkaza (po dannym khimiko-tekhnologicheskikh issledovaniy) [On metal production of Maykop tribes of North Caucasus (according to chemical and technological research data)]. *VAAE*, 2 (17), pp. 4–20.

Saprykina I. A., Kuzminykh S. V., Pelgunova L. A., 2016. Issledovanie khimicheskogo sostava tsvetnogo metalla Anan'inskogo mogil'nika [Investigation of chemical composition of non-ferrous metal from Ananyino cemetery]. *PA*, 1 (15), pp. 26–40.

Sokolskiy N. I., 1980. Tamanskiy klad bronzovykh orudiy [Taman hoard of bronze tools]. *SA*, 2, pp. 144–150.

Sudarev N. I., 2020. Istoriografiya izucheniya pamyatnikov epokhi pozdney bronzy – rannego zheleznogo veka Tamanskogo poluostrova [Historiography of study of Late Bronze Age – Early Iron Age sites in Taman peninsula]. *XV Vserossiyskaya arkheologicheskaya konferentsiya studentov i aspirantov «Problemy arkheologii Vostochnoy Evropy» [XV All-Russian archaeological conference of students and postgraduates «Problems of archaeology of Eastern Europe»]*. E. V. Vdovchenkov, ed. Rostov-na-Donu; Taganrog: Yuzhnyy federalnyy universitet, pp. 68–79.

Usachuk A. N., Goroshnikov A. A., Mimokhod R. A., 2023. Kostyanye orudiya pervichnogo tsikla raboty s sherst'yu v kompleksakh pozdnego bronzovogo veka [Bone tools of primary cycle of wool processing in Late Bronze Age complexes]. *AES*, 2, pp. 36–63.

About the authors

Goroshnikov Andrey A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: goroshnikov89@bk.ru;

Pelikh Aleksey L., Armavir State Pedagogical University, ul. Rozy Luxemburg, 159, Armavir, 352901, Russian Federation; e-mail: pelich1976@mail.ru;

Smekalova Tatiana N., Vernadsky Crimean Federal University, prosp. Akademika Vernadskogo, 4, Simferopol, 295007, Republic of Crimea, Russian Federation; National Research Center «Kurchatov Institute», mkr. Orlova Roshcha, 1, Gatchina, 188300, Russian Federation; e-mail: tnsmek@mail.ru

С. Б. Вальчак

ПОСМЕРТНОЕ СОСЕДСТВО: РАННЕСКИФСКИЕ ВПУСКНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ В МЕТАСТРУКТУРЕ КУРГАННЫХ ПАМЯТНИКОВ

Резюме. Рассматриваются впускные погребения в курганы бронзового века, открытые в степях юга Восточной Европы и относящиеся к раннескифскому периоду (VII–VI вв. до н. э.). Как составные части метаструктуры погребального памятника раннескифские комплексы были систематизированы по количеству погребений в курганной группе, их топографии в могильнике и в отдельно взятом кургане, расположению таких курганов с рассматриваемыми погребениями на территории могильника (группы). Анализ материалов показал, что погребения раннескифского периода могут образовывать группы из нескольких захоронений, расположенных как в различных курганах могильника, так и в одном из курганов. Погребения в одном кургане могут быть связаны между собой как горизонтальной стратиграфией, так и вертикальной, образуя ярусы. В результате установлено, что метаструктура памятников раннескифского периода практически аналогична метаструктуре погребальных памятников предскифского времени. Некоторые социальные группы населения раннескифского периода, вероятно, члены малых семей и, возможно, коллективы мужчин-воинов, могли образовывать небольшие локальные кладбища, которые функционировали непродолжительный отрезок времени.

Ключевые слова: раннескифский период, погребальные памятники, курганы, метаструктура, кочевники, степная зона, юг Восточной Европы.

Наступление скифской эпохи в Восточной Европе привело к значительным изменениям в материальной культуре и социальной структуре населения региона как в обществах с кочевым, так и с оседлым типом хозяйства (*Мелюкова, Мошкова*, 1989. С. 5–7). Наиболее ярко эти изменения отражаются в погребениях, поэтому погребальные памятники самого начала скифской эпохи – раннескифского периода, в широких рамках датируемого VII–VI вв. до н. э., всегда являлись и являются объектами пристального изучения.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.275.163-192

В 1970–1980-е гг. исследователи оперировали довольно незначительным количеством, около 20–30 памятников этого периода, признаки которых рассматривались совокупно в массиве памятников VII–V вв. до н. э. (*Ольховский*, 1978. С. 83–97; 1991. С. 56–65; *Мурзин*, 1984. С. 12–20; *Мелюкова*, 1989. С. 51–67). С середины 1990-х гг. ситуация начала стремительно изменяться. Так, О. Р. Дубовская рассматривает уже 61 погребение в степной зоне Восточной Европы (*Дубовская*, 1997. С. 201–213. Рис. 8–14), а позднее И. Н. Парусимов говорит уже о более чем 50 погребениях, исключительно в бассейнах Нижнего Дона и Маныча, где изученность курганных могильников, в силу обстоятельств, оказалась наибольшей (*Парусимов*, 2008. С. 112–114).

При публикации и аналитической обработке погребальных памятников раннескифского периода всеми исследователями обычно рассматриваются: конструкция погребального сооружения, положение и ориентировка останков погребенного, а также имеющиеся в комплексах различные категории погребального инвентаря. Согласно методике В. С. Ольховского, такие исследования соответствуют трем группам первого уровня изучения погребального памятника (*Ольховский*, 1986. С. 70, 71. Табл. 1; 1991. С. 14, 15, 182, 183. Табл. 2).

Характеристика погребального обряда раннескифского времени в степях Волго-Донского бассейна и Предкавказья неоднократно была представлена исследователями при публикации комплексов (напр.: *Дубовская*, 1990. С. 182–184; *Копылов*, 1990. С. 59, 60; *Беспалый*, *Парусимов*, 1991. С. 193; *Парусимов*, 2008. С. 112, 113). Специфический набор вещей различных категорий и типов, связываемый с новационным характером раннескифской культуры в Восточноевропейском регионе, также хорошо известен (*Алексеев*, 2003. С. 39–56).

Подавляющее большинство погребений рассматриваемого периода являются впускными в курганы эпохи бронзы и индивидуальными. Эти погребения чаще всего совершены в подбоях с узкими входными ямами подпрямоугольной формы с закругленными углами и подобными же камерами, ориентированными широтно или с небольшими отклонениями. Погребения преимущественно расположены в центре насыпи кургана или в непосредственной близости от него. В погребениях неоднократно фиксировался тлен от различных органических материалов, которыми был закрыт вход в подбой. На дне камеры иногда прослеживается тлен от растительных и других органических подстилок, меловая подсыпка. Погребенный положен на спину, вытянуто, но изредка встречается и положение на боку. Преобладает западная ориентировка погребенных, намного реже встречается и восточная. Ноги обычно вытянуты и лежат параллельно, иногда сведены в ступнях или слегка согнуты в коленях. Руки могли быть положены вдоль туловища, или же одна из них могла быть согнута в локте, кисть ее обычно находится в области таза. Очень редко встречаются и слабоскорченные на боку погребения.

Основные раннескифские погребения под курганами в степи встречаются редко. Такие курганы являются одиночными, не образуют курганных групп или входят в состав уже существовавших могильников бронзового века (*Кияшко, Кореняко*, 1976. С. 170–177; *Максименко*, 1983. С. 25, 27; *Мурзин*, 1984. С. 12–20; *Беспалый, Лукьяшко*, 2018. С. 202–205). Исключением являются предгорно-равнинные и предгорные ландшафтные зоны Предкавказья. Здесь комплексы

раннескифского времени могут быть впускными в курганы могильников эпохи бронзы и встроенными в эти же могильники курганами с основными захоронениями (Келермес) или только встроенными курганами с основными погребениями (Новозаведенное-II) (*Галанина*, 1997. С. 68; *Маслов, Петренко*, 1998. С. 210; *Петренко и др*., 2000. С. 238, 246, 247). Кроме того, имеются и не связанные с памятниками эпохи бронзы раннескифские курганные группы (Нартан-1, Красное Знамя) (*Батчаев*, 1985. С. 19, 51–54; *Петренко*, 2006. С. 18, 116–121).

Рассматривая такие погребения, следует оговорить важный момент, подмеченный достаточно давно: «близость скифской и савроматской культур не позволяет современным исследователям уверенно отделить скифские погребения нижнего Подонья от савроматских на сопредельной территории» (*Мелюкова*, 1989. С. 62). Речь тогда шла о погребениях VI в. до н. э., которые в отчетах о раскопках и публикациях разных, а то и одних и тех же исследователей имели и сегодня имеют различную этнокультурную атрибуцию.

Спектр этнокультурных определений памятников начала раннего железного века Волго-Донского региона достаточно разнообразен (*Лукьяшко*, 2010. С. 130–138; 2014. С. 113–122). Представляется оправданным присоединиться к концепции М. Н. Погребовой и Д. С. Раевского, считавших, что следует отказаться от «безусловно савроматской атрибуции архаических памятников, обнаруженных на савроматской в будущем территории», поскольку «завершение этногенеза савроматов как самостоятельного восточноевропейского народа относится ко времени не ранее второй половины VI в. до н. э.» (*Погребова, Раевский*, 1997. С. 79–85).

Все исследуемые в данной работе археологические комплексы рассматриваются исключительно как относящиеся к раннескифскому хронологическому периоду, поэтому упрощенно будут именоваться раннескифскими, без намека на какую-либо их этническую интерпретацию.

Кроме очевидного сходства некоторых признаков положения погребенных, в рассматриваемых здесь комплексах с собственно савроматскими конца VI – V в. до н. э. (*Дворниченко, Кореняко*, 1989. С. 165. Табл. 63), существует еще одна сложность – подобное же сходство некоторых признаков с погребениями новочеркасского (позднечерногоровского) этапа предскифского периода (*Дубовская*, 1997. Рис. 12). Все это заставляет автора осторожно подходить к отбору источников и представлению количественных данных по погребениям начала раннего железного века из восточной части степей Восточной Европы.

В статье представлены те погребальные комплексы, которые отличаются максимальной полнотой информации о них, содержат «только выразительный инвентарь» и имеют «четкое стратиграфическое положение» (*Кореняко*, 1985. С. 57).

Исследования метаструктуры погребальных памятников, которыми являются курганные могильники и группы, проводятся нечасто. Под термином «метаструктура» здесь понимаются вторичные структуры, возникшие с течением времени на базе более ранних. Метаструктура характеризует целую курганную группу или могильник, включает такие элементы как: вид и состав погребальной группы, тип организации курганов и погребений в группы, хронологию погребений в группе или кургане, их топографию и др. (группа VII третьего уровня)

(*Ольховский*, 1986. С. 70, 71; 1991. С. 14, 15, 183). При этом следует учитывать, что объединение курганов в группы и могильники зачастую является условным и субъективным явлением (*Беспалый, Парусимов*, 1991. С. 182).

Стратиграфия и хронология

Располагаясь преимущественно в центральной части насыпи, впускные погребения раннескифского периода в степных курганах Волго-Донского бассейна довольно часто перекрывают комплексы различных периодов эпохи бронзы. Известны и случаи их стратиграфического расположения непосредственно над предскифскими погребениями, что наглядно иллюстрирует хронологическую позицию каждой из этих хронологических групп.

Примером этому может служить хорошо известная вертикальная стратиграфическая связка в кургане 5 мог. **Койсуг** на левобережье Нижнего Дона. Здесь в центре кургана над двумя перекрывающими друг друга (ярусными) предскифскими подбойными п. 9 и 10 было совершено п. 3, в прямоугольной яме, слабо скорченное на правом боку, ориентированное на ВСВ, лицом к ССЗ. В качестве инвентаря были найдены костяные грибовидные столбики, застежка-палочка, орнаментированный костяной предмет и пирамидальный костяной наконечник стрелы. На деревянном блюде перед грудной клеткой погребенного находилась напутственная пища – кости мрс[1]. В свою очередь, п. 3 было перекрыто п. 2 сарматского времени (*Максименко*, 1968. С. 23–29. Табл. XXXVIII; XLV; XLVI; LI; LII; LIII; *Кореняко, Максименко*, 1978. С. 177–181. Рис. 4; *Максименко*, 1983. С. 23, 34. Рис. 22: *1–5*; *Лукьяшко*, 1999. С. 60–62. № 34, 35. Рис. 47; *Вальчак и др*., 2019. С. 166. Рис. 8: *2*; *Вальчак*, 2024).

Найденные в п. 3 к. 5 мог. Койсуг костяные изделия были широко распространены в комплексах раннескифского периода и рассматриваются исследователями как детали-маркеры памятников этого времени. Обычно они связываются с горитами и луками, но, вероятно, применялись и в конструкции других изделий из кожи, ткани и других органических материалов (*Черненко*, 1981. С. 31–43. Рис. 21–26; *Парусимов*, 2008. С. 113; *Ильюков*, 2015. С. 63–68. Рис. 1–3; *Копылов, Русаков*, 2015. С. 92–94. Рис. 1).

Интересный случай взаимосвязи предскифского и раннескифского погребений прослежен в центре к. 14 мог. **Центральный-VI** в междуречье Дона и Сала (рис. 1: *1, 2*). Впускное п. 2 было совершено в подбое. Погребенный взрослый мужчина 25–30 лет[2] был положен вытянуто на спине, головой на ВСВ. Череп лежал на правой височной кости. Ноги вытянуты параллельно. Правая рука вытянута вдоль и несколько сдвинута в сторону от тела, левая – согнута в локте, кисть на правом крыле таза. У черепа стоял лепной плоскодонный сосуд с яйцевидным туловом, слегка отогнутым венчиком со сливом. В заполнении рядом с сосудом найдена бронзовая скобка с гвоздиком и остатками дерева внутри (рис. 1: *3, 4*).

[1] Мрс – здесь и далее: мелкий рогатый скот.

[2] Антропологические определения здесь и далее приводятся по данным авторов раскопок и публикаций.

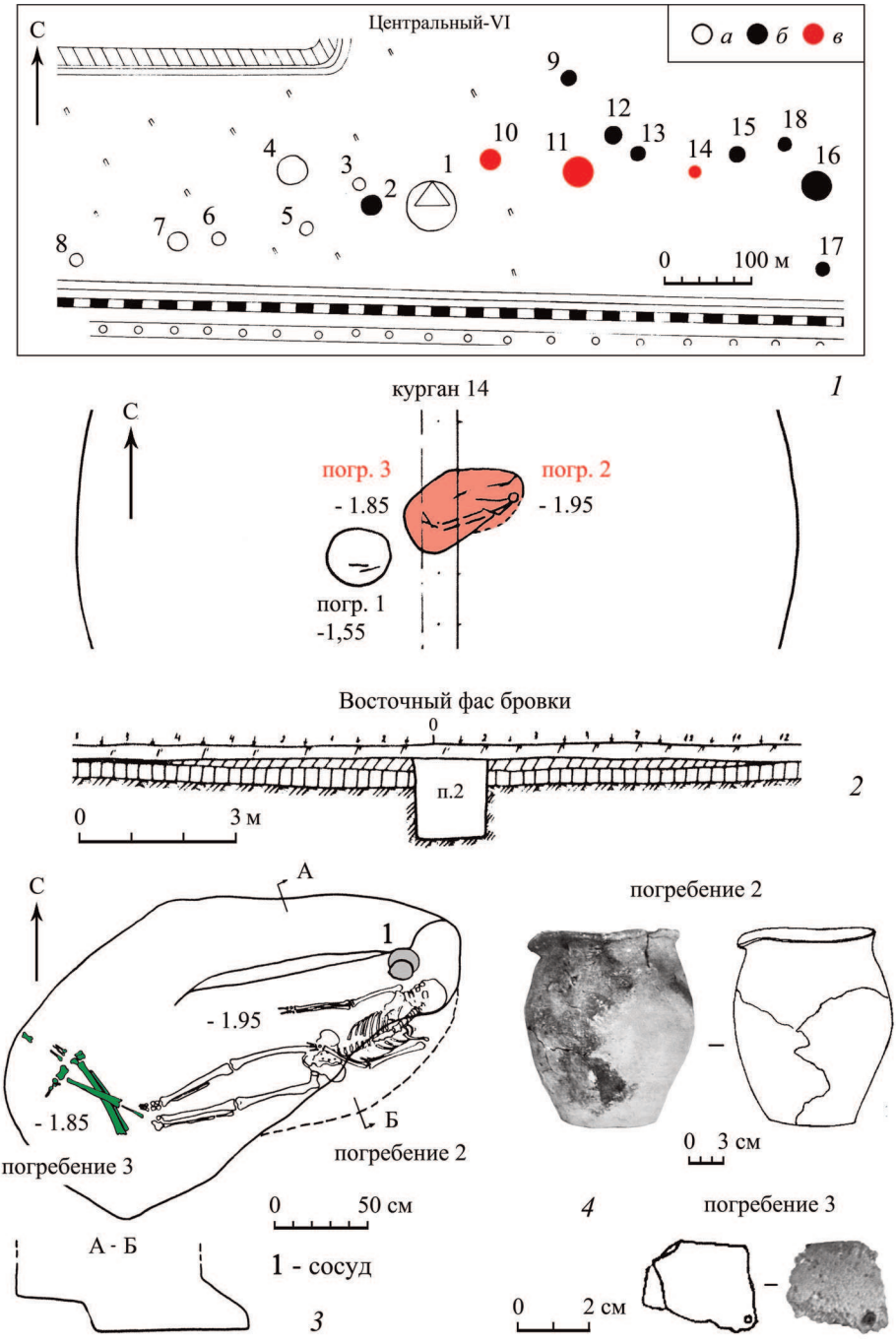


Рис. 1. Могильник Центральный-VI, курган 14

1 – план могильника: *а* – нераскопанные курганы; *б* – раскопанные курганы; *в* – раскопанные курганы с раннескифскими погребениями; *2* – план кургана 14; *3* – план погребений 2 и 3; *4* – инвентарь погребений 2 и 3 (по: *Копылов*, 1979; *Копылов, Лукьяшко*, 1995; *Лукьяшко*, 1999)

Это погребение почти полностью разрушило яму и скелет п. 3, от которого частично сохранились кости ног, позволяющие предполагать скорченное на левом боку положение с В или ЮВ ориентировкой (*Копылов*, 1979. С. 29–31. Рис. 1; 92; 97–100) (рис. 1: *3*).

В публикациях п. 2 наблюдается заметная путаница: оно интерпретируется как раннескифское или предскифское; как впускное или основное, указывается и разный его номер (*Копылов, Лукьяшко*, 1995. С. 135. Рис. 8; *Лукьяшко*, 1999. С. 97, 98. № 83. Рис. 90). Вероятно, прав оказывается В. В. Потапов, считающий, что предскифское п. 3, из которого и происходит бронзовая накладка на венчик деревянного сосуда, было разрушено более поздним п. 2, с горшком со сливом, которое исследователь считает раннескифским (*Потапов*, 1999. С. 66).

Тем не менее следует заметить, что подбойная конструкция могилы и положение погребенного могут свидетельствовать и в пользу определения п. 2 к. 14 как новочеркасского комплекса предскифского периода, поскольку горшки со сливом встречаются и в это время (*Дубовская*, 1997. С. 191).

В к. 6 могильника **Высочино-I** на Доно-Кагальницком водоразделе левобережья Нижнего Дона в центре кургана было обнаружено в вертикальной связке три захоронения, погребальные сооружения которых не прослеживались (рис. 2: *1, 2*). Предскифское п. 1, среднескорченное на левом боку, было ориентировано на ВСВ, лицом на ЮЮВ. Перед лицом стоял лепной подлощенный сосуд с шаровидным туловом, уплощенным дном и узким горлом. Под черепом была найдена бронзовая скобка от очелья, «здесь же найдена яичная скорлупа»[3]. В качестве напутственной пищи были положены кости мрс. Погребение 2 было расположено вплотную и ниже п. 1, безынвентарное, сильноскорченное и ориентированное на Ю. Оно было отнесено к периоду поздней бронзы и находилось над основным п. 9 ямной культуры (*Лукьяшко*, 1976. С. 9, 10. Рис. 25; 28–30; 1999. С. 59. № 32. Рис. 45; *Максименко*, 1983. С. 38. Рис. 23: *1*; *Отрощенко*, 1994. С. 110; *Беспалый, Лукьяшко*, 2008. С. 16. Табл. V: *1–3*) (рис. 2: *4*).

Южнее, вплотную к первым двум было совершено раннескифское п. 4, вытянутое на правом боку и ориентированное на ВСВ, лицом к С. В погребении были найдены костяные грибовидные столбики, костяной зооморфный наконечник лука, железный колчанный крюк и зуб крупного животного, древесный тлен под грудной клеткой погребенного и кости мрс. Инвентарь позволяет отнести погребение к раннескифскому времени. (*Лукьяшко*, 1976. С. 11. Рис. 25; 33–35а; *Кореняко, Лукьяшко*, 1982. С. 149–151. Рис. 2; *Черненко*, 1981. С. 14–16. Рис. 5; 6; *Максименко*, 1983. С. 38. Рис. 23, *2*). Учитывая, что скелет в п. 4 находился глубже и фактически под черепом скелета п. 2, обоснованно предполагается, что п. 4 было подбойным, с расположенной к Ю от камеры входной ямой (*Беспалый, Лукьяшко*, 2008. С. 16, 17. Табл. V: *4–8*) (рис. 2: *2, 3*).

Являются ли подобные ярусные совмещения предскифских и раннескифских захоронений случайными или преднамеренными, ответить пока затруднительно.

[3] Эта находка отражена в отчете С. И. Лукьяшко за 1976 г., но упоминание о ней отсутствует в публикациях 1999 и 2008 гг.

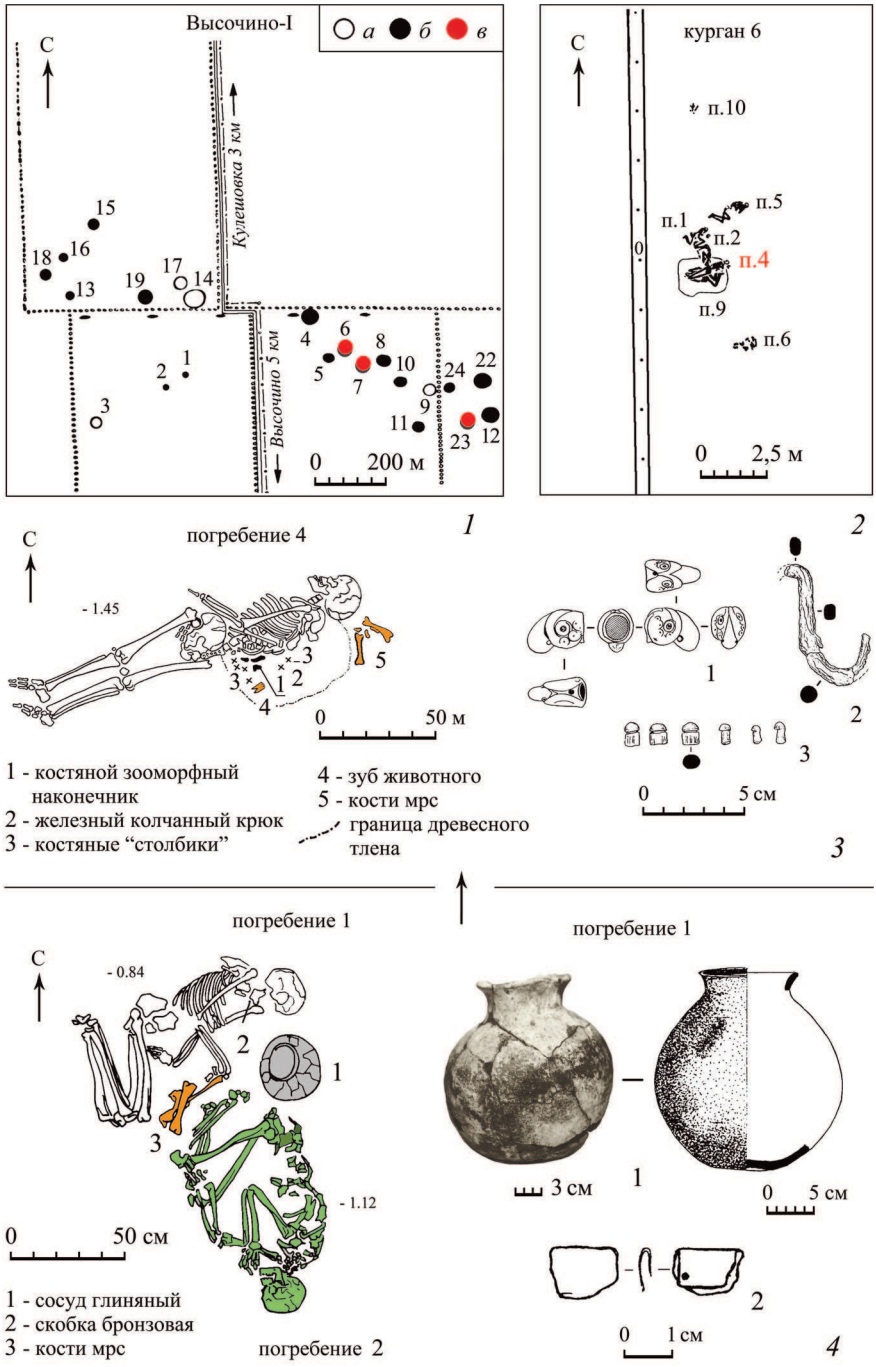


Рис. 2. Могильник Высочино-I, курган 6

1 – план могильника: *а* – нераскопанные курганы; *б* – раскопанные курганы; *в* – раскопанные курганы с раннескифскими погребениями; *2* – план центральной части кургана 6; *3* – план и инвентарь погребения 4; *4* – план и инвентарь погребений 1 и 2 (по: *Лукьяшко*, 1976; 1999; *Кореняко, Лукьяшко*, 1982)

Топография раннескифских погребений

1. Большинство впускных погребений раннескифского периода единично встречены в одном из курганов какого-либо из исследованных могильников в бассейнах Волги и Дона.

Это, например: п. 1, к. 5 в Ростове-на-Дону (*Брашинский*, 1973. С. 54–57. Рис. 20); п. 2, к. 21, мог. Колдыри, п. 10, к. 2 мог. Бушуйка (*Беспалый,* 1983. С. 80, 81. Рис. 240; 241; 248: *3, 5*; *Беспалый, Парусимов*, 1991. С. 182, 192, 193. Рис. 2: *6, 9*; 6: *12–15*; 7: *4*); п. 2, к. 1 мог. Потайной–I (*Копылов, Лукьяшко*, 1995. С. 139, 140. Рис. 10); п. 2, к. 4 мог. Мухин II (*Беспалый, Беспалый*, 2002. С. 20, 35, 36. Рис. 1: *1*; 2: *5*; 23: *7–10*); п. 5, к. 1 мог. Кагальник-89 (*Гуркин, Бойко*, 1990. С. 10, 11. Рис. 1: *1, 2*) и многие другие погребальные комплексы. Многие курганные могильники были и остаются не полностью исследованными, поэтому каждый вновь раскопанный в них курган может коренным образом изменить количественные показатели тех или иных элементов, влияющих на реконструкцию всей метаструктуры памятника.

2. Несколько одиночных впускных раннескифских погребений, обычно 2–3, в нескольких курганах могильника встречаются реже.

Например, в полностью раскопанном курганном могильнике **Высочино-VII**, на левобережье Нижнего Дона раннескифские погребения встречены в 6 из 32 курганов (*Беспалый*, 1983. С. 131, 132. Рис. 398; 399; *Беспалый, Парусимов*, 1991. С. 182–186).

3. Сосредоточение нескольких, 2–3, иногда и более раннескифских впускных погребений в одном из курганов могильника или группы. При этом в других курганах также могут находиться относительно синхронные и однокультурные захоронения.

Кроме упомянутого выше п. 4 к. 6 мог. **Высочино-I** раннескифские впускные погребения были найдены в курганах 7 и 23 этого же могильника (*Максименко*, 1983. С. 38, 39. Рис. 23: *3, 4*; 25: *1*; *Беспалый, Лукьяшко*, 2008. С. 16–19). Погребение 4 в к. 23 было впущено в центр насыпи и совершено в прямоугольной яме, над которой был зафиксирован тлен от перекрытия. Погребенный был положен вытянуто на спине, ноги параллельны, руки вытянуты вдоль тела, ориентирован на восток. В ногах находился крупный лепной плоскодонный сосуд с яйцевидным туловом и следами ремонта. Шейка очень короткая, венчик отогнут. На левой кисти лежали три бронзовых и два железных втульчатых наконечника стрел. На левой плечевой кости находилась палочка-застежка, рядом три костяных грибовидных столбика. У левой ключицы была найдена зеленая пастовая бусина. Между черепом и северной стенкой ямы – кости мрс (*Головкова, Лукьяшко*, 1979. С. 27, 28, 30–32. Рис. 63; 70–76; *Максименко*, 1983. С. 39. Рис. 25, *1*) (рис. 3: *1, 3*). Набор бронзовых наконечников стрел и костяных изделий из погребения не оставляет сомнений в его отнесении к раннескифскому периоду (*Черненко*, 1981. С. 31–43. Рис. 21–26; *Петренко*, 1990. С. 61–70).

К ЮЮВ от описанного, в насыпи к. 23 располагалось впускное п. 2. Скелет взрослого человека находился вытянуто на спине, ориентирован на З, череп лежал на правой стороне, лицом к Ю. Ноги параллельны, правая рука вытянута

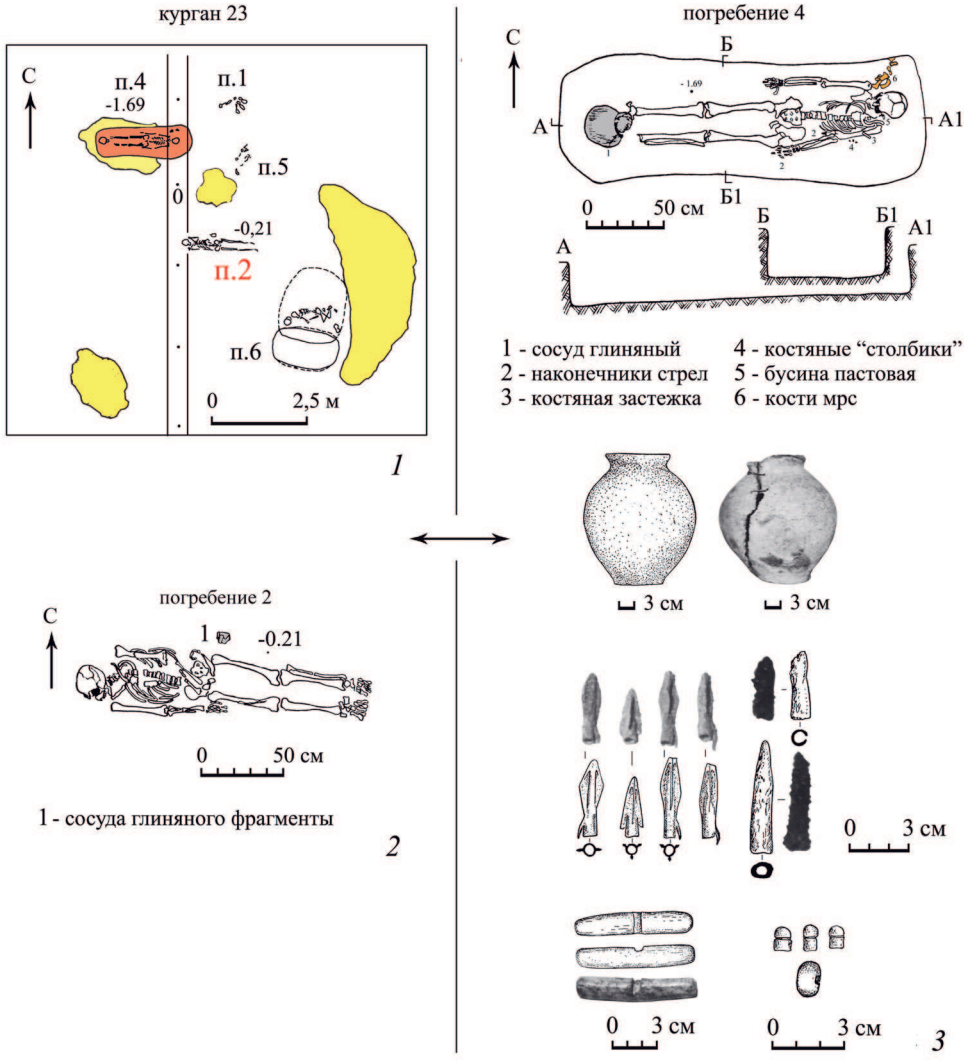


Рис. 3. Могильник Высочино-I, курган 23

1 – план центральной части кургана 23; *2* – план погребения 2; *3* – план и инвентарь погребения 4 (по: *Головкова, Лукьяшко*, 1979; *Максименко*, 1983)

вдоль тела, левая – согнута в локте, кисть положена над правым крылом таза. У левого бедра находились фрагменты лепного сосуда с орнаментом из заштрихованных треугольников по плечикам, который был выполнен зубчатым штампом. Авторы раскопок отнесли и это погребение к раннескифскому времени (*Головкова, Лукьяшко*, 1979. С. 27–29, 34. Рис. 65) (рис. 3: *1, 2*).

В одном из курганов этой же группы было найдено разрушенное п. 2, от которого сохранились несколько раннескифских бронзовых наконечников стрел и костяные грибовидные столбики (*Максименко*, 1983. С. 39. Рис. 25: *2, 3*)[4].

В качестве еще одного примера можно привести ситуацию в мог. **Красногоровка-III** на уже упоминавшемся Доно-Кагальницком водоразделе (рис. 4: *1*). Погребение 5 в к. 3 было совершено в центре кургана, в подбое с расположенной к югу входной ямой с растительным тленом на дне. Скелет взрослой женщины был положен вытянуто на спине, ориентирован на З. Череп лежал на левой стороне, лицом к ЮЮВ. Правая нога вытянута, левая – согнута в колене и развернута влево. Руки слегка согнуты в локтях и положены вдоль туловища. В заполнении были найдены: фрагмент стенки лепного сосуда, астрагал, обломок обожженной кости, кусок смолы, кость мрс. В заполнении находившегося рядом и ниже п. 6 эпохи бронзы оказался характерный набор бронзовых раннескифских наконечников стрел, фрагмент костяной колчанной застежки и железная втулка. Эти находки связываются авторами раскопок с п. 5 (*Беспалый, Парусимов*, 1986. С. 216, 217. Рис. 639; 649–653) (рис. 4: *2, 3*).

К ЮЗ от центра кургана находилось подбойное п. 4 с расположенной к С входной ямой. Скелет взрослого мужчины был вытянут на спине и ориентирован на З. Череп повернут влево, лицом к С. Ноги были сведены параллельно ниже колен. Левая рука вытянута вдоль тела, правая – слегка согнута, кисть лежала ниже правого крыла таза. В заполнении у ног – удлиненно-овальная галька (Там же. С. 213–215. Рис. 642; 645; 647) (рис. 4: 2, 4).

Погребение 4 к. 3 можно было бы отнести и к сходным по положению погребенного предскифским новочеркасским комплексам, но подобные гальки встречаются среди инвентаря других раннескифских погребений. Например, в ограбленном п. 2 к. 3 мог. Спичаковка на левобережье Дона, в котором было найдено бронзовое дисковидное зеркало с бортиком и петлевидной ручкой в центре (*Козюменко*, 1988. С. 28–30. Рис. 45–47; 50–52; 54; *Парусимов*, 1991. С. 47–50. Рис. 12), а также, в п. 1 к. 16 мог. Займо-Обрыв-1, вместе с бронзовым двулопастным наконечником стрелы (*Белинский*, 1988. С. 46–48. Рис. 154; 158; 159).

Аналогичная галька была найдена и в п. 4 разрушенного к. 6 мог. **Займо-Обрыв-1**. Погребение было совершено в подовальной яме. На дне ямы прослежена меловая подсыпка. Скелет был положен вытянуто на спине, ориентирован на ЗСЗ. Ноги слегка завалены вправо. Правая рука согнута в локте, кисть положена на середину грудной клетки. Левая – согнута в локте, кисть на правом крыле таза. У черепа стоял лепной плоскодонный сосуд с расширенным в верх-

[4] Имеющиеся в отчетах и публикациях разных лет многочисленные разночтения в нумерации курганов на левобережье Дона и их отнесение к той или иной курганной группе существенно затрудняют локализацию некоторых комплексов из могильников у сел Высочино, Красногоровка и др.

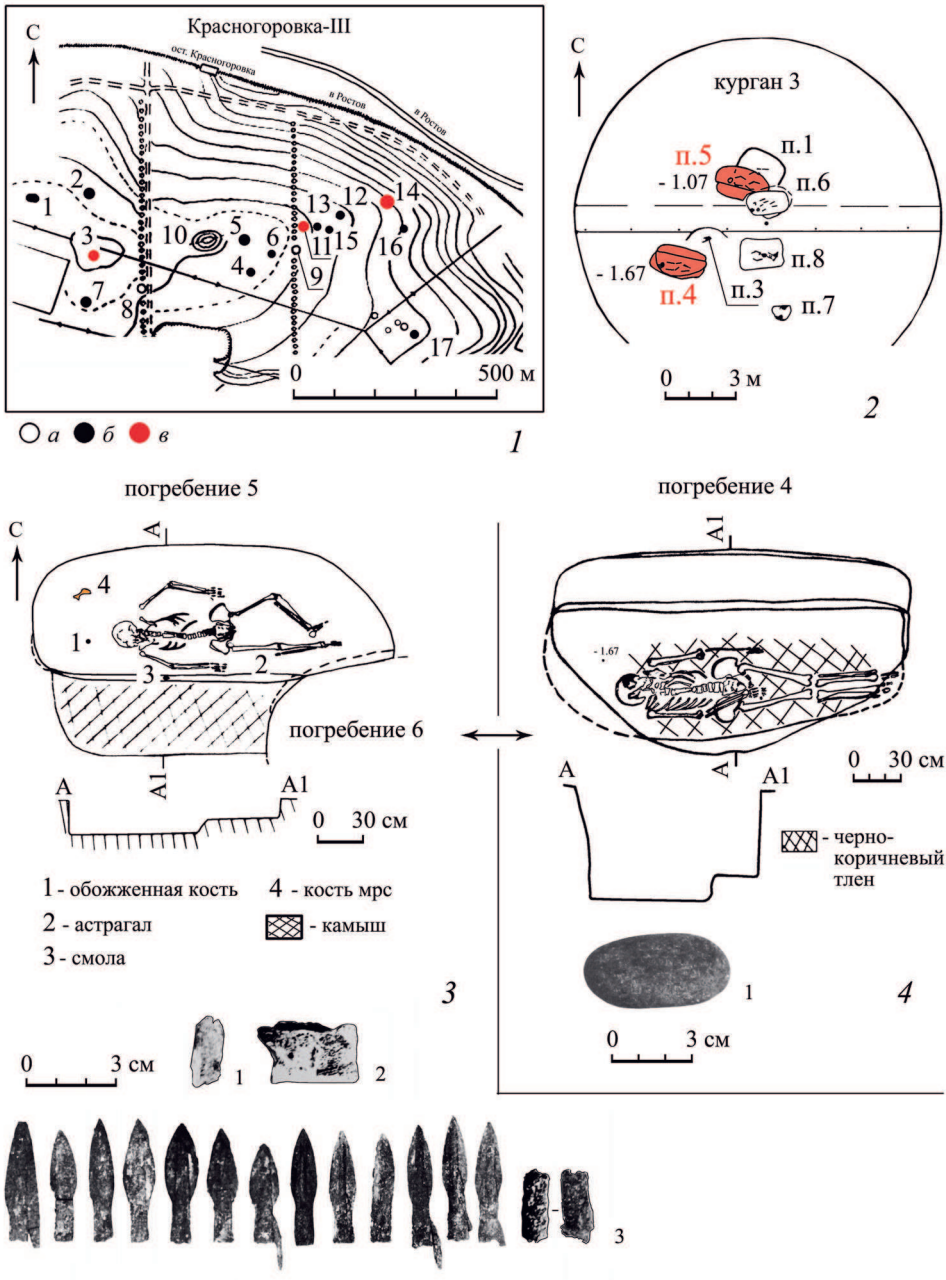


Рис. 4. Могильник Красногоровка-III, курган 3

1 – план могильника (по: *Бабешко*, 1988): *а* – нераскопанные курганы; *б* – раскопанные курганы; *в* – раскопанные курганы с раннескифскими погребениями; *2* – план кургана 3; *3* – план и инвентарь погребения 5; *4* – план и инвентарь погребения 4 (по: *Беспалый, Парусимов*, 1986)

ней трети туловом, отогнутым коротким горлом и венчиком. В инвентаре также присутствовали: набор бронзовых наконечников стрел, железный и костяной наконечники стрел, железный колчанный крюк, три костяные грибовидные застежки. У пояса и перед правой бедренной костью была положена напутственная пища – кости лошади (?) (рис. 5: *1–3*).

Раннескифское же п. 5 в этом кургане было совершено в подбое с входной ямой к Ю и находилось к СЗ от п. 4. Погребенный был положен на спину с завалом на правый бок, вытянуто, ориентирован на ЗЮЗ. Череп лежал на правой стороне, лицом к Ю. Ноги слегка согнуты в коленях и развернуты вправо. Правая рука была вытянута, левая – согнута в локте, кисть на головке левой бедренной кости. Близ черепа, на дне входной ямы находился лепной плоскодонный сосуд. Тулово биконическое, с расширением в середине, короткое горло и венчик отогнуты. На плечике размещена уплощенная петлевидная ручка. У правого крыла таза найдены, как и в п. 4, три костяные грибовидные застежки (*Белинский*, 1988. С. 13–17. Рис. 42; 53–59) (рис. 5: *2, 4*).

Сходная ситуация была прослежена и в разрушенном к. 7 этого же могильника, **Займо-Обрыв-1** (рис. 6: *1*). Погребение 4 было совершено в подпрямоугольной яме с закругленными углами в северной части кургана. Скелет располагался вытянуто, по диагонали ямы, завалившись на грудь, фактически ничком, ориентирован на З. Череп лежал на правой стороне, лицом к ЮЮЗ. Ноги были слегка согнуты в коленях и развернуты вправо. Левая рука слегка согнута в локте, лежала вдоль грудной клетки, правая – вытянута, кисть под правым крылом таза. Вероятно, первоначально погребенный был положен на правый бок. Близ черепа находились два плоскодонных лепных сосуда. Один из них имел округло-биконическое тулово, усеченно-коническое горло с отогнутым венчиком и уплощенную ручку на плечике. На этом сосуде находилась «крышка» из стенки лепного горшка. Второй сосуд имел яйцевидное тулово, короткое прямое горло и отогнутый венчик. Поверхность сосуда залощена и покрыта вертикальными зонами нарезного орнамента. Внутри сосуда находились кости мрс. У кисти левой руки лежали кусочки смолы и серы (?), а под ней – костяная булавка с зооморфным навершием (Там же. С. 18–24. Рис. 65; 78–81) (рис. 6: *2*). Костяное изделие наиболее информативно в этом комплексе, так как находит близкую аналогию в раннескифском к. 1 (1965 г.) мог. Скоробор в окрестностях Бельского городища в лесостепи Украины (*Шрамко*, 1987. С. 98. Рис. 41: *4*).

В предполагаемой центральной части этого же кургана были открыты разрушенные грабительской ямой[5] остатки п. 5. От скелета здесь сохранилась только часть грудной клетки и правой руки. Можно предположить, что погребенный был положен вытянуто на спину и ориентирован на З. В районе черепа и шеи погребенного была найдена костяная проколка. В заполнении грабительской ямы были собраны фрагменты практически полностью восстановленного сосуда. Автор раскопок посчитал его частью инвентаря п. 5. Лепной плоскодонный сосуд («корчага») имеет округло-биконическое тулово с максимальным

[5] На плане кургана в отчете эта яма не обозначена.

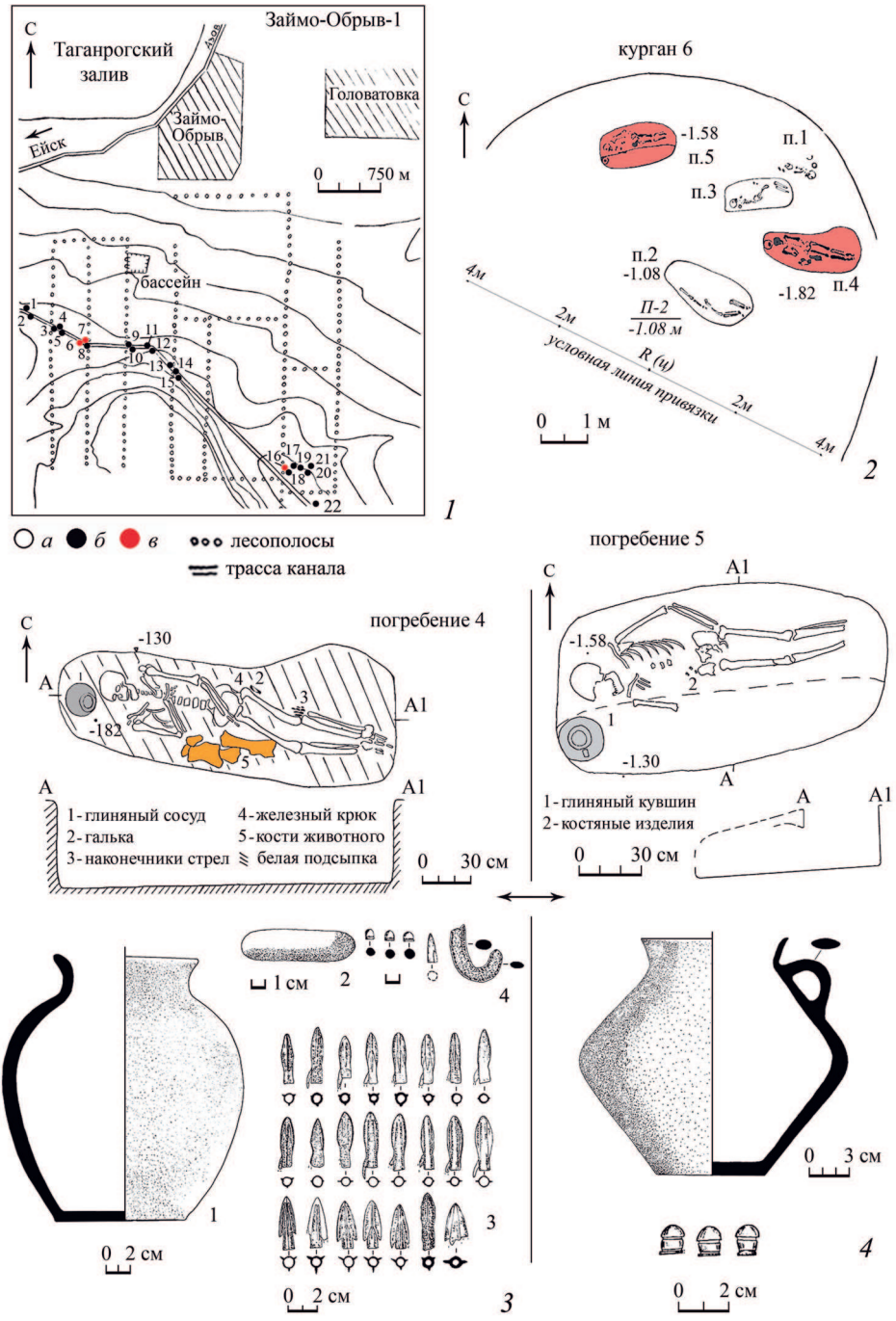


Рис. 5. Могильник Займо-Обрыв-1, курган 6

1 – план могильника: *а* – нераскопанные курганы; *б* – раскопанные курганы; *в* – раскопанные курганы с раннескифскими погребениями; *2* – план кургана 6; *3* – план и инвентарь погребения 4; *4* – план и инвентарь погребения 5 (по: *Белинский*, 1988)

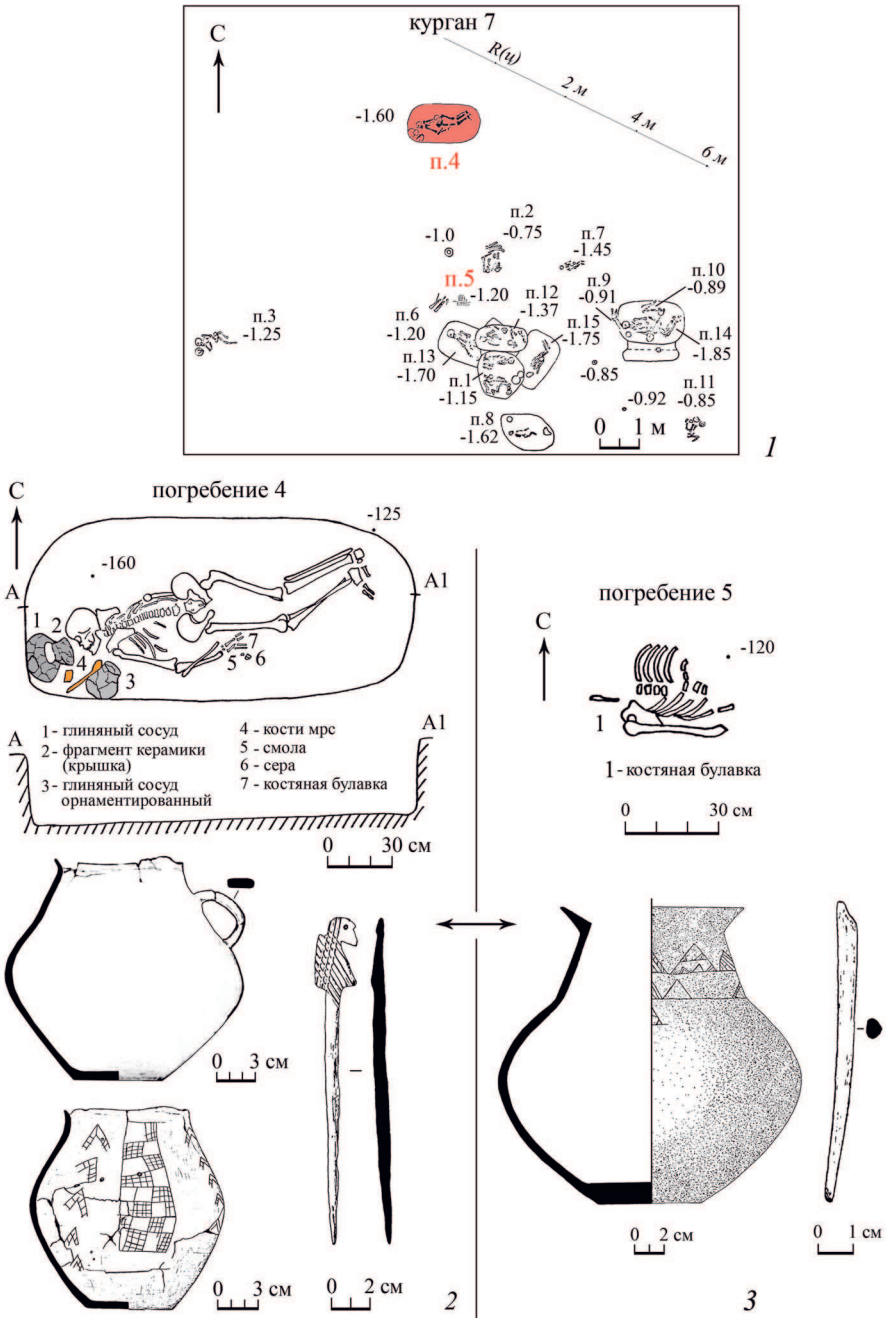


Рис. 6. Могильник Займо-Обрыв-1, курган 7

1 – план кургана 7; *2* – план и инвентарь погребения 4; *3* – план и инвентарь погребения 5 (по: *Белинский*, 1988)

расширением в средней части, усеченно-коническим горлом и резко отогнутым наружу венчиком. Поверхность лощеная, на горле и верхней части тулова расположены три врезных орнаментальных пояса (*Белинский*, 1988. С. 24, 25, 32, 33. Рис. 84–87; 92; 94) (рис. 6: *3*).

Близкие, но не полностью аналогичные по форме корчагообразные сосуды «типа Вилланова» хорошо известны в лесостепных погребальных комплексах и на поселениях раннескифского периода Восточной Европы (*Тереножкін*, 1954. С. 91, 92. Рис. 12; 13; *Петровська*, 1968. С. 172. Рис. 7; *Ковпаненко и др*., 1989. С. 53. Рис. 10: *11–14*; *Шрамко*, 2006. С. 39, 40. Рис. 8: *17–20*; *Дараган*, 2010. С. 89–91. Рис. 4; 5; 16).

Интересным фактом является обнаружение трех раннескифских погребений в кургане 33 мог. **Новоалександровка-I**, недалеко от курганных могильников у с. Высочино. Раннескифские погребения были обнаружены еще в четырех курганах могильника у Ново-Александровки (курганы 7, 24, 34, 48) (*Беспалый, Лукьяшко*, 2018. С. 20–25, 80–82, 123) (рис. 7: *1*). Вокруг изначального центра кургана с основным погребением эпохи ранней бронзы, по дуге были расположены погребения 2, 4 и 5, вытянутые на спине, ориентированные в З–СЗ секторы. Скелет взрослого человека в п. 2 находился в узкой прямоугольной яме. Инвентарь состоял из костяных грибовидных столбиков, палочки-застежки и тазовой кости мрс (рис. 7: *2, 3*).

Для п. 4, в котором находился скелет подростка 10–12 лет, предполагается подбойная конструкция с расположенной к северу входной ямой. На ее ступеньке находилась лепная кружка с заглаженной поверхностью, шаровидным туловом, выделенным поддоном и ручкой, а также лопатка мрс (рис. 7: *4*).

Изделия из кости и керамика позволяют отнести эти погребения к раннескифскому периоду (*Беспалый*, 1984. С. 48–51. Рис. 124; 125; 127; 129; 130; 131; *Беспалый, Парусимов*, 1991. С. 187, 189. Рис. 5: *1–6*; *Беспалый, Лукьяшко*, 2018. С. 97–99. Рис. 53: *1, 3–6, 9*).

Погребальная конструкция п. 5 не прослеживалась. Молодой человек 16–18 лет был положен вытянуто на спине, ориентирован на СЗ. В погребении был найден только лепной плоскодонный горшок с шаровидным туловом и отогнутым от плечиков венчиком (*Беспалый*, 1984. С. 51. Рис. 129; 131; *Беспалый, Парусимов*, 1991. С. 187. Рис. 5: *7, 8*; *Беспалый, Лукьяшко*, 2018. С. 99. Рис. 53: *7, 10*) (рис. 7: *5*). Положение погребенного и сосуд, сами по себе не являются яркими хронологическими маркерами и вполне приемлемы для инвентаря позднейших предскифских комплексов.

Похожий по форме сосуд был найден и в п. 4 к. 34 мог. Новоалександровка-I, хронологическая позиция которого исследователями определялась и как предскифская, и как раннескифская (*Беспалый*, *Парусимов*, 1991. С. 194; *Лукьяшко*, 1999. С. 64, 168, 169. Рис. 50; *Беспалый, Лукьяшко*, 2018. С. 99). Лишь импортный для Дона, но обычный для памятников Кубани, довольно поздний по своей морфологии (группа 2) (*Эрлих*, 2007. С. 76) протомеотский черпак из п. 4 к. 34, позволяет более обоснованно отнести оба упомянутых погребения к раннескифскому периоду.

Примечательной является и компактно расположенная в СЗ части насыпи группа раннескифских погребений в к. 7 мог. **Высочино-I**, в котором к бесспорно

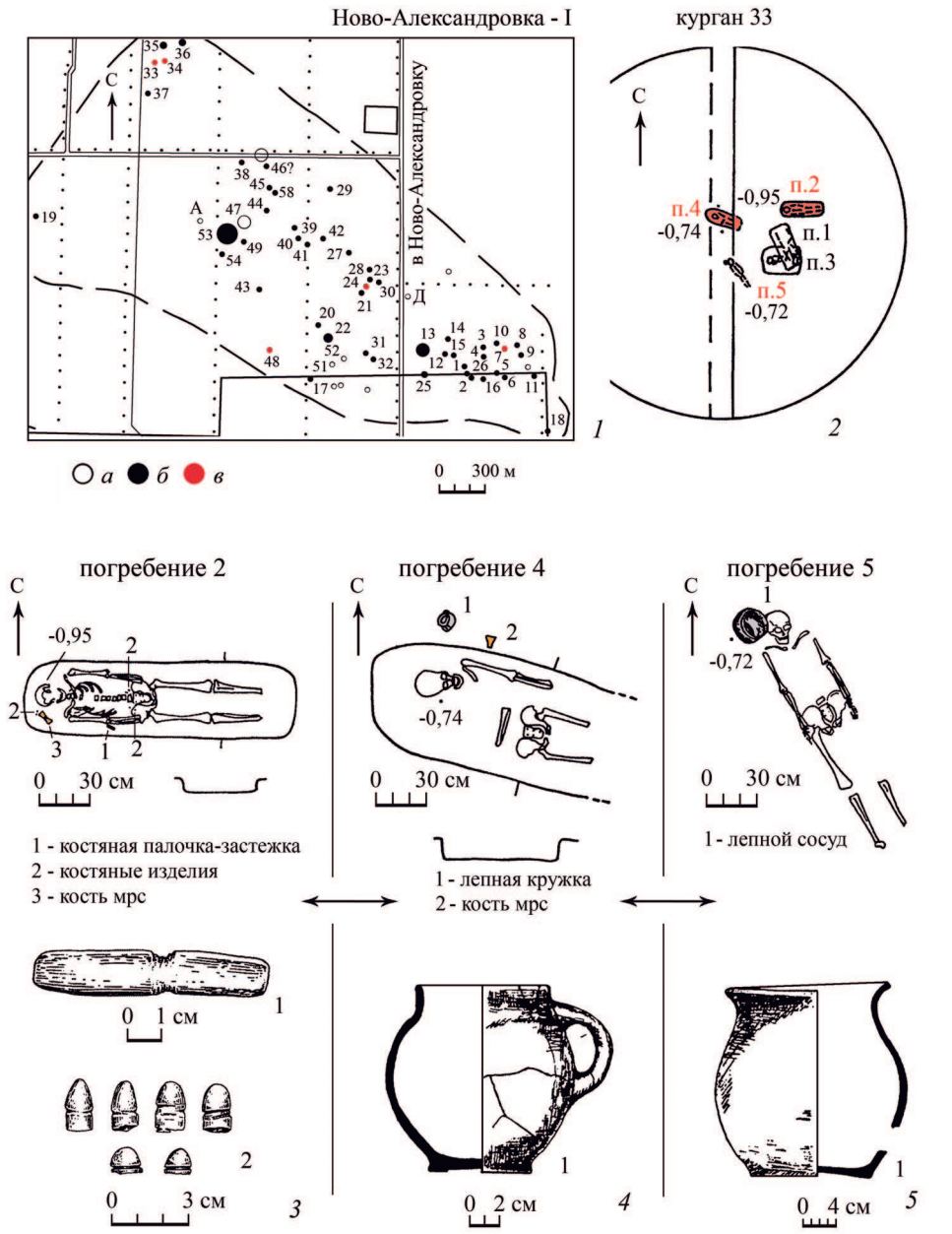


Рис. 7. Могильник Новоалександровака-I, курган 33

1 – план могильника: *а* – нераскопанные курганы; *б* – раскопанные курганы; *в* – раскопанные курганы с раннескифскими погребениями; *2* – план кургана 33; *3* – план и инвентарь погребения 2; *4* – план и инвентарь погребения 4; *5* – план и инвентарь погребения 5 (по: *Беспалый*, 1984; *Беспалый, Лукьяшко*, 2018)

раннескифским могут быть отнесены погребения 2 и 4. Их погребальные сооружения не прослежены (*Лукьяшко*, 1976. С. 14–18. Рис. 1; 44; 47; 59–62) (рис. 8: *1, 2*).

Скелет молодого человека до 18 лет в п. 2 был положен вытянуто на спине, ориентирован на З. Череп наклонен влево. Ноги вытянуты параллельно. Правая рука вытянута вдоль тела, левая – слегка согнута в локте, кисть на левом крыле таза. У правого плеча находились створка раковины и костяная палочка-застежка (рис. 8: *3*).

В п. 4 скелет взрослого мужчины находился вытянуто на спине, ориентирован на З. Ноги слегка согнуты в коленях и развернуты влево. Левая рука вытянута вдоль тела, правая – согнута в локте, кисть на середине таза. У правого локтя были положены два бронзовых и семь железных втульчатых наконечника стрел. У костей левой стопы находились фрагменты лепного плоскодонного толстостенного сосуда (*Кореняко, Лукьяшко*, 1982. С. 152, 153. Рис. 3; 4; *Беспалый, Лукьяшко*, 2008. С. 17–18. Табл. VII: *1–3, 5, 7–10*) (рис. 8: *4*).

Вполне вероятным, исходя из ситуационных аналогий в рассматривавшихся выше курганах, может быть отнесение к раннескифскому времени и частично разрушенного, безынвентарного п. 5. Скелет был положен на спине, ориентирован на З, череп лежал на затылочной части. Левая рука согнута в локте, кисть положена поверх таза (*Беспалый, Лукьяшко*, 2008. С. 18. Табл. VIII: *2*) (рис. 8: *5*). Правая рука вытянута и отставлена в сторону от тела, что не вполне характерно для погребального обряда раннескифского времени, но встречается в предскифском (*Вальчак и др.*, 2019. С. 163).

Еще во время раскопок С. И. Лукьяшко предположительно отнес к раннескифскому времени и п. 6 в этом же кургане. Совмещение имеющихся планов наглядно иллюстрирует факт нахождения скелета непосредственно под п. 4. Погребенный был положен вытянуто на спине, ориентирован на З. Ноги вытянуты, сведены в коленях и стопах. Под скелетом прослежена меловая подсыпка. Руки вытянуты вдоль скелета, череп и инвентарь отсутствовали. Дно п. 4 находилось несколько выше скелета в п. 6. При этом, чуть выше и западнее, в насыпи был обнаружен череп взрослого человека с лежащими рядом обломком плоской бронзовой пластинки (0,8 × 0,4 см) и пронизью с двумя параллельными отверстиями. Череп и находки, вероятно, относятся к п. 6 и были перемещены при сооружении п. 4 (*Лукьяшко*, 1976. С. 15, 17. Рис. 60; 62; *Беспалый, Лукьяшко*, 2008. С. 17, 18. Табл. VIII: *3*) (рис. 8: *6*).

Таким образом, в к. 7 мог. Высочино-I вместе с расположенными в насыпи по соседству, в условно-горизонтальной плоскости погребениями, был зафиксирован и факт ***ярусного расположения захоронений*** раннескифского времени (рис. 8: *2*).

Близкая ситуация была обнаружена и в мог. **Плоский-I**, находящемся на левобережье Нижнего Дона, где в курганах 5 и 8 были найдены погребения раннескифского времени (рис. 9: *1*).

В центре к. 8 были компактно совершены три захоронения (рис. 9: *2*). В п. 4, предположительно в овальной яме, был обнаружен скелет женщины 20–24 лет. Погребенная находилась на левом боку, в слабоскорченном положении, ориентирована на З. Череп лежал на левой стороне, лицом к С. Ноги слегка

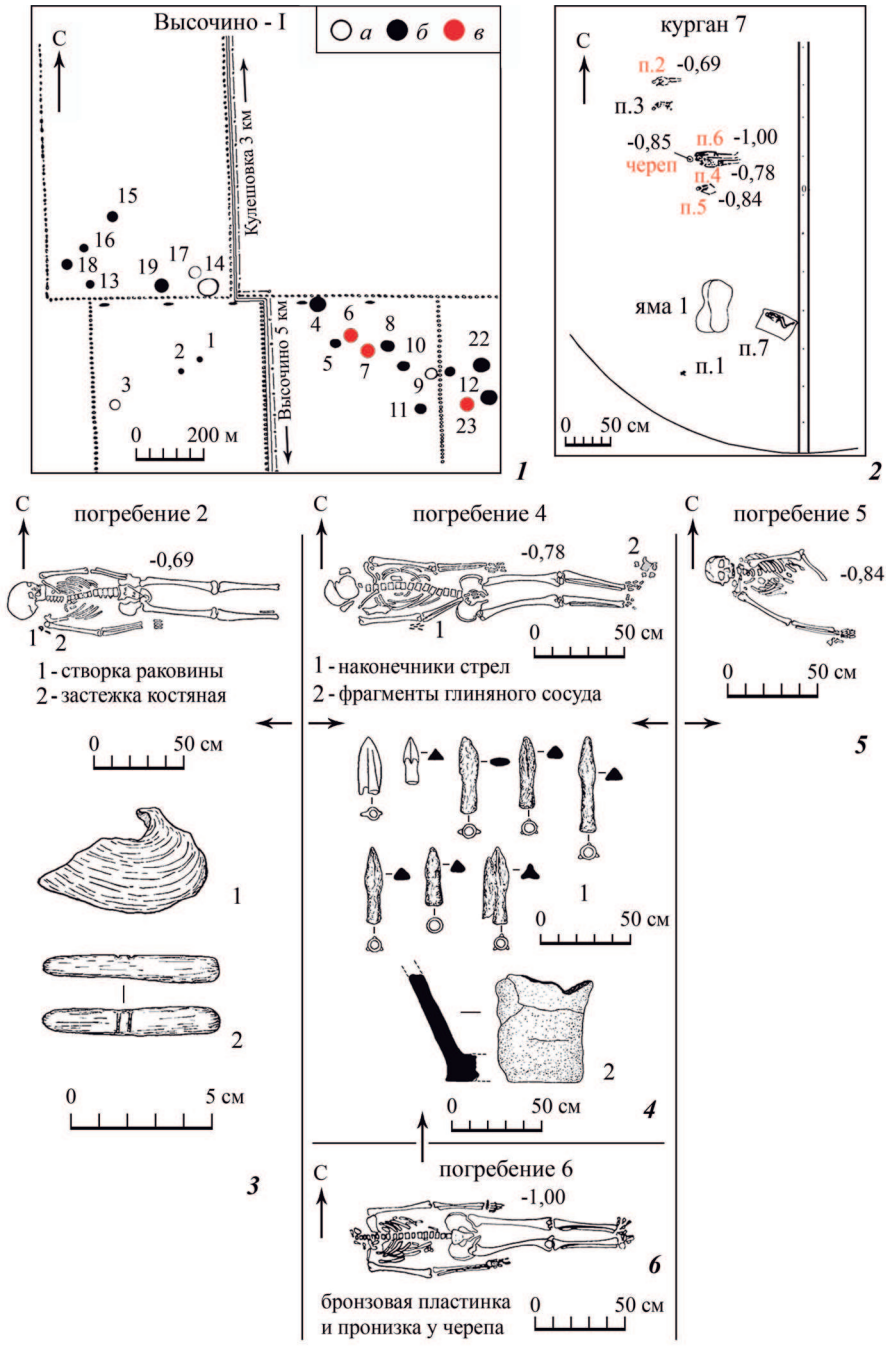


Рис. 8. Могильник Высочино-I, курган 7

1 – план могильника: *а* – нераскопанные курганы; *б* – раскопанные курганы; *в* – раскопанные курганы с раннескифскими погребениями; *2* – план юго-западной части кургана 7; *3* – план и инвентарь погребения 2; *4* – план и инвентарь погребения 4; *5* – план погребения 5; *6* – полан погребения 6 (по: *Лукьяшко*, 1976; *Кореняко, Лукьяшко*, 1982)

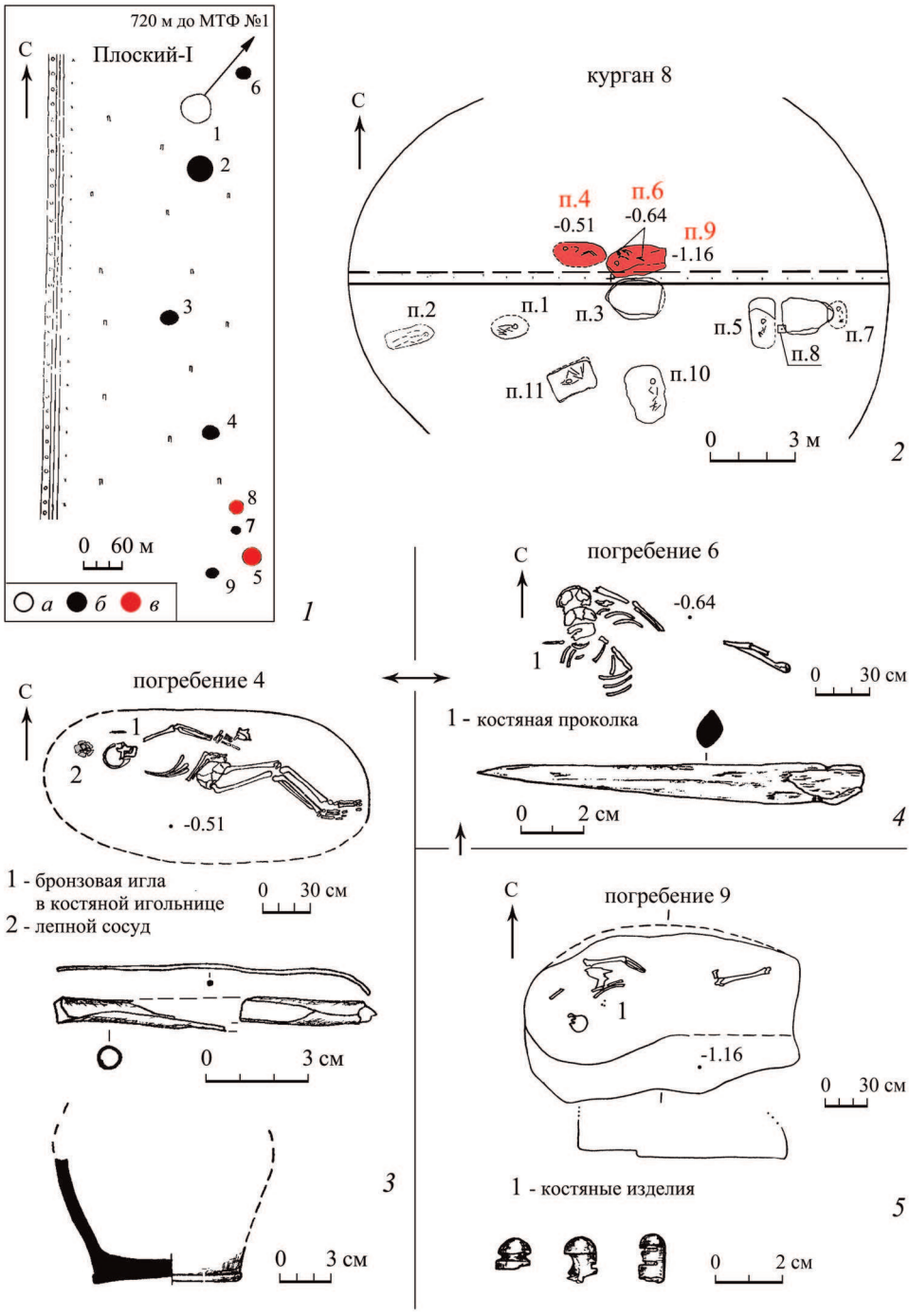


Рис. 9. Могильник Плоский-I, курган 8

1 – план могильника: *а* – нераскопанные курганы; *б* – раскопанные курганы; *в* – раскопанные курганы с раннескифскими погребениями; *2* – план кургана 8; *3* – план и инвентарь погребения 4; *4* – план и инвентарь погребения 6; *5* – план и инвентарь погребения 9 (по: *Копылов, Янгулов*, 1989; *Копылов*, 1990)

согнуты в коленях и развернуты влево. Правая рука была согнута в локте, кости предплечья и кисть находились поверх таза. Левая рука согнута в локте и положена вдоль тела. Перед лицевым отделом черепа была найдена игольница из кости птицы с бронзовой иглой внутри. Западнее черепа обнаружена нижняя часть лепного плоскодонного сосуда с округлым туловом, выделенной закраиной у дна и вогнутым дном (*Копылов, Янгулов*, 1989. С. 25–29. Рис. 1; 92; 103; 106–109; *Копылов*, 1990. С. 55–57. Рис. 2) (рис. 9: *3*).

Погребение 6 располагалось впритык и восточнее п. 4. Погребальное сооружение не прослеживалось. Скелет взрослого человека был разрушен грабителями, предполагается его положение на спине, вытянуто, с ЗСЗ ориентировкой черепа. У черепа были обнаружены зубы крупного травоядного животного и костяная проколка (рис. 9: *4*).

В. П. Копылов отмечает близость этой находки с проколкой из разрушенного п. 3 к. 4 мог. Красногоровка-I (*Копылов*, 1990. С. 58. Рис. 3; *Беспалый, Парусимов*, 1991. С. 190. Рис. 6: *9*). Интересно отметить нахождение костяной проколки в п. 6 к. 8 в районе черепа, как и аналогичной в рассмотренном выше п. 5 к. 7 мог. Займо-Обрыв-1. Подобная же проколка была обнаружена у левой плечевой кости при вытянутом на СЗ «савроматском» п. 13 в к. 4 группы Быково I в Заволжье (*Смирнов*, 1964. Рис. 3: *1, 1а*).

Погребение 6 было совершено позже аналогичным образом, как и разрушенное при его сооружении п. 9. Исходя из совмещения планов, можно предположить, что яма (?) п. 6 заняла частично входную яму подбойного п. 9 и разрушила свод его погребальной камеры. Судя по сохранившимся костям скелета, погребенный был ориентирован на З, левая рука согнута в локте, а ее кисть находилась над тазом. В заполнении были найдены мелкий фрагмент железного предмета и три костяных грибовидных столбика в районе таза (*Копылов, Янгулов*, 1989. С. 31, 33, 34. Рис. 92; 103; 116–118; 124; 125; *Копылов*, 1990. С. 58, 59. Рис. 4) (рис. 9: *2, 5*).

Следовательно, в к. 8 мог. Плоский-I мы видим еще один ***пример вертикальной стратиграфии*** в расположении погребений раннескифского времени в насыпи кургана, надежно подтвержденный наличием характерного погребального инвентаря (рис. 9: *2*).

Известны и некоторые другие случаи ярусного расположения погребений раннескифского времени как друг над другом, так и над предскифскими комплексами, но в большинстве случаев они менее яркие и информативные. В бассейне Дона, для примера можно упомянуть еще связку погребений 7, 8 и 9 в к. 30 мог. **Высочино-V** (*Беспалый, Парусимов*, 1986. С. 161, 162. Рис. 430; 439; 441; 442; 445; *Беспалый, Лукьяшко*, 2008. С. 104–106. Табл. CII: *1*; CIII: *1*; CIV: *2–4*).

В бассейне Нижней Волги подобная ситуация зафиксирована для п. 9 и 10 в к. 1 группы **Кривая Лука XXXIV** в Астраханской обл. (*Дворниченко, Фёдоров-Давыдов*, 1981. С. 26–31. Рис. 2; 3; 25–29). Аналогичные стратиграфические ситуации были прослежены и в некоторых курганных могильниках Заволжья (*Вальчак и др*., 2019. С. 167, 168), в частности – для погребений 7 и 8 в к. 4 мог. **Быково I** (*Смирнов*, 1960. С. 180, 184. Рис. 6: *4*; 1964. С. 26, 30. Рис. 2: *6*; 62: *5*).

Рассмотренный материал позволяет прийти к некоторым заключениям:

1. Ярусное расположение относительно немногочисленных раннескифских погребений сочетается с находящимися рядом несколькими синхронными захоронениями в той же насыпи или в других курганах могильника. На сегодняшний день важен сам факт наличия подобным образом организованных элементов метаструктуры в раннескифский период. Количественные показатели, конечно, могут изменяться по мере введения в научный оборот материалов предыдущих и новых раскопок.

2. Анализ топографии курганов с раннескифскими комплексами в составе групп и могильников, не дает возможности утверждать наличие какой-либо системы в их выборе для совершения погребений. Они могут быть расположены как в непосредственной близости, так и в разных частях курганной группы.

3. Половозрастной состав проанализированных раннескифских погребений достаточно разнообразен: имеются захоронения подростков, женщин и мужчин. Но заметно преобладание погребений молодых и взрослых мужчин, особенно мужчин-воинов.

4. Можно констатировать, что метаструктура курганных групп и могильников с раннескифскими погребальными комплексами степного юга Восточной Европы существенно не отличается от метаструктуры предыдущего, предскифского периода. Но ярусные предскифские погребения встречаются значительно чаще, чем раннескифские (*Вальчак*, 2024). Исходя из этого, можно предположить, что период проживания носителей раннескифской культуры в степях Восточной Европы был заметно короче, чем предскифского населения.

Исходя из ранее выявленных групп впускных погребений в метаструктуре предскифского периода, которые были топографически преднамеренно локализованы в нескольких курганах одного могильника, расположены отдельно в насыпи одного из курганов и, особенно, вертикально связаны стратиграфически в ярусных захоронениях, был сделан вывод о системности этих фактов.

На основании социальных реконструкций А. М. Хазанова было высказано предположение о наличии локальных кладбищ членов малых или расширенных семей в предскифском кочевом сообществе юга Восточной Европы (*Хазанов*, 2023. С. 88–90)[6], скорее всего, функционирующих на протяжении одного, максимум двух поколений (*Вальчак*, 2024).

Погребальная обрядность в некоторой степени обусловлена социальной структурой общества (*Ольховский*, 1986. С. 72–75; 1991. С. 150; *Гуляев, Ольховский*, 1999. С. 11, 12, 14, 15). Из наблюдаемых фактов следует, что раннескифское кочевое население юга Восточной Европы находилось на той же стадии общественного развития, что и предскифское, с похожей социальной организацией. Существенное отличие заключается в намного большем удельном весе раннескифских воинских погребений, что не вызывает удивления, учитывая обстоятельства появления ранних скифов в Восточной Европе. При этом,

[6] Около 50 лет назад, в первом издании монографии, отсутствие достаточного количества данных позволило А. М. Хазанову высказать суждения о форме и численности раннескифской семьи на основании более поздних погребальных памятников и этнографических материалов.

анализируя весь массив степных предскифских памятников юга Восточной Европы, трудно согласиться с выводом о «явно не воинственном характере культуры» предскифского времени (*Лукьяшко*, 2014. С. 114).

Учитывая изложенное выше, можно отчасти поддержать высказанную гипотезу о принадлежности сосредоточенных на левобережье Дона раннескифских погребений со сходными обрядовыми чертами определенной этнической группе населения (*Копылов*, 1990. С. 60; *Беспалый, Парусимов*, 1991. С. 194).

Сложно согласиться с тезисом исследователей о «длительном времени проживания» такой группы в степях левобережья Нижнего Дона, о чем, по их мнению, свидетельствует сосредоточение нескольких погребений в одном кургане. Вероятно, оно сформировалось на основании наложения разновременных погребений 2 и 3 (VI и V–IV вв. до н. э.) в к. 9 мог. Красногоровка-I (*Беспалый, Парусимов*, 1991. С. 190–192, 194. Рис. 7: *1*), что может иметь и случайный характер. Малое количество расположенных в непосредственной близости, по соседству и ярусами относительно синхронных раннескифских погребений свидетельствует об обратном. Они не образуют сколько-нибудь крупных семейно-родовых могильников нескольких поколений.

Не вполне бесспорен и тезис об этническом единстве подобных локальных групп древнего населения в раннескифский период (*Копылов*, 1990. С. 60; *Беспалый, Парусимов*, 1991. С. 194). Как было отмечено выше, среди раннескифских погребений встречается вытянутое положение на боку, слабоскорченное положение, восточная ориентировка погребенных наряду с приоритетной западной, широко распространены подбойные конструкции погребальных сооружений. В комплексах встречаются сосуды со сливом и «корчаги» с округло-биконическим туловом. Все эти признаки присутствуют в погребальном обряде позднего этапа новочеркасского (позднечерногоровского) предскифского периода на юге Восточной Европы и не являются новациями в раннескифском.

Среди нижнедонских раннескифских погребений С. И. Лукьяшко даже выделяет в отдельную группу «комплексы рядового населения VII–VI вв. до н. э.», в которых «заметно присутствие местного доскифского компонента» (*Лукьяшко*, 2010. С. 135, 136; 2014. С. 117). В таком случае, погребения мужчин-воинов с некоторыми отклонениями от раннескифского погребального канона могут оказаться не только принадлежащими связанным определенной степенью родства раннескифским индивидам, но и комбатантам, представителям местного населения, принявшим некие вассальные обязательства и новую, раннескифскую культурную доминанту.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А. Ю., 2003. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб.: Изд-во ГЭ. 416 с.

Бабешко И. Г., 1988. Отчет об археологических раскопках курганной группы Красногоровка-III в г. Азове на территории дачного кооператива «Искра» в 1988 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 14211, 14212.

Батчаев В. М., 1985. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2 / Ред.: М. П. Абрамова, В. И. Козенкова. Нальчик: Эльбрус. С. 7–115.

Белинский И. В., 1988. Отчет о работах Приморского Первого отряда АКМ в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12878, 12879.

Беспалый Е. И., 1983. Отчет о работах Приморского отряда археологической экспедиции АКМ в 1983 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 9887, 9887а.

Беспалый Е. И., 1984. Отчет о работах Приморского археологического отряда экспедиции АКМ в 1984 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 10557, 10557а.

Беспалый Е. И., Беспалый Г. Е., 2002. Курганный могильник Мухин // Аксайские древности / Отв. ред. Л. С. Ильюков. Ростов-на-Дону: Ростовская обл. инспекция по охране и эксплуатации памятников истории и культуры: Археолог. науч.-исслед. бюро. С. 19–110.

Беспалый Е. И., Лукьяшко С. И., 2008. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Т. 1. Курганный могильник у с. Высочино. Ростов-на-Дону: Южный науч. центр РАН. 224 с.

Беспалый Е. И., Лукьяшко С. И., 2018. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Т. 2. Курганный могильник у с. Новоалександровка. Ростов-на-Дону: Южный науч. центр РАН. 224 с.

Беспалый Е. И., Парусимов И. Н., 1986. Отчет о работах Приморского археологического отряда АКМ в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11387, 11388б.

Беспалый Е. И., Парусимов И. Н., 1991. Комплексы переходного и раннескифского периодов на Нижнем Дону // СА. № 3. С. 179–195.

Брашинский И. Б., 1973. Раскопки скифских курганов на Нижнем Дону // КСИА. Вып. 133. С. 54–61.

Вальчак С. Б., 2024. Погребения начала раннего железного века в курганах юга Восточной Европы (метаструктура памятников) // SP. № 3. (В печати.)

Вальчак С. Б., Синика В. С., Лукасик С., Поспешны Л., Горболь Н. Ю., 2019. Предскифские погребения группы «Сад» у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // Revista de Arheologie, Antropologie şi Studii interdisciplinare. № 1. Chişinău. P. 159–182.

Галанина Л. К., 1997. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М.: Палеограф. 270 с., 44 л. ил. (Степные народы Евразии; т. 1.)

Головкова Н. Н., Лукьяшко С. И., 1979. Отчет о работе Приморской археологической экспедиции в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7783, 7783а.

Гуляев В. И., Ольховский В. С., 1999. Погребальные памятники и погребальная обрядность: проблемы анализа и интерпретации // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений / Отв. ред.: В. И. Гуляев, И. С. Каменецкий, В. С. Ольховский. М.: Восточная литература. С. 10–18.

Гуркин С. В., Бойко А. Л., 1990. Работы Приморской археологической экспедиции в 1989 г. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону. Вып. 9. … в 1989 г. / Отв. ред. В. Е. Максименко. Азов: Азовский краевед. музей. С. 11–15.

Дараган М. Н., 2010. Памятники раннескифского времени Среднего Поднепровья и Гальштатт: поиск хронологических реперов // Revista Arheologica. Serie noua. Vol. VI. № 2. С. 85–113.

Дворниченко В. В., Кореняко В. А., 1989. Предшественники савроматов в Волго-Донском междуречье, Заволжье и южном Приуралье // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука. С. 148–152. (Археология СССР.)

Дворниченко В. В., Фёдоров-Давыдов Г. А., 1981. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства 1-й очереди Калмыцко-Астраханской оросительной системы (Черноярский район Астраханской обл.) в 1981 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 9905, 9905а, в.

Дубовская О. Р., 1990. Раннескифские погребения у ст. Новокорсунской // СА. № 4. С. 182–189.

Дубовская О. Р., 1997. Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья // Археологический альманах. № 6. Донецк: Донецкий обл. краевед. музей. С. 181–218.

Ильюков Л. С., 2015. Костяные палочки-застежки скифского времени с территории Нижнего Дона // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти А. И. Мелюковой / Отв. ред. С. И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного науч. центра РАН. С. 63–68.

Кияшко В. Я., Кореняко В. А., 1976. Погребение раннего железного века у г. Константиновска-на-Дону // СА. № 1. С. 170–177.

Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А., 1989. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев: Наукова думка. 336 с.

Козюменко Е. В., 1988. Отчет о работе Приморского отряда Новочеркасской экспедиции в 1988 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 12929, 12930.

Копылов В. П., 1979. Отчет о работе Донского отряда Ростовской экспедиции в 1979 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 7831, 7831а.

Копылов В. П., 1990. Погребения раннескифского времени в устье Маныча // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону. Вып. 9. … в 1989 г. / Отв. ред. В. Е. Максименко. Азов: Азовский краевед. музей. С. 55–61.

Копылов В. П., Лукьяшко С. И., 1995. Погребения предскифского и скифского времени в междуречье Дона и Сала // Донские древности. Вып. 4 / Отв. ред. С. И. Лукьяшко. Азов: Азовский краевед. музей. С. 117–148.

Копылов В. П., Русаков М. Ю., 2015. О верхней хронологической границе колчанных наборов в погребальных комплексах раннескифского времени // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти А. И. Мелюковой / Отв. ред. С. И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного науч. центра РАН. С. 91–95.

Копылов В. П., Янгулов С. Ю., 1989. Отчет об исследованиях археологических памятников в зоне мелиоративных работ в Багаевском районе Ростовской области в 1989 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 13701, 13702.

Кореняко В. А., 1985. Погребения эпохи перехода от бронзы к железу в степях Юго-Восточной Европы (состояние источников и проблема отбора фактов) // СА. № 4. С. 54–62.

Кореняко В. А., Лукьяшко С. И., 1982. Новые материалы раннескифского времени на левобережье Нижнего Дона // СА. № 3. С. 149–164.

Кореняко В. А., Максименко В. Е., 1978. Погребения раннего железного века в бассейне Нижнего Дона // СА. № 3. С. 167–182.

Лукьяшко С. И., 1976. Отчет о работе Приморского отряда Азово-Донецкой экспедиции летом 1976 года // Архив ИА РАН. Р-1. № 6108, 6108а.

Лукьяшко С. И., 1999. Предскифский период на Нижнем Дону. Азов: Азовский краевед. музей. 240 с. (Донские древности; вып. 7.)

Лукьяшко С. И., 2010. Некоторые вопросы этнополитической истории Восточного Приазовья в предскифское и раннескифское время // НАВ. Вып. 11. С. 130–139.

Лукьяшко С. И., 2014. Население Нижнего Дона в VII–IV вв. до н. э. // Сарматы и внешний мир: материалы VIII Всерос. науч. конф. / Отв. ред.: Л. Т. Яблонский, Н. С. Савельев. Уфа: Ин-т истории, языка и литературы Уфимского науч. центра РАН. С. 113–123.

Максименко В. Е., 1968. Отчет о работах 2-го отряда археологической экспедиции Ростовского университета в Константиновском и Азовском районах Ростовской обл. в 1968 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 3876, 3876а.

Максименко В. Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та. 224 с.

Маслов В. Е., Петренко В. Г., 1998. Курган № 12 могильника Новозаведенное-II // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. I. Археология / Отв. ред. А. Б. Белинский. Ставрополь: Наследие. С. 210–227.

Мелюкова А. И., 1989. Скифские памятники степи Северного Причерноморья // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука. С. 51–67. (Археология СССР.)

Мелюкова А. И., Мошкова М. Г., 1989. Введение // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука. С. 5–9. (Археология СССР.)

Мурзин В. Ю., 1984. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка. 136 с.

Ольховский В. С., 1978. Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным // СА. № 4. С. 83–97.

Ольховский В. С., 1986. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. № 1. С. 65–76.

Ольховский В. С., 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М.: Наука. 256 с.

Отрощенко В. В., 1994. О погребениях черногоровского типа в Нижнем Подонье // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 13 / Отв. ред. В. Я. Кияшко. Азов: Азовский краевед. музей. С. 103–117.

Парусимов И. Н., 1991. Погребение VI в. до н. э. из могильника Спичаковка // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону. Вып. 10. … в 1990 году / Отв. ред. В. Е. Максименко. Азов: Азовский краевед. музей. С. 47–50.

Парусимов И. Н., 2008. К датировке погребения 43 могильника Салок I // Труды Археологического научно-исследовательского бюро. Т. III / Ред. А. В. Захаров. Ростов-на-Дону: Археолог. науч.-исслед. бюро. С. 112–114.

Петренко В. Г., 1990. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья // Проблемы скифо-сарматской археологии / Отв. ред. А. И. Мелюкова. М.: ИА АН СССР. С. 60–81.

Петренко В. Г., 2006. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. М.; Берлин; Бордо: Палеограф. 178 с., 126 с. ил. (Степные народы Евразии; т. 3) (Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum; т. 1.)

Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р., 2000. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное-II // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология / Отв. ред.: В. И. Гуляев, В. С. Ольховский. М.: ИА РАН. С. 238–248.

Петровська Є. О., 1968. Курган VI ст. до н. е. біля с. Мала Офірна на Київщині // Археологія. Київ. XXI. С. 164–174.

Погребова М. Н., Раевский Д. С., 1997. Савроматы и скифы (Некоторые аспекты проблемы происхождения савроматов в свете этнокультурной истории Восточной Европы) // Донские древности. Вып. 5 / Отв. ред. В. Е. Максименко. Азов: Азовский краевед. музей. С. 79–86.

Потапов В. В., 1999. Черногоровские погребения в низовьях левого берега Дона // Донская археология. № 1 / Отв. ред. В. Е. Максименко. Ростов-на-Дону: Ростовский гос. ун-т. С. 62–68.

Смирнов К. Ф., 1960. «Быковские курганы» // Древности нижнего Поволжья: Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции. Т. II / Отв. ред.: Е. И. Крупнов, К. Ф. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР. С. 169–268. (МИА; № 78.)

Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука. 379 с., 3 л. ил.

Тереножкін О. І., 1954. Курган біля с. Глеваха // Археологія. Київ. IX. С. 80–97.

Хазанов А. М., 2023. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М.: Академический проект. 372 с.

Черненко Е. В., 1981. Скифские лучники. Киев: Наукова думка. 168 с.

Шрамко І. Б., 2006. Ранній період в історії геродотівського Гелону (за матеріалами розкопок зольника № 5) // Більське городище та його округа (до 100-річчя початку польових досліджень). Київ: Шлях. С. 33–56.

Шрамко Б. А., 1987. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев: Наукова думка. 184 с.

Эрлих В. Р., 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М.: Наука. 430 с.

Сведения об авторе

Вальчак Сергей Борисович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: valchaks@yandex.ru

S. B. Valchak

POSTMORTEM NEIGHBORHOOD: EARLY SCYTHIAN SECONDARY GRAVES IN THE META-STRUCTURE OF KURGAN SITES

Abstract. The paper explores secondary graves in the Bronze Age kurgans which have been discovered in the South of East European steppes (7th–6th centuries BC). As constituent elements of the funerary site meta-structure, the Early Scythian complexes were systemized based on the number of graves in the kurgan group, their topography

in the cemetery and in each specific kurgan, and location of such kurgans with the graves in question within the burial ground (group) area. The analysis of the materials shows that the Early Scythian graves can form groups made up of several graves located both in various kurgans of the cemetery and in one kurgan. The graves in one kurgan may be linked by both horizontal stratigraphy and vertical stratigraphy forming tiers. The analysis found that the meta-structure of the Early Scythian sites is practically similar to the meta-structure of the sites from the pre-Scythian period. Some social groups of the Early Scythian populations, probably, members of small families and, maybe, male warrior teams could arrange small local cemeteries that functioned for a short period of time.

Keywords: Early Scythian period, funerary sites, kurgans, meta-structure, nomads, steppe belt, South of Eastern Europe.

REFERENCES

Alekseev A. Yu., 2003. Khronografiya Evropeyskoy Skifii VII–IV vekov do n. e. [Chronography of European Scythia of VII–IV centuries BC]. St. Petersburg: GE. 416 p.

Babeshko I. G., 1988. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh kurgannoy gruppy Krasnogorovka-III v g. Azove na territorii dachnogo kooperativa «Iskra» v 1988 godu [Report on archaeological excavations of Krasnogorovka-III kurgan group in Azov in territory of «Iskra» cottage cooperative in 1988]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Batchaev V. M., 1985. Drevnosti predskifskogo i skifskogo periodov [Antiquities of pre-Scythian and Scythian periods]. *Arkheologicheskie issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg. [Archaeological research in construction zones of Kabardino-Balkaria in 1972–1979]*, 2. M. P. Abramova, V. I. Kozenkova, eds. Nalchik: Elbrus, pp. 7–115.

Belinskiy I. V., 1988. Otchet o rabotakh Primorskogo Pervogo otryada AKM v 1988 g. [Report on work of Primorskiy First team, AKM in 1988]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Bespalyy E. I., 1983. Otchet o rabotakh Primorskogo otryada arkheologicheskoy ekspeditsii AKM v 1983 godu [Report on work of Primorskiy team, AKM archaeological expedition in 1983]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Bespalyy E. I., 1984. Otchet o rabotakh Primorskogo arkheologicheskogo otryada ekspeditsii AKM v 1984 godu [Report on work of Primorskiy archaeological team, AKM expedition in 1984]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Bespalyy E. I., Bespalyy G. E., 2002. Kurgannyy mogil'nik Mukhin [Kurgan cemetery Mulhin]. *Aksayskie drevnosti [Aksay antiquities]*. L. S. Il'yukov, ed. Rostov-na-Donu: Rostovskaya oblastnaya inspektsiya po okhrane i ekspluatatsii pamyatnikov istorii i kul'tury: Arkheologicheskoe nauchno-issledovatel'skoe byuro, pp. 19–110.

Bespalyy E. I., Luk'yashko S. I., 2008. Drevnee naselenie mezhdurech'ya Dona i Kagal'nika [Ancient population of Don and Kagalnik interfluve], 1. Kurgannyy mogil'nik u s. Vysochino [Kurgan cemetery near village Vysochino]. Rostov-na-Donu: YuNTs RAN. 224 p.

Bespalyy E. I., Luk'yashko S. I., 2018. Drevnee naselenie mezhdurech'ya Dona i Kagal'nika [Ancient population of Don and Kagalnik interfluve], 2. Kurgannyy mogil'nik u s. Novoaleksandrovka [Kurgan cemetery near village Novoaleksandrovka]. Rostov-na-Donu: YuNTs RAN. 224 p.

Bespalyy E. I., Parusimov I. N., 1986. Otchet o rabotakh Primorskogo arkheologicheskogo otryada AKM v 1986 g. [Report on work of Primorskiy archaeological team, AKM in 1986]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Bespalyy E. I., Parusimov I. N., 1991. Kompleksy perekhodnogo i ranneskifskogo periodov na Nizhnem Donu [Complexes of transitional and early Scythian periods on Lower Don]. *SA*, 3, pp. 179–195.

Brashinskiy I. B., 1973. Raskopki skifskikh kurganov na Nizhnem Donu [Excavations of Scythian kurgans on Lower Don]. *KSIA*, 133, pp. 54–61.

Chernenko E. V., 1981. Skifskie luchniki [Scythian archers]. Kiev: Naukova dumka. 168 p.

Daragan M. N., 2010. Pamyatniki ranneskifskogo vremeni Srednego Podneprov'ya i Gal'shtatt: poisk khronologicheskikh reperov [Sites of early Scythian period in Middle Dnieper region and Hallstatt:

a search for chronological reference points]. *Revista Arheologica. Serie noua*, vol. VI, no. 2, pp. 85–113.

Dubovskaya O. R., 1990. Ranneskifskie pogrebeniya u st. Novokorsunskoy [Early Scythian burials near Cossack village Novokorsunskaya]. *SA*, 4, pp. 182–189.

Dubovskaya O. R., 1997. Ob etnokul'turnoy atributsii «novocherkasskikh» pogrebeniy Severnogo Prichernomor'ya [On ethnocultural attribution of «Novocherkassk» burials in North Pontic region]. *Arkheologicheskiy al'manakh [Archaeological miscellany]*, 6. Donetsk: Donetskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey, pp. 181–218.

Dvornichenko V. V., Fedorov-Davydov G. A., 1981. Otchet o raskopkakh kurganov v zone stroitel'stva 1-y ocheredi Kalmytsko-Astrakhanskoy orositel'noy sistemy (Chernoyarskiy rayon Astrakhanskoy obl.) v 1981 godu [Report on excavation of kurgans in construction zone of the 1st stage of Kalmyk-Astrakhan irrigation system (Chernoyarsky district, Astrakhan region) in 1981]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Dvornichenko V. V., Korenyako V. A., 1989. Predshestvenniki savromatov v Volgo-Donskom mezhdurech'e, Zavolzh'e i yuzhnom Priural'e [Predecessors of Sauromatians in Volga-Don interfluve, Volga region and Southern Urals]. *Stepi evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [Steppes of European part of the USSR in Scythian-Sarmatian period]*. Moscow: Nauka, pp. 148–152. (Arkheologiya SSSR.)

Erlikh V. R., 2007. Severo-Zapadnyy Kavkaz v nachale zheleznogo veka: protomeotskaya gruppa pamyatnikov [Northwestern Caucasus at the beginning of the Iron Age: proto-Maeotian group of sites]. Moscow: Nauka. 430 p.

Galanina L. K., 1997. Kelermesskie kurgany. «Tsarskie» pogrebeniya ranneskifskoy epokhi [Kelermes kurgans. «Royal» burials of early Scythian period]. Moscow: Paleograf. 270 p., 44 l. ill. (Stepnye narody Evrazii, 1.)

Golovkova N. N., Luk'yashko S. I., 1979. Otchet o rabote Primorskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1979 g. [Report on work of Primorskaya archaeological expedition in 1979]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Gulyaev V. I., Olkhovskiy V. S., 1999. Pogrebal'nye pamyatniki i pogrebal'naya obryadnost': problemy analiza i interpretatsii [Burial sites and burial rites: issues of analysis and interpretation]. *Pogrebal'nyy obryad: rekonstruktsiya i interpretatsiya drevnikh ideologicheskikh predstavleniy [Burial rite: reconstruction and interpretation of ancient ideological ideas]*. V. I. Gulyaev, I. S. Kamenetskiy, V. S. Olkhovskiy, eds. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 10–18.

Gurkin S. V., Boyko A. L., 1990. Raboty Primorskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1989 g. [Works of Primorskaya archaeological expedition in 1989]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu [Historical and archaeological research in the city of Azov and on Lower Don]*, 9. 1989. V. E. Maksimenko, ed. Azov: Azovskiy kraevedcheskiy muzey, pp. 11–15.

Il'yukov L. S., 2015. Kostyanye palochki-zastezhki skifskogo vremeni s territorii Nizhnego Dona [Bone sticks-fasteners of Scythian period from territory of Lower Don]. *Voyna i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire [War and warfare in Scythian-Sarmatian world]*. S. I. Luk'yashko, ed. Rostov-na-Donu: YuNTs RAN, pp. 63–68.

Khazanov A. M., 2023. Sotsial'naya istoriya skifov. Osnovnye problemy razvitiya drevnikh kochevnikov evraziyskikh stepey [Social history of Scythians. The main issues of development of ancient nomads of Eurasian steppes]. Moscow: Akademicheskiy proekt. 372 p.

Kiyashko V. Ya., Korenyako V. A., 1976. Pogrebenie rannego zheleznogo veka u g. Konstantinovska-na-Donu [Early Iron Age burial near Konstantinovsk-na Donu]. *SA*, 1, pp. 170–177.

Kopylov V. P., 1979. Otchet o rabote Donskogo otryada Rostovskoy ekspeditsii v 1979 godu [Report on work of Don team of Rostov expedition in 1979]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Kopylov V. P., 1990. Pogrebeniya ranneskifskogo vremeni v ust'e Manycha [Burials of early Scythian period at the Manych mouth]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu [Historical and archaeological research in the city of Azov and on Lower Don]*, 9. 1989. V. E. Maksimenko, ed. Azov: Azovskiy kraevedcheskiy muzey, pp. 55–61.

Kopylov V. P., Luk'yashko S. I., 1995. Pogrebeniya predskifskogo i skifskogo vremeni v mezhdurech'e Dona i Sala [Burials of pre-Scythian and Scythian times in Don and Sal interfluve]. *Donskie drevnosti [The Don antiquities]*, 4. S. I. Luk'yashko, ed. Azov: Azovskiy kraevedcheskiy muzey, pp. 117–148.

Kopylov V. P., Rusakov M. Yu., 2015. O verkhney khronologicheskoy granitse kolchannykh naborov v pogrebal'nykh kompleksakh ranneskifskogo vremeni [On the upper chronological boundary of quiver sets in burial complexes of early Scythian period]. *Voyna i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire [War and warfare in Scythian-Sarmatian world]*. S. I. Luk'yashko, ed. Rostov-na-Donu: YuNTs RAN, pp. 91–95.

Kopylov V. P., Yangulov S. Yu., 1989. Otchet ob issledovaniyakh arkheologicheskikh pamyatnikov v zone meliorativnykh rabot v Bagaevskom rayone Rostovskoy oblasti v 1989 godu [Report on research of archaeological sites in the area of reclamation works in Bagaevskiy district, Rostov region in 1989]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Korenyako V. A., 1985. Pogrebeniya epokhi perekhoda ot bronzy k zhelezu v stepyakh Yugo-Vostochnoy Evropy (sostoyanie istochnikov i problema otbora faktov) [Burials of transitional epoch from Bronze to Iron in steppes of Southeastern Europe (state of sources and problem of selecting facts)]. *SA*, 4, pp. 54–62.

Korenyako V. A., Luk'yashko S. I., 1982. Novye materialy ranneskifskogo vremeni na levoberezh'e Nizhnego Dona [New materials of early Scythian period on Lower Don left bank]. *SA*, 3, pp. 149–164.

Korenyako V. A., Maksimenko V. E., 1978. Pogrebeniya rannego zheleznogo veka v basseyne Nizhnego Dona [Early Iron Age burials in Lower Don basin]. *SA*, 3, pp. 167–182.

Kovpanenko G. T., Bessonova S. S., Skoryy S. A., 1989. Pamyatniki skifskoy epokhi Dneprovskogo Lesostepnogo Pravoberezh'ya (Kievo-Cherkasskiy region) [Sites of Scythian period in Dnieper Right Bank Forest-Steppe (Kiev-Cherkassy region)]. Kiev: Naukova dumka. 336 p.

Kozyumenko E. V., 1988. Otchet o rabote Primorskogo otryada Novocherkasskoy ekspeditsii v 1988 godu [Report on work of Primorskiy team of Novocherkassk expedition in 1988]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Luk'yashko S. I., 1976. Otchet o rabote Primorskogo otryada Azovo-Donetskoy ekspeditsii letom 1976 goda [Report on work of Primorskiy team of Azov-Donets expedition in summer of 1976]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Luk'yashko S. I., 1999. Predskifskiy period na Nizhnem Donu [Pre-Scythian period on Lower Don]. Azov: Azovskiy kraevedcheskiy muzey. 240 p. (Donskie drevnosti, 7.)

Luk'yashko S. I., 2010. Nekotorye voprosy etnopoliticheskoy istorii Vostochnogo Priazov'ya v predskifskoe i ranneskifskoe vremya [Some issues of ethnopolitical history of Eastern Azov region in pre-Scythian and early Scythian times]. *NAV*, 11, pp. 130–139.

Luk'yashko S. I., 2014. Naselenie Nizhnego Dona v VII–IV vv. do n. e. [Lower Don population in VII–IV cc. BC]. *Sarmaty i vneshniy mir: VIII konferentsiya [Sarmatians and Outside World: VIII conference]*. L. T. Yablonskiy, N. S. Savel'ev, eds. Ufa: Institut istorii, yazyka i literatury Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN, pp. 113–123.

Maksimenko V. E., 1968. Otchet o rabotakh 2-go otryada arkheologicheskoy ekspeditsii Rostovskogo universiteta v Konstantinovskom i Azovskom rayonakh Rostovskoy obl. v 1968 godu [Report on work of 2nd team of archaeological expedition of Rostov University in Konstantinovskiy and Azov districts, Rostov region in 1968]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Maksimenko V. E., 1983. Savromaty i sarmaty na Nizhnem Donu [Sauromatians and Sarmatians on Lower Don]. Rostov-na-Donu: Rostovskiy universitet. 224 p.

Maslov V. E., Petrenko V. G., 1998. Kurgan № 12 mogil'nika Novozavedennoe-II [Kurgan 12 from cemetery Novozavedennoe-II]. *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza [Materials on study of historical and cultural heritage of North Caucasus], I. Arkheologiya [Archaeology]*. A. B. Belinskiy, ed. Stavropol: Nasledie, pp. 210–227.

Melyukova A. I., 1989. Skifskie pamyatniki stepi Severnogo Prichernomor'ya [Scythian sites in the steppe of North Pontic region]. *Stepi evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [Steppes of European part of the USSR in Scythian-Sarmatian period]*. Moscow: Nauka, pp. 51–67. (Arkheologiya SSSR.)

Melyukova A. I., Moshkova M. G., 1989. Vvedenie [Introduction]. *Stepi evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [Steppes of European part of the USSR in Scythian-Sarmatian period]*. Moscow: Nauka, pp. 5–9. (Arkheologiya SSSR.)

Murzin V. Yu., 1984. Skifskaya arkhaika Severnogo Prichernomor'ya [Scythian archaic period in North Pontic region]. Kiev: Naukova dumka. 136 p.

Olkhovskiy V. S., 1978. Ranneskifskie pogrebal'nye sooruzheniya po Gerodotu i arkheologicheskim dannym [Early Scythian burial structures according to Herodotus and archaeological data]. *SA*, 4, pp. 83–97.

Olkhovskiy V. S., 1986. Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' v sisteme vzaimosvyazannykh ponyatiy [Burial and memorial rites in system of interrelated concepts]. *SA*, 1, pp. 65–76.

Olkhovskiy V. S., 1991. Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' naseleniya stepnoy Skifii (VII–III vv. do n. e.) [Burial and memorial rites of population of steppe Scythia (VII–III cc. BC)]. Moscow: Nauka. 256 p.

Otroshchenko V. V., 1994. O pogrebeniyakh chernogorovskogo tipa v Nizhnem Podon'e [On Chernogorovo type burials in Lower Don region]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu [Historical and archaeological research in Azov and on Lower Don]*, 13. V. Ya. Kiyashko, ed. Azov: Azovskiy kraevedcheskiy muzey, pp. 103–117.

Parusimov I. N., 1991. Pogrebenie VI v. do n. e. iz mogil'nika Spichakovka [Burial of VI c. BC from Spichakovka cemetery]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu [Historical and archaeological research in the city of Azov and on Lower Don]*, 10. 1990. V. E. Maksimenko, ed. Azov: Azovskiy kraevedcheskiy muzey, pp. 47–50.

Parusimov I. N., 2008. K datirovke pogrebeniya 43 mogil'nika Salok I [On the date of burial 43 from cemetery Salok I]. *Trudy Arkheologicheskogo nauchno-issledovatel'skogo byuro [Proceedings of Archaeological scientific research bureau]*, III. A. V. Zakharov, ed. Rostov-na-Donu: Arkheologicheskoe nauchno-issledovatel'skoe byuro, pp. 112–114.

Petrenko V. G., 1990. K voprosu o khronologii ranneskifskikh kurganov Tsentral'nogo Predkavkaz'ya [On chronology of early Scythian kurgans of Central Fore-Caucasus]. *Problemy skifo-sarmatskoy arkheologii [Issues of Scythian –Sarmatian archaeology]*. A. I. Melyukova, ed. Moscow: IA AN SSSR, pp. 60–81.

Petrenko V. G., 2006. Krasnoznamenskiy mogil'nik. Elitnye kurgany ranneskifskoy epokhi na Severnom Kavkaze [Krasnoe Znamya cemetery. Elite kurgans of early Scythian period in North Caucasus]. Moscow; Berlin; Bordeaux: Paleograf. 178 p., 126 p. ill. (Stepnye narody Evrazii, 3) (Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum, 1.)

Petrenko V. G., Maslov V. E., Kantorovich A. R., 2000. Khronologiya tsentral'noy gruppy kurganov mogil'nika Novozavedennoe-II [Chronology of central group of kurgans of Novozavedennoe-II cemetery]. *Skify i sarmaty v VII–III vv. do n. e.: paleoekologiya, antropologiya i arkheologiya [Scythians and Sarmatians in VII–III cc. BC: paleoecology, anthropology and archaeology]*. V. I. Gulyaev, V. S. Olkhovskiy, eds. Moscow: IA RAN, pp. 238–248.

Petrovs'ka Є. O., 1968. Kurgan VI st. do n. e. bilya s. Mala Ofirna na Kiïvshchini [Kurgan of VI c. BC near village Mala Ofirna, Kiev region]. *Arkheologiya Archaeology]*, XXI. Kiev, pp. 164–174.

Pogrebova M. N., Raevskiy D. S., 1997. Savromaty i skify (Nekotorye aspekty problemy proiskhozhdeniya savromatov v svete etnokul'turnoy istorii Vostochnoy Evropy) [Sauromatians and Scythians (Some aspects of the Sauromatians origin in light of ethnocultural history of Eastern Europe)]. *Donskie drevnosti [The Don antiquities]*, 5. V. E. Maksimenko, ed. Azov: Azovskiy kraevedcheskiy muzey, pp. 79–86.

Potapov V. V., 1999. Chernogorovskie pogrebeniya v nizov'yakh levogo berega Dona [Chernogorovo burials in lower reaches of Don left bank]. *Donskaya arkheologiya [The Don archaeology]*, 1. V. E. Maksimenko, ed. Rostov-na-Donu: Rostovskiy gos. universitet, pp. 62–68.

Shramko B. A., 1987. Bel'skoe gorodishche skifskoy epokhi (gorod Gelon) [Belskoe hillfort of Scythian period (the city of Gelon)]. Kiev: Naukova dumka. 184 p.

Shramko I. B., 2006. Ranniy period v istoriï gerodotivs'kogo Gelonu (za materialami rozkopok zol'nika № 5) [Early period in history of Herodotus' Gelon (based on excavations of ash heap No. 5)]. *Bil's'ke gorodishche ta yogo okruga (do 100-richchya pochatku pol'ovikh doslidzhen') [Belskoe hillfort and its vicinity (100 years of field research)]*. Kiev: Shlyakh, pp. 33–56.

Smirnov K. F., 1960. «Bykovskie kurgany» [«Bykovo kurgans»]. *Drevnosti nizhnego Povolzh'ya: Itogi rabot Stalingradskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Antiquities of Lower Volga region: Results of work of Stalingrad archaeological expedition]*, II. E. I. Krupnov, K. F. Smirnov, eds. Moscow: AN SSSR, pp. 169–268. (MIA, 78.)

Smirnov K. F., 1964. Savromaty. Rannyaya istoriya i kul'tura sarmatov [Sauromatians. Early history and culture of Sarmatians]. Moscow: Nauka. 379 p., 3 l. ill.

Terenozhkin O. I., 1954. Kurgan bilya s. Glevakha [Kurgan near village Glevakha]. *Arkheologiya [Archaeology]*, IX. Kiev, pp. 80–97.

Valchak S. B., 2024. Pogrebeniya nachala rannego zheleznogo veka v kurganakh yuga Vostochnoy Evropy (metastruktura pamyatnikov) [Burials of the beginning of Early Iron Age in kurgans of the South of Eastern Europe (metastructure of sites)]. *SP*, 3. (In print.)

Valchak S. B., Sinika V. S., Lukasik S., Pospeshny L., Gorbol N. Yu., 2019. Predskifskie pogrebeniya gruppy «Sad» u s. Glinoe na levoberezh'e Nizhnego Dnestra [Pre-Scythian burials in «Sad» group near village Glinoe on Lower Dniester left bank]. *Revista de Arheologie, Antropologie şi Studii interdisciplinare*, 1. Chişinău, pp. 159–182.

About the author

Valchak Sergej B., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: valchaks@yandex.ru

С. А. Володин, А. А. Шевченко

ОБ ОДНОМ ТИПЕ УЗДЕЧНЫХ БЛЯШЕК СКИФСКОЙ ЭПОХИ[1]

Резюме. В статье рассматривается весьма редкий для скифской эпохи тип украшений конского снаряжения – уздечные бляшки ромбовидной формы с полусферическими выступами на щитке. В настоящее время известно 28 экз., происходящих из 10 погребальных памятников от низовий Дуная на западе до Южного Урала на востоке, от Среднего Подонья на севере до Прикубанья на юге. Выделены три варианта бляшек на основании некоторых морфологических различий. Определены хронологические рамки бытования комплексов с рассматриваемыми бляшками, выделена внутренняя динамика развития типа украшений, зона первоначального использования, а также направления распространения. Выявлено, что эти уздечные украшения впервые появляются в низовьях Дуная в конце V – начале IV в. до н. э. В середине столетия подобные изделия появляются в Днепро-Донской лесостепи. Распространение на юг и на восток датируется не ранее середины – третьей четверти IV в. до н. э.

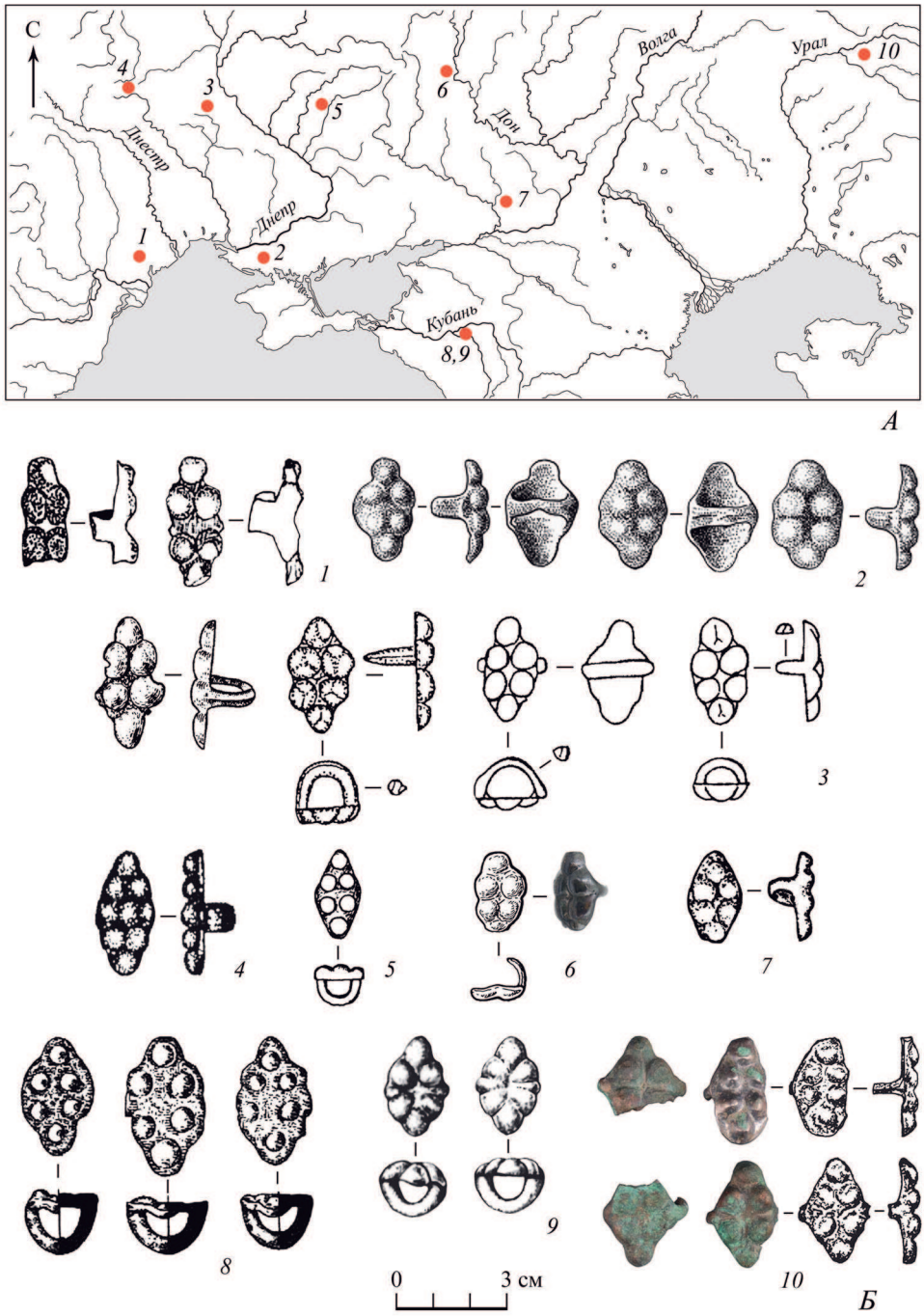
Ключевые слова: скифы, скифская эпоха, погребения, уздечные бляшки, хронология.

Разнообразие элементов украшений конского снаряжения ранних кочевников скифской эпохи общеизвестно и не нуждается в излишнем представлении. Одним из самых распространенных способов декорирования кожаных ремней узды для населения степных и лесостепных регионов этого времени являлось использование петельчатых бляшек, отлитых из цветных металлов. Наибольшее изобилие их форм и вариантов исполнения наблюдается в памятниках эпохи расцвета скифской культуры, в конце V – IV в. до н. э.

В начале этого временного промежутка появляется весьма редкий тип уздечных бляшек, которому хотелось бы уделить отдельное внимание в данной работе. Нельзя сказать, что исследователи обходили эти украшения конского

[1] Работа подготовлена в рамках выполнения НИР (№ НИОКТР 122011200269-4).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.275.193-208


С
Днестр
Днепр
Дон
Волга
Урал
Кубань
1
2
3
4
5
6
7
8,9
10
А
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
0
3 см
Б

снаряжения стороной, однако специально на них не останавливались, ограничиваясь приведением некоторых аналогий (*Дараган, Полин*, 2020. С. 52; *Могилов*, 2008. С. 131; *Савченко*, 2009. С. 280; *Эрлих*, 2011. С. 61). Речь идет о бляшках ромбовидной формы, украшенных полусферическими выступами таким образом, что облик изделия немного напоминает кисть винограда (рис. 1: *Б*).

В настоящее время известны 28 экз.[2], обнаруженных в 10 погребальных комплексах: в погребении 13 кургана у г. Арциз (*Алексеева и др*., 1997. С. 52. Рис. 3: *8, 9*); погребении 2 кургана 26 Брилевского могильника (*Евдокимов и др*., 1986. С. 55–56. Рис. 50: *4*; *Дараган, Полин*, 2020. С. 74. Рис. 2: *22–24*); кургане у с. Кошеватое (*Петренко*, 1967. С. 161, Табл. 27: *8*; *Могилов*, 2008. С. 309. Рис. 91: *5–7а*); кургане у с. Редвинцы (*Могилов*, 2008. С. 309. Рис. 91: *9*); кургане 5 в уроч. Осняги (*Шрамко*, 1987. С. 152. Рис. 72: *16*); кургане 10 могильника Колбино-I (*Шевченко*, 2009. С. 73. Рис. 12: *10*); Шолоховском кургане (*Максименко*, 1983. С. 166. Рис. 12: *12*); кургане 1 некрополя Тенгинского городища II (*Эрлих*, 2011. С. 118. Рис. 29: *1–3*); кургане 8 Уляпского могильника (*Лесков*, 1983. Л. 34. Рис. 29: *5, 6*); кургане 1 могильника Филипповка 2 (*Яблонский и др*., 2023. С. 104. Кат. 145). Область распространения бляшек с полусферическими выступами, таким образом, несмотря на их редкость, получается впечатляющей – от низовий Дуная на западе до Южного Урала на востоке, от Прикубанья на юге до Среднего Дона на севере (рис. 1: *А*).

Говоря о контексте обнаружения рассматриваемых украшений конской узды, можно выделить три основные ситуации, при которых они были обнаружены: в составе уздечного набора в отдельных сопровождающих конских захоронениях (курган у г. Арциз; курган 26 Брилевского могильника); в качестве символического подношения конской узды в погребении, символизирующей

Рис. 1 (с. 194). Уздечные бляшки с полусферическими выступами

А – карта с указанием памятников, в которых были обнаружены бляшки; *Б* – рисунки и фотографии бляшек с полусферическими выступами

1 – погребение 13 кургана у г. Арциз (рис. по: *Алексеева и др*., 1997); *2* – погребение 2 кургана 26 Брилевского могильника (рис. по: *Дараган, Полин*, 2020); *3* – курган у с. Кошеватое (рис. по: *Петренко*, 1967; *Могилов*, 2008); *4* – курган у с. Редвинцы (рис. по: *Могилов*, 2008); *5* – курган 5 в уроч. Осняги (рис. по: *Шрамко*, 1987); *6* – курган 10 могильника Колбино-I (рис. по: *Шевченко*, 2009; фото Володин С. А.); *7* – Шолоховский курган (рис. по: *Максименко*, 1983); *8* – курган 1 некрополя Тенгинского городища II (рис. по: *Эрлих*, 2011); *9* – ритуальный комплекс 2 кургана 8 Уляпского могильника (рис. по: *Лесков*, 1983); *10* – жертвенный комплекс 2 кургана 1 могильника Филипповка 2 (рис. и фото по: *Яблонский и др*., 2023). (Номера на карте и номера рисунков совпадают)

[2] На рисунке приведено 22 экз., т. к. для четырех экземпляров из шести, найденных в погребении 13 у г. Арциз (*Алексеева и др*., 1997. С. 52. Рис. 3: *8, 9*. С. 53), а также для двух бляшек из пяти, обнаруженных в погребении 2 кургана 26 Брилевского могильника (*Евдокимов и др.*, 1986. С. 55–56. Рис. 50: *4*), прорисовки не имеется (*Дараган, Полин*, 2020. С. 74. Рис. 2: *22–24*). Пользуясь случаем, хотелось бы выразить искреннюю благодарность С. В. Полину как за предоставление архивных материалов, так и за консультации по вопросам хронологии комплексов.

захоронение коня с хозяином (курган у с. Кошеватое, курган у с. Редвинцы, курган 5 в уроч. Осняги, курган 10 могильника Колбино-I, Шолоховский курган); среди предметов жертвенно-поминальных комплексов или святилищ, включавших как собственно ритуальные конские захоронения, так и символические приношения деталей узды (конское жертвоприношение 9 в кургане 1 некрополя Тенгинского городища II, ритуальный комплекс № 2 кургана 8 Уляпского могильника, жертвенный комплекс 2 кургана 1 могильника Филипповка 2).

Значительная часть комплексов, содержавших находки бляшек с полусферическими выступами, была ограблена (курганы у с. Кошеватое, Редвинцы, курган 5 в уроч. Осняги, курган 10 могильника Колбино-I, Шолоховский курган). Вследствие этого о точном количестве подобных конских украшений в составе уздечного набора мы говорить не можем. Впрочем, судя по находкам в других памятниках (особенно в неграбленном конском погребении 13 в кургане у г. Арциз), можно достаточно уверенно предположить, что использовались эти бляшки попарно, в четном количестве, симметрично украшая кожаные ремни правой и левой сторон головы лошади.

Все рассматриваемые изделия отлиты из бронзы или серебра[3], щиток слегка вытянут по продольной оси, имеет ромбовидную или близкую к этому форму, его края слегка подогнуты внутрь, на оборотной стороне – арочная петля. Общие размеры бляшек небольшие, длина – от 2,2 до 3,8 см, ширина – от 1,3 до 2,2 см. На лицевой стороне предметов располагаются шесть полусферических выступов-шишечек, в центральной части щитка два ряда по два выступа, сверху и снизу по одному. Исключение составляет бляшка из кургана у с. Редвинцы, у которой по центральной поперечной оси добавлен дополнительный ряд полусфер (рис. 1: *Б, 4*). Кроме того, на предмете из кургана 10 могильника Колбино-I на Среднем Дону нижний выступ-шишечка оказался не до конца сформированным из-за непролива металла при изготовлении (рис. 1: *Б, 6*).

Некоторым своеобразием отличаются на фоне остальных бляшки из Прикубанья. Экземпляры из святилища некрополя Тенгинского городища II отличаются уплощенным щитком, между небольшими полусферическими выступами оставлено достаточно много свободного пространства. Их форма более аморфная, а общий облик массивнее остальных (рис. 1: *Б, 8*). На щитке бляшек из кургана 8 Уляпского могильника между центральными рядами были сделаны дополнительные «вставки» небольших овальных выступов (рис. 1: *Б, 9*). Все эти отличия связаны, как будет показано ниже, с более поздней хронологической позицией прикубанских комплексов по отношению к остальным. То есть эти бляшки уже воспроизводили первоначальную задумку украшений, дополняя и развивая ее.

[3] Указание на изготовление из серебра имеется для предметов из погребения 13 кургана у г. Арциз (*Алексеева и др*., 1997. С. 53), а также из кургана 10 могильника Колбино-I (*Савченко*, 2009. С. 280). Относительно последней можно сказать, что определение серебра «на глаз» было ошибочным, исследование состава металла показало, что бляшка была изготовлена из бронзы с высоким содержанием олова. Так как для изделий из Одесской области специального исследования состава не проводилось, есть все основания сомневаться в их атрибуции как серебряных.

Небольшое количество комплексов и самих бляшек с полусферическими выступами, безусловно, не позволяет провести их полноценную классификацию. Однако в общей массе довольно хорошо заметны некоторые тенденции в исполнении формы предметов, позволяющие выделить основные варианты. Первый из них отличается как более вытянутыми общими пропорциями, так и более крупными размерами. К нему можно отнести экземпляры из курганов у г. Арциз, с. Кошеватое и с. Редвинцы (рис. 1: *Б, 1, 3, 4*). Второй вариант выделяется более «приземистыми» формами и порой заметно меньшими размерами. В данном случае это бляшки из Брилевского могильника, урочища Осняги, Шолоховского кургана, Колбинского, Уляпского и Филипповского могильников (рис. 1: *Б, 2, 5–7, 10*). Экземпляры из некрополя Тенгинского городища II, пожалуй, слишком отличаются внешне от остальных бляшек, поэтому можно было бы предложить их выделить в отдельную разновидность. Таким образом, среди всего объема бляшек с полусферическими выступами выделяются три варианта исполнения.

Если обратиться к рассмотрению комплектов конского снаряжения, с которыми были найдены бляшки с полусферическими выступами, то обнаруживается весьма немалое их сходство. Так, основным типом псалиев в комплектах (там, где они сохранились) являются экземпляры S-видной схемы со сферическими или полусферическими шишечками на концах (рис. 2: *1, 2, 4*; 3: *2–5*). В случае с курганом 10 могильника Колбино I на псалиях S-видной формы верхние окончания выполнены, по интерпретации Е. И. Савченко, в виде головки змеи, а нижние – в виде стилизованного копыта лошади (*Савченко*, 2009. С. 234). S-видные псалии комплекта из Уляпского могильника имеют по три рельефных ободка под шишечками (рис. 3: *4*). Одновременно с этим часть комплексов включает и псалии других схем: Колбино I – прямые, с большой округлой шляпкой; курган 1 Филипповки 2, а также кубанские памятники – экземпляры С-видной схемы. Обращает на себя внимание в этом отношении Шолоховский курган, т. к. в нем были найдены все три основных варианта исполнения псалиев (рис. 3: *2*).

При взгляде на все комплекты конского снаряжения из рассматриваемых комплексов бросается в глаза, пожалуй, главная черта их сходства – обязательное наличие зооморфного наносника с изображением того или иного «птичьего» мотива. Это изображения протом хищных птиц гайамановско-пастырского и цимбальско-будковского типов, по А. Р. Канторовичу (*Канторович*, 2022. С. 273–274), в курганах у г. Арциз, Брилевского и Колбинского могильников (рис. 2: *1, 2*; 3: *1*); протом фантастической ушастой хищной птицы (возможно, грифона) гайамановско-солохского типа, по А. Р. Канторовичу (Там же. С. 275), в курганах у с. Редвинцы, урочища Осняги и Шолоховском (рис. 2: *4, 5*; 3: *2*), тенгинско-майкопского типа (Там же) в кургане 1 некрополя Тенгинского городища II (рис. 3: *4*); а также изображения фантастического существа, интерпретируемого А. Р. Канторовичем как образ «лосептицы» чертомлыцко-уляпского типа (Там же. С. 318–319) в погребениях у с. Кошеватое, Шолоховском кургане, а также в Уляпском некрополе (рис. 2: *3*; 3: *2, 3*).

Отсутствуют наносники с тем или иным «птичьим» мотивом лишь в комплексе из могильника Филипповка 2, который является жертвенным, обнаруженным в насыпи, а оттого, вероятно, неполным по самым разным причинам.

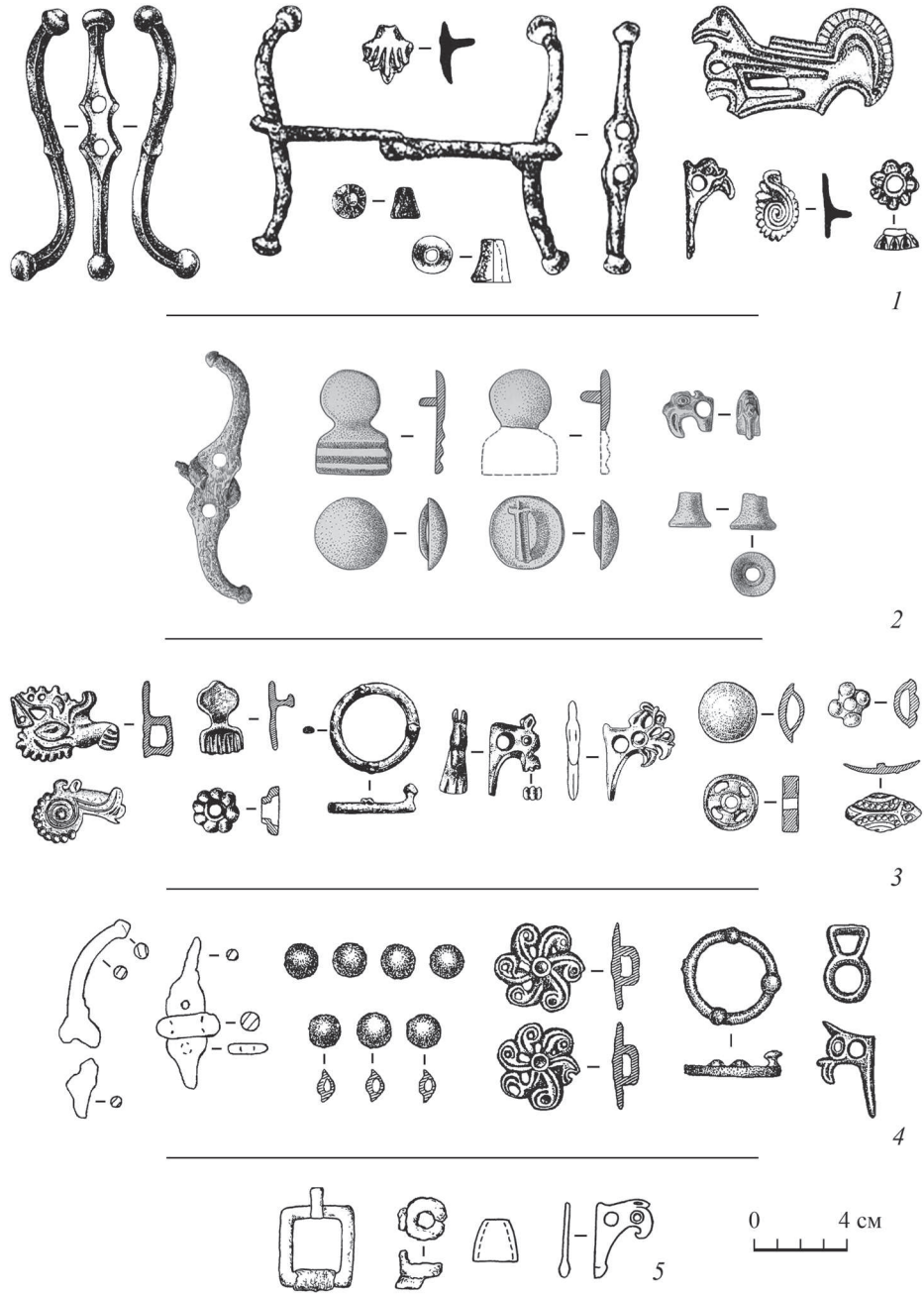


Рис. 2. Предметы уздечных наборов из комплексов, в которых были обнаружены бляшки с полусферическими выступами

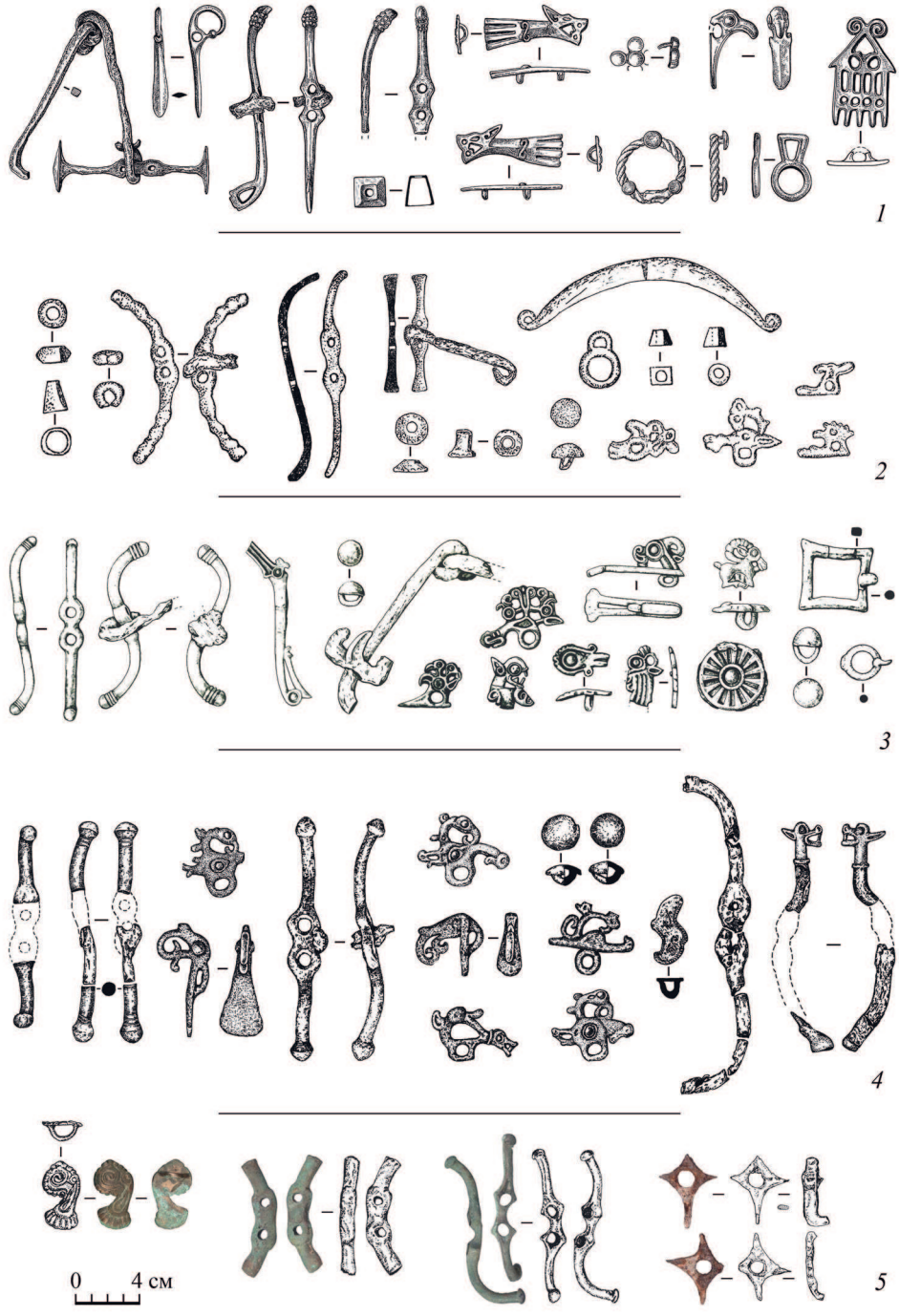
1 – погребение 13 кургана у г. Арциз (рис. по: *Алексеева и др*., 1997); *2* – погребение 2 кургана 26 Брилевского могильника (рис. по: *Дараган, Полин*, 2020); *3* – курган у с. Кошеватое (рис. по: *Петренко*, 1967; *Могилов*, 2008); *4* – курган у с. Редвинцы (рис. по: *Могилов*, 2008); *5* – курган 5 в уроч. Осняги (рис. по: *Шрамко*, 1987)

В южноуральском комплекте из предметов в зверином стиле сохранился лишь бронзовый нащечник с изображением редуцированной и крайне схематизированной конечности хищника типа Солоха-Чертомлык, по А. Р. Канторовичу (*Канторович*, 2022. С. 354). В других комплексах рассматриваемой выборки подобные нащечники встречены в курганах у г. Арциз, у с. Кошеватое, а также сильно упрощенный и стилизованный – в Уляпском могильнике (рис. 2: *1, 3*; 3: *3*).

Сходства в комплектах также можно увидеть и в наборах ворворок. В тех случаях, где они были обнаружены, превалируют вытянуто-конусовидные либо вытянуто-пирамидальные варианты (рис. 2: *1, 2, 5*; 3: *1, 2*). Аналогии между собой в ряде комплексов имеют и другие элементы ременной конской гарнитуры – подпружные пряжки с округлой или подквадратной рамкой, пряжки повода (рис. 2: *3–5*; 3: *1–3*). Все эти обозначенные точки пересечения между комплектами конского снаряжения свидетельствуют, что бляшки с полусферическими выступами использовались, во-первых, с весьма устойчивым набором уздечных принадлежностей, а во-вторых, в весьма определенном хронологическом промежутке.

Конское погребение 13, как и захоронение, к которому оно относилось (погребение 1), в кургане у г. Арциз авторами раскопок датируется второй половиной – концом V в. до н. э. (*Алексеева и др.*, 1997. С. 53). А. Ю. Алексеев предложил датировку более раннюю – середина – третья четверть V в. до н. э., – основываясь на находке бляшки с обособленной лапой медведя/кисти руки человека из конского погребения, а также на наборе наконечников стрел из основной могилы (*Алексеев*, 2003. С. 201). При этом он справедливо указывает, что детали конского снаряжения встречаются и в более поздних комплексах. А. Р. Канторович при анализе изображений обособленных сдвоенных конечностей хищника с выделенным бедром/плечом типа Арциз-Солоха указывает, что все остальные находки изображений этого типа датируются в пределах начала – третьей четверти IV в. до н. э., а сам комплекс из погребения у г. Арциз может датироваться концом V – началом IV в. до н. э. (*Канторович*, 2022. С. 101). Обособленная лапа медведя из этого комплекса была отнесена им к типу Журовка-Аксютинцы, общая датировка которого охватывает, по мнению А. Р. Канторовича, V – середину IV в. до н. э. (Там же. С. 111). Наносник с изображением хищной птицы гайамановско-пастырского типа, нащечник типа Солоха-Чертомлык, а также S-видные бронзовые псалии со сферическими шишечками на окончаниях также имеют значительно более поздние аналогии. Таким образом, в данном случае мнение А. Р. Канторовича представляется вполне обоснованным, и более справедливой для данного комплекса выглядит датировка концом V – началом IV в. до н. э.

Погребение 2 кургана 26 Брилевского могильника М. Н. Дараган и С. В. Полиным датируется на основании аналогий к зооморфному наноснику с протомой хищной птицы, железным S-видным псалиям, бронзовым полусферическим бляхам и в том числе бляшкам с полусферическими выступами второй четвертью IV в. до н. э. (*Дараган, Полин*, 2020. С. 52). В целом принимая эту датировку, хотелось бы сказать, что время бытования как S-видных псалиев, так и бронзовых полусферических блях, украшавших ремни узды, на наш взгляд, не стоит ограничивать серединой IV в. до н. э. (*Бидзиля, Полин*, 2012. С. 190, 199). Подобные вещи вполне встречаются и в степных памятниках третьей


1
2
3
4
5
0 4 см

четверти IV в. до н. э., а на Среднем Дону в целом распространяются наиболее широко в комплексах, датирующихся позже середины IV в. до н. э. Впрочем, это никак не отражается, на наш взгляд, на датировке погребения из Брилевского могильника. Наносник с изображением хищной птицы, наиболее близкую аналогию которому М. Н. Дараган и С. В. Полин видят в экземпляре из кургана 412 Журовки[4] (*Дараган, Полин*, 2020. С. 52), как говорилось выше, можно отнести к гайдамановско-пастырскому типу, по А. Р. Канторовичу. Помимо этого, на наш взгляд, он находит близость внутри типа к экземплярам из Вакулиной могилы (*Могилов*, 2008. Рис. 166: *10*), а также конского погребения 2 кургана 3 могильника Старый Мерчик (*Бандуровский, Буйнов*, 2000. С. 149. Рис. 9: *4*). В последнем комплексе вместе с наносником в состав уздечного набора (другого, но лежавшего в этом же погребении) входили нащечник типа Солоха-Чертомлык, прямые стержневидные железные псалии и железная квадратная подпружная пряжка с вертикальным штырьком с грибовидной шляпкой (Там же. Рис. 9: *8–12*). Сам курган авторы датировали первой половиной IV в. до н. э. по находке амфоры типа Солоха-1 (Там же. С. 74). Однако эта датировка может быть уточнена также до второй четверти IV в. до н. э., так как подобные подпружные пряжки существовали в узком временном промежутке второй-третьей четверти IV в. до н. э. (*Бидзиля, Полин*, 2012. С. 409). Что, в свою очередь, прекрасно подтверждает датировку интересующего нас погребения Брилевского могильника.

Курган у с. Кошеватое В. Г. Петренко на основании набора наконечников стрел и бляшек конской сбруи датировала рубежом V–IV вв. до н. э. (*Петренко*, 1967. С. 94). С. В. Полиным данная датировка не оспаривается (*Бидзиля, Полин*, 2012. С. 191, 201, 204), хотя в последнее время, вероятно, он более склонен определять дату кургана началом IV в. до н. э. (*Дараган, Полин*, 2020. С. 52). Аналогичным образом датирует этот комплекс А. Д. Могилов (*Могилов*, 2008. С. 125). Однако

Рис. 3 (с. 200). Предметы уздечных наборов из комплексов, в которых были обнаружены бляшки с полусферическими выступами

1 – курган 10 могильника Колбино-I (рис. по: *Шевченко*, 2009); *2* – Шолоховский курган (рис. по: *Максименко*, 1986); *3* – курган 1 некрополя Тенгинского городища II (рис. по: *Эрлих*, 2011); *4* – конское погребение 1, ритуальные комплексы 1 и 2 кургана 8 Уляпского могильника (рис. по: *Лесков*, 1983); *5* – жертвенный комплекс 2 кургана 1 могильника Филипповка 2 (рис. и фото по: *Яблонский и др*., 2023). (На рисунке представлены не все предметы узды из указанных памятников)

[4] В публикации М. Н. Дараган и С. В. Полина дано указание на близость наносника из Брилевского могильника к предмету из кургана 4 у с. Макеевка V в. до н. э. При этом приводится ссылка на таблицу из работы В. Г. Петренко (*Петренко*, 1967. С. 93. Табл. 29: *13*). Однако под этим номером в указанной публикации находим не наносник, а нащечник с изображениями волчьего хищника и птицы, действительно из Макеевского кургана. Наиболее похожий наносник из этой таблицы В. Г. Петренко – это номер 23, происходящий из кургана 412 Журовского могильника (Там же. Табл. 29: *23*). Вероятно, здесь произошла небольшая путаница с номерами рисунков, из-за чего и возникла неточность с указанием аналогии. При этом эта оплошность никак не влияет на указанную датировку аналогии V в. до н. э., она указана верно.

в табличном приложении датировка бляшки с послусферическими выступами из кургана у с. Кошеватое показана в рамках конца V – начала III в. до н. э. (*Могилов*, 2008. С. 413. Рис. 193). Возможно, что здесь закралась неточность оформления табличных приложений.

При анализе изображения образа «лосептицы» на наноснике из этого кургана А. Р. Канторович на основании наиболее близких аналогий из хорошо датированных комплексов предлагает более позднюю датировку – не ранее второй трети IV в. до н. э. (*Канторович*, 2022. С. 319). Впрочем, в других случаях в своем масштабном труде он указывает более широкие датировки для этого комплекса – «рубеж V–IV или IV в. до н. э.» (Там же. С. 88, 163, 169, 352). Не очень ясно, как же может датироваться курган от рубежа V–IV вв. до н. э., если один из предметов не может датироваться ранее второй трети IV в. до н. э. Если обратиться к наиболее надежно датируемым комплексам с аналогиями этому наноснику (например, курганы Чертомлык, Бабина могила, Чмырёва могила, Александропольский), то наиболее ранним из них окажется Северная гробница № 1 Гайматовой Могилы, датированная С. В. Полиным в пределах 365–350 гг. до н. э. (*Бидзиля, Полин*, 2012. С. 510).

Необходимо также отметить, что в подборку наносников с изображением «лосептицы» чертомлыцко-уляпского типа А. Р. Канторовича не попал предмет из кургана 26 могильника Колбино-I (*Шевченко*, 2009. С. 89. Рис. 28: *8*). Е. И. Савченко датировал этот курган серединой – третьей четвертью IV в. до н. э. на основании близости этого наносника к находкам из упомянутых выше курганов «царского» уровня (*Савченко*, 2009. С. 272). Впрочем, в этом погребении была обнаружена еще одна довольно неплохо датирующаяся вещь – бронзовый нащечник в виде сдвоенных конечностей с обозначенным бедром, определенный А. Р. Канторовичем в тип Бердянский – Петровка (*Канторович*, 2022. С. 98). Им совершенно справедливо указывается, что датировка этого нащечника из кургана 26 Колбинского могильника явно должна быть удревнена, в том числе благодаря среднедонским аналогиям, надежно датированным клейменной амфорной тарой (Там же. С. 99). Вероятно, она должна находиться в рамках второй четверти IV в. до н. э.

Таким образом, наиболее ранняя датировка наносников с изображением «лосептицы», подобных находке из кургана у с. Кошеватое, – именно вторая четверть IV в. до н. э. Этим же временем, на наш взгляд, может датироваться и сам памятник. И этой хронологической позиции не противоречат другие предметы конского снаряжения: подпружная пряжка «тип Гайматовой Могилы» (*Бидзиля, Полин*, 2012. С. 191), нащечник с изображением конечности хищника типа Солоха-Чертомлык и даже бляшка с изображением лапы медведя типа Ак-Бурун – Корнеевка (*Канторович*, 2022. С. 107–109).

Концом V – началом IV в. до н. э. датируется курган у с. Редвинцы А. Д. Могиловым (*Могилов*, 2008. С. 126. С. 413. Рис. 193). Аналогичной датировки придерживался и С. В. Полин (*Бидзиля, Полин*, 2012. С. 191), однако в последних работах счел, что ее можно расширить до середины IV в. до н. э. (*Дараган, Полин*, 2020. С. 52). Наносник с изображением фантастической ушастой птицы (грифона) из этого кургана отнесен А. Р. Канторовичем к гайматовско-солохскому типу, общие хронологические рамки которого – конец V – IV в. до н. э.

(*Канторович*, 2022. С. 275). При этом наиболее близкие внутри этого типа наносники происходят из тризны Центральной гробницы № 2 Гайматовой Могилы (*Бидзиля, Полин*, 2012. С. 211. Кат. 19; С. 219. Кат. 35; С. 223. Кат. 44), погребения 6 Братолюбовского кургана (*Кубышев и др*., 2009. С. 105. Рис. 21: *5*). Сходство комплексов уздечных принадлежностей и других деталей материальной культуры в случае этих комплексов весьма очевидно, оба они отнесены С. В. Полиным к первой четверти IV в. до н. э. (*Бидзиля, Полин*, 2012. С. 510; *Полин*, 2014. С. 279). Однако при этом данный наносник также близок внешне экземпляру из насыпи кургана Чертомлык (*Алексеев и др*., 1991. С. 84. Рис. 55. Кат. 17), датировка которого находится в пределах третьей четверти IV в. до н. э. либо середины – самого начала третьей четверти IV в. до н. э. (*Алексеев*, 2003. С. 267–269; *Полин*, 2014. С. 449). Вероятно, именно этот факт сподвиг С. В. Полина к некоторому расширению возможных границ датировки кургана у с. Редвинцы. Таким образом, хронологический диапазон времени сооружения этого комплекса можно отнести скорее к первой половине IV в. до н. э.

Курган 5 в урочище Осняги, раскопанный в 1906 г. В. А. Городцовым, Б. А. Шрамко был датирован IV в. до н. э. (*Шрамко*, 1987. С. 177. Табл. I), вероятно, после выхода работы Н. А. Онайко, которая датировала сережку из этого захоронения именно этим временем (*Онайко*, 1970. С. 66, 116). А. Д. Могилов на основании сходства с бляшками из Чертомлыка сузил датировку памятника до второй половины IV в. до н. э. (*Могилов*, 2008. С. 131). Наносник с изображением ушастой птицы (грифона) из этого кургана также относится к гайматовско-солохскому типу, по А. Р. Канторовичу, однако среди известных изображений этого типа, пожалуй, нет каких-либо наиболее точных аналогий, что затрудняет уточнение датировки. Однако в данном случае уточнение может дать находка железной подпружной пряжки с выступающим язычком-шипом. Подобные предметы, по мнению С. В. Полина, появляются во второй четверти IV в. до н. э., но наибольшее распространение получили в третьей четверти этого столетия (*Бидзиля, Полин*, 2012. С. 409). Учитывая наблюдения А. Д. Могилова, можно предположить, что более точной датировкой комплекса в урочище Осняги будет середина – третья четверть IV в. до н. э.

Комплекс Шолоховского кургана был датирован на основании широких аналогий В. Е. Максименко концом V – IV в. до н. э. (*Максименко*, 1983. С. 30). Среди доводов, указывающих на возможное удревнение вещевого комплекса до V в. до н. э., он приводит аналогию псалиям из кургана 29/21 у с. Мастюгино, который ранее датировался именно этим временем. Сейчас стало очевидно, что время сооружения этого среднедонского погребения не выходит за пределы третьей четверти IV в. до н. э.[5] Комплект зооморфных наносников, представленный в Шолоховском кургане, также не позволяет говорить о том, что этот курган может датироваться ранее начала IV в. до н. э., так как в нем присутствуют изображения ушастой птицы (грифона) гайматовско-солохского типа, «лосептицы»

[5] Разбор хронологии комплекса из кургана 29/21 у с. Мастюгино представлен в статье С. А. Володина «Среднедонские зооморфные крючки с изображением медведя как хронологический индикатор», которая в момент подготовки настоящей работы находится в печати.

чертомлыцко-уляпского типа, о датировке которых говорилось выше. Кроме того, в этом погребении был обнаружен бронзовый наносник с изображением образа, интерпретированного А. Р. Канторовичем как «оленекозла», и представленный одним елизаветинско-тенгинским типом (*Канторович*, 2022. С. 220–222). Ядро формирования этого образа находится при этом в Прикубанье, откуда эти изображения распространялись далее, в том числе на север, в междуречье Дона и Северского Донца, где и расположен Шолоховский курган. Учитывая, что определен явный центр генезиса этого образа, изображения похожего облика не могли возникнуть ранее ядра, т. е. раньше середины IV в. до н. э. (Там же. С. 222). Курган 1 некрополя Тенгинского городища II, в котором были найдены аналогичные наносники, а также бляшки с полусферическими выступами, датируется В. Р. Эрлихом в рамках второй половины IV – начала III в. до н. э. (*Эрлих*, 2011. С. 81). Как нам представляется, Шолоховский курган должен датироваться в таком случае не ранее третьей четверти IV в. до н. э.

Датировка погребения кургана 10 могильника Колбино-I Е. И. Савченко была определена серединой IV в. до н. э. (*Савченко*, 2009. С. 262). Основой для подобной датировки стали как предметы конского снаряжения, так и предметы вооружения. Пожалуй, наиболее надежную привязку дают парные нащечники с изображениями волков (рис. 3: *1*). Серия этих изделий довольно надежно датируется в рамках середины – третьей четверти IV в. до н. э. (*Гуляев и др*., 2022. С. 45). И нащечники из кургана 10 при этом маркируют начало производства всей серии.

Конское погребение 1, а также ритуальные комплексы 1 и 2 кургана 8 Уляпского могильника датируются достаточно надежно второй половиной IV в. до н. э. благодаря находке боспорской (пантикапейской?) амфоры (*Ксенофонтова*, 2010. С. 141, 144. Кат. 23). Возможно, что наличие подпружной пряжки с квадратной рамкой и выступающим язычком, наносника с изображением «лосептицы» чертомлыцко-уляпского типа, нащечника с изображением конечности хищника типа Солоха-Чертомлык могло бы указывать на более узкую датировку в пределах третьей четверти IV в. до н. э., однако в случае прикубанского комплекса такое предположение может быть ошибочным.

Рассмотрев хронологию интересующих нас комплексов, можно сделать определенные выводы относительно динамики развития и распространения бляшек, украшенных полусферическими выступами. Наиболее ранним является первый, удлиненный, вариант изделий. Впервые рассматриваемые бляшки появляются в составе уздечных наборов в конце V – начале IV в. до н. э. (курган у г. Арциз). В течение первой половины IV в. эти украшения узды распространяются в лесостепном Днепровском Правобережье (курганы у с. Кошеватое и Редвинцы), в низовьях Днепра (Брилевский могильник). В Днепро-Донскую лесостепь бляшки с полусферическими выступами второго варианта попадают примерно в середине столетия (курганы в урочище Осняги и у с. Колбино). К третьей четверти IV в. до н. э. они оказываются в низовьях Дона (Шолоховский курган), а также в Прикубанье (Уляпский могильник), где возникает более «вычурный» третий вариант их исполнения (некрополь Тенгинского городища II). О времени их попадания в южноуральские степи (могильник Филипповка 2) точно сказать сложно. Но учитывая хронологическое развитие вариантов бляшек, а также

динамику их распространения, можно предположить, что попасть на Южный Урал они могли вряд ли раньше середины IV в. до н. э.

Таким образом, такие непримечательные на первый взгляд вещи, как рассматриваемые бляшки с полусферическими выступами, могут оказаться вполне достоверными хроноиндикаторами, а также важными маркерами культурных связей различных племен и сообществ скифской эпохи на территории Восточной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А. Ю., 2003. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб.: Изд-во ГЭ. 416 с.

Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р., 1991. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э. Киев: Наукова думка. 416 с.

Алексеева И. Л., Охотников С. Б., Редина Е. Ф., 1997. Скифское погребение у г. Арциз // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварских культур (IV в. до н. э. – IV в. н. э.): материалы полевого семинара / Отв. ред. Е. И. Яровой. Тирасполь: Приднестровский гос. ун-т. С. 48–55.

Бандуровский А. В., Буйнов Ю. В., 2000. Курганы скифского времени Харьковской области (северскодонецкий вариант). Киев: ИА НАНУ. 236 с.

Бидзиля В. И., Полин С. В., 2012. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев: Скиф. 752 с.

Гуляев В. И., Володин С. А., Шевченко А. А., 2022. Новые открытия Донской экспедиции ИА РАН на Среднем Дону в 2021 г. // РА. № 3. С. 35–51.

Дараган М. Н., Полин С. В., 2020. Сопровождающие захоронения коней во входных ямах катакомб и подбоев степной Скифии второй половины V – IV вв. до н. э. // АЕС. № 6. С. 42–86.

Евдокимов Г. Л., Гершкович Я. П., Шевченко Н. П., 1986. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства оросительных систем в Херсонской области в 1986 г. // Научный архив ИА НАНУ. 1986/12.

Канторович А. Р., 2022. Искусство скифского звериного стиля Восточной Европы (классификация, типология, хронология, эволюция): в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во МГУ. 431 с.

Ксенофонтова И. В., 2010. Остродонные амфоры Уляпского могильника из собрания ГМВ // Материальная культуры Востока. Вып. 5 / Отв. ред. С. В. Волков. М.: Наука. С. 138–148.

Кубышев А. И., Бессонова С. С., Ковалев Н. В., 2009. Братолюбовский курган. Киев: ИА НАНУ. 192 с.

Лесков А. М., 1983. Отчет о раскопках Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ в Адыгейской АО Краснодарского края в 1983 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 9855–9855б.

Максименко В. Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та. 224 с.

Могилов А. Д., 2008. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ; Кам'янець-Подільський. 439 с.

Онайко Н. А., 1970. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н. э. М.: Наука. 212 с. (САИ; вып. Д1-27.)

Петренко В. Г., 1967. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н. э. М.: Наука. 180 с. (САИ; вып. Д1-4.)

Полин С. В., 2014. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н. э. на Херсонщине. Киев: Олег Филюк. 776 с.

Савченко Е. И., 2009. Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону как археологический источник // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 221–329.

Шевченко А. А., 2009. Новые материалы к изучению курганного могильника скифского времени Колбино I на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 26–112.

Шрамко Б. А., 1987. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев: Наукова думка. 184 с.
Эрлих В. Р., 2011. Святилища некрополя Тенгинского городища II, IV в. до н. э. М.: Наука. 212 с.
Яблонский Л. Т., Богачук Д. С., Володин С. А., Маслов В. Е., Сиротин С. В., 2023. Золото сарматских вождей. Некрополи Филипповка 1 и Филипповка 2 (по материалам раскопок Приуральской археологической экспедиции ИА РАН под руководством Л. Т. Яблонского, 2009–2014 гг.): каталог коллекции. Кн. II / Отв. ред.: А. А. Малышев, С. В. Сиротин, В. Ю. Малашев. М.: ИА РАН. 356 с.

Сведения об авторах

Володин Семен Алексеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292; e-mail: volodinsaimon@gmail.com;

Шевченко Александр Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: she.shevchenko@yandex.ru

S. A. Volodin, A. A. Shevchenko

ONE TYPE OF BRIDLE PLAQUES FROM THE SCYTHIAN PERIOD

Abstract. The paper explores a type of ornaments of horse equipment which is rather rare for the Scythian period, namely, rhomboid bridle plaques with spherical knobs on the plate. Presently, 28 items of such plaques are known. They all originate from 10 funerary sites located in the area extended from the Lower Danube region in the west to the Southern Urals in the east, from the Middle Don region in the north to the Kuban region in the south. Three variants of the plaques have been singled out based on several morphological differences. The analysis has also determined the chronological time span when the assemblages including the plaques in question were in use. Besides, the analysis has identified changes over time in the development of this type of ornaments, the area of their initial use as well as their distribution areas. It has been established that these bridle ornaments appeared in the Lower Danube region at the end of the 5th – early 4th centuries BC. In the middle of the century similar items appeared in the Dnieper-Don forest-steppe belt. Their spread to the south and the east has been dated not earlier than the middle – third quarter of the 4th century BC.

Keywords: Scythians, Scythian period, burials, bridle plaques, chronology.

REFERENCES

Alekseev A. Yu., 2003. Khronografiya Evropeyskoy Skifii VII–IV vekov do n. e. [Chronography of European Scythia of VII–IV centuries BC]. St. Petersburg: GE. 416 p.
Alekseev A. Yu., Murzin V. Yu., Rolle R., 1991. Chertomlyk. Skifskiy tsarskiy kurgan IV v. do n. e. [Chertomlyk. Scythian royal kurgan of IV c. BC]. Kiev: Naukova dumka. 416 p.
Alekseeva I. L., Okhotnikov S. B., Redina E. F., 1997. Skifskoe pogrebenie u g. Artsiz [Scythian burial near Artsiz]. *Chobruchskiy arkheologicheskiy kompleks i voprosy vzaimovliyaniya antichnoy i varvarskikh kul'tur (IV v. do n. e. – IV v. n. e.) [Chobruch archaeological complex and issues of mutual influence of ancient and barbarian cultures (IV c. BC – IV c. AD)]*. E. I. Yarovoy, ed. Tiraspol: Pridnestrovskiy gos. universitet, pp. 48–55.
Bandurovskiy A. V., Buynov Yu. V., 2000. Kurgany skifskogo vremeni Khar'kovskoy oblasti (severskodonetskiy variant) [Kurgans of Scythian period in Kharkov region (Seversky Donets variant)]. Kiev: IA NANU. 236 p.

Bidzilya V. I., Polin S. V., 2012. Skifskiy tsarskiy kurgan Gaymanova Mogila [Scythian royal kurgan Gaymanova Mogila]. Kiev: Skif. 752 p.

Daragan M. N., Polin S. V., 2020. Soprovozhdayushchie zakhoroneniya koney vo vkhodnykh yamakh katakomb i podboev stepnoy Skifii vtoroy poloviny V–IV vv. do n. e. [Accompanying horse burials in entrance shafts of catacombs and niches of steppe Scythia in the second half of V–IV cc. BC]. *AES*, 6, pp. 42–86.

Erlikh V. R., 2011. Svyatilishcha nekropolya Tenginskogo gorodishcha II, IV v. do n. e. [Sanctuaries in necropolis of Tenginskaya hillfort II, IV c. BC]. Moscow: Nauka. 212 p.

Evdokimov G. L., GershkovichYa. P., Shevchenko N. P., 1986. Otchet o raskopkakh kurganov v zone stroitel'stva orositel'nykh sistem v Khersonskoy oblasti v 1986 g. [Report on excavation of kurgans in the irrigation system construction zone in Kherson region, 1986]. *Scientific archive IA NANU*. (In Russian, unpublished.)

Gulyaev V. I., Volodin S. A., Shevchenko A. A., 2022. Novye otkrytiya Donskoy ekspeditsii IA RAN na Srednem Donu v 2021 g. [New discoveries of Don expedition of IA RAS on the Middle Don in 2021]. *RA*, 3, pp. 35–51.

Kantorovich A. R., 2022. Iskusstvo skifskogo zverinogo stilya Vostochnoy Evropy (klassifikatsiya, tipologiya, khronologiya, evolyutsiya) [Art of Scythian animal style of Eastern Europe (classification, typology, chronology, evolution)], 1. Moscow: MGU. 431 p.

Ksenofontova I. V., 2010. Ostrodonnye amfory Ulyapskogo mogil'nika iz sobraniya GMV [Pointed-bottomed amphorae of Ulyap cemetery from GMV collection]. *Material'naya kul'turya Vostoka [Material culture of the Orient]*, 5. S. V. Volkov, ed. Moscow: Nauka, pp. 138–148.

Kubyshev A. I., Bessonova S. S., Kovalev N. V., 2009. Bratolyubovskiy kurgan [Bratolyubovskiy kurgan]. Kiev: IA NANU. 192 p.

Leskov A. M., 1983. Otchet o raskopkakh Kavkazskoy arkheologicheskoy ekspeditsii GMINV v Adygeyskoy AO Krasnodarskogo kraya v 1983 g. [Report on excavations of Caucasian archaeological expedition of GMINV in Adygea Autonomous Region of Krasnodar Krai in 1983]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Maksimenko V. E., 1983. Savromaty i sarmaty na Nizhnem Donu [Sauromatians and Sarmatians on Lower Don]. Rostov-na-Donu: Rostovskiy universitet. 224 p.

Mogilov O. D., 2008. Sporyadzhennya konya skifs'koï dobi u Lisostepu Skhidnoï Evropi [Horse equipment of Scythian period in Forest-steppe of Eastern Ukraine]. Kiev; Kam'yanets-Podil's'kiy. 439 p.

Onayko N. A., 1970. Antichnyy import v Pridneprov'e i Pobuzh'e v IV–II vv. do n. e. [Ancient imports in Dnieper and Bug regions in IV–II cc. BC]. Moscow: Nauka. 212 p. (SAI.)

Petrenko V. G., 1967. Pravoberezh'e Srednego Pridneprov'ya v V–III vv. do n. e. [Right bank of Middle Dnieper region in V–III cc. BC]. Moscow: Nauka. 180 p. (SAI.)

Polin S. V., 2014. Skifskiy Zolotobalkovskiy kurgannyy mogil'nik V–IV vv. do n. e. na Khersonshchine [Scythian kurgan cemetery of Zolotaya Balka of V–IV cc. BC in Kherson region]. Kiev: Oleg Filyuk. 776 p.

Savchenko E. I., 2009. Snaryazhenie konya skifskogo vremeni na Srednem Donu kak arkheologicheskiy istochnik [Horse equipment of Scythian period on Middle Don as archaeological source]. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: trudy Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 2004–2008 gg. [Archaeology of Middle Don in Scythian period: proceedings of the Don archaeological expedition of IA RAS, 2004–2008]*. V. I. Gulyaev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 221–329.

Shevchenko A. A., 2009. Novye materialy k izucheniyu kurgannogo mogil'nika skifskogo vremeni Kolbino I na Srednem Donu [New materials for the study of kurgan cemetery of Scythian period Kolbino I on Middle Don]. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: trudy Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 2004–2008 gg. [Archaeology of Middle Don in Scythian period: proceedings of the Don archaeological expedition of IA RAS, 2004–2008]*. V. I. Gulyaev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 26–112.

Shramko B. A., 1987. Belskoe gorodishche skifskoy epokhi (gorod Gelon) [Belskoe hillfort of Scythian period (the city of Gelon)]. Kiev: Naukova dumka. 184 p.

Yablonskiy L. T., Bogachuk D. S., Volodin S. A., Maslov V. E., Sirotin S. V., 2023. Zoloto sarmatskikh vozhdey. Nekropoli Filippovka 1 I Filippovka 2 (po materialam raskopok Priural'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN pod rukovodstvom L. T. Yablonskogo, 2009–2014 gg.): catalog kollektsii [The gold of Sarmatian chieftains. Filippovka 1 and Filippovka 2 necropolises (based

on materials from excavations of the Ural archaeological expedition of IA RAS headed by L. T. Yablonskiy, 2009-2014): collection catalog], II. A. A. Malyshev, S. V. Sirotin, V. Yu. Malashev, eds. Moscow: IARAN. 356 p.

About the authors

Volodin Semyon A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: volodinsaimon@gmail.com;

Shevchenko Vladimir A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: shevchenkov.a@yandex.ru

Я. А. Лукпанова, А. М. Сеитов, М. А. Антонов

ВОИНСКОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ V в. до н. э. ИЗ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА (УРЫСАЙ-2, КУРГАН № 14)[1]

Резюме. В статье в научный оборот вводятся результаты раскопок кургана № 14 могильника Урысай-2. Под насыпью кургана обнаружены череп лошади и бронзовые предметы конского снаряжения, а к западу от центра зафиксирована подпрямоугольная могильная яма. Захоронение ограблено (?). Скелеты четырех мужчин уложены в ряд и ориентированы головой на юг. Черепа погребенных зафиксированы на уровне их плеч; кости и инвентарь частично смещены и перемешаны. Погребение датируется первой половиной V в. до н. э.

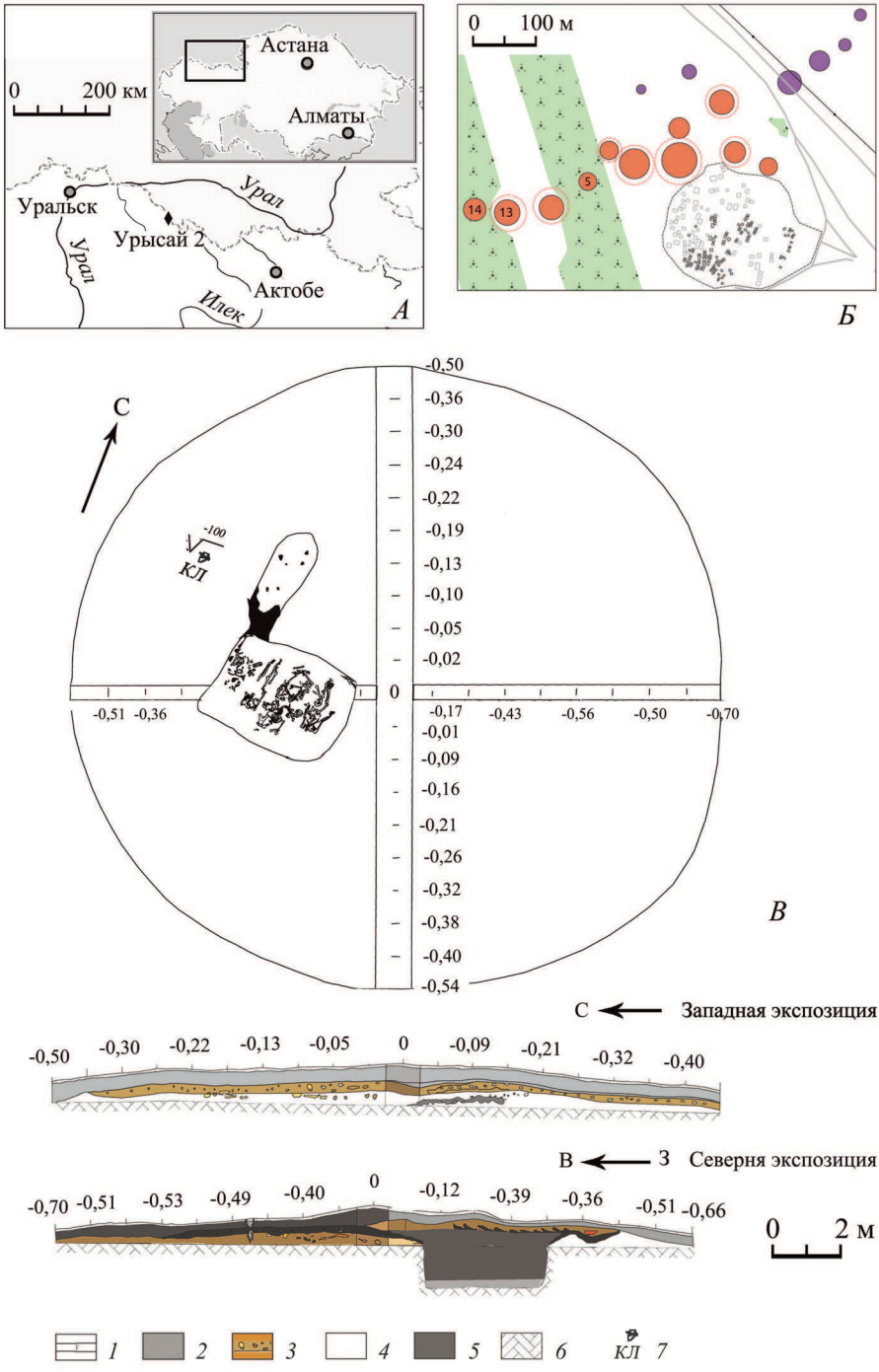
Ключевые слова: Илек, Урысай-2, курган, захоронение воинов.

В полевом сезоне 2021 г. археологической экспедицией Западно-Казахстанского историко-краеведческого музея были проведены раскопки трех аварийных курганов (№ 5, 13, 14) могильника Урысай-2 (*Лукпанова*, 2022; *Лукпанова и др.*, 2023). Памятник расположен в 3,5 км к северо-западу от пос. Жанакош и в 4 км к юго-востоку от одноименного пос. Урысай (Шынгырлауский р-н, Западно-Казахстанская обл.) (рис. 1: *А*). Всего на могильнике фиксируется 14 курганов. Они расположены по линии северо-восток – юго-запад. Часть курганов распахана в результате посадки лесополосы (рис. 1: *Б*).

Курган № 14 (диаметр – 19 м, высота – 0,6 м) – самый западный в могильнике, сооружен из земли (рис. 1: *В*). Курган раскапывался вручную с оставлением двух взаимно перпендикулярных бровок (направления осей были слегка смещены, так как сверху по центру высажены деревья). Бровка С–Ю была ориентирована с отклонением на СЗ–ЮВ, а бровка З–В – с отклонением на ЗЮЗ–ВСВ. В насыпи встречались кости животных (лошадь?), грунт в западной части отличался черным цветом; здесь был зафиксирован прокал мощностью 0,3 м,

[1] Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2022–2024, ИРН проекта AP 14870513.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.275.209-221


Астана
Алматы
0 200 км
Уральск
Урысай 2
Актобе
Урал
Урал
Илек
А
0 100 м
14
13
5
Б
С
-100
КЛ
-0,50
-0,36
-0,30
-0,24
-0,22
-0,19
-0,13
-0,10
-0,05
-0,02
0
-0,51 -0,36
-0,17 -0,43 -0,56 -0,50 -0,70
-0,01
-0,09
-0,16
-0,21
-0,26
-0,32
-0,38
-0,40
-0,54
В
С ← Западная экспозиция
-0,50 -0,30 -0,22 -0,13 -0,05 0 -0,09 -0,21 -0,32 -0,40
В ← З Северня экспозиция
-0,70 -0,51 -0,53 -0,49 -0,40 0 -0,12 -0,39 -0,36 -0,51 -0,66
0 2 м
1 2 3 4 5 6 КЛ 7

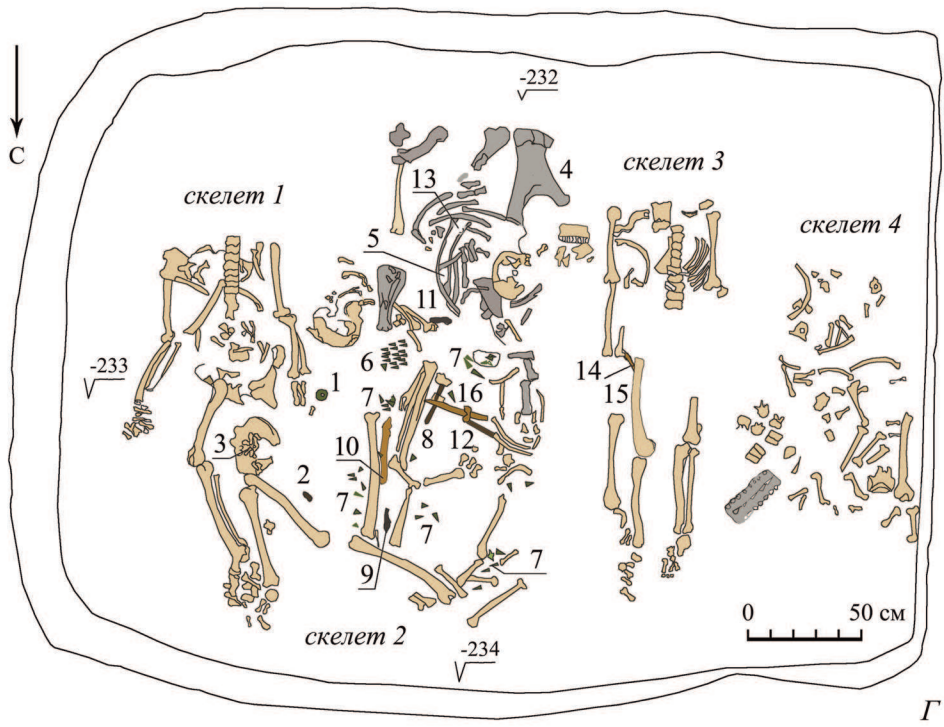


Рис. 1 (с. 210–211). Могильник Урысай-2, курган № 14

А – местоположение на карте; Б – план могильника; В – план и профиль кургана: *1* – дерн; *2* – насыпь; *3* – уплотненный выровненный слой перемеса; *4* – погребенная почва; *5* – прокаленный грунт; *6* – материк; *7* – кости лошади и конская узда; Г – план погребения: *1* – каменный предмет; *2, 8, 12, 13* – железные ножи; *3, 5, 11* – каменные оселки; *4* – костяная ложечка; *6, 7* – бронзовые наконечники стрел; *9* – железный предмет; *10, 14, 16* – железные мечи; *15* – стеклянная бусина

Инвентарь скелета 2 *in situ*: *6* – колчан с бронзовыми наконечниками стрел; *8* – железный нож; *10* – железный меч

что свидетельствует о применении огня при совершении погребального обряда. При снятии насыпи на западной периферии обнаружен череп лошади и пять бронзовых предметов конской сбруи (рис. 3: *9–13*). Это двухдырчатый Г-образный псалий (длина – 10,5 см), три распределителя ремней (высота – 2,4–2,7 см) в виде скульптурного изображения загнутого когтя птицы (один дополнен перпендикулярным щитком в форме стилизованной головы хищной птицы) и одна подвеска-налобник (длина – 3,5 см) в виде скульптурки орлиноголового хищника со сложенными крыльями и расправленным наподобие пальметки хвостом.

Могильная яма подпрямоугольной формы (размеры – 3,7 × 2,9 м) выявлена к западу от условного центра кургана на уровне материка, длинными сторонами ориентирована по линии З–В (рис. 1: *Г*). В заполнении фиксируется прокал черного цвета, местами желто-коричневого и красного цвета. С восточной стороны ямы заполнение представляло собой плотный гумус серо-коричневого цвета. Стенки могилы прямые, дно ровное, зафиксировано на глубине 1,2 м от уровня материка. На разных глубинах выявлены кости и нижняя челюсть лошади, череп и кости человека.

В могильной яме обнаружено захоронение четырех мужчин (определение Р. Жанузак). Погребенные уложены в ряд головами на юг. Погребение потревожено (ограблено?), кости переотложены, так, например, тазовая кость скелета 2 в сочленении с крестцом обнаружена на скелете 1. Черепа скелетов смещены в левую сторону и находились на уровне плеч.

Скелет 1 лежал у восточной стенки ямы, вытянуто на спине. Левая рука вдоль корпуса, правая – согнута в локте. Ноги слегка согнуты в коленях и развернуты к востоку. Череп находился к западу от его левой руки. У левой кисти найден уплощенный каменный предмет усеченно-конической формы, темно-зеленого цвета (малахит?) со сквозным отверстием, диаметром 3 см (рис. 3: *6*). Изделие, возможно, использовалось как деталь гарнитуры. Возле него обнаружен фрагмент железного ножа длиной 3,2 см (рис. 2: *45*). Под тазом скелета 2 – оселок из песчаника светло-серого цвета, длиной 10,8 см (рис. 3: *4*).

Скелет 2 находился к западу от первого. Кости смещены, череп обнаружен на уровне левого предплечья, ближе к скелету 3. В области грудной клетки находились кости лошади. Обращает на себя внимание то, что они лежали в три слоя в следующей последовательности: 1) ребра и конечности лошади; 2) далее на ребрах – три звена позвонков человека, лопатка лошади и кисть человека; 3) поверх второго слоя находились нижняя челюсть и лопатка лошади, череп человека. Под костями лошади найдены железный нож с горбатой спинкой (длина – 5,7 см), костяная ложечка (длина – 19 см) и оселок подтреугольной формы из черного песчаника длиной 10 см (рис. 2: *46*; 3: *7*, *14*). На дне ямы, ближе к северной стенке находились кости МРС (барана?), кости правой конечности человека и лучевые кости. Несмотря на разрозненность костей, вооружение в виде колчана со стрелами, акинака и ножа находилось *in situ*, в районе пояса и верхней части бедренных костей. Справа, вдоль бедренной кости, обнаружен сильно корродированный железный акинак длиной 40 см с бабочковидным перекрестьем и узким брусковидным навершием (рис. 3: *2*). Выше него, поперек, находился колчан с бронзовыми наконечниками стрел в количестве 103 экз. К северу от колчана обнаружен еще один каменный оселок из серого песчаника

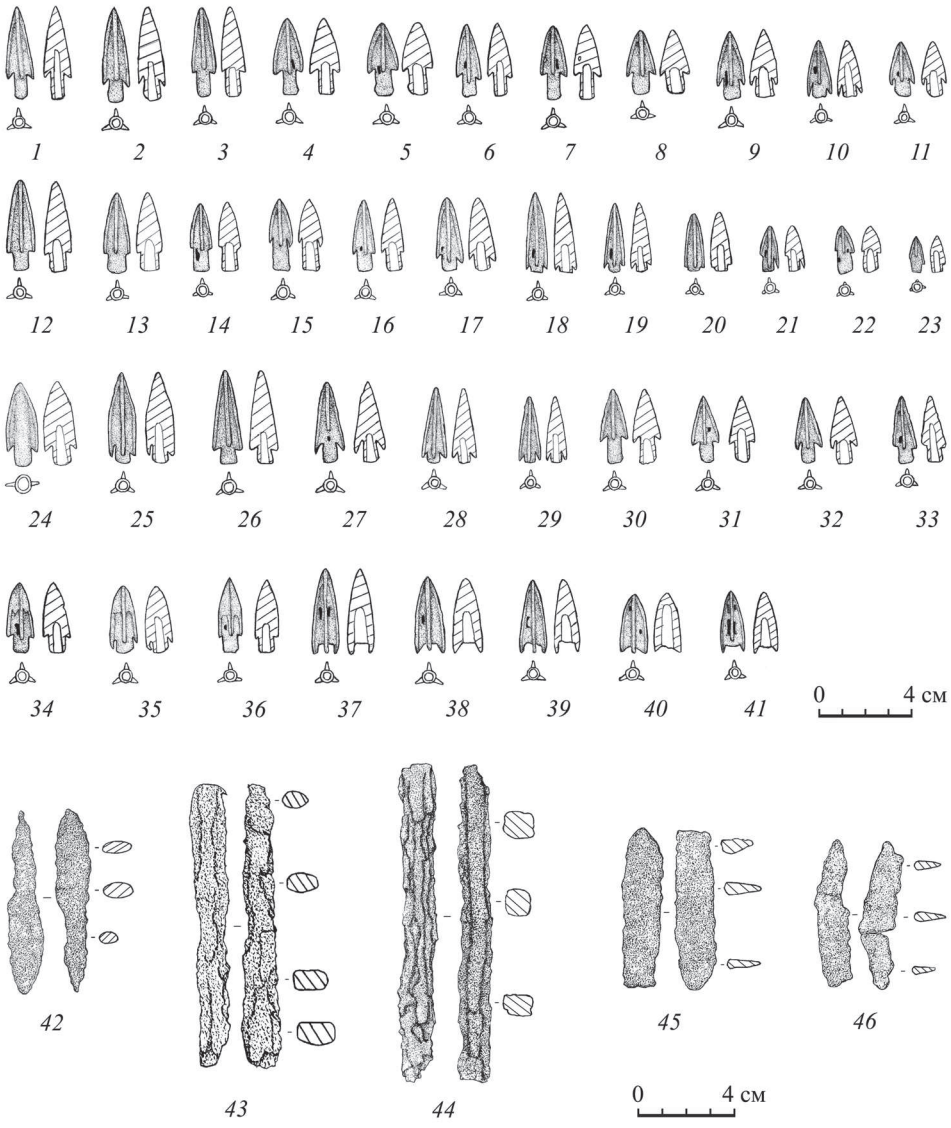


Рис. 2. Могильник Урысай-2, курган № 14. Находки

1–41 – наконечники стрел; *42* – железный предмет; *43–46* – ножи

1–41– бронза; *42–46* – железо

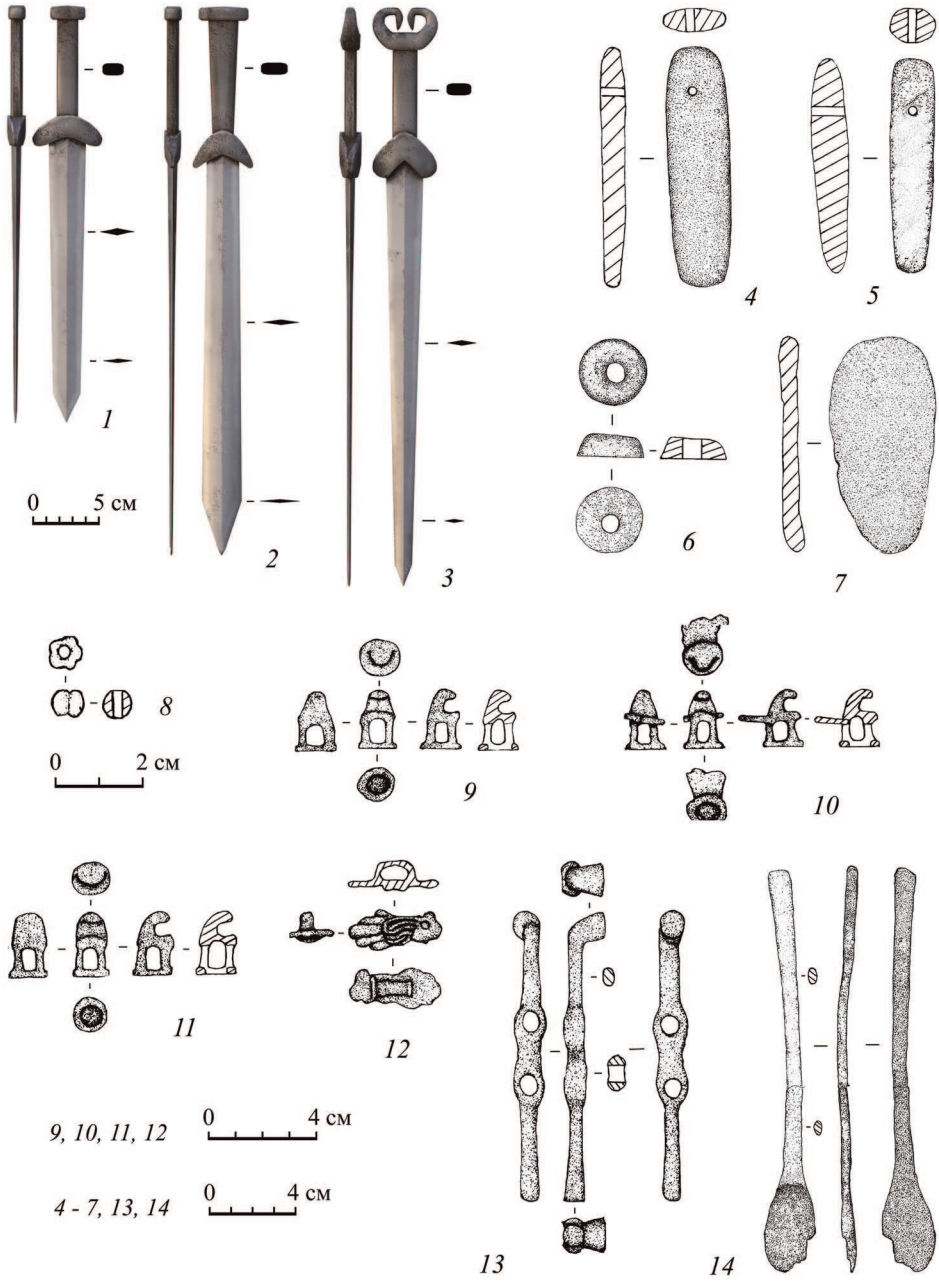


Рис. 3. Могильник Урысай-2, курган № 14. Находки

1–3 – мечи (реконструкция); *4, 5, 7* – оселки; *6* – каменный предмет; *8* – бусина; *9–11* – распределители уздечных ремней; *12* – подвеска-налобник; *13* – псалий; *14* – ложечка

1–3 – железо; *4–7* – камень; *8* – стекло; *9–13* – бронза; *14* – кость

длиной 9,5 см (рис. 3: *5*), а между берцовыми костями – железный предмет длиной 7,7 см (рис. 2: *42*). Перпендикулярно бедренной кости зафиксирован еще один железный акинак длиной 31,5 см с бабочковидным перекрестьем и брусковидным навершием (рис. 3: *1*). Рядом с акинаком обнаружены два железных ножа с прямой спинкой: один, длиной 11 см, лежал вместе с ним, параллельно рукояти (рис. 2: *43*), другой (длина – 13 см) находился под акинаком, поперек клинка (рис. 2: *44*). На скелете, в основном его нижней части, были разбросаны бронзовые наконечники стрел в количестве 24 экз.

Скелет 3 находился к западу от скелета 2 и зафиксирован в анатомическом порядке, на спине, руки вытянуты вдоль тела. Ноги вытянуты, слегка согнуты в коленях и вывернуты на восток параллельно друг другу. Череп смещен, расположен на уровне правого предплечья с разворотом на запад, он плохой сохранности и разбит. Под правой бедренной костью, от кисти правой руки и нижней части таза до колена, острием в направлении на северо-запад обнаружен железный акинак (длина – 44 см) с бабочковидным перекрестием и антенновидным навершием (рис. 3: *3*). Рядом с рукоятью меча найдена стеклянная ребристая бусина белого цвета (диаметр – 0,7 см), использовавшаяся, по-видимому, для ее украшения (рис. 3: *8*).

Скелет 4 находился у западной стенки ямы. Кости человека потревожены, смешаны с костями животного; череп обнаружен в заполнении. Сохранились *in situ* поясничные позвонки погребенного.

Бронзовые наконечники стрел (всего 127 экз.) представлены различными типами, преимущественно среднего размера, около трети – массивные (рис. 2: *1–41*). Преобладают экземпляры с выступающей втулкой и трехлопастной сводчатой головкой (рис. 2: *1–23*), длиной от 1,5 до 4 см (91 экз.). Количество треугольных стрел небольшое (12 экз.), они длиной от 2,5 до 3,5 см (рис. 2: *26–33*). Среди трехлопастных наконечников необходимо выделить 7 экз. с очень короткой втулкой (0,2–0,5 см) и вытянутой узкой головкой сводчатой или треугольной формы (рис. 2: *18–20, 28, 29*). Один наконечник – башневидный, длиной 4 см (рис. 2: *25*). Трехлопастные стрелы с внутренней втулкой (14 экз.) имеют сводчатую головку и опущенные вниз жальцы. Длина наконечников – от 2,2 до 3,6 см (рис. 2: *37–41*). Также отметим трехгранные стрелы (длина от 2,5 до 3,3 см) с массивными лопастями (8 экз.). Они делятся на варианты с вилкообразным, дуговидным и прямым вырезом основания головки (рис. 2: *34–36*). В единственном экземпляре представлен двухлопастный втульчатый наконечник сводчатой формы (длина – 3,5 см) с заостренными концами лопастей (рис. 2: *24*).

Обсуждение

Следы огненных ритуалов (прокаленная почва, остатки сожженных конструкций, угольки), коллективные захоронения, южная ориентировка погребенных и заупокойная пища в виде крупных частей лошади и мрс, в комплексе, характерны для погребальных памятников савроматского времени Южного Урала и Западного Казахстана (*Смирнов*, 1964. С. 91–92, 96, 100–101; *Гуцалов*, 2004. С. 94–96, 103). Сюда же можно отнести останки лошадей и отдельные черепа

с конской сбруей (*Гуцалов*, 2004. С. 94, 102). Ближайший яркий пример – это могильник Кырык-Оба II (конец VI – сер. V в. до н. э.), где уздечные наборы обнаружены в южной, юго-западной, иногда западной частях курганов (*Гуцалов*, 2010. С. 52–65; 2011. С. 83–95).

Псалий относится к образцам варианта 2 типа I (по К.Ф. Смирнову), бытовавшим от конца VI по третью четверть IV в. до н. э. (*Смирнов*, 1961. С. 84; *Мышкин*, 2023. С. 26). Урысайский аналогичен экземплярам из могильников Восточно-Курайлинский I (к. 20, п. 1), Чкаловский (к. 4, п. 2) (*Гуцалов*, 2000. Табл. 57: *III4*; 81: *13*) и Маровый Шлях (к. 3, яма 2). Примечательно, что последний (датирован 1-й пол. V в. до н. э.) тоже представлен одним экземпляром и обнаружен в западной поле кургана (*Таиров*, 2006. С. 86–89. Рис. 7: *2*). Заметим, что наибольшая коллекция Г-образных псалиев происходит из Скифии, где они датируются в основном в пределах V в. до н. э. (*Алексеев*, 2003. С. 204; *Могилов*, 2008. С. 116–120. Рис. 193).

Уздечные распределители с когтевидным навершием и зооморфные подвески-налобники встречаются в южноуральских памятниках 2-й пол. VI – V в. до н. э. Аналогичные урысайскому распределители происходят из могильников Пятимары I (к. 4, 6), Новый Кумак (к. 5) (*Смирнов*, 1964. Рис. 29: *4 г, д*; 32, *1з*; 1977. Рис. 3: *4*), Бесоба (к. 4), Сынтас I (к. 1) (*Кадырбаев*, 1984. Рис. 1: *2, 4–6*; *Кадырбаев, Курманкулов*, 1976. Рис. 2: *4–6*; 3: *1, 5, 8, 9*; 6: *3, 5–8*), Кырык-Оба II (к. 15, 16), Чкаловский (к. 4, п. 2) и др. (*Гуцалов*, 2000. Табл. 81: *12, 13*; 2010. Рис. 2: *7, 8*; 2011. Рис. 5: *7–8, 10;*). В последнем они находись в комплекте с Г-образными псалиями. Подвеска-налобник с изображением хищной птицы наиболее всего схожа с экземплярами из могильников Пятимары I (к. 8) (*Смирнов*, 1964. Рис. 27: *9*), Нагорненский (к. 3) (*Курманкулов*, 2007. Рис. 3) и кургана Варна (*Таиров*, *Боталов*, 1988. Рис. 5: *1, 6*). В целом, круг похожих бляшек известен от Южного Урала до Нижнего Дона и укладывается в пределах V в. до н. э. (*Королькова*, 2006. Табл. 24: *19–22, 24–27*).

Обращает на себя внимание воинский характер вещевого комплекса, на чем следует остановиться более подробно. В колчанных наборах преобладают сводчатые трехлопастные наконечники с выступающей втулкой (72 %) – самая распространенная разновидность стрел в скифское время. В погребениях савроматского круга такие экземпляры широко встречаются в VI–IV вв. до н. э. (*Смирнов*, 1961. С. 46–47. Табл. II). В урысайском наборе они сочетаются с наконечниками, имеющими треугольную головку (9,4 %), что довольно часто наблюдается у ранних кочевников. Последние не играли ведущей роли в савроматское время и стали преобладать только с конца V – начала IV в. до н. э. (*Смирнов*, 1961. С. 48–49. Табл. III; *Гуцалов*, 2000. С. 94, 96–97. Табл. II).

Среди вышеназванных типов стрел выделяются несколько экземпляров с узкой головкой и очень короткой втулкой. По форме они близки к наконечникам «блюменфельдского типа» савроматской культуры Нижнего Поволжья (*Очир-Горяева*, 1996. С. 46. Рис. 2). Классическим примером является колчанный набор Блюменфельдского кургана А12, датированный 1-й пол. V в. до н. э. (*Смирнов*, 1961. С. 47. Табл. II: *44–153*). В памятниках Южного Урала и Западного Казахстана наконечники, подобные «блюменфельдским», встречаются, как правило, единично (*Смирнов*, 1961. С. 47. Рис. 15А: *11*; 19А: *45*; 1964. Рис. 23: *3*;

Железчиков, 1998. Рис. 18: *8*; 25: *6, 7*; *Железчиков и др.*, 2006. Рис. 17; 18). Впрочем, известны случаи, где они составляли значительную часть наборов, например, в кургане 3 могильника Липовский в западном Оренбуржье (*Смирнов, Попов*, 1972. С. 7. Рис. 2Л).

Трехлопастные сводчатые наконечники с внутренней втулкой и опущенными вниз жальцами (в урысайском наборе – 11 %) бытовали довольно длительное время (VI–II вв. до н. э.), наибольшая степень их использования приходится на V в. до н. э. Позднее удельный вес данных наконечников снижается, и они подчиняются общей тенденции грацилизации и уменьшения размеров (*Смирнов*, 1961. С. 50. Табл. III). Чуть менее половины урысайских экземпляров – это массивные образцы, как правило, присущие савроматскому времени.

Несколько наконечников (6,3 %) относятся к типу трехгранных (по К. Ф. Смирнову) или трехгранно-трехлопастных (по М. А. Очир-Горяевой) стрел (*Смирнов*, 1961. С. 52–53. Табл. IV; *Очир-Горяева*, 1996. С. 47). Среди экземпляров из могильника Урысай представлены почти все известные разновидности данного типа (с прямым, дуговидным и вилкообразным вырезом основания головки), более характерного для южноуральских памятников VI–V вв. до н. э., изредка IV в. до н. э. (*Гуцалов*, 2004.С. 22).

Также отметим два втульчатых наконечника, довольно редких в скифское время. Один – башневидный трехлопастной, почти идентичный наконечнику, найденному близ станции Досанг в Астраханской области (*Смирнов*, 1961. Рис. 17: *К3*). Другой – двухлопастной со сводчатой шипастой головкой, аналоги которому датируются концом VI – началом V в. до н. э. и происходят из с. Березовка (Делер) в Нижнем Поволжье, могильников Мечетсай (к. 2, п. 2) и Три Мара (к. 3) в Южном Приуралье (*Смирнов*, 1961. Рис. 12: *Д2*; 23: *1, 2*; 1981. С. 78. Рис. 6: *6*). К. Ф. Смирнов отождествлял эти стрелы с раннесакскими наконечниками Центральной и Средней Азии, предполагая восточное происхождение таких образцов у ранних кочевников Урало-Поволжья (*Смирнов*, 1961. Рис. 17: *К3*. С. 42–43. Табл. I). Колчанные наборы савроматского времени, включающие единичные экземпляры двухлопастных стрел, за редким исключением, относятся к концу VI – 1-й пол. V в. до н. э. (*Гуцалов*, 2000. С. 94–97. Табл. 10; 2004. С. 18–19; *Очир-Горяева*, 1996. С. 52–53; *Смирнов*, 1961. Табл. I. Рис. 16А; 19А; 21А; 23; 1964. Рис. 11Б; 14; 21; 23; 24; 26; 35А; 1977. Рис. 16; 1981. Рис. 6; *Смирнов, Попов*, 1972. Рис. 43; 5И; *Мошкова*, 1972. Рис. 4: *10*; *Кадырбаев, Курманкулов*, 1977. Рис. 3; *Кадырбаев*, 1984. Рис. 1).

Костяная ложечка, возможно, входила в колчанный набор, как это часто фиксируется в погребениях ранних кочевников (*Федоров*, 2013. С. 44). По форме она близка экземплярам из могильников Алебастрово II (к. 17) (*Железчиков*, 1998. С. 71. Рис. 36, *8*), Восточно-Курайлинский I (к. 20, п. 5) (*Гуцалов*, 2000. Табл. 57: *II33*) и Ак-Жар II (к. 1, п. 2) (*Федоров*, 2013. Рис. 2: *32, 37*).

Мечи с бабочковидным перекрестием, брусковидным и антенновидным навершием встречаются в погребениях 2-й пол. VI – нач. IV в. до н. э. Большинство из них датируются в пределах V в. до н. э. (*Смирнов*, 1961. С. 10–20; *Васильев*, 2001. С. 29–38; *Гуцалов*, 2004. С. 28). Мечи, обнаруженные при скелете 2, по форме перекрестия и навершия сближаются с экземплярами из кургана 5 (скелет 1) могильника Гумарово (V в. до н. э.), погребения 1 кургана 7 могиль-

ника Новый Кумак (V в. до н. э.) (*Васильев*, 2001. Рис. 4, *5, 8*) и погребения 1 кургана 3 могильника Танаберген II (2-я пол. VI – V в. до н. э.). Акинак с антеновидным навершием сопоставим с мечом из погребения 2 кургана 25 могильника Уркач I (датируется тем же временем) (*Гуцалов*, 2000. Табл. 40: *3*; 66: *2*).

Необходимо заметить, что некоторые металлические находки из комплекса Урысай-2 плохой сохранности. В основном это предметы из железа. Однако у некоторых из числа обнаруженных акинаков четко читается контур и иногда распознаются отдельные части формы лезвия и рукояти. В процессе изучения коллекции предпринята попытка создания 3D-реконструкций предметов. Большую часть полученных моделей можно назвать условной. Исключением является трехмерная реконструкция трех мечей (рис. 3: *1–3*), близкая к достоверной (однако некоторые детали могут быть спорными).

Остальные предметы из погребения менее информативны в качестве хронологических индикаторов. Оселки и ножи, как правило, стандартны у ранних кочевников и мало изменялись на протяжении длительного времени (*Смирнов*, 1964. С. 105–107).

Часть уздечных принадлежностей, клинковое оружие, колчанные наборы позволяют датировать погребальный комплекс V в. до н. э., вероятно, в пределах его первой половины. По всей видимости, погребенные были воинами нерядового ранга и захоронены одновременно.

Рассматриваемый курган входит в круг погребальных памятников южноуральского региона, особенно сближаясь с западноказахстанскими комплексами Урало-Орского междуречья. Наряду с этим, на материалах кургана прослеживаются контакты с поволжскими «савроматами», европейских скифами и ранними саками, что не противоречит общей картине этнокультурных процессов в обозначенном регионе сер. I тыс. до н. э.

Авторы выражают искреннюю благодарность Т. А. Диярову за помощь в подготовке иллюстративного материала.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А. Ю., 2003. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб.: ГЭ. 416 с.

Васильев В. Н., 2001. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до н. э. Уфа: Гилем. 153 с.

Гуцалов С. Ю., 2000. Культура ранних кочевников Орско-Уральского междуречья в VII–I вв. до н. э.: дис. … канд. ист. наук. Уфа. 426 с.

Гуцалов С. Ю., 2004. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н. э. Уральск: Западно-Казахстанский обл. центр истории и археологии. 136 с.

Гуцалов С. Ю., 2010. Погребальные сооружения могильника Кырык-Оба II в Западном Казахстане // РА. № 2. С. 51–66.

Гуцалов С. Ю., 2011. Этнокультурная специфика могильника Кырык-Оба II // РА. № 1. С. 81–96.

Железчиков Б. Ф., 1998. Археологические памятники Уральской области. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та. 136 с.

Железчиков Б. Ф., Клепиков В. М., Сергацков И. В., 2006. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н. э.). М.: Восточная литература. 159 с.

Кадырбаев М. К., 1984. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Ред.: А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, В. Г. Петренко. М.: Наука. С. 84–93.

Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К., 1976. Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам / Отв. ред. К. А. Акишев. Алма-Ата: Наука. С. 137–156.

Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К., 1977. Материалы раскопок могильника Бесоба // Археологические исследования в Отраре / Отв. ред. К. А. Акишев. Алма-Ата: Наука. С. 103–115.

Королькова Е. Ф., 2006. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). СПб.: Петербургское Востоковедение. 272 с.

Курманкулов Ж. К., 2007. Исследование могильника Нагорненский в 1981 году (предварительный итог) // Кадырбаевские чтения: материалы Междунар. науч. конф. / Науч. ред. А. А. Бисембаев. Актобе: ПринтА. С. 98–102.

Лукпанова Я. А., 2022. Исследования курганного комплекса Урысай-2 // Археология Казахстана. № 2 (16). С. 74–93.

Лукпанова Я., Антонов М., Джумабекова Г., Базарбаева Г., 2023. «Мгновенно убивающий вепрь»: по материалам комплекса сарматского времени Урысай-2 (Западный Казахстан) // Археология Казахстана. № 1 (19). С. 177–197.

Могилов О. Д., 2008. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ; Кам'янець-Подільський. 439 с.

Мошкова М. Г., 1972. Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени / Отв. ред. К. Ф. Смирнов. М.: Наука. С. 49–78.

Мышкин В. Н., 2023. Псалии Г-образной формы кочевников Южного Приуралья в конце VI–IV вв. до н. э. // Уфимский археологический вестник. Т. 23. № 1. С. 19–30.

Очир-Горяева М. А., 1996. Наконечники стрел кочевников Нижнего Поволжья // РА. № 1. С. 41–54.

Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов. М.: Изд-во АН СССР. 162 с.

Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука. 380 с.

Смирнов К. Ф., 1977. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала / Отв. ред. Р. Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР. С. 3–51.

Смирнов К. Ф., 1981. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала / Ред.: Н. А. Мажитов, А. Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР. С. 68–90.

Смирнов К. Ф., Попов С. А., 1972. Савромато-сарматские курганы у с. Липовка Оренбургской области // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени / Отв. ред. К. Ф. Смирнов. М.: Наука. С. 3–26.

Таиров А. Д., 2006. Саки Приаралья в степях Южного Зауралья (по материалам могильника Маровый Шлях) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: сб. ст. к 70-летию А. Х. Пшеничнюка / Отв. ред.: Г. Т. Обыденнова, Н. С. Савельев. Уфа: Гилем. С. 76–91.

Таиров А. Д., Боталов С. Г., 1988. Курган у села Варна // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей: межвуз. сб. / Отв. ред. Г. Б. Зданович. Челябинск: Челябинский гос. ун-т: Башкирский гос. ун-т. С. 100–125.

Федоров В. К., 2013. Костяные ложечки в колчанах ранних кочевников // РА. № 2. С. 44–61.

Сведения об авторах

Лукпанова Яна Амангелдиевна, Институт археологии имени А. Х. Маргулана, пр. Достык, 44, Алматы, 050010, Казахстан; e-mail: Lukpanovayana@gmail.com;

Сеитов Абай Мейрамович, Институт археологии имени А. Х. Маргулана, пр. Достык, 44, Алматы, 050010, Казахстан; e-mail: sajrim@mail.ru;

Антонов Михаил Александрович, Институт археологии имени А. Х. Маргулана, пр. Достык, 44, Алматы, 050010, Казахстан; e-mail: archaeology@live.ru

Ya. A. Lukpanova, A. M. Seitov, M. A. Antonov

THE WARRIOR'S GRAVE OF THE 5th CENTURY BC IN WESTERN KAZAKHSTAN (URYSAI-2, KURGAN 14)

Abstract. This article introduces into scientific discourse results of the excavations of kurgan 14 in the Urysai-2 burial ground. A horse skull and bronze items of horse harness were found under the kurgan whereas a sub-rectangular burial pit was recorded west of its center. The grave appears to have been subjected to robbery (?). The skeletons of four men arranged in a row and oriented to the south. Notably, the skulls of the buried individuals are recorded at the level of their shoulders; the bones and inventory are partially displaced and mixed. The grave is dated to the first half of the 5th century BC.

Keywords: Ilek, Urysai-2, kurgan, warriors' graves.

REFERENCES

Alekseev A. Yu., 2003. Khronografiya Evropeyskoy Skifii VII–IV vekov do n. e. [Chronography of European Scythia of VII–IV centuries BC]. St. Petersburg: GE. 416 p.

Fedorov V. K., 2013. Kostyanye lozhechki v kolchanakh rannikh kochevnikov [Bone spoons in quivers of early nomads]. *RA*, 2, pp. 44–61.

Gutsalov S. Yu., 2000. Kul'tura rannikh kochevnikov Orsko-Ural'skogo mezhdurech'ya v VII–I vv. do n. e.: dissertatsiya … kandidata istoricheskikh nauk [Culture of early nomads of Orsk-Ural interfluve in VII–I cc. BC: PhD dissertation]. Ufa. 426 p.

Gutsalov S. Yu., 2004. Drevnie kochevniki Yuzhnogo Priural'ya VII–I vv. do n. e. [Early nomads of South Urals VII–I cc. BC]. Uralsk: Zapadno-Kazakhstanskiy oblastnoy tsentr istorii i arkheologii. 136 p.

Gutsalov S. Yu., 2010. Pogrebal'nye sooruzheniya mogil'nika Kyryk-Oba II v Zapadnom Kazakhstane [Burial constructures of Kyryk-Oba II cemetery in Western Kazakhstan]. *RA*, 2, pp. 51–66.

Gutsalov S. Yu., 2011. Etnokul'turnaya spetsifika mogil'nika Kyryk-Oba II [Ethnocultural specifics of Kyryk-Oba cemetery]. *RA*, 1, pp. 81–96.

Kadyrbaev M. K., 1984. Kurgannye nekropoli verkhov'ev r. Ilek [Kurgan cemeteries of Ilek river upper reaches]. *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya [Antiquities of Eurasia in Scythian-Sarmatian period]*. A. I. Melyukova, M. G. Moshkova, V. G. Petrenko, eds. Moscow: Nauka, pp. 84–93.

Kadyrbaev M. K., Kurmankulov Zh. K., 1976. Zakhoroneniya voinov savromatskogo vremeni na levoberezh'e r. Ilek [Burials of Sauromatian warriors on the left bank of Ilek river]. *Proshloe Kazakhstana po arkheologicheskim istochnikam [The past of Kazakhstan according to archaeological sources]*. K. A. Akishev, ed. Alma-Ata: Nauka, pp. 137–156.

Kadyrbaev M. K., Kurmankulov Zh. K., 1977. Materialy raskopok mogil'nika Besoba [Materials from excavations of cemetery Besoba]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Otrare [Archaeological research in Otrar]*. K. A. Akishev, ed. Alma-Ata: Nauka, pp. 103–115.

Korol'kova E. F., 2006. Zverinyy stil' Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya v skifskuyu epokhu (VII–IV vv. do n. e.) [Animal style of Eurasia. The art of tribes of Lower Volga region and Southern Urals in Scythian period (VII–IV cc. BC)]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. 272 p.

Kurmankulov Zh. K., 2007. Issledovanie mogil'nika Nagornenskiy v 1981 godu (predvaritel'nyy itog) [Study of Nagornensky cemetery in 1981 (preliminary result)]. *Kadyrbaevskie chteniya [Kadyrbaev readings]*. A. A. Bisembaev, ed. Aktobe: PrintA, pp. 98–102.

Lukpanova Ya. A., 2022. Issledovaniya kurgannogo kompleksa Urysay-2 [Research of Urysai-2 kurgan assemblage]. *Arkheologiya Kazakhstana [Archaeology of Kazakhstan]*, 2 (16), pp. 74–93.

Lukpanova Y., Antonov M., Jumabekova G., Bazarbayeva G., 2023. «Mgnovenno ubivayushchiy vepr'»: po materialam kompleksa sarmatskogo vremeni Urysay-2 (Zapadnyy Kazakhstan)

["A boar that kills at one stroke": based on the materials of the Sarmatian time complex Urysay-2 (Western Kazakhstan)]. *Kazakstan arheologiyasy [Kazakhstan Archeology]*, 1 (19), pp. 177–197.
Mogilov O. D., 2008. Sporyadzhennya konya skifs'koï dobi u Lisostepu Skhidnoï Evropi [Horse equipment of Scythian period in Forest-steppe of Eastern Ukraine]. Kiev; Kam'yanets-Podil's'kiy. 439 p.
Moshkova M. G., 1972. Savromatskie pamyatniki severo-vostochnogo Orenburzh'ya [Sauromatian sites of north-eastern Orenburg region]. *Pamyatniki Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnoy Sibiri sarmatskogo vremeni [Sites of Southern Urals and Western Siberia of Sarmatian period]*. K. F. Smirnov, ed. Moscow: Nauka, pp. 49–78.
Myshkin V. N., 2023. Psalii G-obraznoy formy kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya v kontse VI–IV vv. do n. e. [G-shaped cheek-pieces of South Urals nomads in late VI–IV cc. BC]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik [Ufa archaeological bulletin]*, vol. 23, no. 1, pp. 19–30.
Ochir-Goryaeva M. A., 1996. Nakonechniki strel kochevnikov Nizhnego Povolzh'ya [Arrowheads of nomads of Lower Volga region]. *RA*, 1, pp. 41–54.
Smirnov K. F., 1961. Vooruzhenie savromatov [Armament of the Sauromatians]. Moscow: AN SSSR. 162 p.
Smirnov K. F., 1964. Savromaty. Rannyaya istoriya i kul'tura sarmatov [The Sauromatians. Early history and culture of the Sarmatians]. Moscow: Nauka. 380 p.
Smirnov K. F., 1977. Orskie kurgany rannikh kochevnikov [Orsk kurgans of early nomads]. *Issledovaniya po arkheologii Yuzhnogo Urala [Research on archaeology of Southern Urals]*. R. G. Kuzeev, ed. Ufa: Bashkirskiy filial AN SSSR, pp. 3–51.
Smirnov K. F., 1981. Bogatye zakhoroneniya i nekotorye voprosy sotsial'noy zhizni kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya v skifskoe vremya [Rich burials and some issues of social life of nomads of Southern Urals in Scythian period]. *Materialy po khozyaystvu i obshchestvennomu stroyu plemen Yuzhnogo Urala [Materials on economy and social structure of Southern Ura tribes]*. N. A. Mazhitov, A. Kh. Pshenichnyuk, eds. Ufa: Bashkirskiy filial AN SSSR, pp. 68–90.
Smirnov K. F., Popov S. A., 1972. Savromato-sarmatskie kurgany u s. Lipovka Orenburgskoy oblasti [Sauromato-Sarmatian kurgans near village Lipovka, Orenburg region]. *Pamyatniki Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnoy Sibiri sarmatskogo vremeni [Sites of Southern Urals and Western Siberia of Sarmatian period]*. K. F. Smirnov, eds. Moscow: Nauka, pp. 3–26.
Tairov A. D., 2006. Saki Priaral'ya v stepyakh Yuzhnogo Zaural'ya (po materialam mogil'nika Marovyy Shlyakh) [The Saka of Aral Sea region in steppes of Southern Trans-Urals (based on materials of Marovyy Shlyakh cemetery)]. *Yuzhnyy Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremya [Southern Urals and adjacent territories in Scythian-Sarmatian period]*. G. T. Obydennova, N. S. Savel'ev, eds. Ufa: Gilem, pp. 76–91.
Tairov A. D., Botalov S. G., 1988. Kurgan u sela Varna [Kurgan near village Varna]. *Problemy arkheologii Uralo-Kazakhstanskikh stepey [Problems of archeology of Ural-Kazakh steppes]*. G. B. Zdanovich, ed. Chelyabinsk: Chelyabinskiy gos. universitet: Bashkirskiy gos. universitet, pp. 100–125.
Vasiliev V. N., 2001. Vooruzhenie i voennoe delo kochevnikov Yuzhnogo Urala v VI–II vv. do n. e. [Armament and warfare of nomads of Southern Urals in VI–II cc. BC]. Ufa: Gilem. 153 p.
Zhelezchikov B. F., 1998. Arkheologicheskie pamyatniki Ural'skoy oblasti [Archaeological sites of Ural region]. Volgograd: Volgogradskiy gos. universitet. 136 p.
Zhelezchikov B. F., Klepikov V. M., Sergatskov I. V., 2006. Drevnosti Lebedevki (VI–II vv. do n. e.) [Lebedevka antiquities (VI–II cc. BC)]. Moscow: Vostochnaya literatura. 159 p.

About the authors

Lukpanova Yana A., Margulan Institute of Archaeology, prosp. Dostyk, 44, Almaty, 050010, Kazakhstan; e-mail: Lukpanovayana@gmail.com;

Seitov Abai M., Margulan Institute of Archaeology, prosp. Dostyk, 44, Almaty, 050010, Kazakhstan; e-mail: sajrim@mail.ru;

Antonov Mikhail A., Margulan Institute of Archaeology, prosp. Dostyk, 44, Almaty, 050010, Kazakhstan; e-mail: archaeology@live.ru

В. Е. Маслов

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ РАННЕСКИФСКИХ ШАТРОВЫХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ[1]

Резюме. В статье рассматривается вопрос о происхождения шатровых надмогильных сооружений на территории Северного Кавказа на фоне проблемы происхождения раннескифской культуры. Подобные конструкции в степном поясе Восточной Европы пунктирно прослеживаются с эпохи поздней бронзы. Однако распространение шатрообразных конструкций, связанных с появлением раннескифской культуры на Северном Кавказе, могло быть инновацией, не связанной непосредственно с местными степными ритуалами предскифского времени, а было привнесено извне вместе с новыми обрядами и вещами. Выдвинуто предположение об их связи с подобными сооружениями сакской культуры Приаралья. Шатровые конструкции, вероятно, являлись не воспроизведением жилища, а обобщенной моделью мироздания, которая могла сочетаться с идеей Мирового дерева и земного круга.

Ключевые слова: ранние скифы, киммерийцы, шатровые погребальные конструкции.

Давно сложилось осознание того, что раннескифская культура на Северном Кавказе является культурным новообразованием, появление которого нельзя объяснить эволюцией региональных древностей (*Тереножкин*, 1971. С. 22; *Алексеев*, 2003. С. 56).

Первые элементы скифской культуры на Северном Кавказе представлены в переходных памятниках жаботинского типа, очевидно, существовавших очень непродолжительное время – между проникновением исторических киммерийцев в Переднюю Азию в 714 г. до н. э. и вторжением раннескифских племен на Северный Кавказ и Лесостепное Поднепровье в эпоху Ашшурбанапала около 660–640 гг. до н. э. (*Эрлих*, 2007. С. 179–180; *Вальчак*, 2009. С. 92–94). Они

[1] Статья подготовлена при выполнения темы НИОКТР № 122011200269-4.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.275.222-241

появились и бытовали на фоне гораздо более широко распространенных древностей «классического» новочеркасского типа, что иллюстрирует недавно открытый комплекс к. 3 Дышского могильника в Адыгее (*Маслов и др*., 2020б. С. 322, 323).

Обе группы древностей можно связывать с киммерийским вторжением в Закавказье, которое теперь, очевидно, известно не только по письменным источникам. Так, на поселении Цискарант-гора в Кахетии в слое разрушения и пожара обнаружено несколько жаботинских наконечников стрел, причем один из них находился среди останков убитого им младенца. Для этого памятника имеются данные радиоуглеродных анализов, которые позволили датировать данный слой в пределах последней трети VIII в. до н. э. – первой трети VII в. до н. э. На другом кахетинском поселении, Нонаме-гора, представительная серия жаботинских наконечников также была найдена в горизонте, связанном с военным набегом (*Furtwangler et al.*, 1998. S. 317, 352–354. Abb. 3; *Дараган*, 2011. С. 568–570. Рис. V.35: *1–6, 23–40*). Вместе с ними здесь была обнаружена урартская бронзовая панцирная пластина, аналогичная пластинам панциря царя Аргишти I из помещения № 36 Тейшебаини (*Furtwängler et al.*, 1999. Abb. 25: *2*; 27; *Дараган*, 2011. Рис. V.37: *5–8*). Подобные наконечники найдены также в слое разрушения и связанном с ним п. 5 на Сержень-Юртском поселении в Чечне, видимо, синхронном событиям в Закавказье (*Козенкова*, 2001. С. 77, 82, 83. Рис. 86: *12, 13*).

На Северном Кавказе наконечники стрел жаботинской группы были обнаружены вместе с первыми изображениями в скифском «звериным стиле»: в п. 39 протомеотского могильника у хут. Кубанский (*Вальчак и др.*, 2016. С. 65, 73, 74. Рис. 69: *4*; 70: *8*) и в колесничном комплекте из п. у хут. Алексеевского (*Минаева*, 1956. С. 331. Рис. 2: *1, 7*; *Прокопенко*, 2018. Рис. 1: *1–7*). В обоих случаях в эти же комплексы входили предметы, связанные с новочеркасской уздой (*Минаева*, 1956. Рис. 2: *6, 4*; *Прокопенко*, 2018. Рис. 1: *8*; 2: *1*; *Вальчак и др.*, 2016: С. 74. Рис. 69: *5*).

Из-за малочисленности материалов предполагаемая раннескифская культура, – РСК-1 по периодизации Г. Коссака – И. Н. Медведской (*Медведская*, 1992. С. 86–88), которая соответствует жаботинском древностям, пока выглядит фантомом. На Северном Кавказе разрозненные предметы скифского типа так или иначе интегрированы в протомеотскую и западнокобанскую культуры, на фоне доминирования новочеркасских древностей. Основу данной периодизации окончательно разрушили новейшие исследования такого ключевого памятника РСК-1, как к. 524 у с. Жаботин в Поднепровье, как будто позволившие его значительно омолодить (*Скорый и др.*, 2020. С. 318–321).

Справедливости ради следует подчеркнуть, что и гораздо более многочисленные новочеркасские древности, также никогда не рассматривались как археологическая культура. А ряд новочеркасских комплексов содержит вещи скифских типов (*Эрлих*, 1994. С. 99, 100; *Ковпаненко, Скорый*, 2005. С. 286).

В целом, в интерпретации финальных предскифских древностей никаких существенных подвижек за последние 50 лет не произошло: сохраняется дилемма скифы и/или киммерийцы, однако все предположения носят умозрительный характер ввиду отсутствия надежных письменных источников.

О раннескифской культуре на Северном Кавказе можно рассуждать лишь после появления примерно во второй четверти – середине VII в. до н. э. серии элитарных подкурганных захоронений сразу в нескольких могильниках (*Петренко*, 2006. С. 108–114). С этими памятниками связано начало нового этапа курганного строительства, которое после более чем тысячелетнего перерыва велось, как правило, в хорошо обозримых, ландшафтно значимых точках, там, где уже существовали курганы эпохи ранней – средней бронзы, в заселенных очагах лесостепи и предгорьях. Первые элитные раннескифские захоронения под большими насыпями связаны с распространением совершенно новой социальной модели, основанной на многоступенчатой системе взаимоотношений внутри военизированных вождеств.

Появление скифских памятников повсеместно сопровождалось революционным изменением всех культурных кодов. Так, для Северного Кавказа еще Е. И. Крупнов отметил эпохальное переоформление кобанской культуры (*Крупнов*, 1960. С. 108), начиная со второй половины VII в. до н. э. превратившуюся в смешанную «скифо-кобанскую» культуру (*Ковалевская*, 2005. С. 50–66).

Никогда позднее скифская культура не демонстрирует такого внутреннего единства, как в эпоху архаики во второй половине – конце VII – начале VI в. до н. э. Набор погребального инвентаря из ранних комплексов, в том числе набор предметов, входящих в состав скифской триады, в целом един на огромной территории от Предкавказья до Прикарпатья. Большинство предметов из вещевого набора раннескифских древностей появились на востоке Евразии. К ним можно отнести: двулопастные наконечники стрел «жаботинского» типа и их развитие; стремечковидные удила, шлемы «кубанского» типа, бронзовые котлы и зеркала; шумящие навершия, очевидно, знаменитые акинаки, клевцы, набор основных образов «звериного стиля» – летящий олень, кошачьи хищники в разных позах и др. (*Тереножкин*, 1971. С. 22, 23; *Алексеев*, 2003. С. 38–55). Однако окончательное оформление скифская культура, сложившаяся на востоке Евразии, очевидно, получает в Передней Азии. Возможно, в северо-западном Иране, в районе близ озера Урмия, и лишь потом несколькими волнами, она попадает на Северный Кавказ через Закавказье. Вероятно, находки предметов раннескифских типов в Закавказье маркируют не маршруты передвижения отрядов скифов из Предкавказья через Главный Кавказский хребет (*Погребова, Раевский*, 1992. С. 197), а скифскую военную и культурную экспансию в Закавказье, в ходе крушения Урарту. Очевидно, на этом этапе скифские предметы вооружения вместе с урартскими появляются и в могильниках колхидской низменности (*Папуашвили*, 2011. Табл. III: *14, 16, 17*). В Тлийском могильнике были найдены акинаки «келермесского» типа, ножны которых были украшены бутеролями типа «Майкоп» (по Д. А. Топалу) с изображениями свернувшегося хищника (*Техов*, 1980. Рис. 12: *2, 6*; 14: *1*). В п. 216 Тлийского могильника акинак «келермесского» типа с бутеролью был найден вместе с урартским бронзовым поясом (*Техов*, 1980. Рис. 14: *16*; *Маслов и др.*, 2020а. С. 191).

Модель распространения акинаков этого типа можно проецировать на гораздо более широкий круг раннескифских древностей. Наиболее ранние находки происходят из памятников на территории Урарту и могут быть датированы в интервале от правления царя Аргишти II до времени падения Тейшебаини –

т. е. примерно 700–640 гг. до н. э. (*Подобед*, *Дараган*, 2021. С. 41, 42, 45, 46; *Топал*, 2021. С. 113, 115). Картографированная Д. А. Топалом сводка находок акинаков «келермесского» типа и связанных с ними бутеролей, показывает маршруты по которому из Закавказья они попадают на Северный Кавказ и Поднепровье – основные центры раннескифской культуры (*Топал*, 2021. Рис. 33; 34). «Облако» находок акинаков этого типа, встреченных как в захоронениях, так и в виде случайных находок, отмечает границы масштабной скифской военной экспансии. Причем можно отметить две волны перемещений: из Закавказья и, видимо, вторичную, вдоль лесостепного пояса.

Наиболее ранними образцами скифских ножен, оканчивающихся выступающими бутеролями, являются составные золотые обкладки парадных мечей из Мельгуновского кургана и кургана 1/Ш Келермесского могильника, изготовленные примерно во второй трети VII в. до н. э. урартскими торевтами для скифских вождей царского ранга (*Галанина*, 1997. С. 222. Табл. 7; 9; *Кисель*, 2003. С. 28–30, 123, 124. Кат. 1; 4). Бутероли типов «Зивие» и «Майкоп» (по Д. А. Топалу), использованные в оформлении ножен, – инновация, которая пока не встречена на востоке Евразии. Серийные бутероли типа «Майкоп» относительно короткое время бытовали в раннескифской культуре, однако они сохраняются в Передней Азии и в ахеменидский период (*Маслов и др.*, 2020а. С. 188, 189; *Топал*, 2021. Рис. 32; 33; 41).

Наступление новой – раннескифской эпохи сопровождается распространением изделий из золота в погребениях новой знати. С этого времени привозное золото как символ сакральной власти вместе с большими комплектами смертоносного вооружения и захоронениями взнузданных коней становится важнейшим социальным маркером в новой системе общественных отношений. В предскифский период в протомеотской и западнокобанской культурах на Северном Кавказе отсутствует традиция ювелирной обработки драгоценных металлов, включающая широкое использование пайки, тиснения по матрицам, применение техник зерни и скани, кастовых вставок. Лишь изредка в этом обширном регионе встречаются предметы, плакированные золотой фольгой, и импортные изделия (*Эрлих*, 1994. С. 28. Табл. 5: *28–36*), однако эти находки не идут ни в какое сравнение с раннескифскими комплексами, где сияющий золотом декор одежды погребенных, а иногда и их коней, очевидно, следовал канонам передневосточной дворцовой моды (*Маслов*, 2012а; *Маслов, Петренко*, 2021).

Вполне закономерно, что на фоне появления на Северном Кавказе раннескифской культуры келермесско-краснознаменского типа практически не заметно ее взаимодействие с жаботинской группой памятников (кург. 9 Краснознаменского могильника ?), но отчетливо прослеживается новочеркасский шлейф, отмеченный различными исследователями. Он проявляется в присутствии отдельных предметов новочеркасской узды и их дериватов (*Тереножкин*, 1971. С. 22; *Эрлих*, 1994. С. 104–110). Возможно, воспроизведением новочеркасских погребальных моделей колесничных упряжек являются захоронения с четверками лошадей в Краснознаменском и Нартанском могильниках (*Петренко*, 2006. С. 69). Следует особо отметить серию изображений с тиснеными солярными знаками – четырехлучевой звездой и крестообразными фигурами на округлых накладках-аппликациях из золотой фольги (*Маслов*, 2012б). Они цитируют по-

пулярную новочеркасскую символику, которая встречается и в жаботинских комплексах, очевидно, восходящую к переднеазиатским изобразительным мотивам и композициям. Сами золотые накладки, очевидно, также восходят к дворцово-храмовым переднеазиатским прототипам и, весьма вероятно, были изготовлены в Передней Азии, либо следует предположить, что в обозах скифских вождей были переднеазиатские ювелиры. Следует подчеркнуть, что подобные накладки-аппликации найдены пока только в северокавказском ареале раннескифской культуры. Таким образом, налицо прямые контакты скифов и новочеркасского населения на Северном Кавказе, в котором многие исследователи по-прежнему видят исторических киммерийцев, что противоречит концепции А. И. Иванчика о единой киммерийско-скифской культуре (*Иванчик*, 2001; *Махортых*, 2005. С. 308, 309; *Петренко*, 2006. С. 119, 120). Но в любом случае это взаимодействие было очень коротким эпизодом, который не выходит за рамки второй – третьей четверти VII в. до н. э.

Ключевые памятники раннескифской культуры на Северном Кавказе – Келермесский, Краснознаменский, Нартанский, Новозаведенский могильники нельзя рассматривать как подтверждение существования своеобразного плацдарма для постоянных походов в Закавказье и Переднюю Азию. Появление этих памятников очень близко во времени, и они обозначают завоевание новой «родины» и расселение скифских племен в ключевых точках покоренных территорий. Связи с Передней Азией могли сохраняться некоторое время, но основные усилия дружинной элиты были направлены на освоение новых территорий и создание системы протяженных коммуникаций с выходом к черноморскому побережью, о чем свидетельствуют находки греческой доколонизационной керамики в глубине варварских территорий начиная с третьей четверти VII в. до н. э. (*Шевченко*, 2013; *Маслов, Петренко*, 2021. С. 85. Прим.; *Рябкова*, 2022).

Вновь прибывшие племенные группы определенно были новым населением, хотя, очевидно, среди предскифских дружинных элит у них были близкие или дальние родственники. Поэтому весьма вероятно, что в вышеперечисленных скифских могильниках изначально были погребены люди, родившиеся вне северокавказского региона. Они появились с уже сложившейся социально стратифицированной и предельно милитаризованной культурой, мифологизированная идеология которой прокламировалась системой образов «звериного стиля». Такой взгляд противоречит знаменитому рассказу Геродота об уходе и возвращении скифов, однако многочисленные интерпретации повествования «отца истории», только мешают объективному ходу исследований, опирающихся на археологические источники.

Погребальный обряд элитарных скифских могильников эпохи архаики на Северном Кавказе также является инновационным. К сожалению, число комплексов, где сохранились и были зафиксированы важные детали, очень невелико.

Скрупулезно исследованные В. Г. Петренко погребальные сооружения 9 курганов Краснознаменского могильника сильно пострадали в ходе ограбления.

Развернутый обзор сложных каменных наземных конструкций Краснознаменского могильника невозможен в данной статье, поэтому ограничусь несколькими ремарками. В. Г. Петренко, в целом, совершенно справедливо указала на восточный вектор происхождения этих сооружений, сопоставив их с со-

оружениями дандыбай-бегазинской культуры и Северного Тагискена Казахстана (*Петренко*, 2006. С. 51, 52, 117). Причем следует отметить, что наибольшее сходство с бегазинскими мавзолеями имеет так называемый храм огня, не имеющий проходов (*Петренко*, 2006. Табл. 7; *Маргулан*, 1998. Рис. 61). Однако следует учитывать значительное удревнение дандыбай-бегозинской культуры, а также мавзолеев Северного Тагискена и нижней датировки самой сакской культуры (*Бейсенов и др.*, 2014. С. 166–172).

Представляется, что для центрального дромосного погребения царского к. 1 и наземных гробниц с дромосами в к. 4 и 8 не менее важны прямые параллели с сакскими памятниками Восточного Казахстана: Чиликтинский к. 5 (*Черников*, 1965. С. 13–21. Табл. II–VI) и кург. Байгетабе в могильнике Шиликты-3 (*Толеубаев*, 2018. С. 121–216, 488), к. 4 могильника Елеке сазы (*Самашев*, 2018. С. 109, 110. Рис. 1) и др.

В к. 2, 3, 6, 7 Краснознаменского вокруг могильных камер на уровне погребенной почвы были зафиксированы тростниковые настилы, заходившие на склоны кольцевых валиков, и в ряде случаев встреченного в заполнении над могильными камерами со столбовыми ямами на дне. Однако под валиками выброса нигде не было зафиксировано нижнего слоя тростника, который обычно связан с надмогильным перекрытием. Также ни в одном случае не были зафиксированы бревенчатые накаты над могильными камерами, только следы жердей, а иногда каменная наброска (*Петренко*, 2006. С. 47. Табл. 21; 23; 31; 34). Наиболее сохранившуюся конструкцию в к. 6 предложено рассматривать как шатровую, которую можно сопоставлять с погребальными сооружениями могильника Новозаведенное-II (Там же. С. 50, 51).

Весьма вероятно, что к группе с шатровыми конструкциями относился и древнейший комплекс могильника – к. 9, но он настолько разрушен ограблением, что это не удалось зафиксировать. Нужно отметить, что могильная камера данного кургана имела небольшую глубину – всего 1,1 м, что характерно для элитарных захоронений предскифского этапа. Но вероятная находка фрагментов шлема все же позволяет отнести этот комплекс к раннескифским (Там же. С. 45, 147).

Наиболее полно шатровые[2] надмогильные конструкции зафиксированы в могильнике скифской знати Новозаведенное-II. Это памятник, оставленный вновь прибывшими завоевателями, которые привезли с собой разнообразные трофеи. Он состоял из 15 насыпей высотой от 2 до 7 (первоначально, очевидно, даже до 10) метров, растянувшихся неровной цепочкой на расстояние около 3 км. Некогда они представляли собой величественное зрелище. Установлено, что на вершине некоторых насыпей были установлены стелы. Наиболее ранний комплекс могильника – к. 2 содержал редкие предметы упряжи, аналогии которым происходят из южной гробницы к. 1 Краснознаменского могильника (*Петренко*, 2006. С. 71. Рис. 2: *19, 27*) и среди находок из Южной Сибири (*Маслов*, 2012б. С. 350. Рис.1: *1, 2*). Он может быть датирован в пределах середины – третьей четверти VII в. до н. э. Однако основной массив курганов относится к несколь-

[2] Название шатровые – условно и отражает представления о надмогильной модели жилища.

ко более позднему времени – последней трети – концу VII в. до н. э., что подтверждается находками фрагментов ионийской керамики (Теос, Милет)[3] в к. 16 (*Маслов, Петренко*, 2021. С. 85. Прим.). Могильник заканчивает свое существование в первой половине VI в. до н. э.

Из 15 исследованных курганов в 13 содержались шатровые конструкции, различающиеся только деталями. В к. 17 был даже зафиксирован двойной шатер: на уровне перекрытия, сооруженный из бревен, а поверх обваловки – из тростника и прутьев (*Петренко и др.*, 2004а). В двух крупнейших курганах могильника – к. 2 и 7 был расчищен редкий вариант шатрообразных конструкций: здесь могильную камеру валики выброса обрамляли лишь с двух сторон. В них упирались ярусы наката над могильной камерой. Валики вместе с бревнами перекрытия, очевидно, образовывали курганообразное сооружение. Вся конструкция сверху и вокруг была перекрыта слоями тростника/рогоза (*Петренко и др*., 2004б. С. 181–183). Следует подчеркнуть, что, судя по толщине и площади слоев органики, при этом было использовано несколько тон растительности из речной поймы.

Главной особенностью шатровых конструкций является двухуровневое перекрытие (рис. 3: *4*). Нижний уровень этого перекрытия был уложен на уровне древней погребенной почвы и непосредственно перекрывал бревенчатый накат над могильной камерой. Тростниковое покрытие всегда шире площади наката и выходит за его края. Сверху края наката, выступающие за пределы могильной ямы, перекрывались кольцевым валиком выброса, предварительно отодвинутым от краев могильной ямы. Верхний слой тростника полностью покрывал внешние склоны валика выброса, окружающего могилу и центральную часть подкурганной площадки. В большинстве случаев под ним залегал хворост или кора, реже жерди. Оба слоя камыша сливались у краев могильной ямы в результате обрушения конструкций в погребальную камеру (*Петренко и др*., 2009. С. 225, 226. Рис. 2) (рис. 3: *1*, *3*, *4*).

О шатровой конструкции позволяет рассуждать направление древесных остатков под верхним камышовым слоем, которые расположены радиально по отношению к центру могилы, что сближает данные сооружения с большей частью подобных деревянных надмогильных конструкций (рис. 3: *1, 2*). При этом тростник во всех случаях перекрывал древесные слои. Нет сомнения, что верхняя часть перекрытия, какой бы она ни была – уплощенной вровень с валами выброса или даже имитировавшей шатер-купол, – снаружи опиралась на вал выброса, а снизу, так или иначе, – на бревенчатый накат перекрытия могилы, который часто был уложен на несущие балки и снизу подпирался столбами, закрепленными в ямах на дне могильных камер. В любом случае – шатровая часть конструкции, в отличие от наката, являвшегося потолком могильной камеры, не была утилитарным сооружением, хотя ее возведение требовало значительных дополнительных трудозатрат.

Новозаведенские конструкции не уникальны, аналогии им имеются в памятниках скифской архаики как на Северном Кавказе – курган близ г. Новопавловск

[3] Предварительное заключение д-ра Удо Шлотцауера (Евразийский отдел Германского археологического института, Берлин), которому мы выражаем признательность.

(*Канторович и др.*, 2007), курган у хут. Пегушин (*Канторович и др.*, 2011), близ Азова – Красноговка III (*Парусимов*, 2007. С. 37. Рис. 1: *1*), так и в Поднепровье (*Ковпаненко*, 1984) (рис. 3: *3*). Хотя исследование насыпей курганов Нартанского могильника плохо документировано, наличие там комплексов с шатровым перекрытием более чем вероятно, учитывая опубликованные данные (*Батчаев*, 1985. С. 33, 36. Табл. 34; 40). Определенная вероятность существования таких конструкций есть и для Келермесского могильника: Н. И. Веселовский представил в своем отчете данные о деревянных конструкциях, опиравшихся на столбы (ОАК 1904 г. С. 85–97. Рис. 134, 151). В ходе последующих исследований в к. 31 (кургане 2/В) была зафиксирована круговая обваловка из выброса и перекрывавший ее травяной слой. Однако Л. К. Галанина, издавшая материалы могильника, отрицала не только наличие шатрообразных конструкций над келермесскими гробницами, но и наличие у могильных камер какого-либо перекрытия, с чем невозможно согласиться (*Галанина*, 1997. С. 68).

Традиционно шатровые конструкции раннескифского времени связывают с памятниками эпохи поздней бронзы степной и лесостепной зон Северного Причерноморья, прежде всего белозерскими (*Петренко*, 2006. С. 50, 51). Действительно, универсальность идеи шатровых конструкций, очевидно, восходит к общей этнокультурной традиции, сформировавшейся в эпоху поздней бронзы.

Она пунктирно прослеживается на территории от Поволжья до Приднестровья. Наиболее ранним и выразительным является покровский комплекс в кургане у с. Комаровки в Среднем Поволжье, где сочетались такие важнейшие компоненты погребального обряда, находящие параллели в раннескифской культуре, как насыпь перекрытая шатром, со следами горения, захоронение в камере, уложенные около нее взнузданные лошади колесничной упряжки (*Алихова*, 1955. С. 91–99. Рис. 34; 35) (рис. 1: *1*). Шатровые конструкции известны в могильниках срубной культуры Поволжья (*Мерперт*, 1958. С. 90–92. Рис. 5а; 7) (рис. 1: *4*), Подонья (*Синюк, Погорелов*, 1986. С. 146, 148. Рис. 1: *1*; *Пряхин, Матвеев*, 1988. С. 84. Рис. 3) (рис. 1: *2*) и Поднепровья (*Ковалева*, 1981. С. 257). Наиболее поздние шатровые комплексы выявлены в белозерской культуре Северо-Западного Причерноморья: основное погребение к. 7 могильника Казаклия (*Agulnikov*, 1996. P. 19, 20. Fig. 3) (рис. 1: *3*) и п. 1 к. 3 у с. Хаджиллар (*Агульников и др*., 2001. С. 95, 98. Рис. 2; 3).

Белозерские черты просматриваются в погребальном воинском захоронении с колесничным комплектом в кургане III близ Слободзеи, что косвенно подтверждает его раннюю дату: очевидно, не позднее середины VIII в. до н. э. (*Яровой и др.*, 2002. С. 302–326. Рис. 3; 5). Культурная принадлежность данного комплекса неясна, в нем есть и черногоровские, и гальштатские предметы. Можно согласиться с тем, что сооружение в Слободзее предшествует шатровым сооружениям позднейшего предскифского периода в Поднепровье: в Квитках, и Константиновке, а также в к. 1 могильника Уашхиту I в Адыгее, где было открыто деревянное шатровое надмогильное сооружение над обширной, даже по меркам раннескифского времени, могильной камерой размерами 12 × 7 м (*Эрлих*, 1994. С. 21–25. Табл. 1). До сих пор эта конструкция для Северного Кавказа остается уникальным памятником. Связь материалов из Уашхиту с новочеркасским культурным комплексом несомненна. При этом «однорядно-прямоугольный» декор

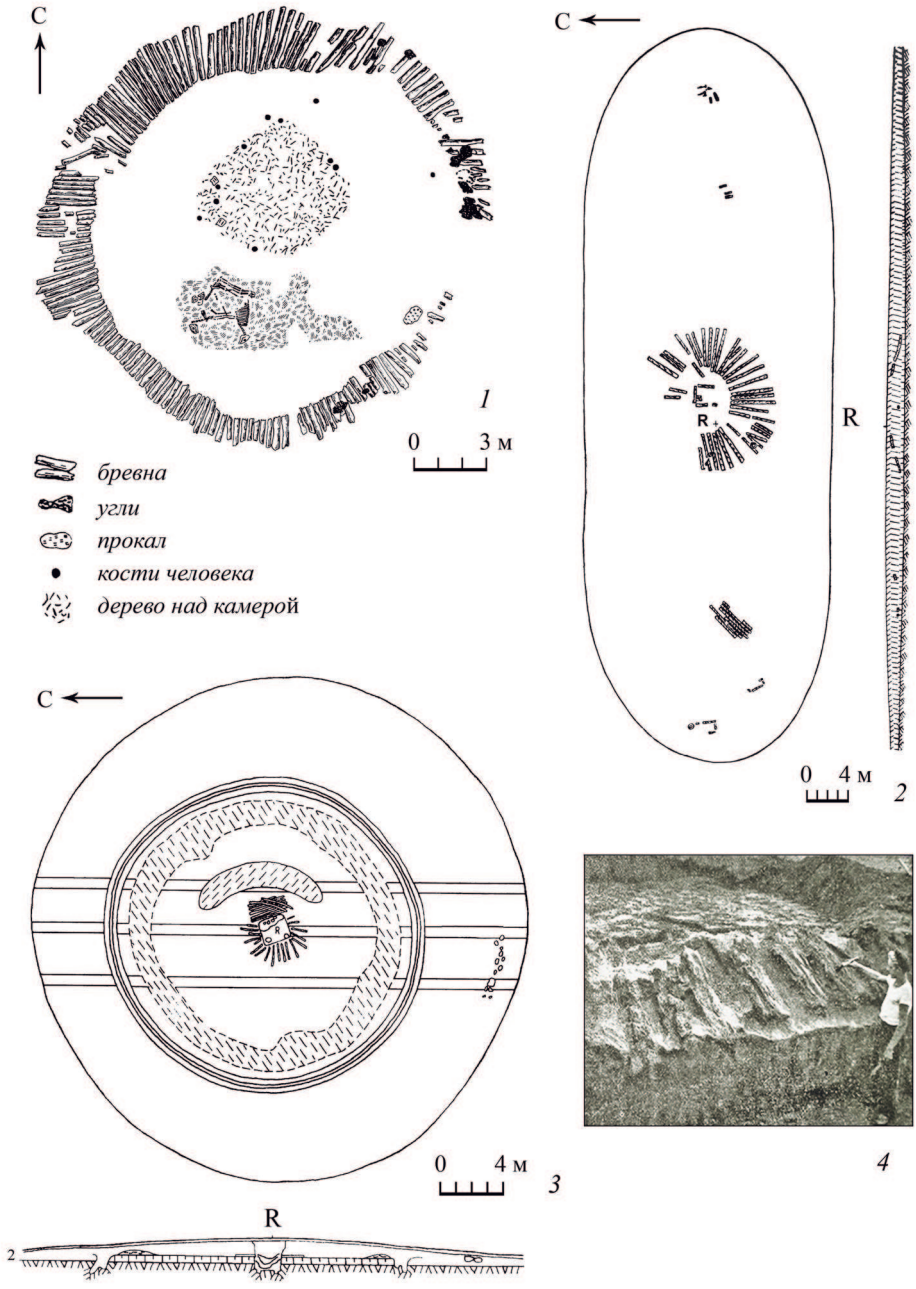


Рис. 1. «Шатровые» погребальные конструкции эпохи поздней бронзы

1 – к. у с. Комаровки (по: *Алихова*, 1955); *2* – п. 3 к. 4 Митрофановской группы (по: *Прях-ин, Матвеев*, 1988); *3* – к. 7 могильника Казаклия (по: *Agulnikov*, 1996); *4* – к. 11 у с. Кайбелы (по: *Мерперт*, 1958)

псалиев из этого комплекса имеет параллели как в восточных, так и в жаботинских комплексах (*Вальчак*, 2004. С. 43. Рис. 2; 5: *2, 4*; 6: *3*)[4].

Следует также учитывать, что в рамках новочеркасского горизонта древностей, очевидно, существует связь колесничных комплексов из Ушхиту и «княжеского» погребения с шатровой конструкцией в Квитках в Поднепровье. При этом, в колчанном наборе в Квитках присутствуют наконечники стрел скифских типов. Кроме того, найденная здесь накладка из золотой фольги очевидно является деталью ножен для кинжала с широким, скругленным перекрестием – акинака (?), а копья относятся к раннескифским типам (*Ковпаненко, Гупало*, 1984. С. 50, 52. Рис. 9: *1, 2, 42, 43*; 11: *6*).

Являются ли погребальные конструкции в Уашхиту и Квитках непосредственными прототипами раннескифских шатровых конструкций? Полагаю, что нет. Слишком велики отличия новочеркасских и раннескифских захоронений в составе набора престижных вещей воинского комплекса (*Тереножкин*, 1971. С. 22, 23; *Вальчак*, 2021. С. 33. Рис. 1; 2). Скорее можно предполагать наличие некой общей основы культурных традиций, связанной с предскифскими восточными импульсами.

Если обратиться к памятникам сакской культуры Приаралья, то выяснится, что шатрообразные конструкции здесь были хорошо известны. С. А. Скорый в качестве иллюстрации азиатских шатровых конструкций привел сожженное наземное каркасно-столбовое сооружение в к. 66 могильника Уйгарак (*Скорий*, 1987. С. 40. Рис. 2: *5*). Однако его скорее следует сопоставлять с уникальной столбовой конструкцией со следами горения в «княжеском» киммерийском погребении в Ольшанах в Поднепровье, которое имеет и другие прямые аналогии в комплексах Уйгарака и Южного Тагискена в Приаралье (*Ковпаненко, Скорый*, 2005. С. 266–268. Рис. 1; *Вишневская*, 1973. Рис. 2; 3; 22; 24; 27; 29; *Итина, Яблонский*, 1997. Рис. 4).

В ряде курганов могильников Уйгарак, Южный Тагискен и Сакар-Чага 6 имелись шатровые наземные погребальные конструкции, аналогичные новозаведенским (*Вишневская*, 1973. Рис. 8; 18; 30; 33; 39; *Итина, Яблонский*, 1997. Рис. 8; 61) (рис. 2: *1, 2*). Все эти сооружения объединяет наличие кольцевого вала выброса вокруг прямоугольных могильных ям, иногда имевших значительную площадь, и наличие двухуровнего древесно-тростникового перекрытия могил. При этом нижний слой из растительности непосредственно перекрывал заклад устья могильной камеры, а верхний – валики выброса и участок подкурганной площадки за ними. Толщина слоя растительной органики достигала 20 см (*Вишневская*, 1973. С. 64). Все эти конструкции можно проследить лишь по опубликованным профилям. Тем не менее существует очевидное сходство, которое тем более велико, что на дне погребальных камер находились каркасно-решетчатые погребальные ложа, иногда на столбиках-ножках, иногда дополненные вотивными угловыми ямками (*Вишневская*, 1973. С. 63. Рис. 32; 33; *Итина, Яблонский*, 1997. Рис. 26; 46). В погребальных камерах к. 12, 14 Новозаведского могильника были зафиксированы погребальные ложа на ножках,

[4] В большей части тиража книги по техническим причинам отсутствует рис. 5.

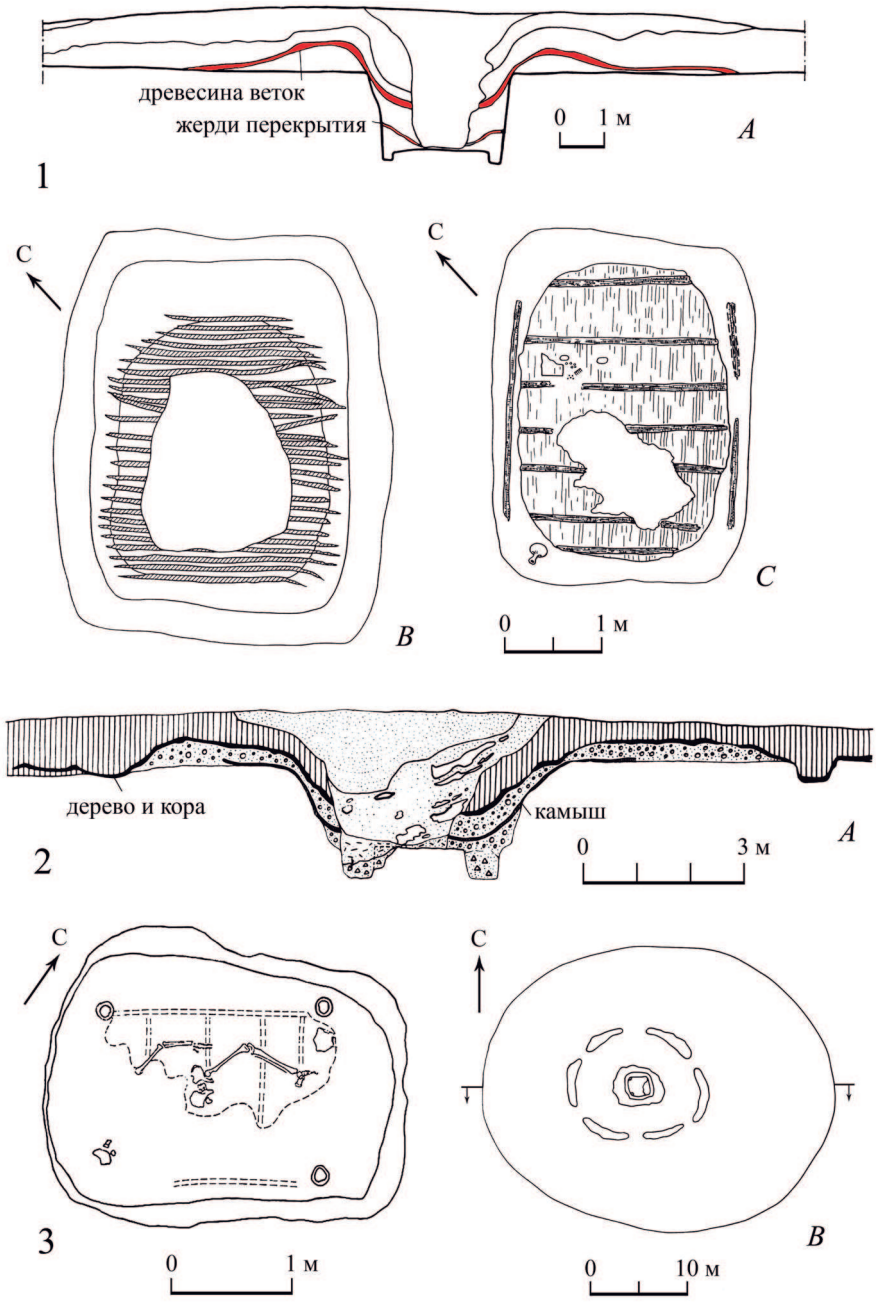


Рис. 2. «Шатровые» погребальные конструкции сакских могильников Приаралья

1 – Уйгарак кург. 61 (по: *Вишневская*, 1973): А – профиль насыпи; В – просевшее перекрытие; С – погребальное ложе; *2* – Южный Тагискен кург. 29 (по: *Итина, Яблонский*, 1997): А – профиль; В – план кургана; *3* – Уйгарак кург. 44 погребальное ложе (по: *Вишневская*, 1973)

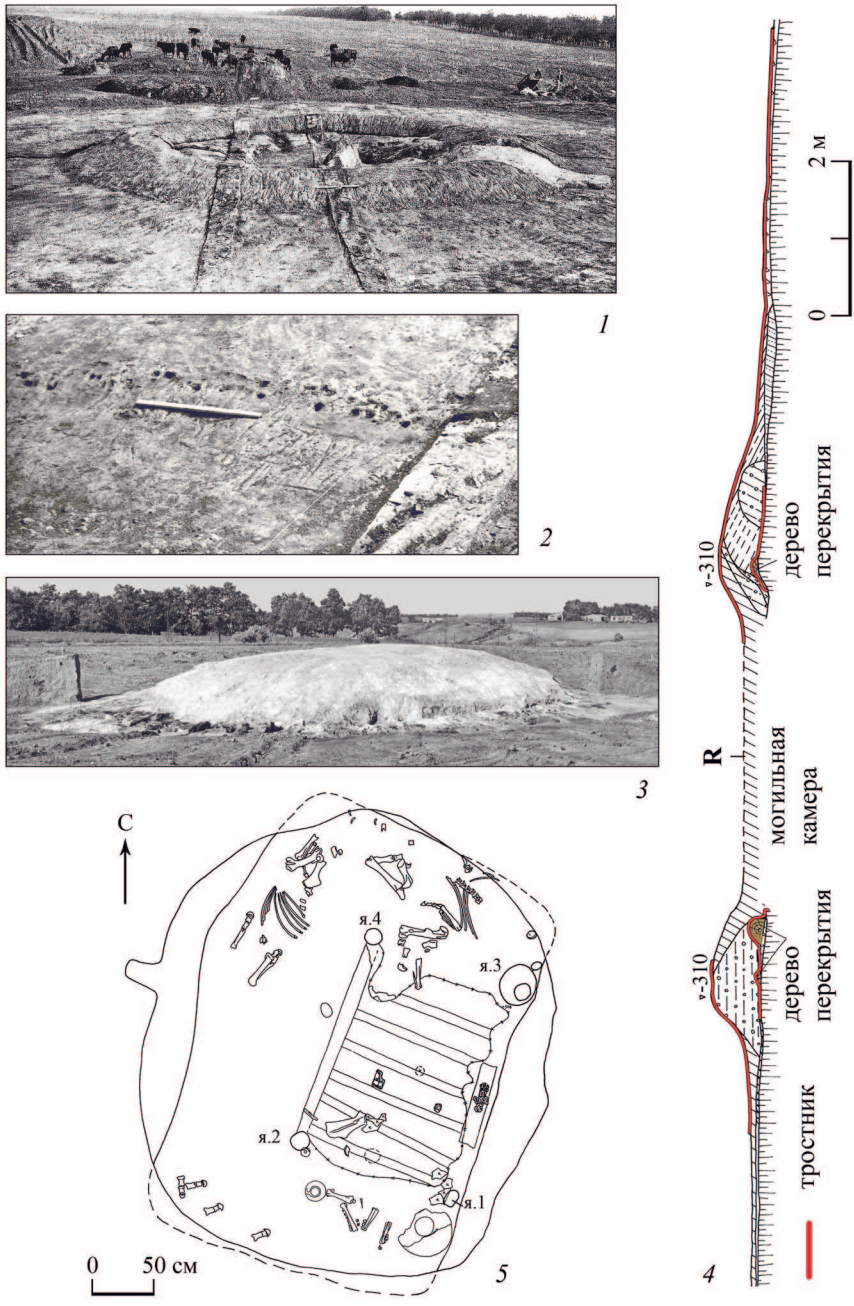


Рис. 3. «Шатровые» погребальные конструкции скифских памятников

1 – к. 13 могильника Новозаведенное-II – отпечатки веток на обваловке из выброса; *2* – то же, деталь; *3* – кург. у с. Флярковка, обожженный деревянный «шатер» (по: *Ковпаненко*, 1984); *4* – разрез надмогильной конструкции в кург. 10 могильника Новозаведенное-II; *5* – погребальное ложе в кург. 14 могильника Новозаведенное-II

по устройству очень близкие к погребальным ложам могильников из Приаралья (рис. 3: *5*)[5].

Хотя среднеазиатские курганные насыпи значительно уступают новозаведенским по размерам, но среди могильных ям под ними встречаются камеры, не уступающие раннескифским, имевшие шатровые надмогильные конструкции[6]. Так, в к. 50 могильника Сакар-Чага 6 была открыта могильная яма площадью 7 × 4,3 м, в к. 7 – 6,5 × 3,5 м, в к. 20 – 5,4 × 4 м, при глубине 1,5–2,5 м. Следуют отметить, что в двух из этих трех разграбленных курганов с шатровыми надмогильными конструкциями, были найдены кости лошади, предметы вооружения и вещи, возможно, имевшие ритуальный контекст, а сами насыпи составляли на могильнике с необычайно пестрым погребальным обрядом компактную группу элитных захоронений (*Яблонский*, 1996. С. 118, 120, 124, 141. Рис. 11).

В итоге, на сегодняшний день нельзя отрицать того, что распространение шатрообразных конструкций, связанных с появлением раннескифской культуры на Северном Кавказе, могло быть инновацией, не связанной непосредственно с местными степными ритуалами предскифского времени, а было привнесено извне вместе с новыми обрядами и вещами.

Сложилась устойчивая традиция, что шатровые конструкции рассматривают как воспроизведение каркасного жилища (*Смирнов*, 1964. С. 89; *Скорий*, 1987. С. 39: *Петренко*, 2006. С. 117). Сравнительно недавно было выдвинуто принципиально новое предположение, которое позволяет рассматривать шатровые погребальные сооружения скифского времени как отражение модели мироздания, которая могла сочетаться с идеей Мирового дерева (*Березуцкий*, 2011. С. 147–151). Поскольку обобщенной моделью жилища была, безусловно, погребальная камера, справедливость такого подхода, кажется достаточно обоснованной. Настил же вокруг центра кургана с погребальной камерой – обиталищем умершего – мог символизировать земной круг.

ЛИТЕРАТУРА

Агульников С. М., Бубулич В. Г., Курчатов С. И., 2001. Курганный могильник у с. Хаджиллар в Нижнем Поднестровье // Старожитности степового Причорномор'я і Криму. Вып. IX. Запоріжжя. С. 95–101.

Алексеев А. Ю., 2003. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб.: Изд-во ГЭ. 416 с.

Алихова А. Е., 1955. Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки // КСИИМК. Вып. 59. С. 91–99.

Батчаев В. М., 1985. Древности предскифского и скифского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2. Памятники эпохи бронзы и раннего железа / Отв. ред.: М. П. Абрамова, В. И. Козенкова. Нальчик: Эльбрус. С. 7–115.

Бейсенов А. З., Варфоломеев В. В., Касеналин А. Е., 2014. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы: Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана. 192 с.

[5] Сердечно благодарю своего научного руководителя В. Г. Петренко за разрешение воспользоваться неопубликованными материалами.

[6] К сожалению, в монографии Л. Т. Яблонского не приведены планы и чертежи этих комплексов. О конструкциях можно косвенно судить только из текста публикации. Однако я принимал участие в исследовании могильника Сакар-Чага 6 и могу свидетельствовать об этом.

Березуцкий В. Д., 2011. Шатровые сооружения в курганах скифского времени Среднего Дона: возможности семиотического подхода // Восточноевропейские древности скифской эпохи. Воронеж: Научная книга. С. 147–155. (Вестник Острогожского историко-художественного музея им. И. Н. Крамского.)

Вальчак С. Б., 2004. Конская упряжь Приаралья и юга Восточной Европы: сходство и отличия // Археологические памятники раннего железного века Юга России / Отв. ред. Л. Т. Яблонский. М.: ИА РАН. С. 32–56. (Материалы и исследования по археологии России; № 6.)

Вальчак С. Б., 2009. Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н. э. на юге Восточной Европы. М.: ТАУС. 292 с.

Вальчак С. Б., 2021. Культурно-хозяйственный тип и археологический облик киммерийцев (краткий историографический обзор) // Восток (Oriens). № 6. С. 19–37.

Вальчак С. Б., Пьянков А. В., Хачатурова Е. А., Эрлих В. Р., 2016. Кубанский могильник. Раскопки Н. В. Анфимова 1965 года. М.: С. В. Истратов. 208 с.

Вишневская О. А., 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э.: по материалам Уйгарака. М.: Наука. 160 с. (Тр. Хорезмской археолого-этнограф. экспедиции; т. VIII.)

Галанина Л. К., 1997. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М.: Палеограф. 270 с., 44 л. ил. (Степные народы Евразии; т. 1.)

Дараган М. Н., 2011. Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи. Киев: КНТ. 848 с.

Иванчик А. И., 2001. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М.: Палеограф. 324 с. (Степные народы Евразии; т. 2.)

Итина М. А., Яблонский Л. Т., 1997. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: РОССПЭН. 187 с.

Канторович А. Р., Маслов В. Е., Петренко В. Г., 2011. Скифский курган (к. 14) могильника «Пегушин-1» Ставропольского края // Проблемы археологии Кавказа: сб. материалов Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию Ю. Н. Воронова / Отв. ред. А. Ю. Скаков. Сухум: Абхазский ин-т гуманитар. исслед. С. 103–109.

Канторович А. Р., Петренко В. Г., Маслов В. Е., 2007. Раскопки кургана раннескифской эпохи у г. Новопавловска // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VII. М.: Памятники исторической мысли. С. 168–207.

Кисель В. А., 2003. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. СПб.: Петербургское Востоковедение. 192 с.

Ковалева И. Ф., 1981. Работы экспедиции Днепропетровского университета // АО 1980 г. / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука. С. 257.

Ковалевская В. Б., 2005. Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН. 398 с.

Ковпаненко Г. Т., 1984. «Червона Могила» у с. Фляркoвка // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Ред.: А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, В. Г. Петренко. М.: Наука. С. 107–113.

Ковпаненко Г. Т., Гупало Н. Д., 1984. Погребение воина у с. Квитки в Поросье // Вооружение скифов и сарматов / Отв. ред. Е. В. Черненко. Киев: Наукова думка. С. 39–58.

Ковпаненко Г. Т., Скорый С. А., 2005. Ольшана: погребение предскифского времени в Днепровской Правобережной Лесостепи // SP. № 3/2003–2004. С. 265–288.

Козенкова В. И., 2001. Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М.: Наука. 198 с.

Крупнов Е. И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР. 520 с.

Маргулан А. Х., 1998. Сочинения. Т. 1. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алматы: Атамұра. 400 с.: ил.

Маслов В. Е., 2012а. Золотые бляшки-аппликации из могильников скифской знати в Центральном Предкавказье // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения: Междунар. науч. конф. (Махачкала, 23–28 апреля 2012 г.) / Отв. ред. М. С. Гаджиев. Махачкала: Мавраевъ. С. 210–212.

Маслов В. Е., 2012б. К проблеме хронологии древностей келермесского горизонта // Российский археологический ежегодник. № 2. СПб. С. 342–359.

Маслов В. Е., Андреева М. В., Гей А. Н., 2020а. Курган келермесского времени могильника Дыш IV (Республика Адыгея) // КСИА. Вып. 261. С. 182–202.

Маслов В. Е., Гей А. Н., Андреева М. В., 2020б. Курган раннескифского времени в Адыгее (могильник Дыш IV) // SP. № 3. С. 293–330.

Маслов В. Е., Петренко В. Г., 2021. Детали головных уборов и диадем из могильника Новозаведенное-II // Восток (Orients). № 6. С. 78–89.

Махортых С. В., 2005. Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев: Шлях. 380 с.

Медведская И. Н., 1992. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // РА. № 3. С. 86–107.

Мерперт Н. Я., 1958. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II / Отв. ред. А. П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР. С. 45–156. (МИА; № 61.)

Минаева Т. М., 1956. Археологические материалы скифского времени в Ставропольском краевом музее // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 8. Ставрополь: Краевое кн. изд-во. С. 329–342.

Отчет Императорской археологической комиссии за 1904 г. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1907. 185 с.

Папуашвили Р., 2011. К вопросу об абсолютной хронологии могильников Колхиды эпохи поздней бронзы – раннего железа // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Отв. ред. Х. М. Мамаев. Грозный; М.: ИА РАН; Ин-т гуманитар. исслед. АН Чеченской Республики. С. 82–94.

Парусимов И. Н., 2007. Курган-кенотаф раннескифского времени // Археологические записки. Вып. 5 / Ред. В. Я. Кияшко. Ростов-на-Дону: Донское археолог. о-во. С. 37–39.

Петренко В. Г., 2006. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. М.; Берлин; Бордо: Палеограф. 306 с. (Степные народы Евразии; т. III.)

Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р., 2004а. Исследования могильника Новозаведенное-II // АО 2003 г. / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука. С. 282–284.

Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р., 2004б. Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное-II (предварительная публикация) // Археологические памятники раннего железного века Юга России / Отв. ред. Л. Т. Яблонский. М.: ИА РАН. С. 179–210. (Материалы по археологии России; № 6.)

Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р., 2009. Некоторые итоги исследования раннескифского могильника Новозаведенное-II в 1991–2003 гг. // Археологические открытия. 1991–2004 гг. Европейская Россия / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 225–234.

Погребова М. Н., Раевский Д. С., 1992. Ранние скифы и Древний Восток. М.: Наука. 260 с.

Подобед В. А., Дараган М. А., 2021. О «скифском» акинаке из Русахинили перед горой Эйдуру // Восток (Oriens). № 6. С. 38–53.

Прокопенко Ю. А., 2018. Комплекс предметов вооружения и конской упряжи раннескифской культуры, обнаруженный у хутора Алексеевский Ставропольского края // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 23. № 2. С. 17–31.

Пряхин А. Д., Матвеев Ю. П., 1988. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та. 206 с.

Рябкова Т. В., 2022. Восточно-греческая керамика в материалах поселения Тарасова Балка в Закубанье // «От Кавказа до Дуная»: Северное Причерноморье в античную эпоху: сб. науч. тр. к 70-летию профессора С. Ю. Монахова / Гл. ред. А. П. Медведев. Саратов: Амирит. С. 362–375.

Самашев З., 2018. К изучению культуры ранних саков Восточного Казахстана // Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур: междунар. симп., посвящ. памяти видного ученого-археолога, профессора, академика АН Республики Башкортостан, д-ра ист. наук Н. А. Мажитова (г. Уфа, 6–7 декабря 2018 г.) / Ред. А. И. Уразова. Уфа: Мир печати. С. 109–117.

Синюк А. Т., Погорелов В. И., 1986. Исследование курганов в левобережье Среднего Дона // СА. № 1. С. 146–151.

Скорий С. О., 1987. Про етнокультурний компонент у населения Дніпровського Лісостепового Правобережжя // Археологія. № 60. С. 36–49.

Скорый С. А., Зимовец Р. В., Окатенко В. Н., 2020. Курган 524 у с. Жаботин (новое в изучении «опорного» памятника скифской архаики в Украинской Правобережной Лесостепи) // Археологія і давня історія України. Вип. 3 (36). Київ. С. 300–326.

Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука. 380 с.

Тереножкин А. И., 1971. Скифская культура // Проблемы скифской археологии / Отв. ред.: П. Д. Либеров, В. И. Гуляев. М.: Наука. С. 15–23. (МИА; № 177.)

Техов Б. В., 1980. Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н. э. (по материалам Тлийского могильника). М.: Наука. 93 с.

Толеубаев А. Т., 2018. Раннесакская шиликтинская культура. Алматы: Садвакасов А. К. 528 с.

Топал Д., 2021. Акинак на западе скифского мира. Кишинэу: Muzeul Național de Istorie a Moldovei. 648 с. (Biblioteca «Tyragetia»; XXXV.)

Черников С. С., 1965. Загадка золотого кургана. М.: Наука. 188 с.

Шевченко Н. Ф., 2013. Курган раннескифского времени у хут. Красный // АСГЭ. Вып. 39. СПб. С. 100–118.

Эрлих В. Р., 1994. У истоков раннескифского комплекса. М.: Гос. музей Востока. 196 с.

Эрлих В. Р., 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М.: Наука. 430 с., 6 л. ил.

Яблонский Л. Т., 1996. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М.: ИА РАН. 185 с.

Яровой Е. В., Кашуба М. Т., Махортых С. В., 2002. Киммерийский курган у пгт. Слободзея // Северное Причерноморье: от энеолита до античности / Ред. Я. В. Яровой. Тирасполь: Археология. С. 279–343.

Agulnikov S., 1996. Necropola culturii Belozerka de la Cazaclia. Bucureşti. 115 p. (Biblioteca Thracologica; XIV.)

Furtwangler A., Knauβ F., Morzenbacker I., 1998. Archäologische Expedition in Kachetien. Ausgrabung in Širaki. 4. Vorbericht // Eurasia Antiqua. Bd. 4 (1998). S. 309–364.

Furtwangler A., Knauβ F., Motzenbacker I., 1999. Archäologische Expedition in Kachetien. Ausgrabung in Širaki. 5. Vorbericht // Eurasia Antiqua. Bd. 5 (1999). S. 233–270.

Сведения об авторе

Маслов Владимир Евгеньевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: maslovlad@mail.ru

V. E. Maslov

REVISITING THE ORIGIN OF EARLY SCYTHIAN «TENT-ROOFED» FUNERARY CONSTRUCTIONS IN THE NORTH CAUCASUS

Abstract. The paper reviews the origin of tent-roofed constructions placed over the tombs in the North Caucasus in the context of the Early Scythian culture origin. The author suggests their links with similar constructions of the Saka culture in the Aral region. Most likely, tent-roofed constructions did not reproduce a dwelling; instead, they served as a general model of the world that could be related with the idea of the World Tree and the Circle of the World.

Keywords: Early Scythians, Cimmerians, tent-roofed funerary constructions.

REFERENCES

Agulnikov S. M., Bubulich V. G., Kurchatov S. I., 2001. Kurgannyy mogil'nik u s. Khadzhillar v Nizhnem Podnestrov'e [Kurgan cemetery near village of Hajilar in Lower Dniester region]. *Starozhitnosti stepovogo Prichornomor'ya i Krimu [Antiquities of steppe Pontic region and Crimea]*, IX. Zaporizhzhya, pp. 95–101.

Alekseev A. Yu., 2003. Khronografiya Evropeyskoy Skifii VII–IV vv. do n. e. [Chronography of European Scythia, VII–IV cc. BC]. St. Petersburg: GE. 416 p.

Alikhova A. E., 1955. Kurgany epokhi bronzy u s. Komarovki [Bronze Age kurgans near village Komarovka]. *KSIIMK*, 59, pp. 91–99.

Batchaev V. M., 1985. Drevnosti predskifskogo i skifskogo vremeni [Antiquities of pre-Scythian and Scythian time]. *Arkheologicheskie issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg. [Archaeological research in construction zones of Kabardino-Balkaria in 1972–1979], 2. Pamyatniki epokhi bronzy i rannego zheleza [Sites of Bronze and Early Iron Ages*]. M. P. Abramova, V. I. Kozenkova, eds. Nalchik: Elbrus, pp. 7–115.

Berezutskiy V. D., 2011. Shatrovye sooruzheniya v kurganakh skifskogo vremeni Srednego Dona: vozmozhnosti semioticheskogo podkhoda [Tent-like structures in kurgans of Scythian period on Middle Don: possibilities of a semiotic approach]. *Vostochnoevropeyskie drevnosti skifskoy epokhi [East European antiquities of Scythian time]*. Voronezh: Nauchnaya kniga, pp. 147–155. (Vestnik Ostrogozhskogo istoriko-khudozhestvennogo muzeya imeni I. N. Kramskogo.)

Beysenov A. Z., Varfolomeev V. V., Kasenalin A. E., 2014. Pamyatniki begazy-dandybaevskoy kul'tury Tsentral'nogo Kazakhstana [Sites of Begazy-Dandybay culture in Central Kazakhstan]. Almaty: Institut arkheologii imeni A. Kh. Margulana. 192 p.

Chernikov S. S., 1965. Zagadka zolotogo kurgana [A riddle of Golden kurgan]. Moscow: Nauka. 188 p.

Daragan M. N., 2011. Nachalo rannego zheleznogo veka v Dneprovskoy Pravoberezhnoy Lesostepi [The beginning of Early Iron Age in Dnieper Right-Bank Forest-Steppe]. Kiev: KNT. 848 p.

Erlikh V. R., 1994. U istokov ranneskifskogo kompleksa [At the origins of Early Scythian complex]. Moscow: Gosudarstvennyy muzey Vostoka. 196 p.

Erlikh V. R., 2007. Severo-Zapadnyy Kavkaz v nachale zheleznogo veka [North-Western Caucasus at the beginning of Iron Age]. Moscow: Nauka. 430 p., ill.

Galanina L. K., 1997. Kelermesskie kurgany. «Tsarskie» pogrebeniya ranneskifskoy epokhi [Kelermes kurgans. «Royal» burials of early Scythian time]. Moscow: Paleograf. 270 p., 44 l. ill. (Stepnye narody Evrazii, 1.)

Itina M. A., Yablonskiy L. T., 1997. Saki Nizhney Syrdar'i (po materialam mogil'nika Yuzhnyy Tagisken) [The Saka of Lower Syr Darya (based on materials from Southern Tagisken cemetery)]. Moscow: ROSSPEN. 187 p.

Ivanchik A. I., 2001. Kimmeriytsy i skify. Kul'turno-istoricheskie i khronologicheskie problemy arkheologii vostochnoevropeyskikh stepey i Kavkaza pred- i ranneskifskogo vremeni [Cimmerians and Scythians. Cultural, historical and chronological problems of archaeology of East European steppes and the Caucasus of Pre- and Early Scythian time]. Moscow: Paleograf. 324 p. (Stepnye narody Evrazii, 2.)

Kantorovich A. R., Maslov V. E., Petrenko V. G., 2011. Skifskiy kurgan (k. 14) mogil'nika «Pegushin-1» Stavropol'skogo kraya [Scythian kurgan (k. 14) of the cemetery «Pegushin-1» in Stavropol Region]. *Problemy arkheologii Kavkaza [Issues of Caucasus archaeology]*. A. Yu. Skakov, ed. Sukhum: Abkhazskiy institut gumanitarnykh issledovaniy, pp. 103–109.

Kantorovich A. R., Petrenko V. G., Maslov V. E., 2007. Raskopki kurgana ranneskifskoy epokhi u g. Novopavlovska [Excavations of Early Scythian kurgan near Novopavlovsk]. *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza [Materials on study of historical and cultural heritage of North Caucasus]*, VII. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 168–207.

Kisel V. A., 2003. Shedevry yuvelirov Drevnego Vostoka iz skifskikh kurganov [Masterpieces of Ancient East jewelers from Scythian kurgans]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. 192 p.

Kovaleva I. F., 1981. Raboty ekspeditsii Dnepropetrovskogo universiteta [The work of Dnepropetrovsk university expedition]. *AO 1980*, p. 257.

Kovalevskaya V. B., 2005. Kavkaz – skify, sarmaty, alany I tys. do n. e. – I tys. n. e. [Caucasus – Scythians, Sarmatians, Alans, I mill. BC – I mill. AD]. Moscow: IA RAN. 398 p.

Kovpanenko G. T., 1984. «Chervona Mogila» u s. Flyarkovka [«Chervona Mogila» near village Flyarkovka]. *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya [Antiquities of Eurasia in Scythian-Sarmatian time]*. A. I. Melyukova, M. G. Moshkova, V. G. Petrenko, eds. Moscow: Nauka, pp. 107–113.

Kovpanenko G. T., Gupalo N. D., 1984. Pogrebenie voina u s. Kvitki v Poros'e [Burial of a warrior near village Kvitki in Ros' region]. *Vooruzhenie skifov i sarmatov [Armament of Scythians and Sarmatians]*. E. V. Chernenko, eds. Kiev: Naukova dumka, pp. 39–58.

Kovpanenko G. T., Skoryy S. A., 2005. Ol'shana: pogrebenie predskifskogo vremeni v Dneprovskoy Pravoberezhnoy Lesostepi [Ol'shana: burial of pre-Scythian period in Dnieper Right-Bank Forest-steppe]. *SP*, 3/2003–2004, pp. 265–288.

Kozenkova V. I., 2001. Poselok-ubezhishche kobanskoy kul'tury u aula Serzhen'-Yurt v Chechne kak istoricheskiy istochnik (Severnyy Kavkaz) [Shelter-settlement of Koban culture near village of Serzhen-Yurt in Chechnya as a historical source (North Caucasus)]. Moscow: Nauka. 198 p.

Krupnov E. I., 1960. Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza [Ancient history of North Caucasus]. Moscow: AN SSSR. 520 p.

Makhortykh S. V., 2005. Kimmeriytsy Severnogo Prichernomor'ya [Cimmerians of North Pontic region]. Kiev: Shlyakh. 380 p.

Margulan A. Kh., 1998. Sochineniya [Works], 1. Begazy-dandybaevskaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana [Begazy-Dandybay culture of Central Kazakhstan]. Almaty: Atamyra. 400 p.: ill.

Maslov V. E., 2012a. Zolotye blyashki-applikatsii iz mogil'nikov skifskoy znati v Tsentral'nom Predkavkaz'e [Gold plaques-applications from cemeteries of Scythian nobility in Central Fore-Caucasus]. *Noveyshie otkrytiya v arkheologii Severnogo Kavkaza: issledovaniya i interpretatsii. XXVII Krupnovskie chteniya [Newest discoveries in archaeology of North Caucasus: research and interpretation. XXVII Krupnov readings]*. M. S. Gadzhiev, eds. Makhachkala: Mavraev", pp. 210–212.

Maslov V. E., 2012b. K probleme khronologii drevnostey kelermesskogo gorizonta [On the issue of chronology of antiquities of Kelermess horizon]. *Rossiyskiy arkheologicheskiy ezhegodnik [Russian archaeological annual]*, 2. St. Petersburg, pp. 342–359.

Maslov V. E., Andreeva M. V., Gey A. N., 2020a. Kurgan kelermesskogo vremeni mogil'nika Dysh IV (Respublika Adygeya) [Kurgan of Kelermes time of the Dysh IV cemetery (Republic of Adygea)]. *KSIA*, 261, pp. 182–202.

Maslov V. E., Gey A. N., Andreeva M. V., 2020b. Kurgan ranneskifskogo vremeni v Adygee (mogil'nik Dysh IV) [Kurgan of Early Scythian period in Adygea (cemetery Dysh IV)]. *SP*, 3, pp. 293–330.

Maslov V. E., Petrenko V. G., 2021. Detali golovnykh uborov i diadem iz mogilnika Novozavedennoe-II [Details of head-dresses and diadems from cemetery Novozavedennoe-II]. *Vostok [Oriens]*, 6, pp. 78–89.

Medvedskaya I. N., 1992. Periodizatsiya skifskoy arkhaiki i Drevniy Vostok [Periodization of Scythian Archaic period and Ancient Orient]. *RA*, 3, pp. 86–107.

Merpert N. Ya., 1958. Iz drevneyshey istorii Srednego Povolzh'ya [From the earliest history of Middle Volga region]. *Trudy Kuybyshevskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Proceedings of Kuibyshev archaeological expedition]*, II. A. P. Smirnov, ed. Moscow: AN SSSR, pp. 45–156. (MIA, 61.)

Minaeva T. M., 1956. Arkheologicheskie materialy skifskogo vremeni v Stavropol'skom kraevom muzee [Archaeological materials of Scythian period in Stavropol Regional museum]. *Materialy po izucheniyu Stavropol'skogo kraya [Materials on the study of Stavropol Region]*, 8. Stavropol: Kraevoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 329–342.

OAK za 1904 g. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1907. 185 p.

Papuashvili R., 2011. K voprosu ob absolyutnoy khronologii mogil'nikov Kolkhidy epokhi pozdney bronzy – rannego zheleza [On the absolute chronology of Colchis cemeteries of Late Bronze Age – Early Iron Age]. *Voprosy drevney i srednevekovoy arkheologii Kavkaza [Issues of ancient and medieval archaeology of Caucasus]*. Kh. M. Mamaev, ed. Groznyy; Moscow: IA RAN; Institut gumanitarnykh issledovaniy AN Chechenskoy Respubliki, pp. 82–94.

Parusimov I. N., 2007. Kurgan-kenotaf ranneskifskogo vremeni [Kurgan cenotaph of Early Scythian period]. *Arkheologicheskie zapiski [Archaeological notes]*, 5. V. Ya. Kiyashko, ed. Rostov-na-Donu: Donskoe arkheologicheskoe obshchestvo, pp. 37–39.

Petrenko V. G., 2006. Krasnoznamenskiy mogil'nik. Elitnye kurgany ranneskifskoy epokhi na Severnom Kavkaze [Krasnoe znamya cemetery. Elite kurgans of Early Scythian period in North Caucasus]. Moscow; Berlin; Bordeaux: Paleograf. 306 p. (Stepnye narody Evrazii, III.)

Petrenko V. G., Maslov V. E., Kantorovich A. R., 2004a. Pogrebenie znatnoy skifyanki iz mogil'nika Novozavedennoe-II (predvaritel'naya publikatsiya) [Burial of a noble Scythian woman from cemetery Novozavedennoe-II (preliminary publication)]. Arkheologicheskie pamyatniki rannego zheleznogo veka Yuga Rossii [*Archaeological sites of Early Iron Age in the South of Russia]*. L. T. Yablonskiy, ed. Moscow: IA RAN. C. 179–210. (Materialy po arkheologii Rossii, 6.)

Petrenko V. G., Maslov V. E., Kantorovich A. R., 2004b. Issledovaniya mogil'nika Novozavedennoe-II [Research of cemetery Novozavedennoe-II]. *AO 2003*. V. V. Sedov, ed. Moscow: Nauka, pp. 282–284.

Petrenko V. G., Maslov V. E., Kantorovich A. R., 2009. Nekotorye itogi issledovaniya ranneskifskogo mogil'nika Novozavedennoe-II v 1991–2003 gg. [Some results of study of Early Scythian cemetery Novozavedennoe-II in 1991–2003]. *Arkheologicheskie otkrytiya. 1991–2004 gg. Evropeyskaya Rossiya [Archaeological discoveries. 1991–2004. European Russia]*. N. A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 225–234.

Podobed V. A., Daragan M. A., 2021. O «skifskom» akinake iz Rusakhinili pered goroy Eyduru [On «Scythian» akinak from Rusakhinili near Eyduru Mount]. *Vostok [Oriens]*, 6, pp. 38–53.

Pogrebova M. N., Raevskiy D. S., 1992. Rannie skify i Drevniy Vostok [Early Scythians and Ancient Orient]. Moscow: Nauka. 260 p.

Pryakhin A. D., Matveev Yu. P., 1988. Kurgany epokhi bronzy Pobityuzh'ya [Bronze Age kurgans in Bityug region]. Voronezh: Voronezhskiy gos. universitet. 206 p.

Ryabkova T. V., 2022. Vostochno-grecheskaya keramika v materialakh poseleniya Tarasova Balka v Zakuban'e [East Greek ceramics in materials from Tarasova Balka settlement in Trans-Kuban region]. *«Ot Kavkaza do Dunaya»: Severnoe Prichernomor'e v antichnuyu epokhu [«From Caucasus to Danube»: North Pontic region in Ancient period]*. A. P. Medvedev, ed. Saratov: Amirit, pp. 362–375.

Samashev Z., 2018. K izucheniyu kul'tury rannikh sakov Vostochnogo Kazakhstana [To the study of culture of early Saka in East Kazakhstan]. *Drevnie i srednevekovye obshchestva Evrazii: perekrestok kul'tur [Ancient and Medieval societies of Eurasia: crossroads of cultures]*. A. I. Urazova, ed. Ufa: Mir pechati, pp. 109–117.

Shevchenko N. F., 2013. Kurgan ranneskifskogo vremeni u khut. Krasnyy [Kurgan of Early Scythian period near farmstead Krasnyy]. *ASGE*, 39. St. Petersburg, pp. 100–118.

Sinyuk A. T., Pogorelov V. I., 1986. Issledovanie kurganov v levoberezh'e Srednego Dona [Study of mounds on left bank of Middle Don]. *SA*, 1, pp. 146–151.

Skoriy S. O., 1987. Pro etnokul'turniy komponent u naseleniya Dniprovs'kogo Lisostepovogo Pravoberezhzhya [On ethnocultural component among population of Dnieper Right Bank Forest-Steppe]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 60, pp. 36–49.

Skoryy S. A., Zimovets R. V., Okatenko V. N., 2020. Kurgan 524 u s. Zhabotin (novoe v izuchenii «opornogo» pamyatnika skifskoy arkhaiki v Ukrainskoy Pravoberezhnoy Lesostepi) [Kurgan 524 near village Zhabotin (new in the study of « » site of Scythian archaic period in Ukrainian Right-Bank Forest-Steppe)]. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraïni [Archaeology and early history of Ukraine]*, 3 (36). Kiïv, pp. 300–326.

Smirnov K. F., 1964. Savromaty. Rannyaya istoriya i kul'tura sarmatov [Sauromatians. Early history and culture of Sarmatians]. Moscow: Nauka. 380 p.

Tekhov B. V., 1980. Skify i Tsentral'nyy Kavkaz v VII–VI vv. do n. e. (po materialam Tliyskogo mogil'nika) [Scythians and Central Caucasus in VII–VI cc. BC (based on materials from Tli cemetery)]. Moscow: Nauka. 93 p.

Terenozhkin A. I., 1971. Skifskaya kul'tura [Scythian culture]. *Problemy skifskoy arkheologii [Issues of Scythian archaeology]*. P. D. Liberov, V. I. Gulyaev, eds. Moscow: Nauka, pp. 15–23. (MIA, 177.)

Toleubaev A. T., 2018. Rannesakskaya shiliktinskaya kul'tura [Early Saka Shilikatinskaya culture]. Almaty: Sadvakasov A. K. 528 p.

Topal D., 2021. Akinak na zapade skifskogo mira [Akinak in the west of Scythian world]. Kishineu: Muzeul Național de Istorie a Moldovei. 648 p. (Biblioteca «Tyragetia», XXXV.)

Valchak S. B., 2004. Konskaya upryazh' Priaral'ya i yuga Vostochnoy Evropy: skhodstvo i otlichiya [Horse harness of Aral Sea region and the South of Eastern Europe: similarities and differences]. *Arkheologicheskie pamyatniki rannego zheleznogo veka Yuga Rossii [Archaeological sites of Early Iron Age in the South of Russia]*. L. T. Yablonskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 32–56. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii, 6.)

Valchak S. B., 2009. Konskoe snaryazhenie v pervoy treti I-go tys. do n. e. na yuge Vostochnoy Evropy [Horse equipment in first third of 1st mill. BC in the South of Eastern Europe]. Moscow: TAUS. 292 p.

Valchak S. B., 2021. Kul'turno-khozyaystvennyy tip i arkheologicheskiy oblik kimmeriytsev (kratkiy istoriograficheskiy obzor) [Cultural and economic type and archaeological appearance of Cimmerians (a brief historiographical review)]. *Vostok [Oriens]*, 6, pp. 19–37.

Valchak S. B., P'yankov A. V., Khachaturova E. A., Erlikh V. R., 2016. Kubanskiy mogil'nik. Raskopki N. V. Anfimova 1965 goda [Kuban cemetery. Excavations of N. V. Anfimov, 1965]. Moscow: S. V. Istratov. 208 p.

Vishnevskaya O. A., 1973. Kul'tura sakskikh plemen nizov'ev Syrdar'i v VII–V vv. do n. e.: po materialam Uygaraka [Culture of Saka tribes of Syr Darya lower reaches in VII–V cc. BC: based on materials of Uygarak]. Moscow: Nauka. 160 p. (Trudy Khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii, VIII.)

Yablonskiy L. T., 1996. Saki Yuzhnogo Priaral'ya (arkheologiya i antropologiya mogil'nikov) [Saka of Southern Aral Sea Region (archeology and anthropology of cemeteries)]. Moscow: IA RAN. 185 p.

Yarovoy E. V., Kashuba M. T., Makhortykh S. V., 2002. Kimmeriyskiy kurgan u pgt. Slobodzeya [Cimmerian kurgan near settlement Slobodzeya]. *Severnoe Prichernomor'e: ot eneolita do antichnosti [North Pontic region: from Eneolithic to Antiquity]*. E. V. Yarovoy, ed. Tiraspol: Arkheologiya, pp. 279–343.

About the author

Maslov Vladimir E., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: maslovlad@mail.ru

К. Б. Фирсов, А. А. Строков

НАВЕРШИЕ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ В ВИДЕ ГОЛОВЫ КАБАНА ИЗ «ЗОЛОТОГО КЛАДБИЩА»: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ[1]

Резюме. В статье впервые публикуется и подробно изучается уникальная находка сарматского времени – бронзовое литое навершие в виде головы кабана из кургана 15 у станицы Тифлисская в Прикубанье («Золотое кладбище», раскопки Н. И. Веселовского, 1902 г.), хранящееся в Государственном историческом музее в Москве (рис. 1; 2). Рассматриваются вопросы культурно–исторической атрибуции и происхождения предмета. Считается, что это навершие являлось римским военным штандартом, однако сравнительный анализ со многими известными изображениями и находками (прежде всего знаменами в виде головы дракона) показал, что данное изделие имеет морфологические и технологические отличия от римских образцов, за исключением предмета из Айслингена, наиболее близкого к навершию из «Золотого кладбища» как по внешнему виду, так и, возможно, по функциональному назначению (рис. 3). Возникновение же штандартов в виде головы дракона древние авторы и современные исследователи связывают с сармато-аланами. Технологический и РФА-анализы показали, что предмет был отлит из оловянно–свинцовой бронзы в технике литья по выплавляемой восковой модели (табл. 1). Втулка навершия была заполнена древесиной каркаса южного (*Celtis australis Linn.*), основной ареал которого – Средиземноморье, а возраст этого вида может достигать 1000 лет (рис. 4). Образец древесины был датирован радиоуглеродным методом, результаты которого противоречат археологической датировке. Причины этого могут заключаться как в загрязнении образца, так и во влиянии эффекта «старого дерева». На данный момент не представляется возможным точно установить, действительно

[1] Работа выполнена при поддержке РНФ в рамках проекта № 22–18–00593 «Новая “биография” объектов культурного наследия Уральского региона России: применение естественнонаучных методов исследования элементного и изотопного состава и структуры археологических артефактов».

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.275.242-256

ли это навершие было элементом римского военного штандарта, однако связь рассматриваемого предмета со Средиземноморьем очевидна.

Ключевые слова: Сарматское время, Римская империя, signa militaria, рентгенофлуоресцентный анализ, радиоуглеродный метод датирования, ускорительная масс-спектрометрия (УМС/AMS), ксилотомический анализ.

В 1901–1906 гг. профессор Петербургского университета Н. И. Веселовский проводил систематические раскопки на могильниках, расположенных вдоль правого берега р. Кубани от ст. Казанской до Тифлисской и далее на запад за ст. Усть-Лабинскую, которые известны под общим названием «Золотое кладбище» (I – начало III в. н. э.). Здесь было раскопано около сотни курганов, многие из которых оказались ограблены в древности. Тем не менее в них были обнаружены многочисленные и разнообразные предметы, в том числе значительное количество золотых ювелирных изделий, что дало повод Н. И. Веселовскому назвать это кладбище «Золотым».

В кургане 15, который находился у ст. Тифлисской Кавказского отдела Кубанской области, в 1902 г. был открыт комплекс не ограбленного погребения знатного воина сарматского времени.

Высота насыпи кургана составляла 4,25 м. Впускное погребение, устроенное в западной поле, было совершено в катакомбе с камерой, расположенной по одной оси с входной ямой. Ориентация входной ямы – восток – запад. Камера была сделана в западной стенке входной ямы. Размеры входной ямы: длина – 4,47 м, ширина – 2 м. Размеры катакомбы: длина – 4,06 м, ширина – 1,83 м, глубина – 3 м. Вход в катакомбу был закрыт стеной из сырцового кирпича высотой 1,4 м, толщиной 1,47 м. Костяк мужчины лежал на спине, головой на восток.

В захоронении были найдены различные украшения из золота: гривна, браслет, цепочка, обкладки, детали ожерелья, медальоны-подвески, нашивные бляшки и пронизки; бусы из стекла, халцедона, альмандина, бирюзы; импортная италийская посуда – серебряный канфар, бронзовые таз, ойнохоя, котелок; предметы вооружения и конская узда: железные наконечник копья, кинжал и фрагменты панциря, колесовидные псалии; железный канделябр, точильный камень, бронзовые детали шкатулки и другие предметы (*Гущина, Засецкая*, 1994. С. 58–59, 92, 126–128. Кат. № 261–284. Табл. 27–29; ОАК за 1902 г. С. 69–71. Рис. 141–148).

В этом же погребении у правой голени покойного было найдено массивное литое навершие в виде головы кабана с вытянутой рельефной мордой, со втулкой, полое внутри (рис. 1; 2) (ГИМ 48478. Оп. Б 207/149/2)[2]. Клыки, уши и гребень животного были выполнены из железа и вставлены в специально отлитые отверстия. Окончание втулки ромбической формы со скругленным углами.

Рыло («пятак») изображено в виде вытянутого вертикально овала, выделено высокими бортиками по отношению к остальным частям морды (высота

[2] Ниже, у ступни погребенного был найден кожаный обруч или ремень. Не исключено также, что эта находка связана с публикуемым предметом.

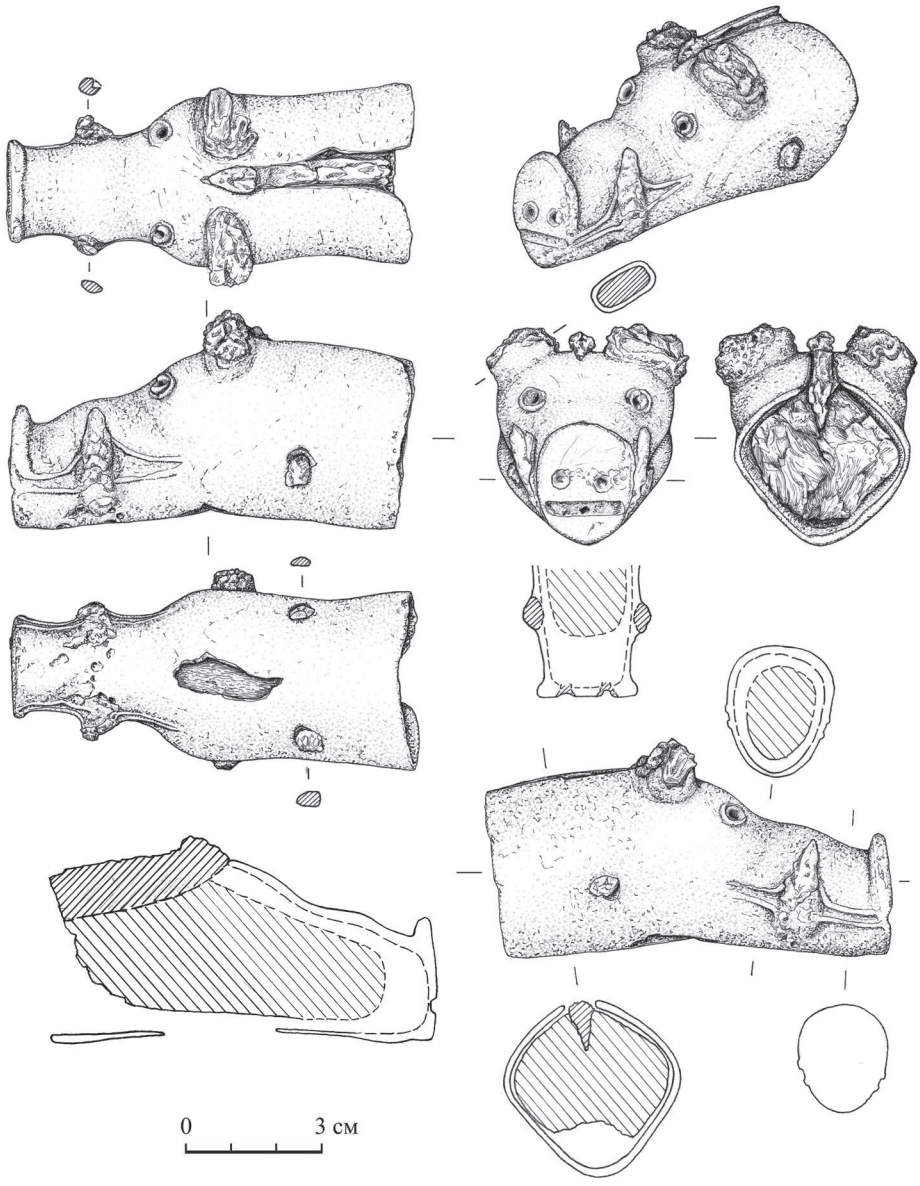


Рис. 1. Навершие в виде головы кабана из кургана 15 могильника у ст. Тифлисская («Золотое кладбище») (рисунок)

Рис. 2. Навершие в виде головы кабана из кургана 15 могильника у ст. Тифлисская («Золотое кладбище») (фото)

бортиков – до 0,5 см). Ноздри показаны двумя круглыми углублениями диаметром 0,4 см, возможно, с железными вставками (в них сохранились остатки железа). Пасть выделена широкой углубленной горизонтальной полосой шириной 0,2–0,3 см, длиной 1,5–1,9 см в нижней части рыла, под ноздрями. В центре этой полосы имеется сквозное отверстие, выходящее во внутреннюю полость фигурки. Продолжение пасти показано и далее на морде кабана: с двух сторон морды видна пасть в виде углубленной полосы длиной 3,5 см, шириной 0,9 см, идущей до уровня глаз. Эта полоса, изображающая пасть, с двух сторон обрамлена рельефными валиками (края пасти, губы). В середине пасти в бронзовой основе были оставлены отверстия, куда потом вставлены два железных вертикальных заостренных клыка высотой 1,5–1,7 см, шириной до 0,5–0,6 см, толщиной 0,2–0,4 см. Валики, обозначающие верхний край пасти, в этом месте уходят вверх на высоту до 1,5 см, как бы огибая клыки.

Глаза расположены в месте расширения морды и обозначены двумя сквозными (во внутреннюю полость фигурки) круглыми отверстиями диаметром 0,5–0,6 см, по окружности выделенными валиками. В отверстиях находятся, вероятно, стеклянные полукольцевые вставки из зеленоватого стекла. Внутри них – сквозные отверстия.

Над глазами расположены широкие уши кабана. Для них были сделаны сквозные, выступающие вверх на высоту до 0,3–0,5 см втулки. Во втулки вставлены вертикальные железные уши шириной 1,6 см, толщиной 0,5–0,9 см, высотой (сохранившаяся часть) до 1 см.

Между ушами находится начало широкого сквозного проема (длина – 4,6 см, ширина – 0,2–1,2 см), идущего вплоть до края навершия, куда был вставлен железный гребень кабана. В настоящее время верхняя часть гребня не сохранилась (только в районе ушей находится фрагмент длиной 1,2 см, шириной до 0,6 см, высотой до 0,4 см), но нижняя часть осталась в проеме (длиной 3,8 см, шириной 0,3–0,4 см). Видно, что она выходит во внутреннюю полость фигуры и вбита заостренной частью в деревянное древко на глубину до 1,1 см.

Посередине расстояния от ушей до окончания втулки (в 1,9–2 см от него), ниже уровня ушей и гребня, с двух сторон морды, друг напротив друга были сделаны два отверстия диаметром 0,5–0,6 см, в которые вставлен железный стержень шириной 0,4–0,5 см, по всей видимости, для закрепления навершия на деревянном древке. Снаружи с двух сторон концы стержня на 0,7 см загнуты вниз.

Внутри втулки сохранились остатки дерева от древка, откуда и был получен образец для дальнейших исследований. Древко, вероятно, входит довольно далеко в глубину втулки. Оно было закреплено в ней с помощью описанного стержня, а также нижней части железного гребня, а возможно, и с помощью нижних частей железных ушей и клыков. Таким образом, вероятно, была достигнута полная неподвижность крепления навершия на древке.

Размеры предмета: общая длина – 8,5–8,7 см; размеры втулки (окончание) – 3,3 × 3,4 см; ширина: за ушами – 3,7 см; между клыками и глазами – 2,2 см; у рыла – 1,9 см; размеры рыла («пятака») – 2,6 × 2,1 см; высота: за рылом – 2,2 см; у клыков – 3,2 см; у глаз – 3,4 см; у ушей – 3,6 см; у гребня – 3,8 см; у окончания втулки – 3,6 см.

Как считают исследователи, покойный, возможно, принадлежал к воинам, имевшим отношение к римской армии, а навершие в виде головы кабана являлось частью римского воинского штандарта. Датировка погребения – вторая половина I в. н. э. – первая половина II в. н. э. (*Гущина, Засецкая*, 1994. С. 40, 58–59, 126–128. Табл. 27–29; *Кропоткин*, 1970. С. 124. № 1207).

Говоря о назначении этого предмета и его происхождении, следует отметить, что точных аналогий этой находке нам пока найти не удалось. В связи с этим обратимся к вопросу о применении подобных наверший в римское время.

Действительно, на протяжении этого периода солдатами римской армии почитались различные животные, они использовались в качестве «тотемных» или символов ее подразделений. Плиний сообщает (Plin. NH. X. 16), что до реформ Мария у легионов было четыре вида животных, изображения которых они применяли в качестве своих штандартов, – орел, волк, минотавр, кабан. Именно

Марий ввел изображение орла как единственное для употребления в римской армии. Тем не менее как минимум до эпохи ранней Империи отдельные части римской армии могли использовать изображения вышеупомянутых животных на своих знаменах (*Töpfer*, 2011. S. 20–21). Уже в эпоху принципата кабан служил эмблемой I Италийского легиона (*Legio I Italica*), X Охраняющего пролив легиона (*Legio X Fretensis*) и XX Победоносного Валериева легиона (*Legio XX Valeria Victrix*). В этой связи известны изображения кабанов и на монетах, к примеру, на антонинианах императора Галлиена (253–268), посвященных I Италийскому легиону (рис. 3: *4*) (CNG 67, Lot: 1721). Исследователи связывают применение изображений кабана римскими войсками с галльским влиянием (*Ibid.* S. 25).

Подразделения римской армии использовали штандарты (*signa militaria*) с изображением различных животных, в том числе кабанов. На саркофаге из Портоначчо (Италия) показаны фигуры кабанов, применявшихся в этом качестве (рис. 3: *1б*). Также изображения штандартов в виде кабанов есть на триумфальной арке Оранжа (Франция) (рис. 3: *2*). Известно бронзовое навершие римского *signa militaria* в виде кабана, которое хранится в Национальном археологическом музее в Мадриде (Испания) (*Morillo Cerdán, García Diez*, 2000. S. 399. Fig. 1–3) (рис. 3: *3*). Однако морфологически и технологически оно сильно отличается от нашей находки – это полноразмерное изображение кабана (а не только его голова) с полой втулкой для крепления к деревянному древку.

Как это ни удивительно, достаточно близкими к нашему навершию по общей иконографии изображения и форме являются штандарты в виде головы дракона (*draco*). Они представляют собой полые головы драконов, с открытой пастью и отверстием снизу, в которое вставлялся шест для ношения. К ним крепились тканевые лоскуты, которые развевались на ветру, когда воздух попадал в полую голову. Знамена-драконы появляются во II в. н. э. и используются на протяжении всей поздней Империи (*Fischer*, 2012. S. 233; *Southern, Dixon*, 2000. P. 126). Судя по всему, это были знаки прежде всего кавалерии. Наиболее известная археологическая находка – голова дракона из клада III в. н. э. в Нидербибере (Германия) (*Töpfer*, 2011. Taf. 143. AR 16) (рис. 3: *5*). Изображения штандартов в виде дракона и драконариев (знаменосцев) хорошо известны, к примеру, на изображениях на арке Галерия в Фессалониках (рис. 3: *7*) или на арке Константина в Риме (рис. 3: *8*). Прекрасно детализированные изображения встречаются на саркофагах Людовизи (рис. 3: *9*) и Портоначчо (рис. 3: *1в*), хранящихся в Национальном музее в Риме.

Однако очевидно, что данные навершия технологически сильно отличаются от нашего экземпляра. Голова дракона из Нидербибера не литая, ее длина составляет 30 см, в то время как у навершия из могильника у ст. Тифлисская – около 9 см и оно литое. Отличается и способ крепления к древку – *draco* имели отверстие снизу, в которое вставлялся шест, в то время как у изучаемого навершия такого отверстия нет, а древко вставлено внутрь полой фигуры кабана, древесина полностью заполняет ее.

Вообще следует отметить, что появление изображений драконов в римской армии исследователи связывают с влиянием варваров и, в частности, сарматов (*Bishop, Coulston*, 2006. P. 188; *Southern, Dixon*, 2000. P. 126). Губернатор

а

б

в

1

2

3

4

6

5

0 3 см

7

8

9

Каппадокии Арриан, отражавший вторжение алан в Малую Азию в правление императора Адриана, прямо указывает, что драконы являлись «скифскими значками» (под скифами древние авторы понимали различных варваров Северного Причерноморья, прежде всего сарматов и алан в рассматриваемую нами эпоху), перенятыми римской кавалерией (Arr. Tact. 35. 3–5).

Безусловно, несмотря на общую внешнюю схожесть, публикуемое навершие не является полным аналогом *draco*, не использовалось и не могло использоваться таким образом в силу иной конструкции.

Наиболее похожим по внешнему виду, хотя и не имеющим детального сходства, но, вероятно, с функционально близким назначением является бронзовое навершие или окончание рукояти в виде головы кабана с втулкой (рис. 3: *6*), происходящее из римского лагеря Айслинген на Дунае на территории современной Баварии (Германия). Форт, который соединялся дорогой с другими укреплениями, был сооружен в I в. н. э. в ходе завоевательных походов римлян к северу от Альп при первых представителях династии Юлиев – Клавдиев и просуществовал до начала правления династии Флавиев (около 70 г. н. э.)[3] (*Ulbert*, 1959. P. 11, 85–88. Taf. 21: *18*).

Предмет выполнен в виде головы кабана с обломанной втулкой в тыльной ее части. Спереди показано плоское рыло, по бокам – пасть, в углах которой обозначены клыки. Выделены глаза и уши животного, над которыми находится подквадратная выпуклость (гребень?). Примерные размеры: длина – 5,1 см, высота втулки – 2,3 см, высота рыла («пятака») – 1,2 см. В целом изображение гораздо менее детализировано, чем навершие из «Золотого кладбища», и имеет значительно меньшие размеры. Об условиях и месте его находки, назначении и аналогиях автор монографии нигде в тексте не упоминает, ограничиваясь лишь публикацией рисунка предмета. Таким образом, хотя это бронзовое навершие или окончание рукояти, несомненно, относится к древностям римской эпохи, о его назначении остается лишь догадываться.

Перейдем к результатам естественнонаучного исследования. Интересующий нас предмет выполнен в технике литья по выплавляемой восковой модели. Все

Рис. 3 (с. 248). Изображения животных на памятниках римского времени

1 – саркофаг Портоначо, Национальный музей Рима (фото А. А. Строкова); *2* – триумфальная арка Оранжа, Франция (источник изображения – wikipedia.org); *3* – signa militaria в виде кабана (по: *Morillo Cerdán, García Diez*, 2000); *4* – монета Галлиена в честь I Италийского легиона с изображением кабана (по: *CNG* 67); *5* – навершие штандарта в форме головы дракона из Нидербибера, Германия (источник изображения – wikipedia.org); 6 – навершие или окончание рукояти в виде головы кабана с втулкой из Айслингена, Германия. Бронза (по: *Ulbert*, 1959. Taf. 21: *18*); *7* – арка Галерия, Фессалоники, Греция (по: *Töpfer*, 2011. Taf. 73, SR 25.2); *8* – арка Константина, Рим (по: *Töpfer*, 2011. Taf. 78, SR 28.2); *9* – саркофаг Людовизи, Национальный музей Рима (источник изображения – wikipedia.org)

1–5, 7–9 – без масштаба

[3] Искренне признательны С. В. Воронятову (ГЭ) за ценное напоминание об этой находке.

отверстия и рельеф были выполнены в процессе литья. Об этом свидетельствуют наплывы металла, оставшиеся вокруг отверстий, предназначенных для крепления дополнительных деталей (втулки для ушей, глаза, клыки и др.). Возможно, после отливки контуры отверстий подправлялись с помощью незначительной механической доработки. Отверстие снизу – вероятно, литейный брак, который не стали исправлять, что, возможно, говорит о том, что навершие все-таки располагалось горизонтально, отверстием вниз, например, на загнутом древке[4].

Для предмета был проведен рентгенофлуоресцентный анализ[5] в трех местах (точках) на поверхности навершия – верх ободка рыла («пятак»), точка в районе «брови» (над глазом) и нижняя часть.

В результате исследования во всех трех точках выявлено высокое содержание меди, со значительными примесями олова и свинца. Повышенное значение свинца в пробе № 2 («бровь»), вероятно, объясняется попаданием окислов (патины). Использование цинка не зафиксировано (табл. 1).

Таблица 1. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа навершия в виде головы кабана

Место пробы/конц. %	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au	Hg	Pt
Верх ободка рыла («пятак»)	81,49	10,32	6,67	0	0,03	0,09	0,03	0,29	0,89	0,12	0	0	0,06	0
У «брови» (над глазом)	74,73	7,73	17,00	0	0,04	0,06	0,04	0,10	0,21	0,03	0	0	0,07	0
Нижняя часть навершия	84,31	10,02	4,76	0	0,03	0,09	0,04	0,20	0,30	0,11	0,03	0	0,11	0

Таким образом, предмет был отлит из оловянно-свинцовой бронзы, что является оптимальным составом металла, осознанно выбранным для изготовления такого вида изделий – сложного литья хорошего качества.

К сожалению, подробных исследований состава металла римских военных знаков выполнено очень мало, прежде всего потому, что это достаточно редкие находки. К примеру, известна находка позолоченного римского орла (*aquila*) в Селкуце (Румыния), который был изготовлен из сплава олова, свинца и сурьмы с минимальной примесью меди (*Bondoc*, 2011. P. 247). Нам известно,

[4] Сердечно благодарим Т. Г. Сарачеву (ГИМ) за любезную консультацию.

[5] Рентгено–флуоресцентный анализ был выполнен в ГИМ А. О. Шевцовым, за что мы искренне ему признательны. Анализ проводился на спектрометре M1 Mistral (Bruker) и длился по 60 секунд при коллиматоре в 1,5 мм и U = 50 кВ. Расчет концентрации элементов в спектре проводился по безэталонному методу, что ограничивает точность анализа (погрешность для разных элементов составляет 0,5 – 1 вес. %) (*Ениосова*, *Митоян*, 2014. С. 144).

что, начиная с принципата, после присоединения Британии с богатыми залежами цинка, основным металлом, который использовали римляне, была латунь (или «орихалк», как его называли сами римляне, – сплав меди, цинка и олова) (*Bishop, Coulston*, 1993. P. 184). Так, исследования находок, связанных с римской армией (пряжки, фибулы, фрагменты доспеха), из Палестины (Массада, Гамла), показали, что в основном использовалась латунь (*Ponting*, 2002. Table 1), однако некоторые предметы были изготовлены из оловянной бронзы (3 литые воинские фибулы – Ibid. P. 561). Металлические детали парадной упряжи коня из Ксантена (*Castra Vetera*, Германия) также были изготовлены из латуни (*Jenkins et al.*, 1985. P. 162).

Итак, современное состояние исследований и отсутствие прямых аналогий не позволяют сделать каких-либо достоверных выводов по составу металла римских воинских знаков; необходимо их дальнейшее изучение.

Также нами было проведено радиоуглеродное датирование древесины из втулки навершия. Эта дата уже была ранее опубликована в рамках работы по радиоуглеродному исследованию древностей скифского и сарматского времени (*Фирсов и др*., 2023. С. 367–382).

Остановимся на результате датирования древка навершия в виде головы кабана подробнее. Исследование проводилось методом ускорительной масс-спектрометрии (УМС/AMS) в лаборатории Isotoptech Zrt. в Дебрецене (Венгрия). Результат калиброван в приложении OxCal 4.4 (*Bronk Ramsey*, 2009) с использованием калибровочной кривой IntCal20 (*Reimer et al.*, 2020). Перед исследованием было выполнено определение породы древесины ксилотомическим методом (проведено Д. А. Куприяновым, ИА РАН)[6].

Определение показало, что древесина принадлежит каркасу южному (*Celtis australis Linn.*) – экзоту, виду, аборигенному для Средиземноморья – Малой Азии, Балкан, Южной Европы (рис. 4).

По результатам AMS-анализа радиоуглеродный возраст древесины составил 2340 ± 32. Доверительные интервалы после калибровки: 456–381 calBC (1σ), 538–267 calBC (2σ). Таким образом, результат радиоуглеродного датирования полностью противоречит археологической датировке. Попытаемся дать развернутый анализ полученных нами результатов.

Первый, наиболее очевидный, вариант объяснения – загрязнения образца более древним углеродом (например, при реставрации и пропитке каким-либо клеем, имеющим органическую основу), тем более что мы имеем дело с предметом, найденным при раскопках более 100 лет назад и который хранится в музее.

Второе возможное объяснение – эффект «старого дерева». Мы могли получить возраст не предмета, который изучается, а древесины, которая была использована при его изготовлении. Как известно, некоторые виды деревьев существуют несколько сотен или даже тысяч лет, что может значительно исказить радиоуглеродный возраст изучаемого образца (*Зазовская*, 2016. С. 159; *Кузьмин*, 2017. С. 158).

[6] Авторы выражают благодарность Д. А. Куприянову (ИА РАН) за определение породы древесины.

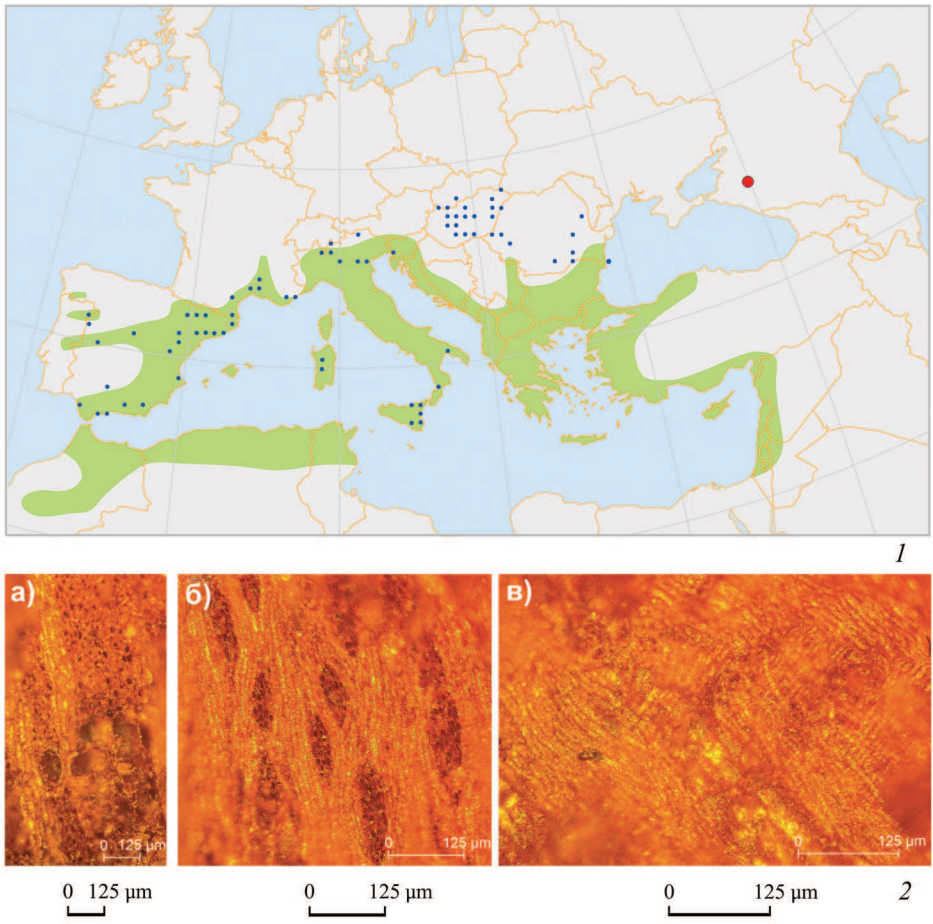


Рис. 4. Древесина каркаса южного (*Celtis australis Linn.*)

1 – карта распространения (по: *Magni, Caudullo*, 2016), красной точкой отмечено местоположение могильника; *2* – микрофотографии древесины из навершия в виде головы кабана из кургана 15 могильника у ст. Тифлисская. *Celtis australis Linn.*: а) поперечный разрез; б) тангенциальный разрез; в) радиальный разрез

Первоначально мы интерпретировали столь значительную погрешность полученной даты как очевидное влияние загрязнения образца. Однако в дальнейшем мы стали более склоняться ко второму варианту – эффекту «старого дерева». Каркас южный (*Celtis australis*) может доживать до 500, а иногда и до 1000 (!) лет (*Magni, Caudullo*, 2016. P. 80). По мнению Д. А. Куприянова, исследовавшего наш образец, древесина для изготовления изделия явно была взята не от края ствола, а, скорее всего, ближе к его центру (из более «древней» части ствола растения). Таким образом, мы считаем, что, возможно, радиоуглеродная дата подтвердила результаты другого, ксилотомического, анализа, однако в нашем

случае она все равно не может быть использована для уточнения хронологической атрибуции предмета.

Как представляется, при изготовлении древка навершия была использована древесина, имеющая необходимые характеристики для предмета такого назначения и уровня, т. е. такие, какими и обладает каркас южный. Его древесина очень прочная и плотная, отличается гибкостью, упругостью и хорошо полируется, к тому же она была взята из наиболее прочной части ствола – из его середины. В современном мире эта древесина употребляется для изготовления столярных и резных изделий (рукоятей ножей, тростей, кольев и т. п.). Применение такой крепкой древесины вполне объяснимо в нашем случае – древко знамени должно было пройти испытание на прочность в условиях битвы. Основной ареал этого вида дерева – Средиземноморье – территорию Северного Причерноморья не включает. Как нам кажется, это может служить одним из подтверждений возможной связи происхождения предмета с Римской империей.

Таким образом, как уже было написано ранее, полных и прямых аналогий рассматриваемой находке в римском мире нам пока не известно, хотя наиболее близким к ней по внешнему виду и, возможно, функциональному назначению является предмет из Айслингена. Все же другие найденные римские штандарты в виде каких-либо животных отличаются от нашего. А эмблемы в виде головы дракона, по форме очень похожие на описываемое навершие, но функционально и технологически совсем не близкие ему, по существующему мнению, могли происходить как раз от сармато-аланских племен (Arr. Tact. 35. 3-5; *Bishop, Coulston*, 2006. P. 188; *Southern, Dixon*, 2000. P. 126).

Это не исключает того, что навершие из «Золотого кладбища» могло быть римским по своему происхождению, как минимум могло использоваться вспомогательной кавалерией, состоявшей из сарматов или алан, происходивших из прикубанских степей. В пользу этого мнения косвенно говорит использование редкой, не встречающейся на территории Восточной Европы древесины каркаса южного, а также некоторая общая схожесть с римскими изображениями драконов. Богатый инвентарь погребения кургана 15 могильника у ст. Тифлисской с многочисленными римскими импортами указывает на связь захороненного здесь воина со Средиземноморьем – возможно, он служил во вспомогательной кавалерии римлян либо захватил богатую добычу в ходе походов в Империю.

В то же время не исключено и сармато-аланское происхождение рассматриваемого навершия. Мы допускаем, что возникшие затем римские *draco*, вполне вероятно, могли быть каким-либо образом связаны с влиянием этих кочевников. Откуда в этом случае взялось дерево для производства древка/шеста – остается вопросом. Возможно, сармато-аланы также могли захватить его во время походов в Малую Азию, которые описывает Арриан. Так это или иначе, в настоящее время точно установить не представляется возможным.

ЛИТЕРАТУРА

Гущина И. И., Засецкая И. П., 1994. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн. 172 с.

Ениосова Н. В., Митоян Р. А., 2014. Рентгеноспектральный метод анализа археологического металла: преимущества, ограничения и ловушки в процессе измерения и интерпретации //

Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV / Отв. ред.: А. Г. Ситдиков, Н. А. Макаров, А. П. Деревянко. Казань: Отечество. С. 143–146.

Зазовская Э. П., 2016. Радиоуглеродное датирование – современное состояние, проблемы, перспективы развития и использования в археологии // ВААЭ. 1 (32). С. 151–164.

Кропоткин В. В., 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. – V в. н. э.). М.: Наука. 278 с. (САИ; вып. Д1-27.)

Кузьмин Я. В., 2017. Геоархеология: естественнонаучные методы в археологических исследованиях. Томск: Изд. дом Томского гос. ун-та. 396 с.

ОАК за 1902 г. СПб.: Тип. Гл. Упр. уделов, 1904. 200 с.

Фирсов К. Б., Строков А. А., Киселева Д. В., 2023. Новые результаты радиоуглеродного датирования памятников скифского и сарматского времени из собрания ГИМ // КСИА. Вып. 272. С. 367–382.

Bishop M. C., Coulston J. C. N., 2006. Roman Military Equipment. From the Punic Wars to the Fall of Rome. Oxford: Oxbow Books. 322 p.

Bondoc D., 2011. A Roman Bronze Aquila from Sălcuta, Dolj County // Apulum. XLVIII. P. 245–254.

Bronk Ramsey C., 2009. Bayesian analysis of radiocarbon dates // Radiocarbon. Vol. 51. № 1. P. 337–360.

CNG 67. Lot: 1721 [Электронный ресурс]. URL: https://www.cngcoins.com/Coin.aspx?CoinID=54202 (дата обращения: 21.01.2024).

Fischer Th., 2012. Die Armee der Caesaren. Archäologie und Geschichte. Regensburg: Verlag Friedrich Pustet. 415 S.

Jenkins I., Craddock P., Lambert J., 1985. A Group of Silvered-Bronze Horse-Trappings from Xanten (Castra Vetera) // Britannia. 16. P. 141–164.

Magni D., Caudullo G., 2016. Celtis australis in Europe: distribution, habitat, usage and threats // European Atlas of Forest Tree Species / Ed. J. San-Miguel-Ayanz et al. Luxemburg: Publication office of the European Union. P. 80.

Morillo Cerdán A., García Diez F., 2000. Signum militaris del Museo Arqueológico Nacional (Madrid, España) // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. 33. S. 397–401.

Ponting M. J., 2002. Roman Military Copper-Alloy Artefacts from Israel: Questions of Organization and Ethnicity // Archaeometry. 44, 4. P. 555–571.

Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R., Friedrich M., Grootes P., Guilderson T., Hajdas I., Heaton T., Hogg A., Hughen K., Kromer B., Manning S., Muscheler R., Palmer J., Pearson C., van der Plicht J., Reimer R., Richards D., Scott E., Southon J., Turney C., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S., 2020. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP) // Radiocarbon. Vol. 62. Iss. 4. P. 725–757.

Southern P., Dixon K. R., 2000. The Late Roman Army. London; New York: Routledge. 206 p.

Töpfer K., 2011. Signa Militaria. Die römischen Feldzeichen in der Republik und im Prinzipat. Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuseum. 500 S. (Monographien des Römisch–Germanischen Zentralmuseums; Bd. 91.)

Ulbert G., 1959. Die römische Donau-Kastelle Aislingen und Burghöfe. Berlin: Mann. 111 S. (Limesforschungen; Bd. I.)

Сведения об авторах

Фирсов Кирилл Борисович, Государственный исторический музей, Красная пл., 1, Москва, 109012, Россия; Институт геологии и геохимии им. акад. А. Н. Заварицкого, ул. Академика Вонсовского, 15, Екатеринбург, Свердловская обл., 620016, Россия; e-mail: kirill-firsov@mail.ru;

Строков Антон Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; Институт геологии и геохимии им. акад. А. Н. Заварицкого, ул. Академика Вонсовского, 15, Екатеринбург, Свердловская обл., 620016, Россия; e-mail: anton-strokov@yandex.ru

K. B. Firsov, A. A. Strokov

THE ENDPIECE IN THE FORM OF A WILD BOAR HEAD DATING TO THE ROMAN PERIOD FROM THE «GOLDEN CEMETERY»: HISTORICAL CONTEXT AND SCIENTIFIC RESEARCH

Abstract. This paper is the first to publish and study in detail a unique find of the Sarmatian period, namely a terminal cast in the form of a wild boar head. It was retrieved from kurgan 15 at the Tiflisskaya Cossack village, Kuban region («Golden Cemetery», excavations by N. I. Veselovsky in 1902) and is now kept in the State Historical Museum in Moscow (Figs. 1; 2). It discusses the issues of cultural and historical attribution and origin of the item. This terminal is considered to be a Roman battle standard; however, the comparison of this artifact with many known images and finds (first of all, banners in the form of a dragon head) has shown that this terminal differs morphologically and technologically from Roman banners. The exception is the find from Eislingen, which is very close to the «Golden Cemetery» terminal in terms of its appearance and, possibly, its functionality (Fig. 3). Ancient authors and modern scholars link appearance of standards that take the form of a dragon head to the Sarmatians-Alans. The technological and XRF-analyses have shown that the discussed item was cast of tin-lead bronze using lost-wax casting (Table 1). The socket of the terminal was filled with the wood of European hackberry (Celtis australis Linn.) that grows mostly in the Mediterranean, and this tree can be 1000 years old (Fig. 4). A sample of the wood was dated employing the radiocarbon method; the results are not consistent with the archaeological dating. The inconsistency may be explained both by the sample contamination and by an «old tree» effect. Right now it is not possible to determine with accuracy whether this terminal was an element of a Roman battle standard or not; however, the link of this item with the Mediterranean is clear.

Keywords: Sarmatian period, Roman Empire, *signa militaria*, X-ray fluorescence analysis, radiocarbon method of dating, accelerator mass spectrometry (AMS), xylotomic analysis.

REFERENCES

Eniosova N. V., Mitoyan R. A., 2014. Rentgenospektral'nyy metod analiza arkheologicheskogo metalla: preimushchestva, ogranicheniya i lovushki v protsesse izmereniya i interpretatsii [X-ray spectral method of archaeological metal analysis: advantages, limitations and pitfalls in measurement and interpretation process]. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani [Proceedings of IV (XX) All-Russian archaeological congress in Kazan]*, IV. A. G. Sitdikov, N. A. Makarov, A. P. Derevyanko, eds. Kazan: Otechestvo, pp. 143–146.

Firsov K. B., Strokov A. A., Kiseleva D. V., 2023. Novye rezul'taty radiouglerodnogo datirovaniya pamyatnikov skifskogo i sarmatskogo vremeni iz sobraniya GIM [New results of radiocarbon dating of the finds from Scythian and Sarmatian sites in the collection of the State Historical Museum]. *KSIA*, 272, pp. 367–382.

Gushchina I. I., Zasetskaya I. P., 1994. «Zolotoe kladbishche» Rimskoy epokhi v Prikuban'e [«Golden graveyard» of Roman epoch in Kuban region]. St. Petersburg: Farn. 172 p.

Kropotkin V. V., 1970. Rimskie importnye izdeliya v Vostochnoy Evrope (II v. do n. e. – V v. n. e.) [Roman imported products in Eastern Europe (II c. BC – V c. AD)]. Moscow: Nauka. 278 p. (SAI.)

Kuz'min Ya. V., 2017. Geoarkheologiya: estestvennonauchnye metody v arkheologicheskikh issledovaniyakh [Geoarchaeology: Natural science methods in archaeological research]. Tomsk: Izdatel'skiy dom Tomskogo gos. universiteta. 396 p.

OAK za 1902 g. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upraveniya udelov, 1904. 200 p.
Zazovskaya E. P., 2016. Radiouglerodnoe datirovanie – sovremennoe sostoyanie, problemy, perspektivy razvitiya i ispol'zovaniya v arkheologii [Radiocarbon dating – current state, problems, development prospects and use in archaeology]. *VAAE*, 1 (32), pp. 151–164.

About the authors

Firsov Kirill B., The State Historical Museum, Krasnaya pl., 1, Moscow, 109012, Russian Federation; Zavaritsky Institute of Geology and Geochemistry, ul. Akademika Vonsovskogo, 15, Ekaterinburg, 620016, Russian Federation; e-mail: kirill-firsov@mail.ru;

Strokov Anton A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; Zavaritsky Institute of Geology and Geochemistry, ul. Akademika Vonsovskogo, 15, Ekaterinburg, 620016, Russian Federation; e-mail: anton-strokov@yandex.ru

И. И. Шкрибляк

СКИФСКИЕ ДРЕВНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОГО КРЫМА V–IV вв. до н. э.: ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ[1]

Резюме. В статье приводится краткий обзор открытых с 2009 г. скифских погребальных комплексов в Центральном Крыму в ходе ежегодных археологических работ музея-заповедника «Неаполь Скифский». Все комплексы – это подкурганные грунтовые и каменные сооружения V–IV вв. до н. э. Несмотря на многочисленные ограбления курганов, для каждого памятника определена относительно узкая датировка, основанная на анализе амфорной тары, предметов вооружения и типологии каменных погребальных конструкций. Для региона характерна значительная вариативность основных погребальных сооружений, среди которых встречаются грунтовые ямы, каменные склепы, плитовые гробницы, грунтовые катакомбы.

Ключевые слова: Крым, скифы, погребальный обряд, курганы, амфорный импорт, каменный склеп.

За последние годы значительно интенсифицировались раскопки археологических памятников в окрестностях Белогорска, хронологический диапазон открытых объектов варьирует от среднего палеолита до позднего Средневековья. Драйвером новых научных открытий стали масштабные стройки на территории региона: проектирование и сооружение четырехполосной транспортной магистрали Керчь – Севастополь, прокладка газопровода со стороны Тамани в Симферополь и Севастополь к новым теплоэлектростанциям, строительство энергомоста, соединившего энергосистему Крыма с Ростовской АЭС.

Значительную часть памятников, попавших в зону проектирования объектов строительства, в 2015–2017 гг. исследовала археологическая экспедиция

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01266, https://rscf.ru/project/24-28-01266/

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.275.257-274

музея-заповедника «Неаполь Скифский» под руководством Ю. П. Зайцева[2]. Все памятники – это курганные насыпи и курганообразные возвышенности. Большинство насыпей было сооружено в эпоху бронзы, однако в некоторых курганах обнаружены основные скифские погребения V–IV вв. до н. э. К сожалению, все курганы были ограблены в Средневековье, Новое и Новейшее время, чему не в последнюю очередь способствовало расположение большинства памятников вдоль оживленных дорог и торговых маршрутов. Тем не менее каждый погребальный комплекс оказался важным источником научной информации о погребальном обряде скифского населения Крымского полуострова.

Помимо спасательных археологических раскопок экспедиция в 2009–2021 гг. выполняла свои плановые задачи, доследуя и консервируя ограбленные и разрушенные погребальные комплексы в окрестностях сел Вишенное, Мироновка, Васильевка Белогорского района. Охранная работа такого плана позволила открыть серию интереснейших подкурганных каменных склепов с уступчатым перекрытием второй половины IV в. до н. э. Настоящей сенсацией стало исследование кургана Туак-Оба – сложносоставного погребального комплекса с многоуровневыми каменными конструкциями и обособленной поминальной площадкой с конскими захоронениями.

Описание открытых погребальных комплексов будет произведено по хронологическому принципу – от наиболее ранних к наиболее поздним. Несмотря на ограбления, во всех курганах были обнаружены профильные части амфор, в том числе с клеймами, в некоторых случаях из фрагментов были восстановлены их формы. Это позволило достаточно уверенно датировать все исследованные объекты.

Курган 1/3 курганного могильника Пролом 2

Курган обнаружен летом 2017 г. случайно по факту выборки дорожного котлована трассы Таврида. Расположен в 2,4 км к северо-западу от с. Некрасово Белогорского района, представляет собой небольшую насыпь в составе локальной курганной группы из девяти курганов высотой от 0,5 до 1,5 м, вытянутой цепочкой по оси СВ–ЮЗ. Южная пола насыпи уничтожена строительной техникой. Насыпь кургана каменная, сохранившаяся высота 0,4 м, диаметр 22 м.

Зачистка поверхности кургана выявила неоднородную по структуре каменную наброску – вся ее центральная часть была сформирована из среднего и крупного необработанного известняка, северная же часть – из мелкого камня с отдельными крупными камнями (рис. 1: *1*). В теле панциря обнаружены несколько крупных известняковых плит. Наброска с севера окружала полукольцом центральную каменную гробницу. С запада погребение ограничивал грунтовый ровик глубиной до 0,25 м, южная часть его оказалась срезанной строительным котлованом, на севере ровик примыкал к каменной наброске. Заполнение ровика в верхней части представляло собой сплошной каменный завал вперемешку

[2] Благодарю Ю. П. Зайцева за возможность опубликовать материалы памятников, исследованных в разные годы под его руководством.

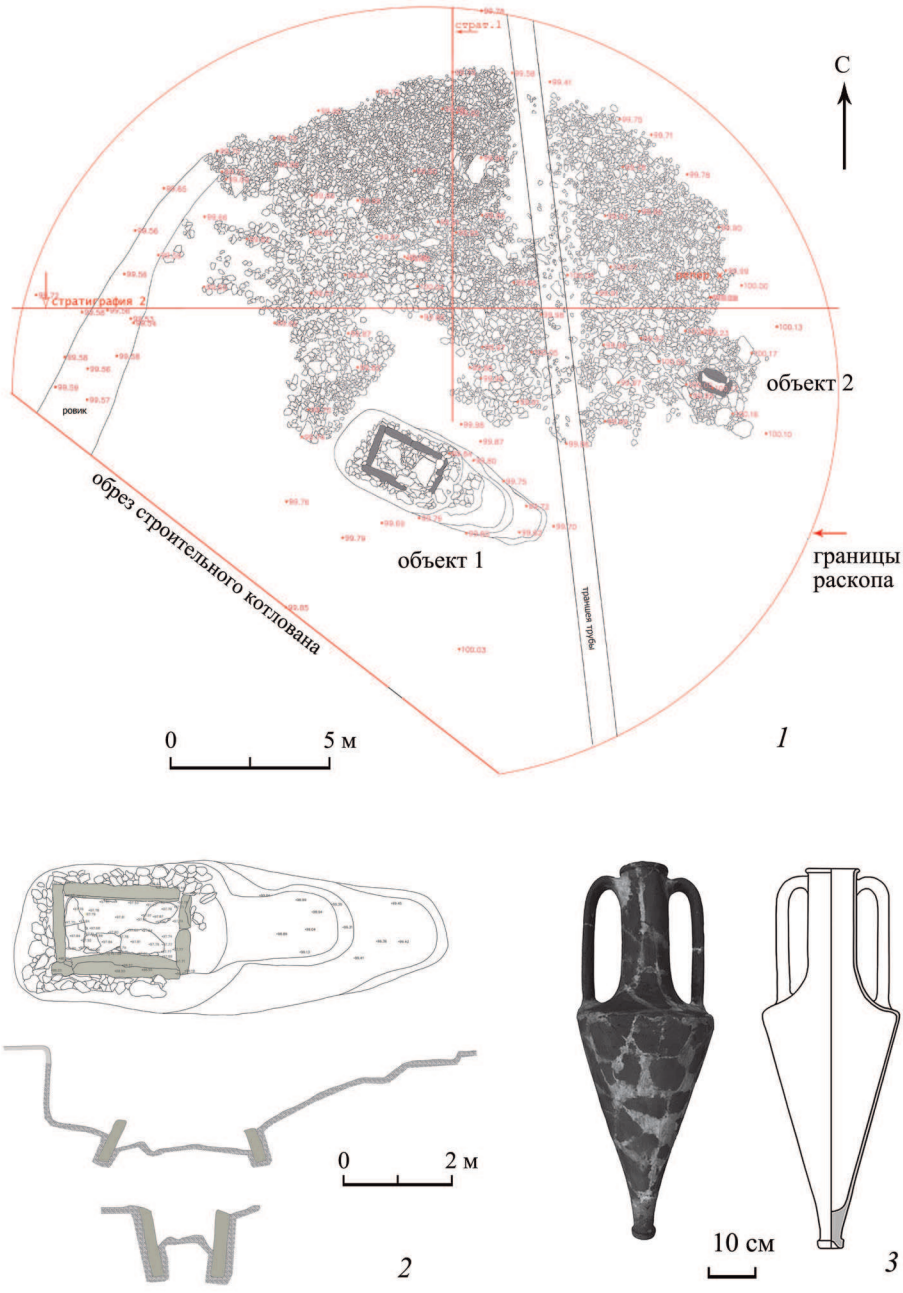


Рис. 1а. Археологические подкурганные комплексы V–IV вв. до н. э.

1–3 – курган 1/3 могильника Пролом 2: *1* – план раскопа; *2* – план и разрез каменной гробницы; *3* – хиосская амфора

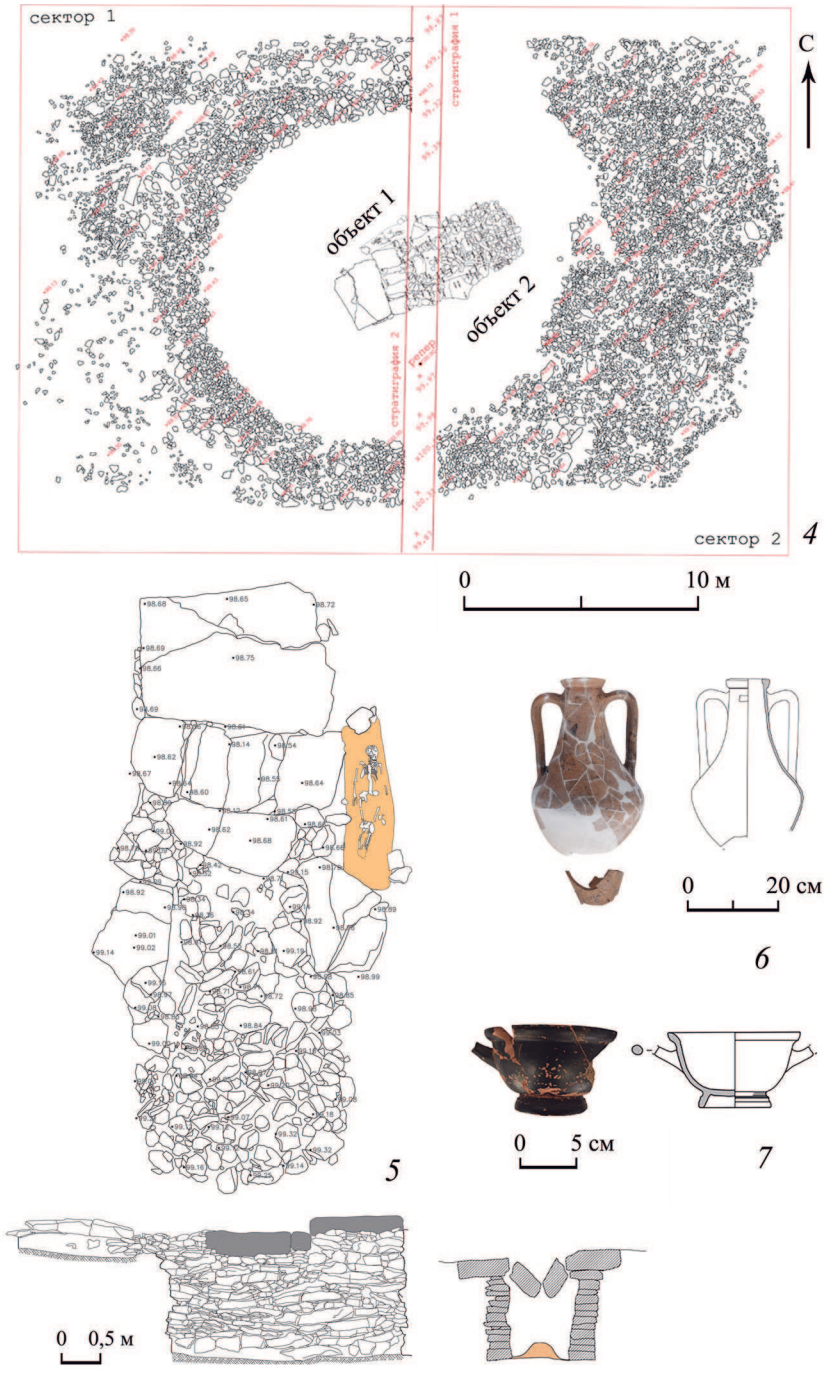


Рис. 1б. Археологические подкурганные комплексы V–IV вв. до н. э.

4–7 – курган 6 могильника Пролом 2: *4* – план раскопа; *5* – план и разрезы каменного склепа; *6* – фасосская амфора; *7* – чернолаковый килик

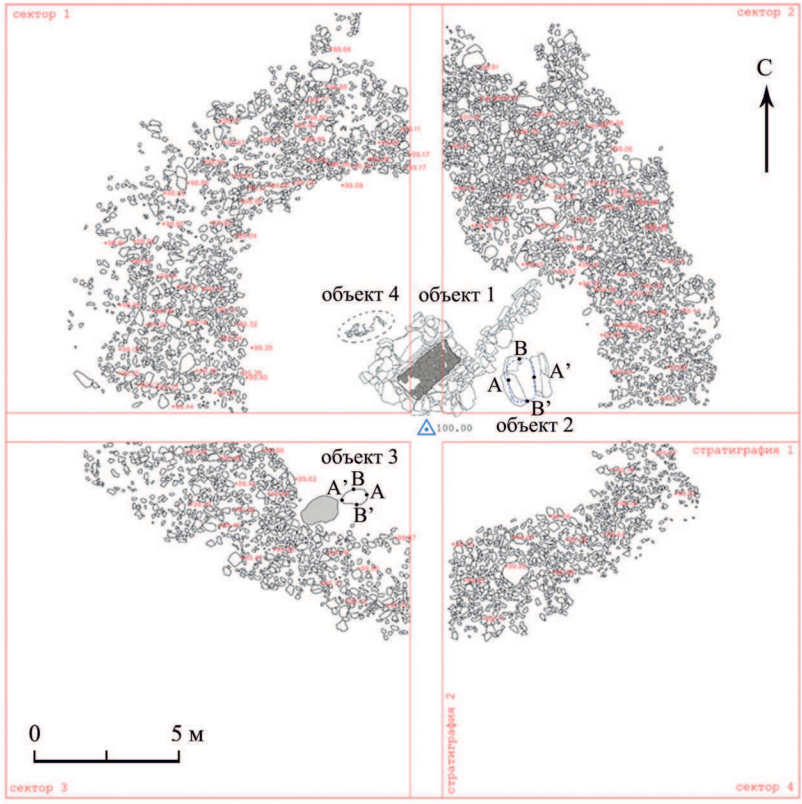


Рис. 1в. Археологические подкурганные комплексы V–IV вв. до н. э.

8–11 – курган 7 могильника Пролом 2: *8* – план раскопа; *9, 10* – ножки амфор; *11* – лепной лощеный горшок

с темным гумусом и фрагментами амфор, в нижней части – темный плотный гумус.

В центре кургана обнаружена каменная плитовая гробница с грунтовой входной ямой (рис. 1: *2*). Яма примыкала к гробнице с востока. Для монтажа гробницы с уровня древней дневной поверхности в материковой глине был выкопан грунтовый котлован (параметры строительного котлована 2,3 × 3,5 м, глубина 2 м), в котором был собран каменный ящик. Пол выровнен слоем глины и вымощен плоскими известняковыми плитами. С востока к каменному ящику примыкала устроенная в материковой глине входная яма вытянутой овальной формы с двумя ступеньками. На одном из этапов использования погребального сооружения примыкающая к ящику часть входной ямы была заложена перегородкой из известнякового камня. После совершения захоронения ящик был перекрыт крупной каменной плитой, котлован ящика вместе с плитой забросан бутовым камнем, погребальное сооружение законсервировано каменным панцирем.

Погребальная конструкция оказалась многократно ограбленной. В процессе разорения была пробита и сброшена вниз плита перекрытия, сдвинуты с места и перемещены покрывавшие пол плиты. На дне входной ямы вперемешку с костями человека и животных были обнаружены фрагменты двух разбитых амфор, бронзовые трехлопастные наконечники стрел, фрагмент чернолакового килика, фрагменты гончарных сосудов, фрагментированные железные и бронзовые предметы, игральная фишка из стенки амфоры. При зачистке пола каменного ящика был найден случайно уцелевший погребальный инвентарь: массивная золотая серьга-калачик, свинцовое пряслице, раздавленная железная втулка копья, фрагменты железного предмета. В перемешанном заполнении у пола ящика найдены несколько фрагментов человеческих костей.

Погребение в каменном склепе по амфоре (рис. 1: *3*) с протоколпачковой ножкой хиосского производства (вариант V-A, по С. Ю. Монахову) датируется концом V в. до н. э. (*Монахов*, 2003. С. 21).

Одно из ограблений памятника было совершено еще в эпоху Средневековья. Об этом говорят многочисленные находки битой средневековой амфорной тары, найденные в верхней части заполнения дромоса, на это же косвенно указывает серебряная татарская монета Мехмеда II Герая, найденная в забутовке панциря.

Курган Сары-Кая 2-4

Высота 1,1 м, диаметр 18 м. Расположен в 4,3 км к юго-западу от с. Мироновка, находится в компактной курганной группе из нескольких насыпей, ориентированных вдоль линии обрыва скалистого массива Сары-Кая, по оси СВ–ЮЗ. Все курганы группы содержат следы недавних ограблений, курган 2 пострадал больше всех. В 2009 г. в его вершине была зафиксирована огромная грабительская яма, уничтожившая большую часть насыпи и вскрывшая весь объем основного погребального сооружения. По итогам доследования в том же году удалось выяснить, что в кургане в V в. до н. э. в крупной прямоугольной грунтовой яме (3 × 2,5 м) на глубине -4,3 м от современной дневной поверхности было совершено одиночное воинское погребение, от которого сохранились остатки инвентаря – пластины железного наборного панциря, фрагмент железной втулки

копья, бронзовый трехлопастной втульчатый наконечник стрелы, кости животных. Более точную дату совершения захоронения находок определить сложно, поскольку материал невыразительный и сильно фрагментирован. Яма, похоже, была перекрыта после погребения деревянным накатом и законсервирована камнем, который и стал основой курганной насыпи.

Железные наборные панцири встречаются в скифских погребальных памятниках Северного Причерноморья в VI–V вв. до н. э., пик их распространения приходится на V в. до н. э. (*Черненко*, 1968. С. 12). В IV в. до н. э. этот тип защитного снаряжения практически не применялся.

Курган Сары-Кая II-4

Расположен в 3,4 км юго-западнее с. Мироновка. Исследован в 2016 г. по факту разрушения насыпи строителями энергомоста Кубань – Крым. Памятник полностью опубликован (*Зайцев, Шкрибляк*, 2020), поэтому здесь будут приведены краткие данные о его составных элементах и атрибуции.

Курган располагался в составе курганной группы из 7 насыпей высотой от 1 до 3,5 м, ориентированной по оси СЗ–ЮВ. Насыпь грунтово-каменная, высота 2,15 м, диаметр насыпи 24 м. В вершине отмечены следы глубокой грабительской воронки.

Доследование кургана выявило в его центре глубокую (3,3 м от уровня материка) грунтовую яму прямоугольной конфигурации 4 × 3,2 м, окруженную по периметру кольцевой каменной наброской. Яма была перекрыта в древности бревенчатым накатом, заваленным сверху известняковым бутом. Большая часть заполнения могилы разрушена современным ограблением. В уцелевшей ее части выявлены признаки двух разновременных одиночных погребений: первое было совершено на дне ямы, ориентировано головой на ЮЗ. Однозначно отнести к инвентарю первого погребения удалось только гераклейскую амфору с дипинти, найденную во фрагментах. Второе погребение было совершено на грунтовой осыпи, принадлежало взрослому человеку, уложенному головой на ЮЗ. С этим погребением связан набор полихромных стеклянных подвесок и бус, гераклейская амфора с клеймом, железный наконечник копья со втоком и железный нож. Комплексный анализ инвентаря из обоих погребений позволил датировать строительство и использование кургана концом V – первым десятилетием IV в. до н. э.

Курган 6 могильника Пролом 2

Расположен в 2,8 км на юго-восток от с. Малиновка Белогорского района Республики Крым. Высота насыпи 1 м, диаметр 30 м. Курган сильно разрушен при строительстве дороги Белогорск – Золотое Поле и сопутствующих ей коммуникаций. Исследован в 2017 г. В центре насыпи обнаружен каменный склеп (рис. 1: *5*) с короткой грунтовой входной ямой, окруженный кольцевой наброской из камня (рис. 1: *4*). Склеп собран в предварительно выкопанном в материковой глине земляном котловане. Стенки сложены из плитчатого колотого известняка на грязевом растворе, перекрытие представляло собой три

известняковые плиты, уложенные поперек на стенки склепа. В склеп вела полого понижающаяся в материковой глине входная яма, ограниченная справа и слева двумя уложенными плашмя известняковыми плитами. Примыкающая ко входу в склеп часть входной ямы облицована каменными кладками, являющимися продолжением продольных стенок склепа. Яма полностью забита известняковым бутом.

Погребение в склепе ограблено в древности. В заполнении камеры обнаружены фрагментированные человеческие кости, фрагменты клейменой фасосской амфоры (рис. 1: *6*) и чернолакового килика (рис. 1: *7*), бронзовые трехлопастные наконечники стрел, фрагменты бронзовых и железных пластин панциря, втулка наконечника железного копья, бронзовая ворворка.

К северо-востоку от плит перекрытия склепа на уровне их подошвы обнаружено безынвентарное погребение взрослого человека на спине, головой на запад. Костяк лежал на прямоугольном пятне ярко-оранжевого тлена, в котором просматривалась структура продольных волокон деревянной колоды или доски.

Каменный склеп в древности был окружен сплошным каменным кольцом-наброской из известнякового бута общим диаметром 23 м. В наброске фиксировались многочисленные фрагменты амфор и чернолаковой посуды.

Имя фабриканта на клейменной горловине фасосской амфоры из камеры склепа не читается, по предположению И. Гарлана, рядом с ним могло быть оттиснуто имя эпонима Мегона II, группа F-1, дата – 360–350 гг. до н. э. (*Garlan*, 1999. P. 296. № 980)[3]. Таким образом разоренное воинское захоронение можно датировать второй четвертью – серединой IV в. до н. э.

Курган 7 группы Пролом 2

Расположен в 2,14 км на восток от с. Пролом Белогорского района, в 80 м на запад от кургана 6 этой же группы. Высота насыпи 0,8 м, диаметр 22 м. В центре насыпи обнаружен каменный склеп, перекрытый мощными известняковыми плитами. Окружен по кольцу каменной наброской (рис. 1: *8*).

Длинной стороной склеп ориентирован по оси СВ–ЮЗ, вход находился с северо-восточной стороны. Четыре стенки склепа сложены из плитчатого колотого известняка на грязевом растворе, пол склепа вымощен плитчатым известняком. Привходовое пространство ограничено однолицевой однорядной кладкой, сложенной из крупных лицевых известняковых камней и каменной забутовки на уровне древней дневной поверхности. Вход в древности был заложен каменным закладом из нерегулярно уложенных известняковых камней.

Погребальная камера была найдена в ограбленном состоянии. Пролом во внутреннее пространство склепа был обнаружен близ входа, плиту перекрытия отсюда изъяли и переместили в район дромоса.

Несмотря на ограбление, в процессе исследований удалось проследить два этапа использования погребальной камеры. На первом этапе на дне склепа было совершено захоронение как минимум одного человека, чьи кости и чей

[3] За атрибуцию клейма сердечно благодарю С. В. Полина.

погребальный инвентарь переместили при совершении подзахоронения. С первоначальным погребением связаны три амфоры, фрагмент втока копья, четыре крупные гальки со следами угольков, железный нож. От амфор сохранились нижние части тулова.

Перед вторичным использованием остатки первоначального захоронения в склепе с перемещенным погребальным инвентарем были заложены плитчатым известняком и мелким бутом. На этой поверхности было совершено новое погребение, судя по количеству найденных костей – одиночное. Погребение полностью ограблено, переворошенный погребальный инвентарь найден в темном рыхлом заполнении камеры склепа и дромосе. Среди находок, принадлежащих верхнему погребению склепа: разбитый лепной нелощеный горшок (рис. 1: *11*), створка раковины моллюска со следами румян, железная ворворка, бронзовые втульчатые трехлопастные наконечники стрел, серебряный перстень с рельефным изображением на щитке.

В перемешанном заполнении у дна погребальной камеры среди перемешанного антропологического материала встречена любопытная находка: пяточная человеческая кость с застрявшим в костной ткани бронзовым трехлопастным втульчатым наконечником стрелы. Принадлежность пяточной кости к верхнему либо нижнему захоронению осталась невыясненной.

Предварительно совершение первых захоронений в склепе можно датировать первой половиной – серединой IV в. до н. э. В пользу этой даты свидетельствуют ножки гераклейской и фасосской (?) амфор (рис. 1: *9, 10*) (*Монахов*, 2003. С. 134).

Курган 2 могильника Некрасово I

Расположен на вершине локальной возвышенности в 890 м к северо-западу от с. Некрасово. Является наименьшим курганом в группе из двух курганов, курган № 1 группы расположен в 140 м к юго-западу от него. Всего в результате исследований памятника в 2017 г. было обнаружено 6 погребальных комплексов, датирующихся от эпохи бронзы до раннего железного века. В целом курган скорее можно отнести к курганообразным возвышенностям, поскольку признаков погребенного чернозема и явной насыпи в ходе работ на его территории обнаружено не было.

Скифским временем в кургане датируется небольшая грунтовая катакомба с обрушенным сводом, обнаруженная в юго-западном секторе кургана. Катакомба состояла из округлой в плане входной ямы и погребальной камеры вытянутой овальной конфигурации. Конструкция ориентирована по оси СВ–ЮЗ. На дне камеры зачищен костяк взрослого человека плохой сохранности в позиции на спине, головой на запад. В районе шеи и грудной клетки погребенного найдено 5 раковин каури, на шее и у кисти правой руки обнаружено два набора стеклянных глазчатых и одноцветных бус и бисера, выше локтя правой руки – две бронзовые височные подвески и бронзовое колечко, у внутренней поверхности правой большой берцовой кости – свинцовое пряслице, у правой стопы – поддон краснофигурного килика с граффити на дне, два фрагментированных лепных сосуда. Предварительно катакомба может быть датирована IV в. до н. э.

Предположительно скифским же временем датируется небольшой каменный склеп, обнаруженный в центре насыпи. Склеп был впущен в вершину кургана, перекрыв входную яму катакомбы эпохи бронзы. На полу зачищено погребение взрослого человека, близ юго-восточной стенки зафиксировано скопление перемещенных человеческих костей. Из инвентаря в склепе найден только небольшой железный нож и невыразительные фрагменты стенок амфор.

Курган с каменным склепом у с. Пруды

Этот курган был впервые обследован еще в 1983 г. группой археологов под руководством С. Г. Колтухова, проводивших разведки в окрестностях г. Плоская. Расположен в составе цепочки из более чем 10 насыпей в 3,8 км к юго-востоку от с. Пруды Советского района. В центре насыпи виднелась грабительская пробоина в подземный каменный склеп с уступчатым перекрытием. Полноценное доследование ограбленной гробницы было произведено в 2018 г.

Высота кургана 2,5 м, диаметр ок. 35 м. Заполнение камеры полностью переворошено грабителями, пробившими в перекрытии склепа два лаза у противоположных торцовых стен. Склеп имеет продольно-вытянутую конфигурацию, длина камеры почти вдвое превышает ее ширину. Стены построены из тесанных и хорошо отшлифованных известняковых блоков, повсеместно сохранились следы светлой мелкозернистой штукатурки. Входной проем расположен с северо-восточной стороны, закрыт массивной тесаной плитой из мшанкового известняка (рис. 2: *3*), которая была отвалена при древнем ограблении.

Склеп является интересным примером местной творческой переработки классического боспорского склепа. Он имеет уступчатое перекрытие на две стороны по три уступа с каждой, причем уступы по сути являются имитациями, вырезанными из цельного массива в тяжеловесных каменных блоках. Единичные находки на дне камеры (золотые бляшки и бронзовые наконечники стрел) позволяют предварительно датировать строительство гробницы второй половиной IV в. до н. э., при этом есть основания предполагать ее впуск в более раннюю курганную насыпь. Для обоснования даты и определения стратиграфии насыпи необходимо провести ее полное доследование.

Курган № 293 на г. Плоская

Открыт в 1983 г. С. Г. Колтуховым в ходе плановых разведочных мероприятий. Результаты работ 2014 г. по доследованию ограбленного склепа полностью опубликованы (*Шкрибляк*, 2017), здесь приведена лишь справочная информация о памятнике.

Курган был обнаружен по факту ограбления через пролом в плите перекрытия каменного склепа в 2,5 км к востоку от с. Васильевка Белогорского района. Находится в составе обширного курганного некрополя на г. Плоская, насчитывающего несколько сотен насыпей различной высоты и конфигурации. Высота насыпи 3,4 м, диаметр 35 м. Каменный склеп расположен в центре кургана (с небольшим смещением на восток), представлял собой монументальную конструкцию 2,6 × 2 м, сооруженную из тесанных известняковых блоков без

Рис. 2. Каменные склепы с уступчатым перекрытием IV в. до н. э.
1, 3 – склеп у с. Пруды; *2, 4* – склеп у с. Мироновка

применения связующего раствора. На стены опирался многоугольный уступчатый свод, блоки которого укладывались с напуском на углы камней предыдущего ряда. В плане конструкция свода представляла собой неправильный шестиугольник, который, по всем признакам[4], замыкался камнем-плафоном, уложенным на последний ряд блоков свода. Пол склепа был вымощен ровными известняковыми плитками. Входной проем расположен с восточной стороны, за ним была обнаружена привходовая камера, сложенная из грубо колотого постелистого известняка на глинисто-грязевом растворе. При ее строительстве с обеих сторон кладки имитировалось некое подобие уступов. Перекрытия этой камеры не обнаружено. С восточной стороны к обеим камерам вел дромос, сложенный из бутового известняка на грязевом растворе. Полное исследование дромоса не проводилось по причине ограниченных задач экспедиции.

На полу основной камеры были обнаружены перемещенные фрагменты человеческих костей, фрагментированный гончарный унгвентарий и трехгранный втульчатый бронзовый наконечник стрелы. Строительство склепа (либо одно из ранних его использований) по инвентарю датируется достаточно широко – в пределах IV в. до н. э. Есть основания предполагать впуск каменной конструкции в более раннюю насыпь, однако это может подтвердить лишь полное исследование всего кургана.

Курган с каменным склепом у с. Мироновка

Открыт и частично исследован в 2018 г. по факту ограбления каменного склепа через пролом в верхней плите перекрытия свода. Располагается на вершине плато в 1,5 км к юго-западу от с. Мироновка. В ходе доследования памятника было выбрано затечное заполнение склепа, частично перекопанное грабителями, вычищено внутреннее пространство небольшой привходовой камеры. Высота кургана 2,2 м, диаметр ок. 40 м. В северную полу в 1980-е гг. были впущены бетонные цистерны для смешивания сельскохозяйственных химикатов.

Пробоина в каменный склеп обнаружена в вершине кургана, на глубине -0,8 м от его максимальной отметки. Основной контур склепа образован несколькими крупными каменными плитами, поставленными на ребро, и каменной кладкой, заполняющей пространство между ними (рис. 2: *2*). Входной проем находился в восточной стенке и представлял собой стоечно-балочную конструкцию из трех крупных известняковых блоков. Пространство между торцовыми плитами стен и сводом выровнено кладкой из подтесанных по месту небольших известняковых блоков, уложенных друг на друга. На стены опирался многоугольный уступчатый свод из тесанных блоков нетипичной конструкции (рис. 2: *4*). Собран из крупных прямоугольных блоков с напуском от ряда к ряду. Укладка блоков последующего ряда велась на углы блоков предыдущего, так что в плане конструкция представляла собой неправильный шестиугольник. Прямая аналогия этому своду – упомянутый склеп в кургане № 293

[4] Плита была сдвинута во время одного из ограблений кургана.

на г. Плоская (*Шкрибляк*, 2017. С. 133-138). Общая высота камеры составила 2,4 м, параметры внутреннего пространства 2,5 × 2,3 м.

Пол камеры грунтовый, представляет собой хорошо утрамбованную материковую глину. При зачистке входного проема была обнаружена небольшая камера-преддверие, частично заполненная затечным черноземом. Продольные стенки этой камеры представляли собой вертикально смонтированные крупные известняковые блоки. Основную и дополнительную камеру разделяла плита порога – крупный прямоугольный блок, уложенный плашмя. Стенки перекрыты перпендикулярно уложенными массивными каменными плитами. В дальнем углу камеры, близ входа, в перекрытии пробит грабительский лаз. Входной проем в привходовую камеру заложен вертикальной каменной плитой, опирающейся на кладку из плитчатого известняка на грязевом растворе. Высота конструкции 1,35 м, параметры внутреннего пространства 1,6 × 1,4 м.

В заполнении основной камеры обнаружены разрозненные кости человека и фрагменты столовой гончарной посуды, трудно поддающейся датировке. Строительство двухкамерного погребального сооружения с некоторой долей вероятности можно отнести ко второй половине IV – началу III в. до н. э. по аналогии со схожими подкурганными конструкциями в окрестностях Белой Скалы. Был ли склеп основным в кургане либо впущенным в уже готовую насыпь – до полного исследования памятника достоверно определить невозможно.

Курган Туак-Оба

Расположен в 3 км к северо-западу от села Мироновка Белогорского района на локальной возвышенности, занятой до его появления группой курганов эпохи бронзы. Высота 5,1 м, диаметр 50 м.

Памятник был впервые обследован в 2016 г., вершина кургана к тому моменту оказалась разворочена грабительским шурфом, в бортах которого хорошо виднелась сплошная каменная забутовка ядра кургана. В восточной половине кургана фиксировался вытянутый длинный котлован плавных очертаний размерами 18 × 6 м, соотнесенный впоследствии с дромосом. Через грабительскую яму удалось попасть в каменный уступчатый склеп, сложенный из обработанных известняковых блоков. Вход в погребальное сооружение обрамляла небольшая известняковая колонна дорического ордера, дополнившая общую строгую архитектурную концепцию склепа. У дальней стенки было найдено сильно деформированное каменное ложе, сложенное из обработанных каменных плит. В центре камеры лежал смещенный с первоначальной позиции постамент профилированного каменного алтаря, рядом с ним обнаружены фрагменты еще нескольких каменных изделий, разбитых в мелкие куски. Через одну из ранних грабительских ям в склеп осыпалось темное заполнение дромоса, оставившее темные следы на внутренних стенках справа и слева от входа.

Особое значение кургана выдавало его расположение: на доминирующей точке природного ландшафта, откуда открывалась дальняя перспектива на основную гряду Крымских гор, зеленый Кубалач, обширные степные просторы Северного Крыма, Беш-Обу с цепочкой десятиметровых курганных насыпей. Учитывая все перечисленные факторы, принимая во внимание угрозу повторного

ограбления и разрушения памятника, экспедиция музея-заповедника «Неаполь Скифский» приняла решение доследовать курган Туак-Оба в полном объеме. Дополнительным аргументом в пользу этого решения стала необходимость проведения детального архитектурно-археологического обследования каменного склепа, выяснения основных этапов и приемов его строительства, принципов устройства стабильного уступчатого свода.

Работы на кургане велись в 2018, 2020 и 2021 гг.[5] и принесли интереснейшие результаты. В центре насыпи была полностью открыта сложносоставная каменная конструкция из трехчастного каменного склепа, дромоса, кольцевой каменной наброски и монументальной крепиды (рис. 3: *1, 2*). Дромос был оформлен в два уровня и раскрывался на восток тремя парами крыльев-кладок, справа и слева центральное погребальное сооружение обрамляли высокие каменные пирамиды. Каменный склеп оказался неоднократно ограбленным, на полу и в камнях ложа, на полу привходовой камеры были обнаружены более десятка золотых штампованных бляшек, стеклянные бусы и подвески, фрагменты лепной курильницы с вертикальными ребрами. Близ северной стенки склепа лежали перемещенные человеческие кости.

При разборке каменной забутовки центра насыпи на отметке -1,6 м от вершины кургана открылся прямоугольный контур небольшого помещения над склепом, перекрытого в древности деревянными бревнами. Несмотря на многочисленные грабительские проникновения в курган, как древние, так и современные, помещение вместе с наполнением сохранилось в первозданном виде. Анализ трехмерной модели каменного склепа показал, что все четыре его стенки, построенные из необработанного бута на грязевом растворе, были дополнительным стабилизирующим моментом, влияющим на устойчивость уступчатого свода. Доступ в это помещение осуществлялся через небольшой проем в восточной стенке, к которому, вероятно, можно было попасть по приставным деревянным конструкциям из дромоса. На полу верхней камеры найдены комплект железных наконечников и втоков нескольких десятков копий и дротиков, железная жаровня с кулинарными приспособлениями, костяные предметы, в юго-восточном углу – синопская и книдская амфоры.

К востоку от основного кургана, на поверхности насыпи эпохи бронзы (курган 2 группы Туак-Оба) была обнаружена обширная поминальная площадка, соединенная с основной насыпью грунтовой платформой-перемычкой. На поверхности площадки было совершено захоронение 20 лошадей, из которых 16 – в одиночных могилах, а 4 – в двойных. Туши лошадей практически во всех случаях были уложены непосредственно на поверхность насыпи с тем расчетом, что в дальнейшем весь комплекс будет перекрыт единой грунтово-каменной наброской. Лишь три погребения, расположенные в северной поле кургана, имели полноценные могильные ямы и входили в состав небольших поминальных комплексов с кольцевыми каменными оградками. Морды всех лошадей были целенаправленно обращены на восток, в сторону кургана 1; все кони уложены на брюхо с подогнутыми в суставах верхними и нижними

[5] Исследования финансировались РФФИ в рамка проекта 20-09-00456 А «Археологические исследования царского скифского кургана Туак-Оба в Предгорном Крыму».

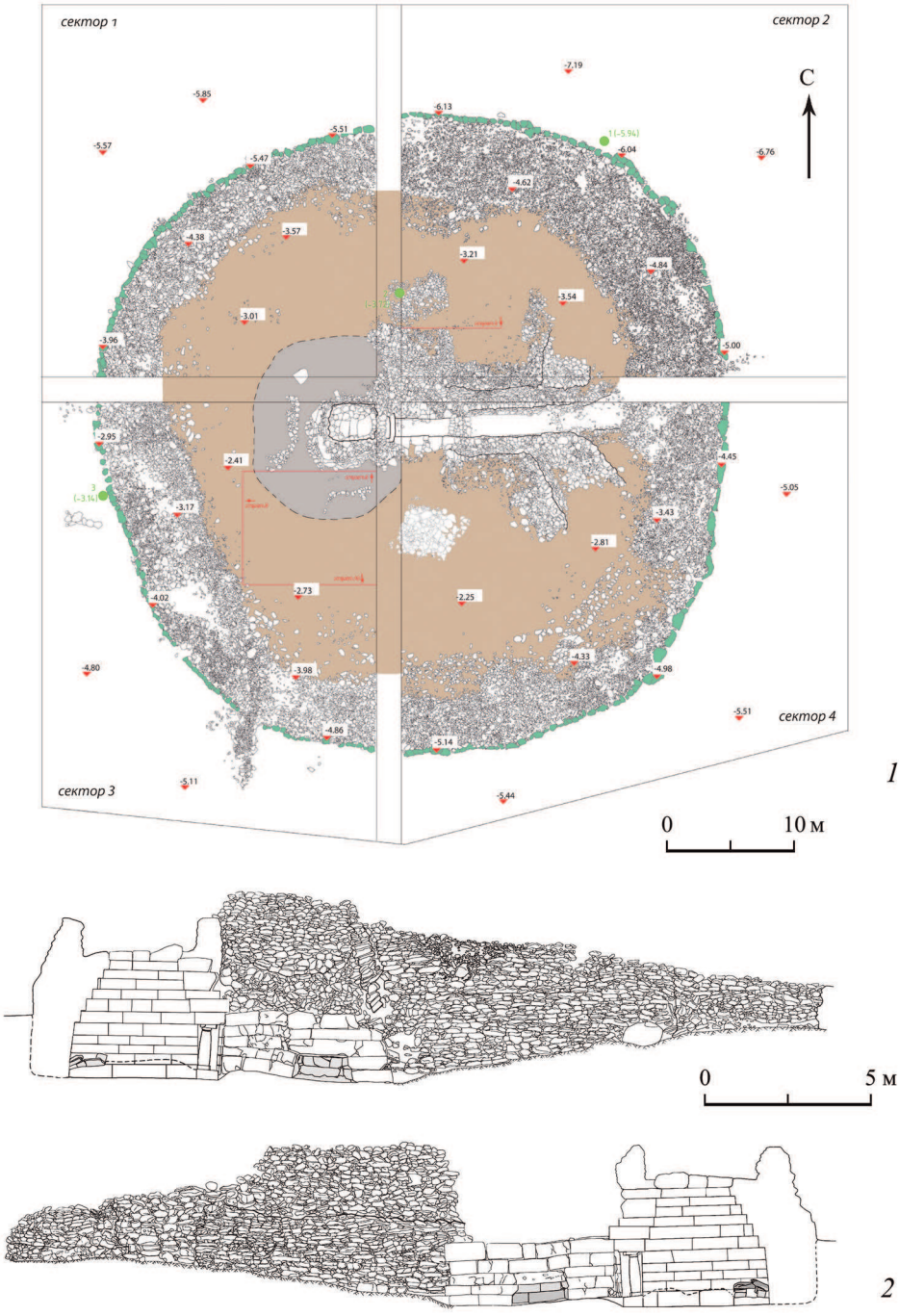


Рис. 3. Курган Туак-Оба близ с. Мироновка

1 – общий план кургана; *2* – фасировки дромоса и каменной гробницы

конечностями. Интересной особенностью комплекса является помещение головы лошади на грунтовую (либо каменную) ступеньку с фиксацией этого положения несколькими камнями. Во многих могилах либо полностью, либо частично отсутствовали кости черепа. Такое их расположение и другие наблюдения позволяют предположить, что головы большинства погребенных животных были специально оставлены на поверхности кургана. Очень необычным и не имеющим аналогий в Северном Причерноморье и Крыму является расположение лошадей на поверхности насыпи четырьмя линиями, ориентированными строго по оси З–В. Как между отдельными погребениями, так и между линиями в целом выдержана схожая дистанция в 5–6 м. Количество погребений в линиях с юга на север уменьшается на одно значение: в первой линии погребений 6 (одно двойное), во второй – 5 (одно двойное), в третьей – 4, в четвертой – 3. Особенное значение, похоже, имели двойные лошадиные могилы, расположенные ближе всех к каменной крепиде кургана 1. В одной из них были найдены две пары железных удил с петлевидными окончаниями и строгими насадками – единственные для всех 20 погребений лошадей на кургане.

С запада и востока конские погребения ограничивали человеческие погребения, совершенные в грунтовой катакомбе и грунтовой яме. Ключевым объектом здесь было погребение женщины-воина в грунтовой катакомбе у западной полы кургана, во входной яме которой были найдены фрагменты каменного антропоморфного изваяния. Его присутствие здесь может быть признаком существования на вершине кургана более раннего святилища с каменной статуей.

К северу, югу и западу от склепа кургана 1 на древней дневной поверхности под каменной наброской и крепидой были открыты обширные рабочие площадки с мощными линзами известнякового отеса, скоплениями колотого известняка, выбросами из материкового котлована склепа и дромоса. Стало очевидно, что привезенные известняковые блоки-полуфабрикаты для каменного склепа тесались и подгонялись на месте, причем в целях экономии ресурса и времени производились теска и шлифовка лишь их парадной части. Укладка стен уступчатого склепа до первого ряда уступчатого свода велась внутри предварительно выкопанного грунтового котлована. Свод же, начиная с первого ряда, укладывался на борта грунтового котлована и дополнительно разгружался при помощи крупных известняковых блоков. Стены первого уровня дромоса и привходовой камеры склепа также были собраны в грунтовом котловане, дно которого повышалось по направлению к внешней кольцевой крепиде. Стенки же второго уровня дромоса были облицовкой заранее подсыпанной к бортам котлована удлиненной грунтовой обваловке, составляющей основное тело курганной насыпи. Подтверждение этому зафиксировано в двух стратиграфических разрезах, поперечно разрезавших эту обваловку и конструктив второго уровня дромоса в районе первой камеры склепа.

Надежная дата строительства кургана получена благодаря синопскому и херсонесским астиномным амфорным клеймам, найденным при разборке кольцевой каменной наброски. Их атрибуция позволила датировать сооружение кургана последней третью IV в. до н. э. Интересной особенностью погребального комплекса является полное отсутствие полноценной амфорной тризны,

на отдельных участках наброски и под ней найдены лишь немногочисленные фрагменты амфор.

Работы последних лет в Центральном Крыму открыли серию интересных скифских комплексов V–IV вв. до н. э. с удивительным разнообразием погребальных сооружений под грунтово-каменной насыпью высотой от 0,5 до 5 м. В рамках достаточно ограниченной территориальной зоны встречены подкурганные грунтовые прямоугольные ямы, небольшие каменные склепы с короткими дромосами, плитовые гробницы, монументальные уступчатые гробницы, грунтовые катакомбы. Все комплексы сопровождались кольцевой каменной наброской/крепидой, со всеми погребениями связаны находки привозной амфорной тары, а в отдельных случаях найдена чернолаковая импортная посуда. Разнообразие погребальных сооружений свидетельствует о сложносоставном характере скифского племенного объединения в Крыму. Интересным фактом является ограниченное число поселенческих памятников: для рассматриваемого временного промежутка в Центральном Крыму известны лишь единичные неукрепленные поселения и стойбища. Любопытен также факт стабильного поступления амфорного импорта, что говорит об устойчивых торговых связях с причерноморскими полисами.

К концу IV – началу III в. до н. э. ситуация в регионе кардинально меняется. В окрестностях Белой Скалы, рядом с царским скифским некрополем Ак-Кая/Беш-Оба (Белогорский курганный некрополь), возводится мощный фортификационный пункт – крепость Ак-Кая/Вишенное. В оборонительных сооружениях крепости применены античные принципы и приемы фортификационного дела (*Зайцев*, 2015). В это же время в рядом расположенных курганных некрополях появляются уступчатые каменные склепы боспорского образца со значительным влиянием фракийской строительной традиции. Крепость становится центром военной и экономической жизни региона, дав импульс появлению и развитию позднескифских населенных пунктов у внутренней гряды Крымских гор.

ЛИТЕРАТУРА

Зайцев Ю. П., 2015. Оборонительные сооружения крепости Ак-Кая в Центральном Крыму (эпоха эллинизма и римский период) // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности: к 70-летию В. П. Толстикова / Отв. ред. Д. В. Журавлев. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского. С. 164–173.

Зайцев Ю. П., Шкрибляк И. И., 2020. Скифский курган Сары-Кая 4/II в Предгорном Крыму // Археологическое наследие. Воронеж. № 1 (3): Античность. Скифы. Сарматы. С. 168–181.

Монахов С. Ю., 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.; Саратов: Киммерида: Изд-во Саратовского ун-та. 352 с.

Черненко Е. В., 1968. Скифский доспех. Киев: Наукова думка. 190 с.

Шкрибляк И. И., 2017. Склеп с уступчатым перекрытием в кургане № 293 на г. Плоская в Центральном Крыму // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований / Отв. ред. Ю. П. Зайцев. Симферополь: Тарпан. С. 133–138.

Garlan Y., 1999. Les timbres amphoriques de Thasos. I. Timbres Protothasiens et Thasiens ansiens. Athènes: École française d'Athènes. 340 p. (Etudes Thasiennes; XVIII) (Corpus International des Timbres Amphoriques; 6.)

Сведения об авторе

Шкрибляк Ирина Ивановна, Историко-архитектурный музей-заповедник «Неаполь Скифский», ул. Археологическая, 1, Симферополь, 295029; Республика Крым, Россия; e-mail: Vejde_v_l@mail.ru

I. I. Shkriblyak

SCYTHIAN ANTIQUITIES OF CENTRAL CRIMEA IN THE 5th – 4th CENTURIES BC: STUDIES OF THE RECENT DECADES

Abstract. The paper provides an overview of Scythian burial sites discovered since 2009 in Central Crimea during annual archaeological excavations of the Scythian Neapolis museum-preserve. All these sites are in-ground and stone constructions of the 5th–4th centuries BC covered by kurgans. Despite numerous cases of kurgan looting, a relatively narrow dating has been established for each site based on the analysis of transport amphorae, weapons and typology of stone funerary constructions. This region is characterized by high variability of main burial constructions that include in-ground pits, stone vaults, slab tombs and in-ground catacombs.

Keywords: Crimea, Scythians, burial rite, kurgans, amphora import, stone vault.

REFERENCES

Chernenko E. V., 1968. Skifskiy dospekh [Scythian armour]. Kiev: Naukova dumka. 190 p.

Monakhov S. Yu., 2003. Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiya amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoy tare [Greek amphorae in Pontic region. Typology of amphorae of the leading exporting centers of goods in ceramic containers]. Moscow; Saratov: Kimmerida: Saratovskiy universitet. 352 p.

Shkriblyak I. I., 2017. Sklep s ustupchatym perekrytiem v kurgane № 293 na g. Ploskaya v Tsentral'nom Krymu [Vault with stepped roofing in kurgan No. 293 on Ploskaya mt. in Central Crimea]. *Krym v epokhu ellinizma. Mezhkul'turnye protsessy po dannym noveyshikh arkheologicheskikh issledovaniy [Crimea in Hellenistic epoch. Intercultural processes according to the newest archaeological research data]*. Yu. P. Zaytsev, ed. Simferopol: Tarpan, pp. 133–138.

Zaytsev Yu. P., 2015. Oboronitel'nye sooruzheniya kreposti Ak-Kaya v tsentral'nom Krymu (epokha ellinizma i rimskiy period) [Defensive structures of fortress Ak-Kaya in Central Crimea (Hellenistic epoch and Roman period). *S Mitridata duet veter. Bospor i Prichernomor'e v antichnosti [Wind is blowing from Mithridates. Bosporus and Pontic region in Antiquity]*. D. V. Zhuravlev, ed. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo, pp. 164–173.

Zaytsev Yu. P., Shkriblyak I. I., 2020. Skifskiy kurgan Sary-Kaya 4/II v Predgornom Krymu [Scythian kurgan Sary-Kaya 4/II in Crimean foothills]. *Arkheologicheskoe nasledie [Archaeological heritage]*, 1 (3). Voronezh, pp. 168–181.

About the author

Shkriblyak Irina I., Historical and Archaeological Museum-Reserve «Naples Scythian», ul. Arkheologicheskaya, 1, Simferopol, 295029. Republic of Crimea, Russian Federation; e-mail: Vejde_v_l@mail.ru

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ И ДРЕВНЕРУССКИЙ ПЕРИОД» (МОСКВА, 29–30 НОЯБРЯ 2023 г.)

А. М. Воронцов, О. А. Хомякова

ВВЕДЕНИЕ

Резюме. Вступительная статья к разделу представляет серию материалов научной конференции «Актуальные проблемы археологии лесной зоны Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов и древнерусский период» (Москва, 29–30 ноября 2023 г.). Конференция была посвящена юбилею доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья Инны Васильевны Ислановой.

Ключевые слова: лесная зона Восточной Европы, эпоха Великого переселения народов, раннее Средневековье, Древнерусский период, научная конференция.

Археологические материалы I – начала II тыс. н. э. лесной зоны Восточной Европы, в частности ее обширной области, включающей Верхневолжье, Волго-Мстинский водораздел и верховья Западной Двины с притоками, имеют большое значение для изучения процессов расселения ранних славян и формирования Древнерусского государства. Рассмотрению актуальных проблем археологии лесной зоны Восточной Европы I – начала II тыс. была посвящена научная конференция, материалы которой публикуются в настоящем и следующем выпусках «Кратких сообщений Института археологии». Конференция проходила 29–30 ноября 2023 г. в Москве, в здании Института археологии РАН (ул. Кржижановского, 14, кор. 2). Она была организована отделом археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья. Основным организатором конференции являлся А. М. Обломский.

С древностями лесной зоны Восточной Европы связаны основные научные интересы Инны Васильевны Ислановой, 70-летний юбилей которой мы отмечали 28 ноября 2023 г.

Инна Васильевна родилась в 1953 г. в г. Раменское Московской обл. В 1977 г. успешно окончила обучение на кафедре археологии исторического факультета МГУ и приступила к своей профессиональной деятельности в Институте археологии РАН, где в настоящее время занимает должность ведущего научного

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.275.275-279

сотрудника отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья. В 1990 г. она защитила кандидатскую диссертацию «Население бассейна верхней и средней Мологи и верховьев Мсты в VI–XIII вв.», а в 2020 г. – докторскую диссертацию «Культурно-исторические процессы во II–VIII вв. н. э. в бассейнах Верхней Волги и Верхней Мсты». Является автором 7 монографий и более 150 научных статей; неоднократно была редактором монографий и сборников; выступала на множестве конференций – от региональных до международных, читает лекции студентам и ведет семинары; сотрудничает с отделом полевых исследований.

Научные исследования Инны Васильевны содержат детальный очерк этнокультурных процессов V–XI вв. от Приильменья до верховьев Волги. Для указанных территорий ею выделена серия культурных групп раннего Средневековья (Полужская, Ильменская, Мстинская, Удомельская, памятники типа Подол) и представлен новый подход к изучению происхождения и дальнейших судеб носителей культуры псковских длинных курганов. До ее исследований эта территория в археологическом отношении выглядела однородной и малоинтересной с точки зрения науки. Благодаря трудам и научным достижениям Инны Васильевны сегодня мы имеем достаточно сложную картину миграций и взаимодействия разнообразных групп населения в этом регионе, имевших значительное влияние на формирование древнерусской культуры.

Открыли конференцию Н. А. Макаров, А. В. Энговатова и А. М. Обломский, которые поздравили И. В. Исланову с юбилеем и отметили большое значение ее научных работ. А. В. Энговатова рассказала о большой роли юбиляра в проведении спасательных работ на территории Тверской области, в ходе которых было открыто и исследовано большое количество памятников.

Во время работы конференции специалистами из ИА РАН, ГИМ, музея Москвы (Москва), Тверского государственного университета, музея-заповедника «Куликово поле» (Тула), Коломенского археологического центра, Эрмитажа, ИИМК РАН, СПбГУ (Санкт-Петербург), Смоленского музея (Смоленск) были прочитаны 28 докладов и представлено два постера.

Е. В. Лагуткина, А. В. Лагуткин (Тверь) представили доклад о новых исследованиях памятников раннего железного века на Верхней Волге, открытых экспедицией Тверского госуниверситета, в частности о городище раннего железного века Игутьево 1, содержащего материалы раннедьяковской культуры.

Е. В. Столяров и А. М. Воронцов (Тула) сделали предварительное сообщение о кладе украшений середины I – начала II в., найденном в Тульской области около д. Барыбинка, и результатах исследований, проведенных на месте находки.

А. С. Сыроватко (Коломна) в докладе, посвященном новым данным о городищах финала раннего железного века на р. Осетр, рассмотрел комплекс предметов, появление которого на верхней Оке связывается с событиями так называемой «войны I в. н. э.».

О. А. Радюш (Москва) сделал обзор предметов вооружения западного происхождения в лесной зоне Восточной Европы II–III вв., появление которых было связано с рядом сложных историко-культурных процессов, связанных с проникновением воинских группировок из Центральной Европы и формированием горизонта древностей круга восточноевропейских выемчатых эмалей.

Н. А. Биркина, И. Р. Ахмедов и В. Г. Черненко (Москва, Санкт-Петербург) в своем докладе рассмотрели комплекс клада с Дьяковского городища, переданного Д. Я. Самоквасовым в фонды Государственного исторического музея. Анализ учетной документации позволил восстановить изначальный состав части клада, попавшей в музейное собрание и сделать выводы о его культурно-хронологической атрибуции.

А. М. Обломский (Москва) продемонстрировал ряд интереснейших находок, полученных в результате полевых исследований Раннеславянской экспедиции в 2023 г. на раннесредневековых памятниках в бассейне р. Ворона.

О. С. Румянцева и А. В. Чугаев (Москва) представили результаты естественно-научных исследований (изотопов свинца в составе металла) предметов круга восточноевропейских выемчатых эмалей, которые позволили сделать ряд интересных выводов об их происхождении.

Е. Ю. Тавлинцева (Москва) проанализировала литейные формы для изготовления свинцово-оловянных украшений с позднедьяковских памятников бассейна Москвы-реки.

О. А. Щеглова и О. И. Зорина (Санкт-Петербург, Курск) представили результаты изучения свинцово-оловянных слитков из Второго Уланковского клада, найденного в Суджанском районе Курской области, в контексте синхронных древностей.

С. Е. Андреев (Тверь) посвятил доклад жилищам городища Орлов Городок. В докладе был представлен повторный анализ полевой документации и реконструкция данных.

Н. А. Кренке (Москва) сделал доклад о результатах новых раскопок на городище Демидовка, которые дают данные о фортификации и постройках на указанном городище.

В. В. Бегунова и Н. В. Лопатин (Смоленск, Москва) рассмотрели новые данные к интерпретации керамического комплекса верхнего слоя городища Демидовка.

Н. В. Жилина и А. М. Жилин (Москва) представили доклад, посвященный изучению систем орнаментации в древностях восточнославянского мира VI–IX вв., этапам и особенностям их развития.

О. А. Хомякова (Москва) рассмотрела корпус находок браслетов с расширенными концами V–VII вв., изготовленных из бронзы, с территории западной части Восточно-Европейской равнины и Прибалтики. Были выделены линии развития, как характерные для всех указанных территорий, так и региональные, связанные с производством массовых форм украшений.

И. О. Гавритухин (Москва) представил панораму материалов пражской культуры, которые свидетельствуют о ее связях с северными раннеславянскими культурами.

В. Е. Родинкова (Москва) сделала доклад о проблемах изучения браслетов с расширенными концами V–VII вв. с территории Поднепровья. Ею был представлен широкий круг материалов днепровских кладов первой группы, в числе которых были и новые, ранее не публиковавшиеся материалы.

Е. Р. Михайлова и В. Ю. Соболев (Санкт-Петербург) сделали доклад, посвященный памятникам культуры длинных курганов в бассейне Верхней Плюссы.

В результате анализа сделаны интересные новые выводы об их пространственном распределении на указанной территории.

В продолжении темы Е. Р. Михайлова обратилась к рассмотрению данных о городищах культуры псковских длинных курганов и представила некоторые выводы об их топографии и использовании.

М. В. Добровольская (Москва) привела результаты биоархеологических исследований кремаций второй половины I тыс. н. э., полученные в результате новейших комплексных исследований в верховьях Волги, Западной Двины и Днепра.

В следующем докладе М. В. Добровольская совместно с А. Л. Смирновым и Е. О. Челогаевой (Москва) подробно представили результаты археологических и естественно-научных работ 2023 г. на комплексе памятников Бервенец.

В. С. Нефёдов (Москва) сделал доклад, посвященный постройкам конца I тыс. н. э., раскопанным на селище Подснежники (Новосёлки) в окрестностях Гнёздова.

Серия докладов специалистов из Санкт-Петербурга была посвящена Старой Ладоге. Н. И. Платонова сделала обзор материалов в контексте синхронных древностей Северо-Запада VII–IX вв. Т. Б. Сеничекова посвятила свой доклад некоторым особенностям керамического комплекса Старой Ладоги и попытке выявить отдельные составляющие формирующейся древнерусской культуры. Н. В. Григорьева и М. С. Павлова представили сведения о находках так называемого салтовского круга древностей с территории Ладожского поселения и его округи, в том числе и не публиковавшихся ранее.

Н. В. Хвощинская и А. В. Плохов (Санкт-Петербург) в своем докладе рассмотрели вопросы планиграфии Рюрикова городища в эпоху викингов.

Ю. В. Степанова (Санкт-Петербург) проанализировала финно-угорские элементы в костюме населения Верхневолжья XI–XII вв.

И. И. Еремеев (Санкт-Петербург) представил материалы к сравнительному изучению топографии древнерусских городов Подвинья – Полоцка, Витебска, Усвят и Торопца в сравнении с летописными данными.

В постерных докладах были представлены новые сведения о поселениях культуры псковских длинных курганов в Верхнем Полужье (М. И. Бажин, Санкт-Петербург) и традиции сооружения деревянных оградок в погребальных памятниках раннего Средневековья на территории Восточной Европы (Е. О. Челогаева, Москва).

Представленные на конференции доклады вызвали интерес у аудитории, ряд вопросов стал предметом оживленной дискуссии. Представленные в докладах и статьях новые материалы существенно расширяют наши знания об археологии лесной зоны Восточной Европы в I – начале II тыс.

По итогам работы конференции участниками была подготовлена серия статей, часть из которых публикуются в настоящем выпуске. Вторая подборка статей по материалам конференции запланирована для публикации в следующем выпуске КСИА.

Сведения об авторах

Воронцов Алексей Михайлович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: amvorontsov@gmail.com;

Хомякова Ольга Алексеевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: olga_homiakova@gmail.com

A. M. Vorontsov, O. A. Khomyakova

INTRODUCTION

Abstract. The introductory article presents a series of materials from the scientific conference «Proceedings of the scientific conference «Topical problems of archaeology of the forest zone of Eastern Europe in the Great Migration and Ancient Russian periods» (Moscow, November 29–30, 2023). The meeting was dedicated to the anniversary of the Doctor of Historical Sciences, leading researcher at the Department of archaeology of the Great Migration period and the Early Middle Ages at the Institute of Archaeology, RAS, Inna Vasilyevna Islanova.

Keywords: forest zone of Eastern Europe, Great Migration period, Early Middle Ages, Ancient Russian period, scientific conference.

About the authors

Vorontsov Aleksey M., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, soul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: amvorontsov@gmail.com;

Khomyakova Olga A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, soul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: olga.homiakova@gmail.com

А. М. Воронцов, Е. В. Столяров

БАРЫБИНСКИЙ КЛАД ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I – НАЧАЛА II ВЕКА (ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ)[1]

Резюме. В статье публикуется клад украшений, найденный в результате незаконных раскопок в Тульской области около дер. Барыбинка. В его составе около 1500 предметов, сделанных из серебра, бронзы, стекла. Раскопками на месте находки клада было установлено, что он был сокрыт в заброшенной постройке на памятнике типа Упа 2. Наиболее статусные вещи выполнены в технике ковки с последующим нанесением орнамента пуансоном. Такие украшения характерны для памятников верхнего и среднего Поочья середины I – первой половины III в. Клад демонстрирует наиболее комплектный набор украшений этого стиля на этапе его становления.

Ключевые слова: Окско-Донской водораздел, памятники типа Упа 2, памятники типа Ново-Клеймёново, фибула типа Авцисса, височные кольца с лопастью, многовитковые браслеты.

Клад был найден в 2020 г. в результате незаконных раскопок с применением металлодетектора на территории муниципального образования г. Тула (бывший Ленинский р-н Тульской обл.) около дер. Барыбинка. В 2022 г. сотрудниками УФСБ по Тульской области была пресечена попытка его продажи на черном рынке. Клад был изъят у находчика и, по результатам судебного заседания, передан в фонды Государственного музея-заповедника «Куликово поле», где в настоящее время и хранится (ГМЗ-КП-2029/1-1544).

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения НИР ИА РАН по теме «Панорама историко-культурных процессов на территории Восточной Европы в римское время и эпоху Великого переселения народов по археологическим данным (I–VII вв.)» (№ НИОКТР 122011200267-0).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.275.280-295

Летом 2022 г. в ходе проверки сведений о нахождении клада сотрудниками музея-заповедника был выявлен памятник археологии «Барыбинка. Селище 1» (рис. 1: *I, 1*). В его западной части, практически на склоне оврага, было зафиксировано грабительское разрытие – крупная яма размерами 0,75 × 0,8 м и глубиной до 0,7 м. Согласно полученным сведениям, подтвержденным показаниями находчика, сделанными в ходе следствия, именно в этой яме на глубине около 0,4 м и был найден клад. Находчики возвращались на это место перед попыткой продажи и значительно расширили разрытие для проверки полноты выборки находок.

Шурф площадью 1 кв. м, заложенный на месте разрытия, позволил выделить два периода бытования поселения – памятник типа Упа 2 (I в. до н. э. – I в. н. э.) и эпохи Средневековья (XIV–XV вв.). В 2023 г. с целью изучения места сокрытия клада на селище был заложен раскоп площадью 12 кв. м (*Столяров*, 2023б). В ходе работ было установлено, что он был спрятан в котловане наземной постройки столбовой конструкции (рис. 1: *III*).

Постройка относится к слою памятника типа Упа 2. Среди находок необходимо отметить небольшую бронзовую сюльгаму (рис. 1: *II, 1*) и фрагменты груболепных сосудов с примесью дробленого известняка в качестве отощителя (рис. 2: *6–10*). Аналогичные сосуды характерны для памятников типа Упа 2, которые датируются в рамках I в. до н. э. – I в. н. э., не исключая начала II в. (*Столяров*, 2012. С. 85–86). Постройка не содержит слоя пожара и, судя по характеру заполнения и фрагментированности керамического материала, была заброшена.

Рядом с раскопом, на склоне оврага, был найден трехлопастной железный наконечник стрелы (рис. 1: *II, 2*). Такие наконечники, характерные для среднесарматской культуры, в большом количестве найдены на памятниках типа Упа 2, на которых прослежен горизонт пожаров середины I в. н. э., связанный с экспансией в лесную зону лесостепного населения (*Воронцов, Столяров*, 2019. С. 57, 69. Рис. 8: *8–13*; 9: *7–9*; 10: *9*; *Столяров*, 2023а. С. 74, 78. Рис. 1: *2*; 4: *1–11*).

Вместе с кладом у находчиков было изъято донце груболепного горшка с примесью дресвы в тесте диаметром 13 см и высотой стенок до 6,5 см (рис. 2: *4*). При разбивке раскопа в 2023 г. недалеко от грабительской ямы был найден втоптанный в дерн пакет, по всей видимости, брошенный грабителями в 2020 г. В нем содержались фрагменты одного груболепного горшка, в том числе несколько фрагментов высоких отогнутых наружу венчиков (рис. 2: *1–3, 5*). Некоторые из фрагментов позже были подклеены к вышеописанному донцу. К сожалению, горшок был практически полностью уничтожен грабителями в ходе извлечения клада из земли. Во фрагментах сохранилось не более 15 % от общего объема сосуда.

Таким образом, клад изначально находился в груболепном горшке (анализ его культурной принадлежности будет приведен ниже) и был помещен внутрь котлована заброшенной постройки.

Состав клада

Многовитковое бронзовое украшение (рис. 3: *1*). Высота изделия – около 16 см. Представляет собой согнутый в спираль дрот круглого сечения (4 витка, диаметр витка – около 16 см, диаметр дрота – 0,35–0,38 см), оба конца которого

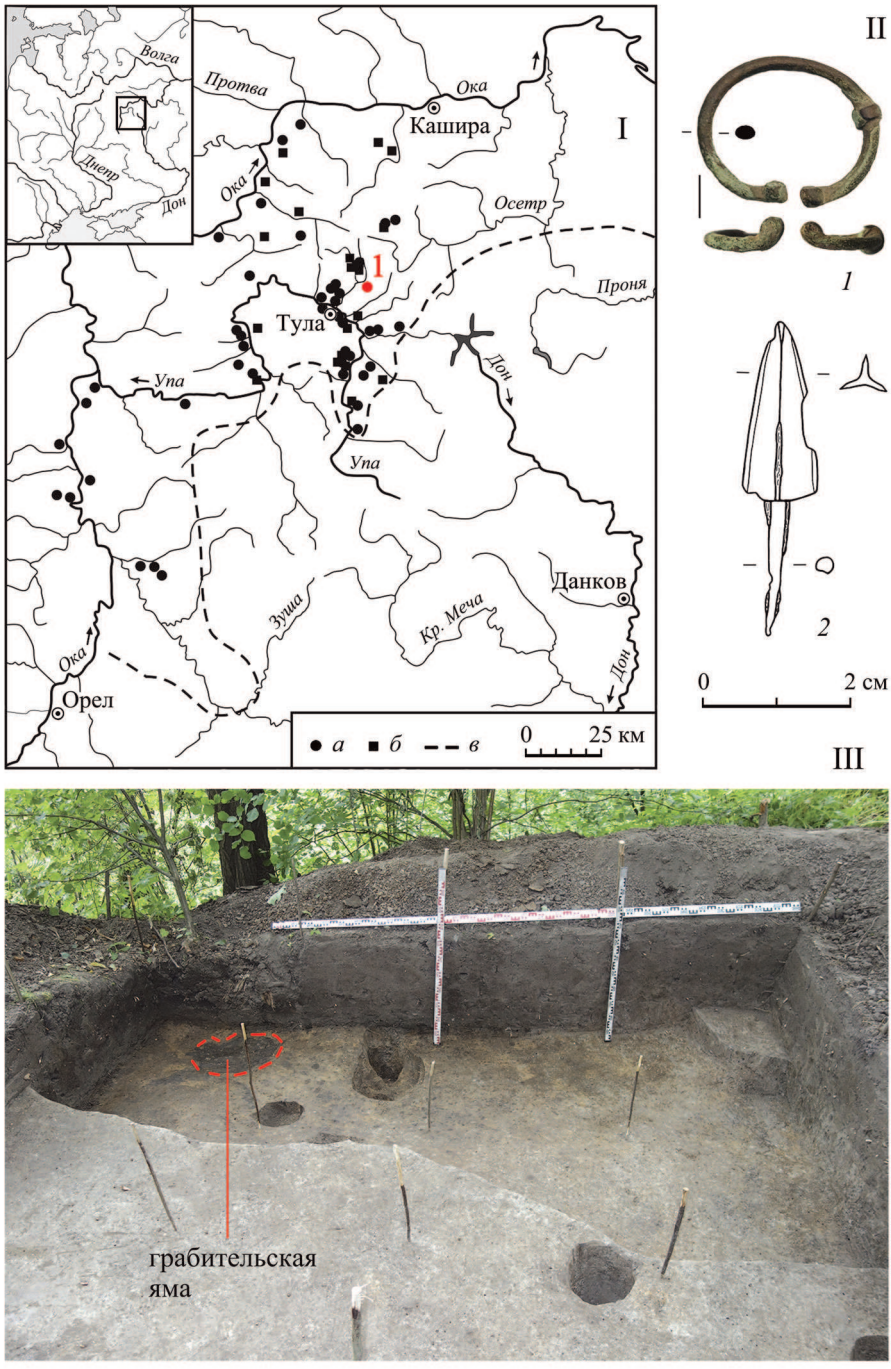


Рис. 1. Изучение места находки Барыбинского клада

I – место находки клада (1) в контексте памятников типа Упа 2; *II* – находки, полученные при исследованиях. Кольцевидная бронзовая фибула из раскопанной постройки (*1*) и железный наконечник стрелы (*2*), найденный на склоне оврага рядом с раскопом; *III* – постройка после выборки

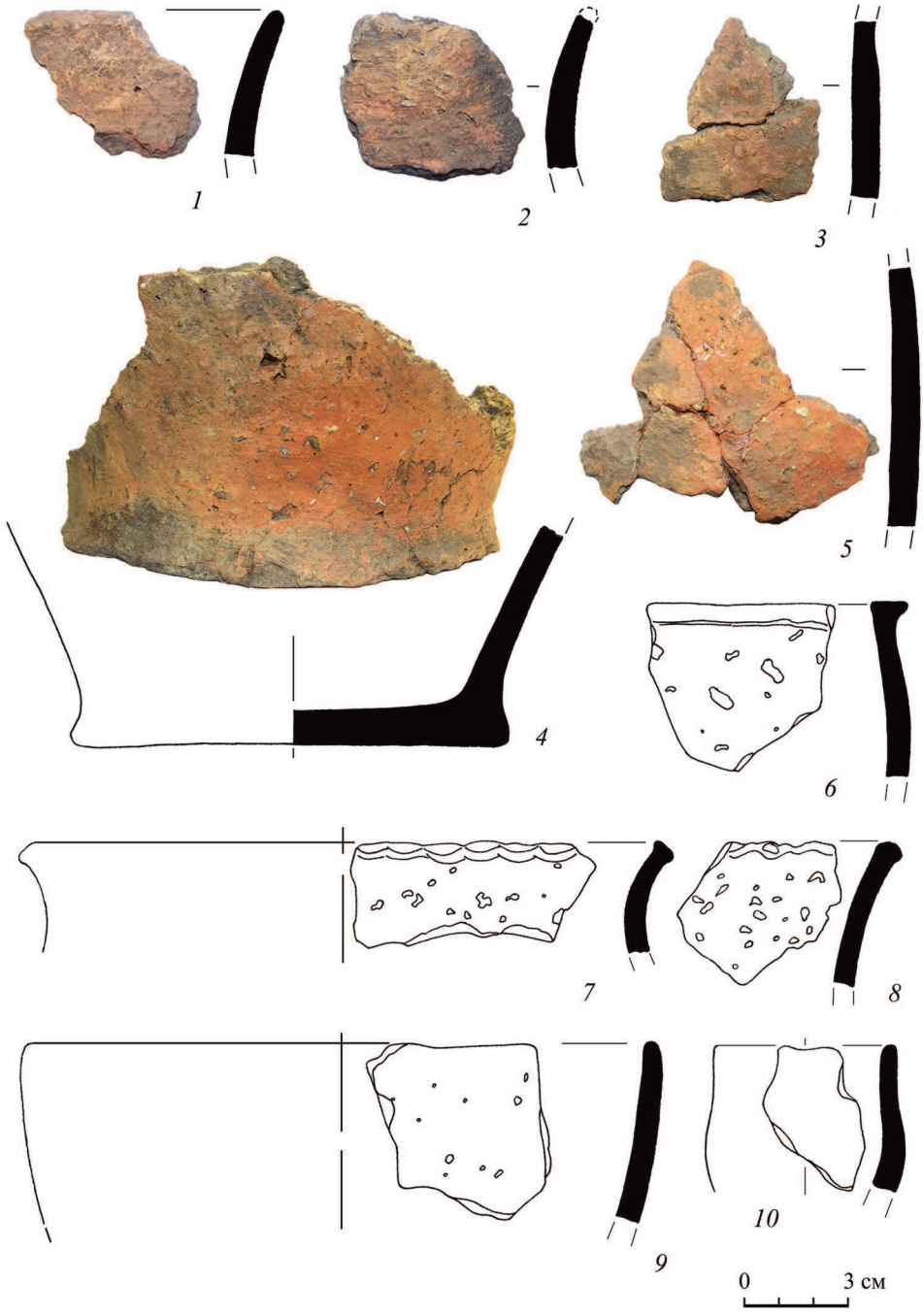


Рис. 2. Фрагменты лепного горшка, связанного с кладом (*1–5*), и лепная керамика из изученной постройки (*6–10*)

Рис. 3. Предметы из клада

1 – многовитковое украшение; *2–5* – височные кольца с лопастью; *6* – дротовый браслет; *7, 8* – многовитковые браслеты; *9, 10* – многовитковые перстни

1, 6–10 – бронза; *2–5* – серебро

раскованы в пластины (толщина – около 0,1 см), расширяющиеся в средней части (максимальная ширина – 3,5–3,7 см). Внешний край пластин узкий, массивный, отвертковидный. На пластины нанесен орнамент: по краям одна линия точечного орнамента, нанесенного пуансоном с внутренней стороны, по середине одна линия точечного орнамента, нанесенного пуансоном с внешней стороны, и по шесть крупных круглых выпуклостей (порядок 1:2:2:1), окруженных одним рядом точечного орнамента, нанесенного пуансоном с внешней стороны.

Полных аналогий этому предмету неизвестно, но предметы, изготовленные в этой стилистике (височные кольца с лопастью и многовитковые браслеты с окончанием в виде лопастей), найдены в составе Барыбинского клада и рассматриваются ниже. Это, несомненно, законченное изделие, а не полуфабрикат. Интерпретировать его можно либо как очень широкий многовитковый браслет, либо как украшение головного убора, вероятно, имевшего тканевую основу.

Височные серебряные кольца с лопастью (4 экз.) (рис. 3: *2–5*). Представляют собой согнутый в спираль дрот округлого сечения (2,5 витка, толщина дрота – 0,15–0,18 см), один конец которого раскован в пластину-лопасть каплевидной формы (толщина – около 0,05–0,07 см, максимальная ширина – 2,1 см).

В кладе две пары колец – орнаментированная (несколько более крупные, диаметр – около 3,6 см) и неорнаментированная (диаметр – около 3,1 см). Орнамент представляет собой четыре крупные круглые выпуклости, окруженные одним рядом точечного орнамента, нанесенного пуансоном с внешней стороны. Выпуклости расположены в порядке 1:2:1. У одного из неорнаментированных колец пластина была сломана в древности у места перехода в дрот и соединена внахлест с помощью одной железной заклепки.

Такие украшения появляются на верхней и средней Оке в I в. н. э., известны на Окско-Донском водоразделе среди материалов памятников типа Ново-Клеймёново до середины III в., а среди материалов рязано-окских могильников – до начала V в. (*Ахмедов*, 2020б. С. 154–156. Рис. 6).

Наиболее близкие неорнаментированной паре колец происходят с городища Страхово 2 (памятник типа Упа 2), расположенного в непосредственной близости от Барыбинки, из постройки, относящейся к горизонту середины I в. н. э. (*Столяров*, 2023а. С. 74. Рис. 4: *19*). Наиболее близкая орнаментированной паре датированная находка происходит из постройки второй половины II – начала III в., изученной на городище Супруты (горизонт памятника типа Ново-Клеймёново) (*Воронцов*, 2013. С. 19–20. Рис. 57: *2*).

Браслет бронзовый дротовый, разомкнутый (рис. 3: *6*). Представляет собой согнутый в круг (6,5 × 7 см) дрот округлого сечения (сечение 0,2 × 0,3 см), заканчивающийся овальными шишечками.

Полная аналогия этому предмету происходит из разрушенного погребения Андреевского кургана (*Гришаков, Зубов*, 2009. С. 27. Рис. 20: *9*). Насколько можно судить по схематичным рисункам, близкие изделия известны в сарматских погребениях середины I – начала II в. н. э. в лесостепном Подонье (*Медведев*, 2008. С. 43. Рис. 47: *8, 10*).

Браслеты многовитковые, бронза (2 экз.) (рис. 3: *7, 8*). Высота изделий – 15 и 14,5 см. Оба браслета представляют собой согнутый в спираль дрот полукруглого сечения (15 витков, диаметр витка – около 6–6,5 см, сечение дрота – 0,45 × 0,2 см), оба конца которого раскованы в пластины треугольного сечения с продольным ребром посередине (толщина – около 0,15 см), расширяющиеся в средней части (максимальная ширина – 1 см). Оканчиваются простым сужением пластины. На пластины нанесен орнамент: по краям одна линия точечного орнамента, нанесенного пуансоном с внутренней стороны.

Многовитковые браслеты распространены достаточно широко территориально и хронологически. Известны они и в составе кладов первых веков нашей эры на позднедьяковских памятниках, например, в кладе, найденном на Щербинском городище (*Дубынин*, 1974. Табл. XXVII: *8, 10*). Наиболее близким изделием по количеству витков и оформлению пластин (форма, наличие продольного ребра и орнаментация) является браслет с городища Подмоклово (*Успенская*, 1971. С. 160. Рис. 1: *3*). В настоящее время он доступен для изучения в основной экспозиции ГИМ.

Перстни спиральные, бронза (2 экз.) (рис. 3: *9, 10*). Представляют собой дрот прямоугольного сечения (0,2 × 0,1 см; 0,15 × 0,1 см), свернутый в 7,5 и 4,5 оборота соответственно. Диаметр – 2,0 и 1,9 см, высота – 2,3 и 1,2 см. Аналогичные украшения известны в древностях позднедьяковской культуры. (*Розенфельдт*, 1982. С. 91–93).

Плоские круглые бронзовые бляшки с петлями для крепления на обороте (7 экз.) (рис. 4: *1–7*). Внешняя поверхность ровная, на обороте с одной стороны – две петли рядом, с противоположной – также или на расстоянии около 1 см друг от друга. У одной бляшки на обороте с одной стороны три петли рядом, с противоположной – одна большая петля. У самой маленькой из них – по одной петле с двух сторон. Диаметр бляшек – от 2,3 до 6 см, толщина пластины – 0,1 см, толщина с петлями – около 0,5–0,7 см. Аналогичные украшения найдены на памятниках типа Упа 2 с выраженным горизонтом середины I в. н. э. (*Воронцов, Столяров*, 2019. С. 52, 65. Рис. 5: *3*; 13: *6*). Известны они и в кладе с позднедьяковского городища Алтухово, а также в погребениях Андреевского кургана (*Тавлинцева, Кренке*, 2017. С. 186. Рис. 3: *1–3*; *Гришаков, Зубов*, 2009. С. 26. Рис. 20: *10*; 21: *6, 8*).

Бляшка плоская круглая с центральным отверстием для крепления, бронза (рис. 4: *8*). Отверстие аморфной формы, орнаментации нет. Край неровный. Диаметр – 2,5 см, толщина – 0,1 см.

Аналогичные украшения найдены в Ныргындинском могильнике, где датируются II–III вв. (*Голдина, Красноперов*, 2012. С. 65. Табл. 6: *15–24*).

Умбоновидные круглые бляшки с отверстием в центре, внешним плоским полем и выпуклой средней частью, бронза (2 экз.) (рис. 4: *9, 10*). Имеют точечный орнамент, выполненный пуансоном. Одна линия точек расположена по краю, вторая – по периметру центральной выпуклой части. На более мелкой бляшке (диаметр – 2,6 см, диаметр выпуклой части – 1,2 см) пуансон нанесен с лицевой части, на более крупной (диаметр – 4,6 см, диаметр выпуклой части – 1,8 см) – изнутри.

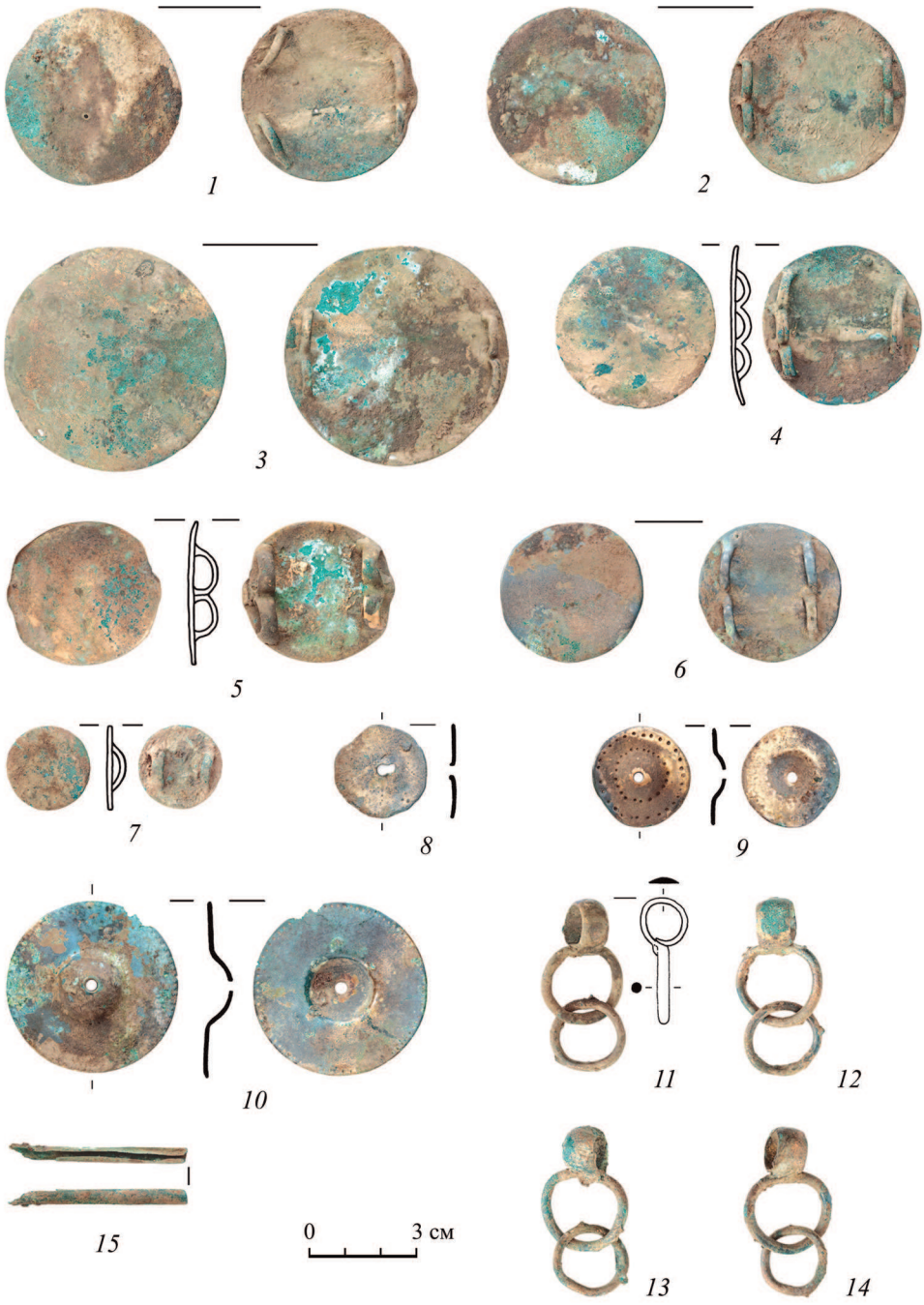


Рис. 4. Предметы из клада

1–7 – плоские бляшки с петлями на обороте; *8* – плоская бляшка с отверстием в центре; *9, 10* – умбоновидные бляшки с отверстием в центре; *11–14* – подвески с одним неподвижным кольцом и дополнительным подвижным кольцом; *15* – пронизка трубочка

1–15 – бронза

Аналогичные украшения найдены на памятниках типа Упа 2 и связаны с горизонтом середины I в. н. э. (*Воронцов, Столяров*, 2019. С. 61. Рис. 14: *4–7*).

Подвески с одним неподвижным кольцом и дополнительным подвижным кольцом, бронза (4 экз.) (рис. 4: *11–14*). Литые изделия имеют круглую основу сегментовидного сечения (диаметр – 1,2–1,3 см, ширина – 0,8–0,9 см), расположенное перпендикулярно ей неподвижное кольцо круглого сечения (диаметр – 2,3–2,4 см, сечение – 0,3 см) и надетое на него подвижное кольцо круглого сечения (диаметр – 1,9–2,0 см, сечение – 0,3 см).

Близкое изделие найдено на городище Страхово 2, памятнике типа Упа 2, расположенном в непосредственной близости от Барыбинки, и связано с горизонтом середины I в. н. э. (Там же. С. 58–59. Рис. 13: *9*).

Пронизка трубочка, бронза (рис. 4: *15*). Представляет собой свернутую в трубку тонкую пластину (толщина – 0,05 см). Не орнаментирована. Длина – 4,9 см, диаметр – 0,4 см. Аналогичные украшения известны в древностях дьяковской культуры I–III вв. (*Дубынин*, 1974. С. 268. Табл. XIV: *13*).

Разделители кожаных шнурков Т-образной формы, бронза (2 экз.) (рис. 5: *1, 2*). С внешней стороны идет ложновитой продольный элемент, с одной стороны ограниченный круглой плоской кнопкой, с другой – полусферической бляшкой с кантом, на обратной стороне которого канал для шнурка, перекрытый двумя перемычками. Далее – две расположенные перпендикулярно полусферические бляшки с кантом, ограниченные узким стержнем с внешней стороны. На обратной стороне бляшек – перемычки для двух шнуров. Длина – 4,6 см, максимальная ширина – 2,6–2,8 см.

Полных аналогий им подобрать не удалось, но они, безусловно, стилистически близки многим верхнеокским изделиям, изготовленным в технике литья по восковой модели.

Стержневидные бронзовые пронизки, полукруглые, с задними перекладинами, в три полутрубицы (2 экз.) (рис. 5: *3, 4*). Внешняя поверхность ложновитая, на обороте две перемычки по коротким краям. Длина – 3,4 см, ширина – 2,1 см, толщина – 0,5 см.

Близкие изделия известны на позднедьяковских памятниках, а также найдены на памятниках чегандинской культуры, где датируются II в. (*Кренке*, 2011. С. 57. Рис. 139: 852–84, 23–83; *Генинг*, 1988. Рис. 4: *105*).

Ворворки бронзовые, конические (7 экз.) (рис. 5: *5–11*). Представляют собой тонкое (0,05 см) коническое изделие, имеющее сквозной канал с валикообразным утолщением в узкой части. У одного экземпляра (рис. 5: *10*) широкая часть имеет обрамление горизонтальным полем по кругу. Максимальный диаметр – 0,9 или 1,0 см, минимальный – 0,4 см, высота – 1,5 или 1,7 см. Аналогичные украшения происходят с Милоградского городища, из жилища I в. (*Мельниковская*, 1967. С. 75. Рис. 31: *18*).

Фрагменты бронзового дрота (рис. 5: *12*). Представляют собой сохранившийся в обломках (6 фрагментов) дрот прямоугольного сечения (от 0,3 × 0,2 см до 0,6 × 0,3 см), в двух случаях с раскованными концами (максимальная ширина – 1,6 см). К одному из фрагментов прикипела железная заклепка с бронзовой шайбой.

Рис. 5. Предметы из клада

1, 2 – разделители кожаных шнурков Т-образной формы; *3, 4* – стержневидные пронизки, полукруглые, с задними перекладинами, в три полутрубицы; *5–11* – ворворки; *12* – фрагменты бронзового дрота; *13* – комплекс из 74 пронизок с фрагментами кожаного шнурка; *14* – снизка из 1389 колечек

1–14 – бронза

Комплекс из 74 пронизок с фрагментами кожаного шнурка (рис. 5: *13*). Пять пронизок в ряд и одна одиночная сохранились на фрагментах шнурка. Кроме того, сохранилось шесть его отдельных фрагментов. Все пронизки имеют сегментовидную форму или близкую ей, длина – 0,8–0,9 см, высота – 0,40–0,55 см, внешняя выгнутая поверхность имеет плоское сегментовидное сечение высотой около 0,1 см, перемычка на обороте – плоская и обычно более узкая. 46 пронизок имеют более узкую внешнюю поверхность – шириной 0,3–0,4 см, 26 – более широкую – 0,6–0,7 см. Именно они сохранились нанизанными на шнурок. Еще две пронизки имеют форму, близкую овальной, и согнуты из пластины со сведенными в центре оборотной стороны концами.

Наиболее близкой аналогией нашим находкам являются пронизки (21 шт.) из клада украшений I–II вв. с дьяковского городища Дютьково (*Кренке и др.*, 2011. С. 146. Рис. 4: *А, 17–37*). Также такие пронизки известны в I Ныргындинском могильнике (Удмуртия) в погребениях II–III вв. (*Голдина, Красноперов*, 2012. С. 80. Табл. XXI: *104–143*).

Бронзовые колечки (1389 экз.) (рис. 5: *14*). Кольца свернуты из дрота сегментовидного сечения, соединены внахлест и спаяны. Диаметр колец – 0,8–0,88 см, ширина – 0,28–0,35 см, толщина – около 0,1 см.

Аналогичные колечки (472 экз.) происходят из клада украшений I–II вв. с дьяковского городища Дютьково (*Кренке и др.*, 2011. С. 146. Рис. 4: *Б, 1–28, 39*), из клада III в. с городища Алтухово (66 экз.) (*Тавлинцева, Кренке*, 2017. С. 187. Рис. 1: *33–45*) и известны в I Ныргындинском могильнике (Удмуртия) в погребениях II–III вв. (*Голдина, Красноперов*, 2012. С. 80. Табл. XXI: *155, 156*).

Римская шарнирная бронзовая фибула типа Авцисса (рис. 6: *1*). С двумя фигурами в виде кружков на передней площадке, массивной дуговидной спинкой, украшенной литым орнаментом. Ножка, постепенно сужаясь, переходит в заостренное окончание, на которое насажена полусферическая кнопка. Приемник сплошной. Длина – 4,9 см.

Эти фибулы характерны для памятников степной, лесной и лесостепной зон Центральной России финальной части среднесарматского времени и ранней части позднесарматского периода (вторая половина I – первая половина II в.). Наиболее полная свежая сводка находок, найденных на памятниках Поочья, Посурья и Подонья, сделана И. Р. Ахмедовым (*Ахмедов*, 2020а).

Стеклянные бусины (41 экз.) (рис. 6: *2*). Большинство бусин – золотостеклянные боченковидные, 27 имеют диаметр около 0,9 см, одна такая бусина двучастная, 10 имеют больший диаметр – 1,3 см. Кроме того, найдена одна 14-гранная крупная бусина светло-зеленого цвета (1,7 × 1,8 см) и еще одна крупная 14-гранная бусина желтого стекла (1,6 × 1,6 см).

Золотостеклянные бусины распространены очень широко, наиболее близкие территориально находки известны на памятниках дьяковской культуры, где они датируются II–III вв., в том числе в составе клада с городища Алтухово, в ранних погребениях рязано-окских могильников, а также на синхронных памятниках типа Ново-Клеймёново (*Кренке*, 2011. С. 83–85. Рис. 17–18; *Тавлинцева, Кренке*, 2017. С. 188. Рис. 1: *18–21*; *Воронцов*, 2013. С. 21. Рис. 34а: *2*). Массивные одноцветные 14-гранные бусы характерны для I–II вв. н. э. (*Алексеева*, 1978. С. 62. Табл. 33).

Рис. 6. Предметы из клада

1 – фибула типа Авцисса; *2* – стеклянные бусины

1 – бронза; *2* – стекло

Культурно-исторический контекст и датировка клада

Предварительный анализ изделий из клада позволяет сделать ряд наблюдений. Наиболее статусные вещи, такие как уникальное многовитковое украшение (возможно, часть головного убора), многовитковые браслеты и височные кольца с лопастью (рис. 3: *1–5, 7, 8*), выполнены в технике ковки с последующим нанесением орнамента пуансоном. Украшения, выполненные в этом стиле, характерны для памятников верхнего и среднего Поочья финальной части среднесарматского времени и ранней части позднесарматского периода (середина I – первая половина III в.). Наиболее поздние из них (височные кольца с лопастью) известны в древностях рязано-окских могильников вплоть до начала гуннского времени. Барыбинский клад демонстрирует наиболее комплектный набор украшений этого стиля на этапе его становления. Судя по всему, к этому же набору относятся многовитковые перстни и умбоновидные бляшки (рис. 3: *9, 10*; 4: *9, 10*).

Другая часть предметов (в основном бляшки, пронизки, ворворки и т. д. – вероятно, части ожерелья и металлические детали одежды) изготовлена в технике литья по восковой модели (рис. 4: *1–7, 11–14*; 5: *1–11, 13, 14*). Эта техника была наиболее популярна для предшествующего депонированию клада времени – эпохе раннего железного века лесной и лесостепной зон европейской части России.

Обращает на себя внимание лепной горшок, в который был положен клад (рис. 2: *1–5*). Судя по оформлению венчика – прямой, высокий, отогнутый наружу, – данная керамическая традиция не имеет прямых аналогий в керамике памятников типа Упа 2, но находит отдаленные параллели в древностях сменяющих их памятников типа Ново-Клеймёново (II – середина III в.) (*Воронцов*, 2013. С. 21–22). Это наблюдение, возможно, подчеркивает некий переходный этап и преемственность в развитии древностей первых веков н. э. на территории Окско-Донского водораздела.

Кроме вышеперечисленных категорий вещей в Барыбинском кладе содержится небольшое количество импортных вещей, связанных с «сарматским миром», – фибула типа Авцисса и стеклянные бусы (рис. 6).

Относительно датировки клада необходимо обратить внимание на следующие соображения. Он был сокрыт в заброшенной, но, вероятно, еще существовавшей в виде руины постройке памятника типа Упа 2 (I в. до н. э. – I в. н. э.), о чем говорит помещение горшка с кладом в ее котлован. В составе клада присутствует фибула типа Авцисса, датируемая в рамках второй половины I – первой половины II в. В кладе присутствуют две пары височных колец с лопастью, одна из которых (неорнаментированная) находит аналогии на памятниках типа Упа 2, имеющих выраженный горизонт пожара середины I в. н. э., другая – орнаментированная – аналогична находке из постройки второй половины II – начала III в., относящейся к горизонту памятника типа Ново-Клеймёново. Горшок, в котором был сокрыт клад, как было отмечено выше, не имеет прямых аналогий в керамике памятников типа Упа 2 и ближе к сосудам с памятников типа Ново-Клеймёново.

Таким образом, наиболее вероятное время сокрытия клада, на основании анализа всего вещевого комплекса, определяется в рамках второй половины I – начала II в., при этом не исключено, что верхняя дата может быть шире, вплоть до середины II в.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е. М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука. 114 с. (САИ; вып. Г1-12.)

Ахмедов И. Р., 2020а. Фибулы «AVCISSA» в Посурье и Поочье // История вещей – история и вещи: к 60-летнему юбилею И. О. Гавритухина / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 36–58. (РСМ; вып. 20.)

Ахмедов И. Р., 2020б. «Реликтовые» формы украшений из Елшинского клада VII в. н. э. // «На одно крыло – серебряная, На другое – золотая»: сб. ст. памяти Светланы Рябцевой / Отв. ред.: Р. А. Рабинович, Н. П. Тельнов. Кишинев: Высшая антропологическая школа. С. 151–162.

Воронцов А. М., 2013. Культурно-хронологические горизонты памятников II–V веков на территории Окско-Донского водораздела. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». 173 с.

Воронцов А. М., Столяров Е. В., 2019. Война I века на границе лесной зоны: Окско-Донской водораздел // SP. № 4. С. 51–74.

Генинг В. Ф., 1988. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. Пьяноборская эпоха III в. до н. э. – II в. н. э. М.: Наука. 239 с.

Голдина Р. Д., Красноперов А. А., 2012. Конструктивная и хронологическая классификация материалов Ныргындинского I могильника II–III вв. // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. – XV в. н. э.): хронологическая атрибуция / Отв. ред. Р. Д. Голдина. Ижевск: Удмуртский ун-т. С. 9–104. (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции; т. 25.)

Гришаков В. В., Зубов С. Э., 2009. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань: Ин-т истории АН Республики Татарстан. 173 с.

Дубынин А. Ф., 1974. Щербинское городище // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю. А. Краснов. М.: Наука. С. 198–281.

Кренке Н. А., 2011. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН. 546 с.

Кренке Н. А., Лазукин А. В., Тавлинцева Е. Ю., 2011. Клад украшений с городища Дютьково // РА. № 1. С. 134–148.

Медведев А. П., 2008. Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус. 218 с.

Мельниковская О. Н., 1967. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М.: Наука. 195 с.

Розенфельдт И. Г., 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.: Наука. 179 с.

Столяров Е. В., 2012. Памятники типа Упа 2 // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3 / Ред.: А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 79–118.

Столяров Е. В., 2023а. Городище Страхово 2. Горизонт I века // КСИА. Вып. 270. С. 70–83.

Столяров Е. В., 2023б. Отчет об археологических раскопках на селище 1 у д. Барыбинка в МО г. Тула // Архив ИА РАН. Р-1.

Тавлинцева Е. Ю., Кренке Н. А., 2017. Клад с городища Алтухово // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: к 60-летию А. М. Обломского / Отв. ред.: В. Е. Родинкова, О. С. Румянцева. М.: ИА РАН. С. 184–191. (РСМ; вып. 19.)

Успенская А. В., 1971. Остатки ювелирного производства на городище Подмоклово // История и культура Восточной Европы по археологическим данным / Ред. С. М. Орешников и др. М.: Советская Россия. С. 156–161.

Сведения об авторах

Воронцов Алексей Михайлович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: amvorontsov@gmail.com;

Столяров Евгений Васильевич, Государственный музей-заповедник «Куликово поле», пр. Ленина, 47, Тула, 300041, Россия; e-mail: stolarov_e@mail.ru

A. M. Vorontsov, E. V. Stolyarov

THE BARYBINKA TREASURE OF THE SECOND HALF OF THE 1st – EARLY 2nd CENTURIES (PRELIMINARY PUBLICATION)

Abstract. The paper is a publication of a treasure of jewelry found as a result of illegal excavations near the village of Barybinka in the Tula region (Fig. 1: *I, 1*). It consists of around 1500 items made of silver, bronze and glass (Fig. 3–6). The excavations at the treasure findspot found that it had been hidden in an abandoned building at the site of the Upa 2 type (Fig. 1: *III*). The most high status objects (Fig. 3, *1–5, 7, 8*) were made by forging with subsequent ornamentation with a punch. Such jewelry items are characteristic of the sites in the Upper and the Middle Oka region, they date to the middle of the 1st – first half of the 3rd centuries. The described treasure is an example of the most complete set of jewelry made in this style during the stage of its development.

Keywords: Oka-Don watershed, sites of the Upa 2 type, sites of the Novo-Kleimenovo type, fibula of the Aucissa type, temporal rings with a blade, multi-spiral bracelets.

REFERENCES

Akhmedov I. R., 2020a. Fibuly «AVCISSA» v Posur'e i Pooch'e [«AVCISSA» fibulae in Sura and Oka regions]. *Istoriya veshchey – istoriya i veshchi [History of artifacts – history of an artifact]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 36–58. (RSM, 20.)

Akhmedov I. R., 2020b. «Reliktovye» formy ukrasheniy iz Elshinskogo klada VII v. n. e. [«Relict» forms of jewelry from Elshinsky hoard of VII c. AD]. *«Na odno krylo – serebryanaya, Na drugoe – zolotaya» [«One wing of silver, one wing of gold»]*. R. A. Rabinovich, N. P. Telnov, eds. Kishinev: Vysshaya antropologicheskaya shkola, pp. 151–162.

Alekseeva E. M., 1978. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya [Ancient beads of North Pontic region]. Moscow: Nauka. 114 p. (SAI.)

Dubynin A. F., 1974. Shcherbinskoe gorodishche [Shcherbinka hillfort]. *D'yakovskaya kul'tura [Dyakovo culture]*. Yu. A. Krasnov, ed. Moscow: Nauka, pp. 198–281.

Gening V. F., 1988. Etnicheskaya istoriya Zapadnogo Priural'ya na rubezhe nashey ery. P'yanoborskaya epokha III v. do n. e. – II v. n. e. [Ethnic history of Western Urals at the turn of our era. P'yanyy bor period, III c. BC – II c. AD]. Moscow: Nauka. 239 p.

Goldina R. D., Krasnoperov A. A., 2012. Konstruktivnaya i khronologicheskaya klassifikatsiya materialov Nyrgyndinskogo I mogil'nika II–III vv. [Constructive and chronological classification of materials from Nyrgynda I cemetery of II–III cc.]. *Drevnosti Prikam'ya epokhi zheleza (VI v. do n. e. – XV v. n. e.): khronologicheskaya atributsiya [Antiquities of Kama region of the Iron Age (VI c. BC – XV c. AD): chronological attribution]*. R. D. Goldina, ed. Izhevsk: Udmurtskiy universitet, pp. 9–104. (Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoy arkheologicheskoy ekspeditsii, 25.)

Grishakov V. V., Zubov S. E., 2009. Andreevskiy kurgan v sisteme arkheologicheskikh kul'tur rannego zheleznogo veka Vostochnoy Evropy [Andreevskiy kurgan in system of archaeological cultures of the Early Iron Age of Eastern Europe]. Kazan: Institut istorii AN Respubliki Tatarstan. 173 p.

Krenke N. A., 2011. D'yakovo gorodishche: kul'tura naseleniya basseyna Moskvy-reki v I tys. do n. e. – I tys. n. e. [Dyakovo hillfort: culture of population of Moscow river basin in I mill. BC – I mill. AD]. Moscow: IA RAN. 546 p.

Krenke N. A., Lazukin A. V., Tavlintseva E. Yu., 2011. Klad ukrasheniy s gorodishcha Dyut'kovo [Hoard of jewelry from Dyut'kovo hillfort]. *RA*, 1, pp. 134–148.

Medvedev A. P., 2008. Sarmaty v verkhov'yakh Tanaisa [Sarmatians in upper reaches of Tanais]. Moscow: Taus. 218 p.

Melnikovskaya O. N., 1967. Plemena Yuzhnoy Belorussii v rannem zheleznom veke [Tribes of Southern Byelorussia in Early Iron Age]. Moscow: Nauka. 195 p.

Rozenfeldt I. G., 1982. Drevnosti zapadnoy chasti Volgo-Okskogo mezhdurech'ya v VI–IX vv. [Antiquities of western part of Volga-Oka interfluve in VI–IX cc.]. Moscow: Nauka. 179 p.

Stolyarov E. V., 2012. Pamyatniki tipa Upa 2 [Sites of Upa 2 type]. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Konferentsiya 3 [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in period of Roman influences and Great Migration. Conference 3]*. A. M. Vorontsov, I. O. Gavritukhin, ed. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole», pp. 79–118.

Stolyarov E. V., 2023a. Gorodishche Strakhovo 2. Gorizont I veka [Hillfort 2 near village Strakhovo. First century horizon]. *KSIA*, 270, pp. 70–83.

Stolyarov E. V., 2023b. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na selishche 1 u d. Barybinka v MO g. Tula [Report on archaeological excavations at settlement 1 near village Barybinka, Tula, Moscow Region]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Tavlintseva E. Yu., Krenke N. A., 2017. Klad s gorodishcha Altukhovo [Hoard from Altukhovo hillfort]. *Evropa ot Latena do Srednevekov'ya: varvarskiy mir i rozhdenie slavyanskikh kul'tur [Europe from La Tene to Middle Ages: barbarian world and birth of Slavic cultures]*. V. E. Rodinkova, O. S. Rumyantseva, eds. Moscow: IA RAN, pp. 184–191. (RSM, 19.)

Uspenskaya A. V., 1971. Ostatki yuvelirnogo proizvodstva na gorodishche Podmoklovo [Remains of jewelry production at hillfort Podmoklovo]. *Istoriya i kul'tura Vostochnoy Evropy po arkheologicheskim dannym [History and culture of Eastern Europe according to archaeological data]*. S. M. Oreshnikov, ed. Moscow: Sovetskaya Rossiya, pp. 156–161.

Vorontsov A. M., 2013. Kul'turno-khronologicheskie gorizonty pamyatnikov II–V vekov na territorii Oksko-Donskogo vodorazdela [Cultural and chronological horizons of sites of II–V centuries in territory of Oka-Don watershed]. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole». 173 p.

Vorontsov A. M., Stolyarov E. V., 2019. Voyna I veka na granitse lesnoy zony: Oksko-Donskoy vodorazdel [War of I century on the border of forest zone: Oka-Don watershed]. *SP*, 4, pp. 51–74.

About the authors

Vorontsov Aleksey M., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: amvorontsov@gmail.com;

Stolyarov Evgeniy V., State museum-reserve «Kulikovo pole», prosp. Lenina, 47, Tula, 300041, Russian Federation; e-mail: stolarov_e@mail.ru

О. А. Радюш

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ И ВСАДНИЧЕСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ II–III вв. «ЗАПАДНОГО» ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СРЕДНЕМ ПООЧЬЕ И ИХ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Резюме. В статье публикуется ряд уникальных для Поочья находок II–III вв. н. э., происходящих с территории Рязанской области (Шиловский район) и Нижегородской обл. (Навашинский городской округ). Меч и два копья относятся к предметам вооружения, характерным для центральноевропейского (восточногерманского) круга культур. Две бронзовые шпоры связаны с кругом восточноевропейских выемчатых эмалей. Появление данных предметов в Поочье рассматривается в контексте сложных историко-культурных процессов, на территории лесной и лесостепной зон центральной части Восточной Европы, связанных с проникновением воинских группировок из Центральной Европы на восток, в том числе в лесную зону, и формированием горизонта вещей с выемчатыми эмалями в III в.

Ключевые слова: оружие, Ока, Десна, Рязанская область, Нижегородская область, выемчатые эмали, мечи, наконечники копий, II–III вв. н. э., шпоры, пшеворская культура, киевская культура.

Проникновение вещей центральноевропейского («западного») происхождения во II–III вв. глубоко на территорию Восточной Европы отмечено отечественными авторами довольно давно (*Малашев, Обломский*, 2002. С. 113–114; *Ахмедов*, 2010. С. 33–34; *Ахмедов*, 2014. С. 28, 29; *Гавритухин, Воронцов*, 2018). Большая часть таких находок сосредотачивалась в Среднем Поднепровье, довольно многочисленными они были в верховьях Псла и Сейма и по южной границе лесостепи (*Малашев, Обломский*, 2002. Рис. 6). Ряд вещей связан с Окско-Сурским регионом, в т. ч. группа своеобразных изделий и местных подражаний им (*Гавритухин, Воронцов*, 2018. Рис. 1). В основном в этих сводках представлены фибулы (профилированные, коленчатые, глазчатые) и детали ременной гарнитуры. Предметы вооружения представлены мечами, относящимися

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.275.296-318

уже к IV в. (Коломак, Клепачи, Могрица), снаряжение всадника – бронзовыми шпорами II–III вв. (Бобрица, Попово-Лежачи, Ражкинский могильник, п. 6) и железными IV в. (Занки, Кошибееввский могильник, п. 57). К «западному» влиянию в Поочье относят также достаточно многочисленные находки вещей круга варварских восточноевропейских эмалей (*Ахмедов*, 2018; *Ахмедов, Белоцерковская*, 2019. С. 128–140), исключая местные дериваты. Таким образом указанные сводки рассматривали процессы проникновения центральноевропейских вещей в широком хронологическом отрезке от I до IV вв. Одним из интереснейших регионов, где зафиксировано значительное количество разнообразных импортов, является зона распространения рязано-окских могильников в Среднем Поочье. Большой интерес представляют материалы эпохи Великого переселения народов в этом регионе, ярко выделяющемся обилием предметов вооружения в погребениях. Опубликованы находки защитного вооружения и материалы отдельных комплексов и могильников IV–VII вв. В то же время с территории Поочья появилось значительное количество редких пока «западных» по происхождению артефактов, связанных и с более ранней ситуацией второй половины II – III в.

Комплекс находок из ямы 77-1984 г. могильника Ундрих

Работа с музейными фондами Шиловского районного краеведческого музея (Шиловский район Рязанской области)[1] позволила выявить ранее не введенные в научный оборот археологические материалы. Большой интерес представляет набор находок, обозначенных как яма 77, происходящий из сборов 1984 г. на территории могильника у оз. Ундрих у с. Борок (рис. 4: *В*). В настоящее время документация по данным работам, по всей видимости, утеряна. В коллекцию входят: обломки пластинчатого «ажурного» шлема; наконечник дротика; втульчатый топор с округлым насадом; бронзовая пластинчатая гривна; бронзовые фибулы типа Авцисса и двучленная прогнутая подвязная пряжка с овальным щитком и овальной рамкой; вторая пряжка без щитка; удила двучленные с псалиями, окончания которых оформлены в виде парных тамгообразных отростков; груболепной горшок; двулезвийный меч (*Радюш*, 2023. Рис. 1).

Удила имеют прямую аналогию со случайной находкой на городище Долматово на границе Старожиловского и Пронского районов Рязанской области (*Ахмедов*, 2003. Рис. 1). Подобные детали конской узды широко распространены в сарматских погребениях нижнего Подонья, Прикубанья и Северного Причерноморья. Для раннего горизонта памятников Среднего Поочья и Поволжья характерны именно сарматские образцы псалиев (*Ахмедов*, 2003. С. 134). Датируются данные детали I–II вв. Аналогичную дату имеют римские фибулы типа Авцисса. По мнению И. Р. Ахмедова, распространение фибул Авцисса в Поочье, в верховьях р. Воронеж и Верхнем Подонье демонстрирует «донской» путь их поступления из Нижнего Подонья (*Ахмедов*, 2020. С. 41).

[1] Выражаю искреннюю благодарность научному сотруднику музея А. П. Гаврилову за информацию о находках и их контексте, а также неоценимую помощь при работе в фондах музея.

Пластинчатые или, как их вариант, шлемы «ажурной» конструкции (пластины не накладываются одна на другую, а расположены на небольшом расстоянии друг от друга) становятся известны на территории Восточной Европы в конце I в. до н. э. (Кипчаковский могильник в Башкортостане, раскопки С. Э. Зубова, п. 56) и позднее в I в. фиксируются в погребениях Андреевского и Пильнинского могильников в левобережном Посурье. Позже, в III–IV в., конструкции шлемов подобного типа известны в Прикубанье и Прикамье. Судя по римским изобразительным источникам II–III вв., они применялись и сарматами в Северном Причерноморье уже в I–II вв. (*Радюш, Зубов*, 2014. С. 101–103).

Судя по имеющимся вещам, очевидно, что находки из ямы 77 относятся как минимум к двум разным хронологическим горизонтам: I–II вв. и втор. пол. III – IV в. (1А и 2А, по И. Р. Ахмедову) (*Ахмедов*, 2007. С. 137–142). Ранними здесь являются фибула Авцисса, удила и «ажурный» шлем, к более позднему набору отнесены прогнутая подвязная фибула, наконечник дротика, втульчатый топор, пряжки и горшок. В целом предметы вполне вписываются в контекст материальной культуры Среднего Поочья римского времени. В то же время следует отметить уникальность для Поочья меча, относящегося к данному комплексу.

Меч типа Громовка-Лауриакум

Меч двулезвийный (рис. 1: *1*; музейный номер ШРКМ № 927) длиной 74 см, с наибольшей шириной лезвия 5 см, длина хвостовика 8 см, ширина его у основания 2 см, толщина лезвия 0,3–0,4 см. Плечики подпрямоугольные. Сечение лезвия с двумя долами. Находка относится к типу А-1а в классификации мечей римского времени для Восточной Европы (*Радюш*, 2022. С. 13).

К варианту «а» группы AI были отнесены клинки с лезвием прямой формы с резким сужением близко к острию. Черен обычно подтреугольной формы, расширенный у основания. Длина клинка данного типа – от 60 до 80 см, ширина – от 5 до 6,7 см (в большинстве случаев в пределах 6 см). Канавки-нервюры (от 2 до 6) шириной 1–1,5 см расположены по центру клинка, обычно доходят практически до острия меча, в ряде известных случаев поднимаются до нижней трети черена. Вариант «б» отличается наличием инкрустаций из цветного металла, обычно в виде фигур Марса и Виктории и легионного орла. Происхождение таких клинков связывается с гладиусами и короткими мечами раннеримского периода (*Miks*, 2007a. P. 123–125; 2007b; Taf. 38: *92–95*). Многочисленные аналогии им известны на памятниках пшеворской культуры на территории Прикарпатья (*Biborski*, 1978. Ryc. 42). И Мартин Биборский, и Кристиан Микс относят данные клинки к фазам B2/C1-C1b (втор. пол. II в. – 240/260 гг.). Во второй половине III в. экземпляры с инкрустациями перестают использоваться (*Horbacz, Oledzki*, 1998. S. 19–25). Такая датировка основана на закрытых комплексах с территории Польши и западной части бывш. СССР (Громовка, Журавички, Подлудов, Млинов и др.). Для территории России подобные мечи остаются уникальными предметами вооружения, известные аналогии происходят из памятников в Краснодарском крае (Четук, кург. 3, п. 1; Сочинский район) (*Радюш*, 2007. С. 37–39).

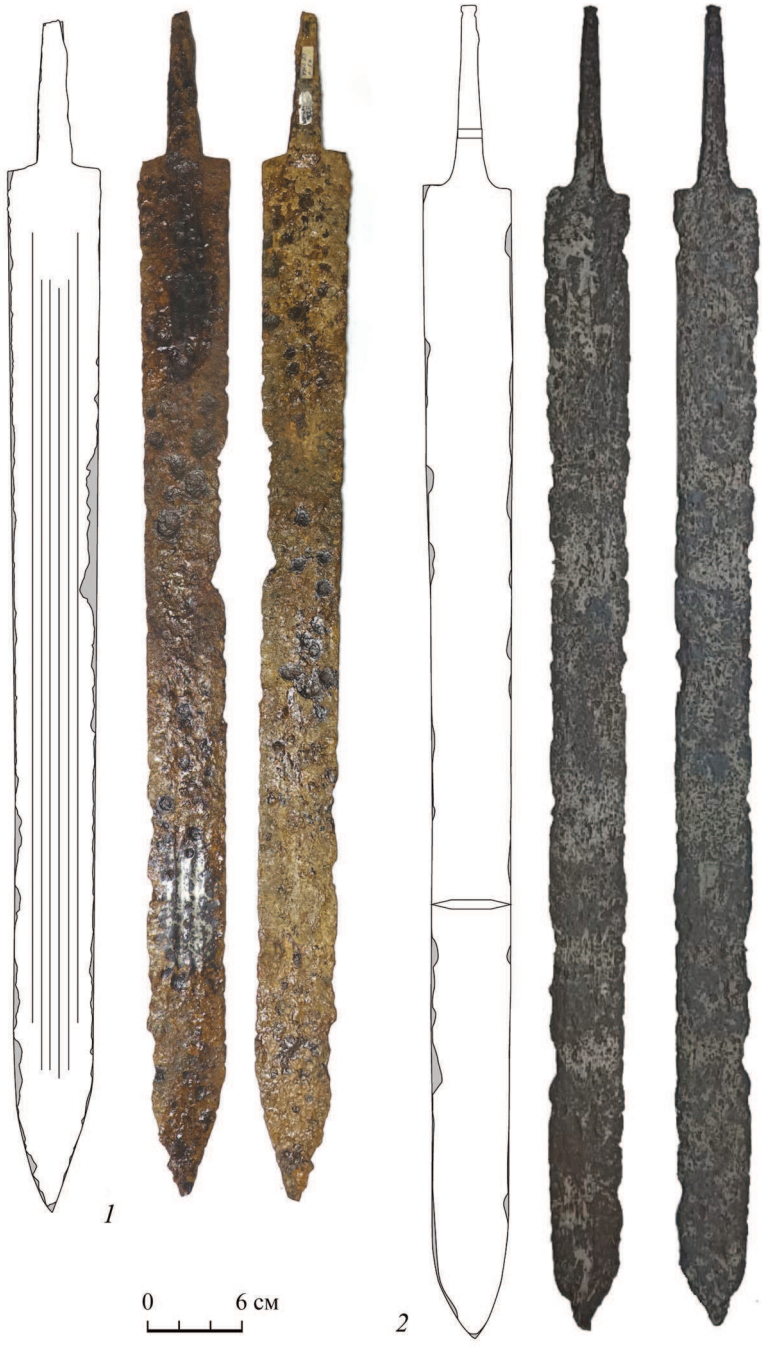


Рис. 1. Мечи с территории Поочья и Подесенья
1 – Ундрих, яма 77; *2* – р. Коломина (фото О. А. Радюша)

Следует заметить, что находка меча «западного» происхождения не единична в Шиловском районе. Еще два клинка были выявлены сотрудниками Шиловского музея в коллекциях Ирицкого и Березовского школьных музеев (*Гаврилов*, 2016. С. 150–159), а третий обнаружен местными жителями в 2016 г. на берегу реки Тырницы в 1,5–2 км выше по течению от оз. Ундрих. Данные экземпляры поступили в фонды Шиловского краеведческого музея (музейный номер ШРКМ КП ОФ-5244, 5271) и после реставрации также должны быть введены в научный оборот. Фактически все перечисленные находки клинков концентрируются в низовьях р. Тырница при ее впадении в Оку.

Наконечники копий III в. из Поочья

В фондах Шиловского музея Рязанской области был выявлен еще один предмет, связанный с вооружением «западного» происхождения. Согласно информации сотрудников музея, наконечник копья (рис. 2: *1*) был найден во время работы земснаряда на р. Тырница в районе могильника Борок-2.

Наконечник копья имеет перо листовидной формы. Переход от втулки к перу плавный, наибольшее расширение пера в нижней трети, сужение к острию плавное. Сечение пера уплощенное ромбическое. Длина 27 см, ширина пера 4,8 см, втулка короткая, незначительно заходящая на перо, длина 5,5 см, диаметр ее 2,3 см. Грани на втулки визуально не прослеживались, но исключать их наличие для такого типа нельзя. В нижней части втулка декорирована лентой из золотой фольги шириной около 1 см, вся поверхность которой покрыта точечной набивкой.

Наконечник может быть отнесен к варианту I «б-3» (*Радюш*, 2022. С. 19–20), который близок к формам и пропорциям экземпляров типа XIX в работе П. Качановского (*Kaczanowski*, 1995. Tab. XIV: *1–3*), по материалам пшеворской культуры он датируется фазами C1a–C1b (150/160–240/260 гг.). Наконечники подобного типа с широкой короткой втулкой, частично заходящей на лезвие, являются яркими маркерами германского вооружения в Центральной Европе, Прибалтике, Скандинавии. На территории Восточной Европы подобные наконечники ранее были известны только в верховьях Днестра, Западного Буга и Припяти из воинских погребений-кремаций пшеворского типа.

Перечисленные мечи и наконечник копья из коллекции Шиловского музея – не единственные «западные» предметы вооружения на территории Поочья. В начале 2010 г. в фонды Государственного Эрмитажа поступил наконечник копья (Коллекция 2968/1)[2], найденный в начале 2000-х гг. на месте Ефановского или Пермиловского могильника муромы (Навашинский городской округ) в Нижегородской области, практически на границе с Владимирской – недалеко от г. Муром при впадении р. Муромка в Оку (АКР Нижегородская обл., 2008; *Селезнев*, 1925. С. 7–12). Копье (рис. 2: *2*) имеет широкий листовидный наконечник с наибольшим расширением в нижней трети пера, сужение к острию и втулке

[2] Благодарю П. В. Бирюкова (руководитель лаборатории «Археолаб» (Москва) и научного сотрудника Государственного Эрмитажа С. В. Воронятова за помощь в работе с данной находкой.

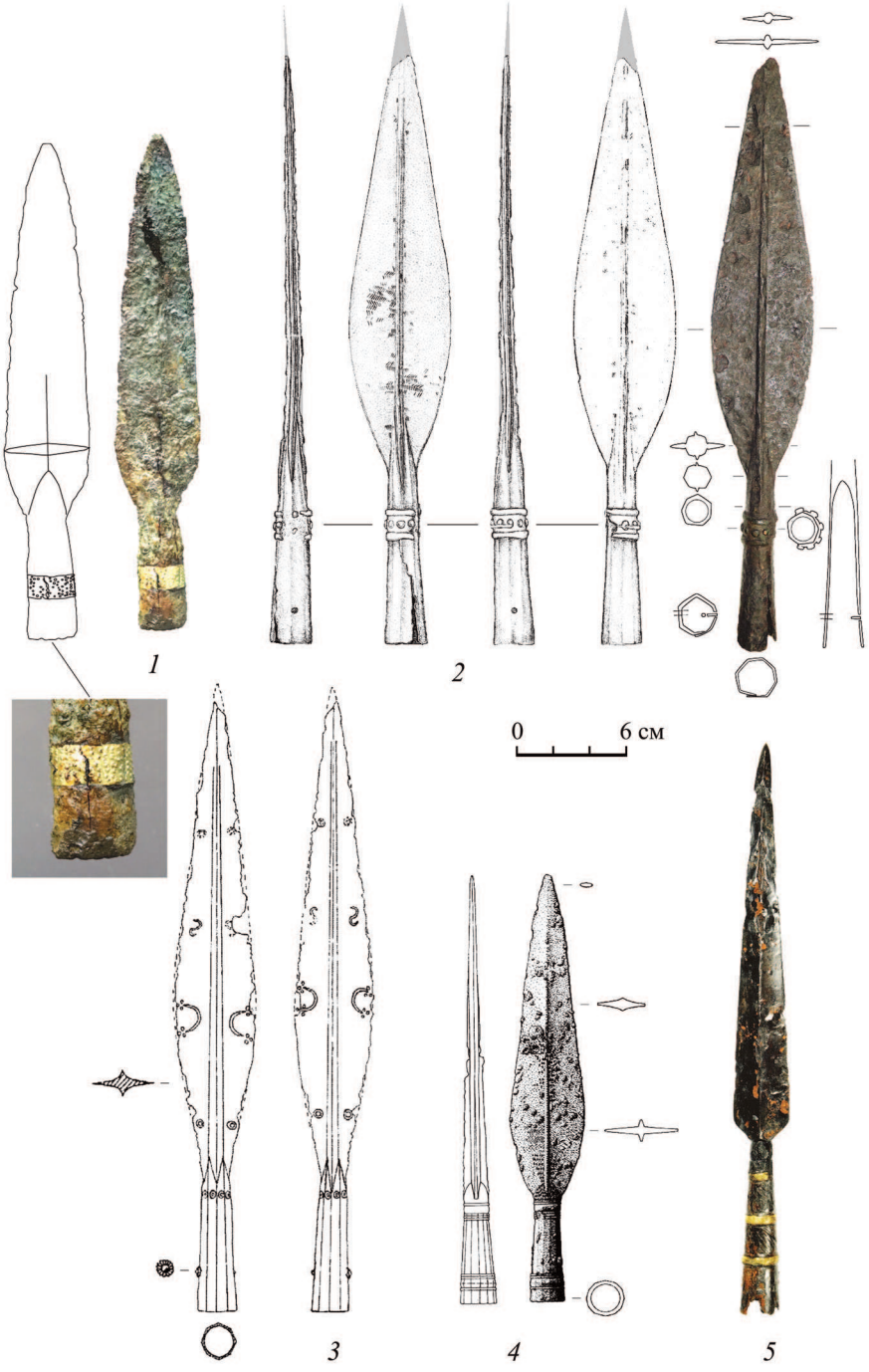


Рис. 2. Наконечники копий из Поочья и их западные аналогии

1 – Борок-2 (фото и рисунок О. А. Радюша); *2* – Ефановский/Пермиловский могильник (фото О. А. Радюша, рисунок О. А. Хомяковой); *3* – Швайцария, кург. 2; *4* – Таунус; *5* – Калефельд

равномерное. Общая длина наконечника (сохранившаяся) – около 32 см, длина пера 23 см, наибольшая ширина пера – 4,6 см, диаметр втулки – 2,3 см. Высота семигранной втулки – менее 1/3 от общей наконечника, она слабо расширяется книзу и частично заходит под основание пера в верхней части. Нервюра начинается в верхней части втулки. Ее ширина – 3 мм по всей длине пера. В нижней части втулки расположено отверстие для крепления наконечника на древке диаметром 3 мм. Поверхность пера украшена сплошными рядами елочного орнамента, выполненного насечками. В верхней трети втулки закреплена кольцевая бронзовая муфта, на которой сохранилось 6 коротких выступов округлого сечения по кругу, по краям находились небольшие валики.

В типологической схеме П. Качановского подобные наконечники копья можно отнести к типу II, варианту 1 либо к типу VI, варианту 1, однако пропорции втулки данной разновидности имеют отличия (*Kaczanowski*, 1995. Tabl. V: *3*). В материалах пшеворской культуры они дают датировку от раннеримского времени вплоть до конца фазы C1a. Близка данная хронология и для скандинавских материалов – форм наконечников типа 6 и 10 «Лингхойгард» (*Illkær*, 1990. S. 60, 73–74). Одна из наиболее сходных аналогий – с граненой втулкой с декорированными по ней поясками и елочным орнаментом из насечек по перу (рис. 2: *4*), происходит из клада с горы Бляйбескопф в районе Таунусской возвышенности (Бад Хомбург). Клад датируется 230–260 гг. (*Müller-Karpe*, 2005. Abb. 1). Близкие аналогии известны также в п. 1 к. LXXXIII, к. LXXXVII и др. могильника Швайцария в Мазурском Поозерье (*Jaskanis*, 2013. Tab. LXXXVI: *1*; XC: *1*). Наконечник с граненой втулкой и орнаментом на поверхности пера и верхней части втулки найден в наиболее богатом инвентарем к. 2 этого же могильника (рис. 2: *3*; Ibid. Tab. CXXIII).

Публикуемый наконечник в типологической системе Восточной Европы отнесен к типу AIa-2 (*Радюш*, 2022). Исходя из датировок центральноевропейских экземпляров, дату для нижегородской находки можно предположить в пределах конца II – второй трети III в., во всяком случае, не позднее конца фазы C1b, когда подобные копья перестают использоваться на всей территории Барбарикума.

Кольца на втулке либо инкрустации в виде колец из цветных и драгоценных металлов также встречаются в III в. Примеры такого декора есть на римском наконечнике копья (рис. 2: *5*), найденном у Калефельда (земля Нижняя Саксония) (*Geschwinde*, 2013. S. 345), и наконечнике германского копья с граненой втулкой и нервюрой, найденного на месте битвы 235/236 г. при Харцхорне (*Schmuhl*, 2013. Abb. 27). Тип это наконечника также близок находке из Поочья.

Ефановский наконечник, так же как и Борокский, судя по морфологии и технике изготовления, очевидно, не местного происхождения, золотые и бронзовые декоративные элементы, скорее всего, были добавлены уже в местной среде. Подобные формы вооружения маркируют германский круг древностей. Проникновение отдельных предметов римского импорта, в том числе крайне редких и известных только в погребениях германских военных вождей, как, например, атташ с головой «Свева» из Мордовии, И. Р. Ахмедов отмечает в Поочье уже для начала III в. (*Ахмедов*, 2010. С. 33). Декор же в виде коротких выступов, как на Пермиловском наконечнике копья, известен на многих вещах, относящихся к кругу выемчатых эмалей, в том числе на шпорах, нагайках, украшениях

(*Радюш*, 2013. Рис. 3: *6, 15*). Находки вещей с выемчатыми эмалями в нижнем и среднем течении Оки единичны, но все-таки довольно широко распространены в регионе (*Ахмедов*, 2018). Ближайшая из них к месту находки копья относится к разрушенному могильнику в Муроме, расположенному на 20 км выше по течению от Пермиловского могильника (*Корзухина*, 1978. С. 76). Ближайшие же находки шпор с выступами-шипами на кнопках и корпусе были сделаны в жертвенном комплексе п. 3 могильника Большое Давыдовское на юге Ивановской области в верхнем течении Клязьмы (*Макаров и др.* 2010. С. 44). Там же были найдены подковообразные фибулы в стиле восточноевропейских варварских эмалей. В коллекции Шиловского музея также хранятся отдельные предметы эмалевого круга, найденные в районе находок мечей и копья.

Всадническое снаряжение круга выемчатых эмалей в Поочье

Находки шпор являются важным маркером передвижения вооруженных отрядов и для раннеримского, и для начала позднеримского времени (I–III вв.). Использование данных элементов всаднического снаряжения принято связывать с германским (западно- и центральноевропейским) влиянием (*Radyush*, 2013. P. 327–329).

На территории Поволжья и Поочья находки шпор римского времени крайне редки, и большинство известных в литературе экземпляров датируются уже более поздним временем – IV в. Это находки из могильников Кошибеево (*Ахмедов*, 2007. Рис. 12: *10*; *Ахмедов*, 1995. Рис. 1: *7*) и Ундрих в Рязанской области (*Ахмедов*, 1995. Рис. 1: *8*), с р. Большой Черемшан (*Сташенков*, 2010. Рис. 7: *8*) в Ульяновской обл., Ражкинского могильника (*Полесских*, 1991. С. 154, 155. Рис. 2: *3*) в верховьях Мокши, городища Ростиславль в Московской обл. (сообщение Е. Ю. Тавлинцевой, Музей Москвы).

В фондах Шиловского музея хранятся две шпоры, связанные с вещами круга выемчатых эмалей, которые могут быть синхронны вышеописанным наконечникам копий и мечам. Биметаллическая шпора (корпус бронзовый, шип железный) происходит из округи могильника Борок (урочище Белые бугры) (рис. 3: *1*), цельнолитая бронзовая шпора с серповидными выступами на корпусе у основания шипа найдена в районе Тереховского городища (рис. 3: *2*).

Обе находки относятся к подгруппе AII – цельнометаллическим и биметаллическим шпорам с короткими дужками и зацепами-кнопками (*Радюш*, 2022. С. 19).

Шпора из Белых бугров относится к типу AII-1б1 – с короткими дужками без дополнительных элементов крепления. Корпус короткий с небольшими подтреугольными выступами возле шипа, шириной в сохранившейся части 5 см (целая шпора около 6 см). Высота шипа у подобных предметов снаряжения обычно небольшая – 2–2,5 см. В сечении он четырехгранный или округлый, форма – пирамидальная или коническая.

Такой вариант шпор был распространен в Среднем Поднепровье и на Левобережье Днепра (Солдатское, Бобрава, Каневский уезд, Новые Безрадичи, Парменовка). В Поднепровье они известны и с эмалевым декором.

Аналогии шпорам типа AII-1 хорошо известны в Центральной Европе и Восточной Прибалтике, а также в Прикарпатье (*Радюш*, 2013. Рис. 7*: 1–14*, *16*;

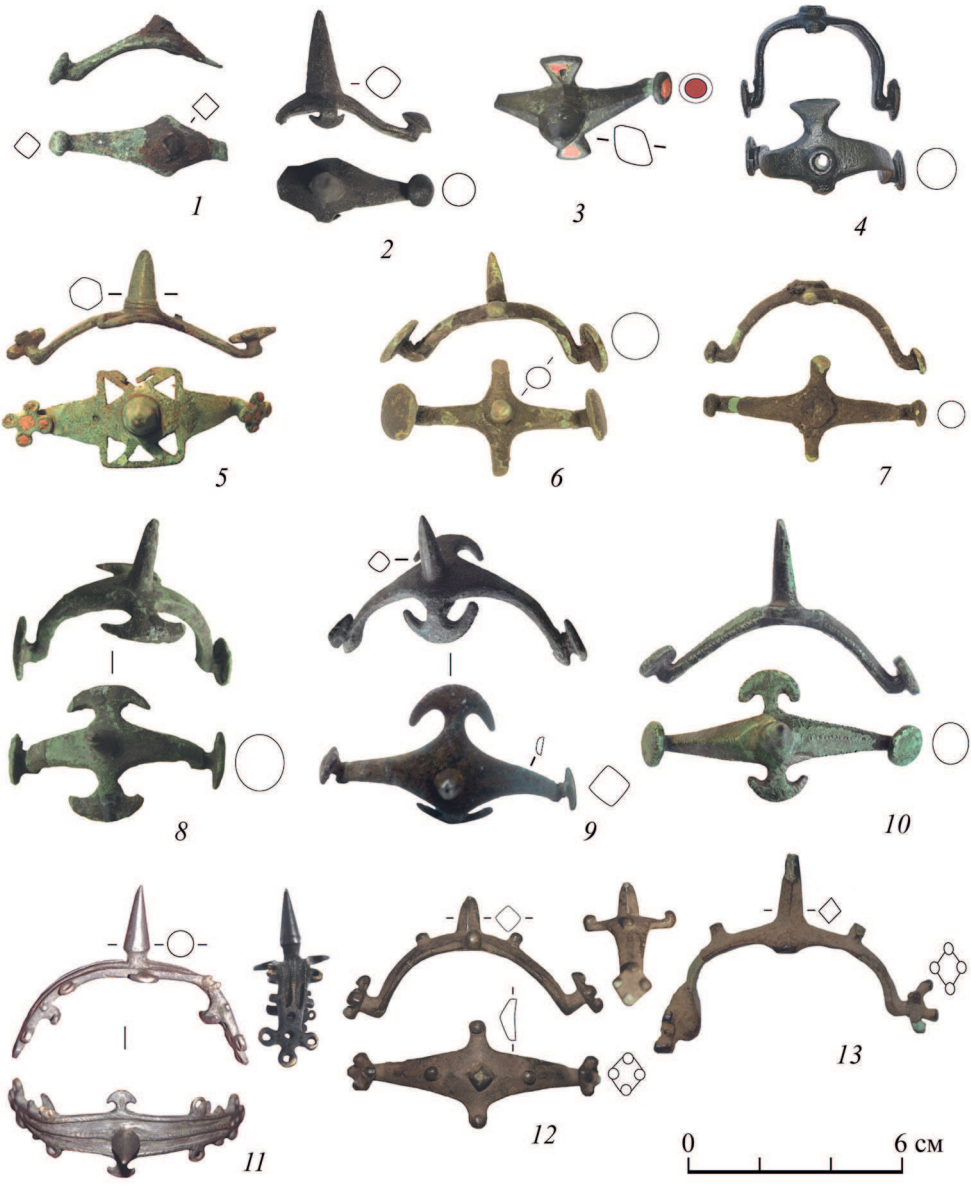


Рис. 3. Литые бронзовые шпоры с территории лесной зоны Восточной Европы

1 – Борок (Белые бугры); *2* – Тереховское городище; *3, 4* – Мешково; *5* – Новосильский р-н; *6* – Тюковое; *7* – Нижний Карачан; *8* – Спасский р-н; *9* – Новоямское-3; *10* – Верещаки; *11* – Огородня-Гомельская; *12* – Вердихово; *13* – Ветковский р-н (фото О. А. Радюша)

Ardeleanu, 2009. Fig. 3: *4*). К. Годловский датирует близкие формы фазой C1a (B2/C1) (*Godlowski*, 1994. Abb. 5). По типологии Е. Гинальского, такие шпоры наиболее близки к разновидностям типа E (*Ginalski*, 1991. S. 62. Ryc. 11), датирующимся фазами B2-C1a. Морфологически аналогичные находки известны в Прибалтике на могильнике Паалкшняй (кург. XXIII, п. 2), где инвентарь датируется фазой B2 (*Michelbertas*, 2011. Pav. 72), и в могильнике Швайцария (кург. III) (*Jaskanis*, 2013. Tab. IV: *1, 2*), где комплекс хронологически связан с фазой C1a.

Вторая шпора относится к типу AII-3в1 – корпуса этих шпор украшены серповидными, секировидными, подтреугольными, трапециевидными выступами-розетками у основания шипа и на дужках и «барочными» кнопками. Все экземпляры – бронзовые или биметаллические с железным шипом. Встречаются как без эмалевого декора, так и с эмалевыми вставками.

Дужки у шпоры удлиненные, площадка у основания шипа широкая. Кнопки – уплощенные, округлой формы. У основания шипа небольшие симметричные серповидные выступы. Шип – короткий, конический, четырехгранный. Ближайшие аналогии находке из Шиловского района известны в Брянском Подесенье (Новоямское-3) (рис. 3: *9*), на юге Спасского района Татарстана (рис. 3: *8*), и юге Гомельской области (Верещаки) (рис. 3: *10*).

Серповидные выступы имеются и на шпоре более редкого типа BI-1. В средней части каждой дужки – по паре симметричных округлых выступов с отверстиями. Крепятся к обуви такие шпоры с помощью Т-образных штырей с тыльной стороны шпоры. Единственная находка сделана в Гомельском Поднепровье (Огородня) (рис. 3: *11*). В декоре этой шпоры явно прослеживается стилистика вещей круга выемчатых эмалей в его позднем варианте – «процветшем» стиле. Оформление розеток, серповидные выступы, рубчатый декор на корпусе находят множественные аналогии среди вещей с эмалями.

Возможные прототипы такой конструкции датируются более ранним временем, чем шпора из Огородни. К ним можно отнести находки I–II вв. из погребения 1 Конц-Флиссена (Трир), Кёльна (*Спицын*, 1903. Рис. 232; *Smółka-Antkowiak*, 2016. Ryc. 1) в Германии; Саксмундхем, Саффолк (находка 1997 г.) в Англии (электронный ресурс: www.timelineauctions.com/lot/bronze-openwork-prick-spur-with-iron-pricket/24920/, дата обращения: 14.01.2016). Ближе по деталям оформления – составные шпоры из п. 46а и 46в могильника Коврово (быв. Долькайм) в Калининградской обл. (*Nowakowski*, 1996. Pl. 12) датированы фазой C1b.

Варианты AII-3в2 и AII-3в3 с трапециевидными и другими разновидностями выступов, в том числе с эмалевыми вставками, распространены значительно шире в Среднем Поднепровье (Каневский уезд), верховьях р. Псел (Бондаревка), Верхнем Поочье (Мешково) (рис. 3: *3, 4*), Южной Литве (Крикштаняй) (*Radyush*, 2013. Fig. 2: *18–54*).

Кроме шпор с серповидными выступами широкое распространение получила разновидность AII-3а3 с короткими выступами возле шипа, на концах которых имелись округлые утолщения. В качестве декора используются небольшие выступы на кнопках и корпусе шпор. Все шпоры этого варианта монолитные – бронзовые. Находки происходят из Гомельской и Могилевской областей Белоруссии (Веккер, Ветковский район.) (рис. 3: *13*), верховьев Днепра в Смоленской

области (Вердихово) (рис. 3: *12*), на р. Шелонь (Подгощи) в Новгородской и Ивановской областях (Большой Давыдовский могильник) (*Радюш*, 2013; 2021; *Макаров и др.*, 2010. С. 46).

Опорная дата шпор типа AI-3 основана на материалах п. 28-Л крымского могильника Скалистое III, так же как и датировка вышеописанной шпоры типа AI-2б-1 из того же комплекса (первая треть III в.). Погребение 6 могильника Ражкино на р. Мокша, откуда происходит шпора AI-3а-1, относится исследователями местных древностей к началу III в. (*Гришаков*, 2005. С. 18). Радиоуглеродным методом было датировано п. 3 могильника Большое Давыдовское на юге Ивановской области, где в жертвенном комплексе найдены два оплавленных фрагмента шпоры варианта AII-3а-3, относящиеся к поздним формам. С учетом возраста дерева реальная дата предполагается ближе к концу III – началу IV в. (*Макаров и др.*, 2010. С. 49).

Тип AII-3, имеющий в своей основе конструкцию, схожую с прототипами шпор типа «Лейна» (варианта «А») (*Giesler*, 1978. S. 41–42), несомненно, демонстрирует самостоятельную и, возможно, наиболее позднюю линию развития. Среди шпор типа AII-3 представлены находки, явно продолжающие линию развития шпор с длинными дужками, однако большинство из них не находит точных аналогий в Европейском Барбарикуме. По всей видимости, их генезис может быть связан с развитием конструкции шпор с кнопками типа AI-4, -5 по аналогии с генезисом провинциальноримских типа Лейна, ранние образцы которых с дополнительным выступом и кнопкой, датируются второй половиной II в. (Ibid. S. 20–22), а варианты с округлыми кнопками и симметричными выступами у шипа наиболее близки описанным вариантам AII-2a1, AII-2a2, AII-3a1, AII-3a4 и относятся уже к фазе C2 (*Jahn*, 1921. S. 84; *Giesler*, 1978. S. 22). Однако на имеющихся восточноевропейских образцах мы видим лишь имитацию дополнительных креплений, скорее всего, играющих декоративную роль.

Также широко в лесной зоне распространены и более простые вариации AII-3. Вариант «а» с короткими или длинными симметричными выступами в обе стороны от шипа. Концы выступов либо уплощенные, либо имеют полусферические окончания, либо в них проделаны отверстия. Шипы – короткие, округлого и четырехгранного сечения, высотой 2–3 см, конической и пирамидальной формы. Кнопки имеют следующие формы: округлая уплощенная, округлая полусферическая, ромбическая. Среди них известны биметаллические экземпляры и декорированные эмалевыми вставками. Распространены такие разновидности шпор в основном в верхнем течении Сейма и Псла, в Среднем Поднепровье, в Подесенье на территории Брянской области известна одна находка в Посурье (Ражкинский могильник). В последние годы появились экземпляры из нижнего Похоперья (рис. 3: *5, 6*), где также распространены и более простые железные шпоры с зацепами-крюками (*Хреков*, 2017. Рис. 4).

Вариант AII-3а4 с эмалевыми вставками на кнопках, корпусе, шипе**.** Аналогичные по конструкции варианту без эмалей. Находки шпор данного варианта отмечены в верховьях Немана, в верхнем и среднем течении рек Сейм и Псел, на территории Сумской и Черниговской областей Украины, а также в погребении 28-Л могильника Скалистое III в Крыму (*Radyush*, 2013. Fig. 2). Известен экземпляр из Мазурского Поозерья (*Kontny*, 2018. Fig. 1: *2*).

Вариант AII-3б1. Выступы у шипа оформлены в «барочном» стиле, в виде «процветших» крестов. На дужке поперечный выступ. Шип – короткий, до 1,5 см высотой, округлого сечения, биконической формы. Кнопка – круглая, уплощенная. Одна находка происходит с «границы Калужской и Смоленской областей» (*Radyush*, 2013. Fig. 2: *25*), биметаллический экземпляр – из Суджанского района Курской области (*Радюш*, 2020б. Рис. 10: *20*).

Вариант AII-3б2 близок к вышеописанному варианту AII-3б1. Дужки и выступы у основания шипа оканчиваются трехчастными розетками в «барочном» стиле, гнезда на которых залиты эмалью. Один экземпляр из Харьковской области, имевший, вероятнее всего, железный шип, отличается длинными дужками и грубо выполненными «процветшими» крестами на длинных выступах под шипом. Находки известны в верховьях р. Неман (Рудевичи) и в Харьковской области (*Radyush*, 2013. Fig. 2: *52*).

Значительно более редкими на картируемой в настоящей публикации территории являются шпоры типа AII-2 с площадками или перекладинами у основания шипа, которые также встречаются в эмалевом исполнении. В орловском верхнем Поочье зафиксирован лишь один экземпляр, украшенный эмалями с кнопками, декорированными в виде барочных розеток (рис. 3: *5*) (*Радюш*, 2020а. Рис. 4: *6*), одна шпора, декорированная шишковидными выступами по краям площадок возле шипа, была найдена в Воротынске Калужской области ниже по течению Оки (*Воронцов*, 2020. Рис. 8*: 2*).

Культурно-исторический контекст «западных» по происхождению предметов вооружения

Происхождение серии находок предметов вооружения «западного» круга в Поочье очевидно не случайно. В связи с этими по большей части случайными предметами можно напомнить и давно отмеченные отечественными исследователями керамические сосуды, украшенные в технике лощения черного цвета (*Румянцева*, 2007. С. 254). К ним относится несколько мисок с выраженным ребристым профилем, которые А. М. Обломский соотнес с близкими аналогиями, известными на памятниках позднезарубинецкой/раннекиевской традиции, датируемых II–III вв. Находки подобной чернолощеной керамики часто сопровождаются именно вещами круга выемчатых эмалей как в Поднепровье (Картамышево, Шишино-5, Выдрин), так и в Прихоперье (Шапкино, Рассказань III) и Среднем Поволжье (Лбище), где выявлена группа поселений этой традиции (*Обломский*, 2005. С. 40–42). На памятниках этого типа также обнаруживаются бронзовые и железные шпоры, конструктивно относящиеся к III в.

Позднезарубинецкие и киевские памятники в своей основной – Поднепровской – зоне практически лишены находок вооружения, в отличие от Поочья, что не позволяет давать им объективную характеристику и сравнивать их с точки зрения военного дела. Однако отсутствие оружия в археологическом контексте необязательно коррелирует с историческими реалиями (в качестве примера можно привести вельбаркскую культуру, в которой предметы вооружения практически отсутствуют и на поселениях, и в погребениях). Прежде всего и наиболее ярко на особенности военной организации позднезарубинецкого

и раннекиевского населения указывает массовое распространение шпор, которое явно демонстрирует значительную активность конницы. Наличие в кладах кавалерийского снаряжения, рогов для питья позволило в свое время предположить возможность формирования всаднической воинской прослойки у позднезарубинецко/киевского населения. В Восточной Европе достаточно широко распространяются предметы, связываемые с воинской культурой, к которой традиционно относятся рога для питья, способные также служить маркерами контактов и движений воинских отрядов (*Radyush*, 2013. P. 328–329; *Радюш*, 2020б. Рис. 8). Известные нам находки кавалерийского и всаднического снаряжения, очевидно, формировались на основе центральноевропейских прототипов снаряжения. Но изготовлялись они в стилистике восточноевропейских выемчатых эмалей, получивших свое самобытное развитие у населения Восточной Европы во II–IV вв. В то же время для этих памятников, в связи с недостатком собственно археологических экземпляров вооружения, можно лишь гипотетически предполагать использование комплекса вооружения близкого центральноевропейским и связанных с ними прибалтийских оружейных центров, включающего в первую очередь копья и дротики, втульчатые и проушные топоры. Профессиональное вооружение (щиты с металлическими деталями, мечи) пока на памятниках этих культур не встречались. Хотя участие центральноевропейского населения отражается в археологических находках в виде особых типов керамики и использовании деталей одежды и украшений в Поднепровье и других регионах распространения памятников позднезарубинецкого/раннекиевского круга.

Не так давно в поднепровском ареале восточноевропейских выемчатых эмалей стали известны отдельные предметы профессионального вооружения, к сожалению, происходящие из случайных сборов, которые можно отнести к «западным» импортам.

Так, во второй половине 2010-х гг. появилась информация о новом мече также характерного «западного» облика, происходящем из южных районов Брянской области[3]. В настоящее время эта случайная находка передана в фонды Курского государственного музея археологии.

Меч двулезвийный (рис. 1: *2*; музейный номер КГОМА ВХ № 1565) длиной 81,4 см, с наибольшей шириной лезвия 5,2 см, плавно сужающегося до 4 см ближе к острию, длина хвостовика 11 см, ширина его у основания 2 см, толщина лезвия 0,3–0,4 см. Плечики подпрямоугольные. Сечение лезвия уплощенное шестигранное. Находка ближе всего к типу мечей В-2а, выделенному для Восточной Европы (*Радюш*, 2022. С. 13).

Информацию о месте находки опубликовал профессор Брянского государственного университета им. И. Г. Петровского Е. А. Шинаков. По его сведениям,

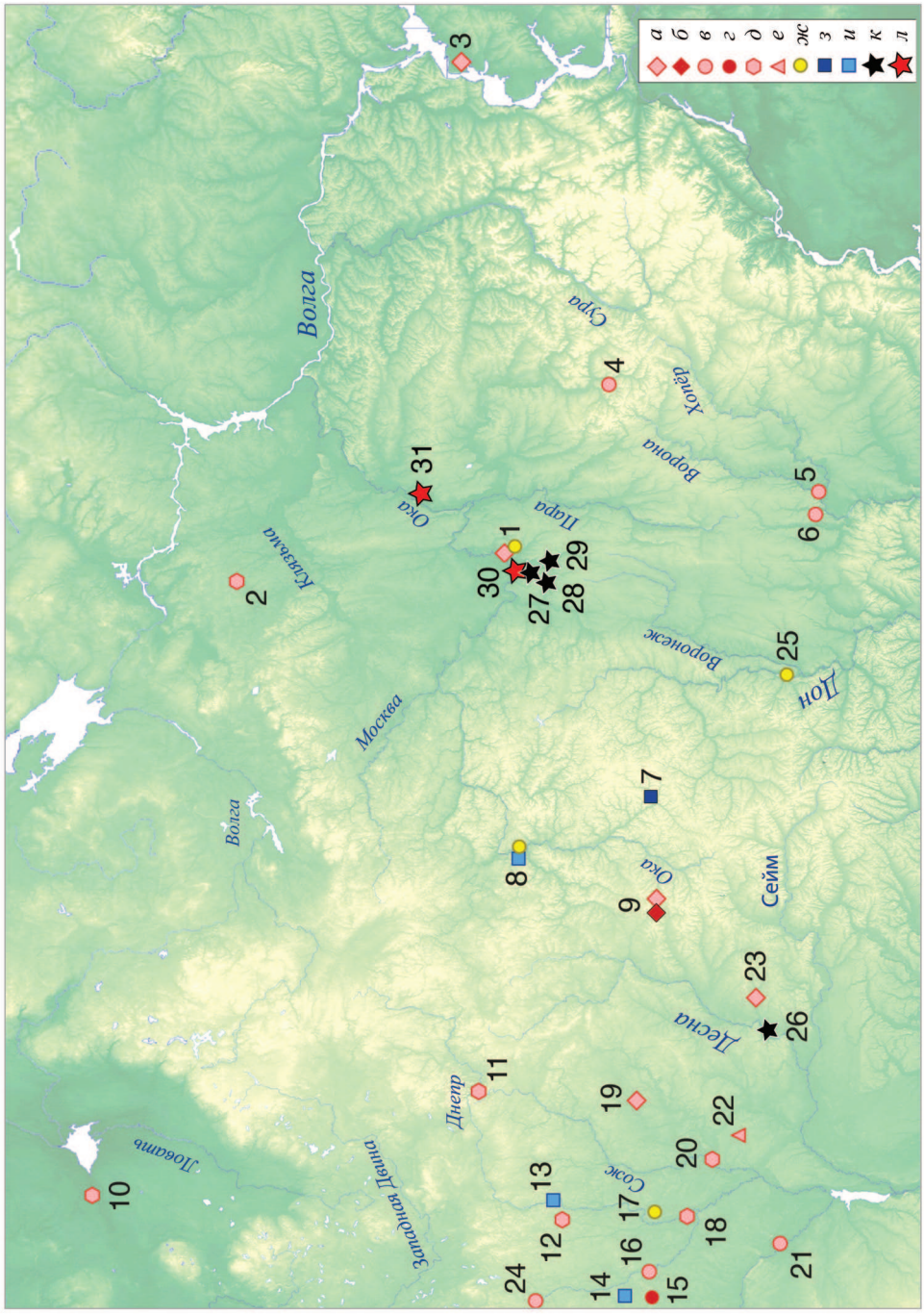
[3] Следует отметить, что из Трубчевского или Навлинского района также известна находка умбона, найденного в 2019 г. в одной яме вместе с тремя серпами. Аналоги данному умбону близки типу D, по Н. Цилингу (*Zieling*, 1989. S. 1015, 1019), датирующиеся сер. II – перв. пол. III в. Находка в 2020 г. передана в один из школьных музеев Брянской области. (Благодарю за информацию сотрудника НОЦ археолого-этнологических исследований Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского Н. Г. Рябчевского.)

клинок был найден на берегу небольшой р. Коломина, впадающей в Десну – левый приток Днепра почти на границе Навлинского и Трубчевского районов Брянской области (*Шинаков*, 2018. С. 35–36. Рис. 8).

В пшеворской культуре подобные формы появляются в фазе С1 (*Biborski*, 1978. Ryc. 24*: b*). Более ранние образцы данного варианта встречались в пшеворских кремациях из Капустинцев и Добростанов, где они датировались фазой B2/C1 (Ibid. S. 79). В более поздней работе М. Биборского рассматриваемому мечу близка по своим пропорциям находка с торфяннника Иллеруп (*Biborski, Ilkjær*, 2006a. Abb. 154*: 3*). В дальнейшем эволюция мечей данного типа достигает длинны свыше 900 мм, и они фиксируются до ранней фазы эпохи Великого переселения народов (типа Эйсбёль-Сарри, по М. Биборскому, Иллеруп-Уилл, по К. Миксу) (*Biborski, Ilkjær*, 2006a. Abb. 157: *5*; *Miks*, 2007a. P. 127–130; 2007b. Taf. 123*: A135*). Для мечей поздних серий не столь характерно крепление рукояти и навершия с помощью заклепывания верхней части хвостовика, что позволяет предположить именно раннюю датировку клинка с р. Коломины. Таким образом, меч из ямы 77 могильника Ундрих в Шиловском районе на данный момент является единственной надежно датируемой находкой клинка III в. в лесной зоне Восточной Европы; меч из Брянской области имеет более широкий диапазон бытования. Конечно, бесконтекстный характер находки не позволяет пока судить о происхождении владельца данного предмета вооружения.

Появление оружия из пшеворского ареала вместе с его носителями в виде дружин в лесной зоне Восточной Европы не столь фантастично, как могло показаться еще двадцать лет назад. Для более раннего периода, второй половины I в. до н. э., можно упомянуть дружинные могильники типа Мутинского, следы которых фиксируются по р. Десна в нескольких местах и доходят до верховий Оскола между Курском и Воронежем (*Терпиловский, Жаров*, 2012). Для ситуации II–III вв. довольно хорошо известны многочисленные «воинские» кремации из Верхнего и Среднего Поднестровья, Западного Побужья, верховий правых притоков Припяти, являющиеся отражением продвижения германских племен в северо-западное Причерноморье с территории Повисленья в период активных боевых действий во время Дакийских и Маркоманских войн (*Радюш*, 2024. В печати). Современное картирование демонстрирует, что погребения пшеворского типа втор. пол. II – сер. III в. пересекаются в одном ареале с вещами круга эмалей на территории верховьев южных притоков Припяти, верховьях Днестра, Прута, Южного и Западного Буга. В настоящее время такие воинские погребения известны уже практически в Среднем Поднепровье (Винницкая, Житомирская обл.)[4]. Нельзя исключать, что некоторые из конфликтов готов, вандалов, гепидов между собой и с «венедами» происходили именно в этом регионе.

[4] Коллеги из Харьковского университета им. В. Н. Каразина сообщили о находке подобного комплекса в Черниговской области, зафиксированной в 2010-х гг., за что я выражаю им искреннюю признательность. Остатки погребения включали обломки ритуально свернутого меча (длина 74 см, ширина 5,5 см), полусферический умбон (диаметр 16,5 см), наконечник копья большой (длина 29 см), наконечник копья малый (длина 16 см), нож (длина 14 см), две шпоры с длинными дужками и зацепами кнопками с луковицеподобными шипами. К этому же комплексу относились две парные треугольные фибулы,


а
б
в
г
д
е
ж
з
и
к
л
Волга
Сура
Хопёр
Ворона
Пара
Ока
Клязьма
Воронеж
Дон
Москва
Волга
Ока
Сейм
Десна
Днепр
Сож
Западная Двина
Ловать
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31

По своей датировке большинство упомянутых погребений делятся на две группы: ранние, относящиеся к эпохе Маркоманских войн (166–180 гг.), и поздние, связанные со Скифскими войнами (232–275/276 гг.). Этими же периодами в регионе датируются многочисленные находки трофеев в виде бронзовых ветеранских дипломов, значков римских подразделений, деталей воинского снаряжения (*Надвірняк и др.*, 2019). Вероятно, представители разных германских группировок в это время действуют одновременно, включая представителей пшеворских и вельбаркских культур, но в походах могли участвовать и выходцы из других германских ареалов. Влияние скандинавской модели на Центральную и Восточную Европу, по мнению исследователя военного дела пшеворской культуры Б. Контного, было не столь заметно (*Kontny*, 2019. S. 44–45). Основа комплекса и типов вооружения для восточногерманских культур сформировалась в пшеворском ареале. Наибольший расцвет Свентокшиского металлургического центра в эти же столетия (Ibid. S. 43) играл большую роль для окружающих культур вплоть до начала позднеримского периода.

Шпоры с эмалевым декором (Типа AII-1-3 всех серий) концентрируются в Среднем Поднепровье, левобережье Днепра, верховьях Сейма и Псла, Северского Донца, а также верховьях Немана (*Radyush*, 2013. Fig. 1; *Радюш*, 2020в. Рис. 27; 2021. Рис. 21). Для раннеримского периода многочисленные находки шпор в группах AII-1-2 и AIIб фиксируются на территории лесостепи, в большинстве своем их конструкция ближе всего к типам, характерным для германских древностей Центральной и Восточной Европы II – перв. пол. III в. В Поднепровье, очевидно уже на основе западных прототипов, формируются и собственные варианты, изготовленные в стилистике восточноевропейских выемчатых эмалей. Анализ находок демонстрирует их широкое распространение по всему Среднему и Верхнему Поднепровью, а также на периферии

Рис. 4 (с. 310). Распространение находок предметов вооружения и бронзовых шпор III в. в верхнем Приильменье, Поднепровье, верхнем Подесенье, Поочье, Подонье и Среднем Поволжье

Условные обозначения: *а* – шпоры типа AII-3-в1; *б* – шпоры типа AII-3-в2; *в* – шпоры типа AII-3-а1/2; *г* – шпоры типа AII-3-а4; *д* – шпоры типа AII-3-а3; *е* – шпоры типа BI-1; *ж* – шпоры типа AII-1-б1; *з* – шпоры типа AII-3- б2; *и* – шпоры типа AII-2-в1; *к* – мечи; *л* – наконечники копий

1 – Тереховское городище; *2* – Большой Давыдовский мог.; *3* – Спасский р-н; *4* – Ражкино; *5* – Тюковое оз.; *6* – Нижний Карачан; *7* – Новосильский р-н; *8* – Воротынск; *9* – Мешково; *10* – Подгощи; *11* – Вердихово; *12* – Веккер; *13* – Могилевский р-н; *14* – Красное; *15* – Глуша; *16* – Бобруйский р-н; *17* – Вишенька; *18* – Жлобинский р-н; *19* – Верещаки; *20* – Ветковский р-н; *21* – Водовичи; *22* – Огородня-Гомельская; *23* – Новоямское-3; *24* – Борисовский р-н; *25* – Шиловский; *26* – р. Коломина; *27* – Ундрих; *28* – р. Тырница; *29* – Березово; *30* – Борок-2; *31* – Пермиловский/Ефановский мог.

декорированные красными и светлыми эмалевыми вставками, хвостовая часть оформлена выступами в барочном стиле. Датировка комплекса на основе предметов вооружения вероятна в пределах фазы C1b. К сожалению, вследствие объективных обстоятельств надежно верифицировать место находки не удалось.

культур к западу и востоку, что очевидно отражает активные контакты, в том числе и военного характера с вельбаркским, западнобалтским и финно-угорским населением. Проведенное картирование бронзовых шпор по типам (рис. 4) демонстрирует, что шпоры, декорированные эмалевыми вставками, практически не попадают в верховья Днепра, Поочье и Поволжье, в то же время на этой территории распространены в основном особые формы шпор без эмалей с серповидными выступами либо с декором в виде шишковидных выступов (типа AII-3). Украшения в виде небольших выступов-шишек на корпусе шпор на кнопках и площадках практически во всех случаях относятся к находкам из лесной зоны, заходя далеко на север от основного ареала эмалей (Подгощи, Большой Давыдовский могильник).

Отдельные находки в Крыму, Посурье, Поочье, Поволжье могут свидетельствовать о возможных дальних походах дружин или присутствие наемников (?) из Поднепровья. Наиболее ярко об этом говорят находки бронзовых шпор, в том числе декорированных в стилистике восточноевропейских выемчатых эмалей, хотя в среде носителей киевской культуры использовались и более простые шпоры – железные, с зацепами-крюками. Участие «носителей» такого эмалевого комплекса в военных действиях на территории Северного Причерноморья, конечно, реконструируется в качестве гипотезы. Следами таких походов, возможно, являются находки римских и боспорских бронзовых монет III в. на поселениях в верхнем Поднепровье и на левобережье Днепра (*Радюш*, 2020в. С. 347–348). На это может указывать и особенность набора вещей с выемчатыми эмалями в этой зоне, которые чаще всего они представлены шпорами, подковообразными фибулами, рогами для питья, тогда как предметы из женского убора единичны (Там же. С. 348). Проникновение отрядов из Центральной Европы, возможно, вместе с Днепровскими носителями комплекса вещей с выемчатыми эмалями в Поочье, судя по отдельным находкам, также фиксируется в этот период (*Ахмедов*, 2010. С. 25–30), что подтверждается и представленными в данной публикации образцами вооружения в Шиловском районе.

Таким образом, довольно широкое распространение предметов вооружения и всаднического снаряжения, а также находок чернолощеной профилированной посуды и выемчатых эмалей в различных регионах Восточной Европы указывает на активные военные контакты и формирование воинских дружин во II–III вв. Это свидетельствует о сложных взаимоотношениях между различными этнокультурными группами и важности военных аспектов в их взаимодействии.

ЛИТЕРАТУРА

АКР. Нижегородская область. Ч. 2 / Ред. А. В. Кашкин. М.: ИА РАН, 2008. 464 с.

Ахмедов И. Р., 1995. Из истории конского убора и предметов снаряжения всадника Рязано-Окских могильников // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 4. Рязань: Науч.-производ. центр по охране и использованию *памятников* истории и культуры Рязанской обл. С. 89–111.

Ахмедов И. Р., 2003. Комплекс предметов с городища Долматово Старожиловского района Рязанской области // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань: Поверенный. С. 128–138.

Ахмедов И. Р., 2007. Глава 3.2. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тыс. н. э. / Отв. ред.: И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 137–185. (РСМ; вып. 9.)

Ахмедов И. Р., 2010. «Свев» из Мордовии. К изучению культурных контактов поволжских финнов в III в. н. э. // РА. № 1. С. 26–37.

Ахмедов И. Р., 2014. Ранняя группа мечей из рязано-окских могильников // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего Латена до позднего средневековья / Ред. О. В. Двуреченский. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 24–39.

Ахмедов И. Р., 2018. Восточноевропейские эмали на Волге и Оке // Studia Barbarica: Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin. T. I / Red. B. Niezabitowska-Wiśniewska et al. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. P. 648–669.

Ахмедов И. Р., 2020. Фибулы «AVCISSA» в Посурье и Поочье // История вещей – история и вещи: к 60-летнему юбилею И. О. Гавритухина / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 36–47. (РСМ; вып. 20.)

Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В., 2019. Находки круга «восточноевропейских» эмалей и некоторые вопросы формирования культурного комплекса рязано-окских финнов // КСИА. Вып. 254. С. 128–152.

Воронцов А. М., 2020. Находки круга восточноевропейских выемчатых эмалей на территории мощинской культуры // Germania – Sarmatia. III / Ред. О. А. Радюш и др. М.: ИА РАН. С. 262–279.

Гаврилов А. П., 2016. Длинно-клинковое оружие междуречья рек Пары и Тырницы Шиловского района Рязанской области // Мещёра-край. Вып. 6 / Ред., сост. С. С. Михайлов. М.: АИРО-XXI. С. 150–170.

Гавритухин И. О., Воронцов А. М., 2018. Узкие ременные наконечники со щелью для крепления, бытовавшие во 2–3 веках на востоке Европы // Studia Barbarica: Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin. T. I / Red. B. Niezabitowska-Wiśniewska et al. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. S. 592–617.

Гришаков В. В., 2005. Население верховьев Мокши и Суры накануне Средневековья. Саранск: Мордовский гос. пед. ун-т. 95 с.

Корзухина Г. Ф., 1978. Предметы убора с выемчатыми эмалями V–VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. М.: Изд-во АН СССР. 124 с. (САИ; вып. Е1-43.)

Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е., 2010. Могильник Большое Давыдовское-2 – погребальный памятник первой половины I тыс. н. э. в Суздальском Ополье // РА. № 1. С. 41–52.

Малашев В. Ю., Обломский А. М., 2002. Поясная центрально-европейская гарнитура римского времени на территории Днепровского левобережья // РА. № 4. С. 113–124.

Надвірняк О. В., Погорілець О. Г., Холдер П., Надвірняк О. О., 2019. Римські військові дипломи на території південно-східної Європи (частина 2) // Старожитності варварських племен у першій половині I тис. н. е. / Ред. О. В. Петраускас и др. Київ. С. 133–147. (Oium; 6.)

Обломский А. М., 2005. Об одной группе сосудов эпохи Великого переселения народов // РА. № 2. С. 32–45.

Полесских М. Р., 1991. Ражкинский могильник // АВЕС. Вып. 2. С. 152–167.

Радюш О. А., 2007. Новая находка римского меча в Сочинском районе Краснодарского края // РА. № 3. С. 37–41.

Радюш О. А., 2013. Элементы всаднической и дружинной культуры II–III вв. в Поднепровье // SP. № 4. С. 51–73.

Радюш О. А., 2020а. Новый ареал вещей круга выемчатых эмалей в Орловском верхнем Поочье // Краеведческие записки. Вып. 13 / Ред. Д. А. Моисеев и др. Орел: Картуш. С. 140–156.

Радюш О. А., 2020б. Распространение вещей круга восточноевропейских выемчатых эмалей в верхнем течении Днепра и Северского Донца на территории Курской и Белгородской областей России (материалы к каталогу) // Germania – Sarmatia. III / Ред. О. А. Радюш и др. М.: ИА РАН. С. 156–187.

Радюш О. А., 2020в. Варварские эмали Восточной Европы – современное состояние источниковой базы и опыт картирования // Germania – Sarmatia. III / Ред. О. А. Радюш и др. М.: ИА РАН. С. 320–357.

Радюш О. А., 2021. Новые данные о распространении вещей круга восточноевропейских выемчатых эмалей в верхнем течении Днепра, Немана, Западного Буга, Западной Двины, Ловати на территории Беларуси и России (материалы к каталогу) // Экспедиция длиною в жизнь: материалы конф. памяти А. Н. Плавинского / Ред. Н. А. Плавинский и др. Минск: Нац. ист. музей Республики Беларусь. С. 59–105.

Радюш О. А., 2022. Вооружение и кавалерийское снаряжение населения западной части Восточной Европы (II в. до н. э. – V в. н. э.): автореф. дис. … канд. ист. наук / ИА РАН. М. 32 с.

Радюш О. А., 2023. Шлемы I–VI вв. н. э. на территории леса и лесостепи Восточной Европы (в связи с находками в Среднем Поочье) // Пять лет деятельности рязано-окского исторического сообщества: Результаты и итоги научно-просветительской деятельности: сб. материалов межрегион. науч.-практ. конф. / Сост. С. С. Кудряшова. Рязань: Рязанский обл. науч.-метод. центр нар. творчества. С. 32–34.

Радюш О. А., 2024. Вторжения с запада на территорию Восточной Европы в конце I в. до н. э., II–III в. н. э. (археологические реалии) // SP. № 4. (В печати.)

Радюш О. А., Зубов С. Э., 2014. Шлемы Среднего Поволжья в среднесарматское время // Уфимский археологический вестник. Вып. 14. С. 94–104.

Румянцева О. С., 2007. Рязано-окские могильники. Керамика центральной группы могильников // Восточная Европа в середине I тыс. н. э. / Отв. ред.: И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 247–272. (РСМ; вып. 9.)

Селезнев Ф. Я., 1925. Археологические исследования в окрестности Мурома. Культура финнов средней Оки // Труды Владимирского государственного областного музея. Вып. II. Владимир. С. 3–31.

Спицын А. А., 1903. Предметы с выемчатой эмалью. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова. 44 с. (Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества; т. 5, вып. 1.)

Сташенков Д. А., 2010. О ранней дате именьковской культуры // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции / Отв. ред. Л. В. Кузнецова. Самара: Офорт. С. 111–125. (Краеведческие записки; вып. XV.)

Терпиловский Р. В., Жаров Г. В., 2012. Дружинный могильник рубежа эр на Сейме // Inter ambo maria. Северные варвары на пути из Скандинавии к Черному морю: тез. докл. Симферополь: Таврический нац. ун-т. С. 305–311.

Хреков А. А., 2017. Узколезвийные проушные топоры, шпоры и некоторые вопросы этнической истории Прихоперья // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 15. Саратов: Науч.-исслед. центр по сохранению культур. наследия. С. 199–214.

Шинаков Е. А., 2018. От Чернигова до Смоленска: военная история юго-западного русского порубежья с древнейших времен до XVII в. М.: Центрполиграф. 478 с.

Ardeleanu M., 2009. Pintenii germanici din Barbaricum (Sec. II–III p. Chr.) // Crisia. XXXIX. Oradea. S. 55–73.

Biborski M., 1978. Miecze z okresu wpływów rzymskich na obszarze kultury przeworskiej // Materiały Archeologiczne. T. 18. S. 53–165.

Biborski M., Ilkjær J., 2006. Illerup Ådal 11. Die Schwerter. Textband. (Jutland Archaeological Society Publications. XXV: 11). Århus: Aarhus University press. 412 s.

Geschwinde M., 2013. Eine rätselhafte Lanzenspitze aus Kalefeld // Roms vergessener Feldzug. Die Schlacht am Harzhorn. Stuttgart: K. Theiss. S. 345–348.

Giesler U., 1978. Jüngerkaiserzeitliche Nietknopfsporen mit Dreipunkthalterung vom Typ Leuna // Saalburg Jahrbuch. XXXV. Saalburg. S. 5–56.

Ginalski J., 1991. Ostrogi kabłakowe kultury Przeworskiej. Klasyfikacja typologiczna // Przegląd Archeologiczny. T. XXXVIII. Wrocław: Instytut Historii Kultury Materialnej Polskiej Akademii Nauk. S. 53–84.

Godłowski K., 1994. Die Chronologie der germanischen Waffengräber in der jüngeren und späten Kaiserzeit // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten: Akten des 2. Internationalen Kolloquiums in Marburg a.d. Lahn, 20–24. Februar 1994. Lublin; Marburg. S. 169–178.

Horbacz T. J., Oledzki M., 1998. Roman inlaid Swords // Journal of roman military equipment studies. Vol. 9. Oxford. P. 19–30.

Ilkjær J., 1990a. Illerup Ådal. 1. Die Lanzen und Speere. Textband. Århus: Aarhus University press. 404 s. (Jutland Archeological Society Publications; XXV.)
Jahn M., 1921. Der Reitersporn. Seine Entstehung und früheste Entwicklung. Leipzig: C. Kabitzsch. 128 s. (Mannus bibliotek; 21.)
Jaskanis J., 2013. Szwajcaria. Cmentarzysko bałtyjskie kultury sudowskiej w północno-wschodniej Polsce. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne. 552 s.
Kaczanowski P., 1995. Klasyfikacja grotów broni drzewcowej kultury przeworskiej z okresu rzymskiego. Kraków: Uniwersytet Jagielloński. 77 s.
Kontny B., 2018. Pierwsza ostroga zdobiona polami emalii z ziem polskich, albo o radości płynącej z bycia archeologiem // Studia Barbarica. Professorovi Andrzeiowi Kokowskiemu w 65 Rocznice Urodzin. T. I. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej. S. 332–353.
Kontny B., 2019. Archeologia wojny. Studia nad uzbrojeniem barbarzyńskiej Europy okresów wpływów rzymskich i wędrówek ludów. Oświęcim: Napoleon V. 232 s.
Michelbertas M., 2011. Paalksnių archeologijos paminklai. Vilnius: Vilniaus Universitetas. 244 p.
Miks Ch., 2007a. Studien zur römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit. T. I. Rahden: Marie Leidorf. 522 S. (Kölner Studien zur Archäologie der römischen Provinzen; 8.)
Miks Ch., 2007b. Studien zur römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit. T. II. Rahden: Marie Leidorf. 416 S. (Kölner studien zur archäologie der römischen provinzen; 8.)
Müller-Karpe A., 2005. Eisenwaffen vom Bleibeskopf im Taunus – Zeugnisse unruhiger Zeiten während der pax romana? // Festschrift für Horst Wolfgang Böhme zum 65. Geburtstag. I. Rahden: Marie Leidorf. S. 319–322.
Nowakowski W., 1996. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg; Warszawa: Druk. 322 S. (Veröffentlichung des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg; Sonderband 10.)
Radyush O. A., 2013. The Second and Third Century Knob Spurs (Knopfsporen) in the Middle and Upper Dnieper Area // Inter Ambo maria. Northern barbarians from Scandinavia towards the Black sea. Kristiansand; Simferopol: Dolya. P. 317–334.
Schmuhl Y., 2013. Hinter Schloss und Riegel // Roms vergessener Feldzug. Die Schlacht am Harzhorn. Stuttgart: K. Theiss. S. 317–324.
Smółka-Antkowiak E., 2016. Ostrogi krzesłowate w okresie wpływów rzymskich – stan i potrzeby badań // Acta Universitatis Lodziensis. Folia archaeologica. T. 31. Łódź. S. 19–34.
Zieling N., 1989. Studien zu germanischen Schilden der Spätlatène- und der römischen Kaiserzeit im freien Germanien. T. I–III. Oxford: BAR. 1065 S. (BAR. International Series; 505.)

Сведения об авторе

Радюш Олег Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: radjush@mail.ru

O. A. Radyush

THE WEAPONS AND HORSE-RIDING GEAR OF «WESTERN» ORIGIN IN THE MIDDLE OKA REGION FROM THE SECOND – THIRD CENTURIES AND THEIR CULTURAL AND HISTORICAL CONTEXT

Abstract. The article publishes a number of finds unique to the region of the 2nd–3rd centuries AD, originating from the territory of the Ryazan region (Shilovsky district) and the Nizhny Novgorod region (Navashinsky city district). A sword and two spears belong to the items of armament characteristic of the Central European (East German) circle of cultures. Two bronze spurs are associated with a circle of East European barbarian enamels. The appearance of these objects in the region is considered in the context

of complex historical and cultural processes in the territory of the forest and forest-steppe zones of the central part of Eastern Europe associated with the penetration of military groups from Central Europe to the east, including into the forest zone and the formation of the local horizon containing champlevем items in the 3rd century AD.

Keywords: weapons, river Oka, river Desna, Ryazan region, Nizhny Novgorod region, East European champlevé enamels, swords, spearheads, 2nd–3rd centuries AD, spurs, Przeworsk culture, Kiev culture.

REFERENCES

Akhmedov I. R., 1995. Iz istorii konskogo ubora i predmetov snaryazheniya vsadnika Ryazano-Okskikh mogil'nikov [From the history of horse harness and items of rider's equipment from Ryazan-Oka cemeteries]. *Arkheologicheskie pamyatniki Srednego Pooch'ya [Archaeological sites of Middle Oka region]*, 4. Ryazan: Nauchno-proizvodstvennyy tsentr po okhrane i ispol'zovaniyu pamyatnikov istorii i kul'tury Ryazanskoy oblasti, pp. 89–111.

Akhmedov I. R., 2003. Kompleks predmetov s gorodishcha Dolmatovo Starozhilovskogo rayona Ryazanskoy oblasti [A complex of objects from Dolmatovo hillfort, Starozhilovsky district, Ryazan region]. *Problemy drevney i srednevekovoy arkheologii Okskogo basseyna [Problems of ancient and medieval archaeology of Oka basin]*. Ryazan: Poverennyy, pp. 128–138.

Akhmedov I. R., 2007. Glava 3.2. Inventar' muzhskikh pogrebeniy [Chapter 3.2. Inventory of male burials]. *Vostochnaya Evropa v seredine I tys. n. e. [Eastern Europe in mid I mill. AD]*. I. O. Gavritukhin, A. M. Oblomskiy, eds. Moscow: IA RAN, pp. 137–185. (RSM, 9.)

Akhmedov I. R., 2010. «Svev» iz Mordovii. K izucheniyu kul'turnykh kontaktov povolzhskikh finnov v III v. n. e. [The «Suebian» from Mordovia. Towards the research of ethnic and cultural contacts of the Volga Finns in 3rd century AD]. *RA*, 1, pp. 26–37.

Akhmedov I. R., 2014. Rannyaya gruppa mechey iz ryazano-okskikh mogil'nikov [An early group of swords from Ryazan-Oka cemeteries]. *Voinskie traditsii v arkheologicheskom kontekste: ot pozdnego Latena do pozdnego srednevekov'ya [Military traditions in archaeological context: from Late La Tene to the High Middle Ages]*. O. V. Dvurechenskiy, ed. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole», pp. 24–39.

Akhmedov I. R., 2018. Vostochnoevropeyskie emali na Volge i Oke [East European enamels on the Volga and Oka]. *Studia Barbarica: Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin*, 1. B. Niezabitowska-Wiśniewska, ed. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, pp. 648–669.

Akhmedov I. R., 2020. Fibuly «AVCISSA» v Posur'e i Pooch'e [«AVCISSA»-type fibulae in Sura and Oka regions]. *Istoriya veshchey – istoriya i veshchi [History of artefacts – history and artefacts]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 36–47. (RSM, 20.)

Akhmedov I. R., Belotserkovskaya I. V., 2019. Nakhodki kruga «vostochnoevropeyskikh» emaley i nekotorye voprosy formirovaniya kul'turnogo kompleksa ryazano-okskikh finnov [Finds of the 'Eastern European' type of enamels and some issues related to development of the Ryazan-Oka Finns' culture assemblages]. *KSIA*, 254, pp. 128–152.

AKR. Nizhegorodskaya oblast' [AKR. Nizhniy Novgorod region], 2. A. V. Kashkin, ed. Moscow: IA RAN, 2008. 464 p.

Gavrilov A. P., 2016. Dlinno-klinkovoe oruzhie mezhdurech'ya rek Pary i Tyrnitsy Shilovskogo rayona Ryazanskoy oblasti [Long-bladed weapons between rivers Pakhra and Tyrnitsa, Shilovsky district, Ryazan region]. *Meshchera-kray [Meshchera-land]*, 6. S. S. Mikhaylov, ed., comp. Moscow: AIRO-XXI, pp. 150–170.

Gavritukhin I. O., Vorontsov A. M., 2018. Uzkie remennye nakonechniki so shchel'yu dlya krepleniya, bytovavshie vo 2–3 vekakh na vostoke Evropy [Narrow belt-ends with a slot for fastening, which existed in 2–3 centuries in the East of Europe]. *Studia Barbarica: Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin*, 1. B. Niezabitowska-Wiśniewska, ed. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, pp. 592–617.

Grishakov V. V., 2005. Naselenie verkhov'ev Mokshi i Sury nakanune srednevekov'ya [Population of upper reaches of Moksha and Sura on the eve of Middle Ages]. Saransk: Mordovskiy gos. pedagogicheskiy universitet. 95 p.

Khrekov A. A., 2017. Uzkolezviynye proushnye topory, shpory i nekotorye voprosy etnicheskoy istorii Prikhoper'ya [Narrow-bladed shaft-hole axes, spurs and some issues of ethnic history of Khoper region]. *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraya [Archaeological heritage of Saratov region]*, 15. Saratov: Nauchno-issledovatel'skiy tsentr po sokhraneniyu kul'turnogo naslediya, pp. 199–214.

Korzukhina G. F., 1978. Predmety ubora s vyemchatymi emalyami V–VI v. n. e. v Srednem Podneprov'e [Attire items with champleve enamels of V–VI c. AD in Middle Dnieper region]. Moscow: AN SSSR. 124 p. (SAI.)

Makarov N. A., Krasnikova A. M., Zaytseva I. E., 2010. Mogil'nik Bol'shoe Davydovskoe-2 – pogrebal'nyy pamyatnik pervoy poloviny I tys. n. e. v Suzdal'skom Opol'e [Bolshoe Davydovskoe-2 cemetery – a burial site of the first half of I mill. AD in Suzdal Opolye]. *RA*, 1, pp. 41–52.

Malashev V. Yu., Oblomskiy A. M., 2002. Poyasnaya tsentral'no-evropeyskaya garnitura rimskogo vremeni na territorii Dneprovskogo levoberezh'ya [Central European belt-set of Roman time in Dnieper left bank region]. *RA*, 4, pp. 113–124.

Nadvirnyak O. V., Pogorilets' O. G., Kholder P., Nadvirnyak O. O., 2019. Rims'ki viys'kovi diplomi na teritoriï pivdenno-skhidnoï Evropi (chastina 2) [Roman military diplomas in territory of South-Eastern Europe (part 2)]. *Ctarozhitnosti varvars'kikh plemen u pershiy polovini I tis. n. e. [Antiquities of barbaric tribes in first half of I mill. AD]*. O. V. Petrauskas, ed. Kiev, pp. 133–147. (Oium, 6.)

Oblomskiy A. M., 2005. Ob odnoy gruppe sosudov epokhi Velikogo pereseleniya narodov [On one group of vessels of Migration period]. *RA*, 2, pp. 32–45.

Polesskikh M. R., 1991. Razhkinskiy mogil'nik [Razhkinskiy cemetery]. *AVES*, 2, pp. 152–167.

Radyush O. A., 2007. Novaya nakhodka rimskogo mecha v Sochinskom rayone Krasnodarskogo kraya [New find of a Roman sword in Sochi district, Krasnodar Krai]. *RA*, 3, pp. 37–41.

Radyush O. A., 2013. Elementy vsadnicheskoy i druzhinnoy kul'tury II–III vv. v Podneprov'e [Elements of riders and military culture of II–III cc. in Dnieper region]. *SP*, 4, pp. 51–73.

Radyush O. A., 2020a. Novyy areal veshchey kruga vyemchatykh emaley v Orlovskom verkhnem Pooch'e [A new area of items of the circle of champlevé enamels in the Orel Upper Oka region]. *Kraevedcheskie zapiski [Local lore notes]*, 13. D. A. Moiseev, ed. Orel: Kartush, pp. 140–156.

Radyush O. A., 2020b. Rasprostranenie veshchey kruga vostochnoevropeyskikh vyemchatykh emaley v verkhnem techenii Dnepra i Severskogo Dontsa na territorii Kurskoy i Belgorodskoy oblastey Rossii (materialy k katalogu) [Spread of items from the circle of East European champlevé enamels in upper reaches of the Dnieper and Seversky Donets, Kursk and Belgorod regions of Russia (materials for catalogue)]. *Germania – Sarmatia*, III. O. A. Radyush, ed. Moscow: IA RAN, pp. 156–187.

Radyush O. A., 2020v. Varvarskie emali Vostochnoy Evropy – sovremennoe sostoyanie istochnikovoy bazy i opyt kartirovaniya [Barbarian enamels of Eastern Europe – current state of the source base and mapping experience]. *Germania – Sarmatia*, III. O. A. Radyush, ed. Moscow: IA RAN, pp. 320–357.

Radyush O. A., 2021. Novye dannye o rasprostranenii veshchey kruga vostochnoevropeyskikh vyemchatykh emaley v verkhnem techenii Dnepra, Nemana, Zapadnogo Buga, Zapadnoy Dviny, Lovati na territorii Belarusi i Rossii (materialy k katalogu) [New data on spread of items from the circle of East European champlevé enamels in upper reaches of the Dnieper, Neman, Western Bug, Western Dvina, Lovat' in Belarus and Russia (materials for catalog)]. *Ekspeditsiya dlinoyu v zhizn' [A lifetime-long expedition]*. N. A. Plavinskiy, ed. Minsk: Natsional'nyy istoricheskiy muzey Respubliki Belarus, pp. 59–105.

Radyush O. A., 2022. Vooruzhenie i kavaleriyskoe snaryazhenie naseleniya zapadnoy chasti Vostochnoy Evropy (II v. do n. e. – V v. n. e.): avtoreferat dissertatsii … kandidata istoricheskikh nauk [Armament and cavalry equipment of the population of the western part of Eastern Europe (II c. BC – V c. AD): PhD Thesis]. Moscow. 32 p.

Radyush O. A., 2023. Shlemy I–VI vv. n. e. na territorii lesa i lesostepi Vostochnoy Evropy (v svyazi s nakhodkami v Srednem Pooch'e) [Helmets of I–VI cc. AD in territory of forest and forest-steppe of Eastern Europe (in relation with finds from Middle Oka region)]. *Pyat' let deyatel'nosti ryazano-okskogo istoricheskogo soobshchestva: Rezul'taty i itogi nauchno-prosvetitel'skoy deyatel'nosti*

[Five years of activity of Ryazan-Oka historical community: Results and outcomes of scientific and educational activities]. S. S. Kudryashova, comp. Ryazan: Ryazanskiy oblastnoy nauchno-metodicheskiy tsentr narodnogo tvorchestva, pp. 32–34.

Radyush O. A., 2024. Vtorzheniya s zapada na territoriyu Vostochnoy Evropy v kontse I v. do n. e., II–III v. n. e. (arkheologicheskie realii) [Invasions from the West into the territory of Eastern Europe at the end of I c. BC, II–III c. AD (archaeological realities)]. *SP*, 4. (In print.)

Radyush O. A., Zubov S. E., 2014. Shlemy Srednego Povolzh'ya v srednesarmatskoe vremya [Helmets of Middle Volga region in Middle Sarmatian period]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik [Ufa archaeological bulletin]*, 14, pp. 94–104.

Rumyantseva O. S., 2007. Ryazano-okskie mogil'niki. Keramika tsentral'noy gruppy mogil'nikov [Ryazan-Oka cemeteries. Ceramics of central group of cemeteries]. *Vostochnaya Evropa v seredine I tys. n. e. [Eastern Europe in mid I mill. AD]*. I. O. Gavritukhin, A. M. Oblomskiy, eds. Moscow: IA RAN, pp. 247–272. (RSM, 9.)

Seleznev F. Ya., 1925. Arkheologicheskie issledovaniya v okrestnosti Muroma. Kul'tura finnov srednev Oki [Archaeological research in vicinity of Murom. Culture of the Middle Oka Finns]. *Trudy Vladimirskogo gosudarstvennogo oblastnogo muzeya [Proceedings of Vladimir state regional museum]*, II. Vladimir, pp. 3–31.

Shinakov E. A., 2018. Ot Chernigova do Smolenska: voennaya istoriya yugo-zapadnogo russkogo porubezh'ya s drevneyshikh vremen do XVII v. [From Chernigov to Smolensk: military history of Southwestern Russian frontier from ancient times to XVII c.]. Moscow: Tsentrpoligraf. 478 p.

Spitsyn A. A., 1903. Predmety s vyemchatoy emal'yu [Artefacts with champlevé enamel]. St. Petersburg: Tipografiya I. N. Skorokhodova. 44 p. (Zapiski Otdeleniya russkoy i slavyanskoy arkheologii Imperatorskogo russkogo arkheologicheskogo obshchestva, vol. 5, iss. 1.)

Stashenkov D. A., 2010. O ranney date imen'kovskoy kul'tury [On early date of Imen'kovka culture]. *40 let Srednevolzhskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [40 years of Middle Volga archaeological expedition]*. L. V. Kuznetsova, ed. Samara: Ofort, pp. 111–125. (Kraevedcheskie zapiski, XV.)

Terpilovskiy R. V., Zharov G. V., 2012. Druzhinnyy mogil'nik rubezha er na Seyme [Military cemetery of the turn of the eras on Seym]. *Inter ambo maria. Severnye varvary na puti iz Skandinavii k Chernomu moryu [Inter ambo maria. Northern barbarians on their way from Scandinavia to the Black Sea]*. Simferopol: Tavricheskiy natsionalnyy universitet, pp. 305–311.

Vorontsov A. M., 2020. Nakhodki kruga vostochnoevropeyskikh vyemchatykh emaley na territorii moshchinskoy kul'tury [Finds of a circle of East European champlevé enamels in territory of Moshchiny culture]. *Germania – Sarmatia*, III. O. A. Radyush, ed. Moscow: IA RAN, pp. 262–279.

About the author

Radyush Oleg A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: radjush@mail.ru

В. В. Бегунова, Н. В. Лопатин

НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ КЕРАМИКИ ГОРОДИЩА ДЕМИДОВКА[1]

Резюме. Представлен общий обзор коллекции керамики из раскопок городища Демидовка в Смоленском Поднепровье – одного из важнейших памятников железного века в этом регионе. Материалы делятся на три основные культурно-хронологические группы: днепро-двинская культура, древности типа среднего слоя Тушемли и культура типа Тушемля-Колочин. Главное внимание уделяется последней группе и, в частности, двум небольшим сериям керамики с ребром в верхней части, которое подчеркнуто оттянутым валиком. Рассмотрение синхронных и асинхронных связей этих серий приводит к выводу о том, что это не только особый элемент в развитии керамических традиций в культуре типа Тушемля-Колочин, но и связующее звено с древностями типа селища Узмень и псковских длинных курганов.

Ключевые слова: ранний железный век, Великое переселение народов, городища Смоленщины, тушемлинская культура, колочинская культура, киевская культура, лепная керамика.

Городище Демидовка – один из важнейших памятников эпохи переселения народов в Смоленском Поднепровье. Его материалы имеют большое значение для изучения многих вопросов истории лесной зоны Восточной Европы в целом. Городище почти полностью исследовано Е. А. Шмидтом в 1957–1967 гг. Раскопанная площадь составила 1076 кв. м при мощности слоя на некоторых участках более 2 м. Материалы и результаты их интерпретации публиковались как автором раскопок, так и другими исследователями (*Кренке и др*., 2021; 2023. Там же см. историографию памятника).

Керамика памятника хранится в Смоленском государственном музее-заповеднике (описи № СОМ 14869, 14925, 15195, 16119, 16128, 16478, 16768). Эта

[1] Статья по теме НИР «Панорама историко-культурных процессов на территории Восточной Европы в римское время и эпоху Великого переселения народов по археологическим данным (I–VII вв.)» (№ НИОКТР 122011200267-0).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.275.319-329

коллекция насчитывает более 14 тыс. фрагментов и является одной из наиболее многочисленных в фонде археологии Смоленского музея. Она распределяется по годам раскопок следующим образом (табл. 1). Новое подробное исследование коллекции позволило получить сведения, уточняющие интерпретацию городища Демидовка.

Таблица 1. Общее количество керамики в коллекции по годам раскопок

	1957	1958	1961	1962	1964	1965	1966	1967, вост. раскоп	1967, зап. раскоп	Всего
Фрагментов	315	546	948	3434	3807	1753	1979	443	920	14 145
Венчиков	77	115	219	841	843	534	568	210	434	3838
Целых сосудов	1			4	1	2	1		1	10

В изучаемом массиве керамики наиболее пригодны для культурной атрибуции фрагменты верхних частей сосудов (венчики). Эти материалы делятся на три группы, которые соответствуют периодизации «древних городищ Смоленщины», разработанной П. Н. Третьяковым на материалах городища Тушемля и получившей развитие в работах Е. А. Шмидта (*Третьяков, Шмидт*, 1963; *Шмидт*, 1992; 2003).

В группу первого периода включена керамика нижнего горизонта культурного слоя. Она относится к днепро-двинской культуре раннего железного века и датируется VIII в. до н. э. – началом н. э. (рис. 1: *1–3*). Сосуды относительно тонкостенны, с коротким, чаще всего прямым или немного отогнутым венчиком, многие из них имеют заметные шейку и плечико под вертикальным венчиком. Редко встречаются фрагменты с высоким прямым венчиком (рис. 1: *3*). Обращают на себя внимание фрагменты более плавного профиля с орнаментом, нанесенным гребенчатым штампом (рис. 1: *1*), относящиеся к началу указанного хронологического интервала. Фрагменты керамики, характерные для нижнего горизонта, присутствуют в довольно большом количестве во всех пластах (очевидно, в результате перекопов); их доля становится преобладающей в пласте 4 (68,5 %) и остается таковой во всех нижележащих пластах (табл. 2).

Таблица 2. Распределение венчиков трех хронологических группах по пластам

	1	2	3	4	5	6	7	8	9–10	Всего
Верхний	1378	761	204	52	5	19	5			2424
Средний	49	97	72	10						228
Нижний	37	110	159	172	75	89	62	15	9	728
	1464	949	435	234	80	108	67	15	9	3380

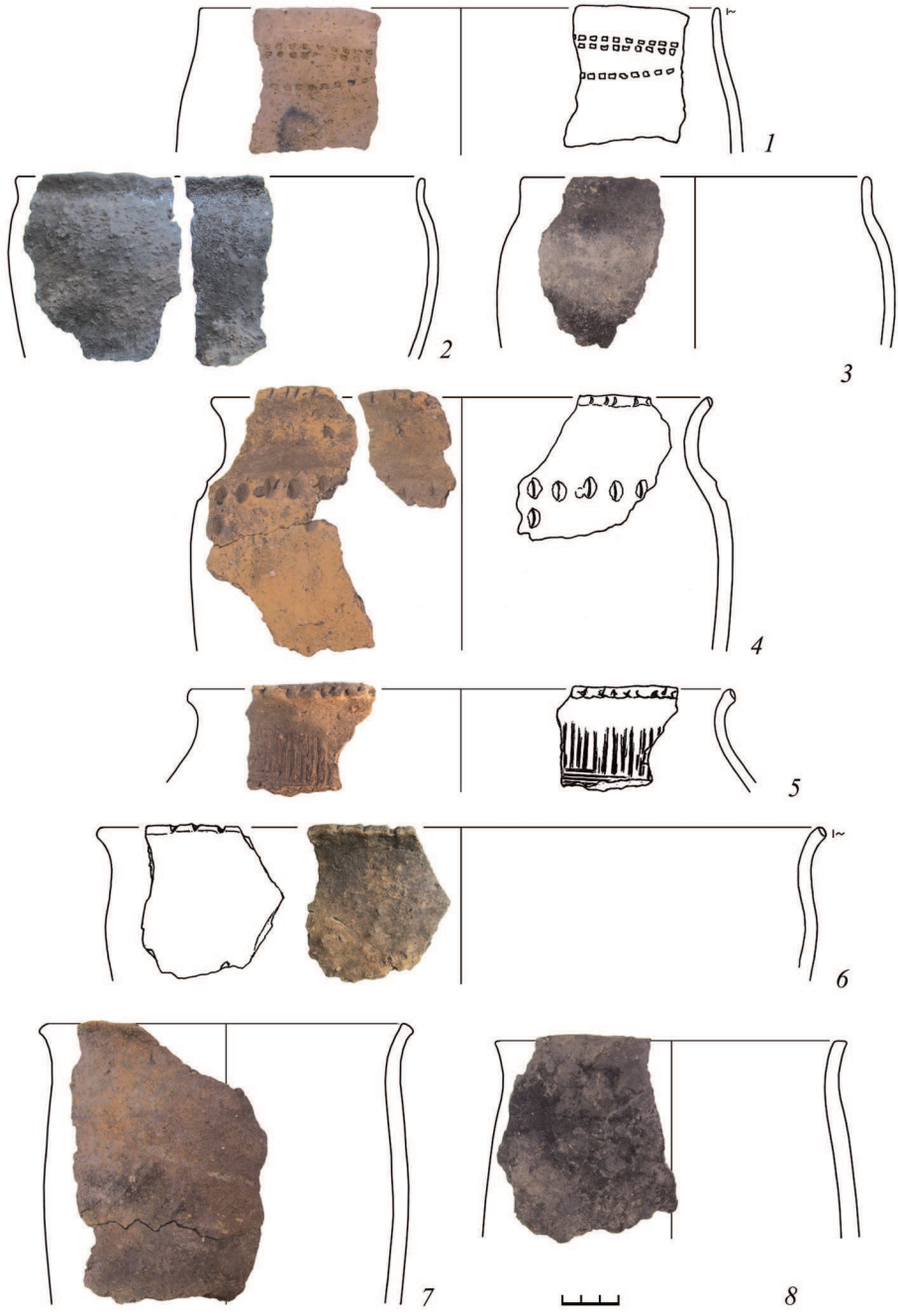


Рис. 1. Образцы керамики городища Демидовка

1–3 – днепро-двинской культуры; *4–6* – типа среднего слоя Тушемли; *7, 8* – из верхнего горизонта. Рис. авторов, фото В. В. Бегуновой

Следующую группу составляет керамика типа «среднего слоя городища Тушемля» первых веков н. э. (рис. 1: *4–6*). Она более толстостенная и грубая, имеет отогнутый наружу край и в литературе иногда называется «профилированной». Как правило, основной отличительной чертой этой керамики является орнаментация в виде насечек или ногтевых вдавлений по краю венчика, часто также по плечу сосуда. Керамика «среднего слоя Тушемли» не доминирует над другими группами ни в одном из пластов (табл. 2). Наибольшее ее количество зафиксировано во 2-м и 3-м пластах. В плане не наблюдается особенного порядка ее распределения, но наибольшее число тяготеет к краям площадки. Предположительно можно связать места концентрации такой керамики с зольными пятнами, которые, по мнению Е. А. Шмидта, являлись остатками очагов среднего слоя (границы кв. 6–8, 17–18) (*Шмидт*, 1962. Л. 9). Кроме того, она группируется в квадратах, окружающих остатки круглого сооружения в северо-восточной части городища, которое Е. А. Шмидт также связал со средним слоем Тушемли и предварительно интерпретировал как культовое (кв. 143, 159, 160, 173, 174) (*Шмидт*, 1966. Л. 17, 18).

Наиболее многочисленна толстостенная керамика из верхнего слоя, представленная как плавноизогнутыми («S-образными») формами с грубой поверхностью, так и сосудами улучшенной выделки (или «подлощенными») с прямыми венчиками. Значительно реже грубая выделка коррелирует с прямизной профилировки верха и наоборот. Эта группа относится к эпохе Великого переселения народов и датируется V–VI вв. (*Кренке и др*., 2023. С. 112), что соответствует дате верхнего слоя городища Тушемля (*Лопатин*, 2017). Е. А. Шмидт включал материалы верхних слоев обоих памятников в «тушемлинскую культуру», в то время как другие исследователи обращали внимание на различия набора форм. Так, еще П. Н. Третьяков считал керамику Тушемли эталоном культуры местных балтов, а Демидовки – признаком проникновения с юга славянской культуры типа городища Колочин (*Третьяков*, 1966. С. 245, 270).

Максимальное количество керамики из верхнего слоя приходится на первые два пласта (табл. 2). В пласте 1 она составляет 90 %, во 2-м пласте – около 69 %, в 3-м – 42 %, в 4-м – около 11 %, в нижележащих пластах представлена единичными фрагментами. Размещение керамики верхнего слоя по квадратам раскопа показало, что она тяготеет к постройке и распространяется между столбами и рядом со следами каменных очагов. Наибольшая концентрация наблюдается в юго-западной части сооружения (максимальное количество в кв. 1, 3, 8, 12, 13, 16–18) и вдоль северной, преимущественно северо-западной части (кв. 103, 46, 47, 142, 157). В центральной части постройки керамика верхнего слоя присутствует в небольшом количестве.

По типологии Н. В. Лопатина, в верхнем горизонте Демидовки заметно преобладают четыре типа – 3, 4 (оба – с вариантами), Р-2 и Р-3 (рис. 2)[2], что соответствует керамике колочинской культуры более южных территорий. Полное изучение коллекции выявило в числе редких форм две небольшие серии керамики с высоко расположенным валикообразным пояском. В некоторых случаях

[2] Полный вариант типологии см.: *Лопатин*, 2022. Рис. 1.

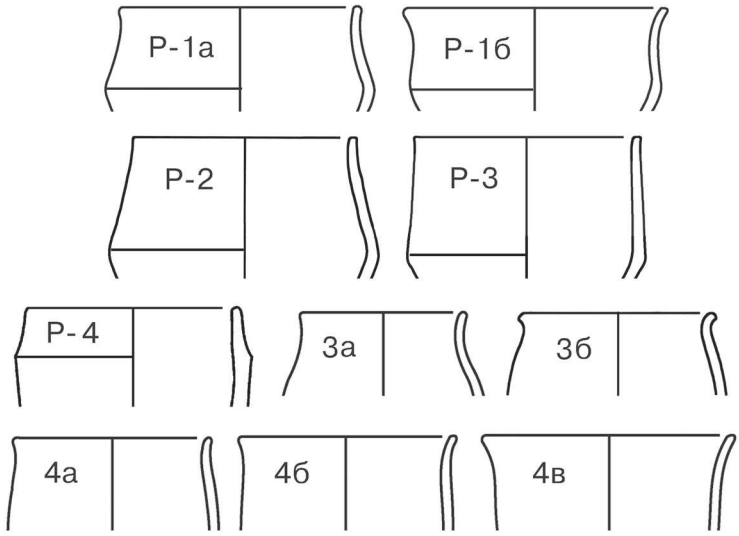


Рис. 2. Типология керамики Н. В. Лопатина (выборка типов, актуальных для верхнего горизонта Демидовки)

этот валик подчеркивает плавный перегиб профиля сосуда (серия 1 – рис. 3: *5, 7, 9*), но чаще располагается на совершенно ровном участке (серия 2 – рис. 3: *1–4*). Планиграфически почти все эти фрагменты найдены в пределах наибольшего скопления керамики верхнего слоя в целом – в районе юго-западной части постройки.

Рассмотрение керамики этих серий в контексте синхронных и асинхронных древностей показывает примечательные параллели и взаимосвязи.

Происхождение этих форм не вполне ясно. Налепные валики под венчиком сосуда встречаются в зарубинецкой, позднезарубинецкой и киевской культурах (*Терпиловский*, 2004. С. 24, 31, 40, 49, 54). Однако, во-первых, в наиболее близких хронологически к Демидовке группах такие примеры немногочисленны, а во-вторых, в рассматриваемых сериях валики всегда сформованы не налепом, а в процессе конструирования емкости. Во всех случаях, где удалось это проследить, валик совпадает с уровнем спая глиняных лент. Траектория спая пересекает профиль сосуда под углом, подходя к внешней поверхности сосуда над валиком, а ко внутренней – ниже уровня валика (рис. 3: *3–5*). По этому признаку рассматриваемые серии керамики совпадают с наиболее многочисленной группой реберчатой керамики памятника – типов Р-2 и Р-3 (рис. 3: *6, 8*). Спай лент либо прослеживается в изломе черепка, либо на краях фрагментов, распавшихся по местам спаев.

Подобное оформление ребра сосуда (около середины высоты) известно на ряде памятников колочинской культуры – городище Колочин (*Макушников*, 2003. С. 219), могильнике Картамышево (*Горюнова*, 2004. Рис. 12: *3*; 13: *3*), а в более раннее время – крайне редко. Как пример отметим поселение Ульяновка в Нижнем Подесенье, которое, однако, относится уже к самой поздней

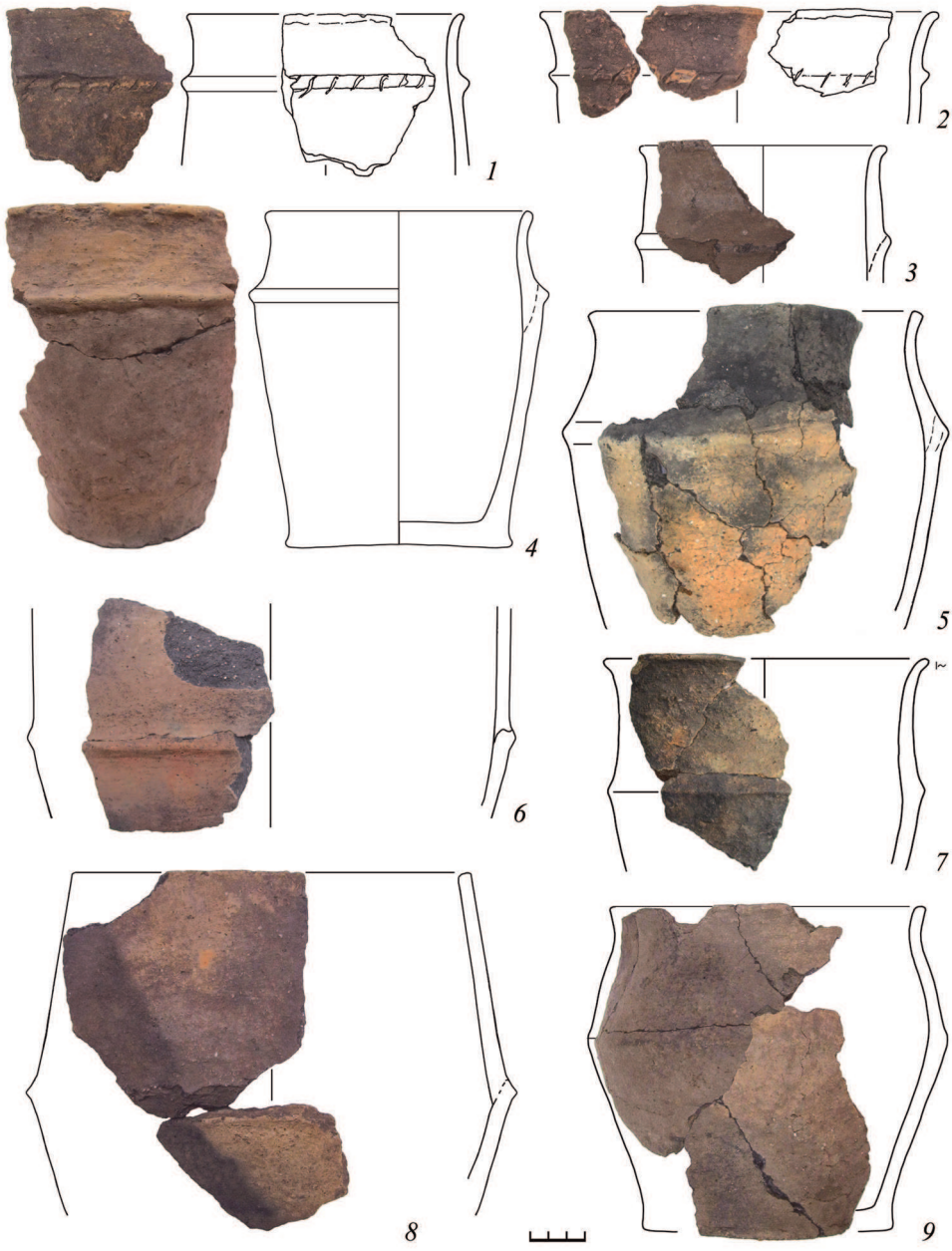


Рис. 3. Керамика верхнего горизонта Демидовки с разными вариантами оформления ребра. Рис. авторов статьи, фото В. В. Бегуновой

фазе киевской культуры, переходной к колочинской (*Терпиловский*, 1984. Табл. 11: *17, 27*). В целом этот элемент (оттянутый валик, отмечающий ребро) на сегодня следует признать новацией времени формирования колочинской культуры, причем наибольшее развитие он получает в Смоленском Поднепровье.

В целом, с учетом всех признаков технологии – конструирования (о чем говорилось выше), примеси дресвы и характера выделки (у ряда экземпляров – улучшенной) – рассматриваемые серии не являются инородным элементом в комплексе верхнего горизонта Демидовки, хотя и обладают автономией. Наиболее естественно понимание их на основе вариабельности и развития в рамках многочисленной группы ребристой керамики памятника. Морфологически серия 1 представляет собой связующее звено между наиболее характерными типами Р-2, Р-3 и серией 2.

В типологии форм (рис. 2) серия 1 занимает промежуточное положение между типами Р-2, Р-3 и типом Р-1 (с вариантами), который мало представлен на Демидовке, но характерен для верхнеднепровского варианта киевской культуры. Серия 2 представляет собой вариант типа Р-4, известный в культуре псковских длинных курганов.

Весьма важно, что рассматриваемые серии керамики находят соответствие в материалах селища Узмень (рис. 4: *1–7*) и культуры псковских длинных курганов (рис. 4: *8, 9*). Это дает перспективу аргументации взаимосвязей этих групп древностей с Демидовкой, наряду с наличием во всех этих наборах керамики типов 3 и 4. При этом ребристые типы Р-2 и Р-3 в северных культурных группах полностью отсутствуют, оставаясь чисто южным, колочинским элементом.

Примечательным признаком рассматриваемой керамики является орнаментация валика косыми нарезками, зафиксированная в нескольких случаях (рис. 3: *1, 2*). Такая орнаментация, как правило, сопутствует и налепным валикам, известным в керамике разных культур зарубинецкой линии развития I тыс. н. э. – как первой его половины (см. выше), так и третьей четверти – колочинской, пеньковской, изредка пражской (*Терпиловский*, 2004. С. 59, 61, 65, 68). Подборки такой керамики публиковались в связи с изучением памятников, удаленных от Поднепровья (*Еремеев, Дзюба*, 2010. С. 121; *Леонтьев*, 2014. Рис. 3; 4). Орнаментальные нарезки указывают на связь серии 2 керамики Демидовки с традицией налепных валиков, «пунктирно» проявляющейся в перечисленных культурных группах большого хронологического и территориального диапазона.

В этом ряду надо обратить особое внимание на компактную группу городищ оршанского и могилевского Поднепровья – Кисели, Черкасово, Вежки, Никодимово (*Левко, Колосовский*, 2003; *Колосовский*, 2019. Рис. 5: *4*; *Еремеев, Дзюба*, 2010. Рис. 110: *5–10*) как наиболее близкую к Демидовке территориально. Керамический комплекс этих памятников третьей четверти I тыс. н. э. содержит почти все элементы, соответствующие верхнему горизонту Демидовки, но, помимо этого, – заметную серию крупных сосудов (в основном типа 4в) с отогнутым наружу краем и налепным валиком под ним. Во многих случаях валик орнаментирован косыми нарезками или вдавлениями (рис. 4: *10–13*). Эти комплексы представляют собой более поздний (по сравнению с Демидовкой)

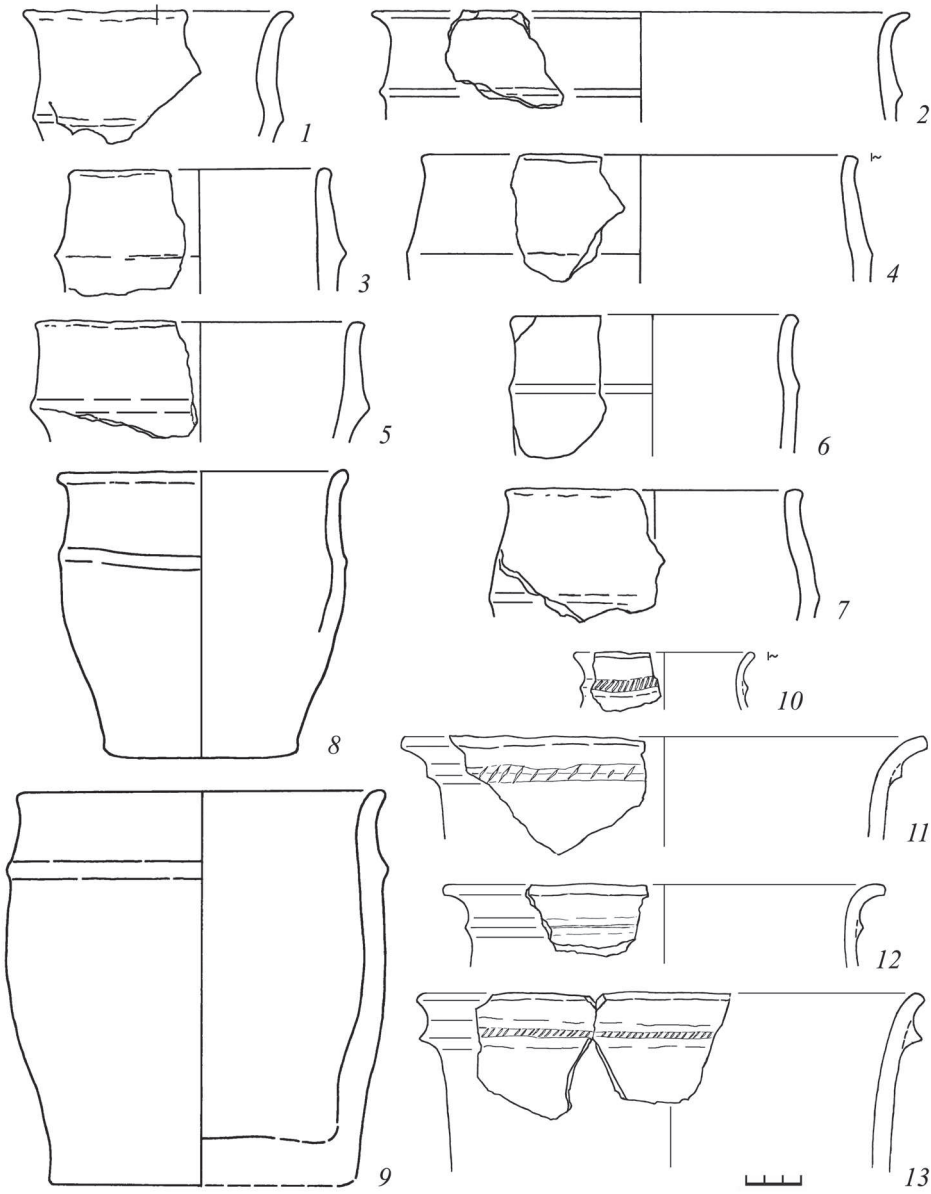


Рис. 4. Керамика с ребрами и валиками некоторых памятников середины – третьей четверти I тыс. н. э.

1–7 – поселение Узмень; *8* – курганный могильник Дорохи; *9* – курганный могильник Жеребятино; *10–13* – городище Кисели. Рис. Н. В. Лопатина

1–7, 9 – Гос. Эрмитаж; *8, 10–13* – Институт истории АН Республики Беларусь

вариант развития колочинской керамики в Верхнем Поднепровье, но откуда и каким образом в них появляются и занимают столь заметное место указанные сосуды с налепом – пока непонятно. Можно только предполагать, что одним из источников этой традиции выступают крупные прямостенные сосуды с валиком-налепом городища Колочин (*Макушников*, 2003. Рис. 7: *3*; 8: *5*), а другим – серия 2 в материалах Демидовки. Некоторые экземпляры попарно обнаруживают большое сходство (рис. 3: *1* и 4: *10*; 3: *2* и 4: *13*), хотя и выполнены разными приемами конструирования.

ЛИТЕРАТУРА

Горюнова В. М., 2004. Могильник VI–VII вв. у с. Картамышево Обоянского р-на Курской обл. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье: докл. науч. конф., посвящ. 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова (Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.) / Ред.: В. М. Горюнова, О. А. Щеглова. СПб.: Петербургское Востоковедение. С. 18–42. (Тр. ИИМК РАН; т. XI.)

Еремеев И. И., Дзюба О. Ф., 2010. Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки. СПб.: Нестор-История. 670 с.

Колосовский Ю. В., 2019. Городище и селище около деревни Вежки Дубровенского района Витебской области. Исследования 1994–1998 гг. // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. Кн. 1 / Науч. ред.: О. Н. Левко, В. Г. Белевец. 2-е изд. Минск: Беларуская навука. С. 336–344.

Кренке Н. А., Казанский М. М., Лопатин Н. В., Ганичев К. А., Ершов И. Н., Ершова Е. Г., Модестов Ф. Э., Раева В. А., 2021. Городища Демидовка и Вязовеньки на Смоленщине: об иерархии, хронологии и культурной атрибуции // РА. № 1. С. 102–121.

Кренке Н. А., Лопатин Н. В., Александровский А. Л., Савинецкий А. Б., Бегунова В. В., Волков В. А., Ганичев К. А., Ершов И. Н., Лопатина О. А., Певзнер М. М., Раева В. А., Тавлинцева Е. Ю., Чаукин С. Н., 2023. Городище Демидовка на Смоленщине. Стратиграфия, почвы, постройки, керамика, кости животных // РА. № 4. С. 97–115.

Левко О. Н., Колосовский Ю. В., 2003. Раскопки городищ у д. Кисели (Дымокуры) Толочинского района и у д. Черкасово Оршанского района Витебской области // Ранние славяне белорусского Поднепровья и Подвинья / Ред. О. Н. Левко. Минск. С. 182–208. (Материалы по археологии Беларуси; № 8.)

Леонтьев А. Е., 2014. Керамика с налепным валиком на территории Северо-Восточной Руси // Славяне и иные языци…: к юбилею Натальи Германовны Недошивиной / Отв. ред. Н. И. Асташова. М.: ГИМ. С. 309–317. (Тр. ГИМ; вып. 198.)

Лопатин Н. В., 2017. Несколько заметок о верхнем слое городища Тушемля // De mare ad mare. Археология и история: сб. ст. к 60-летию Н. А. Кренке. Смоленск: Свиток. С. 149–156.

Лопатин Н. В., 2022. О происхождении форм поздней лепной керамики Северо-Запада России // РА. № 3. С. 52–65.

Макушников О. А., 2003. Раннесредневековая керамика городища Колочин I на Гомельщине // Ранние славяне белорусского Поднепровья и Подвинья / Ред. О. Н. Левко. Минск. С. 217–233. (Материалы по археологии Беларуси; № 8.)

Терпиловский Р. В., 1984. Ранние славяне Подесенья III–V вв. Киев: Наукова думка. 124 с.

Терпиловский Р. В., 2004. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej. 232 с. (Monumenta studia Gothica; III.)

Третьяков П. Н., 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.: Наука. 310 с.

Третьяков П. Н., Шмидт Е. А., 1963. Древние городища Смоленщины. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 209 с.

Шмидт Е. А., 1962. Отчет о раскопках, проведенных в 1962 г. в Смоленском районе // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2724. 27 л., 6 ил.

Шмидт Е. А., 1966. Отчет о раскопках, проведенных в Смоленской области в 1966 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3330. 57 л. 22 ил. 12 черт. б. ф.

Шмидт Е. А., 1992. Племена верховьев Днепра до образования древнерусского государства. Днепро-двинские племена (VIII в. до н. э. – III в. н. э.). М.: Прометей. 208 с.

Шмидт Е. А., 2003. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н. э. Тушемлинская культура. Смоленск. 296 с.

Сведения об авторах

Бегунова Виктория Викторовна, Смоленский государственный музей-заповедник, ул. Коммунистическая, 4, Смоленск, 214000, Россия; e-mail: v.begunova@yandex.ru;

Лопатин Николай Владимирович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: n.lopatin@gmail.com

V. V. Begunova, N. V. Lopatin

NEW RESULTS OF THE DEMIDOVKA CERAMIC STUDIES

Abstract. This paper provides an overview of the ceramic assemblage from the excavations of the Demidovka hillfort in the Smolensk Dnieper region which is one of the most prominent Iron Age sites from the Migration period in this region. The finds are divided into three main cultural-chronological groups, namely, the Dnieper-Dvina culture, antiquities of the Tushemlya middle layer type, and the culture of the Tushemlya-Kolochin type. The paper focuses on the latter group, especially, two small series of the ceramic with a rib in the upper section which is emphasized by an extended roller. It can be inferred from the examination of the contemporary and non-contemporary links of these series that it was not only a distinctive element in the development of ceramic traditions in the culture of the Tushemlya-Kolochin type but also served as a link connecting these finds to the antiquities from the Uzmen unfortified settlement and the Pskov Long kurgans.

Keywords: Early Iron Age, Migration period, Smolensk region hillforts, Tushemlya culture, Kolochin culture, Kiev culture, hand-made ceramics.

REFERENCES

Eremeev I. I., Dzyuba O. F., 2010. Ocherki istoricheskoy geografii lesnoy chasti puti iz varyag v greki [Essays on historical geography of forest part of the road from the Varangians to the Greeks]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 670 p.

Goryunova V. M., 2004. Mogil'nik VI–VII vv. u s. Kartamyshevo Oboyanskogo r-na Kurskoy obl. [Cemetery of VI–VII cc. near village Kartamyshevo, Oboyan district, Kursk region]. *Kul'turnye transformatsii i vzaimovliyaniya v Dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni i v rannem srednevekov'e (konferentsiya 2000 g.) [Cultural transformations and mutual influences in Dnieper region at the end of Roman Times and in Early Middle Ages (2000 conference)]*. V. M. Goryunova, O. A. Shcheglova, eds. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, pp. 18–42. (Trudy IIMK RAN, XI.)

Kolosovskiy Yu. V., 2019. Gorodishche i selishche okolo derevni Vezhki Dubrovenskogo rayona Vitebskoy oblasti. Issledovaniya 1994–1998 gg. [A hillfort and a settlement near village Vezhki in Dubrovensky district, Vitebsk region. 1994–1998 research]. *Slavyane na territorii Belarusi v dogosudarstvennyy period [Slavs in the territory of Belarus in pre-state period]*, 1. O. N. Levko, V. G. Belevets, eds. 2nd edition. Minsk: Belaruskaya navuka, pp. 336–344.

Krenke N. A., Kazanskiy M. M., Lopatin N. V., Ganichev K. A., Ershov I. N., Ershova E. G., Modestov F. E., Raeva V. A., 2021. Gorodishcha Demidovka i Vyazoven'ki na Smolenshchine:

ob ierarkhii, khronologii i kul'turnoy atributsii [Hillforts of Demidovka and Vyazovenki in Smolensk region: on hierarchy, chronology and cultural attribution]. *RA*, 1, pp. 102–121.

Krenke N. A., Lopatin N. V., Aleksandrovskiy A. L., Savinetskiy A. B., Begunova V. V., Volkov V. A., Ganichev K. A., Ershov I. N., Lopatina O. A., Pevzner M. M., Raeva V. A., Tavlintseva E. Yu., Chaukin S. N., 2023. Gorodishche Demidovka na Smolenshchine. Stratigrafiya, pochvy, postroyki, keramika, kosti zhivotnykh [Demidovka hillfort in Smolensk region. Stratigraphy, soils, constructions, ceramics, animal bones]. *RA*, 4, pp. 97–115.

Leont'ev A. E., 2014. Keramika s nalepnym valikom na territorii Severo-Vostochnoy Rusi [Ceramics with attached roller in territory of Northeastern Russia]. *Slavyane i inye yazytsi… [Slavs and other languages…]*. N. I. Astashova, ed. Moscow: GIM, pp. 309–317. (Trudy GIM, vyp. 198.)

Levko O. N., Kolosovskiy Yu. V., 2003. Raskopki gorodishch u d. Kiseli (Dymokury) Tolochinskogo rayona i u d. Cherkasovo Orshanskogo rayona Vitebskoy oblasti [Excavations of hillforts near village Kiseli (Dymokury), Tolochinsky district and at village Cherkasovo, Orsha district, Vitebsk region]. *Rannie slavyane belorusskogo Podneprov'ya i Podvin'ya [Early Slavs of Belarusian Dnieper and Dvina regions]*. O. N. Levko, ed. Minsk, pp. 182–208. (Materialy po arkheologii Belarusi, 8.)

Lopatin N. V., 2017. Neskol'ko zametok o verkhnem sloe gorodishcha Tushemlya [Some notes on the upper layer of Tushemlya hillfort]. *De mare ad mare. Arkheologiya i istoriya [De mare ad mare. Archaeology and history]*. Smolensk: Svitok, pp. 149–156.

Lopatin N. V., 2022. O proiskhozhdenii form pozdney lepnoy keramiki Severo-Zapada Rossii [On the origin of forms of late hand-made ceramics in the North-West of Russia]. *RA*, 3, pp. 52–65.

Makushnikov O. A., 2003. Rannesrednevekovaya keramika gorodishcha Kolochin I na Gomel'shchine [Early Medieval ceramics of Kolochin I hillfort in Gomel region]. *Rannie slavyane belorusskogo Podneprov'ya i Podvin'ya [Early Slavs of Belarusian Dnieper and Dvina regions]*. O. N. Levko, ed. Minsk, pp. 217–233. (Materialy po arkheologii Belarusi, 8.)

Schmidt E. A., 1962. Otchet o raskopkakh, provedennykh v 1962 g. v Smolenskom rayone [Report on excavations carried out in 1962 in Smolensk region]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Schmidt E. A., 1966. Otchet o raskopkakh, provedennykh v Smolenskoy oblasti v 1966 g. [Report on excavations carried out in Smolensk region in 1966]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Schmidt E. A., 1992. Plemena verkhov'ev Dnepra do obrazovaniya drevnerusskogo gosudarstva. Dneprodvinskie plemena (VIII v. do n. e. – III v. n. e.) [Tribes of the Dnieper upper reaches before formation of ancient Russian state. Dnieper-Dvina tribes (VIII c. BC – III c. AD)]. Moscow: Prometey. 208 p.

Schmidt E. A., 2003. Verkhnee Podneprov'e i Podvin'e v III–VII vv. n. e. Tushemlinskaya kul'tura [Upper Dnieper and Dvina regions in III–VII cc. AD. Tushemlya culture]. Smolensk. 296 p.

Terpilovskiy R. V., 1984. Rannie slavyane Podesen'ya III–V vv. [Early Slavs of Desna region in III–V cc.]. Kiev: Naukova dumka. 124 p.

Terpilovskiy R. V., 2004. Slavyane Podneprov'ya v pervoy polovine I tysyacheletiya n. e. [Slavs of Dnieper region in the first half of I millennium AD]. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej. 232 p. (Monumenta studia Gothica, III.)

Tret'yakov P. N., 1966. Finno-ugry, balty i slavyane na Dnepre i Volge [Finno-Ugrians, Balts and Slavs on Dnieper and Volga]. Moscow; Leningrad: Nauka. 310 p.

Tret'yakov P. N., Schmidt E. A., 1963. Drevnie gorodishcha Smolenshchiny [Ancient hillforts of Smolensk land]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 209 p.

About the authors

Begunova Victoria V., Smolensk State Museum-resort, ul. Kommunisticheskaya, 4, Smolensk, 214000, Russian Federation; e-mail: v.begunova@yandex.ru;

Lopatin Nikolaj V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow 117292, Russian Federation; e-mail: n.lopatin@gmail.com

О. А. Хомякова

БРАСЛЕТЫ С РАСШИРЕННЫМИ КОНЦАМИ САМБИЙСКО-НАТАНГИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ IV–V ВВ.[1]

Резюме. Бронзовые браслеты с расширенными концами самбийско-натангийской культуры являются наиболее ранними образцами подобных изделий в Прибалтике и западной части Восточно-Европейской равнины. По данным погребальных комплексов их появление в уборе местных племен относится ко второй половине III – началу IV в. Наиболее поздние экземпляры датируются второй половиной V в. Браслеты представляли собой имитации престижных украшений из драгоценных металлов, характерных для германских элит позднеримского времени и начала эпохи Великого переселения народов. Но в отличие от своих прототипов эти браслеты служили простыми украшениями, которые использовались в качестве символов идентичности с культурой североевропейских племенных объединений.

Ключевые слова: браслеты с расширенными концами, Юго-Восточная Прибалтика, позднеримское время, эпоха Великого переселения народов, самбийско-натангийская культура, раннесредневековая культура пруссов.

Введение

Браслеты с расширенными концами представляют собой категорию украшений, характерную для древностей ряда культур западной части Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. Значительное влияние на появление этих браслетов у племен лесной и лесостепной зон отводится Прибалтике (напр., *Розенфельдт*, 1982. С. 84–85; *Казанский*, 1999. С. 406; *Левада*, 2010. С. 568), в древностях которой они были широко распространены (см., напр.:

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы НИР ИА РАН по теме «Панорама историко-культурных процессов на территории Восточной Европы в римское время и эпоху Великого переселения народов по археологическим данным (I–VII вв.)» (№ НИОКТР 122011200267-0).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.275.330-347

Åberg, 1919. S. 133–138; *Tautavičius*, 1996. P. 250–252). В данной связи особое значение имеют вопросы происхождения и хронология украшений рук такой формы у балтских племен.

На их фоне выделяются бронзовые браслеты с расширенными концами из юго-восточной Прибалтики, а именно ареала самбийско-натангийской культуры, расположенной у истоков «Янтарного пути», на границе центрально- и восточноевропейских культур.

Находка такого браслета на могильнике Большое Исаково в начале 2000-х гг., которая на тот момент считалась уникальной для древностей обозначенной культуры, стала предметом отдельного исследования (*Хомякова*, 2007. С. 69–75). Предметы данной категории были кратко рассмотрены в работе, посвященной типологии и хронологии самбийско-натангийских женских украшений (*Хомякова*, 2022. С. 91–92. Рис. 81: *3, 4*).

За прошедшие годы стало очевидно, что такие украшения рук на могильниках Калининградского полуострова были более многочисленны. Большинство из них известно по результатам довоенных исследований, сейчас хранится в коллекции музея «Пруссия» в музее До- и Праистории Государственных музеев Берлина. Однако ранее они не были введены в научный оборот. Необходимость публикации и анализа данных материалов, их сравнения с современными находками браслетов и побудили рассмотреть самбийско-натангийские образцы отдельно от всего корпуса прибалтийских экземпляров[2].

Описание материала

Бронзовые браслеты с расширенными концами в самбийско-натангийском ареале обнаружены в погребениях на могильниках Калининградского полуострова (рис. 1: *1–9*). Они представлены экземплярами с декором и без него. Их характеризуют как гладкие (браслеты типов I.1 и I.1.а[3]) (рис. 2: *3, 14*; 3: *13*; 4: *5, 7, 9, 14*; 5: *6*; 6: *11*), так и граненые концы (браслеты типа II.1 и типа II.1.2.б) (рис. 4: *12, 13*; 5: *15*; 6: *5*; 7: *4*).

Окончания *гладких* браслетов из бронзы слегка расширенные. Часть неорнаментированных браслетов типа I.1 имеют округлый в сечении обод (рис. 2: *3, 14*; 3: *13*; 4: *9, 14*; 5: *6*). У некоторых экземпляров этого типа внутренняя часть обода, напротив, слегка сплющена (рис. 4: *5*, *7*; 6: *11*).

Орнаментированные браслеты с гладкими концами принадлежат к единственному типу I.1.а – с обручами или насечками на окончаниях (рис. 4: *9, 14*; 5: *6*).

Браслеты с *гранеными* концами типа II, как и гладкие изделия, также характеризует слегка расширенная форма окончаний. В центральной части сечение всех рассматриваемых браслетов округлое, окончания – восьмигранные (рис. 4: *12*; 5: *15*; 6: *5*; 7: *4*).

[2] К публикации готовятся статьи, посвященные браслетам с расширенными концами из драгоценных металлов и бронзы в культурах Прибалтики, лесной и лесостепной зон в эпоху Великого переселения народов (*Хомякова*, 2024а; 2024б).

[3] Типология браслетов – см. по: *Хомякова*, 2024б.

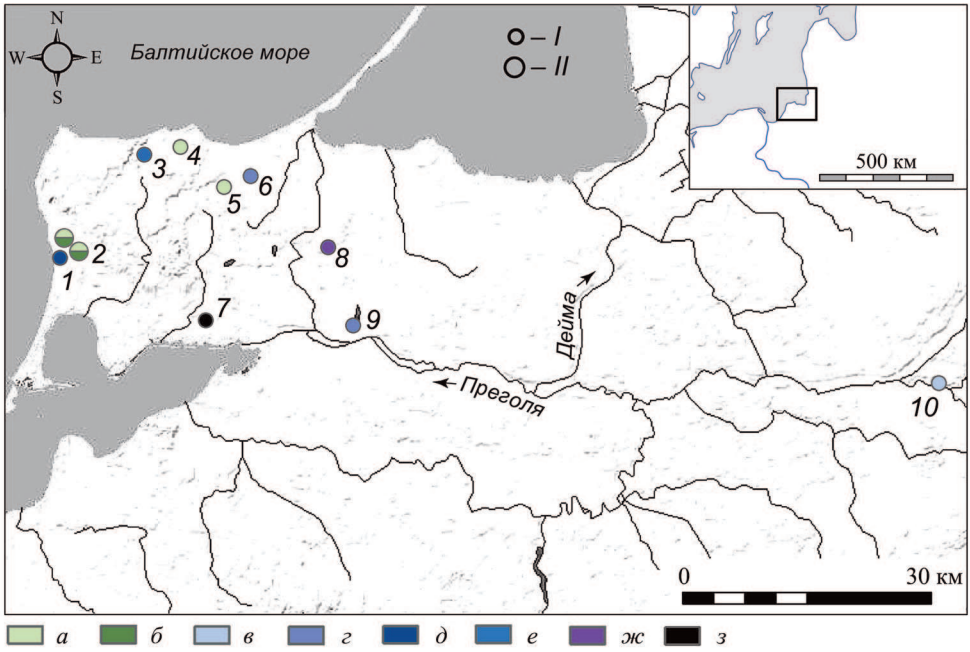


Рис. 1. Браслеты с расширенными концами в материалах самбийско-натангийской культуры (сост. О. Хомякова)

1 – Окунево (Grebieten); *2* – Путилово (Corjeiten); *3* – Светлогорск (Kirtigehnen-Rauschen); *4* – Доброе (Tenkieten); *5* – Геройское (Eislithen I); *6* – Коврово (Dollkeim); *7* – Черепаново; *8* – Митино; *9* – Большое Исаково; *10* – Тимофеевка (Tammowischken)

Количество браслетов: *I* – 1 экземпляр; *II* – 2 экземпляра

Бронзовые браслеты: *а, б* – с гладкими концами (*а* – без орнамента; *б* – с орнаментом); *в–е* – с гранеными концами (*в* – без орнамента; *г–е* – с орнаментом: *г* – в виде линий; *д* – с точками; *е* – с насечками)

Браслеты из драгоценных металлов: *ж* – серебро; *з* –золото

В погребениях с территории Калининградского полуострова браслеты с неорнаментированными гранеными окончаниями (типа II.1), как видно, редки или не представлены вовсе. Единственный экземпляр, который можно отнести к самбийско-натангийской культуре, найден на ее восточной периферии, на могильнике Тимофеевка как случайная находка (рис. 1: *10*; 4: *13*).

В то же самое время распространение в рассматриваемой части Юго-Восточной Прибалтики получили граненые браслеты с разнообразным декором. Окончания рассмотренных экземпляров украшены не только линейным орнаментом (типа II.2.а), подобным декору гладких браслетов (рис. 5: *15*), но и косыми насечками (рис. 6: *5*); точками, формирующими треугольники и линии (рис. 4: *12*; 7: *4*) типа II.2.б.

Браслеты с расширенными концами позднеримского времени

Вероятно, бронзовые браслеты с гладкими и гранеными концами в инвентаре погребений могильников Калининградского полуострова появились в одно и то же время. Комплексы[4], в которых они были найдены, в целом, могут быть датированы периодом C3–D[5] (около 310/320–375 гг.) (подробно: *Хомякова*, 2022. С. 104–106, прилож. 2: 43; прилож. 3: группы 10–11. Рис. 91: *43*). В составе инвентаря вместе с ними обнаружены прогнутые подвязные фибулы типа «больших арбалетовидных» (рис. 2: *4*; 3: *4–7*; 6: *2, 4*), варианты Т-образных фибул (рис. 2: *10, 11*; 4: *1*), пряжки с овальной рамкой (рис. 3: *25*; 6: *6*).

Наиболее ранние погребения (рис. 6: *1–8*; 7: *1–6*), в которых браслеты найдены в сочетании с «большими арбалетовидными» и двучленными подвязными фибулами с фасетированной спинкой (подробно: Там же. С. 34–35), могут быть отнесены к фазе C2 (около 250/250–310/320 гг.).

Образцами для этих браслетов могли послужить северогерманские изделия из драгоценных металлов. На территории Центральной Европы и Скандинавии такие предметы появились во второй половине III в., как считается рядом исследователей, под влиянием сарматского ареала (обзоры, посвященные их происхождению, см.: *Carnap-Bornheim, Ilkjaer*, 1996. S. 360–365; *Lund Hansen*, 1995. S. 203–206; *Засецкая и др*., 2007. С. 48–60; *Lau*, 2012. P. 55–59).

На территории датских и шведских островов Балтийского моря обнаружен ряд таких браслетов, относящихся к позднеримскому времени. К ним относятся браслеты с гладкими, слегка расширенными концами из кладов в Асарве и Боларве на острове Готланд, Клева (место находки 4) и Скедштадт на Эланде (*Andersson*, 1993. S. 189, 199, 209. Kat. 1004a, 1071a, 1174a, 1138a). К фазам C1b и C2 (около 200/225–250 гг., 250/250–310/320 гг.) относятся экземпляры с датского могильника Химлингой, один из которых был найден в мужском погребении «1894», а другой – в качестве случайной находки вне комплекса (*Lund Hansen*, 1995. S. 149. Fig. 4: *17*). В Центральной Европе ближайшей к самбийско-натангийскому ареалу является находка из кремационного погребения кургана 1 в Пиелгжимово, датированная аналогичным периодом (*Lau*, 2012. S. 55–60).

Среди северогерманских находок, относящихся ко второй половине III – началу IV в., известны и подражания цельнолитым золотым изделиям. Браслеты, каркас которых изготовлен из бронзы и обтянут позолоченной или серебряной фольгой, найдены в месте жертвоприношения в Иллеруп Адаль (*Andersson*, 1993. S. 112. Kat. 572b). В погребениях на территории Северной Германии и Померании встречаются и браслеты, целиком изготовленные из бронзы (*Raddatz*, 1957. S. 118).

[4] Каталог комплексов, содержащих бронзовые браслеты с территории восточноевропейских культур, будет представлен в готовящейся публикации (*Хомякова*, 2024б. В печати).

[5] Указанные даты приводятся по схеме синхронизации самбийско-натангийской культуры с центральноевропейскими древностями (подробно: *Хомякова*, 2022. С. 97–98, Рис. 89).

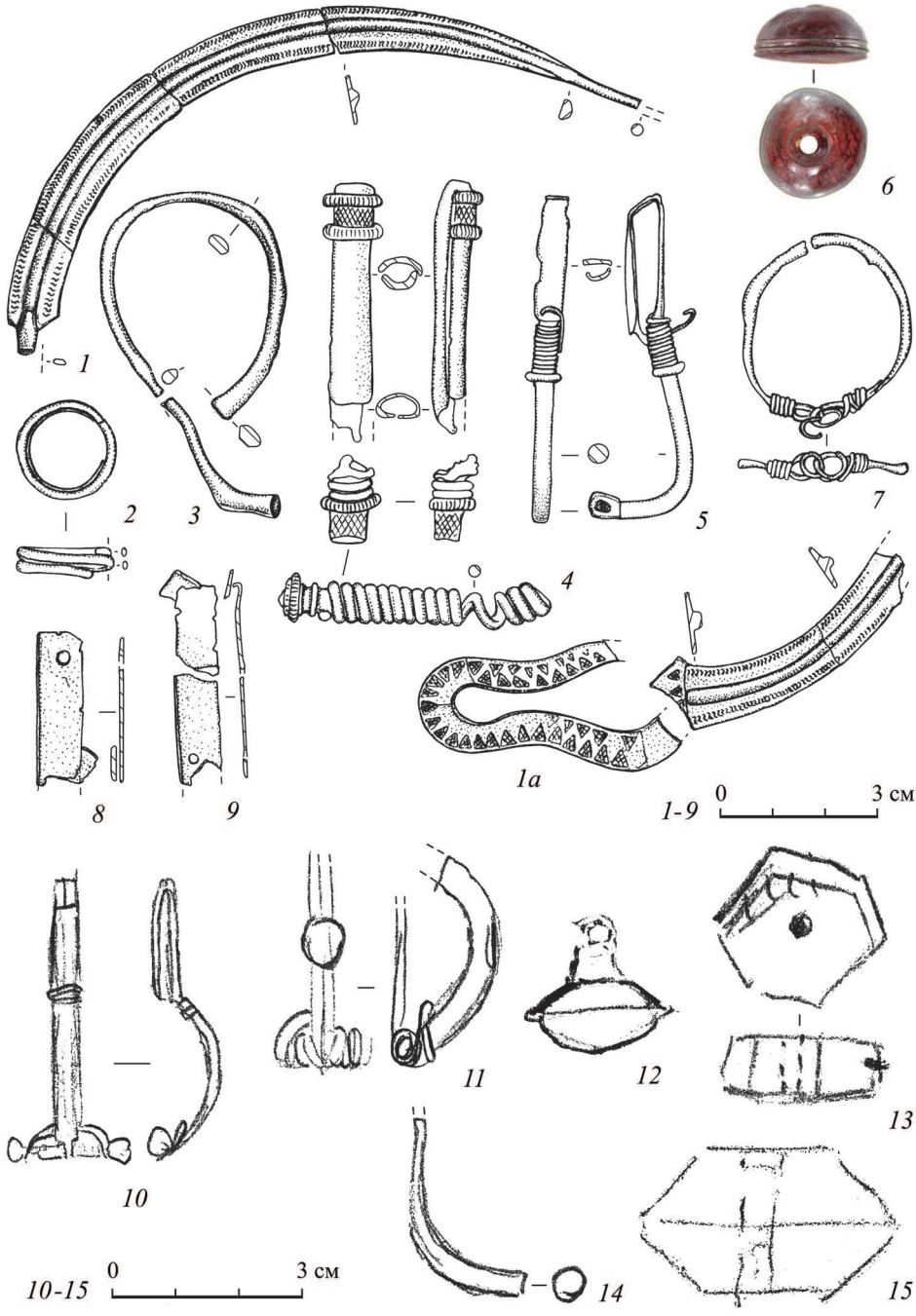


Рис. 2. Комплексы с браслетами с гладкими расширенными концами

1–9 – Окунево (Grebieten Süd (1886), погр. 45; *10–15* – Светлогорск (Kirtigehnen-Rauschen), погр. «Fi. I. 5»

1–5, 7–14 – бронза; *6, 13* – янтарь; *12* – железо; *15* – обожженная глина

1–9 – по: SMB-PK MVF, рис., фото – О. Хомякова; *10–15* – по: архив Ф. Якобсона

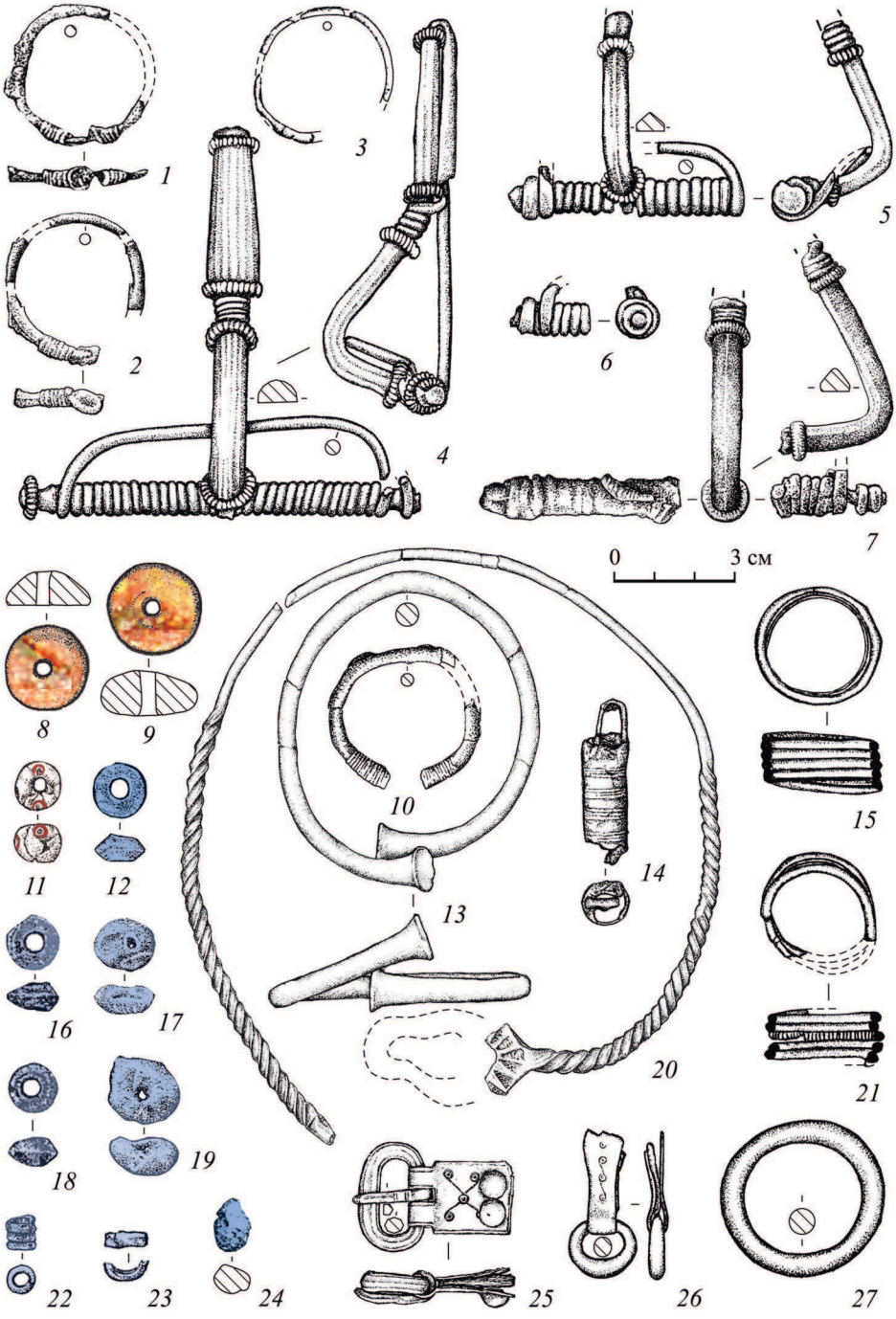


Рис. 3. Комплекс украшений из погребения 158 могильника Большое Исаково

1–7, 10, 13–15, 20, 25–27 – бронза; *8, 9* – янтарь; *11, 12, 16–19, 22–24* – стекло (по: *Хомякова*, 2007)

Золотой браслет, близкий по форме указанным изделиям, был обнаружен на территории Калининградского полуострова[6] (рис. 7: *8*).

Появление украшений с граненными концами в самбийско-натангийских древностях также могло быть связано с влияниями северогерманских территорий. Граненый золотой браслет найден в составе клада из Ленгерих, вместе с золотыми фибулой с луковичными навершиями и солидами Константина I (306–337 гг.) и Константина II (337–340 гг.) (*Lau*, 2012. S. 28–59, 125. Abb. 27).

На то, что использование самбийско-натангийскими племенами таких предметов в уборе было связано с подражанием «престижной» германской моде, указывают и другие предметы погребального инвентаря, найденные вместе с ними в погребениях. Помимо бронзовых подражаний браслетам с расширенными концами он включает и другие имитации германских украшений, в частности шейных гривен.

В погребении 45 могильника Окунево/Grebieten найдена гривна с застежкой с восьмерковидным/грушевидным замком с пуансонным орнаментом (рис. 2: *1, 1а*), которая находит прямую аналогию в «княжеском» погребении могильника Лейна (*Schulz*, 1953. Taf. 1: *2*). Похожее шейное украшение из погребения 158 могильника Большое Исаково/Lauth (рис. 3: *20*) более близко образцам таких «статусных» гривен с территории северной Европы (подробно: *Хомякова*, 2007. С. 71–74).

В целом, сочетание золотых шейной гривны и браслета в захоронениях германцев указывает на высокое социальное положение погребенного (*Rummel*, 2008. S. 361–365). Браслеты с расширенными концами в сочетании с гривнами указанной конструкции найдены в составе кладов из Клева и Котбуса (*Carnap-Bornheim, Ilkjaer*, 1996. S. 262, 264). Браслет с расширенными концами, переделанный из гривны, найден в мужском погребении с могильника Грабов (*Lau*, 2012. S. 125). Серебряные гривны с восьмерковидным/грушевидным замком обнаружены в женских погребениях могильников Шлюссегард V и Сковгорде фаз C1 и C2 (*Ethelberg*, 2000. S. 238, 242; *Rasmussen*, 2010. S. 229–231. Fig. 14b).

Бронзовые браслеты из самбийско-натангийского ареала также найдены и в другом характерном для богатых воинских комплексов сочетании – с Т-образными фибулами (рис. 2: *10, 11*; 4: *1*). Фибулу погребения 164 могильника Летное/Tenkieten характеризует удлиненная фасетированная ножка, с оканчивающейся округлой площадкой с «глазком» в виде штампа (?), имитирующим вставку из стекла (рис. 4: *1*). Одну из застежек из погребения «Fi. I. 5» Светлогорск/Kirtigehnen отличает сплошной приемник с узкой спинкой с круглой площадкой (рис. 2: *11*). Указанные предметы также находят аналогии в захоронениях

[6] Случайная находка (браслет весом около 150 г, на 86 % изготовленный из золота с примесями серебра и меди), возможно, происходящая из разрушенного погребения, была обнаружена фермером в пос. Черепаново (Калининградской обл. РФ) в 2022 г. (см.: *Скворцов*, 2023. С. 241–242. Рис. 191). В указанной публикации браслет, как видится, ошибочно атрибутирован эпохой Великого переселения народов. В V в. золотые браслеты с расширенными концами не были типичны для престижной культуры североевропейского региона (подробно: *Хомякова*, 2024а. С. 104–105. Рис. 1Б).

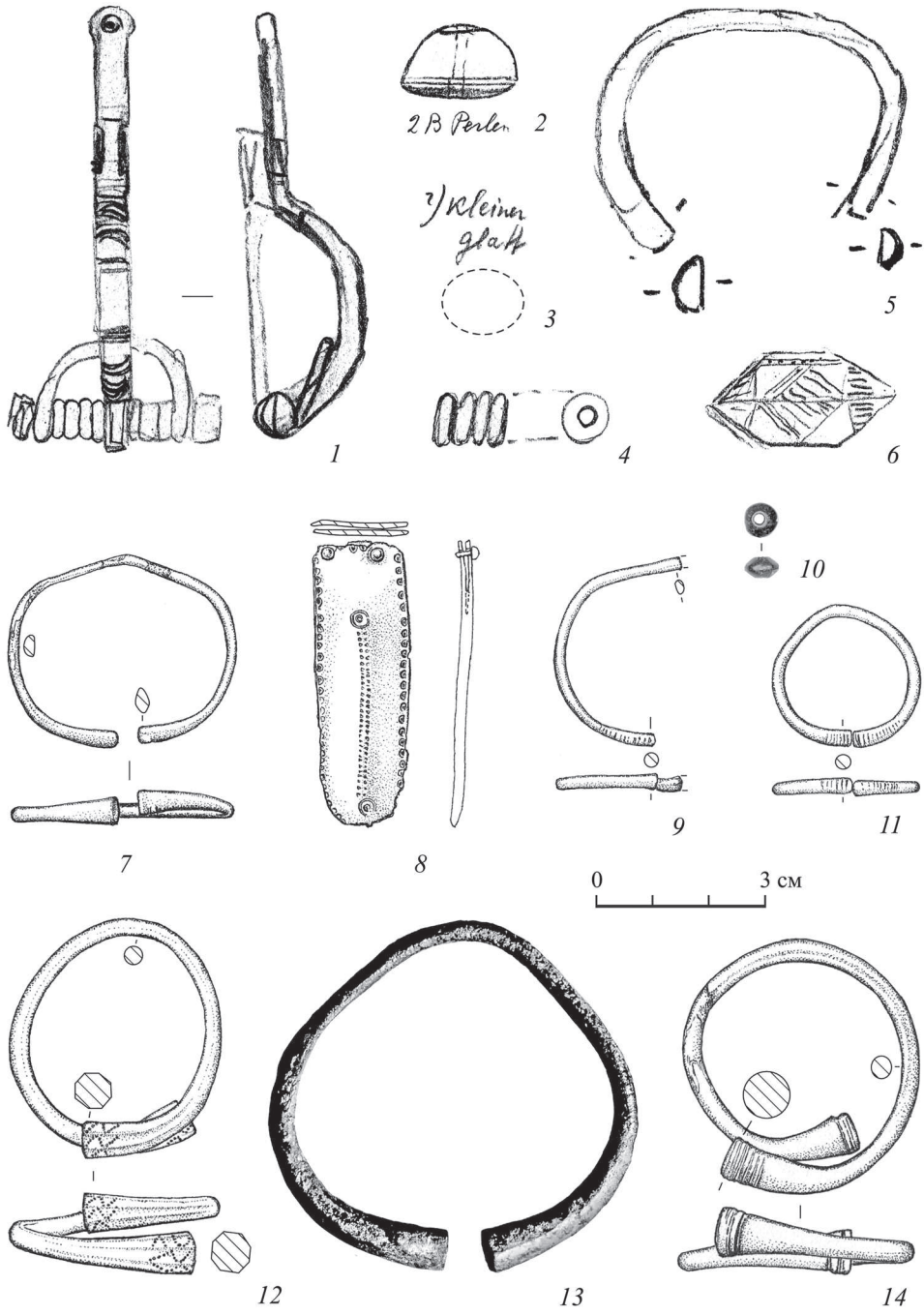


Рис. 4. Браслеты с расширенными концами из комплексов и случайные находки

1–6 – Доброе (Tenkieten), погр. 164; *7, 8* – Путилово (Corjeiten), погр. 238; *9–11* – Путилово (Corjeiten), погр. 259; *12* – Светлогорск (Kirtigehnen-Rauschen), погр. «VIII. 3. 3/21, St. 2»; *13* – Тимофеевка (Tammowischken), случайная находка; *14* – Окунево (Grebieten Nörd (1886), погр. 111

1, 5, 7–14 – бронза; *2* – янтарь; *3, 4, 10* – стекло; *6* – обожженная глина (*1–6, 13* – по: архивы Ф. Якобсона, Р. Гренца; *7–12, 14* – по: SMB-PK MVF, рис., фото – О. Хомякова)

горизонта Хасслебен – Лёйна – Химлингой (см., напр.: *Lund Hansen*, 1995. S. 161–162. Fig. 65).

Стилистические особенности кольцевой гарнитуры, украшающей фибулы из погребения 45 могильника Окунево/Grebieten (рис. 2: *4*) и погребения 158 могильника Большое Исаково/Lauth (рис. 3: *4–7*) схожи с декоративными элементами предметов убора из погребений элит германских племен (подробно: *Хомякова*, 2022. С. 37–40).

Обращает на себя внимание и орнаментация, как самих браслетов, так и других предметов, найденных вместе с ними. С влиянием ювелирного искусства Северной Европы, вероятно, связаны такие виды орнамента, как линии точек, в том числе составляющие зигзаг (рис. 4: *12*; 7: *4, 5*), круглые штампы (рис. 3: *25, 26*; 4: *8*), «волчий зуб» (рис. 2: *1а*) (см., напр.: *Åberg*, 1919. S. 45. Abb. 44: *1–4, 28–30*; *Andersson*, 1995. Fig. 201: *1–5, 64–67, 202*).

Браслеты с расширенными концами эпохи Великого переселения народов

К числу самбийско-натангийских комплексов с браслетами с расширенными концами, которые можно отнести к самому началу эпохи Великого переселения народов, фазе D1 (около 350/360–375/400 гг.), могут принадлежать погребения, содержавшие двучленные арбалетовидные фибулы со сплошным приемником и короткой треугольной ножкой (рис. 5: *1, 2, 12*), производные фибулы серии 2 группы VI, по О. Альмгрену (подробно: *Хомякова*, 2022. С. 41. Рис. 31: *1–4*).

Наиболее поздним известным нам комплексом, содержавшим неорнаментированный бронзовый браслет с гладкими концами, характеризуемый уплощенным с внутренней стороны сечением обода (рис. 6: *11*), является погребение 197 могильника Геройское/Eisliethen I. Инвентарь данного погребения содержал парные фибулы типа Брейтенфурт/Breitenfurt (рис. 6: *9*), широко представленные в материалах могильников Калининградского полуострова во второй половине V в. (подробно: *Hilberg*, 2009. S. 205–209, 518).

Вероятно, это можно объяснить общими тенденциями в изменении количественного и типологического состава убора костюма населения Калининградского полуострова.

В V в. браслеты с расширенными концами не были типичны для убора племен центральной части Балтийского моря и Юго-Восточной Прибалтики. Обнаруженные здесь изделия из драгоценных металлов, которые могли служить основой для имитаций, принадлежат к другим типам. В указанный период на рассматриваемой территории получили распространение украшения рук и шеи из перекрученной (тордированной) проволоки и застежкой в виде петли и крючка, изготовленные из золота и серебра (напр., Первомайское/Warnikam, погребение 1 – по: *Hilberg*, 2009. S. 312–332. Abb. 9.5–9.20; Гурьевск 1, погр. 21, Березовка/Gross Sausgarten, погребение 32 – по: *Скворцов*, 2023. С. 104. Рис. 64. Табл. 32: *2*). Прототипами таких изделий могли послужить образцы северогерманского ювелирного искусства – гривны с петлевидным и/или «грушевидным» замком и собственно застежками-крючками (напр., *Andersson*, 1993, S. 27. Kat. 336. Fig. 29; *Хомякова*, 2022. С. 80).

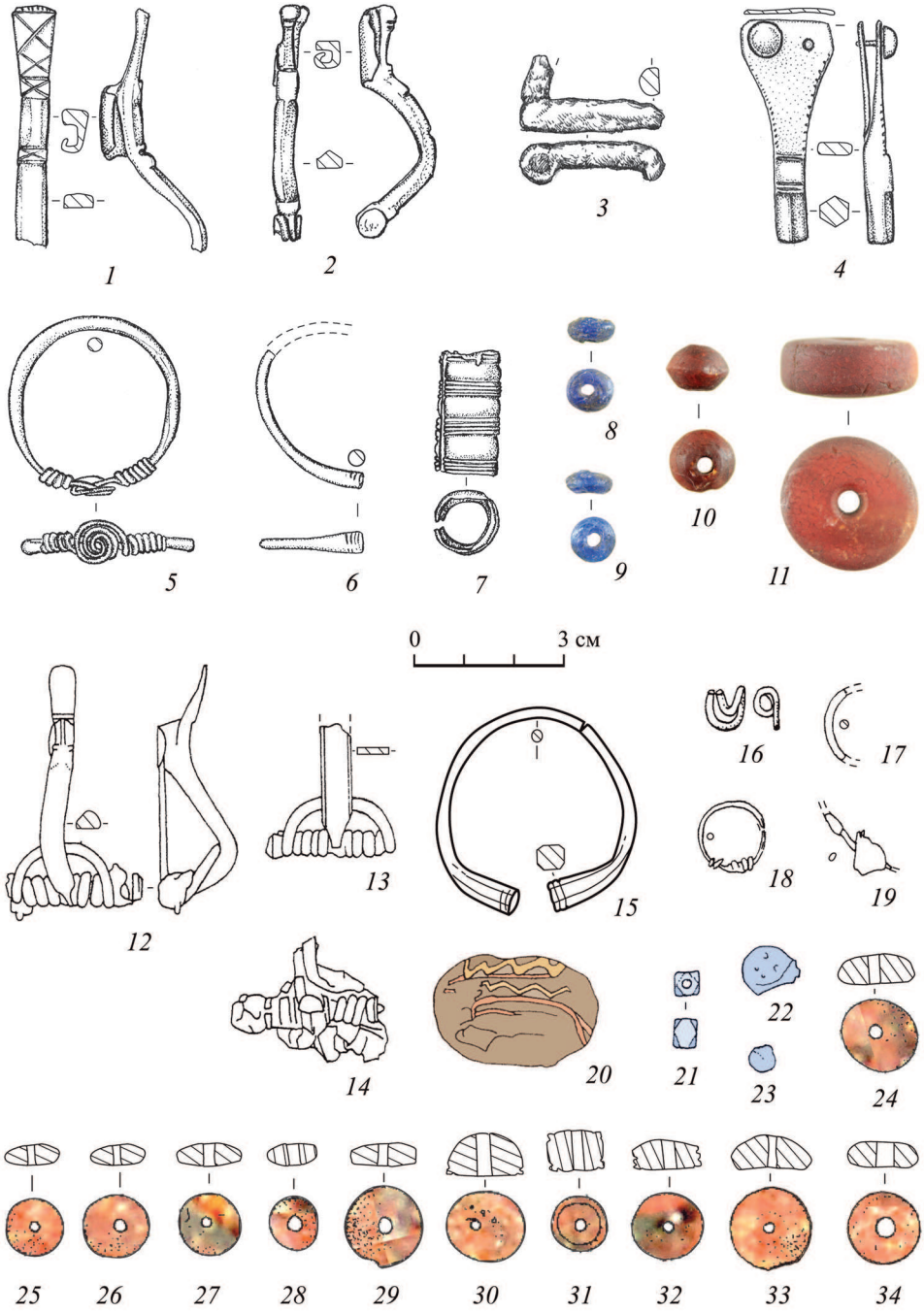


Рис. 5. Погребения с браслетами с расширенными концами

1–11 – Путилово (Corjeiten), погр. 150; *12–34* – Коврово (Dollkeim), погр. 366

1–7, 12–19 – бронза*; 8, 9, 20–23* – стекло; *10, 11, 24–34* – янтарь

1–11 – по: SMB-PK MVF, рис., фото – О. Хомякова; *12–34* – по: *Кулаков*, 2007, компьютерная обработка О. Хомяковой

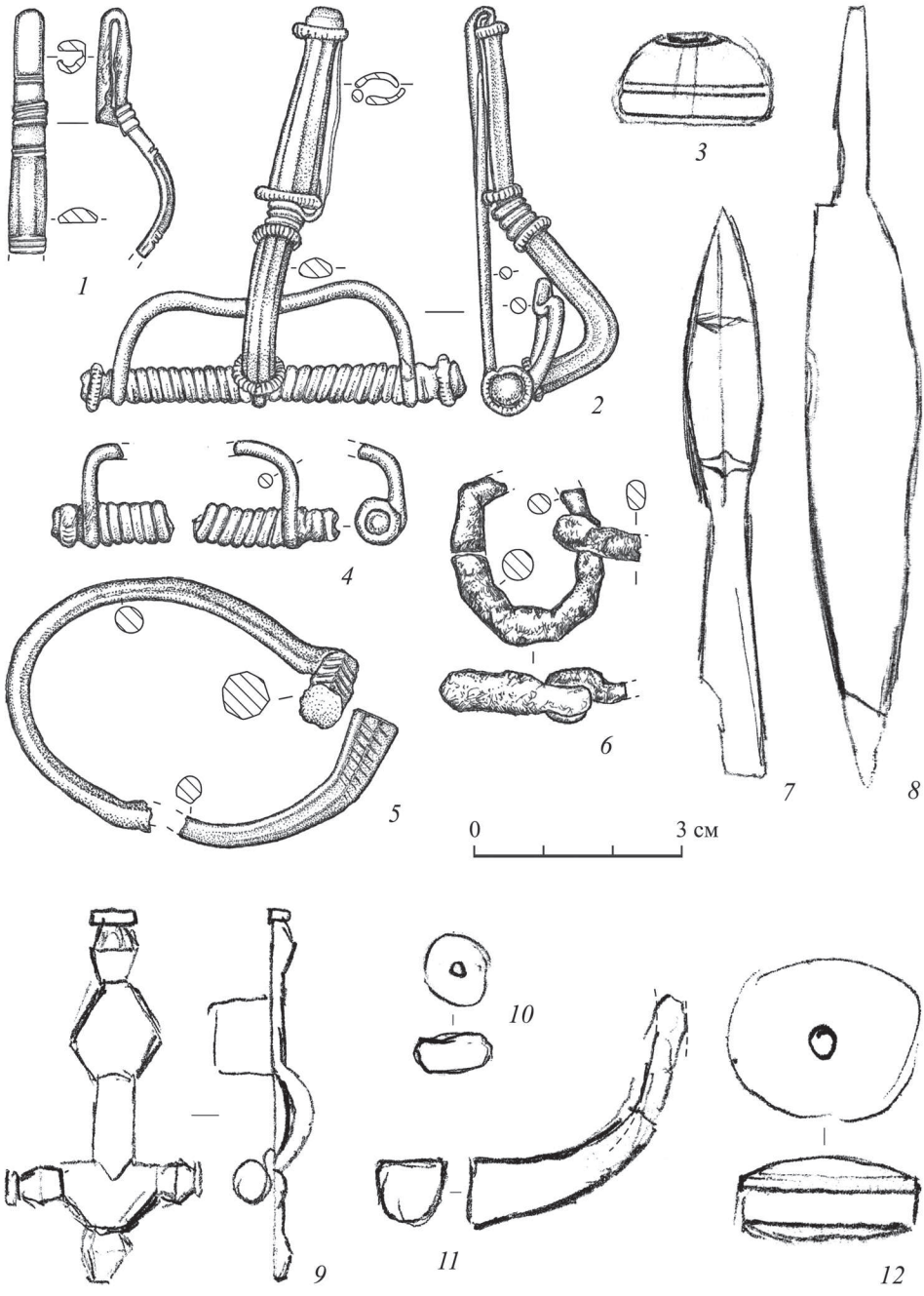


Рис. 6. Комплексы с браслетами с расширенными концами

1–8 – Окунево (Grebieten (1907), погр. 47а; *9–12* – Геройское (Eislithen I), погр. 197

1, 2, 4, 5, 9, 11 – бронза; *3, 12* – янтарь; *10* – стекло; *6–8* – железо

1, 2, 4–6 – по: SMB-PK MVF, рис., фото – О. Хомякова; *3, 7–12* – по: архив Ф. Якобсона

Для погребений конца V – VI в. характерны многочисленные бронзовые имитации таких украшений (см., напр. – Коврово, погребения 273, 276, 280, 284 – по: *Кулаков*, 2007. Рис. 56: *8*; 61: *5*; 70: *11*; 77: *5*; Большое Исаково, погребение 119 – по: *Хомякова*, 2022. С. 77. Рис. 64: *1*; Доброе, погребение 42 – по: *Кулаков*, 2014. Рис. 24: *19*). Такие предметы затем были характерны и для древностей раннесредневековой культуры пруссов VI–VII вв.[7] (*Кулаков*, 1990. С. 26; *Скворцов*, 2010. С. 86–88).

Единственный предмет, который может быть близок рассматриваемому типу браслетов, происходит из погребения 118 могильника Митино конца V – VI в. (*Скворцов*, 2010, С. 60–61. Табл. CCVI: *1–1а*). Обнаруженное в кремации, принадлежавшей взрослому мужчине, изделие диаметром 5 см, было изготовлено из серебра. Его характеризовали не имеющие расширений окончания (рис. 7: *7*). В погребении также содержался керамический сосуд, других предметов культуры престижа в нем обнаружено не было.

Браслеты с расширенными концами в уборе самбийско-натангийских племен

Все рассматриваемые экземпляры были обнаружены в кремациях. Большинство из них содержало «женский» инвентарь[8] (рис. 2: *10–15*; 3: *1–27*; 6: *9–12*; 7: *1–6*). Такие погребения содержали две или три фибулы, поясной набор, отдельные подвески и стеклянные бусы, шейные гривны. Феминино-нейтральные комплексы, которые могли принадлежать детям и подросткам, характеризовали браслеты миниатюрной формы и включали единичные фибулы, детали поясных гарнитур (рис. 4: *1–12, 14*). Наконец, погребения 45 и 47а (1907) с могильника Окунево/Grebieten[9], содержали предметы вооружения – ножи и наконечники копий (рис. 6: *7, 8*), что может указывать на их принадлежность мужчинам или детям/подросткам мужского пола.

Поскольку браслеты с округлыми в сечении окончаниями найдены в самбийско-натангийских погребениях по одному, то наиболее очевидным выглядит предположение, что, как и германские прототипы (см.: *Werner*, 1980. S. 6–7), их могли носить на правой руке.

[7] Согласно античной письменной традиции, существовавшей с первого упоминания в I в. н. э. Тацитом в труде «О происхождении германцев и местоположении Германии», народы современной Калининградской области, Западной Литвы и Северной Польши обозначались в письменных источниках как «эстии» до IX в. В то же время данные археологии свидетельствуют о том, что этногенез западнобалтских племен (пруссов, куршей, скальвов, ятвягов) начался значительно раньше, в эпоху Великого переселения народов и раннее Средневековье.

[8] Антропологические материалы из рассматриваемых комплексов отсутствуют. Используется методика определения археологического пола по инвентарю (подробно: *Хомякова*, 2020. С. 90–91).

[9] Состав указанных комплексов см.: Там же. С. 158–159, 164–165.

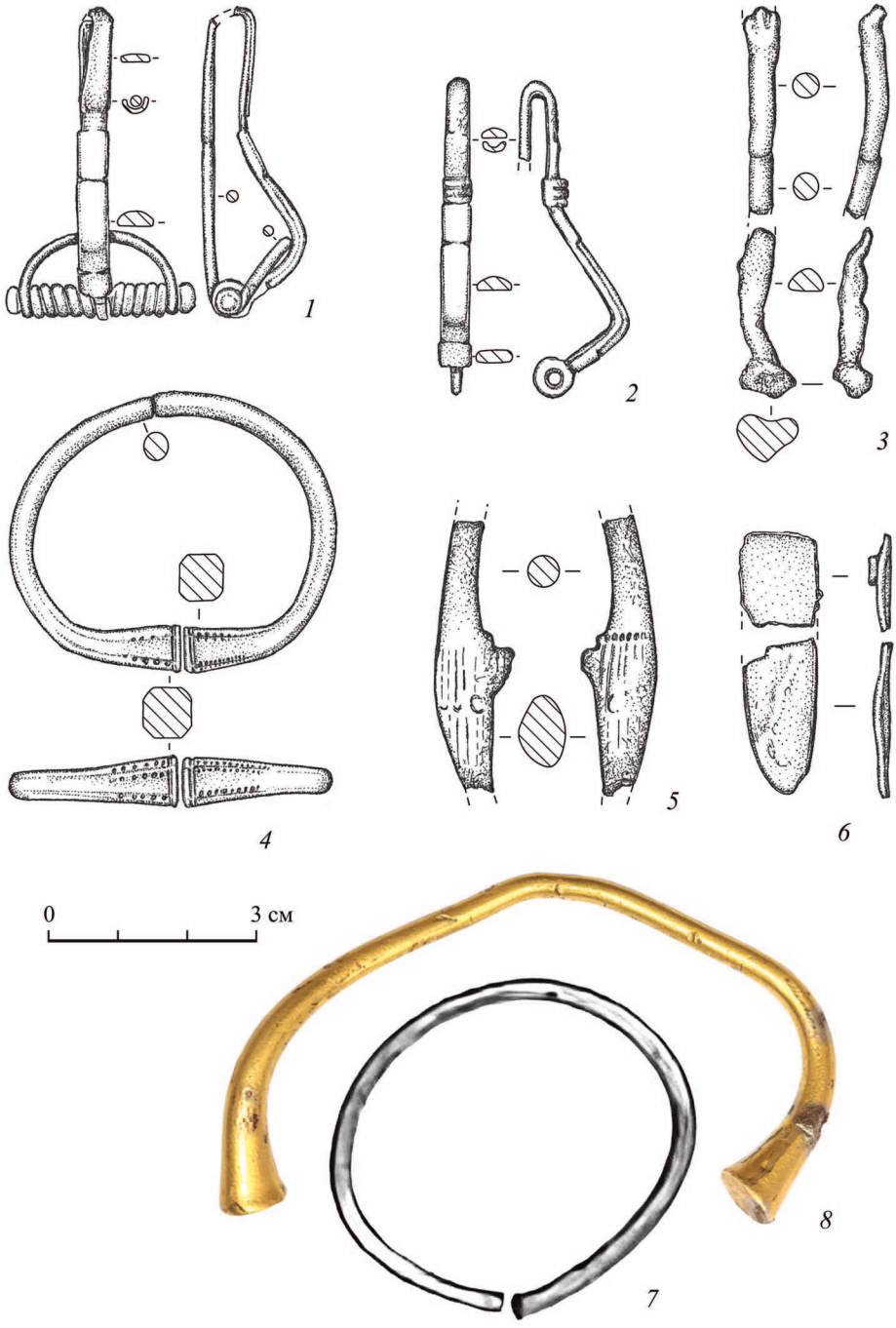


Рис. 7. Браслеты с расширенными концами из бронзы и драгоценных металлов из погребений и случайные находки

1–6 – Окунево (Grebieten Süd (1886), погр. 5; *7* – Митино, погр. 118; *8* – Черепаново, случайная находка

1–6 – бронза; *7* – серебро; *8* – золото

1–6 – по: SMB-PK MVF, рис., фото – О. Хомякова; *7, 8* – по: *Скворцов*, 2023

Однако, по данным погребений, с такими браслетами из Западной Литвы V в.[10], для могильников которой в указанный период был характерен обряд трупоположения, единичные бронзовые украшения рук с расширенными гладкими и гранеными концами занимали разную позицию в уборе. В женских и детских (без предметов вооружения) захоронениях они могли быть надеты как на правую, так и на левую руку (см.: погребения 13, 31 могильника Ужпелькяй по: *Bliujienė, Bračiuliene*, 2018. P. 326. Fig. 12: *23*). В мужских комплексах, а также погребениях детей с предметами вооружения единичные браслеты также были найдены на костях левой (напр., погребения 85, 88, 260 могильника Жвиляй – по: *Vaitkunskienė*, 1999. P. 34–36. Pav. 42; 45) или правой руки (напр., погребение 57 могильника Лаздининкяй – по: *Butėnienė*, 1968. P. 158. Pav. 7: *5*).

Позиция браслетов из драгоценных металлов (серебра) в уборе балтских племен в V в. сохранялась, что могло быть связано с демонстрацией предводителями местных воинских союзов идентичности с главами крупных варварских племенных объединений эпохи Великого переселения народов (подробно: *Хомякова*, 2024а. С. 108–109. Рис. 5; 6). Что касается подражания им в бронзе, то местное население использовало их как простые украшения, ситуативно. Не были среди них исключением, как видится, и носители самбийско-натангийской культуры. Тем не менее сам набор элементов убора с такими браслетами не был случайным, а копировал престижную модель германского убора, показывая желание населения Юго-Восточной Прибалтики идентифицировать себя с культурой племенных объединений центральной части Балтийского региона.

Заключение

Бронзовые браслеты с расширенными гладкими и гранеными концами с округлым в сечении ободом появились в самбийско-натангийском ареале в качестве одной из имитаций «престижных» украшений из драгоценных металлов. В позднеримское время самбийско-натангийская культура была зоной наиболее интенсивных контактов с восточно- и северогерманскими культурами центральной части Балтийского региона. В составе убора ее богатых общин появились наиболее ранние балтские бронзовые реплики предметов культуры престижа центрально- и североевропейских племен. Такие изделия можно рассматривать в качестве символов идентичности с культурой германских элит. Это объясняется тесными культурными и матримониальными связями самбийско-натангийцев с богатыми кланами центральной части Балтийского моря в указанный период. Материал, из которого изготовлены браслеты (бронза), являлся основным для создания украшений в Прибалтике.

Браслеты с расширенными концами из бронзы являются наиболее ранними изделиями данного типа в Прибалтике и западной части Восточно-Европейской равнины в целом. В основном они появились в уборе племен Юго-Восточной Прибалтики на рубеже позднеримского времени и эпохи Великого переселения

[10] В данной статье я намеренно не останавливаюсь на перечислении многочисленных близких аналогий рассматриваемым материалам в культурах Западной Литвы, чему будет уделено внимание в расширенной публикации (*Хомякова*, 2024б. В печати).

народов в первой половине – середине IV в. Однако самые ранние браслеты, вероятно, можно отнести ко второй половине III – началу IV в., когда экземпляры из драгоценных металлов этого типа вошли в состав престижного убора северогерманских племен.

Примечательно, что все формы браслетов – с гладкими и граненными концами, с орнаментом и без – появились в самбийско-натангийском ареале одновременно. Однако украшения рук с гладкими концами, имеющие наиболее ранние датировки, отличаются округлым сочетанием обода экземпляров, в то время как у более поздних экземпляров оно может быть сплющено с внутренней стороны. Граненые браслеты характеризуются орнаментами, представленными на изделиях североевропейского ювелирного искусства.

В отличие от других территорий Прибалтики, в начале эпохи Великого переселения народов самбийско-натангийский ареал, судя по всему, стал частью единого пространства, включенного в сферу влияния «центров власти» на Эльблонгской возвышенности, в Мазурском Поозерье, а также на островах центральной части Балтийского моря, таких как Готланд, Оланд и Борнхольм.

В V в. браслеты с расширенными концами в культуре могильников Калининградского полуострова перестали быть эксклюзивным украшением и стали одним из последних элементов, оставшихся от самбийско-натангийский модели убора. К концу V в. они полностью исчезли из ее состава и их место заняли другие формы украшений рук.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Архив Р. Гренца (R. Grenz, Archive); Scientific archives of Herbert Jahnkuhn // Archäologisches Landesmuseum Schloß Gottorf in Schleswig.

Архив Ф. Якобсона // Департамент археологии Латвийского национального музея истории. Рига.

Засецкая И. П., Казанский М. М., Ахмедов И. Р., Минасян Р. С., 2007. Морской Чулек: Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: ГЭ. 209 с.

Казанский М. М., 1999. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов // АВ. № 6. СПб. С. 404–417.

Кулаков В. И., 1990. Древности пруссов VI–XIII вв. М.: Наука. 166 с. (САИ; вып. Г1-9.)

Кулаков В. И., 2007. Долькайм-Коврово. Исследования 1992–2002 гг. Минск: Ин-т истории Нац. акад. наук Беларуси. 335 с. (Prussia Antiqua; т. 4.)

Кулаков В. И., 2014. Hünenberg – «Гора Великанов». Могильник III–IV вв. на севере Самбии // Światowit. Supplement series B. Barbaricum. T. 10 / Ed. B. Kontny et al. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego. P. 199–362.

Левада М. Е., 2010. Сухоносивка // Terra barbarica: studia ofiarowane Magdalenie Mączyńskiej w 65. rocznicę urodzin. Warszawa; Łódz: Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego. P. 557–594. (Monumenta archaeologica barbarica. Series gemina; t. II.)

Розенфельдт И. Г., 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М: Наука, 179 с.

Скворцов К. Н., 2010. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область): материалы исследований 2008 г. М.: ИА РАН. 302 + 806 с. (Материалы охранных археологических исследований; т. 15.)

Скворцов К. Н., 2023. Элитные погребения эстиев в эпоху Великого переселения народов. М.: ИА РАН. 476 с. (Материалы спасательных археологических исследований; т. 29.)

Хомякова О. А., 2007. Комплекс украшений из могильника Большое Исаково – Lauth // РА. № 3. С. 69–75.

Хомякова О. А., 2020. Женские погребения Юго-Восточной Прибалтики I–VIII вв. // РА. № 1. С. 90–106.
Хомякова О. А., 2022. Женский убор самбийско-натангийской культуры I–IV вв. Анализ компонентов и хронология. М.: ИА РАН. 320 с. (Германия – Сарматия: Монографии; вып. 1.)
Хомякова О. А., 2024а. Браслеты с расширенными концами, изготовленные из драгоценных металлов в эпоху Великого переселения народов: дунайско-днепровско-прибалтийские параллели // НАВ. Т. 23. № 1. С. 102–135.
Хомякова О. А., 2024б. Бронзовые браслеты с расширенными концами в культурах Прибалтики, лесной и лесостепной зон в эпоху Великого переселения народов // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 5: сб. ст. (В печати.)

Åberg N., 1919. Ostpreußen in der Völkerwanderungszeit. Uppsala; Liepzig: Almqvist & Wiksells Boktryckeri-A.-D. 175 S.
Andersson K., 1993. Romartida guldsmide i Norden. 1. Katalog. Uppsala: Societas archaeologica Upsaliensis. 292 S. (Aun; Bd. 17.)
Andersson K., 1995. Romartida guldsmide i Norden. 3. Övriga smycken, teknisk analys och verkstadsgrupper. Uppsala: Uppsala University. 243 S. (Aun; Bd. 21.)
Bliujienė A., Bračiuliene R., 2018. Užpelkių kapinynas Lietuvos pajūrio ir baltijos jūros regiono kultūriniuose kontekstuose. Vilnius: Vilniaus dailės akademijos leidykla. 494 p.
Butėnienė E., 1968. Lazdininkų kapinynas // Lietuvos archeologiniai paminklai. Lietuvos pajūrio I–VII a. kapinynai. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas. P. 143–161.
Carnap-Bornheim C., *Illkjær J.,* 1996. Illerup Ådal. Die Prachtausrustning. Bd. 7. Aarchus: Aarhus University Press. 958 S. (Jutland Archaeological Society Publication; XXV, 11.)
Ethelberg P., 2000. Skovgårde. Ein Bestattungsplatz mit reichen Frauengräbern des S. Jhs. n. Chr. auf Seeland Per Ethelberg Mit Beiträgen. Köbenhavn: Det Kongelige Nordiske oldskriftselskab. 448 p. (Nordiske fortidsminder. Serie B; 19.)
Hilberg F., 2009. Masurische Bügelfibeln. Studien zu den Fernbeziehungen der völkerwanderungszeitlichen Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren. Neumünster: Wachholtz. 616 S. (Schriften des Archäologichen Landesmuseum; vol. 9.)
Lau N., 2012. Pilgramsdorf / Pielgrzymowo: Ein Fundplatz der römischen Kaiserzeit in Nordmasowien. Eine Studie zu Archivalien, Grabsitten und Fundbestand. Neumünster: Wachholtz. 224 S. (Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete; Bd. 11.)
Lund Hansen U., 1995. Himlingøje – Seeland – Europa. Ein Gräberfeld der jüngeren römischen Kaiserzeit auf Seeland, seine Bedeutung und internationalen Beziehungen. København: Det Kongelige Nordiske oldskriftselskab. 576 S. (Nordiske Fortidsminder; Bd. 13.)
Raddatz K., 1957. Der Thorsberger Moorfund. Gürtelteile und Körperschmuck. Neumünster: Wachholtz. 158 S. (Offa; Bd. 13.)
Rasmussen B., 2010. Slusegårdgravpladsen. V. Fundoversigt og genstandstyper. Aarhus: Aarhus Universitet. 444 S. (Jysk Arkæologisk Selskabs Skrifter; vol. XIV, № 5.)
Rummel F., 2007. Habitus barbarus: Kleidung und Repräsentation spätantiker Eliten im 4. und 5. Jahrhundert. 492 S. (Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde; Bd. 55.)
Rummel F., 2008. Habitus barbarus: Kleidung und Repräsentation spätantiker Eliten im 4. und 5. Jahrhundert // Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Bd. 55. 492 S.
Schulz W., 1953. Leuna. Ein germanischer Bestattungsplatz der spätrömischen Kaiserzeit. Berlin: Akademie-Verlag. 96 S. (Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte; Bd. 1.)
SMB–PK/MVF – Staatliche Museen zu Berlin – Preußischer Kulturbesitz. Museum für Vor- und Frühgeschichte. Berlin.
Tautavičius A., 1996. Vidurinis geležies amžius Lietuvoje (V–IX a.). Vilnius: Pilių tyrimų centras «Lietuvos Pilys». 367 p.
Vaitkunskienė L., 1999. Žvilių Kapinynas. Vilnius: Diemedžio Leidykla. 247 p. (Lietuvos archeologija; t. 17.)

Werner J., 1980. Der goldene Armring des Frankenkönigs Childerich und die germanischen Handgelenkringe der jüngeren Kaiserzeit // Frühmittelalterliche Studien. Bd. 14. S. 1–41.

Сведения об авторе

Хомякова Ольга Алексеевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: olga.homiakova@gmail.com

O. A. Khomyakova

SAMBIAN-NATANGIAN BRACELETS WITH BROADENED ENDS FROM THE 4th–5th CENTURIES

Abstract. Bronze bracelets with broadened ends attributed to the Sambian-Natangian culture are the earliest examples of such items in the Baltics region and the western part of the East European Plain. As shown by the data from the burial assemblages, they appeared as part of decorative accessories used by the local population in the second half of the 3rd – early 4th centuries. The latest items are dated to the second half of the 5th century. The bracelets represent imitations of prestigious jewelry decorated with precious stones characteristic of the Germanic elites of the Late Roman period and the beginnings of the Migration period. However, in contrast to their prototypes, these bracelets were ordinary jewelry pieces that people wore to identify themselves with the culture of the North European communities.

Keywords: bracelets with broadened ends, southeastern Baltics region, Late Roman period, Migration period, Sambian-Natangian culture, Early Medieval culture of the Prussians.

REFERENCES

Arkhiv F. Yakobsona [F. Jakobsen, Archive]. *Departament arkheologii Latviyskogo natsional'nogo muzeya istorii [Department of Archaeology of the Latvian National Museum of History]*. Riga.

Arkhiv R. Grentsa (R. Grenz, Archive); Scientific archives of Herbert Jahnkuhn. *Archäologisches Landesmuseum Schloß Gottorf in Schleswig*.

Kazanskiy M. M., 1999. O baltakh v lesnoy zone Rossii v epokhu Velikogo pereseleniya narodov [On the Balts in forest zone of Russia in the period of Great Migration]. *AV*, 6. St. Petersburg, pp. 404–417.

Khomyakova O. A., 2007. Kompleks ukrasheniy iz mogil'nika Bol'shoe Isakovo – Lauth [A set of jewelry from cemetery of Bolshoe Isakovo – Lauth]. *RA*, 3, pp. 69–75.

Khomyakova O. A., 2020. Zhenskie pogrebeniya Yugo-Vostochnoy Pribaltiki I–VIII vv. [Female burials of Southeastern Baltics of I–VIII cc.]. *RA*, 1, pp. 90–106.

Khomyakova O. A., 2022. Zhenskiy ubor sambiysko-natangiyskoy kul'tury I–IV vv. Analiz komponentov i khronologiya [Female attire of Sambian-Natangian culture, I–IV cc. Component analysis and chronology]. Moscow: IA RAN. 320 p. (Germaniya – Sarmatiya: Monografii, 1.)

Khomyakova O. A., 2024a. Braslety s rasshirennymi kontsami, izgotovlennye iz dragotsennykh metallov v epokhu Velikogo pereseleniya narodov: dunaysko-dneprovsko-pribaltiyskie paralleli [Bracelets with broadened ends made of precious metals in Great Migration period: the Danube-Dnieper-Baltic parallels]. *NAV*, vol. 23, no. 1, pp. 102–135.

Khomyakova O. A., 2024b (in print). Bronzovye braslety c rasshirennymi kontsami v kul'turakh Pribaltiki, lesnoy i lesostepnoy zon v epokhu Velikogo pereseleniya narodov [Bronze bracelets with extended ends in cultures of the Baltics, forest and forest-steppe zones in Great Migration period]. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya*

narodov. Konferentsiya 5 [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in period of Roman influences and Great Migration. Conference 5].

Kulakov V. I., 1990. Drevnosti prussov VI–XIII vv. [Antiquities of the Prussians, VI–XIII cc.]. Moscow: Nauka. 166 p. (SAI.)

Kulakov V. I., 2007. Doll'kaym-Kovrovo. Issledovaniya 1992–2002 gg. [Dollkaim-Kovrovo. 1992–2002 research]. Minsk: Institut istorii Natsional'noy akademi nauk Belarusi. 335 p. (Prussia Antiqua; t. 4.)

Kulakov V. I., 2014. Hünenberg – «Gora Velikanov». Mogil'nik III–IV vv. na severe Sambii [Hünenberg – «The Mountain of Giants». Cemetery of III–IV cc. in the north of Sambia]. *Światowit. Supplement series B. Barbaricum*, 10. B. Kontny, ed. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, pp. 199–362.

Levada M. E., 2010. Sukhonosivka [Sukhonosivka]. *Terra barbarica: studia ofiarowane Magdalenie Mączyńskiej w 65. rocznicę urodzin*. Warszawa; Łódz: Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego, pp. 557–594. (Monumenta archaeologica barbarica. Series gemina, II.)

Skvortsov K. N., 2010. Mogil'nik Mitino V–XIV vv. (Kaliningradskaya oblast'): materialy issledovaniy 2008 g. [Cemetery Mitino, V–XIV cc. (Kaliningrad region): materials of 2008 research]. Moscow: IA RAN. 302 + 806 p. (Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy, 15.)

Skvortsov K. N., 2023. Elitnye pogrebeniya estiev v epokhu Velikogo pereseleniya narodov [Elite burials of the Aestii in Great Migration period]. Moscow: IA RAN. 476 p. (Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy, 29.)

Zasetskaya I. P., Kazanskiy M. M., Akhmedov I. R., Minasyan R. S., 2007. Morskoy Chulek: Pogrebeniya znati iz Priazov'ya i ikh mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ya v postgunnskuyu epokhu [Morskoy Chulek: Nobility burials from Azov Sea region and their place in history of North Pontic tribes in post-Hunnic period]. St. Petersburg: GE. 209 p.

About the author

Khomyakova Olga A., Institute of Archeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: olga.homiakova@gmail.com

А. В. Письмарова

СТЕКЛЯННЫЕ ПОДВЕСКИ И КРУПНЫЕ БУСИНЫ УВЕКСКОГО ГОРОДИЩА ЭПОХИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

Резюме. В работе представлено исследование стеклянных подвесок и крупных бусин Увекского городища, отождествляемого с одним из городов Золотой Орды – Укеком. Выборка включает 21 экз. украшений, рассмотренных как типологически, так и с точки зрения технологии изготовления. Исследование бусин и подвесок Увекского городища позволило определить преобладающие типы и технологию производства, типичные для мастерских Золотой Орды, а также выявить в коллекции экземпляры, аналогии которым известны в памятниках Средней Азии, позднекочевнических курганах Поволжья и мордовских могильниках.

Ключевые слова: стеклянные подвески, декорированные бусы, монохромные кулоны, технология изготовления, Золотая Орда, Увекское городище.

Увекское городище является одним из крупнейших поселений Нижнего Поволжья и отождествляется исследователями с крупным золотоордынским городом – Укеком, административно-политическим, экономическим, торговым и культурным улусным центром.

Материалы Увека ранее были рассмотрены в исследованиях Л. Ф. Недашковского и С. И. Валиулиной (*Недашковский, Валиулина*, 2005), Ю. А. Матюхиной (*Матюхина*, 2005). Работа Ю. А. Матюхиной включает все известные на момент публикации стеклянные бусы и подвески из фондов Саратовского областного музея краеведения (СОМК), но раскопки под руководством Д. А. Кубанкина, начавшиеся в 2005 г., и развитие представлений о стеклоделательном производстве на территории Золотой Орды обуславливают необходимость вновь обратить внимание на коллекцию, хранящуюся в СОМК.

Поэтому в данной работе в качестве объекта исследования выступают стеклянные изделия Увекского городища из раскопок под руководством Д. А. Кубанкина, а также коллекций сборов Саратовской ученой архивной комиссии

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.275.348-360

Рис. 1. Увекское городище. Подвески и крупные бусины из стекла
1, 2, 9–16, 19 – бусины; *3–8, 17, 18, 20, 21* – подвески

(СУАК), хранящихся в фондах Саратовского областного музея краеведения[1] (рис. 1). Условия обнаружения украшений затрудняют возможность их узкого датирования (сборы СУАК представляют собой, по большей части, случайные находки; подвески из раскопок Д. А. Кубанкина происходят из ямы и просевки

[1] Выражаю благодарность Д. А. Кубанкину и К. Ю. Моржерину, любезно предоставившим возможность ознакомиться с комплексом стеклянных изделий Увекского городища из фондов Саратовского областного музея краеведения.

пласта), однако все они относятся к золотоордынскому периоду, в рамках которого функционировал город Укек.

Рассматриваемые в статье украшения представлены двумя видами: бусинами, выделяющимися большим размером (*d* или *l* тулова > 20 мм), и подвесками. М. Д. Полубояринова в качестве подвесок выделила украшения, обладающие нетипичной для бусин формой и размером (*Полубояринова*, 1988). Данные особенности сводятся к конструктивным различиям между подвесками и бусинами: подвески имеют смещенный относительно центральной оси канал, в то время как канал бусин проходит через центр изделия (*Русланова*, 2018. С. 27). Кроме того, подвески могут иметь дополнительный элемент (*Щапова и др.*, 2007. С. 15), представляющий собой ушко для подвешивания. Вероятно, из-за этих особенностей данные изделия могли использоваться в качестве отдельного украшения или центрального элемента в ожерелье. Нельзя также исключать возможность традиционного использования крупных бусин во внешнем убранстве.

Рассматриваемая выборка составила 21 стеклянное изделие, из которых 11 являются крупными орнаментированными бусинами, 10 – подвесками (8 орнаментированных и 2 монохромные).

При описании формы была использована классификация древнерусских бусин А. В. Арциховского, где типообразующим признаком считается форма поперечного и продольного сечения (*Арциховский*, 1930. С. 28). Исследованные стеклянные изделия Укека по форме поперечного сечения разделяются на округлые (17 экз.) и уплощенные (2 экз.) (табл. 1).

Бусины

Форма. Округлые бусины по форме продольного сечения подразделяются на: цилиндрические – всего 6 экз. (рис. 1: *1, 2, 9–11, 19*; 2: *3*), в том числе три небольших фрагмента, отнесенных к группе бусин условно (рис. 1: *9–11*); шарообразные – 1 экз. (рис. 1: *14*; 2: *4*) и эллипсоидные – 2 экз. (рис. 1: *12, 13*; 2: *5*) (табл. 1).

Уплощенные бусины (2 экз.) имеют форму диска (рис. 2: *6*; табл. 1) и выделяются рельефной орнаментацией (рис. 1: *15, 16*), что, по мнению исследователей (*Рябинин*, 2001. С. 60), характерно для изделий Волжской Булгарии и Золотой Орды XIII–XIV вв. Аналогии известны в мордовских могильниках, курганах Северного Кавказа (Там же) и Северо-Западной Руси (*Спицын*, 1896. Табл. XIV: *26*), в русском поселке XIII–XIV вв. у с. Березовки на территории Среднего Поволжья (*Алихова*, 1960. С. 199).

Цвет. Превалируют изделия черного цвета в основе (10 экз.) с декором разного цвета (желтого, красного, белого, бирюзового). Для всех экземпляров характерно использование глухого (непрозрачного) стекла.

Декор. Все бусины орнаментированы или спаянно-накладными глазками (рис. 1: *19*), или накладными стеклянными нитями (рис. 1: *1, 2, 9–16*).

Глазки всегда дополнены ресничками, образованными дополнительными нитями цветного стекла, которыми обкладывали заготовочный стержень. Все экземпляры с глазчатым орнаментом имеют цилиндрическую форму.

Таблица 1. Формы бусин и подвесок и типы орнаментов

Форма по поперечному сечению	Форма по продольному сечению	Дополнительные элементы		
		Накладные нити		Глазки
		Спиральный узор	Поперечная волна	Спаянно-накладные
Округлая	Крупные бусины			
	ЧЕРНЫЕ НЕПРОЗРАЧНЫЕ			
	Шарообразная	1		
	Цилиндрическая	5		
	Эллипсоидная	2		
Уплощенная	Дисковидная	2		
	ЖЕЛТЫЕ НЕПРОЗРАЧНЫЕ			
Округлая	Цилиндрическая			1
	Подвески			
	ЧЕРНЫЕ НЕПРОЗРАЧНЫЕ			
	Двойная цилиндрическая	4	2	1
	БИРЮЗОВЫЕ НЕПРОЗРАЧНЫЕ			
	Двойная цилиндрическая			1

Способ изготовления реснитчатых глазков известен уже со II в. н. э. При этом бусины с реснитчатыми глазками II–III вв. н. э. (*Краснопёров*, 2020. С. 61) отличаются формой, размерами и иногда технологией изготовления тулова. Аналогии цилиндрическим глазчатым изделиям Н. Н. Бусятская приводит из Мерва и мордовских могильников (*Бусятская*, 1976. С. 44). Черные цилиндрические бусины с печеночно-красными глазками известны в могильниках Северного Кавказа (*Уварова*, 1900. Табл. XC) и погребениях кочевников XIII–XIV вв. (*Курышова*, 2021. С. 143).

Декор накладными нитями представляет собой стеклянную нить, которая идет по спирали от одного отверстия к другому (рис. 1: *1, 2, 9–16*).

Бусины со спиральным декором известны уже со втор. пол. X – конца XI в. в Саркеле – Белой Веже (*Львова*, 1959. С. 329). В Биляре орнаментированные таким образом бусины были распространены в XII – начале XIII в. (*Валиулина*, 2013. С. 22), а в Новгороде – начиная с XII в. Причем черные цилиндрические

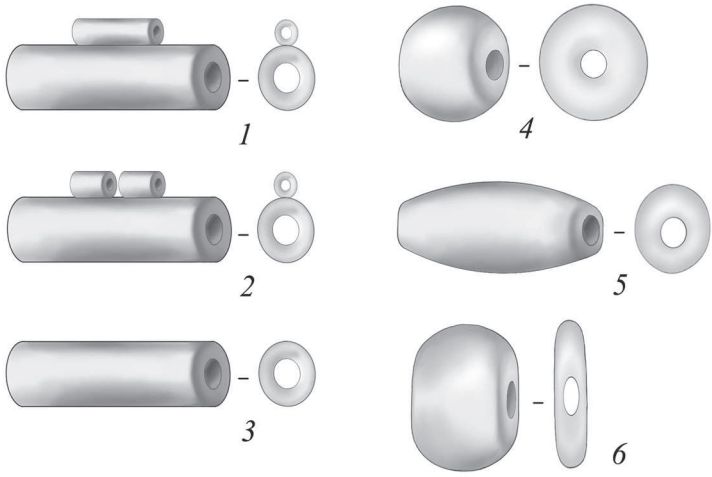


Рис. 2. Увекское городище. Формы бусин и подвесок

бусины с гладким орнаментом бытуют на протяжении всего XIII в. и постепенно исчезают в начале XIV в., в то время как экземпляры с рельефным орнаментом происходят из слоев перв. пол. XIV в. (*Колчин*, 1982. С. 169).

Эллипсоидные черные бусины со спиральным орнаментом также известны в позднеримских (*Алексеева*, 1978. Табл. 31: *81*) и раннесредневековых памятниках Евразии (*Ковалевская*, 2000. С. 56. Тип 191; *Гопкало*, 2008. Табл. VI: *Тип Хв*). Однако золотоордынские изделия несколько отличаются пропорциями и характером декора. Стеклянные нити на бусинах Увека более тонкие и располагаются чаще, соответственно ближе друг к другу, что создает впечатление полного покрытия поверхности изделия.

Технология изготовления. Для всех бусин (в том числе и являющихся основным элементом подвесок) характерен один способ изготовления тулова разной формы – навивка стеклянной массы на стержень. Доработка формы и орнаментация требовали проведения дополнительных технологических операций: так, уплощенная форма достигалась за счет прессования изделия.

Орнаментация реснитчатыми глазками требовала от мастера изготовления заготовок-отрезков многоцветных стеклянных прутиков, которые затем вдавливались в размягченное тело бусины. Реснички глазков формировались дополнительными нитями цветного стекла, которыми обкладывали стержень. Н. Н. Бусятская отмечает, что данная техника была известна на протяжении долгого периода времени: изделия с глазками такого типа известны в домонгольский период и продолжают существовать в золотоордынскую эпоху (*Бусятская*, 1973. С. 221). Так, например, аналогичные реснитчатые глазки известны на персидской бусине V–VII вв. н. э. (Израильский музей) (*Spaer*, 2001. P. 98: № 122; 342. Pl. 9).

Спиральный декор в виде волн и зигзагов образован путем наложения размягченной стеклянной нити на тулово бусины. Для формирования зигзагов

по всему изделию мастер дополнительно проводил острым инструментом по линейному орнаменту вдоль тулова – «расчесывал» спираль в одну или разные стороны, за счет чего на изделии зачастую оставались бороздки (рис. 1: *1, 3, 6, 11, 13, 16*). По внешнему сходству такой орнамент также называют «ёлочным» (с заостренными углами), «перистым» (с более плавными волнами, сужающимися в месте работы острым инструментом) или «фестончатым» (соответственно при образовании своеобразных фестонов, располагающихся по спирали).

На двух бусинах (рис. 1: *12, 14*) стеклянные нити дополнительно закручены в одной точке. Такие доработки декора производились по уже наложенным, но еще не застывшим, мягким, нитям стекла.

Большинство орнаментированных бусин имеет гладкий орнамент, что требовало дополнительной обработки поверхности – обкатки орнаментированных изделий.

Подвески

Форма. Наибольшим количеством выделяются округлые в поперечном сечении цилиндрические изделия, обладающие дополнительным элементом, который использовался в качестве ушка. Двойные цилиндрические подвески имеют сверху образующие второй ярус 1 или 2 маленькие бусины (рис. 2: *1, 2*), через отверстия которых пропускалась нить (рис. 1: *3–8, 17, 18*).

Двойные цилиндрические украшения, подобные подвескам Увека, отмечены в памятниках Средней Азии, мордовских могильниках и позднекочевнических курганах Поволжья. При этом М. Д. Полубояринова относит их к среднеазиатскому импорту (*Полубояринова*, 1988. С. 184).

В коллекции Укека присутствуют также две подвески со смещенным относительно центра изделия каналом, представленные фрагментом в виде водоплавающей птицы (рис. 1: *20*) и целым экземпляром грушевидной формы (рис. 1: *21*).

Цвет. Подвески имеют типичные для золотоордынских изделий цвета – черный, зеленый, бирюзовый и желтый.

Декор. Среди цилиндрических подвесок абсолютное большинство представлено изделиями, орнаментированными накладными нитями в виде спирального орнамента (рис.1: *3–6*) и поперечной волны (рис. 1: *7, 8*). Поперечную волну образует одинарная или многослойная стеклянная нить, располагающаяся поперек тулова (рис. 1: *7, 8*). Аналогии встречаются в мордовских могильниках (*Алихова*, 1959. С. 175. Табл. 69: *7*), в памятниках Волжской Булгарии, в среднеазиатских памятниках и позднекочевнических курганах Поволжья (*Бусятская*, 1976. С. 44). Цилиндрическая подвеска-бусина без второго яруса, орнаментированная сине-белым стеклянным жгутом, известна в коллекции Маджара (*Курышова*, 2022б. С. 166).

Кроме того, в исследуемой выборке имеется одна цилиндрическая глазчатая бирюзовая в основе подвеска (рис. 1: *17*), подобные которой известны: в коллекции Волжской Булгарии (датируется XIII–XIV вв.) (*Полубояринова*, 1988. С. 185), а также среди материалов булгаро-татарского города Джукетау X–XIV вв. (*Набиуллин, Храмченкова*, 2013. С. 241) и на золотоордынском Маджарском городище (*Курышова*, 2022б. С. 164).

Встречается выпуклый и гладкий декор, в виде многократной волны/зигзага или комбинации поперечных линий и волн/зигзагов.

Подвески иной формы орнамента не имеют.

Технология изготовления цилиндрических подвесок, поскольку основным их элементом является бусина-цилиндр, такая же как у бусин, за исключением дополнительной операции по созданию второго яруса – ушка изделия. Его образование обеспечивалось сваркой двух/трех частей – основного цилиндра и небольших округлых бусин (также изготовленных путем навивки).

Подвеска в виде водоплавающей птицы (рис. 1: *20*) была изготовлена следующим образом: стеклянная нить навита на спицу в виде маленьких сдвоенных бусин, образуя голову и тело утки. Клюв вытягивался при отрыве стеклянной нити, а хвост сформирован при помощи плоских щипцов (*Курышова*, 2022а. С. 90).

Подвески в виде водоплавающей птицы специально рассмотрены в работе Н. П. Курышовой (Там же), где ею выделено два типа данных изделий в зависимости от расположения канала. Фрагмент из Укека имеет вертикальное расположение канала, который проходил сквозь голову и тело птички. Такой тип изделий Н. П. Курышова относит к подгруппе А (Там же). На основе находок аналогичных изделий в стеклоделательных золотоордынских мастерских, а также их частой встречаемости в погребениях золотоордынского времени исследовательницей выдвинуто предположение о местном производстве подвесок данного типа в мастерских Поволжья (Там же. С. 95). Традиция изготовления из стекла украшений в виде птичек была распространена в исламский период (*Spaer*, 2001. P. 188, 190, 365. Pl. 32. № 428 a-b, 436.; *Liu*, 2012. P. 61), однако подвески этого периода сильно отличаются от встречающихся на золотоордынских памятниках.

Способ изготовления подвески грушевидной формы до конца не выяснен. Располагающиеся горизонтально прожилки указывают либо на особенности химического состава, либо являются показателем соединения двух частей при формировании подвески. Путем спайки могли быть соединены округлая заготовка бусины и кусочек стекла, который образовал верхнюю часть подвески. В случае если появление прожилок связано с химическими особенностями стекла, можно предположить, что подвеска была изготовлена путем навивки стеклянной массы вокруг стержня и деформирована в результате горячей обработки.

Вытянутые грушевидные подвески известны уже в позднебронзовом веке в Египте, однако внешне они совершенно другие, притом что технология изготовления могла быть схожей (*Spaer*, 2001. P. 154, 356. Pl. 23. № 285–287). Близкая по внешним признакам вытянутая подвеска неправильной грушевидной формы отмечена в коллекциях раннесредневекового Хорезма (Беркут-кала) (*Пташникова*, 1952. С. 114) и Болгара (*Полубояринова*, 1988. С. 186); точные аналогии известны в материалах Маджара (*Курышова*, 2022б. С. 164).

Итак, стеклянные подвески Увекского городища имеют аналогии среди артефактов позднекочевнических курганов Поволжья, мордовских могильников, а также среди подвесок среднеазиатских памятников XII–XIV вв.

Кроме этого, похожие изделия были распространены в более древние периоды на широкой территории. Так, например, цилиндрические и эллипсоидные бусины со спиральным орнаментом известны в Восточном Средиземноморье

начиная с позднеримского времени (*Spaer*, 2001. P. 112, 346. Pl. 13. № 167–169; *Dubin*, 1987. Вклейка: *№ 486, 501, 513*). При этом украшения с таким орнаментом в более поздний – исламский – период выполнены изящнее, что говорит о развитии техники и повышении качества изделий.

Наиболее близки изделиям из Увека уплощенная и цилиндрические бусины XI–XII вв. из коллекции Израильского музея (*Spaer*, 2001. P. 190, 365. Pl. 32. № 435). Красные и белые спирали на черном тулове, которыми оформлены эти подвески, – вполне типичное сочетание для золотоордынских изделий, однако размеры и пропорции бусин отличаются. В раннеисламский период распространяется традиция создания второго яруса для подвесок различной формы (*Spaer*, 2001. P. 347. Pl. 14. № 178, 179; *Dubin*, 1987. Вклейка: *№ 497–498*; *Jenkins*, 1986. P. 54, 55. № 80). При этом все упомянутые изделия не являются точными аналогиями увекским подвескам. Они имеют сходную традицию оформления, но отличия в форме и пропорциях. Можно предположить, что при производстве золотоордынских экземпляров использовались и развивались технологические традиции предыдущих периодов.

В целом все рассматриваемые бусины-подвески характерны в большей степени для золотоордынских памятников, а также для памятников тех культур, которые находились под непосредственным влиянием Золотой Орды. Тот факт, что стеклянные украшения Увека повторяют тенденции, прослеженные в других золотоордынских городах, был отмечен Л. Ф. Недашковским и С. И. Валиулиной, которые исследовали химический состав и морфологию стеклянных изделий Увека и его окрестностей (*Недашковский, Валиулина*, 2005. С. 266).

Преобладающая форма изделий – цилиндрическая, из них 2 одинарные бусины и 8 подвесок с дополнительным вторым ярусом. Большинство украшений в основе из черного глухого стекла (17 экз.). Кроме того, выборка включает две бусины из разноцветного глухого стекла: одна – из бирюзового, а вторая – из желтого. Такое распределение цветовой палитры в целом распространено среди золотоордынских древностей.

Превалирующее количество бусин и цилиндрических подвесок орнаментировано накладными нитями, образующими различные узоры: волны, зигзаги, «елочный орнамент» и комбинации волн (либо зигзагов) и поперечных полос (табл. 1).

Особый интерес представляют двойные цилиндрические подвески, орнаментированные накладными полосками стекла или глазками (рис. 1: *3–8*, *17, 18*). Существует мнение, что внутри таких подвесок могли хранить бумажные амулеты с изречениями из Корана, призванные предохранять от несчастий (*Бусятская*, 1976. С. 45). Вероятно, это предположение возникло благодаря форме изделия: из-за возможности его использования в качестве тумара – пенала для хранения коранических текстов. Однако Е. П. Мыськов на основе анализа материала из кочевнических погребений золотоордынской эпохи утверждает, что происхождение амулетов такой формы никак не связано с распространением ислама (*Мыськов*, 2015). Во-первых, в погребениях с такими амулетами отсутствуют элементы мусульманской похоронной обрядности; во-вторых, цилиндрические полые амулеты известны уже в материалах боспорских центров античного времени. При этом традиция использования цилиндрических амулетов

в качестве тумаров действительно существовала, но широко распространилась в среде мусульманского населения намного позже (*Мыськов*, 2015. С. 179). Таким образом, версия об использовании стеклянных цилиндрических двойных подвесок-бусин XIII–XIV вв. для хранения текстов представляется неубедительной, но магическую функцию изделий такого типа исключать нельзя.

Вполне вероятно, что подвески из Увека – продукция местного золотоордынского производства, скорее всего, мастерских Болгара и Селитренного городища. На этих памятниках обнаружены не только горны и инструменты стеклоделательного ремесла, но и большое количество бусин, а также подвески в виде водоплавающей птицы с вертикально расположенным каналом (*Полубояринова*, 2006. С. 155. Рис. 3; *Пигарев, Яранцева*, 2019. С. 80. Рис. 2) и заготовки для производства бус и их декорирования (*Галкин*, 1984; *Кутузова, Воробьева*, 2018; *Кутузова*, 2018; *Пигарёв*, 2019; *Полубояринова*, 2006). Кроме того, химический состав стеклянных украшений коллекции Укека соответствует тому типу, что выделен в качестве одного из ведущих для Золотой Орды (*Недашковский, Валиулина*, 2005. С. 267). При этом глазчатые бусины превалируют на Селитренном городище, где были обнаружены стеклянные прутики – заготовки для глазков. В материалах Болгара преобладают бусины с орнаментом, выполненным накладными стеклянными нитями (*Полубояринова*, 2006. С. 155), т. е. так же, как и на Увеке (*Малышев, Письмарова*, 2021. С. 234). Такое совпадение может быть аргументом в пользу определения Болгара как источника поступления бусин в Увек и наличия налаженной торговой связи между этими средневековыми городами.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е. М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука. 104 с. (САИ; вып. Г1-12.)

Алихова А. Е., 1959. Эрзянский могильник XIV в. у села Гагино // Из древней и средневековой истории мордовского народа / Ред. А. П. Смирнов. Саранск: Мордовское кн. изд-во. С. 169–194.

Алихова А. Е., 1960. Русский поселок XIII–XIV веков у села Березовка // Труды Куйбышевской археологической экспедиции / Отв. ред. А. П. Смирнов. М.: АН СССР. С. 195–209. (МИА; № 80.)

Арциховский А. В., 1930. Курганы вятичей. М.: Рос. ассоц. науч.-исслед. ин-тов обществ. наук. 221 с.

Бусятская Н. Н., 1973. Стеклянные бусы Селитренного городища // СА. № 1. С. 217–227.

Бусятская Н. Н., 1976. Стеклянные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред.: А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука. С. 38 – 72.

Валиулина С. И., 2013. Стеклянные изделия Торецкого поселения // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 155. Кн. 3. Ч. 1. С. 20–29.

Галкин Л. Л., 1984. Стеклодельная мастерская на городище Селитренное // СА. № 2. С. 217–225.

Гопкало О. В., 2008. Бусы и подвески черняховской культуры. Киев: ИА НАНУ. 252 с.

Ковалевская В. Б., 2000. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. Пущино: Пущинский науч. центр РАН. 364 с.

Колчин Б. А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода / Ред. Б. А. Колчин, В. Л. Янин. М.: Наука. С. 156–178.

Краснопёров А. А., 2020. Датировки комплексов с бусами Т-М-362 на римском пограничье в связи с находками в Прикамье // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. № 2 (9). С. 58–74.

Курышова Н. П., 2021. Стеклянные подвески из погребений кочевников XIII–XIV вв. // АЕС. № 4. С.141–148.

Курышова Н. П., 2022а. Стеклянные подвески в виде водоплавающей птицы с территории Волго-Донского региона (XIII–XIV вв.) // АЕС. № 4. С. 89–97.

Курышова Н. П., 2022б. Стеклянные украшения из золотоордынского города Маджара // АЕС. № 4. С. 160–167.
Кутузова Д. О., 2018. Итоги раскопок на территории Селитренного городища стеклоделательной мастерской // Студенческая наука и XXI век. № 16. С. 209–211.
Кутузова Д. О., Воробьева Е. Е., 2018. Стеклоделательное ремесло нижневолжских столиц Золотой Орды: предварительные результаты раскопок 2017 года Селитренного городища // АЕС. № 4. С. 103–108.
Львова З. А., 1959. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела – Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1 / Отв. ред. М. А. Артамонов. М.; Л.: АН СССР. С. 307–332. (МИА; №75.)
Малышев А. Б., Письмарова А. В., 2021. Стеклянные бусы Увекского городища // АВЕС. Вып. 17. Саратов. С. 227–244.
Матюхина Ю. А., 2005. Стеклянные бусы Увека: из фондов Саратовского областного музея краеведения // Археологические записки. Вып. 4. Ростов-на-Дону. С. 129–136.
Мыськов Е. П., 2015. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: Волгоградский филиал Рос. акад. нар. хозяйства и гос. службы. 484 с.
Набиуллин Н. Г., *Храмченкова Р. Х.*, 2013. Стеклянные украшения Джукетау: морфология и химический состав // Филология и культура. № 3 (33). С. 240–244.
Недашковский Л. Ф., Валиулина С. И., 2005. Стеклянные изделия Укека и его округи // НАВ. Вып. 7. С. 257–280.
Пигарёв Е. М., 2019. Стеклоделательная мастерская Селитренного городища // АО 2017 г. / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН. С. 201–203.
Пигарев Е. М., Яранцева Н. С., 2019. Исследование стеклоделательной мастерской Селитренного городища (итоги работ 2018 года) // Астраханские краеведческие чтения. Вып. XI. Астрахань. С. 79–83.
Полубояринова М. Д., 1988. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. М.: Наука. С. 151–219.
Полубояринова М. Д., 2006. Стеклодельная мастерская XIV в. в городе Болгаре // РА. № 4. С. 152–158.
Пташникова И. В., 1952. Бусы древнего и средневекового Хорезма // Труды Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции. Т. 1 / Ред. С. П. Толстов. М.: АН СССР. С. 105–118.
Русланова Р. Р., 2018. Бусы Южного Урала по материалам некрополей III–VIII веков. Уфа: Башкирская энцикл. 376 с.
Рябинин Е. А., 2001. Водская земля Великого Новгорода (результаты археологических исследований 1971–1991 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин. 262 с.
Спицын А. А., 1896. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. СПб.: Тип. Гл. упр. Уделов. 123 с. (МАР; № 20.)
Уварова П. С., 1900. Могильники Северного Кавказа [Электронный ресурс. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К. 381 с. (Материалы по археологии Кавказа, № 8.). URL: http://elib.shpl.ru/nodes/24482#mode/inspect/page/423/zoom/7 (дата обращения: 20.04.2023 г.)
Щапова Ю. Л., Лихтер Ю. А., Сарачева Т. Г., Столярова Е. К., 2007. Морфология украшений // Морфология древностей. М.: Книжный дом Университет. Вып. 4. 102 с. (Морфология древностей; вып. 4.)

Dubin L. Sh., 1987. The history of beads: From 30,000 B.C. to the present. New York: Abrams. 364 p.
Jenkins M., 1986. Islamic Glass. A Brief History. New York: Metropolitan Museum of Art. 56 p.
Liu R. K., 2012. Islamic Glass Beads. The Well-Traveled Ornament // Ornament Magazine. Vol. 36. No. 1. P. 58–70
Spaer M., 2001. Ancient Glass in the Israel Museum. Beads and Other Small Objects. Jerusalem: The Israel Museum. 385 p.

Сведения об авторе

Письмарова Анастасия Витальевна**,** Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: pismarova1407@gmail.com

A. V. Pismarova

PENDANTS AND LARGE GLASS BEADS FROM THE UVEK FORTIFIED SETTLEMENT OF THE GOLDEN HORDE PERIOD IN THE LOWER VOLGA REGION

Abstract. The paper describes the study of glass pendants and large beads from the Uvek fortified settlement, which was one of the large Golden Horde cities. The analysis of the glass pendants helps reconstruct some events of the Golden Horde past related to the development of intercultural relationships. The study sample included 21 items. Such attributes as production technology, ornamentation, form and color were used for typology. All ornamented items have a form typical for beads. The color and the ornamentation are characteristic of Golden Horde items. The form of the beads and the pendants was determined based on their longitudinal-to-lateral cross-section ratio. The classification of the Uvek pendants made it possible to single out prevailing types of beads and pendants that have analogies in the Golden Horde workshops of the Volga region. Besides, the assemblage in question includes specimens that have parallels in the sites of Central Asia, late nomadic kurgans of the Volga region and Mordovian cemeteries.

Keywords: glass pendants, decorated beads, monochromic coulombs, production technology, Golden Horde, Uvek fortified settlement.

REFEREN\CES

Alekseeva E. M., 1978. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya [Antique beads of Pontic region]. Moscow: Nauka. 104 p. (SAI.)

Alikhova A. E., 1959. Erzyanskiy mogil'nik XIV v. u sela Gagino [The Erzya cemetery of XIV c. near village Gagino]. *Iz drevney i srednevekovoy istorii mordovskogo naroda [From ancient and medieval history of Mordva people]*. A. P. Smirnov, ed. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 169–194.

Alikhova A. E., 1960. Russkiy poselok XIII–XIV vekov u sela Berezovka [Russian settlement of XIII–XIV centuries near village Berezovka]. *Trudy Kuybyshevskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Proceedings of Kuibyshev archaeological expedition]*. A. P. Smirnov, ed. Moscow: AN SSSR, pp. 195–209. (MIA, 80.)

Artsikhovskiy A. V., 1930. Kurgany vyatichey [Kurgans of Vyatichi]. Moscow: Rossiyskaya assotsiatsiya nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk. 221 p.

Busyatskaya N. N., 1973. Steklyannye busy Selitrennogo gorodishcha [Glass beads of Selitrennoe hillfort]. *SA*, 1, pp. 217–227.

Busyatskaya N. N., 1976. Steklyannye izdeliya gorodov Povolzh'ya (XIII–XIV vv.) [Glass products of Volga region cities (XIII–XIV cc.)]. *Srednevekovye pamyatniki Povolzh'ya [Medieval sites of Volga region]*. A. P. Smirnov, G. A. Fedorov-Davydov, eds. Moscow: Nauka, pp. 38–72.

Galkin L. L., 1984. Steklodel'naya masterskaya na gorodishche Selitrennoe [Glass-making workshop at Selitrennoe hillfort]. *SA*, 2, pp. 217–225.

Gopkalo O. V., 2008. Busy i podveski chernyakhovskoy kul'tury [Beads and pendants of Chernyakhov culture]. Kiev: IA NANU. 252 p.

Kolchin B. A., 1982. Khronologiya novgorodskikh drevnostey [Chronology of Novgorod antiquities]. *Novgorodskiy sbornik: 50 let raskopok Novgoroda [Novgorod collection: 50 years of excavations in Novgorod]*. B. A. Kolchin, V. L. Yanin, eds. Moscow: Nauka, pp. 156–178.

Kovalevskaya V. B., 2000. Komp'yuternaya obrabotka massovogo arkheologicheskogo materiala iz rannesrednevekovykh pamyatnikov Evrazii [Computer processing of mass archaeological material from early Medieval sites of Eurasia]. Pushchino: Pushchinskiy nauchnyy tsentr RAN. 364 p.

Krasnoperov A. A., 2020. Datirovki kompleksov s busami T-M-362 na rimskom pogranich'e v svyazi s nakhodkami v Prikam'e [Dating of associations with T-M-362 beads on Roman frontier in relation

with finds from Kama region]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ya [Historical and cultural heritage of peoples of Ural-Volga region]*, 2 (9), pp. 58–74.

Kuryshova N. P., 2021. Steklyannye podveski iz pogrebeniy kochevnikov XIII–XIV vv. [Glass pendants from nomadic burials of XIII–XIV вв.]. *AES*, 4, pp. 141–148.

Kuryshova N. P., 2022a. Steklyannye podveski v vide vodoplavayushchey ptitsy s territorii Volgo-Donskogo regiona (XIII–XIV vv.) [Glass pendants in form of a waterfowl from territory of Volga-Don region (XIII–XIV cc.)]. *AES*, 4, pp. 89–97.

Kuryshova N. P., 2022b. Steklyannye ukrasheniya iz zolotoordynskogo goroda Madzhara [Glass ornaments from Golden Horde city of Majar]. *AES*, 4, pp. 160–167.

Kutuzova D. O., 2018. Itogi raskopok na territorii Selitrennogo gorodishcha steklodelatel'noy masterskoy [Results of excavations of glassmaking workshop in territory of Selitrennoe hillfort]. *Studencheskaya nauka i XXI vek [Student science and the XXI century]*, 16, pp. 209–211.

Kutuzova D. O., Vorob'eva E. E., 2018. Steklodelatel'noe remeslo nizhnevolzhskikh stolits Zolotoy Ordy: predvaritel'nye rezul'taty raskopok 2017 goda Selitrennogo gorodishcha [Glassmaking craft of Lower Volga capital cities of Golden Horde: preliminary results of 2017 excavations at Selitrennoe hillfort]. *AES*, 4, pp. 103–108.

L'vova Z. A., 1959. Steklyannye braslety i busy iz Sarkela – Beloy Vezhi [Glass bracelets and beads from Sarkel – Belaya Vezha]. *Trudy Volgo-Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Proceedings of Volga-Don archaeological expedition]*, 1. M. A. Artamonov, ed. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 307–332. (MIA, 75.)

Malyshev A. B., Pismarova A. V., 2021. Steklyannye busy Uvekskogo gorodishcha [Glass beads from Uvek hillfort]. *AVES*, 17, pp. 227–244.

Matyukhina Yu. A., 2005. Steklyannye busy Uveka: iz fondov Saratovskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya [Glass beads from Uvek: from holdings of Saratov regional museum of local lore]. *Arkheologicheskie zapiski [Archaeological notes]*, 4. Rostov-na-Donu, pp. 129–136.

Mys'kov E. P., 2015. Kochevniki Volgo-Donskikh stepey v epokhu Zolotoy Ordy [Nomads of Volga-Don steppes in Golden Horde period]. Volgograd: Volgogradskiy filial Rossiyskoy akademii narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby. 484 p.

Nabiullin N. G., Khramchenkova R. Kh., 2013. Steklyannye ukrasheniya Dzhuketau: morfologiya i khimicheskiy sostav [Juketau glass ornaments: morphology and chemical composition]. *Filologiya i kul'tura [Philology and culture]*, 3 (33), pp. 240–244.

Nedashkovskiy L. F., Valiulina S. I., 2005. Steklyannye izdeliya Ukeka i ego okrugi [Glass products of Ukek and its vicinity]. *NAV*, 7, pp. 257–280.

Pigarev E. M., 2019. Steklodelatel'naya masterskaya Selitrennogo gorodishcha [Glass-making workshop at Selitrennoe hillfort]. *AO 2017*, pp. 201–203.

Pigarev E. M., Yarantseva N. S., 2019. Issledovanie steklodelatel'noy masterskoy Selitrennogo gorodishcha (itogi rabot 2018 goda) [Research of glassmaking workshop at Selitrennoe hillfort (results of work in 2018)]. *Astrakhanskie kraevedcheskie chteniya [Astrakhan local history readings]*, XI. Astrakhan, pp. 79–83.

Poluboyarinova M. D., 1988. Steklyannye izdeliya Bolgarskogo gorodishcha [Glass artefacts of Bolgar hillfort]. *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoy deyatel'nosti [The city of Bolgar. Essays on craft activities]*. G. A. Fedorov-Davydov, ed. Moscow: Nauka, pp. 151–219.

Poluboyarinova M. D., 2006. Steklodel'naya masterskaya XIV v. v gorode Bolgare [Glassmaking workshop of XIV c. in the city of Bolgar]. *RA*, 4, pp. 152–158.

Ptashnikova I. V., 1952. Busy drevnego i rannesrednevekovogo Khorezma [Beads of ancient and early medieval Khorezm]. *Trudy Khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii [Proceedings of Khorezm archaeological and ethnographic expedition]*, 1. S. P. Tolstov, ed. Moscow: AN SSSR, pp. 105–118.

Ruslanova R. R., 2018. Busy Yuzhnogo Urala po materialam nekropoley III–VIII vekov [Beads of South Urals based on materials from necropolises of III–VIII centuries]. Ufa: Bashkirskaya entsiklopediya. 376 p.

Ryabinin E. A., 2001. Vodskaya zemlya Velikogo Novgoroda (rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy 1971–1991 gg.) [Vod' land of Velikiy Novgorod (results of 1971–1991 archaeological research)]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 262 p.

Shchapova Yu. L., Likhter Yu. A., Saracheva T. G., Stolyarova E. K., 2007. Morfologiya ukrasheniy [Morphology of ornaments]. Moscow: Knizhnyy dom Universitet. 102 p. (Morfologiya drevnostey, 4.)

Spitsyn A. A., 1896. Kurgany S.-Peterburgskoy gubernii v raskopkakh L. K. Ivanovskogo [Kurgans of St. Petersburg province in excavations of L. K. Ivanovskiy]. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov. 123 p. (MAR, 20.)

Uvarova P. S., 1900. Mogil'niki Severnogo Kavkaza (Elektronnyy resurs) [North Caucasus cemeteries (Electronic resource)]. Moscow: Tipografiya A. I. Mamontova i K. 381 p. (Materialy po arkheologii Kavkaza, 8). URL: http://elib.shpl.ru/nodes/24482

Valiulina S. I., 2013. Steklyannye izdeliya Toretskogo poseleniya [Glass items of Toretskoe settlement]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauk [Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities]*, vol. 155, iss. 3, part 1, pp. 20–29.

About the author

Pismarova Anastasiya V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: pismarova1407@gmail.com

М. Ю. Меньшиков, А. А. Волошинов

ПОГРЕБЕНИЯ С ИНВЕНТАРЕМ ИЗ МУСУЛЬМАНСКОГО НЕКРОПОЛЯ КЫРК-АЗИЗЛЕР (РЕСПУБЛИКА КРЫМ)

Резюме. В статье рассматривается комплекс предметов погребального инвентаря мусульманских погребений золотоордынского периода на могильнике Кырк-Азизлер (г. Бахчисарай, Республика Крым). Наличие погребального инвентаря является серьезным отклонением от исламского обряда захоронения (джаназы) и позволяет говорить о языческих реминисценциях на первом этапе исламизации тюрок Крыма в золотоордынское время. В статье выделяются группы, которые говорят о функциональном назначении предметов, помещенных в могилу, приводятся аналогии для датировки находок, что позволяет в целом уточнить хронологию обширного участка кладбища Кырк-Азизлер, большинство погребений которого безынвентарные.

Ключевые слова: Крым, Бахчисарай, ислам, мусульманский некрополь, погребальный инвентарь, Золотая Орда, джаназа.

Некрополь Кырк-Азизлер расположен на северо-западной окраине г. Бахчисарай. Изучение могильника началось еще в начале XX в. (*Боданинский*, 1916. С. 125–129; *Башкиров, Боданинский*, 1925. С. 295–311).

В советское время территория некрополя подвергалась перепланировке и многолетней вспашке, большая часть памятника уничтожена карьером цементного завода (*Меньшиков, Волошинов*, 2021. С. 199. Рис. 2).

Гравюры, фотографии и археологические отчеты первой половины XX в. показывают, что на обширной территории кладбища располагалось большое количество надгробий – около 1000–1100 единиц. Исследователями того времени было выделено пять типов надгробий с эпитафиями первой половины XIV – начала XV в., наиболее выразительные памятники в 1924 г. были перевезены на территорию Ханского дворца в Бахчисарае (*Башкиров, Боданинский*, 1925. С. 295–311; *Иванов*, 1989. С. 24–31).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.275.361-378

В 2017–2018 гг., в связи со строительством трассы Таврида, на территории могильника Кырк-Азизлер в два этапа были проведены охранные археологические работы. Полученные данные позволяют говорить о том, что мусульманскому кладбищу на данной территории предшествовали кочевнические захоронения начала II тыс. н. э. (*Меньшиков, Волошинов*, 2021. С. 197–210). Тем не менее подавляющее большинство исследованных погребений можно с уверенностью отнести к золотоордынскому периоду и периоду Крымского ханства, а детали погребального обряда указывают на его мусульманский характер.

На первом этапе – в 2017 г. – территория могильника исследовалась экспедицией под руководством В. П. Кирилко и Е. М. Пигарева. Вскрытая площадь составила 4652 кв. м, в ее границах исследовано 33 погребения. На втором этапе – в 2018 г. – работы на памятнике были продолжены под руководством авторов данной статьи. На территории археологического памятника Кырк-Азизлер было заложено шесть раскопов. Общая площадь исследований включала в себя территорию средневековой застройки, которую можно отнести к поселению Эски-Юрт, а также три участка могильника. Мусульманские погребения были выявлены на раскопе 1 (96 могил и одно младенческое погребение, разрушенное строителями, было собрано на отвале), раскопе 5 (2 погребения) и на раскопе 6 (6 погребений). Погребения в пределах раскопа 2018 г. занимали площадь 2500 кв. м.

На раскопе 1 можно выделить западную и восточную группы погребений: западная расположена ближе к вершине одного из центральных холмов могильника, расстояние между могилами немного меньше, чем в восточной группе, которая располагалась у подошвы холма (рис. 1). Строгой планировки в расположении погребений не прослежено, однако нет признаков перекрытия могил друг другом, и расстояния между погребениями примерно одинаковы в пределах своих участков. Возможно, между западным и восточным участками могильника в древности проходила дорога. Общая планиграфия памятника позволяет говорить о непрерывности развития некрополя на раскопе 1 и относительно близкой хронологии исследованных могил. Наиболее поздними, вероятно, являются погребения раскопа 6. Однако данных, чтобы говорить об их абсолютной хронологии, на сегодняшний день недостаточно.

Большая часть исследованных погребений совершена по традиционному мусульманскому обряду – головой на запад, лицо часто повернуто в сторону Мекки. В процессе исследований были выявлены различия в форме могильных ям. Выделяются следующие группы:

1. Грунтовые ямы с вертикальными, отвесными стенками.

2. Грунтовые ямы с заплечиками, на которые опиралось деревянное перекрытие.

3. Ямы с подбоем. В некоторых случаях подбой имеет заклад из вторично использованных архитектурных деталей.

4. Ямы с «ложным» подбоем или сводом. Такие могилы не имеют нависающего свода, «подбой» оформлялся с помощью каменных или деревянных перекрытий, нижний край которых был установлен на дно могилы, а другой упирался в стенку могильной ямы.

Несмотря на то, что погребенные явно исповедовали ислам, было выявлено некоторое количество отклонений от норм ислама при совершении обряда.

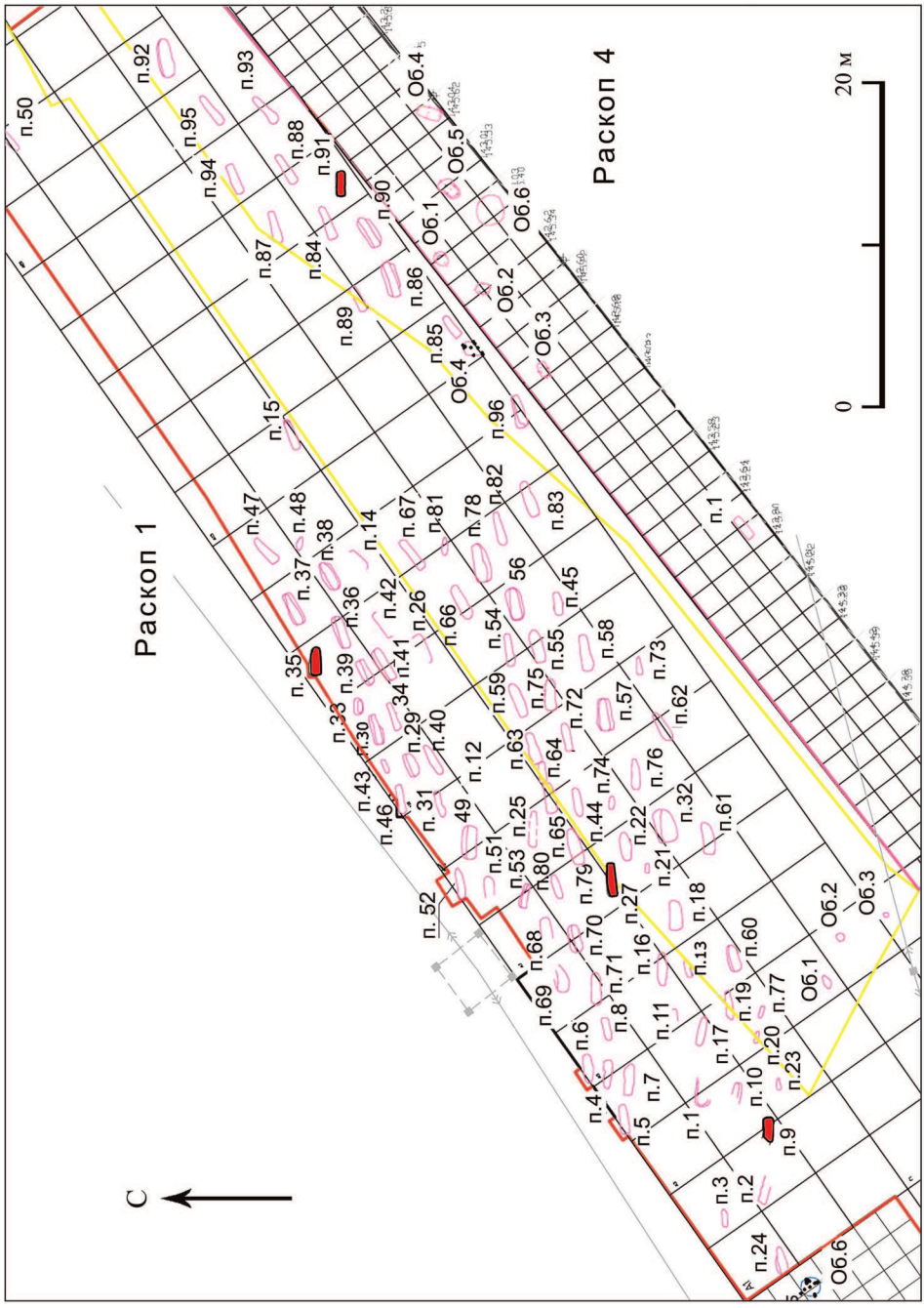


Рис. 1. Археологический комплекс Кырк-Азизлер. Участок могильника с мусульманскими погребениями, содержащими погребальный инвентарь. На общем плане выделены красным цветом

В первую очередь это относится к помещению погребального инвентаря в могилы.

Из общего массива мусульманских захоронений, исследованных в 2018 г., в четырех могилах обнаружены предметы погребального инвентаря. Все эти погребения были расчищены на раскопе 1 (погребения 9, 27, 35, 91). Следует упомянуть также, что тринадцать ингумаций были совершены с использованием гробов. В погребениях обнаружены остатки деревянных конструкций, которые в отдельных случаях позволяют судить о форме гробов, а также гвозди. Данное обстоятельство также является отступлением от норм джаназы (погребального обряда). Но, на наш взгляд, в данном случае гроб относится к обустройству пространства могилы, и в этой работе такие погребения рассматриваться не будут. Также в этой работе не учитываются средневековые захоронения, тоже содержащие инвентарь, но совершенные по языческому обряду и обнаруженные на раскопах 4 и 5 и в шурфе 1 на юго-западной окраине могильника (*Меньшиков, Волошинов*, 2021. С. 197–212).

Из четырех мусульманских захоронений с инвентарем одно (погребение 35) принадлежало мужчине возрастом старше 50 лет[1]. Остальные погребения принадлежали женщинам: в погребении 9 была захоронена девушка возрастом около 15 лет, в погребении 27 – женщина старше 50 лет и в погребении 91 – женщина 40–49 лет. Обнаруженные предметы представлены как отдельными бусинами, так и ожерельем, костяной пуговицей, бронзовой серьгой, а также куском кресального кремня.

Описание погребений

Погребение № 9

Погребение частично разрушено траншеей под кабель, выявлено на уровне материка (рис. 1; 2). Заполнение могильной ямы состояло из коричневого суглинка и мергелевой крошки, выделяясь прямоугольным пятном на материковой поверхности – светлом плитчатом мергеле.

Входная яма была заглублена на 60 см от уровня материка, сохранившаяся часть могильной ямы имела протяженность 142 см. Входная яма ориентирована по оси запад – восток.

В южной стене могилы был устроен подбой (ляхд), сохранившийся в длину на 196–203 см и ширину 43–53 см. Вдоль северного борта прослежена неширокая ступень шириной 24–34 см и высотой 46 см от пола погребальной камеры.

Погребенный располагался вытянуто на спине, руки вдоль тела, правая незначительно согнута в локте, ноги вытянуты. Краниальная часть скелета была

[1] Здесь и далее все половозрастные определения останков людей принадлежат д. и. н. М. В. Добровольской. Антропологические исследования проводились непосредственно в поле во время раскопок, так как существовало пожелание местной мусульманской общины о максимально быстром перезахоронении останков мусульман. Авторы выражают благодарность Марии Всеволодовне за проведенные полевые исследования и предоставленные для публикации материалы.

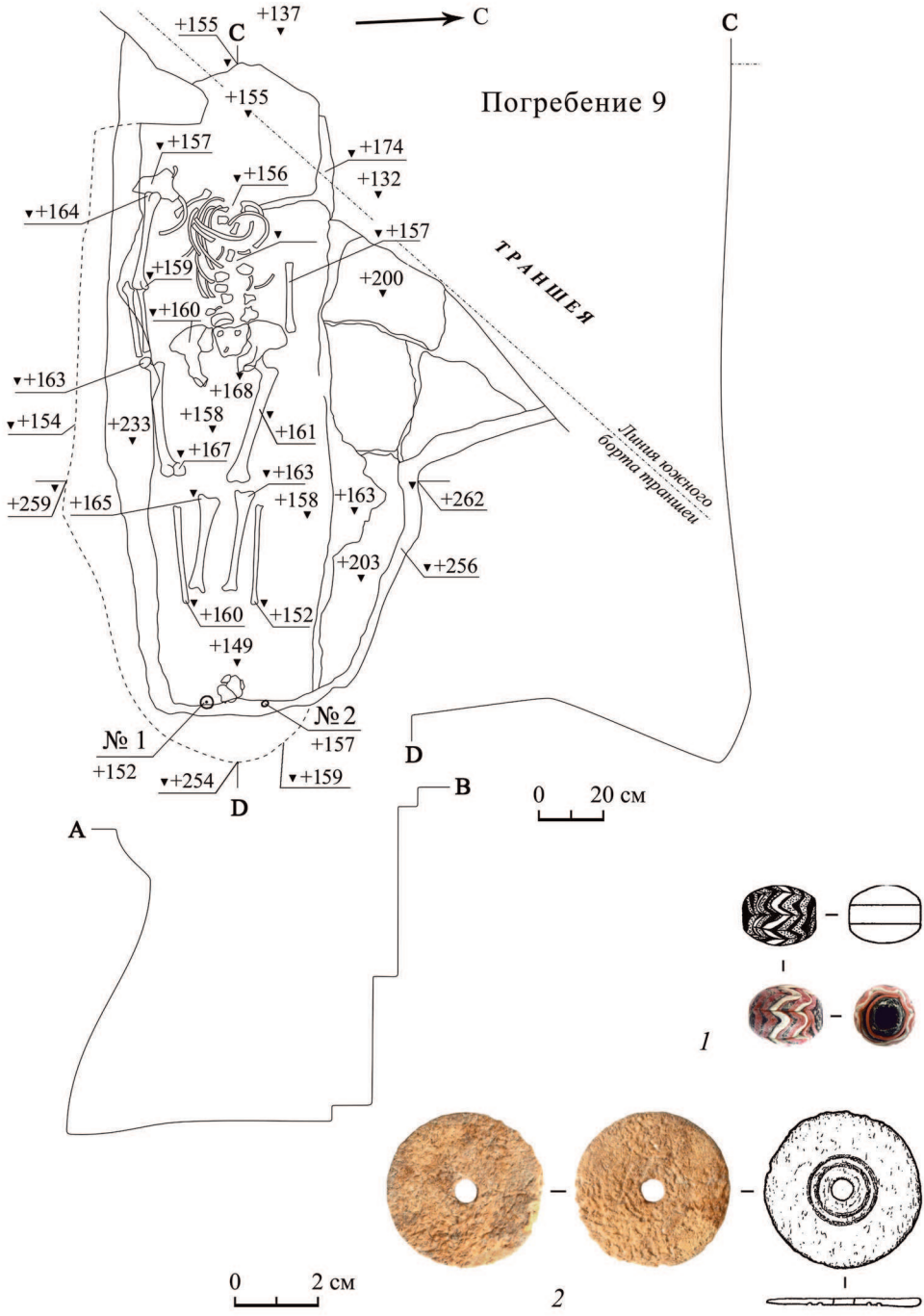


Рис. 2. Археологический комплекс Кырк-Азизлер. Погребение 9. План и находки
1 – бусина стеклянная; *2* – пуговица костяная

полностью уничтожена строителями при прокладке траншеи, предшествовавшей проведению археологических работ на памятнике.

Обнаруженные в погребении предметы были найдены в засыпи, близко к полу подбоя: стеклянная полихромная бусина, украшенная зигзагообразным орнаментом (рис. 2: *1*), и костяная круглая пуговица с отверстием в центре, декорированная двумя параллельными циркульными линиями (рис. 2: *2*). Там же были обнаружены некоторые перемещенные кости стопы, остальные части стоп отсутствовали. Возможно, обнаруженные предметы, как и фрагменты скелета человека, были перенесены грызунами.

Погребение № 27

Выявлено по подпрямоугольному пятну могильной ямы, выкопанной в светлом плитчатом мергеле. Заполнение представлено коричнево-серым слабогумусированным суглинком с включением мергелевой крошки и обломков мергеля.

Яма вытянута по оси запад – восток. Длина ямы – 246 см, ширина ямы на уровне выявления – около 60–70 см, ко дну яма сужается до 40–56 см. Заглубление в материк составило около 50 см.

Погребенный располагался на дне могильной ямы, вытянуто, головой на запад, лицом повернут на юг, в сторону киблы. Правая рука вытянута прямо, кости предплечья лежат на правой половине таза. Левая рука незначительно согнута в локте, кости предплечья частично уходят под левую половину таза. Ноги вытянуты прямо и уложены параллельно друг другу, в районе шейных позвонков на уровне дна могильной ямы была найдена многогранная сердоликовая бусина (рис. 3).

Погребение № 35

На материковой мергелевой поверхности погребение выделялось овальным пятном заполнения – коричнево-серым гумусированным суглинком с включением мергелевой крошки и обломков мергеля.

Могила вытянута по оси запад – восток. В южном борту могильной ямы была устроена ниша (ляхд). Длина могилы – около 200 см, ширина – 16–25 см. Глубина могильной ямы – до 75 см. Погребальная ниша (ляхд) имела длину 216 см, ширину – до 70 см.

Погребенный располагался в вытянутом положении, на спине, головой на запад, лицевая часть повернута к югу. Руки – вдоль тела, кости предплечья левой руки частично находятся под тазом, кисть – под левой бедренной костью. Длинные кости ног вытянуты прямо, лежат параллельно друг другу, коленями вправо к южной стенке могилы.

В области шеи, на уровне пола под костями погребенного была найдена многогранная сердоликовая бусина (рис. 4). При расчистке она была перемещена, поэтому ее точное расположение на плане не указано.

Погребение № 91

Пятно ямы имело подпрямоугольную форму и было ориентировано по оси запад – восток. Заполнение представлено коричневым слабогумусированным суглинком с мергелевой крошкой.

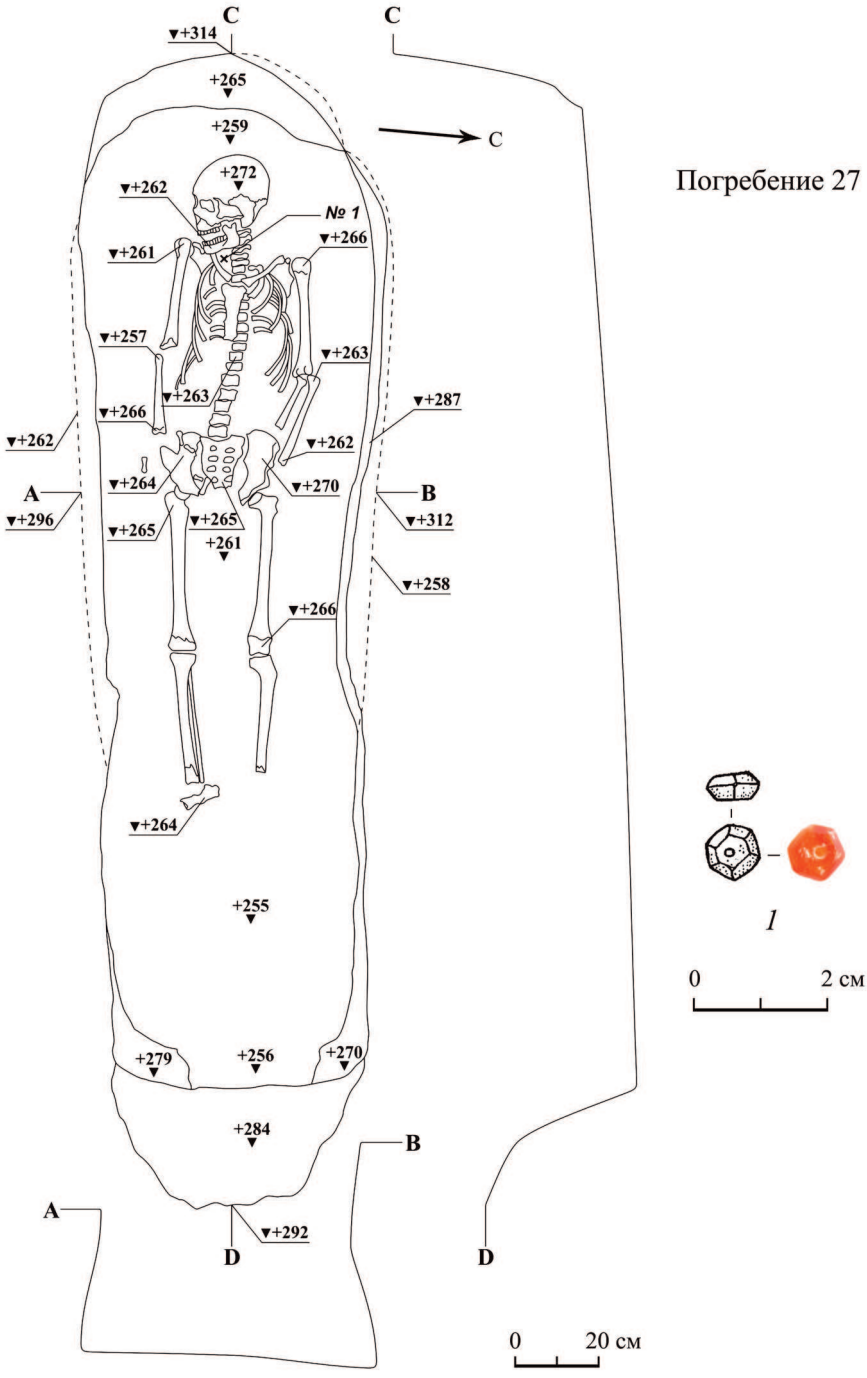


Рис. 3. Археологический комплекс Кырк-Азизлер. Погребение 27. План и находки

1 – бусина сердоликовая

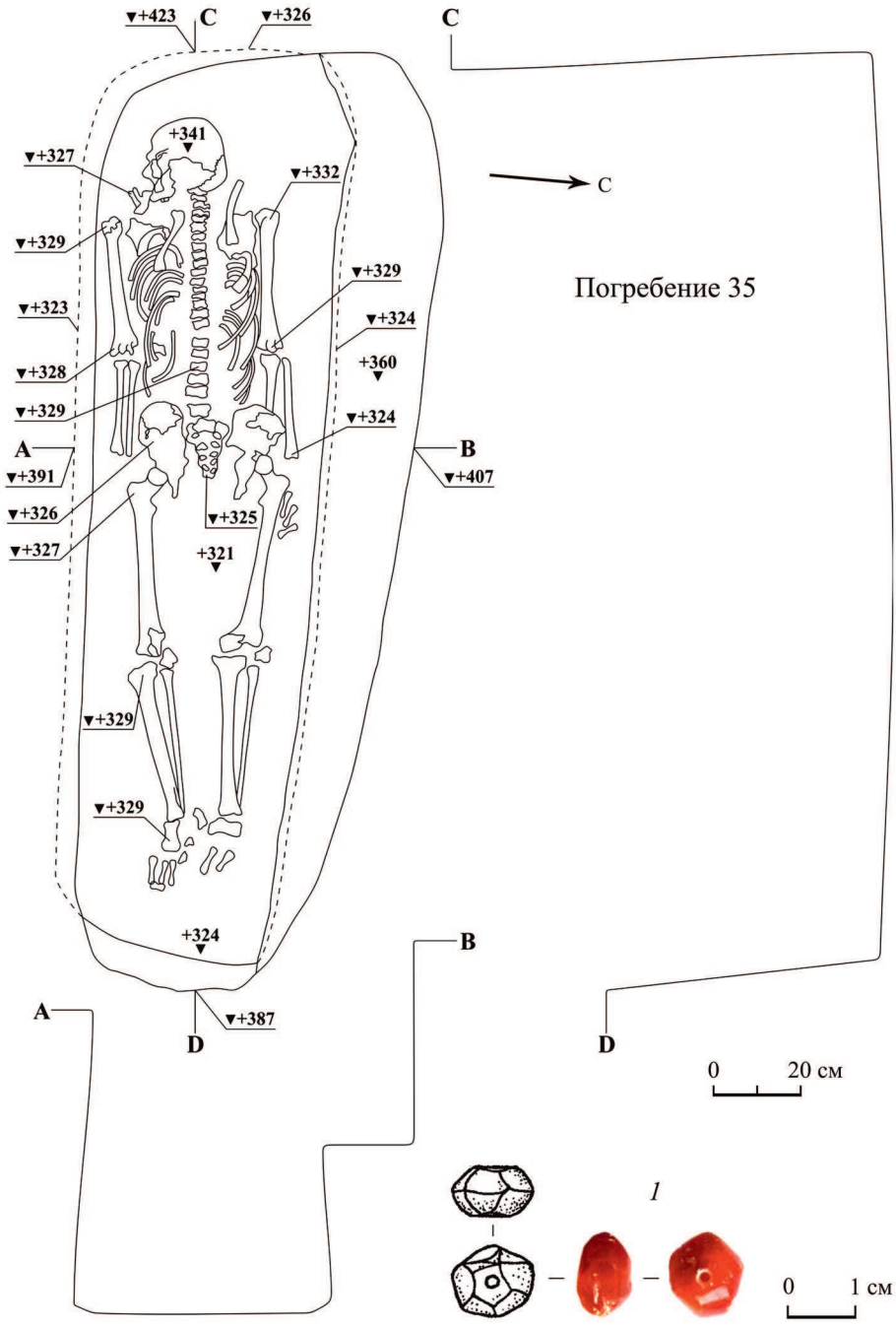


Рис. 4. Археологический комплекс Кырк-Азизлер. Погребение 35. План и находки

1 – бусина сердоликовая

Длина ямы составляет 186 см, ширина – 55–58 см, она заглублена в материк до 18 см. Верхняя часть могилы, вероятно, срезана в ходе хозяйственной деятельности в XX в., поэтому точно говорить о типе погребального сооружения не представляется возможным.

Погребенный располагался вытянуто на спине, головой на запад. Лицевая часть черепа развернута вверх.

Руки выпрямлены вдоль тела, незначительно согнуты в локтях, кисть правой лежит на правой половине таза, кисть левой руки лежит у левого бедра. Ноги вытянуты прямо и уложены параллельно. Положение стоп позволяет высказать предположение, что тело было плотно обернуто в саван.

У левой височной области найдена бронзовая серьга (рис. 5; 6; 7: *1*), в области шеи – ожерелье (рис. 5–7), состоящее из стеклянных бусин, а также раковины каури и хрустальной бусины. Выше тазовых костей, справа от позвоночника, в области живота обнаружен кресальный кремень (рис. 7: *17*).

Ориентировка захоронения незначительно отличается от погребений, расположенных поблизости. Погребение 91 достаточно точно сориентировано по оси запад – восток, в то время как соседние ямы имеют небольшое отклонение к югу в западной своей части. При этом дистанция между погребением 91 и соседними могилами едина и позволяет предполагать, что оно было совершено примерно в одно время, что и окружающие мусульманские погребения.

Описание погребального инвентаря

Бусины из стекла

Наибольшее количество стеклянных бусин различных форм и декора входило в ожерелье из погребения 91 (рис. 5; 6; 7: *4–16*). Всего ожерелье включало 43 стеклянные бусины. Эта категория украшений имеет широкий круг аналогий на обширных территориях в средние века, однако для сопоставления наиболее интересными являются материалы, полученные при раскопках Селитренного городища в 1967 г. Тогда на территории памятника была обнаружена мастерская по производству различных стеклянных изделий. В яме, которая, по мнению автора публикации материалов (*Галкин*, 1984. С. 216), относилась к финальному периоду бытования стеклоделательной мастерской, была обнаружена медная монета чекана хана Джанибека, датированная 1350–1368 гг. При исследовании мастерской были найдены многочисленные отходы сырья, брак и готовые изделия. Практически все типы бус из погребения 91 могильника Кырк-Азизлер имеют аналогии среди находок из слоев, связанных с представленной выше мастерской Селитренного городища (*Галкин*, 1984. С. 216–218; *Бусятская*, 1973. С. 217–224). Это позволяет нам уверенно говорить о том, что данное погребение может быть отнесено к первой половине – середине XIV в., что в целом коррелируется и с общей планиграфией памятника.

Датировка погребения 91 подтверждается также и другими аналогиями (*Курышова*, 2021. С. 142). Кроме того, аналогичные бусы найдены в женском захоронении XIII–XIV вв. из кургана могильника Му-Шарет (Калмыкия) (*Каримова*, 2013. С. 187).

Погребение 91

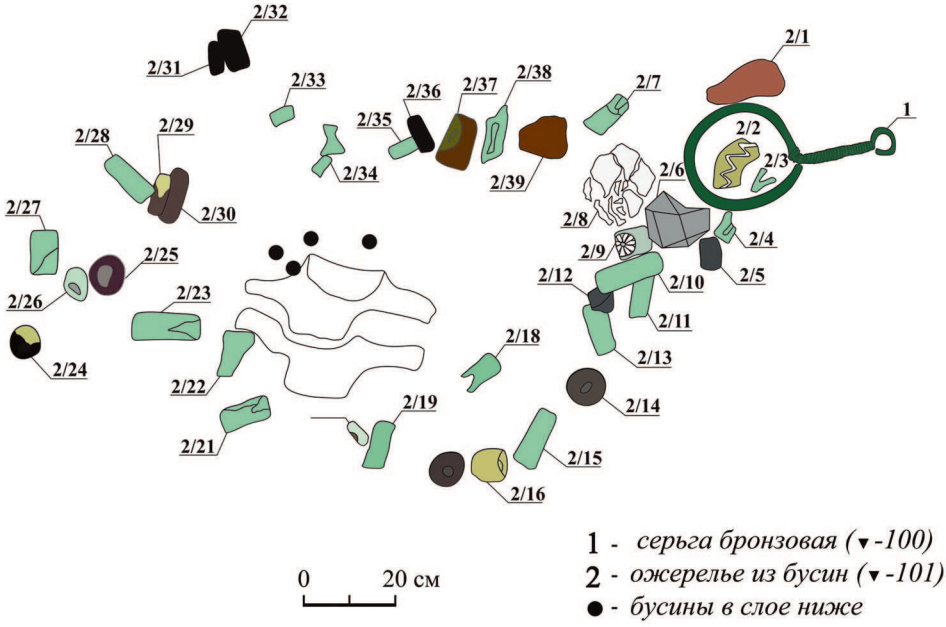


Рис. 5. Археологический комплекс Кырк-Азизлер. Погребение 91.
Фото и чертеж расположения ожерелья из бус и серьги в погребении

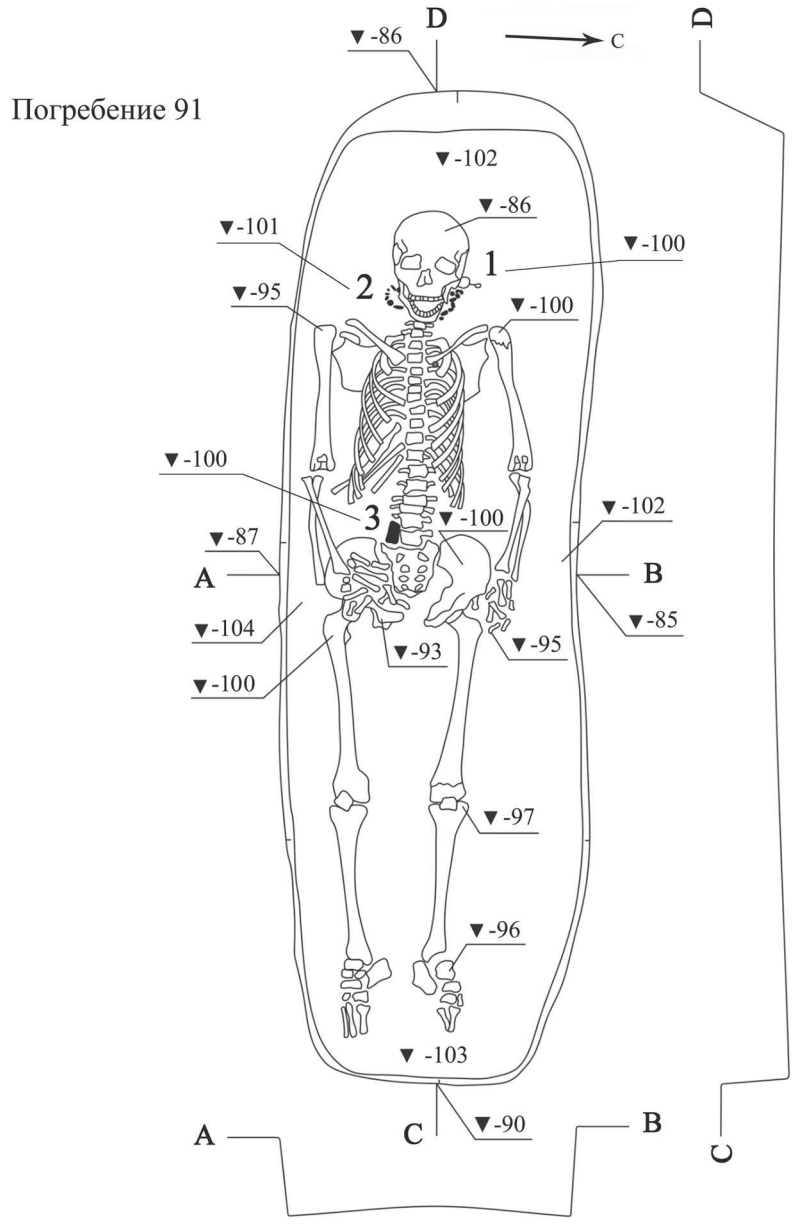


Рис. 6. Археологический комплекс Кырк-Азизлер. Погребение 91. План погребения

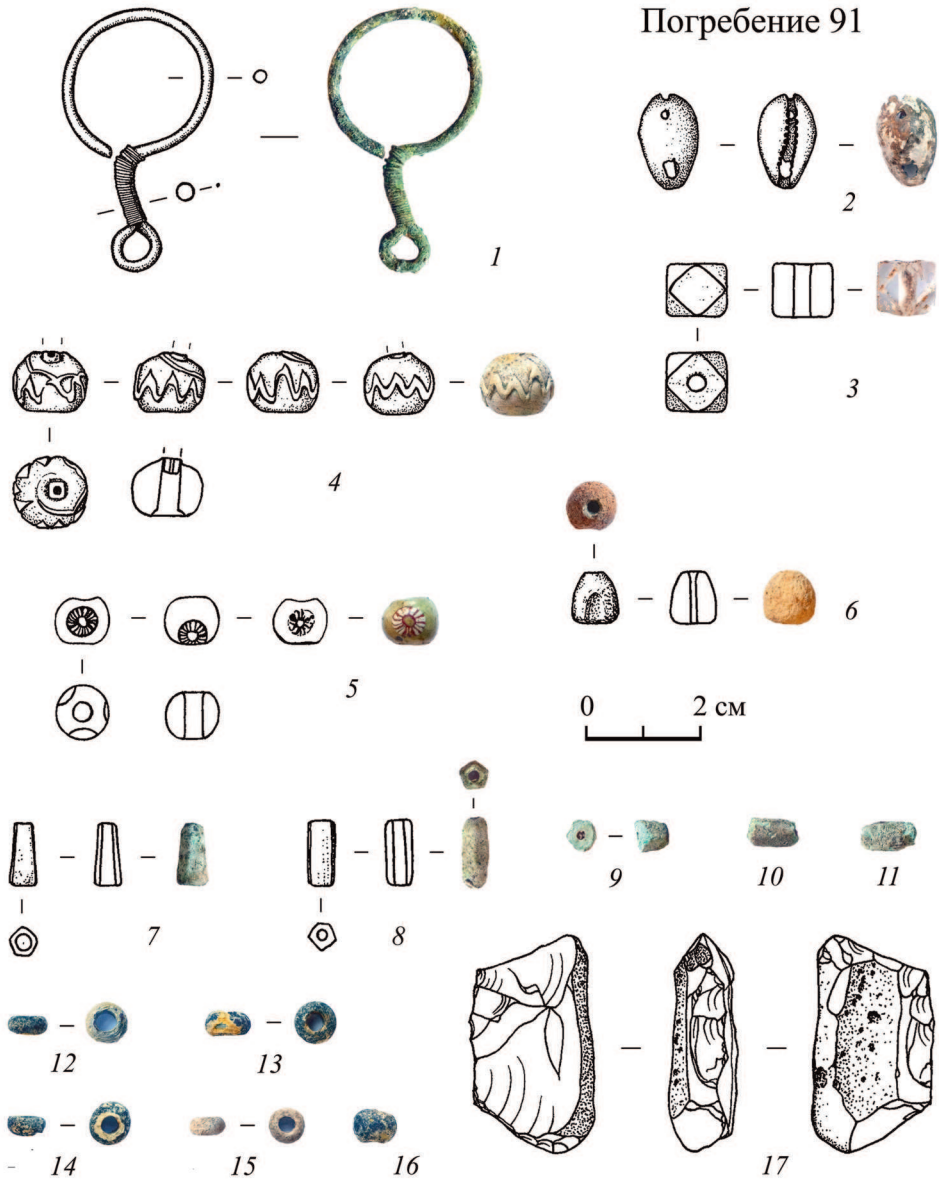


Рис. 7. Археологический комплекс Кырк-Азизлер. Погребение 91. Погребальный инвентарь

1 – серьга бронзовая; *2* – раковина каури; *3* – бусина хрустальная; *4–16* – бусины стеклянные; *17* – кремень кресальный

В другом женском захоронении (погребение 9) обнаружена еще одна бусина. Боченкообразная бусина черного непрозрачного стекла, орнаментированная зигзагообразными линиями белого и красного цвета (рис. 2: *1*). Н. П. Курышова относит подобные изделия к категории подвесок и указывает, что в женских погребениях они встречаются в одиночном варианте в районе шеи либо тазовых костей (*Курышова*, 2021. С. 143–144). В мужских погребениях подобные или более крупные одиночные бусины нередко обнаруживаются рядом с кресалом. Это позволяет предположить, что такие предметы использовались в качестве пуговиц, предназначенных для застегивания кожаных сумочек или мешочков, либо являлись ворворками (Там же. С. 146).

Раковина каури

Входила в состав ожерелья погребения 91 (рис. 5; 6; 7: *2*). Раковина каури никак не позволяет уточнить датировку данного ожерелья, так как такие находки имеют широкий период использования и диапазон распространения, что лишь демонстрирует вовлеченность населения Золотой Орды в обширные торговые связи.

Бусины из камня

Обнаруженная в составе ожерелья погребения 91 хрустальная бусина (рис. 5; 6; 7: *3*) имеет широкую датировку и географию, в том числе известен экземпляр, происходящий из раскопок на территории Селитренного городища. По типологии, предложенной М. Д. Полубояриновой, данное изделие может быть отнесено к Отделу III (Граненые). Тип III. Четырнадцатигранные (форма куба со срезанными углами) (*Полубояринова*, 1991. С. 36.)

В двух погребениях были обнаружены одиночные сердоликовые бусины, которые имеют близкие размеры и сходную морфологию (рис. 3: *1*; 4: *1*). Существует устное апокрифическое поверье среди мусульман, что сердолик избавляет от бедности, однако, вероятно, это связано с неграмотной передачей одного из хадисов, как это нередко бывало (*Бируни*, 1963. С. 162)

По типологии каменных бус, предложенной М. Д. Полубояриновой, данный тип бусин, обнаруженных в погребениях 27 и 35, можно определить как отдел III – граненые, тип III – битрапецоидные, подтип II – (без пояска), по размеру средние. Такие бусы нередки на памятниках средней Азии, в Харахорине (Каракоруме), на Селитренном городище в слоях X–XIII вв. (*Полубояринова*, 1991. С. 27–29).

Можно предположить, что подобная бусина, учитывая ее расположение, выполняла функциональное назначение пуговицы (рис. 3), скреплявшей ворот, возможно, рубахи, что, безусловно, является нарушением традиции мусульманского погребального обряда (джаназы), но вполне могло являться реминисценцией более ранних традиций погребения в рамках адатов. Обнаружение такой бусины как в мужском, так и в женском погребении, также работает в пользу предположения, что данный предмет не являлся украшением в чистом виде. Кроме того, следует отметить, что в работе М. Д. Полубояриновой упоминается о находке на территории Селитренного городища близкой по форме сердоликовой бусины с продетым металлическим стержнем

с петлей, что позволяет Марии Дмитриевне также высказать предположение, что одиночные сердоликовые бусины подобной формы могли использоваться как пуговицы (*Полубояринова*, 1991. С. 28).

Пуговица из кости

В погребении 9 была также найдена костяная дисковидная пуговица с концентрическим орнаментом (рис. 2: *2*). К сожалению, нельзя уверенно сказать, располагалась ли пуговица в могиле *in situ* или была перемещена грызунами. Контекст обнаружения при анализе данного предмета приходится исключить. Подобные изделия являются нередкой находкой на памятниках XIII–XV вв. как в Крыму, так и на сопредельных территориях. Этому вопросу посвящена работа А. А. Душенко, который приводит информацию о 37 костяных пуговицах, обнаруженных на Мангупе, а также описывает выявленные на памятнике признаки производства подобных предметов. Пуговица, обнаруженная в погребении 9 могильника Кырк-Азизлер, может быть отнесена к варианту I по типологии, предложенной в статье, и датируется XIV–XV вв. для материалов, обнаруженных в культурном слое Мангупа (*Душенко*, 2013. С. 335–337).

Серьга

Находка сережек в женских погребениях ранних мусульманских некрополей Крыма не является уникальным случаем. Несмотря на традиции исламского погребения, этот элемент женского убранства встречается в качестве погребального инвентаря как минимум вплоть до рубежа XVI–XVII вв. (*Меньшиков, Юнкин*, 2019. С. 203–208).

В погребении 35 могильника Кырк-Азизлер у левого виска погребенной была обнаружена единичная бронзовая серьга в виде знака вопроса (рис. 7: *1*). Основа серьги выполнена из бронзовой проволоки диаметром до 3 мм. Верхняя часть основы представляет собой идеальный почти замкнутый круг диаметром около 26 мм, ножка имеет длину 20 мм, на нижнем конце сформирована петля диаметром около 8 мм по внешнему краю. Ножка серьги по всей длине имеет плотную обмотку тонкой бронзовой проволокой.

Сережки, относящиеся к данному типу, имеют чрезвычайно широкое распространение в период Средневековья в степном мире и на территориях, граничащих с кочевниками. Находкам данного вида украшений посвящено большое количество публикаций (*Федоров-Давыдов*, 1966. С. 39–41; *Владимиров*, 2018. С. 10–19). Практически все авторы, интересовавшиеся историей этого предмета, считают его одним из ярких маркеров среди украшений поздних номадов степного мира, отмечая его тюркское происхождение, но при этом обращая внимание, что нередко мода ношения серьги в виде знака вопроса выходит за пределы ареала обитания кочевников.

В Крыму серьги этой группы происходят из памятников, относящихся к различным социокультурным группам, но имеют общую хронологию.

Помимо кочевнических погребений, похожие серьги, именно с ножкой, обвитой проволокой, и петлей на конце происходят из второго горизонта кладбища при церкви Иоанна Предтечи в Керчи, где они датируются XIII–XIV вв. (Крым, Северо-Восточное Причерноморье…, 2003. С. 72).

Одной из наиболее актуальных и современных публикаций, посвященных данной теме, является работа Р. Р. Каримовой, опубликованная на основе ее диссертации в 2013 г. В своей публикации Каримова выделяет данную группу сережек в тип VI, включая несколько подвидов, однако именно данная форма оформления нижнего конца стержня не рассматривается. По мнению Р. Р. Каримовой, петельчатое окончание должно быть оформлено бусиной, тогда серьгу из погребения 91 можно было бы отнести к типу VIб (*Каримова*, 2013. С. 29–30). В нашем случае, учитывая толщину петли, можно допустить, что серьга могла иметь подвеску в виде бусины, но вполне возможно, что это и полное изделие без изъянов, что, на наш взгляд, более вероятно.

Кресальный кремень

Особый интерес представляет находка кресального кремня в районе поясного отдела погребенной в могиле 91 (рис. 7: *17*). Несмотря на невыразительность самого предмета, он лишний раз показывает, что традиции джаназы (мусульманского погребального обряда) в данном погребении были нарушены осознанно и значительно. Находка располагалась в зоне, где традиционно носились подобные изделия при жизни. Если такие предметы, как личные украшения человека в виде серьги и ожерелья, могли восприниматься как часть неотъемлемого образа погребенной, то кресальный кремень является абсолютно бытовым предметом, и такой предмет кладется в могилу для совершения в загробной жизни бытовых действий, аналогичных тем, что совершались и в жизни земной.

Заключение

В процессе изучения мусульманского некрополя Кырк-Азизлер была получена интересная информация об отклонениях в правиле следования исламским нормам при совершении погребений. Наличие различных категорий предметов в качестве инвентаря, сопровождающего погребенного, говорит нам не просто о нарушении норм джаназы, но и детализирует нюансы этих нарушений, которые, вероятно, унаследованы от более ранних тюркских кочевнических погребальных традиций. В целом на основании всего четырех погребений с вещами можно выделить три основные категории вещей, которые помещались в могилу:

1. Личные украшения. К этой категории относятся ювелирные изделия, несущие исключительно функцию украшений, – ожерелье из бус и серьга.

2. Детали одежды, в которой, вопреки правилам джаназы, хоронили умершего, – костяные пуговицы, сердоликовые бусины-пуговицы и, возможно, пуговицы или ворворки в виде стеклянных бусин.

3. Бытовые предметы, представленные находкой кресального кремня в районе поясного отдела погребенной.

Представленные находки предметов в погребениях раннеисламского периода Золотой Орды говорят о том, что несмотря на то, что жители крупных населенных центров региона в XIV в. были в основном уже исламизированы и в массе своей следовали принятым обрядам, совершая погребения на мусульманском

некрополе, отдельные отголоски языческих верований или более ранних традиций, сохраняемых в рамках адатов, еще имеют значение и продолжают свое бытование в обществе того времени.

ЛИТЕРАТУРА

Башкиров А., Боданинский У., 1925. Памятники Крымско-Татарской старины. Эски-Юрт // Новый восток. № 8–9. С. 295–311.

Бируни Абу Рейхан, 1963. Собрание сведений для познания драгоценностей. Л.: Изд-во АН СССР. 526 с.

Боданинский У., 1916. Бахчисарайские памятники // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. Т. 6. С. 125–129.

Бусятская Н. Н., 1973. Стеклянные бусы Селитренного городища // СА. № 1. С. 217–224.

Владимиров Г., 2018. Серьги в виде знака вопроса из средневековой Болгарии (XIII–XIV вв.): о материальных следах куманов и Золотой Орды в культуре Второго Болгарского царства. Казань: Ин-т археологии им. А. Х. Халикова АН Республики Татарстан. 128 с.

Галкин Л. Л., 1984. Стеклодельная мастерская на городище Селитренное // СА. № 2. С. 213–222.

Душенко А. А., 2013. Костяные дисковидные пуговицы с концентрическим орнаментом из раскопок Мангупа // МАИЭТ. Вып. 18. С. 333–352.

Иванов А. А., 1989. Надписи из Эски-Юрта // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках / Отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та. С. 24–31.

Каримова Р. Р., 2013. Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация). Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан. 212 с. (Археология евразийских степей; № 16.)

Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / Отв. ред.: Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. М.: Наука, 2003. 532 с.

Курышова Н. П., 2021. Стеклянные подвески из погребений кочевников XIII–XIV вв. // АЕС. № 4. С. 141–148.

Меньшиков М. Ю., Волошинов А. А., 2021. Не исламские погребения на территории мусульманского могильника Кырк-Азизлер // АЕС. № 4. С. 197–212.

Меньшиков М. Ю., Юнкин Ж. А., 2019. Мусульманский могильник XVI–XVII вв. Живописное 1 (Республика Крым, Симферопольский район) // История и археология Крыма. № 11. С. 203–208.

Полубояринова М. Д., 1991. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.: ИА АН СССР. 112 с.

Федоров-Давыдов Г. А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ. 276 с.

Сведения об авторах

Меньшиков Максим Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: Maxim-menshikov@ya.ru;

Волошинов Алексей Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: voloshinov-alexs@ya.ru

M. Yu. Men’shikov, A. A. Voloshinov

BURIALS WITH THE FUNERARY OFFERINGS FROM THE MUSLIM KYRK-AZYZLER CEMETERY (REPUBLIC OF CRIMEA)

Abstract. The paper examines a set of items from the funerary offerings retrieved from the early Muslim burials of the Golden Horde period. Islamic necropolis Kyrk-Azyzler is located in the outskirts of the city of Bakhchisarai (Republic of Crimea). Presence of funerary offerings is a major violation of the established Islamic burial tradition (janazah) and suggests pagan reminiscences during the first stage of the Turkic population Islamization in Crimea during the Golden Horde period. The paper presents information concerning functional groups and chronology of objects deposited in the grave. It also provides analogies for dating the finds which is helpful in clarifying the overall chronology of a large part of the Kyrk-Azyzler cemetery, where most of the graves do not contain funerary offerings.

Keywords: Crimea, Bakhchisarai, Islam, Muslim necropolis, funerary offerings, Golden Horde, janazah.

REFERENCES

Bashkirov A., Bodaninskiy U., 1925. Pamyatniki Krymsko-Tatarskoy stariny. Eski-Yurt [Monuments of Crimean Tatar antiquity. Eski-Yurt]. *Novyy Vostok [New Orient]*, 8–9, pp. 295–311.

Biruni Abu Reykhan, 1963. Sobranie svedeniy dlya poznaniya dragotsennostey [Collection of information for knowledge of gems]. Leningrad: AN SSSR. 526 p.

Bodaninskiy U., 1916. Bakhchisarayskie pamyatniki [Bakhchisaray monuments]. *Zapiski Krymskogo obshchestva estestvoispytateley i lyubiteley prirody [Notes of Crimean Society of naturalists and nature lovers]*, 6, pp. 125–129.

Busyatskaya N. N., 1973. Steklyannye busy Selitrennogo gorodishcha [Glass beads of Selitrennoe hillfort]. *SA*, 1, pp. 217–224.

Dushenko A. A., 2013. Kostyanye diskovidnye pugovitsy s kontsentricheskim ornamentom iz raskopok Mangupa [Bone disc-shaped buttons with concentric ornament from Mangup excavations]. *MAIET*, 18, pp. 333–352.

Fedorov-Davydov G. A., 1966. Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast’yu zolotoordynskikh khanov. Arkheologicheskie pamyatniki [Nomads of Eastern Europe under the rule of Golden Horde Khans. Archaeological sites]. Moscow: MGU. 276 p.

Galkin L. L., 1984. Steklodel’naya masterskaya na gorodishche Selitrennoe [Glass-making workshop at Selitrennoe hillfort]. *SA*, 2, pp. 213–222.

Ivanov A. A., 1989. Nadpisi iz Eski-Yurta [Inscriptions from Eski-Yurt]. *Severnoe Prichernomor’e i Povolzh’e vo vzaimootnosheniyakh Vostoka i Zapada v XII–XVI vekakh [North Pontic Volga regions in relations between East and West in XII–XVI centuries]*. G. A. Fedorov-Davydov, ed. Rostov-na-Donu: Rostovskiy universitet, pp. 24–31.

Karimova R. R., 2013. Elementy ubranstva i aksessuary kostyuma kochevnikov Zolotoy Ordy (tipologiya i sotsiokul’turnaya interpretatsiya) [Elements of decoration and costume accessories of the Golden Horde nomads (typology and socio-cultural interpretation)]. Kazan: Institut istorii imeni Sh. Mardzhani AN Respubliki Tatarstan. 212 p. (Arkheologiya evraziyskikh stepey, 16.)

Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor’e i Zakavkaz’e v epokhu srednevekov’ya. IV–XIII veka [Crimea, Northeastern Pontic region and Transcaucasia in Middle Ages. IV–XIII centuries]. T. I. Makarova, S. A. Pletneva, eds. Moscow: Nauka, 2003. 532 p.

Kuryshova N. P., 2021. Steklyannye podveski iz pogrebeniy kochevnikov XIII–XIV vv. [Glass pendants from burials of nomads of XIII–XIV cc.]. *AES*, 4, pp. 141–148.

Men’shikov M. Yu., Voloshinov A. A., 2021. Ne islamskie pogrebeniya na territorii musul’manskogo mogil’nika Kyrk-Azizler [Non-Islamic burials in territory of Kyrk-Azizler Muslim necropolis]. *AES*, 4, pp. 197–212.

Men’shikov M. Yu., Yunkin Zh. A., 2019. Musul’manskiy mogil’nik XVI–XVII vv. Zhivopisnoe 1 (Respublika Krym, Simferopolskiy rayon) [Muslim cemetery of XVI–XVII cc. Zhivopisnoe 1 (Republic of Crimea, Simferopol district)]. *Istoriya i arkheologiya Kryma [History and archaeology of Crimea]*, 11, pp. 203–208.

Poluboyarinova, M. D., 1991. Ukrasheniya iz tsvetnykh kamney Bolgara i Zolotoy Ordy [Jewelry made of colored stones of Bolgar and Golden Horde]. Moscow: IA AN SSSR. 112 p.

Vladimirov G., 2018. Ser’gi v vide znaka voprosa iz srednevekovoy Bolgarii (XIII–XIV vv.): o material’nykh sledakh kumanov i Zolotoy Ordy v kul’ture Vtorogo Bolgarskogo tsarstva [Earrings in form of interrogative mark from medieval Bulgaria (XIII–XIV cc.): on material traces of the Cumans and Golden Horde in culture of the Second Bulgarian Kingdom]. Kazan: Institut arkheologii imeni A. Kh. Khalikova AN Respubliki Tatarstan. 128 p.

About the authors

Men’shikov Maxim Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: Maxim-menshikov@ya.ru;

Voloshinov Aleksej A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: voloshinov-alexs@ya.ru

И. В. Болдин, В. В. Зайцев, В. Г. Шапошник

«СЕВЕРСКАЯ» МОНЕТА С «КНЯЖЕСКИМ ЗНАКОМ» И ДЖУЧИДСКИЕ МОНЕТЫ С РАННИМИ РУССКИМИ НАДЧЕКАНКАМИ, НАЙДЕННЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЛЮБУТСКОГО ПОСЕЛЕНЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Резюме. Статья посвящена редкой нумизматической находке – «северской» монете с «княжеским знаком», происходящей с территории Любутского поселенческого комплекса. Приводится краткий обзор этапов изучения этой интересной группы монет 80-х гг. XIV в., находящейся на стыке русской, литовской и джучидской нумизматики. Также публикуются фотоизображения найденных при археологических раскопках на Любутском городище трех джучидских монет с ранними русскими надчеканками.

Ключевые слова: Любутское городище, Корибут-Дмитрий Ольгердович, «северские» монеты с «княжеским знаком», русские надчеканки.

Любутское городище (памятник федерального значения, остатки летописного города Любутска XIV–XV вв.) находится у д. Троицкое Ферзиковского р-на Калужской обл. Городище занимает высокий (20–40 м над поймой) и протяженный мыс на правом берегу р. Оки при впадении в нее р. Любутки. Его размеры составляют 300 м (по линии СВ – ЮЗ) на 130 м (по линии СЗ – ЮВ). С напольной стороны площадка городища отделена валом (высота 6 м) и рвом (глубина 5 м). За ними расположено селище 1; далее, за оврагом, находится меньшее по площади городище 2 и сопутствующие ему селища 2 (ближе к вершине мыса) и 3 (на склоне, обращенном к реке). Все вместе они образуют Любутский поселенческий комплекс.

Вся история города Любутска, известная по письменным источникам, связана с его местоположением на стыке границ трех великих княжеств: Московского, Литовского и Рязанского. Судьбу Любутска определили взаимоотношения этих политических образований, каждое из которых стремилось включить город в свою сферу влияния.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.275.379-390

Первое летописное упоминание о Любутске (как о месте, где объединились войска великого князя литовского Ольгерда и Михаила Тверского, выступивших против великого князя московского Дмитрия Ивановича) относится к 1372 г. (ПСРЛ, 1897. Т. 11. С. 19). На протяжении последней трети XIV в. и практически всего XV в. Любутск входил в состав Великого княжества Литовского и управлялся великокняжеским наместником. В силу своего положения он часто служил местом концентрации литовских войск перед осуществлением нападений на московские и рязанские земли. Во время войны 1492–1494 гг. Любутск был захвачен московскими войсками, но по мирному договору 1494 г. город был возвращен Литве. Окончательное присоединение Любутска к Великому княжеству Московскому произошло в 1500 г. (*Кром*, 2010. С. 198–200). Потеряв статус пограничной крепости, город постепенно пришел в упадок. Под 1566 г. Любутск упомянут уже как городище (ПСРЛ, 2000. Т. 13. С. 400).

Археологические раскопки на Любутском городище проводятся непрерывно с 1995 г. экспедицией Калужского объединенного музея-заповедника под руководством И. В. Болдина. За это время исследовано 1454 кв. м из площади городища. Неповрежденный позднейшей хозяйственной деятельностью культурный слой (мощностью 0,4–1,5 м, в ямах до 2,5 м) насыщен находками и датируется XIV–XV вв. Благодаря этому Любутское городище является эталонным памятником городской культуры для Верхнего Поочья в указанный временной период. Однако необходимо отметить, что незначительное количество находок относится как к более раннему (XII–XIII вв.), так и к более позднему (XVI в.) времени.

За многие годы исследований была собрана и значительная по объему нумизматическая коллекция. Из ее состава к «литовскому» периоду существования Любутска представляется возможным отнести порядка 70 джучидских монет XIV – первой трети XV в. (от Токты до Улу-Мухаммеда); более 20 подражаний и подделок под таковые; более 10 монет Великого княжества Московского и его уделов (выпуски от имени Василия Дмитриевича, Василия II Темного, Ивана III, Ивана Андреевича Можайского); одну монету, относимую к Олегу Ивановичу Рязанскому; а также несколько пражских грошей XIV в.

В декабре 2023 г. в процессе камеральной обработки были подвергнуты расчистке монеты, изображения на поверхности которых оставались сокрытыми под слоем окислов. После успешного решения этой задачи[1] одна из них, найденная в 2010 г. на селище 1 (согласно полевой описи, № *2010_селище_1_пм4,* вес – 1,33 г), была опознана как принадлежащая к выпускам, относимым к Корибуту-Дмитрию Ольгердовичу, князю Новгород-Северскому. Она несет на себе грубые подражания арабописьменным легендам и в центре лицевой стороны – характерный «княжеский знак», аналогичный присутствующему на именных монетах Корибута-Дмитрия с кириллической легендой (рис. 1; 2, ТА3-ТР8).

Монеты из этой интересной группы были введены в научный оборот еще в XIX в. Два экземпляра с таким «знаком» входили в состав Первого Тетюшского клада 1856 г. Опубликовавший их П. С. Савельев предположил, что это

[1] Работы по расчистке монет были проведены заведующим реставрационной мастерской Калужского объединенного музея-заповедника С. А. Новиковым.

Рис. 1. Монета № *2010_селище_1_пм4*, найденная на Любутском поселенческом комплексе

а – фотоизображение до расчистки; *б* – сканированное изображение после расчистки; *в* – графические реконструкции оттисков штемпелей ТА3-ТР8, которыми была отчеканена эта монета (выполнены В. В. Зайцевым с учетом всех учтенных экземпляров, вышедших из-под этой пары инструментов)

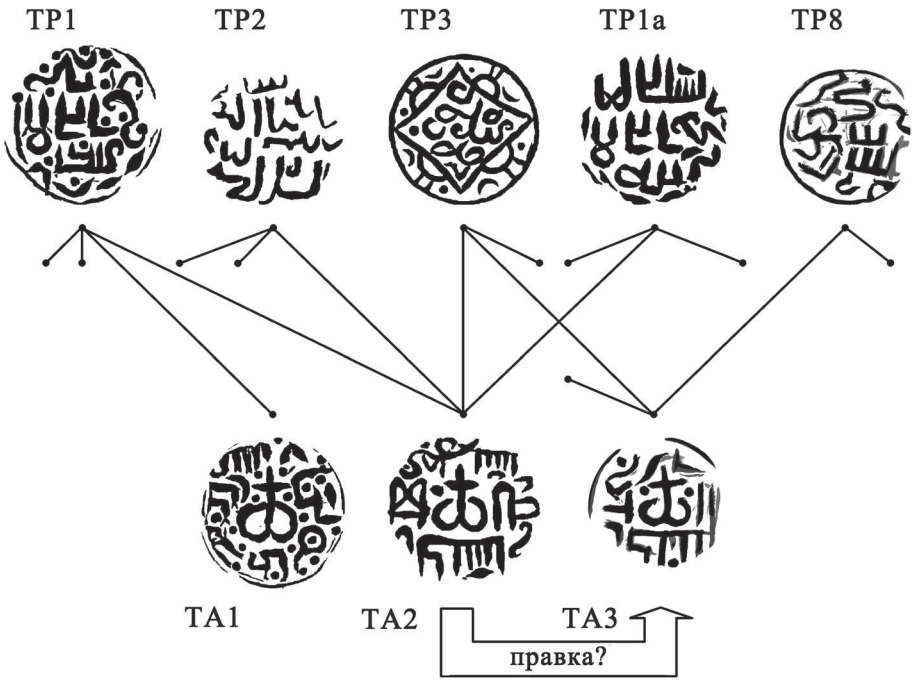


Рис. 2. Фрагмент схемы технологических связей для инструментов, которыми чеканили анонимные «северские» монеты с «княжеским знаком» (графические реконструкции оттисков штемпелей выполнены В. В. Зайцевым; использована нумерация, принятая в целом ряде публикаций, посвященных монетной чеканке в Северских землях)

образцы шейбанидских денежных выпусков (*Савельев*, 1858. С. 272–274. № 486, 487. Табл. X: № 140, 141).

Еще несколько монет со «знаком» включал в себя Борщевский клад 1948 г. Именно они позволили Г. А. Козубовскому определить всю эту эмиссию как «северскую», принадлежащую Корибуту, князю Новгород-Северскому (*Козубовський*, 1992. С. 27–29. Рис. 2–4). Младшие джучидские монеты из указанного невостребованного депозита были отчеканены при Токтамыше в 782 г. х. (1380–1381 гг.) (*Зразюк, Хромов*, 2007. С. 114. № 98 (фотоизображение); *Горлов, Казаров*, 2015. С. 48 (правильная атрибуция и датировка)).

Изображения «северских» монет штемпельного сочетания ТА3-ТР8 на страницы научных печатных изданий попали относительно недавно.

В ноябре 2011 г. на Нумизматических чтениях Государственного исторического музея И. К. Хромовой был поставлен вопрос о корректности атрибуции новооткрытых монет, относимых к русскому удельному чекану. В числе рассмотренных в докладе был экземпляр (отчеканенный одной парой инструментов с публикуемым), незадолго перед этим обсуждавшийся в интернете и, по наличию характерного знака, отнесенный там к эмиссиям Корибута-Дмитрия

Ольгердовича, князя Новгород-Северского. Но анализ доступных изображений дал исследовательнице повод предположить, что монета, вероятнее всего, является фальшивой. В докладе было отмечено, что появление подобных «новинок» остается возможным из-за «белых пятен» в истории монетного дела Новгород-Северского княжества, нуждающегося в исследовании, и что во избежание поспешных выводов в дальнейшем необходимо проведение полного штемпельного анализа поздних северских выпусков (*Хромова*, 2011. С. 51–53. Рис. 2).

Собственно, к тому времени уже было положено начало в выявлении и фиксации технологических штемпельных связей для «северских» монет с «княжеским знаком». В статье В. В. Зайцева, опубликованной в феврале 2011 г. в журнале «Нумизматика» и сопровожденной большим количеством фотоизображений монет со «знаком», была приведена схема, включающая в себя блок из 4 инструментов, объединенных тремя внутренними связями. Примечательно, что штемпелями из этого блока были отчеканены экземпляр из собрания ГИМ, происходящий из Буерачного клада 1954 г., две одноштемпельные монеты из состава Борщевского клада 1948 г., хранящегося в Национальном музее истории Украины, и обе монеты со «знаком» из первого Тетюшского клада 1856 г., опубликованные П. С. Савельевым (*Зайцев*, 2011. С. 18. Рис. 8; С. 19. Рис. 3; 4а; 5; *Савельев*, 1858. Табл. X: № 140, 141; *Зразюк, Хромов*, 2007. С. 113. № 088, 089). Этот факт, безусловно, свидетельствует о том, что монеты, вышедшие из-под инструментов выявленного блока, являются подлинными.

В обновленной версии схемы, увидевшей свет в 2016 г., указанный блок (объединенный технологическими связями) включал уже 7 штемпелей, в том числе – инструмент ТА3, которым была отчеканена лицевая (несущая «знак») сторона публикуемой монеты. Иллюстрации были дополнены фотоизображениями многих монет из новых находок, есть среди них и экземпляр, выбитый штемпелем ТА3 (*Зайцев*, 2016. С. 60. Рис. 6в; С. 62. Рис. 9).

В 2018 г. в седьмой выпуск сборника «Средневековая нумизматика Восточной Европы» была включена статья с описанием денежного комплекса из 33 монет, найденного двумя годами ранее в с. Заудье Чугуевского р-на Харьковской обл. и включавшего две «северские» монеты с «княжеским знаком». Одна из них была выбита той же парой инструментов ТА3-ТР8, что и публикуемый экземпляр, для чеканки второй был использован тот же аверсный штемпель ТА3 (*Шапошник и др.*, 2018. С. 176. Прил. 1. № 30, 31. С. 180. Табл. 3. № 30, 31). Младшая датированная джучидская монета из этого клада была выпущена в 788 г. х. (1386−1387 гг.), что дало важную опорную точку для хронологической привязки входивших в него «северских» монет.

Дальнейшее накопление информации позволило в 2020 г. опубликовать новое обновление схемы штемпельных связей для монет со «знаком». Ее основной блок включал уже 12 инструментов, образующих 12 сочетаний. Среди них теперь были оба штемпеля, которыми отчеканили «северскую» монету, найденную на территории Любутского поселенческого комплекса (*Шапошник и др.*, 2020. С. 216. Рис. 1: *А3-Р8*).

В следующем, 2021-м г. была напечатана статья, содержавшая очередную расширенную версию схемы, основной блок которой теперь вобрал в себя

20 штемпелей (с 23 взаимными сочетаниями) (*Шапошник, Овсянников*, 2021. С. 293. Рис. 1). Здесь также были приведены дополнительные аргументы в пользу отнесения монет, отчеканенных этими инструментами, к эмиссиям Корибута-Дмитрия Ольгердовича, князя Новгород-Северского (так как часть нумизматов продолжала относить практически все анонимные «северские» монеты с «княжеским знаком» к выпускам Стародубского княжества, князь которого, Александр Патрикеевич, будучи вассалом Корибута, помещал знак сюзерена на своих именных монетах с кириллическими легендами).

В том же сборнике был опубликован клад из 226 монет и двух слитков-полтин, обнаруженный в 2020 г. вблизи с. Октябрьское Рыльского района Курской области. Он включал в себя значительное количество разнотипных «северских» монет, в том числе – сразу три экземпляра, отчеканенных интересующей нас штемпельной парой ТА3-ТР8, и еще один – одноштемпельный с ними по лицевой стороне (*Зайцев, Шапошник*, 2021. С. 160. Табл. 1. № 209–212; С. 171. № 209–212; С. 189. Табл. XI: № 209–212). Опять в комплексе младшими среди несущих дату джучидских монет оказались экземпляры 788 г. х. (февраль 1386 – январь 1387 г.). Логично предположить, что накопление монетной части сокровища прекратилось не позднее 1387 г.

И, наконец, в 2023 г. в статье, уточняющей и подтверждающей «северскую» принадлежность для двух монет из Октябрьского клада 2020 г. (ранее отнесенных к этой категории по косвенным признакам), была приведена в очередной раз дополненная (за счет ранее остававшегося изолированным технологического узла из четырех штемпелей) схема связей для основного блока инструментов, использовавшихся при чеканке «северских» монет с «княжеским знаком» (*Шапошник, Зайцев*, 2023. С. 347. Рис. 2).

Фотоизображения «северских» монет с «княжеским знаком» присутствуют и в целой линейке иллюстрированных нумизматических каталогов, авторами-составителями которых выступили Д. В. Гулецкий и К. М. Петрунин (*Гулецкий, Петрунин*, 2013. С. 280–282; 2017. С. 500–503; *Гулецкий*, 2014. С. 43, 45; *Гулецкий и др.*, 2022. С. 220–224). В первый из них был включен экземпляр, отчеканенный штемпелем ТА3 (*Гулецкий*, *Петрунин*, 2013. С. 281. № 2375А); он же имеется и в каталоге 2014 г. (*Гулецкий*, 2014. С. 43. № 70Е). В версии 2017 г. для иллюстрации этого штемпельного сочетания было использовано фотоизображение новой монеты, а также добавлена иллюстрация для сочетания ТА3-ТР8 (*Гулецкий, Петрунин*, 2017. С. 502. № 6167А, 6167В). Каталог, вышедший в свет в 2022 г., обобщил результаты предыдущих исследований монетной чеканки на русских землях под властью Великого княжества Литовского. Он уже содержит не только фотоизображения монет, но и графические реконструкции оттисков штемпелей, и схемы их технологических связей (*Гулецкий и др*., 2022. С. 101–108, 282–283), при составлении которых были учтены опубликованные Ю. Л. Борейшей «северские» монеты из Русанивского клада, найденного в 2012 г. возле городища летописной Русотины у с. Русанив Броварского р-на Киевской обл. (*Борейша*, 2015. С. 203–216). Были проиллюстрированы все три известных сочетания для штемпеля ТА3, при этом одно из фотоизображений ранее уже использовалось этими авторами, для ТА3-ТР8 иллюстрацией послужило фотоизображение новой монеты, а для ТА3-ТР3 –

фотоизображение экземпляра, опубликованного В. В. Зайцевым в 2016 г. (*Гулецкий и др*., 2022. С. 221. № 926–928).

В целом движение, проделанное к обозначенной И. К. Хромовой в 2011 г. цели, можно назвать весьма существенным: были зафиксированы многие сотни северских монет, и на основании накопленной базы данных совместными усилиями группы заинтересованных исследователей-нумизматов был выполнен штемпельный анализ северских выпусков (и не только поздних). Перечисленные же вехи маркируют только часть проделанной работы.

В общей сложности начиная с 2011 г. были опубликованы фотоизображения семи экземпляров, отчеканенных штемпельной парой ТА3-ТР8. Четыре из них происходили из комплексов с известным составом, что дало верхнюю границу для датировки этих монет – 1387 г. Нижнюю границу – 1381 г. – определяет Борщевский клад 1948 г., который является самым старшим известным комплексом, содержавшим «северские» монеты с «княжеским знаком» (отчеканенные штемпелями из большого блока, объединенного технологическими связями, включающего инструменты ТА3 и ТР8). Внутри диапазона 1381–1387 гг. время эксплуатации этой штемпельной пары представляется возможным сдвинуть ближе к верхней дате, т. к. составлявшие ее инструменты несли уже явно деградированные (в результате многочисленных правок?) изображения по сравнению с ранними штемпелями группы. Всего авторами теперь учтен 21 экземпляр монет штемпельного сочетания ТА3-ТР8 (что делает их одними из самых массовых среди «северских»). Но монета с Любутского поселенческого комплекса − единственная из них, найденная при работах археологической экспедиции и поступившая на хранение в государственный музейный фонд.

Следует отметить, что среди материалов, полученных при раскопках Любутского городища, присутствуют и еще более ранние памятники русской нумизматики. Это три джучидские монеты с русскими надчеканками, проставленными не позднее 1370-х гг., вероятно, в Верхнем Поочье.

В 2002 г. была найдена монета (рис. 3: *б*) (согласно полевой описи, № *2002_x16*), отчеканенная при Джанибеке, с выпускными данными «Сарай ал-Джадида», по типу, вероятно, отчеканенная в 749 г. х. (1348–1349 гг.) (*Fraehn*, 1826. P. 235. № 27. *Френ*, 1832. С. 12. № 86. Табл. III: № LXIX (вариант)). Исходя из веса – 1,22 г – можно сделать однозначный вывод, что этот экземпляр подвергался обрезке. На реверсе монеты нанесена И-образная надчеканка в зубчатой розетке (серии И-з1, по классификации Р. А. Беспалова). Дата контрмаркирования – самое начало 1370-х гг. Принадлежность достоверно не установлена. Этот экземпляр ранее уже был опубликован (*Беспалов*, 2015. С. 13, 19. № Т1-5).

Еще одна монета с аналогичной надчеканкой на аверсе была найдена в 2008 г. (рис. 3: *в*) (согласно полевой описи, № *2008_x34*). Она также была выпущена при Джанибеке, в Гюлистане (монеты этого типа известны с датами 752 г. х. (1351–1352 гг.), 753 г. х. (1352–1353 гг.) и 756 г. х. (1355 гг.) (*Fraehn*, 1826. P. 243. № 55; *Френ*, 1832. С. 12. № 95. Табл. III: № LXXII (вариант); *Янина*, 1954. С. 441. № 70, 74). И этот экземпляр был обрезан, его вес составляет 1,17 г. Он также уже был опубликован, но при этом отнесен к чекану Сарая ал-Джадида (*Беспалов*, 2015. С. 13, 20. № Т1-14).

Рис. 3. Найденные при археологических раскопках на Любутском городище джучидские монеты с русскими надчеканками, проставленными в 1370-х гг.

а – № *2023_x106*, с надчеканкой «черниговский трезубец»; *б, в* – № *2002_x16* и № *2008_x34*, с И-образной надчеканкой в зубчатой розетке

В 2023 г. на Любутском городище была обнаружена монета (рис. 3: *а*) (согласно полевой описи, № *2023_x106*), относящаяся к эмиссиям Узбека с выпускными данными «Сарай». Такой тип чеканился с датами 734 г. х. (1333–1334 гг.) и 737 г. х. (1336–1337 гг.) (*Fraehn*, 1826. P. 216. № 31; *Френ*, 1832. С. 8. № 51. *Григорьев*, 1850. С. 6. № 11. Табл. I: № 3 (вариант)). Вес 1,27 г свидетельствует, что этот экземпляр также обрезан. На реверс монеты нанесена надчеканка «черниговский трезубец» (родовой княжеский знак старшей ветви черниговских Ольговичей, известный по вислым печатям домонгольского времени). Рисунок монеты с аналогичной надчеканкой был опубликован П. С. Савельевым в XIX в. (*Савельев*, 1858. Табл. X: *к*). Подробная классификация для подобных была разработана Р. А. Беспаловым и опубликована в 2012 г. В нашем случае на монету нанесено клеймо типа I-A, серии C2 (в средней стадии износа штемпеля). Нижняя граница контрмаркирования отнесена к первой половине 1370-х гг.; верхняя – к концу этого десятилетия (младшая из зафиксированных джучидских монет, послуживших основой для надчеканки этой серии, была выбита в 777 г. х. (июнь 1375 – май 1376 гг.)). Принадлежность клейма пока остается предметом научных дискуссий. По мнению Р. А. Беспалова, клеймение хронологически связано с пребыванием в северо-восточной части Черниговских земель великого князя Романа Михайловича в годы его изгнания из Брянска и отражает его противостояние князю Дмитрию Ольгердовичу (*Беспалов*, 2012. С. 131, 134. Рис. 4; С. 141, 142). В свою очередь, В. В. Зайцев предполагает его связь с Романом Семеновичем Новосильским (*Зайцев*, 2016. С. 20–23). Интерес представляет и опубликованная обоими исследователями монета, снабженная двумя клеймами: сначала – И-образным в зубчатой розетке, а затем – «черниговским трезубцем», что подтверждает его более позднюю хронологическую позицию (*Беспалов*, 2015. С. 20. № T1-11. *Зайцев*, 2016. С. 23. Рис. 17: *а*).

Археологическими раскопками за 29 полевых сезонов изучено около 8 % территории Любутского городища. Исследована малая часть от площади памятника, если принять во внимание весь Любутский комплекс, включающий два городища и три селища. Но даже столь незначительные объемы проведенных работ позволили получить и ввести в научный оборот материалы, характеризующие различные сферы жизни этого средневекового города. Калужский объединенный музей-заповедник планирует продолжение археологических раскопок, что позволит получить новые, в том числе и нумизматические, интересные находки.

ЛИТЕРАТУРА

Беспалов Р. А., 2012. Черниговский трезубец на вислых печатях XII века и клеймение им монет в 1370-х годах // Куликовская битва в истории России. Вып. 2 / Сост. А. Н. Наумов. Тула: Гос. воен.-ист. и природ. музей-заповедник «Куликово поле». С. 129–147.

Беспалов Р. А., 2015. И-образные и N-образные надчеканы в круглой зубчатой розетке // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Вып. 1. Минск. С. 11–21.

Борейша Ю. Л., 2015. Волынские монеты Федора Любартовича в свете кладовых данных и реконструкции символики Галицко-Волынского государства. Минск: Энциклопедикс. 269 с.

Горлов А. В., Казаров А. А., 2015. О группе монет конца XIV века из находок в курско-белгородском ареале и о времени вхождения «Яголдаевой тьмы» в состав Великого княжества Литовского // СНВЕ. Вып. 5. С. 46–63.

Григорьев В. В., 1850. Описание клада из золотоордынских монет, найденного близ развалин Сарая // Записки Санкт-Петербургского археолого-нумизматического общества. Т. II. СПб. С. 1–63.
Гулецкий Д. В., 2014. Монеты Великого княжества Литовского, 2-я половина XIV века – 1536. Минск: Энциклопедикс. 254 с.
Гулецкий Д. В., Петрунин К. М., 2013. Русские монеты 1353–1533. Минск: РИФТУР. 511 с.
Гулецкий Д. В., Петрунин К. М., 2017. Русские средневековые монеты. М. 660 с.
Гулецкий Д. В., Петрунин К. М., Яковлев А. В., 2022. Региональная чеканка на русских землях под властью Великого княжества Литовского (последняя треть XIV в.). СПб.: Контраст. 295 с.
Зайцев В. В., 2011. «Северские» монеты с «княжеским знаком», 80-е гг. XIV в. // Нумизматика. № 1 (28). С. 16–22.
Зайцев В. В., 2016. Русские монеты XIV–XVII вв. Очерки по нумизматике. М. 303 с.
Зайцев В. В., Шапошник В. Г., 2021. Клад серебряных монет и платежных слитков XIV в. из Рыльского района Курской области // СНВЕ. Вып. 9. С. 156–191.
Зразюк З. А., Хромов К. К., 2007. Борщевский клад // Восточная нумизматика в Украине. Ч. II. Монеты Джучидов и сопредельных государств в XIII−XV вв. Киев. С. 99–117.
Козубовський Г. А., 1992. Сіверські монети XIV ст. Київ. 40 с. (Пам'ятки археології; 1.)
Кром М. М., 2010. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М. 325 с.
ПСРЛ. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Археогр. комис., 1897. 254 с.
ПСРЛ. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Археогр. комис, 2000. 302 с.
Савельев П. С., 1858. Монеты Джучидов, Джагатаидов, Джелаиридов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. Вып. 2. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг. 181–340, 11 с., 5 л. ил.
Френ Х. М., 1832. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды. СПб.: Тип. Академии наук. XVI, 80 с., 17 л. ил.
Хромова И. К., 2011. Вопросы современной атрибуции находок монет удельного периода на территории Украины // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2011 года: тез. докл. и сообщ. М. С. 52–54.
Шапошник В. Г., Зайончковский Ю. В., Овсянников О. В., 2018. Комплекс серебряных монет XIV века из села Заудье Чугуевского района Харьковской области // СНВЕ. Вып. 7. С. 172–180.
Шапошник В. Г., Зайончковский Ю. В., Овсяников О. В., 2020. Новые штемпельные связи северских подражаний с «княжеским знаком» // СНВЕ. Вып. 8. С. 215–221.
Шапошник В. Г., Зайцев В. В., 2023. Уточнение атрибуции двух подражательных монет из Октябрьского клада // Междуречье Днепра и Дона: культурный слой, артефакт, интерпретация: к 30-летию Курского гос. обл. музея археологии / Ред. Г. Ю. Стародубцев и др. Курск. С. 341–347. (Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья; вып. VI.)
Шапошник В. Г., Овсянников О. В., 2021. К вопросу об эмитенте северских подражаний с «княжеским знаком» // СНВЕ. Вып. 9. С. 291–303.
Янина С. А., 1954. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946–1952 гг. М.: Изд-во АН СССР. С. 427–457. (МИА; № 42.)

Fraehn Ch. M., 1826. Recensio numorum Muhammedanorum. Petropoli: Litteris academicis. XXXVIII, 743 с.

Сведения об авторах

Болдин Игорь Вячеславович, Калужский объединенный музей-заповедник, ул. Пушкина, 4, Калуга, 248000, Россия; e-mail: boldin67@bk.ru;

Зайцев Василий Васильевич, Государственный исторический музей, Красная площадь, 1, Москва, 109012, Россия; e-mail: numizmat_gim@mail.ru;

Шапошник Владимир Гаврилович, независимый исследователь; e-mail: kutovojvladimir0@gmail.com

I. V. Boldin, V. V. Zaitsev, V. G. Shaposhnik

THE «SEVERIAN» COIN WITH THE «PRINCE'S SIGN» AND JUCHID COINS WITH EARLY RUSSIAN COUNTERMARKS FOUND IN THE TERRITORY OF THE LYUBUTSK SETTLEMENT SITE

Abstract. The article is devoted to a rare numismatic find – a «Severian» coin with a «prince's sign», originating from the territory of the Lubutsk settlement complex. A brief overview of the stages of studying this interesting group of coins of the 80s of the XIV century is given, which is at the junction of Russian, Lithuanian and Juchid numismatics. Photographs of three Juchid coins with early Russian countermarks, found during excavations of the Lubutsk settlement also published.

Keywords: Lubutsk settlement, Koribut-Dmitry Olgerdovich, «Severian» coins with a «prince's sign», Russian countermarks.

REFERENCES

Bespalov R. A., 2012. Chernigovskiy trezubets na vislykh pechatyakh XII veka i kleymenie im monet v 1370-kh godakh [Chernigov trident on hanging seals of XII century and its branding of coins in the 1370s]. *Kulikovskaya bitva v istorii Rossii [Kulikovo battle in history of Russia]*, 2. A. N. Naumov, comp. Tula: Gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy i prirodnyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole», pp. 129–147.

Bespalov R. A., 2015. И-obraznye i N-obraznye nadchekany v krugloy zubchatoy rozetke [И-like and N-like countermarks in round serrated rosette]. *Rus', Litva, Orda v pamyatnikakh numizmatiki i sfragistiki [Rus, Lithuania, Horde in monuments of numismatics and sphragistics]*, 1. Minsk, pp. 11–21.

Boreysha Yu. L., 2015. Volynskie monety Fedora Lyubartovicha v svete kladovykh dannykh i rekonstruktsii simvoliki Galitsko-Volynskogo gosudarstva [Volyn coins of Fyodor Lyubartovich in light of hoard data and reconstruction of symbols of the Galician-Volyn state]. Minsk: Entsiklopediks. 269 p.

Fren Kh. M., 1832. Monety khanov Ulusa Dzhuchieva ili Zolotoy Ordy [Coins of khans of the Ulus of Juchi or the Golden Horde]. St. Petersburg: Tipografiya Akademii nauk. XVI, 80 p., 17 pl. ill.

Gorlov A. V., Kazarov A. A., 2015. O gruppe monet kontsa XIV veka iz nakhodok v kursko-belgorodskom areale i o vremeni vkhozhdeniya «Yagoldaevoy t'my» v sostav Velikogo knyazhestva Litovskogo [On a group of coins from late XIV century from finds in Kursk-Belgorod area and on the time of the entry of «Yagoldaeva thousands» into Grand Duchy of Lithuania]. *SNVE*, 5, pp. 46−63.

Grigoriev V. V., 1850. Opisanie klada zolotoordynskikh monet, naydennogo bliz razvalin Saraya [Description of a hoard of Golden Horde coins found near the ruins of Sarai]. *Zapiski Sankt-peterburgskogo arkheologo-numizmaticheskogo obshchestva [Notes of the St. Petersburg archaeological and numismatic society]*, II. St. Petersburg, pp. 1–63.

Guletskiy D. V., 2014. Monety Velikogo knyazhestva Litovskogo, 2-ya polovina XIV veka – 1536 [Coins of Grand Duchy of Lithuania, 2nd half of XIV century – 1536]. Minsk: Entsiklopediks. 254 p.

Guletskiy D. V., Petrunin K. M., 2013. Russkie monety 1353–1533 [Russian coins 1353–1533]. Minsk: RIFTUR. 511 p.

Guletskiy D. V., Petrunin K. M., 2017. Russkie srednevekovye monety [Russian medieval coins]. Moscow. 660 p.

Guletskiy D. V., Petrunin K. M., Yakovlev A. V., 2022. Regional'naya chekanka na russkikh zemlyakh pod vlast'yu Velikogo knyazhestva Litovskogo (poslednyaya tret' XIV v.) [Regional coinage in Russian lands under the rule of Grand Duchy of Lithuania (last third of XIV c.)]. St. Petersburg: Kontrast. 295 p.

Khromova I. K., 2011. Voprosy sovremennoy atributsii nakhodok monet udel'nogo perioda na territorii Ukrainy [Issues of modern attribution of finds of coins of feudal period in territory of Ukraine].

Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya 2011 goda [Numismatic readings of State Historical Museum 2011]. Moscow, pp. 52–54.

Kozubovs'kiy G. A., 1992. Sivers'ki moneti XIV st. [Severian coins of XIV c.]. Kiev. 40 p. (Pam'yatniki arkheologiï, 1.)

Krom M. M., 2010. Mezh Rus'yu i Litvoy. Pogranichnye zemli v sisteme russko-litovskikh otnosheniy kontsa XV – pervoy treti XVI v. [Between Rus and Lithuania. Frontier lands in system of Russian-Lithuanian relations of late XV – first third of XVI c.]. Moscow. 325 p.

PSRL, 11. Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu [Chronicle collection, named Patriarch or Nikon chronicle]. St. Petersburg: Arkheograficheskaya komissiya, 1897. 254 p.

PSRL, 13. Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu [Chronicle collection, named Patriarch or Nikon chronicle]. St. Petersburg: Arkheograficheskaya komissiya, 2000. 302 p.

Savel'ev P. S., 1858. Monety Dzhuchidov, Dzhagataidov, Dzhelairidov i drugie, obrashchavshiesya v Zolotoy Orde v epokhu Tokhtamysha [Coins of the Jochids, Jagataids, Djelairids and other that circulated in the Golden Horde in the Tokhtamysh reign], 2. St. Petersburg: Tipografiya Ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag. 181–340, 11 p., 5 pl. ill.

Shaposhnik V. G., Ovsyannikov O. V., 2021. K voprosu ob emitente severskikh podrazhaniy s «knyazheskim znakom» [On the issuer of Severian imitations with «prince's sign»]. *SNVE*, 9, pp. 291–303.

Shaposhnik V. G., Zayonchkovskiy Yu. V., Ovsyanikov O. V., 2020. Novye shtempel'nye svyazi severskikh podrazhaniy s «knyazheskim znakom» [New stamp connections of Severian imitations with «prince's sign»]. *SNVE*, 8, pp. 215–221.

Shaposhnik V. G., Zayonchkovskiy Yu. V., Ovsyannikov O. V., 2018. Kompleks serebryanykh monet XIV veka iz sela Zaud'e Chuguevskogo rayona Khar'kovskoy oblasti [A complex of silver coins of XIV century from village Zaud'e, Chuguev district, Kharkov region]. *SNVE*, pp. 172–180.

Shaposhnik V. G., Zaytsev V. V., 2023. Utochnenie atributsii dvukh podrazhatel'nykh monet iz Oktyabr'skogo klada [Clarification of attribution of two imitation coins from Oktyabr'skiy hoard]. *Mezhdurech'e Dnepra i Dona: kul'turnyy sloy, artefakt, interpretatsiya [Dnieper and Don interfluve: cultural deposit, artifact, interpretation]*. G. Yu. Starodubtsev, ed. Kursk, pp. 341–347. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Dneprovskogo Levoberezh'ya, VI.)

Zaytsev V. V., 2011. «Severskie» monety s «knyazheskim znakom», 80-e gg. XIV v. [«Severian» coins with «prince's sign», the 80s of XIV c.]. *Numizmatika [Numismatics]*, 1 (28), pp. 16–22.

Zaytsev V. V., 2016. Russkie monety XIV–XVII vv. Ocherki po numizmatike [Russian coins of XIV–XVII cc. Essays on numismatics]. Moscow. 303 p.

Zaytsev V. V., Shaposhnik V. G., 2021. Klad serebryanykh monet i platezhnykh slitkov XIV v. iz Ryl'skogo rayona Kurskoy oblasti [Hoard of silver coins and payment bars of XIV c. from Rylsk district, Kursk region]. *SNVE*, 9, pp. 156–191.

Zrazyuk Z. A., Khromov K. K., 2007. Borshchevskiy klad [Borshchevskiy hoard]. *Vostochnaya numizmatika v Ukraine [Oriental numismatics in Ukraine], II. Monety Dzhuchidov i sopredel'nykh gosudarstv v XIII–XV vv. [Coins of the Juchids and adjacent states in XIII–XV cc.]*. Kiev, pp. 99–117.

Yanina S. A., 1954. Dzhuchidskie monety iz raskopok i sborov Kuybyshevskoy ekspeditsii v Bolgarakh v 1946–1952 gg. [Juchid coins from excavations and explorations of Kuybyshev expedition in Bolgar in 1946–1952]. Moscow: AN SSSR. P. 427–457. (MIA, 42.)

About the authors

Boldin Igor V., Kaluga United Museum-Reserve, ul. Pushkina, 4, Kaluga, 248000, Russian Federation; e-mail: boldin67@bk.ru;

Zaitsev Vasily V., The State Historical Museum, Krasnaya pl. 1, Moscow, 109012, Russian Federation; e-mail: numizmat_gim@mail.ru;

Shaposhnik Vladimir G., independent researcher; e-mail: kutovojvladimir0@gmail.com

А. М. Гринев, В. К. Сингх

ДЕРЕВЯННАЯ ДЕТАЛЬ ПОВОЗКИ XI в. ИЗ РАСКОПОК В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ

Резюме. В 2014 г. на Троицком раскопе в Великом Новгороде в слое начала XI в. была обнаружена деревянная деталь, которая, благодаря этнографическим аналогиям, была определена как поворотная подушка и передняя вилка телеги. На Северо-Западе Руси эта находка стала первой в своем роде и позволила комплексно подойти к реконструкции стана четырехколесных средств передвижения. Ближайшие аналогии ей в археологическом материале происходят с территории Польского Поморья и Силезии, а также в этнографическом материале Центральной Европы и Прибалтики. Эти данные позволили предположить неместное происхождение данной телеги в раннем Новгороде. В конструктивном плане повозка имеет ряд архаичных черт, которые унаследованы от самых ранних поворотных механизмов в колесном транспорте, что сильно ограничивало мобильность подобных средств на нешироких городских улицах. Данная находка существенно дополняет сведения о бытовании телег в Новгородской земле в эпоху Средневековья.

Ключевые слова: средневековый Новгород, Троицкий раскоп, четырехколесные повозки, поворотные механизмы, Польское Поморье, реконструкция средств передвижения.

Атрибуция различных археологических находок является одной из важнейших источниковедческих задач в изучении средневекового Новгорода. Каждый новый полевой сезон приносит предметы, функцию которых с первого взгляда не удается определить в силу разных причин, среди которых наибольшее значение имеют выпадение этих изделий из бытового обихода, фрагментарность или отсутствие недостающих деталей. В данной работе речь пойдет об одной из таких находок – составной деревянной детали, обнаруженной на усадьбе «Ж» Троицкого раскопа в Великом Новгороде в 2014 г. (*Янин и др*., 2015. С. 62–63).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.275.391-405

1. Археологический контекст

Троицкий раскоп, исследования на котором продолжаются на протяжении 50 лет (1973 – н. в.), располагается в восточной части Людина конца Великого Новгорода, к югу от Кремля. За десятилетия раскопок здесь изучена значительная территория, площадь которой превышает 8000 тыс. кв. м, где были открыты целые кварталы средневекового города: четыре улицы (Пробойная, Черницына, Ярышева и безымянный переулок) и более двадцати усадеб.

Усадьба «Ж» относится к комплексу дворов, расположенных к юго-западу от перекрестка Пробойной и Черницыной улиц. Территория усадьбы раскапывалась в течение многих лет, так как попала в площадь четырех раскопов. Северная часть усадьбы была исследована в 1984–1986 гг. на Троицком VII раскопе. Ее основная площадь была раскрыта в 2001–2009 гг. на Троицком XIII раскопе, дополнительных прирезках к Троицкому XIII раскопу (участки Г и Г-1) в 2008–2014 гг. и на Троицком XV раскопе (2013–2023 гг.). В результате проведенных работ это средневековое владение было изучено практически полностью, за исключением юго-западного его сектора, который попадает на территорию частной застройки.

Усадьба «Ж» представляет собой один из наиболее ярких усадебных комплексов, открытых на Троицком раскопе. Так, в слоях X–XI вв. здесь был открыт уникальный комплекс древностей скандинавского облика, а на XII в. приходится самая большая в Новгороде концентрация берестяных грамот (более 100 документов), которую связывают с деятельностью боярского рода Мирошкиничей (*Рыбина и др*., 2020).

Деталь, которой посвящена данная статья (рис. 1), располагалась в северо-западной части усадьбы[1], в темно-коричневом слое со щепой под остатками разобранного сооружения, представленного обломками досок, плах, горбылей, фундаментных подкладок, частокольных свай, жердей и столбов (ярус 18 по раскопу Троицкий XIII-Г1). С этим набросом связан слой пожара, который был прослежен на обширной площади и отразился также в следах горения на некоторых из фрагментов дерева. Реконструировать контуры и размеры сооружения не представляется возможным, однако прослеживается общая ориентировка деревянных деталей относительно направления Черницыной улицы (с юго-востока на северо-запад). С некоторых деталей из этого развала были взяты спилы для дендрохронологического анализа, давшие следующие порубочные даты – 1032, 1038, 1044, 1045, 1046 гг.[2] Пожар позволяет синхронизировать остатки этого сооружения с постройкой ТС-XIII-Г1-15, расположенной к югу, для одной из подкладок которого была установлена порубочная дата – 1047 г.

Время начала отложения темно-коричневого слоя со щепой, где была найдена деталь, может быть определено по подстилающему его слою углей и золы с примесью темно-коричневого слоя, который связан с более ранним пожаром. Поверх

[1] Паспортные данные находки: Великий Новгород – 2014, раскоп Троицкий XIII, участок Г-1, пласт 14, квадрат 1827, полевой № 142.

[2] Дендрохронологический анализ выполнен к. и. н., ведущим научным сотрудником Новгородского музея-заповедника О. А. Тарабардиной.

Рис. 1. Деталь телеги *in situ* (XIII-Г1-14-1827, № 142)

этого слоя в юго-западной части усадьбы «Ж» возводится сруб ТС-XIII-Г1-17, сложенный из бревен 999 и 1005 гг. порубки (ярус 20 по раскопу Троицкий XIII-Г1). Таким образом, вероятное время бытования и выпадения в слой деревянной детали следует относить к 10–40-м гг. XI в.

2. Описание конструкции

Предмет представляет собой две перпендикулярно соединенные деревянные детали (рис. 2). Первая из них изготовлена из цельного куска дерева, которому была придана дугообразная форма. По внешнему контуру дуга приближается к параболе, а с внутренней стороны вершина дуги усечена, вследствие чего конец детали является более массивным. Стороны дуги плавно сужаются на концах, при этом на краю концы сторон закругляются и слегка расходятся друг от друга. Общая длина детали достигает 102 см, сечение прямоугольное, ширина у вершины дуги – 10 см, ширина между концами дуги – 42 см, толщина предмета – 4,6 см. На концах дуги на расстоянии 9,5 см от края параллельно верхней плоскости детали выдолблены два прямоугольных отверстия (рис. 2: *1*) размерами 5 × 4 см. В средней части детали на расстоянии 32 см от вершины дуги выдолблены два прямоугольных отверстия (рис. 2: *2*) размерами 4 × 2,5 см, которые также располагались друг напротив друга, но были ориентированы перпендикулярно верхней плоскости детали. В 7,5 см от них по направлению к концам дуги симметрично расположены еще два прямоугольных отверстия (рис. 2: *3*) размерами 2,6 × 2 см.

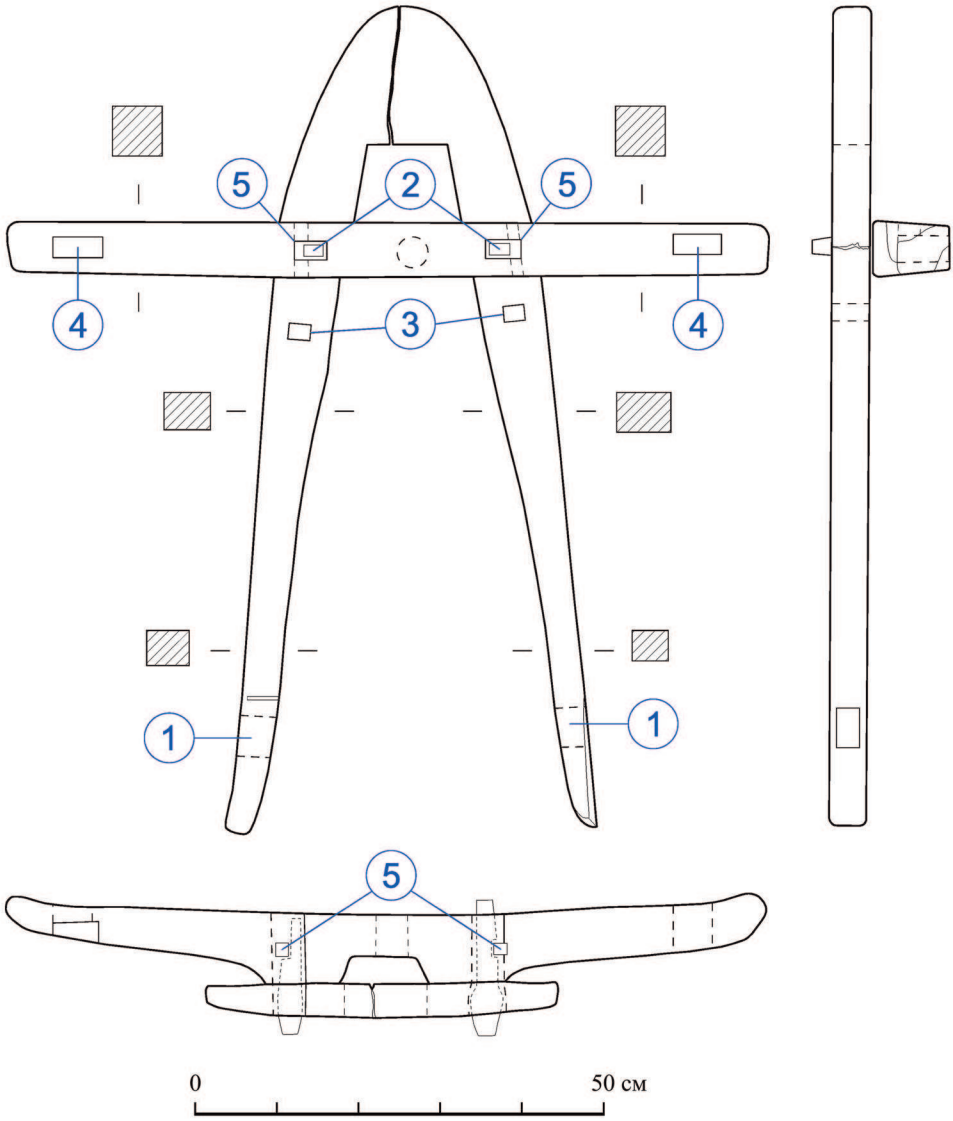


Рис. 2. Чертеж передней вилки и поворотной подушки

1 – отверстие для крепления перекладины передней вилки; *2* – отверстия для соединения штифтом передней вилки и поворотной подушки; *3* – отверстия для соединения штифтом передней вилки и осевой подушки; *4* – отверстия для крепления кузовных стоек; *5* – отверстия для дополнительного крепления штифтов

Вторая деталь располагается перпендикулярно первой и крепится к ней сверху с помощью деревянных клинышков (рис. 2: *2*). Она представляет собой прямоугольный в сечении брус со скругленными сужающимися и слегка загнутыми кверху концами и трапециевидной вырубкой снизу в средней части детали. Длина бруса составляет 94 см, ширина – 6,7 см, высота в средней части – 8,5 см, на концах – 3,7–5,5 см. На концах детали на расстоянии 5,5 см от края симметрично выдолблено два прямоугольных отверстия размерами 6 × 2,5 см (рис. 2: *4*). В середине бруса просверлено круглое отверстие диаметром 3,8 см, которое в нижней части выходило в трапециевидной вырубке. Еще два квадратных отверстия (рис. 2: *5*), размерами 1,6 × 1,6 см, были выдолблены перпендикулярно отверстию для соединительных клиньев, связывающих две детали между собой.

Благодаря аналогиям в этнографических материалах назначение этих предметов было установлено. Верхняя деталь была определена как поворотная подушка четырехколесной телеги, а нижняя – как передняя вилка, одна из частей стана повозки.

Данные детали связывают между собой стан и кузов телеги (рис. 3). Поворотная подушка в данном случае является передней опорой кузова, в ее прямоугольные отверстия на краях вертикально устанавливались кузовные стойки, служившие опорой для бортов кузова или ограничителем для груза (рис. 3: *1*). Круглое отверстие в центре использовалось для шкворня (рис. 3: *4*) – деревянного или металлического стержня, вокруг которого подвижно вращалась лисица (рис. 3: *5*) – центральная жердь, соединяющая передок и задок телеги (*Ткаченко*, 2017. С. 69–72). Шкворень испытывает при таком устройстве повышенную нагрузку с разных сторон, из-за чего он одним из первых в телеге стал изготавливаться из металла. Чтобы уменьшить давление на него, в передней оси используются дополнительные опоры, сдерживающие лисицу при поворотах (*Вийрес*, 1984. С. 97; *Lauer*, 1961. S. 29–31). Одну из таких функций выполняет передняя вилка (рис. 3: *3*).

3. Аналогии в этнографии и археологии

В этнографии Западной и Центральной Европы передняя вилка в зависимости от типа упряжки имеет, как правило, подтреугольную или трапециевидную форму и крепится на осевой подушке (рис. 2: *2, 3*; 3: *6*). Со стороны передка к концу вилки крепится дышло, а два других конца, обычно значительно выступающие за пределы передней оси, соединяются между собой поперечиной (рис. 2: *1*; 3: *10*), на которую при поворотах опирается лисица. Такая конструкция придает телеге большую стабильность и уменьшает нагрузку на шкворень, предохраняя его от поломки. Кроме того, передняя вилка позволяет дышлу свободно перемещаться по оси вверх-вниз, благодаря чему гужевое животное испытывало меньшие нагрузки при тряске от неровностей дороги. (*Вийрес*, 1984. С. 98–99).

В обнаруженной на Троицком раскопе детали поворотная подушка, передняя вилка и осевая подушка были скреплены в монолит через различные соединительные штифты, поэтому вокруг шкворня могла вращаться только лисица,

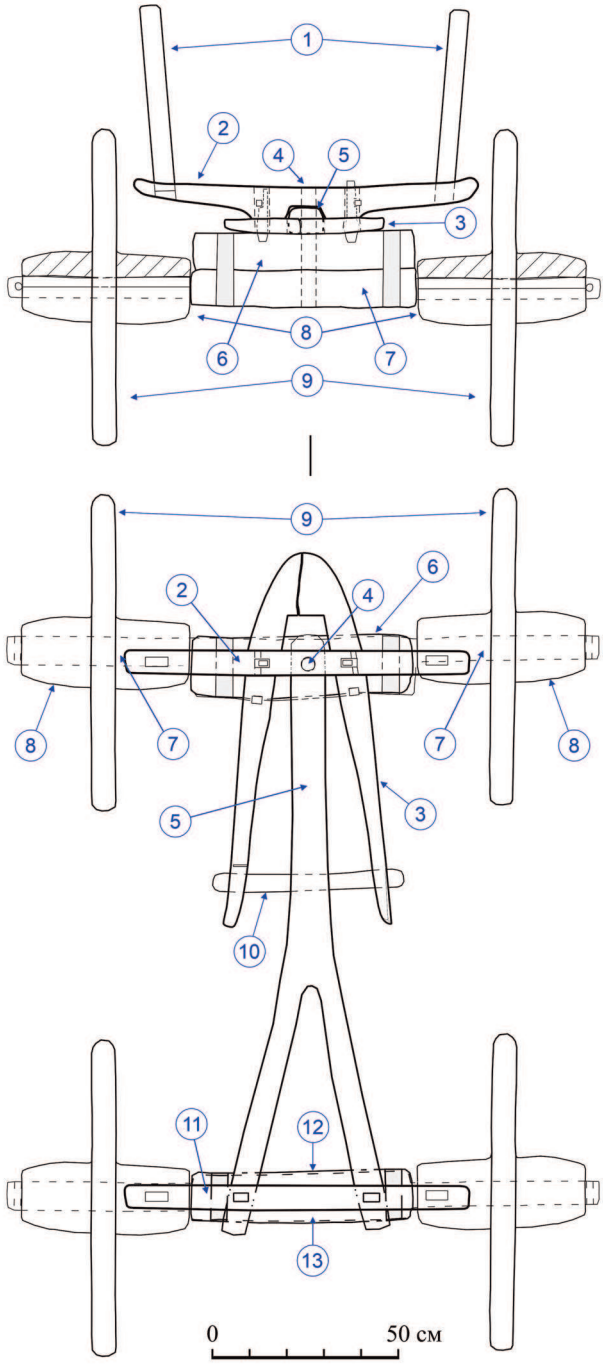


Рис. 3. Реконструкция стана и элементов кузова повозки

1 – кузовные стойки; *2* – поворотная подушка; *3* – передняя вилка; *4* – шкворень; *5* – лисица; *6* – осевая подушка; *7* – передняя тележная ось; *8* – колесные втулки; *9* – колесные ободы; *10* – перекладина передней вилки; *11* – кузовная подушка; *12* – задняя осевая подушка; *13* – задняя тележная ось

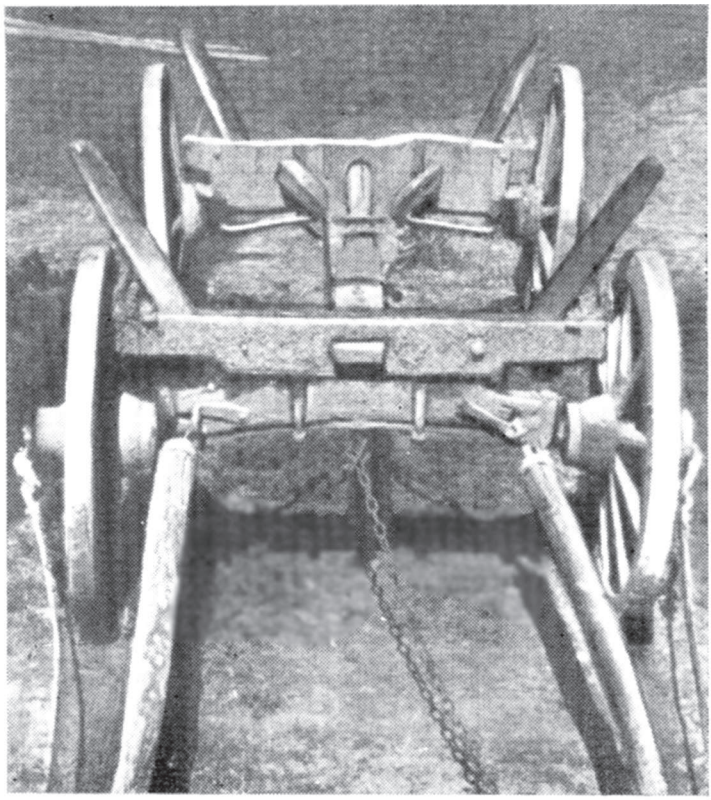


Рис. 4. Телега типа Г (D) по А. Вийресу. Салдуский район, Латвия (по: *Viires*, 1980. Fotod 104)

из-за чего угол поворота передка был значительно ограничен, а кузов не мог иметь жесткие борта.

Точных аналогий данной конструкции в сохранившихся до настоящего времени телегах обнаружить не удалось, однако ряд признаков позволяет сопоставить ее с некоторыми типами телег, выявленными в этнографии Прибалтики. Прямоугольная вырезка в месте вхождения шкворня в поворотной подушке является отличительной чертой повозок типа Г (D) по А. Вийресу, однако им не свойственны передние вилки, а тяга осуществляется при помощи оглоблей и тяжей, крепящихся к концам осей. В телегах типа В (С) по А. Вийресу тяга обычно осуществляется с помощью дышла или оглобли с передней вилкой, но лисица в таком случае крепится в осевую подушку (*Viires*, 1980. L. 158–160; *Вийрес*, 1984. С. 100–101). Таким образом, обнаруженная в Новгороде тележная деталь обладает признаками двух известных в этнографии типов повозок (рис. 4).

Вилкообразные соединения у колесных средств передвижения известны еще с эпохи бронзы. Они появляются в двухколесных повозках и колесницах с прямым дышлом, которые начали распространяться по меньшей мере с начала II тыс. до н. э. в степях Евразии и на Ближнем Востоке (*Littauer, Crouwell*, 1996.

P. 934–939; *Чечушков*, 2011. С. 57–64), затем проникли на Балканский полуостров, в Северную Африку, Индию и Китай, а к середине I тыс. до н. э. стали известны почти во всей Западной Европе (*Putschke*, 1971. S. 84–92. Karten 15–17). Следующим этапом развития стало соединение двух повозок с дышлом такого типа в одну, в результате чего образовалась четырехколесная повозка с продольной связью и двумя вилками, концы которых примыкали или незначительно выступали за оси телеги (*Вийрес*, 1984. С. 93; *Schüwer*, 1978. S. 18; *Sleeswyk*, 1987. P. 422–423). Вероятно, телеги подобной конструкции появились в Центральной и на юге Северной Европы на рубеже II–I тыс. до н. э., о чем свидетельствуют петроглифы в Бохуслене на юго-западе Швеции (*Berg*, 1935. Pl. XXVII: *2*), петроглифы Готланда и изображения на лицевых урнах Западной Пруссии – Померании. К середине I тысячелетия четырехколесные повозки с продольным соединением были известны уже на территории Южной Германии, в Италии, Франции и Испании (*Putschke*, 1971. S. 74–77), при этом исследователи отмечают ряд региональных особенностей в конструкции таких повозок (*Sleeswyk*, 1987. P. 421–422). Важной особенностью телег раннего железного века Северной и Центральной Европы стало наличие поворотного механизма, о чем свидетельствуют находки шкворней, соединяющих лисицу и осевую подушку, обнаруженные и при раскопках курганов с сожженными телегами, и в цельных повозках, как, например, в повозке I в. до н. э. из Дейбьерга (Ibid. P. 421).

Технологии создания четырехколесных транспортных средств у народов Центральной и Западной Европы в значительной степени повлияли на развитие транспортных средств в Римской Империи. Археологические и изобразительные источники этого времени, несмотря на некоторую ограниченность, позволяют прояснить некоторые технические новшества, касающиеся конструкции повозок. К ним, в частности, относится появление поворотной подушки, значительно улучшившей маневренность передка телеги, а также вынос концов передней вилки за пределы передней оси, что обеспечило поддержку лисице при поворотах и придало телеге большую устойчивость. О появлении новых деталей в конструкции свидетельствует находка повозки III в. н. э. из Сомодора в Римской Паннонии (*Hielscher*, 1969. S. 486–487).

После Великого переселения народов и с падением Римской империи значение четырехколесных повозок в Европе, по-видимому, значительно уменьшилось. Археологические и изобразительные источники, позволяющие охарактеризовать конструктивные особенности телег эпохи раннего Средневековья, чрезвычайно скудны. Единственной хорошо сохранившейся четырехколесной повозкой этого времени является норвежская повозка IX в. из Усеберга, стан которой конструктивно наследует традициям раннего железного века Северной Европы (*Grieg*, 1928. Pl. XIV; *Sleeswyk*, 1987. P. 419–420).

В средневековых западноевропейских государствах четырехколесные повозки, по-видимому, почти не использовались, уступая место двуколкам. Несколько особняком в этом плане стоит средневековый транспорт центральной Европы. Только с XIII в. в Западной Европе телеги возвращаются в широкий обиход, что подтверждается увеличением количества упоминаний этих транспортных средств в источниках (*Boyer*, 1960. P. 129–135). Кроме того, изображения XIV–XVI вв. позволяют проследить в особенности устройства стана и показывают,

что в повозки этого времени имели поворотные подушки, а передки были снабжены передней вилкой, поддерживающей лисицу (*Hielscher*, 1969. S. 490–495. Taf. III).

Этнографические материалы демонстрируют, что телеги, использующие переднюю вилку в качестве опоры лисицы и одного из элементов поворотного механизма, получили очень широкое распространение в Германии, Италии, Франции, Польше, Венгрии, Великобритании, Швеции и ряде других стран Центральной и Западной Европы (*Schüwer*, 1978. S. 17; *Lauer*, 1961. S. 34), причем на примере Германии был отмечен ряд региональных особенностей распространения передних вилок (*Schüwer*, 1978. S. 248. Karte 11).

Восточным рубежом распространения данного вида конструкции является Западная Прибалтика, где передняя вилка используется в повозках типа B (C) по А. Вийресу, известных в Западной Эстонии, на о. Сааремаа, на Курляндском полуострове и в Западной Литве (*Viires*, 1980. L. 158–160. J. 35). По мнению исследователя, данная традиция была привнесена вместе с немецкой экспансией, начавшейся в Прибалтике с XIII в (*Вийрес*, 1984. С. 103).

В современной этнографии Европейской части России телеги с передней вилкой, подпирающей лисицу, не встречаются (*Бежкович и др*., 1959. С. 210–213). Учитывая достаточно четкую региональную привязку определенных типов телег и их связь с древними традициями, продемонстрированные на примере западноевропейской и прибалтийской этнографии, уместно предположить, что новгородская деталь телеги, состоящая из передней вилки и поворотной подушки, имела не местное происхождение, а была завезена на Северо-Запад Руси извне.

Наиболее близкие аналогии поворотной подушке из Новгорода встретились на территории современной Польши (рис. 5). Одна из них была обнаружена в слое последней четверти X в. в Островке в Ополе (*Bukowska-Gedigowa, Gediga*, 1986. S. 54. Ryz. 19: *1*), еще одну подобную деталь нашли в культурных напластованиях рубежа X–XI – 40-х гг. XI в. Волина в Польском Поморье (*Filipowiak, Stanisławski*, 2013. S. 104, 107. Ryz. 63). Форма и размер этих предметов практически идентичны новгородской, при этом важно подчеркнуть, что расположение отверстий предполагает использование передней вилки в качестве опоры лисицы. Подтверждением этому служит находка деревянной передней вилки в сооружении второй четверти XI в. в Островке в Ополе (рис. 5: *3*).

О широком использовании колесных транспортных средств в Центральной Европе и Южной Балтике в VIII–XII вв. свидетельствуют также находки деревянных колес со спицами, обнаруженные на городище Берен-Любхин (*Schuldt*, 1965. S. 115. Abb. 57), в Гросс-Радене (*Szabo et al*., 1985. S. 129), Хедебю (*Hayen*, 1984. S. 251–253), Вюрт-Элизенхофе (*Szabo et al*., 1985. S. 128. Abb. 117) и Шлезвиге (*Saggau*, 2006. S. 258–259. Abb. 41: *1*). Кроме того, в Ютландии известен целый ряд камерных погребений, где в качестве одного из элементов обряда использовались деревянные повозки (*Müller-Wille*, 1976. S. 13–26).

Распространение телег в Центральной Европе подтверждают и письменные источники. Арабоязычный еврейский путешественник Ибрагим Ибн Й'акуб во время своего посещения земель западных славян в 60-е гг. X в. рассказал про использование местными князьями для поездок высоких четырехколесных

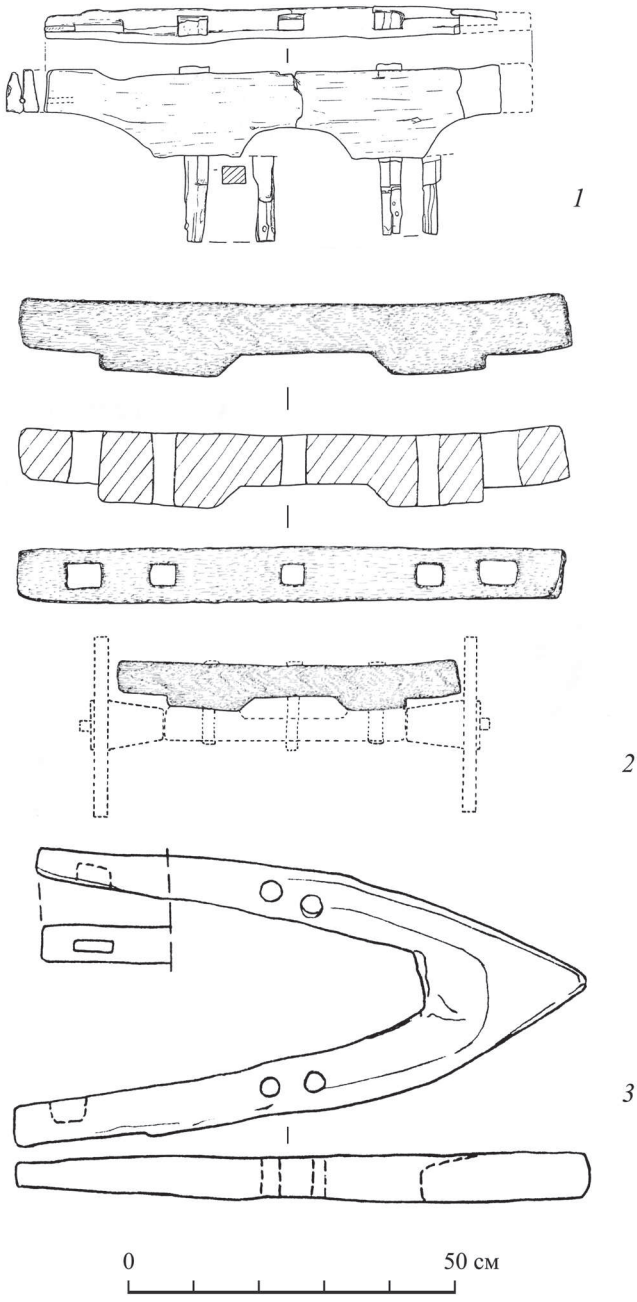


Рис. 5. Находки деталей передка телеги с территории Польши

1 – поворотная подушка, Островок в Ополе (по: *Bukowska-Gedigowa, Gediga*, 1986. S. 54. Ryz. 19: *1*); *2* – поворотная подушка, Волин (по: *Filipowiak, Stanisławski*, 2013. S. 107. Ryz. 63); *3* – передняя вилка, Островок в Ополе (по: *Bukowska-Gedigowa, Gediga*, 1986. S. 107. Ryz. 39: *1*)

телег, а также отметил, что подобные телеги применялись для перевозки раненых и больных (цит. по: *Hielscher*, 1969. S. 490).

Таким образом, совокупность имеющихся свидетельств говорит о вероятно неместном характере конструкции телег с поворотной подушкой и передней вилкой. По-видимому, источник данной традиции в верховьях Волхова следует искать в Центральной Европе и на южном побережье Балтийского моря, что подтверждают синхронные прямые аналогии новгородской находке. Повозки Скандинавии того же времени в своей конструкции наследуют традициям раннего железного века Северной Европы и сильно отличаются от повозок Центральной Европы, поэтому данный регион вряд ли может являться источником традиции изготовления телег на Северо-Западе Руси.

Важно подчеркнуть, что поворотная подушка и передняя вилка с Троицкого раскопа является одной из наиболее ранних находок деталей колесного транспорта на территории Древней Руси в целом. Кроме нее, в слоях XI в. известны два деревянных колеса (*Колчин*, 1968. С. 51; *Дубровин*, 2000. С. 146) и тележная ось (*Янин и др.*, 2007. С. 12). Из более поздних слоев известны только три тележные оси начала – середины XII в., происходящие также с Троицкого раскопа (*Дубровин*, 2000. С. 146–147). В последующие столетия детали повозок в Новгороде неизвестны. По-видимому, это связано с тем, что санный транспорт являлся более универсальным средством передвижения и перевозки грузов на Северо-Западе Руси в эпоху Средневековья (*Васильев*, 2007. С. 13–17, 72) и полностью вытеснил собой колесный транспорт.

4. Реконструкция задка и бортов телеги

Обнаруженная на Троицком раскопе поворотная подушка и передняя вилка позволяют в целом получить представление о конструкции передней части телеги. В соответствии с типологией четырехколесных транспортных средств, разработанной А. Вийресом по материалам Прибалтики, в качестве ключевых для анализа конструкции моментов он предложил выделять: а) форму продольного соединения телеги и способ управления задней частью; б) местоположение поворотной точки колесного передка; в) наличие/отсутствие поворотной подушки и способ крепления лисицы к передку; г) способ крепления средств тяги телеги и способ управления передком (*Вийрес*, 1984. С. 95, 96. Рис. 2).

Конструкция продольного соединения и способ крепления задка у телег эпохи Средневековья отличаются предельным однообразием. У всех известных цельных четырехколесных повозок лисица представляла собой длинную жердь с развилкой, т. н. тройню, концы которой наглухо крепились внасад с помощью колышков (Там же. С. 95–96). Под насадом задка и под передней вилкой передка симметрично крепились осевые подушки (рис. 3: *12*), к которым снизу лопастями примыкали тележные оси (рис. 3: *13*) (*Ткаченко*, 2017. С. 69–70). Поверх насада крепилась кузовная подушка (рис. 3: *11*), которая по форме была похожа на поворотную подушку и располагалась с ней на одном уровне. В отверстиях на концах кузовной и поворотной подушки под небольшим углом крепились кузовные стойки, являвшиеся основой для бортов телеги (Там же. С. 71–74).

Реконструкция бортов новгородской телеги представляет наибольшую сложность. Наиболее вероятным являлось использование этой телеги без бортов. Однако по материалам этнографии известно несколько типов кузовов, которые находят отражение в том числе и в средневековых источниках. Одним из самых распространенных являлся решетчатый кузов из наклонно установленных на кузовные стойки лесенок с прямоугольными или фигурными ступеньками. Изображение подобных телег сохранилось на гобелене из Байе (*Barral i Altet, Bates*, 2020. S. 191), а также на некоторых средневековых миниатюрах (*Hielscher*, 1969. Taf. III. Abb. 7; *Viires*, 1980. L. 195). А. Вийрес отмечает широкое бытование этого типа конструкции кузова у поворотных телег типа Б(В) и В(С) Западной Прибалтики и Западной Европы (*Viires*, 1980. L. 194–198). По-видимому, данный способ формирования бортов должен рассматриваться как наиболее предпочтительный для новгородской повозки.

Также известен кузов типа короба, который делался из досок, уложенных горизонтально на кузовные стойки (*Ткаченко*, 2017. С. 74). Подобная конструкция известна как в этнографии среди повозок для перевозки навоза, песка, гравия и пр. (*Viires*, 1980. L. 196. Foto 95, 98a), так и по средневековым источникам, примером чему служит изображение телеги на Магдебургских вратах XII в. в Новгороде (Магдебургские врата Новгородского Софийского собора AR0187-1-10 – https://rssda.su/auxil/ar0187-1-10.html). Однако использование такого кузова в новгородской повозке выглядит маловероятным, поскольку в таком случае она теряет мобильность.

ЛИТЕРАТУРА

Бежкович А. С., Жегалова С. К., Лебедева А. А., Просвиркина С. К., 1959. Хозяйство и быт русских крестьян. Памятники материальной культуры. М.: Советская Россия. 326 с.

Васильев М. И., 2007. Русские сани: историко-этнографическое исследование. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого. 364 с.

Вийрес А. О., 1984. Принципы типологии европейских крестьянских телег (на основе материала Советской Прибалтики) // Типология основных элементов традиционной культуры / Отв. ред.: М. В. Крюков, А. И. Кузнецов. М.: Наука. С. 91–105.

Дубровин Г. Е., 2000. Водный и сухопутный транспорт средневекового Новгорода X–XV вв. М.: Старый сад. 445 с.

Колчин Б. А., 1968. Новгородские древности. Деревянные изделия. М.: Наука. 183 с. (САИ; вып. Е1-55.)

[Магдебургские врата Новгородского Софийского собора]. AR0187-1-10 [Электронный ресурс]. URL: https://rssda.su/auxil/ar0187-1-10.html (дата обращения: 01.04.2024).

Рыбина Е. А., Покровская Л. В., Сингх В. К., Степанов А. М., Тянина Е. А., 2020. Усадьба «Ж» в Людином конце средневекового Новгорода (опыт комплексного исследования) // Новгородский исторический сборник. Вып. 19 (29). Великий Новгород. С. 44–65.

Ткаченко И. М., 2017. Наземные средства передвижения // Система научного описания музейного предмета: классификация, методика, терминология: справочник: в 2 кн. Кн. 2. Методики научного описания тематических групп музейных предметов / Отв. ред. И. И. Баранова. СПб.: Рос. этнограф. музей. С. 41–93.

Чечушков И. В., 2011. Колесницы евразийских степей эпохи бронзы // ВААЭ. № 2 (15). С. 57–65.

Янин В. Л., Рыбина Е. А., Покровская Л. В., Сингх В. К., Степанов А. М., Тянина Е. А., 2015. Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2014 г. (Троицкие раскопы: XIII-Г, Г-1 и XV) // ННЗ. Вып. 29. Великий Новгород. С. 51–65.

Янин В. Л., Хорошев А. С., Рыбина Е. А., Сорокин А. Н., Степанов А. М., Покровская Л. В., 2007. Работы в Людином конце Великого Новгорода (Троицкие XIII и XIV раскопы) // НИЗ. Вып. 21. Великий Новгород. С. 5–12.

Barral i Altet X., Bates D., 2020. La tapisserie de Bayeux. Commentaires. Paris: Citadelles & Mazenod. 256 p.

Berg G., 1935. Sledges and wheeled vehicles. Ethnological studies from the view-point of Sweden. Stockholm: Almqvist & Wiksells. 190 p.

Boyer M. N., 1960. Medieval Pivoted Axles // Technology and Culture. Vol. 1. № 2. P. 128–138.

Bukowska-Gedigowa J., Gediga B., 1986. Wczesnośredniowieczny gród na Ostrówku w Opolu. Wroclaw; Warszawa; Krakow: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk. 368 s.

Filipowiak W., Stanisławski B., 2013. Przez most do przeszłości – badania wykopaliskowe w dzielnicy Ogrody // Wolin wczesnośredniowieczny. Część 1 / Red.: B. Stanisławski, W. Filipowiak. Warszawa: Trio. S. 65–189. (Origines Polonorum; t. VI.)

Grieg S., 1928. Kongsgaarden // Osebergfundet. Bd. II / Eds.: A. W. Bragger, H. Schetelig. Oslo: Universitets Oldsaksamlung. S. 1–288.

Hayen H., 1984. Der Landtransport: Wagenreste aus Haithabu // Archäologische und naturwissenschaftliche Untersuchungen an ländlichen und frühstädtischen Siedlungen im deutschen Küstengebiet vom 5. Jahrhundert v. Chr. bis zum 11. Jahrhundert n. Chr. Vol. 2 / Eds.: H. Jankuhn, G. Kossack. Weinheim: Acta Humaniora. S. 251–253.

Hielscher K., 1969. Inwieweit haben die eurasischen Hirtenvölker und die Slawen den lenkbaren Wagen beeinflußt // Zeitschrift für Ostforschung. Heft 3. S. 482–496.

Lauer H., 1961. Die Ackerfahrzeuge Nordwestdeutschlands: Inaugural-Dissertation. Frankfurt am Main. 104 S.

Littauer M. A., Crouwel J., 1996. The origin of the true chariot // Antiquity. Vol. 70. P. 934–939.

Müller-Wille M., 1976. Das Wikingerzeitliche Gräberfeld von Thumby-Bienebek – Kr. Rendsburg Eckenförde. Teil I. Neumünster: Wachholtz. 64 S., 40 Taf. (Offa – Bücher; Bd. 36.)

Putschke W., 1971. Sachtypologie der Landfahrzeuge. Ein Beitrag zu ihrer Entstehung, Entwicklung und Verbreitung. Berlin; New York: Walter de Gruyter. 220 S.

Saggau H. E., 2006. Gehauene und geschnitzte Holzfunde aus dem mittelalterlichen Schleswig // Holzfunde aus dem mittelalterlichen Schleswig / Eds.: H. Gräfin von Schmettow, V. Vogel. Neumünster: Wachholtz. S. 199–304.

Schuldt E., 1965. Behren-Lübchin. Eine spätslawische Burganlage in Mecklenburg. Berlin: Akademie-Verlag. 157 S. 93 Taf.

Schüwer H., 1978. Wortgeographische und etymologische Untersuchungen zur Terminologie des Ackerwagens. Wagenarme und Langbaum im Westniederdeutschen. Köln; Wien: Böhlau. 326 S. 3 Karten.

Sleeswyk A. W., 1987. A Scandinavian wagon construction // Antiquity. Vol. 61. P. 416–422.

Szabo M., Grenander-Nyberg G., Myrdal J., 1985. Die Holzfunde und Lederfunde aus der frühgeschichtlichen Wurt Elisenhof. Frankfurt am Main: Peter Lang. 278 S. 78 Taf. 5 Karten. (Studien zur Küstenarchäologie Schleswig-Holstein. Serie A; Bd. 5.)

Viires A., 1980. Talurahva veovahendid. Baltimaade rahvapäraste põllumajanduslike veokite ajalugu. Tallin: Valgus. 272 l.: ill.

Сведения об авторах

Гринев Андрей Михайлович, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41, Великий Новгород, 173003, Россия; e-mail: amgrinev@mail.ru

Сингх Виктор Кашмирович, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ломоносовский пр., 27, к. 4, Москва, 119192, Россия; e-mail: arxeolog@gmail.com

A. M. Grinev, V. K. Singh

THE WOODEN COMPONENT OF THE 11th CENTURY CART FROM EXCAVATIONS IN VELIKIY NOVGOROD

Abstract. In 2014 a wooden artefact was found in the Troitsky excavation trench in a layer dating back to the early 11th century in Velikiy Novgorod. Based on ethnographic analogies, this wooden component was identified as a cart turning mechanism and a front fork. In the Northwest of Medieval Rus this is the first find of this kind, which enabled the researchers to use a holistic approach for reconstructing the body of four-wheeled vehicles. The closest parallels come from Polish Pomerania and Silesia, similar items are also found among ethnographic materials in Central Europe and the Baltic region. These data suggest non-local origin of this cart in early Novgorod. The technical design of this cart shows a number of archaic features inherited from the earliest turning mechanisms in the wheeled transport; these features substantially reduced mobility of such vehicles in narrow urban streets. This find adds substantially to our knowledge on the use of carts in the Novgorod region in the medieval period.

Keywords: medieval Novgorod, Troitsky excavation trench, four-wheeled carts, turning mechanism, Polish Pomerania, reconstruction of transportation vehicles.

REFERENCES

Bezhkovich A. S., Zhegalova S. K., Lebedeva A. A., Prosvirkina S. K., 1959. Khozyaystvo i byt russkikh krest'yan. Pamyatniki material'noy kul'tury [Economy and everyday life of Russian peasants. Monuments of material culture]. Moscow: Sovetskaya Rossiya. 326 p.

Chechushkov I. V., 2011. Kolesnitsy evraziyskikh stepey epokhi bronzy [Chariots of Eurasian steppes in the Bronze Age]. *VAAE*, 2 (15), pp. 57–65.

Dubrovin G. E., 2000. Vodnyy i sukhoputnyy transport srednevekovogo Novgoroda X–XV vv. [Water and land transport of medieval Novgorod in X–XV cc.]. Moscow: Staryy sad. 445 p.

Kolchin B. A., 1968. Novgorodskie drevnosti. Derevyannye izdeliya [Novgorodan antiquities. Wooden items]. Moscow: Nauka. 183 p. (SAI.)

Magdeburgskie vrata Novgorodskogo Sofiyskogo sobora. AR0187-1-10 (Elektronnyy resurs) [Magdeburg gates of the Novgorod St. Sophia Cathedral. AR0187-1-10 (Electronic resource)]. URL: https://rssda.su/auxil/ar0187-1-10.html

Rybina E. A., Pokrovskaya L. V., Singkh V. K., Stepanov A. M., Tyanina E. A., 2020. Usad'ba «Zh» v Lyudinom kontse srednevekovogo Novgoroda (opyt kompleksnogo issledovaniya) [Townsplot «Zh» in the Lyudin end of medieval Novgorod (experience of comprehensive study)]. *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik [Novgorod historical collection]*, 19 (29). Velikiy Novgorod, pp. 44–65.

Tkachenko I. M., 2017. Nazemnye sredstva peredvizheniya [Lnad means of transportation]. *Sistema nauchnogo opisaniya muzeynogo predmeta: klassifikatsiya, metodika, terminologiya [System of scientific description of a museum object: classification, methodology, terminology], 2. Metodiki nauchnogo opisaniya tematicheskikh grupp muzeynykh predmetov [Methods of scientific description of thematic groups of museum objects]*. I. I. Baranova, ed. St. Petersburg: Rossiyskiy etnograficheskiy muzey, pp. 41–93.

Vasiliev M. I., 2007. Russkie sani: istoriko-etnograficheskoe issledovanie [Russian Sleigh: a historical and ethnographic study]. Veliky Novgorod: Yaroslav Mudryy Novgorod state university. 364 p.

Viires A. O., 1984. Printsipy tipologii evropeyskikh krest'yanskikh teleg (na osnove materiala Sovetskoy Pribaltiki) [Principles of typology of European peasant carts (based on material from Soviet Baltic states)]. *Tipologiya osnovnykh elementov traditsionnoy kul'tury [Typology of main elements of traditional culture]*. M. V. Kryukov, A. I. Kuznetsov, eds. Moscow: Nauka, pp. 91–105.

Yanin V. L., Khoroshev A. S., Rybina E. A., Sorokin A. N., Stepanov A. M., Pokrovskaya L. V., 2007. Raboty v Lyudinom kontse Velikogo Novgoroda (Troitskie XIII i XIV raskopy) [Works in Lyudin

end of Veliky Novgorod (Troitskiy XIII and XIV excavation trenches)]. *NNZ*, 21. Velikiy Novgorod, pp. 5–12.

Yanin V. L., Rybina E. A., Pokrovskaya L. V., Singkh V. K., Stepanov A. M., Tyanina E. A., 2015. Raboty v Lyudinom kontse Velikogo Novgoroda v 2014 g. (Troitskie raskopy: XIII-G, G-1 i XV) [Works in Lyudin end of Veliky Novgorod in 2014. (Troitskiy excavation trenches: XIII-G, G-1 and XV)]. *NNZ*, 29. Velikiy Novgorod, pp. 51–65.

About the authors

Grinev Andrey M., Yaroslav the Wise Novgorod State University, ul. Bolshaya Sankt-Peterburgskaya, 41, Velikiy Novgorod, 173003, Russian Federation; e-mail: amgrinev@mail.ru

Singh Viktor K., Lomonosov Moscow State university, Lomonosovskiy prosp., 27, bld. 4, Moscow, 119192, Russian Federation; e-mail: arxeolog@gmail.com

К. И. Панченко

ПОЛИВНЫЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ ЧАШКИ ИЗ РАСКОПОК 2019–2021 гг. В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ

Резюме. В статье дано описание найденных во время раскопок в Московском Кремле поливных керамических чашек (елейниц). Сосуды были обнаружены в слоях усадебной застройки середины – последней четверти XV в. В первую очередь отмечается бытовой, а не ритуальный характер чашек. Даются их морфологические и технологические характеристики. Особое внимание уделено чашке с уникальным штампованным декором на поверхности изделия. Рассматривается один из возможных вариантов символического значения изображенного на этом сосуде хищного зверя.

Ключевые слова: Московский Кремль, поливные керамические чашки, рельефный декор, изображение хищного зверя.

Во время проведения археологических исследований на территории Московского Кремля в Большом Кремлевском сквере было найдено пять поливных керамических чашек, которые в археологических публикациях чаще называют елейницами или слезницами[1]. Последнее связано с тем, что в целом виде подобные сосуды в первую очередь известны как погребальный инвентарь. На обломки чашек, которые попадались в культурных слоях, связанных исключительно с усадебной застройкой, обычно не обращали особого внимания и стандартно записывали их в погребальные сосуды. Примеров тому немало в Москве (*Векслер и др*., 2016. С. 108, 489, 490; *Коваль*, 2018. С. 427–428), Подмосковье (селище Мякинино-2[2]), Коломне (*Черкасов*, 2004. С. 196–197), Твери (*Романов, Романова*, 2007. С. 261–263), Казанском ханстве (*Коваль*, 2017. С. 52, 55). Постоянно растущее число поливных чашек, найденных вне погребального контекста, позволяет уверенно говорить о том, что по своему основному назначению они

[1] Автор выражает большую благодарность руководителям раскопок Н. А. Макарову, В. Ю. Ковалю, Р. Н. Модину за предоставленные для публикации материалы.

[2] Сведения любезно предоставлены автором раскопок В. Ю. Ковалем.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.275.406-415

никак не были связаны с похоронным ритуалом. Эта функция для них вторична. Фактически поливные чашки были посудой, использовавшейся в первую очередь в быту. Точно так же, как появившиеся в Новое время фарфоровые и фаянсовые чайные чашки[3], которые оставляли в захоронениях Нового времени (*Беляев*, 2012. С. 150–159; *Алексеев*, 2005. С. 19–23; *Воробьева, Калыгина*, 2013. С. 284–285).

Все найденные в Большом Кремлевском сквере чашки происходят из слоев, отложившихся на территории усадеб в середине – последней четверти XV в. Доля указанных сосудов в этих слоях составляла не менее десятой части среди всей глазурованной посуды, включая импорт, а среди только русской поливной посуды процент увеличивается более чем на треть. Соотношение чашек из красножгущихся и беложгущихся глин было 3:2.

На подоле Московского Кремля в постройках второй половины XV в. доля поливных чашек составляла только пятую часть среди русской глазурованной керамики, а белоглиняных сосудов не было совсем (*Коваль*, 2018. С. 428). Таким образом, количество и разнообразие видов в группе поливных чашек в Большом сквере больше, чем на подоле Московского Кремля. Данное обстоятельство может говорить о том, что владельцы усадеб к востоку от Архангельского собора могли себе позволить больший выбор редких керамические сосудов.

Две белоглиняные чашечки с кольцевыми поддонами из Большого Кремлевского сквера достаточно типичны (подтип 2а) среди подобного вида сосудов, найденных в Москве (*Панченко*, 2022. С. 406, 408). Обе сформованы из светложгущихся глин с примесью мелкого песка и равномерно обожжены. Толщина стенок – 4–5 мм. Полива зеленая полупрозрачная, в основном не очень хорошего качества: потрескавшаяся, патинированная, местами отслоилась. Параметры одного сосуда с рифленым декором поверхности можно определить полностью: высота – 3,7 см, диаметр венчика – 5,2 см, диаметр кольцевого поддона – 2,8 см, объем – 27 мл (рис. 1: *3*). Второй сосуд сохранился не на всю высоту, но близок по характеристикам к первому: диаметр поддона – 2,4 см, приблизительный объем – не более 35 мл (рис. 1: *4*). На внутренней поверхности этой чашечки сохранился коричневатый налет на глазурном покрытии. Поскольку анализ этого налета пока не сделан, какие-либо заключения о его характере довольно затруднительны. Такого маленького объема чашечки, по-видимому, использовались в быту для каких-то дорогих жидкостей или как лампадки с оливковым маслом.

О месте производства белоглиняных поливных чашек пока ничего нельзя сказать достаточно определенно. На сегодняшний день большое количество обломков таких сосудов найдено в Твери в слоях конца XIV – XV в. Однако эти чашки имеют важное отличие от московских: ни на одном сосуде не выявлен декор в виде рифления. Большинство из них украшены линейным или штампованным орнаментом, иногда сочетанием того и другого (*Романов, Романова*, 2007. С. 261–263). Все московские сосуды не имеют такого орнамента, за исключением одного с тремя полосами линейного орнамента и оттиском китовраса на внутренней поверхности дна (*Воронин, Рабинович*, 1963. С. 262). Последний

[3] Это замечание относится также ко всем другим формам бытовых сосудов, которые использовали при погребальном обряде.

Рис. 1. Поливные керамические чашки середины – второй половины XV в.
1, 2 – красноглиняные; *3, 4* – белоглиняные

вполне мог быть привезен из Твери. Наиболее вероятным гончарным центром производства таких изделий могла быть Коломна, где была развита технология обработки беложгущихся глин и найдены такие сосуды (*Черкасов*, 2004. С. 196). В то же время самое большое число поливных белоглиняных чашек с подобной профилировкой и орнаментацией происходит из московских керамических комплексов. Данный факт не позволяет полностью исключить изготовление небольших партий эксклюзивной поливной посуды приезжими мастерами или местными из привозной глины непосредственно в Москве, где находились основные потребители такой продукции.

С большей уверенностью можно говорить о производстве московскими гончарами красноглиняных чашек, обломки которых найдены в Большом Кремлевском сквере. Такая мысль уже высказывалась другими исследователями (*Розенфельдт*, 1968. С. 48–49; *Коваль*, 2018. С. 427–428). Единственным аргументом в пользу этого предположения до сих пор является только большое количество подобных сосудов в городе. Один из найденных обломков с зеленой поливой и рифленым декором поверхности относится к достаточно распространенному типу сосудов (рис. 1: *1*). Скорее всего, это фрагмент от чашки с кольцевым поддоном (тип 1). Ее технологические характеристики такие же, как и у других подобных изделий (*Панченко*, 2022. С. 406). Приблизительный объем сосуда – около 500 мл.

По-видимому, к поливным чашкам типа 1 можно отнести еще один некрупный обломок (рис. 1: *2*). По черепку понятно, что это был открытый сосуд,

покрытый со всех сторон зеленой поливой с расширяющимися к верху стенками. Диаметр тулова в нижней части – около 90 мм. В результате пребывания изделия в пожаре полива на поверхности вспучилась. Сосуд был изготовлен из красножгущейся глины с примесью мелкого песка. По причине сильных повреждений от огня следы ангоба на черепке не прослеживаются. Придонная часть изделия украшена двумя прочерченными параллельно линиями, под которыми идет ряд каплевидных штампов. Среди московской посуды XIV–XV вв. подобный орнамент пока неизвестен. Очень похожим штампом декорировали тверские поливные сосуды, но все они сформованы из беложгущихся глин (*Романова*, 2009. С. 318–319, 326–327). Вполне возможно, что найденная чашка была изготовлена тверским гончаром в Москве или мастером из другого региона, который владел техникой такого декора.

Особого внимания заслуживает красноглиняная поливная чашка с уникальным штампованным орнаментом (рис. 2). Сосуд попал в огонь и разбился, его обломки лежали достаточно компактно. К сожалению, удалось собрать не все фрагменты, но склеился полный профиль изделия для получения целостного представления о нем. Чашку нашли в слое пожара, который датируется не позже последней трети XV в.

Сосуд имеет форму обычной московской поливной чашки с кольцевым поддоном, изготовлен из красножгущейся глины с примесью мелкого окатанного песка. Черепок на изломе красный, за исключением внешней и внутренней поверхностей, которые имеют светло-серый цвет. Последнее является последствиями пребывания чашки в пожаре. Следов ангоба визуально не видно. Полива светло-зеленого или оливкового цвета отслоилась на большей части поверхности сосуда. Высота сосуда – 8,6 см, диаметр – венчика 12,7 см, диаметр поддона – 7,4 см, объем – порядка 650 мл. Это самая большая по объему керамическая поливная чашка среди найденных в Москве.

Чашка богато украшена изображениями, которые выдавлены на сырой глиняной поверхности, а потом покрыты поливой. Важно подчеркнуть, что глазурное покрытие нанесено равномерно и не искажает контуры рисунков. Каждый рисунок оттискивался отдельно. Все они не выступают из основного фона, но и не углубляются в него, т. е., по существу, это койланаглиф (т. е. изображение, достигнутое углублением фона, причем не только узкими линиями, но и более широкими полями). Отпечатки сделаны весьма тщательно и расположены очень ровно на поверхности чашки с соблюдением четкого порядка. В целом характер нанесения изображений свидетельствует о высоком профессионализме гончара, который сделал эту чашку.

Декором покрыта вся центральная зона внешней поверхности сосуда, всего нанесено три ряда изображений. Нижняя группа – однотипные оттиски зверя, разделенные двумя концентрическими окружностями (символическая луна). Средний ряд – одинаковые бородатые личины, между которыми изображен солярный символ, похожий на шестеренку. Выше опять повторяются звери из нижнего ряда, а между ними поверху идут символические «цветы», показанные в виде двух прямых уголков, вершины которых направлены в противоположные стороны.

Отдельно следует отметить, что цепочки изображений не имеют четко выраженного линейно-горизонтального разделения между собой. В то же время,

Рис. 2. Красноглиняная поливная чашка со штампованным орнаментом второй половины XV в.

помимо горизонтальных рядов, присутствует строгая вертикальная структура, где чередуются две линии рисунков. Первая – вверху и внизу оттиски зверя, между ними солнце. Вторая линия – внизу луна, в середине личина, наверху «цветок».

Зверь на штампах изображен с приподнятым кверху задом, т. е. как бы спускающимся вниз по склону. Его голова смотрит вперед, пасть раскрыта, язык высунут, одна передняя лапа поднята вверх и согнута под острым углом. Вторая передняя лапа согнута почти под прямым углом, задние лапы чуть изогнуты. На лапах хорошо видно по три когтя, расположенных в ряд. Уши и пасть показаны как парные равнобедренные треугольники. Хвост вертикально поднят вверх, разделяется на три части и приобретает форму распустившегося цветка. Процветший хвост не просто орнаментальная деталь: по представлениям европейских народов, сила животного заключена именно в хвосте (*Макарова*,

1986. С. 19). Позади животного небольшая точка. Сам зверь вписан в розетку наподобие цветка с восемью неправильными лепестками. Размер розетки – 10 × 13 мм. В целом, несмотря на всю спорность подобных образов, этот зверь ближе всего по виду к волку или собаке, чем к другим хищникам.

Мужское лицо на оттиске показано в фас. Прическа дана условно в виде двух одинаковых дуг, расходящихся от макушки головы, далее переходящих в контур лица и подбородка. Глаза листовидные с округлыми зрачками. Брови даны вместе с верхним краем глаза и переходят в очертания носа. Он переходит в усы, с едва отпечатанными точками волос. Рот с растянутыми до краев лица губами чуть приоткрыт. Небольшая аккуратная борода показана частыми штрихами.

Все известные на сегодняшний день керамические сосуды со сложным рельефным декором имеют разную степень отличия от изображений на московской чашке, но прямых аналогов им пока нет. Находки поливной керамики на селище Мякинино-2, в Коломне (*Коваль*, 2021. С. 167), Пскове (*Сергина*, 1982. С. 103–105) украшены совершенно в другой технике (барельефные оттиски) и ином стиле (сюжетные композиции). Наиболее близкими по стилю и технологии являются тверские изделия, на них есть штампы с разными фантастическими существами в округлых или прямоугольных рамках, в сочетании с растительным орнаментом, которые покрывали почти всю внешнюю поверхность кувшинов. Единственные на сегодняшний день отпечатки похожего хищного зверя на поливных сосудах также обнаружены в Твери, но они все-таки отличаются от оттисков зверя из Москвы. Если московский хищник условно ближе к реальному, то тверской больше напоминает мифическое животное. Следует также подчеркнуть, что на тверских белоглиняных чашках на данный момент оттиски рисунков известны только на донцах (*Романова*, 2009. С. 314–330). Таким образом, сосуд со штампованным декором из Московского Кремля вполне мог сделать мастер из Москвы или ее округи.

Рассмотрение смыслового значения образов, помещенных на московской чашке, относится к разряду дискуссионных и требует отдельной публикации. Тем не менее на некоторых моментах и возможной из многих версии объяснения отображенных на московском сосуде штампов стоит остановиться. Одним из периодов популярности оттисков хищного зверя на разных вещах можно считать XIV–XVI вв. Помимо уже упоминавшихся поливных сосудов, схематически близкие изображения хищников известны на костяных печатях-матрицах (*Полубояринова*, 1983. С. 95–96; *Анкудинов*, 2019. С. 69), перстнях-печатках (*Нелюбов*, 2002. С. 4–5), актовых печатях (*Янин*, 1970. № 432, 452–453, № 717–719, № 736, № 765), монетах (*Гайдуков*, 1993. № 195–201, 398, 413–414, 419; *Толстой*, 1885. С. 94–129), накладках (*Травкин, Хухарев*, 1999. С. 141; *Гайдуков*, 1992. С. 98). В большом ряду этих символов более всего сходны по сюжетной схеме псковские монеты. Некоторые из них почти повторяют оттиски на сосуде: на лицевой стороне поясное изображение князя анфас с венцом на голове и мечом, на оборотной стороне зверь в такой же позе и также с точкой позади (*Толстой*, 1885. № 541, 548). Даже очень беглый взгляд свидетельствует о распространенности образа лютого зверя среди изделий, относящихся к властным структурам, и лиц, обладающих каким-либо управленческим статусом. Такое особое внимание к хищникам как знакам власти, воинской доблести и защитникам

от зла, вполне закономерно. Среди этих изображений, скорее всего, должен быть волк или волкоподобное животное, на символическое значение которого хотелось бы обратить особое внимание.

Волк в славянской культуре связан с определенным знаковым рядом ассоциаций и мифологических функций. Этот хищник относится одновременно к верхнему и нижнему миру, выполняя функции посредника между тем и этим светом. Согласно легендам, черт слепил волка, а Бог его оживил. Он является спутником святого Георгия и по велению Бога истребляет чертей. Вместе с тем образ волка тесно связан с собакой и отчасти растворяется в других близких по функциям хищниках (ворон, рысь, медведь, змея). По некоторым поверьям, волчица после пяти родов становится рысью (*Гура*, 1995. С. 103–104). Возможно, вследствие слияния образа волка с другими хищниками столь сложно отделить его изображение от других лютых зверей. Многогранность этого хтонического животного проявляется в связи с солнцем или солнечным божеством. По славянским понятиям, человек, превращающийся в волка, съедает солнце или луну при затмении (*Иванов, Топоров*, 1994. С. 243). Мифологизированные персонажи русских сказаний – Волх Всеславьевич, Вольга Святославович, князь XI в. Всеслав Полоцкий – обладали волшебным свойством превращаться в волка и чудесной силой и храбростью (*Иванов, Топоров*, 1995. С. 108–110). В представлениях многих народов волк является символом предводителя военной дружины, а сама дружина – волчьей стаей (*Иванов*, 1994. С. 242).

На сосуде из Московского Кремля зверь, возможно, похожий на волка, показан в двух ипостасях, как существо-посредник, принадлежащее подземному и небесному миру. Отчетливо выделена его связь с солярными и лунными символами. В то же время присутствует указание на непосредственное отношение к человеку или мифическому герою. В целом, несмотря на всю неоднозначность образа зверя на средневековых изделиях, содержание оттисков на керамической чашке может отображать сюжет, связанный с мифическим волком и неким персонажем, который обладает силой, властью и, вероятно, оборотническими свойствами. Мир средневековых символов жил и развивался под влиянием соответствующих своему времени идеологических представлений о мироздании, власти и силе. Эти представления, по-видимому, старался отразить гончар в оттисках на уникальной поливной глиняной чашке.

Керамические сосуды со сложным рельефным украшением поверхности в средневековое время, несомненно, относились к эксклюзивной категории вещей. По всей вероятности, поливная чашка со штампованным декором из Московского Кремля была изготовлена по специальному заказу высокопрофессиональным мастером, и владел ею человек, обладавший высоким статусом в средневековом обществе.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А. В., 2005. Описание охранных археологических исследований на участке восстановления храма Вознесения Господня в г. Звенигороде в 2004 г. // Охранные исследования церкви Вознесения Господня на Нижнем посаде Звенигорода / Ред.-сост. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 10–24. (Тр. Подмосковной экспедиции ИА РАН; т. 3.)

Анкудинов И. Ю., 2019. Новгородские восковые печати XIV–XV вв.: материалы к каталогу // Новгородский архивный вестник. № 15. Великий Новгород. С. 56–71.
Беляев Л. А., 2012. Некрополь Данилова монастыря в XVIII–XIX веках: историко-археологические исследования (1983–2008). М.: ИА РАН. 504 с.
Векслер А. Г., Кондрашев Л. В., Беркович В. А., Гусаков М. Г., Генинг В. В., 2016. Москва. Раскопки на Великом посаде. Московская керамика по материалам исследований. М.: Департамент культурного наследия города Москвы. 496 с.
Воробьева Е. Е., Калыгина Ж. С., 2013. Погребальная посуда Тихвинского некрополя г. Царевококшайска: предварительные итоги изучения // ПА. № 2 (4). С. 279–290.
Воронин Н. Н., Рабинович М. Г., 1963. Археологические работы в Московском Кремле // СА. № 1. С. 253–272.
Гайдуков П. Г., 1992. Славенский конец средневекового Новгорода: Нутный раскоп. М.: ИА РАН. 198 с.
Гайдуков П. Г., 1993. Медные русские монеты конца XIV – XVI веков. М.: Наука. 302 с.
Гура А. В., 1995. Волк // Славянская мифология: энцикл. словарь. М.: Эллис Лак. С. 103–104.
Иванов В. В., 1994. Волк // Мифы народов мира: энциклопедия. М.: Российская энциклопедия. С. 242.
Иванов В. В., Топоров В. Н., 1994. Волкодлак // Мифы народов мира: энциклопедия. М.: Российская энциклопедия. С. 242–243.
Иванов В. В., Топоров В. Н., 1995. Волх // Славянская мифология: энцикл. словарь. М.: Эллис Лак. С. 108–110.
Коваль В. Ю., 2017. Импортная поливная керамика Торецкого поселения // От Руси до Китая: из новых археологических исследований / Сост. И. Н. Кузина; отв. ред. В. Ю. Коваль. М.: ИА РАН. С. 42–73.
Коваль В. Ю., 2018. Керамика из раскопок на Подоле Московского Кремля. Малосерийные группы // АП. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 414–441.
Коваль В. Ю., 2021. Поливной водолей с рельефными изображениями из Коломны // Мир средневековья. Познавая прошлое / Сост.: И. Н. Кузина, В. С. Курмановский. М.: ИА РАН. С. 147–172.
Макарова Т. И., 1986. Черневое дело древней Руси. М.: Наука. 156 с.
Нелюбов С., 2002. Символика русских средневековых перстней // Цейхгауз. № 1 (17). С. 4–8.
Панченко К. И., 2022. Сосуды из погребений Чудова монастыря // Древности Московского Кремля. Т. 1. Археологические исследования на месте Чудова монастыря / Отв. ред.: Н. А. Макаров, В. Ю. Коваль. М.: ИА РАН. С. 406–412.
Полубояринова М. Д., 1983. Две костяные печати из Болгара // КСИА. Вып. 175. С. 95–97.
Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука. 103 с. (САИ; вып. Е1-39.)
Романов В. В., Романова Е. А., 2007. Литургические поливные сосуды из раскопок Твери // ТАС. Вып. 6. Т. 2. С. 261–269.
Романова Е. А., 2009. Поливная посуда XIV–XVI вв. из раскопок в Твери // ННЗ. Вып. 23. С. 310–339.
Сергина Т. В., 1982. Поливной сосуд из Пскова с изображением воинства // КСИА. Вып. 171. С. 103–105.
Толстой И. И., 1885. Русская допетровская нумизматика. Вып. 2. Монеты Псковские. СПб.: Академия наук. 151 с.
Травкин П. Н., Хухарев В. В., 1999. Печать-матрица из Плеса // ТТЗ. Вып. 3. С. 139–143.
Черкасов В. В., 2004. Круговая керамика Коломны XII–XVIII вв. (эволюция гончарной продукции): дис. … канд. ист. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М. 413 с.
Янин В. Л., 1970. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. II. М.: Наука. 368 с.

Сведения об авторе

Панченко Константин Иванович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: pakoi@mail.ru

K. I. Panchenko

GLAZED CERAMIC VESSELS FROM THE EXCAVATIONS IN THE MOSCOW KREMLIN IN 2019–2021

Abstract. The paper describes glazed ceramic vessels (ampullae for holding holy oil) found during excavations in the Moscow Kremlin. The vessels were found in the layers of estate housing development of the middle – last quarter of the 15th century. The paper points out that these vessels were intended for domestic rather than religious use. It provides their morphological and technological characteristics. The most notable item is a vessel with a unique stamped decoration on its surface. The paper explores one of the possible variants explaining symbolic meaning of a predatory animal depicted on the vessel.

Keywords: Moscow Kremlin, glazed ceramic vessels, relief decoration, depiction of a predatory animal.

REFERENCES

Alekseev A. V., 2005. Opisanie okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy na uchastke vosstanovleniya khrama Vozneseniya Gospodnya v g. Zvenigorode v 2004 g. [Description of archaeological conservation research at the restoration site of the Church of the Ascension in Zvenigorod in 2004]. *Okhrannye issledovaniya tserkvi Vozneseniya Gospodnya na Nizhnem posade Zvenigoroda [Protection research of the Church of the Ascension of the Lord in Lower Posad of Zvenigorod]*. A. V. Engovatova, ed., comp. Moscow: IA RAN, pp. 10–24. (Trudy Podmoskovnoy ekspeditsii IA RAN, 3.)

Ankudinov I. Yu., 2019. Novgorodskie voskovye pechati XIV–XV vv.: materialy k katalogu [Novgorod wax sealings of XIV–XV cc.: materials for the catalog]. *Novgorodskiy arkhivnyy vestnik [Novgorod archive bulletin]*, 15. Velikiy Novgorod, pp. 56–71.

Belyaev L. A., 2012. Nekropol Danilova monastyrya v XVIII–XIX vekakh: istoriko-arkheologicheskie issledovaniya (1983–2008) [Necropolis of Danilov Monastery in XVIII–XIX centuries: historical and archaeological research (1983–2008)]. Moscow: IA RAN. 504 p.

Cherkasov V. V., 2004. Krugovaya keramika Kolomny XII–XVIII vv. (evolyutsiya goncharnoy produktsii): dissertatsiya … kandidata istoricheskikh nauk [Wheel-made ceramics from Kolomna of XII–XVIII cc. (evolution of pottery production): PhD dissertation]. Moscow. 413 p.

Gaydukov P. G., 1992. Slavenskiy konets srednevekovogo Novgoroda: Nutnyy raskop [Slavenskiy end of medieval Novgorod: Nutnyy excavation trench]. Moscow: IA RAN. 198 p.

Gaydukov P. G., 1993. Mednye russkie monety kontsa XIV – XVI vekov [Copper Russian coins of late XIV – XVI centuries]. Moscow: Nauka. 302 p.

Gura A. V., 1995. Volk [Wolf]. *Slavyanskaya mifologiya [Slavic mythology]*. Moscow: Ellis Lak, pp. 103–104.

Ivanov V. V., 1994. Volk [Wolf]. *Mify narodov mira [Myths of the peoples of the world]*. Moscow: Rossiyskaya entsiklopediya, p. 242.

Ivanov V. V., Toporov V. N., 1994. Volkodlak [Werewolf]. *Mify narodov mira [Myths of the peoples of the world]*. Moscow: Rossiyskaya entsiklopediya, pp. 242–243.

Ivanov V. V., Toporov V. N., 1995. Volkh [Sorcerer]. *Slavyanskaya mifologiya [Slavic mythology]*. Moscow: Ellis Lak, pp. 108–110.

Koval V. Yu., 2017. Importnaya polivnaya keramika Toretskogo poseleniya [Imported glazed ceramics of Toretsk settlement]. *Ot Rusi do Kitaya: iz novykh arkheologicheskikh issledovaniy [From Rus to China: from new archaeological research]*. I. N. Kuzina, comp., V. Yu. Koval, ed. Moscow: IA RAN, pp. 42–73.

Koval V. Yu., 2018. Keramika iz raskopok na Podole Moskovskogo Kremlya. Maloseriynye gruppy [Ceramics from excavations at the Moscow Kremlin Podol. Small-series groups]. *AP*, 14. Moscow: IA RAN, pp. 414–441.

Koval V. Yu., 2021. Polivnoy vodoley s rel'efnymi izobrazheniyami iz Kolomny [Glazed washbowl with relief images from Kolomna]. *Mir srednevekov'ya. Poznavaya proshloe [The world of Middle Ages. Exploring the past]*. I. N. Kuzina, V. S. Kurmanovskiy, comp. Moscow: IA RAN, pp. 147–172.

Makarova T. I., 1986. Chernevoe delo drevney Rusi [Niello craft of Ancient Rus]. Moscow: Nauka. 156 p.

Nelyubov S., 2002. Simvolika russkikh srednevekovykh perstney [Symbolism of Russian medieval fingerrings]. *Tseykhgauz [Ceyhouse]*, 1 (17), pp. 4–8.

Panchenko K. I., 2022. Sosudy iz pogrebeniy Chudova monastyrya [Vessels from burials in the Chudov Monastery]. *Drevnosti Moskovskogo Kremlya [Antiquities of Moscow Kremlin], 1. Arkheologicheskie issledovaniya na meste Chudova monastyrya [Archaeological research at the site of Chudov Monastery]*. N. A. Makarov, V. Yu. Koval, eds. Moscow: IA RAN, pp. 406–412.

Poluboyarinova M. D., 1983. Dve kostyanye pechati iz Bolgara [Two bone seals from Bolgar]. *KSIA*, 175, pp. 95–97.

Romanov V. V., Romanova E. A., 2007. Liturgicheskie polivnye sosudy iz raskopok Tveri [Liturgical glazed vessels from Tver excavations]. *TAS*, iss. 6, vol. 2, pp. 261–269.

Romanova E. A., 2009. Polivnaya posuda XIV–XVI vv. iz raskopok v Tveri [Glazed ware of XIV–XVI cc. from excavations in Tver]. *NNZ*, 23, pp. 310–339.

Rozenfeldt R. L., 1968. Moskovskoe keramicheskoe proizvodstvo XII–XVIII vv. [Moscow ceramic production of XII–XVII cc.]. Moscow: Nauka. 103 p. (SAI.)

Sergina T. V., 1982. Polivnoy sosud iz Pskova s izobrazheniem voinstva [Glazed vessel from Pskov with image of the army]. *KSIA*, 171, pp. 103–105.

Tolstoy I. I., 1885. Russkaya dopetrovskaya numizmatika [Russian Pre-Petrine numismatics], 2. Monety Pskovskie. St. Petersburg: Akademiya nauk. 151 p.

Travkin P. N., Khukharev V. V., 1999. Pechat'-matritsa iz Plesa [Seal-matrix from Ples]. *TTZ*, 3, pp. 139–143.

Veksler A. G., Kondrashev L. V., Berkovich V. A., Gusakov M. G., Gening V. V., 2016. Moskva. Raskopki na Velikom posade. Moskovskaya keramika po materialam issledovaniy [Moscow. Excavations at Velikiy Posad. Moscow ceramics according to research materials]. Moscow: Departament kul'turnogo naslediya goroda Moskvy. 496 p.

Vorob'eva E. E., Kalygina Zh. S., 2013. Pogrebal'naya posuda Tikhvinskogo nekropolya g. Tsarevokokshayska: predvaritel'nye itogi izucheniya [Funeral ware of Tikhvin necropolis of Tsarevokokshaysk: preliminary results of the study]. *PA*, 2 (4), pp. 279–290.

Voronin N. N., Rabinovich M. G., 1963. Arkheologicheskie raboty v Moskovskom Kremle [Archaeological work in Moscow Kremlin]. *SA*, 1, pp. 253–272.

Yanin V. L., 1970. Aktovye pechati drevney Rusi X–XV vv. [Act seals of Ancient Rus, X–XV cc.], II. Moscow: Nauka. 368 p.

About the author

Panchenko Konstantin I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: pakoi@mail.ru

С. Е. Шуньгина

СЛЕДЫ ОСВОЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ ПРЕЧИСТЕНСКОГО ПОГОСТА В ТИХВИНЕ ДО ЕГО ПЕРВОГО ЛЕТОПИСНОГО УПОМИНАНИЯ (ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Резюме. В статье содержится информация, позволяющая на основе обобщения полученных археологических материалов представить картину освоения Тихвина в период до формирования Пречистенского погоста и строительства церкви Успения Божией Матери. Публикуются сравнительные данные уровня непотревоженных материковых отложений в границах Большого Успенского монастыря и округи для попытки реконструкции микрорельефа. Стратиграфически выделена прослойка предматериковых супесчаных отложений, которые, предположительно, сформировались в период до XIV в. Иллюстрируют представленные итоги немногочисленные археологические находки.

Ключевые слова: Ленинградская обл., г. Тихвин, Большой Успенский монастырь, Пречистенский погост, археологические исследования, первоначальный рельеф, керамика, X–XIV вв.

К прошлому Тихвина историки, искусствоведы, архитекторы, лингвисты обращались неоднократно (краткий очерк см.: *Шуньгина*, 2022. С. 376–380). Изучали и археологию, но прежде всего в связи с событиями XVI–XVII вв., поскольку этот период важен для истории Тихвинского образа Богоматери, одного из самых прославленных в России. Задача статьи – несколько углубить и расширить перспективу, представив обзор материалов по древнерусскому периоду.

Тихвин – административный центр Тихвинского района Ленинградской области. Город располагается в излучине р. Тихвинки, в которую впадают два ручья: Введенский (ранее – Березовец) с севера и Вязицкий (Вяжицкий) с юга. Основными градоформирующими элементами выступают: на левом берегу р. Тихвинки – ансамбль Богородичного Успенского монастыря, где хранится почитаемая Тихвинская икона Божией Матери, и территория городского посада

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.275.416-435

к югу от обители; на правом берегу – Введенский монастырь, основанный одновременно с Успенским.

Самые ранние достоверные письменные источники, повествующие о существовании Пречистенского погоста и церкви Успения Богородицы, относятся лишь к началу XVI в. (ПСРЛ. Т. III. 1841. С. 247; ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. 1929. С. 539–540). Зафиксированы в летописях также посещения святых мест великим князем Василием III и Иваном IV (ПСРЛ. Т. III. 1841. С. 159). С этого времени образ Тихвинской Богоматери становится общегосударственной святыней (*Шалина*, 2010. С. 25–26). В 1560 г. были основаны Успенский мужской и Введенский женский монастыри, погост перенесен на две версты южнее на возвышенность, на место деревни Киселево (Указная грамота…, 2015). На новом месте он получил и новое название – Тихвинская слобода («слободка», «посад»). Это было относительно крупное поселение с быстро построенной деревянной церковью Преображения и формирующейся инфраструктурой (Выпись приправочная..., 2015. С. 2). На старом месте погоста «были около церкви причта церковного и посадцких людей дворы и лавки» (Указная грамота…, 2015). Логично думать, что они существовали здесь же в течение всего XVI в. При этом К. Н. Сербина считала, что в первой четверти XVI в. на погосте уже имелся монастырек (*Сербина*, 1951. С. 21–22). Развивает эту тему О. А. Абеленцева, также предполагая существование монастыря в Тихвине и выделяя предпосылки создания двух монастырей: мужского Успенского и Введенского женского (*Абеленцева*, 2017).

Но погост с церковью Успения существовал и ранее XVI в. Действительно, рассказ о явлении иконы Божией Матери Тихвинской помещен в летописях более чем на столетие ранее, под 1383 годом[1]. Но к этому ненадежному нарративу и сводятся сведения о древнейшей поре Тихвина.

Для того чтобы осветить этот период, предпримем общий обзор археологии города. В границах Большого Успенского монастыря и в самом городе исследований, связанных с реставрацией памятников архитектуры или с развитием хозяйственной деятельности, было довольно много. Они начались в 1975–1978 гг. (Н. К. Стеценко). Продолжились в 1981 г. (А. М. Спиридонов, В. А. Булкин) и в 1982–1991 гг. (А. А. Никонова). В 1989–1990 гг. в границах посада работал С. М. Чернов. Позже небольшие изыскания выполнили Л. В. Королькова, С. В. Александров и Н. А. Боковенко. В 2000-е гг. археологическими экспедициями в Тихвине руководили автор статьи, Ю. В. Катышевский и А. И. Катышевская.

С 1978 г. культурный слой Тихвина признан памятником археологии, в 1987 и 2022 гг. установлены его границы, включившие территорию города в соответствии с планом 1766 г, а также курганную группу на ул. Луговой.

Всего в монастыре и прилегающей к нему, исторически связанной, округе шурфами, траншеями и раскопами изучено около 770 кв. м площади. На остальной части города, включая посад, – порядка 2740 кв. м. Собраны сведения

[1] В Новгородской третьей летописи кратко сообщается о явлении иконы «в области Великого Новгорода, нарицаемой Тихвин» (ПСРЛ. Т. III. 1841. С. 232), в Воскресенской и Патриаршей летописях – практически идентичный текст более подробного содержания о чудесном путешествии иконы по воздуху и строительстве для нее церкви (ПСРЛ. Т. VIII. 1859. С. 48; ПСРЛ. Т. XI. 1897. С. 83).

о структуре культурных отложений, формировании застройки, методах строительства, технологии, дренажных системах, материальной культуре. В основном материалы указывают на начало заселения с конца XIV – XV в. Но некоторые данные позволяют представить в общих чертах и более ранний этап.

Следует учесть, что до сложения города на месте современного Тихвина находилось несколько деревень. Из писцовой книги Андрея Лихачева 1563/1564 г. известно о деревнях на правом берегу реки: Стретилово, Нижние Иссады (они были впоследствии объединены; на пашенных землях Нижних Иссад в 1560 г. был основан Введенский монастырь), Верхние Иссады (локализуется примерно в километре к востоку от Нижних Иссад), Фишева Гора (название деревни сохранилось, сейчас это район города). На правом берегу – деревня Киселево (Выпись приправочная…, 2015. С. 2–3; Выпись из писцовой книги…, 2015. С. 3–4; схему расположения этих пунктов в XIV–XV вв. см.: *Мильчик*, 2017. С. 12).

Но жизнь на берегах реки шла уже с X–XII вв., о чем есть археологические данные. Прежде всего – это курганные группы и одиночные курганы, которые содержали погребения представителей местного финно-угорского населения (веси), в их составе обнаружены предметы скандинавского и славянского происхождения (*Рябинин, Урбан*, 1988. С. 63). И. П. Крупейченко отмечал, что могильники «расположены неравномерно и объединены в группы, в которых насчитывается около 5 и более 10 курганов. Между двумя такими группами тянется полосой до 10 и более километров свободная от курганов территория». Ссылаясь на мнение А. М. Линевского, автор пишет: «Этот факт следует рассматривать как признак разделения всей области на маленькие родовые территории, которые отделялись одна от другой пространством незаселенной земли» (*Крупейченко*, 1996. С. 40).

По данным археологической карты В. А. Лапшина выделяется ряд компактно расположенных курганных групп. В условные границы одной из них входят погребальные памятники, находящиеся на прибрежных участках современного Тихвина (рис. 1). В эту группу входит курган Смоленский шлюз (от Тихвина 5 км на восток, от висячего моста на Смоленском шлюзе 0,7 км к востоку), раскопанный И. П. Крупейченко в 1980 г. В самом городе (ул. Луговая) сохранилась курганная группа (4 насыпи, сейчас прослеживается две, см.: Отчет…, 2022. Рис. 127; 128), а также была зафиксирована сопка на правом (?) берегу р. Тихвинки (ее смыло в реку). Западнее Тихвина, на левом берегу реки известны курганные группы Лазаревичи-1 (2 насыпи), Лазаревичи-2 (4 насыпи), могильник Старый Погорелец (отмечен как жальник с 3 курганами и деревянной часовней), одиночный курган Наволок, курганная группа из пяти насыпей Ялгино (Ялгина Гора)-1. На правом берегу в этом же направлении – курганная группа Теплухино, 6 насыпей (*Лапшин*, 1995. № 1041, 1044, 1044а, 1045–1049).

Расстояние по прямой от Смоленского шлюза до наиболее отдаленного пункта близ деревни Ялгино очень велико, около 15 км. При этом, судя по количеству насыпей в группах, население было немногочисленным. Подобное распространение локальных групп памятников зафиксировано на всем протяжении реки как с западной, так и с восточной стороны от зоны Тихвина. Здесь с середины IX в. до начала XIII в. формировалась Приладожская курганная культура,

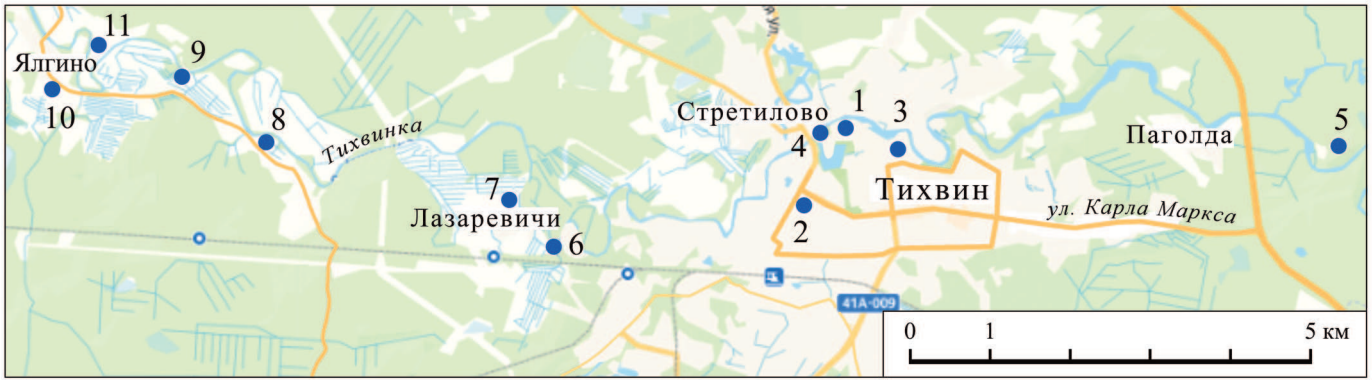
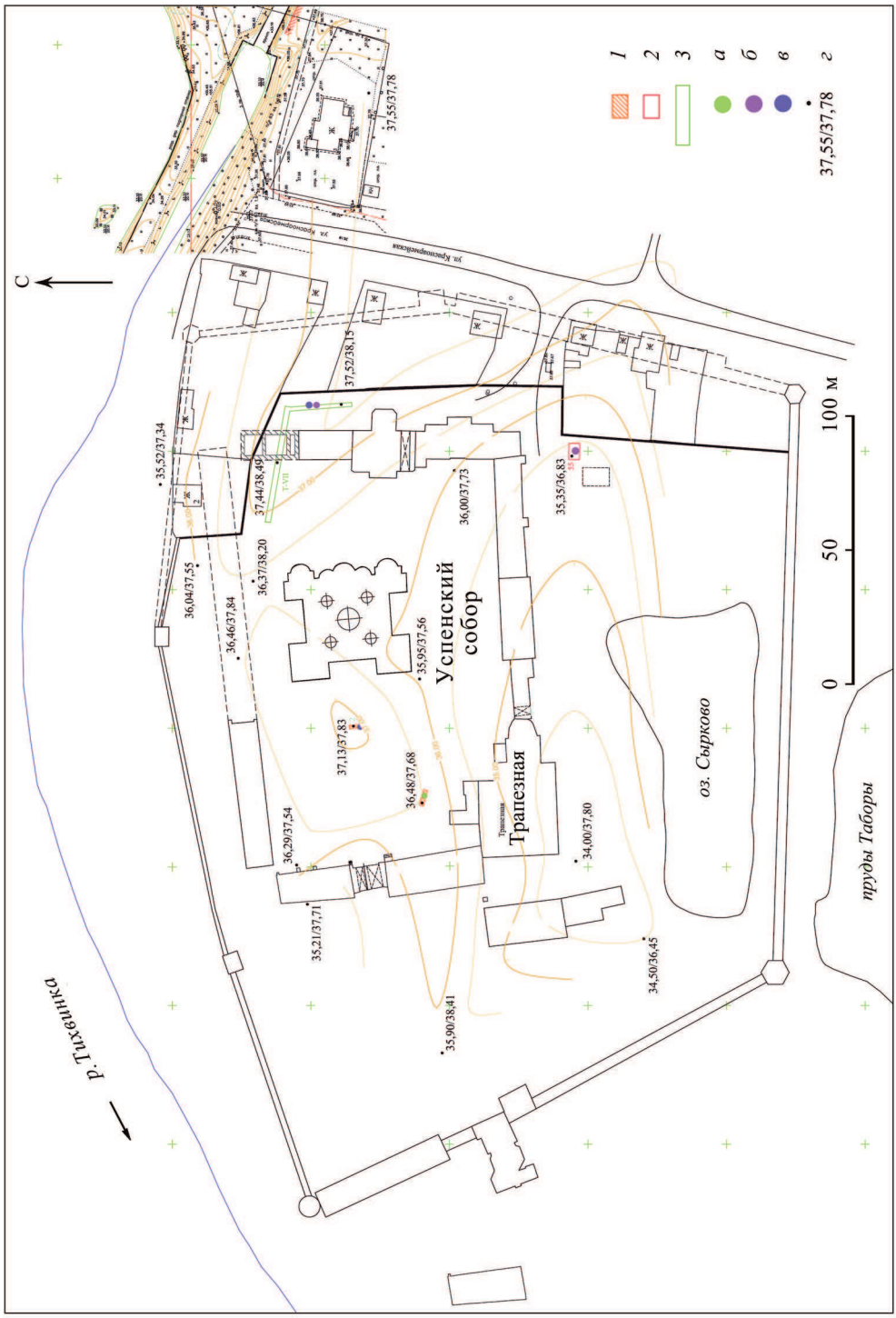


Рис. 1. Археологические памятники Тихвина и ближайшей округи

1–3 – ОАН ФЗ «Культурный слой древнего Тихвина и предшествующих ему поселений» (*1* – Большой Успенский монастырь; *2* – Средневековый посад; *3* – Курганная группа на ул. Луговая); *4* – г. Тихвин, сопка; *5* – курган Смоленский шлюз; *6* – курганная группа Лазаревичи-1; *7* – курганная группа Лазаревичи-2; *8* – могильник Старый Погорелец; *9* – одиночный курган Наволок; *10* – курганная группа Ялгино (Ялгина Гора)-1; *11* – курганная группа Теплухино (по: *Лапшин*, 1995. № 1041, 1044, 1044а, 1045–1049 и по данным археологической геоинформационной системы «Археограф», ИИМК РАН, 2023 г.)


С
р. Тихвинка
Успенский собор
Трапезная
оз. Сырково
пруды Таборы
ул. Красноармейская
0
50
100 м
1
2
3
а
б
в
г
37,55/37,78
37,55/37,78
37,52/38,15
35,52/37,34
37,44/38,49
36,04/37,55
36,37/38,20
36,46/37,84
36,00/37,73
35,35/36,83
35,95/37,56
37,13/37,83
36,48/37,68
36,29/37,54
35,21/37,71
34,00/37,80
34,50/36,45
35,90/38,41

поселения и могильники которой выявлены по берегам рек Оять, Паша, Капша, Сясь, Тихвинка.

Отметим, что в течение последних лет новых памятников раннего Средневековья в округе Тихвина не обнаружено (данные археологической геоинформационной системы «Археограф», ИИМК РАН, 2023 г.).

Что касается самого Тихвина, то проблеме его раннего заселения внимания уделяли мало, ограничиваясь отсылкой на летописи и писцовые книги XVI в. Сами находки на территории Тихвина вне монастыря не показывают материалов ранее XV–XVI вв., что выглядит убедительно с учетом значительного объема земляных вскрытий на его территории. И напротив – собранные данные по древней топографии монастыря указывают на возможность гораздо более раннего поселения на его месте.

Так, в отчете о работах 1982–1989 гг. А. А. Никонова, полагая, что «место расположения первых деревянных церквей может быть показано только предположительно, т. к. по письменным источникам мы знаем, что последующие церкви возводились на месте старых», отметила, что в целом зона монастыря болотистая, но Успенская церковь располагалась на более высокой точке, хотя «отметки материка свидетельствуют, что понижение местности шло к югу и, вероятно, вся южная сторона была болотом». Кроме того, материком здесь являлся «мощный слой зеленой глины, не пропускающей поверхностные воды». Наконец, «место расположения погоста и деревянных церквей было на 2 м выше и песчаное, намытое, вероятно, разливом р. Тихвинки» (*Никонова*, 1990. С. 16). Все это звучит как своего рода оправдание странному размещению монастыря в низине.

Сейчас появилась возможность более обоснованно представить первоначальный рельеф, уточнить высотное соотношение берегов реки Тихвинки, а также ситуацию в пределах монастыря по нивелировочным отметкам поверхности непотревоженного уровня материка (рис. 2). Материковые отложения в границах монастыря (на правом берегу реки) зафиксированы на уровне 34,00–37,44 м БС. Общая тенденция повышения его уровня наблюдается с юго-запада на северо-восток. При этом в северной половине выделяются две небольшие площадки с высотами 37,13 м БС, примерно на месте Успенского собора, и 37,52 м БС в северо-восточной части за пределами монастырского каре. Наиболее низкий участок с отметкой 34,00–34,50 м БС фиксируется в юго-западной части за пределами каре севернее озера Сырково, которое появилось здесь в результате дренажных работ Федора Сыркова в 1560 г.

Рис. 2 (с. 420). Топография находок, датированных до XIV в. на территории Большого Успенского мужского монастыря (по материалам исследований 1975–2014 гг.)

1 – 1981 г., шурфы (А. М. Спиридонов, В. А. Булкин); *2* – 2008 г., раскоп 55 (С. Е. Шуньгина); *3* – 2010 г., раскоп Т-VII (С.Е. Шуньгина)

а – каменное орудие; *б* – лепная керамика; *в* – гончарная керамика; *г* – отметка материка / отметка современной дневной поверхности, м БС

Но в целом новые материалы подтверждают наблюдения А. А. Никоновой. Если говорить о выборе места расположения церкви Успения и предположить, что ее локация практически не менялась с момента первого строительства, то ее небольшой по площади участок возвышался примерно на 3 м по сравнению с низиной в юго-западной части площадки. Расстояние между наивысшей и самой низкой точками составляет всего около 97 м, и такой перепад высот визуально выглядит существенным. На другом участке в северо-восточной части монастыря отметки даже несколько выше и стабильно сохраняются в восточном направлении на глубине 37,55 м БС (здесь были обнаружены находки керамики раннесредневекового времени, см. ниже).

В сторону реки перепад высот не так значителен и составляет около 1 м. По замерам уровень воды в р. Тихвинке фиксируется на уровне 33,09–33,11 м БС (данные съемки на 20.04.2012), 32,90 м БС (данные съемки 20.09.2012). Как видим, сезонные перепады уровня воды незначительны, если не учитывать периоды весенних паводков. Можно предположить, что правый берег реки возвышался примерно на 3 м, полого опускаясь к воде на протяжении примерно 52 м (замер от точки с внутренней стороны северной стены монастыря). В целом, однако, данные для реконструкции рельефа пока условны.

Юго-восточнее монастыря, южнее Духовного училища, к северу от ул. Ильинской, примерно напротив пруда Таборы, материк зафиксирован на глубине 36,79 м БС (Отчет…, 2006. С. 7). На посаде, южнее монастыря, отметки получены при исследовании на ул. Знаменской, Новгородской, они соответствуют высоте 42,71–43,30 м БС, в районе Знаменской церкви (район Романовой горки) – 44,61 м БС (*Катышевский*, 2011) в Летнем саду напротив Спасо-Преображенского собора – 42,93–42,54 м БС (*Шуньгина*, 2021. Рис. 198). Таким образом, прослеживается значительное повышение уровня древней дневной поверхности, участок монастыря остается как бы в ложбине.

На левом берегу Тихвинки материковые отложения открыты в шурфах, заложенных вдоль ул. Римского-Корсакова от Советской улицы: с запада на восток они фиксируются на глубине 37,46–36,75–37,75 м БС, самые высокие точки – 47,47–45,72 м БС – приходятся на участок напротив монастыря и Тихвинского шлюза (*Катышевская*, 2017). По данным археологической разведки, в районе деревни Стретилово, расположенной также на правом берегу р. Тихвинки, но западнее, материк зафиксирован на глубинах 37,15–36,03 м БС (*Катышевская*, 2018). Сравнение данных для правого и левого берега реки показывает, что они не так сильно разнятся, как принято считать, основываясь на летописных сообщениях и описаниях. Уровень материка рядом с Успенским собором примерно на 1 м ниже по сравнению с противоположным берегом, исключая участок в районе шлюза и к востоку от него. При этом и сейчас визуально, если находиться на правом берегу Тихвинки, действительно возникает впечатление гораздо более низкого левого берега, чем он есть на самом деле (рис. 3).

Итак, в целом, с географической точки зрения, место расположения монастыря низкое и, с современной точки зрения, неудобное, однако ранние поселения, на месте которых возникали монастыри, часто тяготели к поймам или низким террасам над ними (например, Данилов монастырь в Москве, см.: *Беляев*, 1995. С. 106; *Беляев и др*., 2010. С. 104–115). Так что, возможно, неслучайно

Рис. 3. Визуальное соотношение правого и левого берегов р. Тихвинки. Вид с ул. Римского-Корсакова, с запада

следы раннего поселения обнаружены именно на изначальном месте Тихвинского погоста, в низине. Они зафиксированы в шурфе 2/1981 г. (исследования А. М. Спиридонова и В. А. Булкина[2]; *Булкин*, 1982), в раскопе 55/2008 г. и в траншее VII/2010 г. (исследования автора при активном участии Ю. В. Катышевского; *Шуньгина*, 2008; 2010). Находки, которые позволяют говорить о ранних датах, единичны (и все представлены в этой публикации), при этом большая часть из их происходит из непотревоженных напластований (рис. 2). Коллекции 2008 и 2010 гг. хранятся в фондах Тихвинского историко-мемориального и архитектурно-художественного музея, находки 1981 г. утрачены, доступны только текстовая информация о них и фотографические изображения, помещенные в отчет.

Раскоп 55/2008 г. размерами 6 × 4 м (24 кв. м) заложен за пределами каре монастырских построек к югу от Южных братских келий. Была вскрыта незначительная площадь, но удалось проследить цепочку последовательно отложившихся напластований общей мощностью 1,6–2,0 м, которые позволили выделить основные строительные периоды на участке. До появления первых сооружений поверхность была задернована. К самому раннему периоду относится слой предматериковой светлой серо-коричневой супеси, в которой были обнаружены 3 стыкующихся фрагмента лепной керамики (2 фрагмента венчика

[2] В нашем распоряжении имеются два отчета, посвященных археологическим исследованиям в 1981 г. Первый из них хранится в научном архиве ИА РАН (*Спиридонов*, 1981), второй – в архиве ОАО «НИИ Спецпроектреставрация» и датирован 1982 г. (*Булкин*, 1982). Разница в содержимом отчетов заключается в том, что сведения о шурфе 2, содержащем ранние находки, имеются только в отчете 1982 г. Причина отсутствия этой информации в научном отчете А. М. Спиридонова неизвестна, а попытки узнать ее не увенчались успехом.

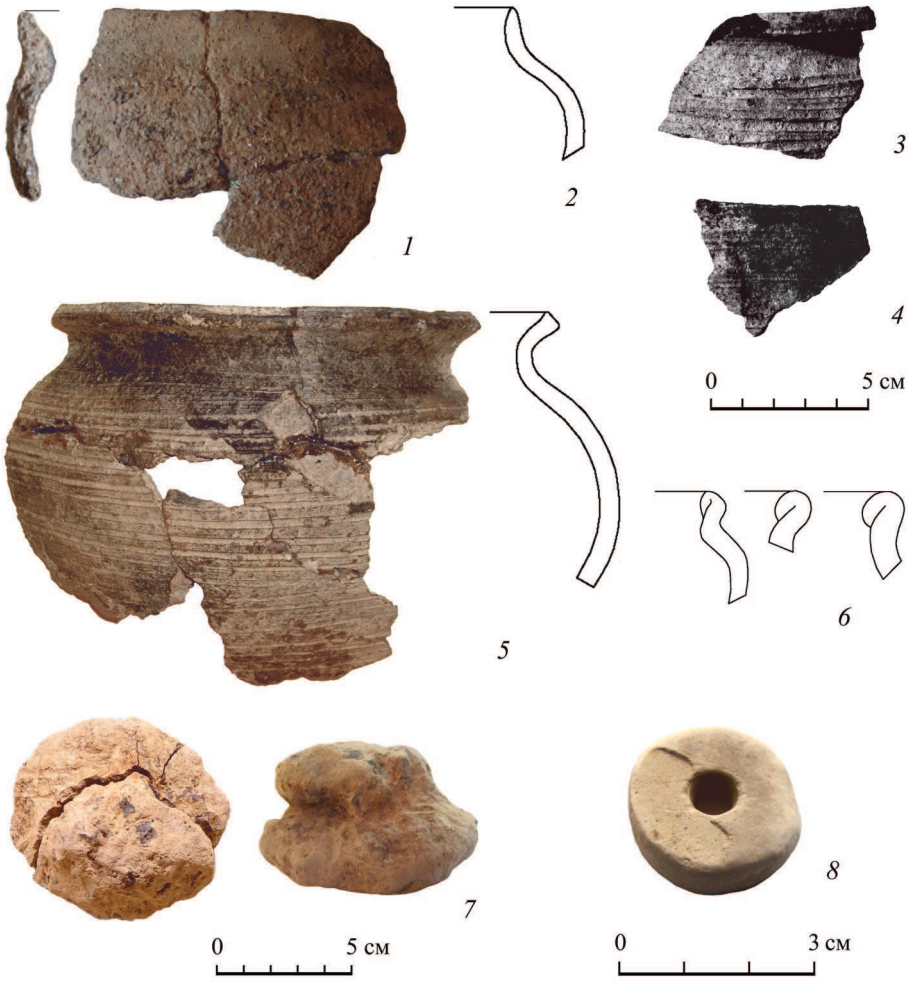


Рис. 4. Археологические находки

1, 2 – венчики лепных сосудов; *3–5* – фрагменты гончарной керамики с линейным орнаментом; *6* – венчики гончарных сосудов; *7* – крица; *8* – пряслице шиферное

и 1 стенка: рис. 4: *1*), бытовавшей в X в. и не позднее начала XI в. (*Сениченкова*, 2022. С. 401, 432. Рис. III.14. Тип. ФVI; *Плохов*, 2005. С. 76, 79. Табл. 49: *1*; 54: *2*).

Траншея VII/2010 протяженностью 67 м при ширине 2 и 1,5 м общей площадью 122,5 кв. м находилась в восточной части монастыря, на границе и за пределами его основных построек. Мощность напластований без учета ям составила около 1 м, с ямами – 1,41–2,16 м. Отложения сохранились в практически непотревоженном виде, что позволило представить полную картину освоения этого участка. Здесь особый интерес представляет яма 32 (рис. 5; 6). В ее заполнении прослежено несколько слоев. Из нижних, придонных отложений гумусированного песка с включениями углей происходит аналогичный фрагмент лепного

сосуда (рис. 4: *2*), а также развал раннегончарного горшка с линейным орнаментом (рис. 4: *5*). Аналогии таким сосудам встречаются в материалах исследований Приладожских курганов, где датируются X–XI вв. (*Спиридонов*, 1989). З. В. Прусакова датирует подобные формы, по материалам раскопок на могильнике Конезерье, XI–XII вв. (*Прусакова*, 1982). Аналогичные формы найдены на Рюриковом городище, датированы XII–XIII вв., отнесены к группе кухонных горшков типа I (*Горюнова*, 2005. С. 67. Табл. 38: *8–10*). По классификации новгородской керамики, развал горшка может относиться к типу VB, максимальное распространение которой приходится на период середины X – конца XII в. (*Малыгин и др*., 2001. С. 94. Рис. 11). Рядом с развалом обнаружена крица (рис. 4: *7*).

Слой песка с этими материалами перекрыт слоем темно-коричневого культурного слоя XV–XVI вв., датированного по находкам керамики: вариантами форм серо-глиняных сосудов типа 5А (конец XVI – XVII в.), типа 2 (XVI в.), здесь же найден один фрагмент сосуда 11 типа (не ранее XVII в.) по классификации А. А. Никоновой (*Никонова*, 1990. С. 52–56). Вероятнее всего, яма была выкопана в раннее время. Рядом с нею, южнее, зафиксирована еще одна яма (№ 34), которая по своим параметрам (ширина: 4,16 м и 4,21 м соответственно, заглубление в материк на 44–45 см) аналогична яме 32. В северной части ямы 34 в нижнем горизонте отложений зафиксирован небольшой фрагмент сохранившегося слоя такого же гумусированного песка, но без находок. Можно предположить, что они одновременны и, судя по заполнению, существовали достаточно долго. В связи с тем, что ямы открыты на узкой площади, их назначение неясно.

В центральной части траншеи при снятии третьего пласта вместе с находками и керамикой XV–XVI вв. подняты три венчика, отличающихся от основной массы фрагментов гончарной посуды (рис. 4: *6*). Сосуды имеют короткую выгнутую к внутреннему объему горшка шейку, отогнутый наружу короткий закругленный венчик, оформленный подгибом к внутреннему же объему горшка. Аналогии для этих фрагментов находятся среди новгородских материалов Троицкого XI раскопа и могут быть отнесены к типу VIБ, а по оформлению края венчика соотносятся с вариантом «в» (*Малыгин и др*., 2001. Рис. 13. III.в’). В Новгороде подобная керамика начинает появляться в середине – конце XII в., но ее максимальное количество было обнаружено в пл. 4–1 с датировкой начала XIV – начала XV в. (Там же. С. 94–95). Несмотря на широкий разброс дат, очевидно, что речь должна идти о домонгольской или ранней монгольской эпохе.

Еще одна находка, относящаяся к раннему периоду, – серое шиферное бочонковидное пряслице (диаметр 3,1 см, толщина 0,8 см; рис. 4: *8*), бытование пряслиц Б. А. Колчин относил к периоду XI–XIII вв., выделяя пиковый период их распространения в XII в. (*Колчин*, 1982. С. 174). Оно происходит из заполнения столбовой ямы (участок Б, кв. 15), зафиксированной во внутреннем пространстве Житенных келий между фундаментными траншеями под западную и восточную стенки разобранной части этого сооружения в 1860–1861 гг.

Шурф 2/1981 г. размерами 5,0 × 1,3 м площадью 6,5 кв. м был заложен против западного фасада Успенского собора поперек современной дороги к храму. В нем общая мощность исследованных отложений составила около 1,4 м, в данном случае интерес представляют предматериковые отложения, которые

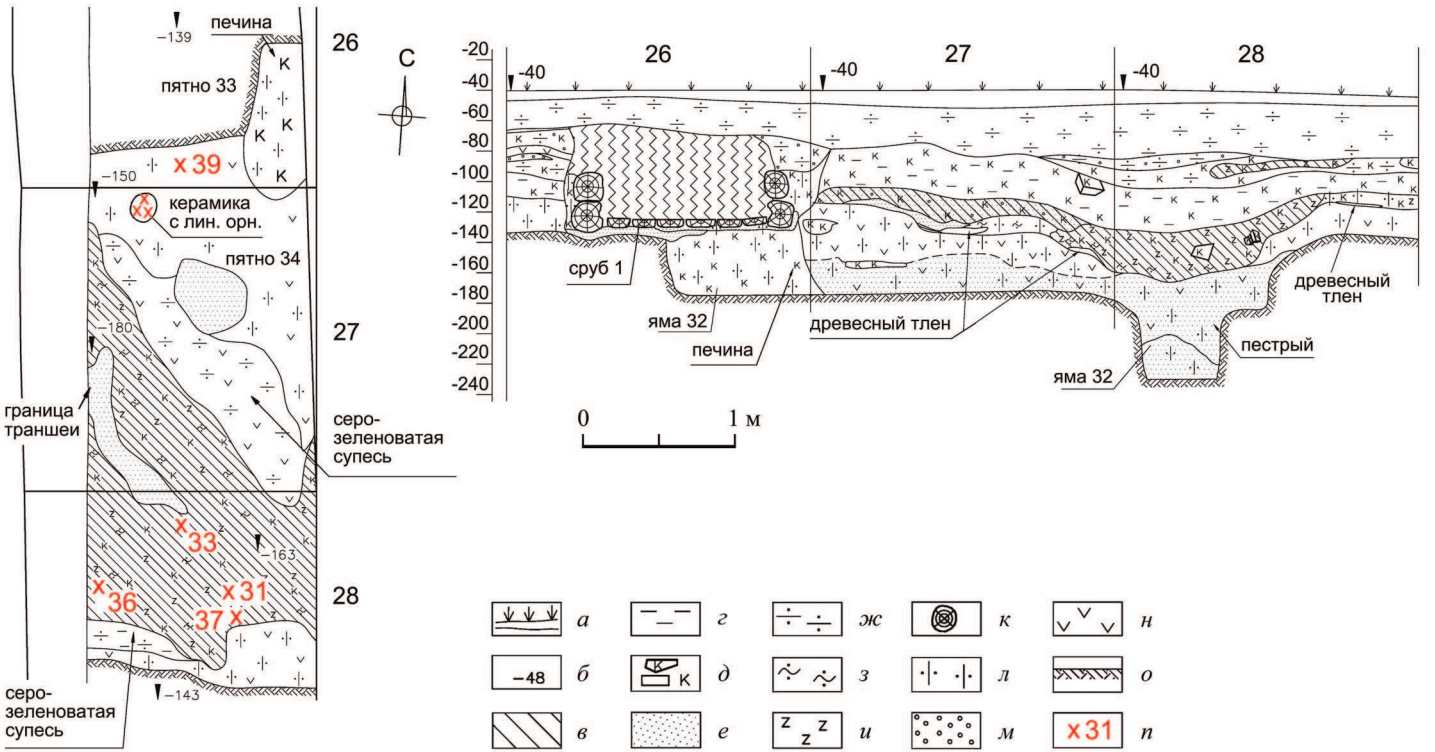


Рис. 5. Траншея VII. Яма 32 на уровне пятен в материке и стратиграфический разрез

Условные обозначения: *а* – дерн; *б* – нивелировочная отметка; *в* – темно-коричневый слой; *г* – глина сырая; *д* – кирпич, битый кирпич, кирпичная крошка; *е* – песок; *ж* – серая супесь; *з* – углистая супесь; *и* – древесный тлен; *к* – бревно в разрезе; *л* – гумусированный песок; *м* – известковый раствор; *н* – угли; *о* – материк; *п* - находка

Рис. 6. Траншея VII. Яма 32. Восточный профиль. Вид с СЗ

включают в себя два ряда западин глубиной около 0,27 м и 0,36 м. В северной по дну прослежены следы дерева длиной 1,4 м. Южная западина заполнена мелкими камнями, образующими полосу шириной около 1,2 м, ориентированную по оси В – З. В ней обнаружены два фрагмента керамики с линейным орнаментом (рис. 4: *3, 4*).

Авторы исследования выбрали это место, предполагая, что «нынешняя дорога проложена вдоль древней», и сочли в итоге, что это не исключено (*Булкин*, 1982. С. 13, 15). Однако отметили, что протяженность навала с запада на восток осталась неизвестной (ширина шурфа всего 1,3 м, а многие шурфы по той же оси с западной и восточной стороны не доведены до материка), так что задача проследить эту трассу сохраняется. Наброска мелких камней обеспечивала возможность передвижения на левом берегу р. Тихвинки, подтопляемом и болотистом. Отметим, что керамика, связанная с каменным навалом, примерно на сто лет древнее Успенской церкви (даже в том случае, если она действительно построена в 1383 г.).

Таким образом, ранний материал зафиксирован в центральной, южной и восточной частях монастыря. Видимо, слой, его содержащий, сформирован

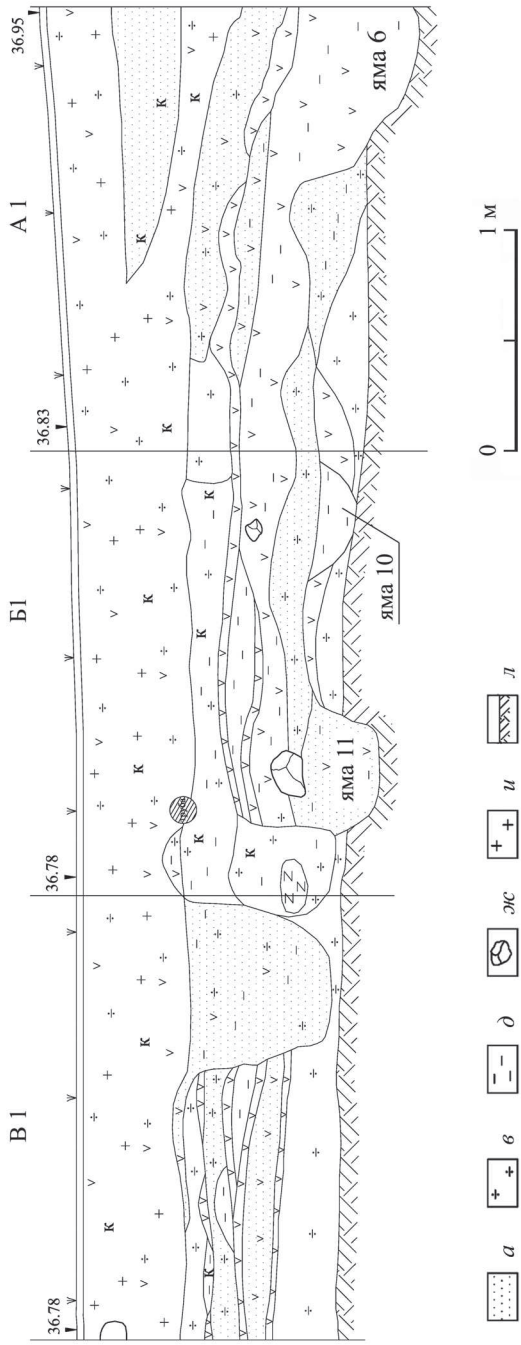


Рис. 7. Раскоп 55. Стратиграфия южного профиля

Условные обозначения: *а* – песок; *б* – уголь; *в* – супесь серая; *г* – кирпичная крошка, бой; *д* – глина красная; *е* – кирпич; *ж* – камень; *з* – древесный тлен; *и* – раствор; *к* – дерево, остатки конструкций; *л* – материк

на уровне кровли материковых песчаных отложений. В раскопе 55 он представлен прослойкой серой гумусированной супеси мощностью около 23 см (рис. 7), в траншее VII – на некоторых отрезках и в придонных отложениях материковых ям 32 и 34 (*Шуньгина*, 2010. Рис. 327).

Возвращаясь к сюжету о первоначальном рельефе местности, еще раз обратим внимание на то, что представленные находки и выделенный слой связаны с наиболее возвышенными участками (в центральной и восточной частях монастыря) и с песчаными материковыми отложениями в юго-восточной части, вероятнее всего, сухими и удобными в сравнении с юго-западной и южной частями, где материк представлен серыми суглинками, насыщенными водой. Для последнего участка важен и тот факт, что в границах раскопа 55 исследованы следы домонастырской застройки погоста конца XV – первой половины XVI в. (*Шуньгина*, 2008. С. 28).

Отвлекаясь от основной темы, для полноты представления древностей, укажем на каменный материал. В шурфе размерами 5,5 × 1,2 м (6,6 кв. м), заложенном к северу от Трапезной палаты в 1981 г., обнаружена заготовка сланцевого (?) рубящего орудия. Ее можно датировать в широком диапазоне от мезолита до бронзового века. Происходит из заполнения ямы, содержавшей керамику XV–XVI–XVIII вв. (*Булкин*, 1982. С. 16). А. А. Никонова кратко упомянула о единичных находках кремниевых отщепов на территории монастыря (*Никонова*, 1990. С. 14), и хотя в фондах Тихвинского историко-мемориального и архитектурно-художественного музея их нет, их следует ожидать при дальнейших исследованиях.

Подводя итог, можно сказать, что полученные материалы, относящиеся к периоду раннего Средневековья, логично включаются в общую картину заселения берегов р. Тихвинки и региона в целом, а также процесса основания монастырей на землях бывших селищ (*Носов*, 1991. С. 10–14, 23). По-видимому, в отношении Тихвинских мест, выгоду расположения перекрестка сухопутных и водных путей, связывавших Волгу с Ладожским озером и Балтийским морем, оценили рано. Со временем Тихвин станет одним из значительных торговых и ремесленных центров Нагорного Обонежья, и неслучайно в период шведской интервенции начала XVII в. сыграет заметную роль в обороне страны. В дальнейшей работе указанные участки следует рассматривать как наиболее перспективные для изучения предыстории Тихвинского погоста.

ЛИТЕРАТУРА

Абеленцева О. А., 2017. О времени основания Успенского Тихвинского монастыря: к вопросу об истории малых аскетических сообществ на погостах Обонежской пятины Новгородского уезда // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 4 (70). С. 130–142.

Беляев Л. А., 1995. Древние монастыри Москвы по данным археологии. М.: ИА РАН. 458 с.

Беляев Л. А., Кренке Н. А., Шуляев С. Г., 2010. Докремлевская Москва: новые данные по топографии и керамике Даниловских селищ IX/X – XIV вв. // РА. № 1. С. 104–115.

Булкин В. А., 1982. Отчет об археологических исследованиях, проведенных в 1981 году на территории бывшего Успенского монастыря в гор. Тихвине / Ленинградский филиал проектного института по реставрации памятников истории и культуры «Спецпроектреставрация» // Архив ОАО «НИИ Спецпроектреставрация».

Выпись из писцовой книги Обонежской п. Новгородского у. Андрея Лихачева и подъячего Ляпуна Добрынина на деревни Успенского Тихвинского м-ря в Пречистенском на р. Тихвине пог. Обонежской п. Новгородского у. (извлечение) не ранее 1563/64 г. // Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. Вып. 1. Акты и материалы писцового дела. Ч. 1. 1560–1644 гг. / Сост. О. А. Абеленцева. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015. С. 3–7.

Выпись приправочная из писцовой книги Обонежской п. Новгородского у. Андрея Лихачева и подъячего Ляпуна Добрынина на вотчины Успенского Тихвинского и Введенского Тихвинского м-рей в Пречистенском на р. Тихвине пог. Обонежской п. Новгородского у. не ранее 1563/64 г. // Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. Вып. 1. Акты и материалы писцового дела. Ч. 1. 1560–1644 гг. / Сост. О. А. Абеленцева. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015. С. 1–3.

Горюнова В. М., 2005. Керамический материал из заполнения комплексов «больших построек» (раскопы 1985–1988 гг.) // *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В*. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. Новые материалы и исследования. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 67–73. (Тр. ИИМК РАН; т. XVIII.)

Катышевская А. И., 2017. Отчет об археологических исследованиях на участке строительства распределительных газопроводов для газоснабжения микрорайонов индивидуальной жилой застройки в городе Тихвин Ленинградской области в 2015 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 67487. Альбомы иллюстраций к отчету – № 67488–67489.

Катышевская А. И., 2018. Отчет об археологических раскопках на участке строительства объектов инженерной инфраструктуры к кварталу индивидуальной жилой застройки деревни Стретилово Тихвинского городского поселения Тихвинского муниципального района Ленинградской области в 2018 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 59739.

Катышевский Ю. В., 2011. Отчет об археологических исследованиях и надзоре на участке строительства газопровода к кварталу жилой застройки в г. Тихвин Ленинградской области в 2010 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 40078.

Колчин Б. А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода / Отв. ред. Б. А. Колчин, В. Л. Янин. М.: Наука. С. 156–177.

Крупейченко И. П., 1996. Тайны Тихвинской земли. История края с древнейших времен до конца XIV в. Тихвин. 117 с.

Лапшин В. А., 1995. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2. Восточные и северные районы. СПб.: СПбГУ. 232 с.

Малыгин П. Д., Гайдуков П. Г., Степанов А. М., 2001. Типология и хронология новгородской керамики X–XV вв. (по материалам Троицкого XI раскопа) // ННЗ. Вып. 15. Материалы научной конференции, 23–25 января 2001. Великий Новгород: Новгородский гос. объед. музей-заповедник. С. 82–97.

Мильчик М. И., 2017. Тихвин: город позднего русского Средневековья. Очерк градостроительной истории. СПб.: Лики России. 328 с.: ил.

Никонова А. А., 1990. Сводный отчет по археологическим исследованиям 1982–1989 гг. // Архив Е. П. Варакина и Т. Н. Пятницкой. Г. Тихвин. Большой Успенский монастырь. Археологические исследования на территории монастыря. Научно-проектная документация. Раздел: Комплексные научные исследования. Ч. 9.

Носов Е. Н., 1991. Археологические памятники верховьев Волхова и Ильменского Поозерья конца I тыс. н. э. (каталог памятников) // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М.: Новгородская археолог. экспедиция МГУ. С. 5–37.

Отчет о проведении инвентаризации с разработкой границ территорий и предметов охраны объектов археологического наследия Ленинградской области. II этап: Выборгский, Гатчинский, Лодейнопольский, Ломоносовский, Приозерский, Сланцевский, Тихвинский районы. Тихвинский район. Том XL (40). Культурный слой древнего Тихвина и предшествующих ему поселений. (Тихвин 1–2. культурный слой древнего Тихвина) / ИИМК РАН. СПб., 2022 // ГКУ Ленинградской области «Дирекция по сохранению объектов культурного наследия».

Отчет о результатах натурного обследования и проведенной историко-культурной экспертизы на территории строительной площадки по адресу: Ленинградская область, г. Тихвин, квартал, ограниченный улицами Делегатской, Красноармейской и Ильинской / ИИМК РАН; сост.

С. В. Александров. 2006 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области. Д. № 79–152.

Плохов А. В., 2005. Лепная керамика Рюрикова городища // *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. Новые материалы и исследования. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 74–81. (Тр. ИИМК РАН; т. XVIII.)

ПСРЛ. Т. III. Новгородские летописи. СПб.: Археогр. комис., 1841. 320 с., 2 л. ил.

ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 3. Л., 1929. 151 с.

ПСРЛ. Т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб.: Археогр. комис., 1859. 302 с., 1 л. ил.

ПСРЛ. Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Археогр. комис., 1897. VII, 254 с.

Прусакова З. В., 1982. Топография могильников у д. Конезерье на о. Врево // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья / Отв. ред. А. Д. Столяр. Л.: Ленинградский гос. ун-т. С. 55–60.

Рябинин Е. А., Урбан Ю. Н., 1988. Древняя история Тихвинского края по археологическим данным (современное состояние изучения древнейшего прошлого) // Тихвинский сборник. Вып. 1. Археология Тихвинского края / Ред. Г. С. Лебедев. Тихвин. С. 56–68.

Сениченкова Т. Б., 2022. Керамика Ладоги VIII–X вв. в контексте раннесредневековых древностей (к реконструкции историко-культурных процессов на Северо-Западе Руси) // Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования. Т. II / Отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: ИИМК РАН. С. 331–625. (Тр. ИИМК РАН; т. LX.)

Сербина К. Н., 1951. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI–XVIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 485 с.

Спиридонов А. М., 1981. Отчет о разведочных археологических работах на территории Большого Успенского монастыря в г. Тихвине // Архив ИА РАН. Р-1. № 8163.

Спиридонов А. Н., 1989. Керамика Приладожской курганной культуры // Кочкуркина С. И. Памятники юго-восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск: Карелия. С. 303–315.

Указная грамота царя Ивана IV Васильевича Федору Дмитриевичу Сыркову о строительстве Успенского м-ря в Пречистенском на р. Тихвине пог. Обонежской п. Новгородского у. 1559/60 г. // Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. Вып. 1. Акты и материалы писцового дела. Ч. 1. 1560–1644 гг. / Сост. О. А. Абеленцева. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015. С. 1.

Шалина И. А., 2010. Чудотворная икона Богоматери Тихвинской в истории Московского государства конца XV – первой половины XVI века // История и развитие церковно-государственных отношений на примере Тихвинского Успенского монастыря (к 450-летию основания обители): материалы круглого стола / Отв. ред. М. А. Антипов, Евфимий (Шашорин, архимандрит). СПб.: Президентская б-ка им. Б. Н. Ельцина. С. 15–23.

Шуньгина С. Е., 2008. Отчет об археологическом надзоре и исследованиях на территории Большого Успенского монастыря в г. Тихвине Ленинградской области в 2008 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 43993.

Шуньгина С. Е., 2010. Отчет об археологических исследованиях и археологическом надзоре в 2010 году на территории Большого Успенского монастыря в г. Тихвин Ленинградской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 39712, № 39713, 39714 (альбомы ил.).

Шуньгина С. Е., 2021. Отчет об археологической разведке 2020 г., проведенной на территории Антониево-Дымского Свято-Троицкого монастыря (Ленинградская область, Бокситогорский район, д. Красный Броневик) и Тихвинского городского поселения (Ленинградская область, Тихвинский район) / Науч.-исслед. и проект. ин-т «Спецреставрация». СПб. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 67962, № 67963 – альбом иллюстраций к отчету.

Шуньгина С. Е., 2022. Археологическое изучение Тихвинского Богородичного Успенского мужского монастыря: краткие итоги // Актуальные проблемы изучения и сохранения памятников архитектуры: Чтения памяти И. И. Кузнецова. Вып. 2. Материалы научной конференции (Москва, 16–17 ноября 2021 г.). М. С. 376–404.

Сведения об авторе

Шуньгина Светлана Евгеньевна, ООО «НИиПИ Спецреставрация», Банковский пер., 3, Санкт-Петербург, 195299, Россия; e-mail: sveshun@mail.ru

S. E. Shungina

TRACES OF DEVELOPMENT OF THE PRECHISTENSKIY CHURCHYARD IN TIKHVIN BEFORE ITS FIRST CHRONICLE MENTION (ARCHAEOLOGICAL DATA)

Abstract. The paper provides information that can give an overall picture of Tikhvin development before of the Prechistenskiy churchyard appeared and the Assumption Cathedral was built by summarizing collected archaeological materials. It publishes comparative data from the level of undisturbed sediments within the compound of the Great Assumption Monastery and its surroundings to attempt to reconstruct microrelief. A stratum of sandy loam sediments on the bedrock which, presumably, formed in the period up to the 14th century was singled out stratigraphically. Few archaeological finds illustrate the results.

Keywords: Leningradskaya region, Tikhvin, Great Assumption Monastery, Prechistenskiy churchyard, archaeological investigations, initial relief, ceramics, 10th–14th centuries.

REFERENCES

Abelentseva O. A., 2017. O vremeni osnovaniya Uspenskogo Tikhvinskogo monastyrya: k voprosu ob istorii malykh asketicheskikh soobshchestv na pogostakh Obonezhskoy pyatiny Novgorodskogo uezda [On the time of foundation of the Assumption Tikhvin Monastery: history of small ascetic communities in churchyards of Obonezhskaya Pyatina, Novgorod district]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki [Ancient Rus. Issues of medieval studies]*, 4 (70), pp. 130–142.

Belyaev L. A., 1995. Drevnie monastyri Moskvy po dannym arkheologii [Ancient monasteries of Moscow according to archaeology data]. Moscow: IA RAN. 458 p.

Belyaev L. A., Krenke N. A., Shulyaev S. G., 2010. Dokremlevskaya Moscow: novye dannye po topografii i keramike Danilovskikh selishch IX/X–XIV vv. [Pre-Kremlin Moscow: new data on topography and ceramics of Danilovsky settlements of IX/X–XIV cc.]. *RA*, 1, pp. 104–115.

Bulkin V. A., 1982. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh, provedennykh v 1981 godu na territorii byvshego Uspenskogo monastyrya v gor. Tikhvine [Report on archaeological research conducted in 1981 in territory of the former Assumption Monastery in Tikhvin]. *Arkhiv Nauchno-issledovatel'skogo instituta «Spetsproektrestavratsiya» [Archive of Scientific Research Institute «Spetsprojectrestavratsiya»]*. (In Russian, unpublished.)

Goryunova V. M., 2005. Keramicheskiy material iz zapolneniya kompleksov «bol'shikh postroek» (raskopy 1985–1988 gg.) [Ceramic material from the filling of assemblages of «large buildings» (1985–1988 excavation trenches)]. *Nosov E. N., Goryunova V. M., Plokhov A. V. Gorodishche pod Novgorodom i poseleniya Severnogo Priil'men'ya. Novye materialy i issledovaniya [Hillfort near Novgorod and settlements of Ilmen Northern region: New materials and research]*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 67–73. (Trudy IIMK RAN, XVIII.)

Katyshevskaya A. I., 2017. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na uchastke stroitel'stva raspredelitel'nykh gazoprovodov dlya gazosnabzheniya mikrorayonov individual'noy zhiloy zastroyki v gorode Tikhvin Leningradskoy oblasti v 2015 godu [Report on archaeological research at construction site of gas distribution pipelines for gas supply to residential districts in Tikhvin, Leningrad region in 2015]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Katyshevskaya A. I., 2018. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na uchastke stroitel'stva ob"ektov inzhenernoy infrastruktury k kvartalu individual'noy zhiloy zastroyki derevni Stretilovo Tikhvinskogo gorodskogo poseleniya Tikhvinskogo munitsipal'nogo rayona Leningradskoy oblasti v 2018 godu [Report on archaeological excavations at construction site of engineering infrastructure facilities to quarter of individual residential development of village Stretilovo in Tikhvin urban settlement, Tikhvin municipal district, Leningrad Region in 2018]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Katyshevskiy Yu. V., 2011. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh i nadzore na uchastke stroitel'stva gazoprovoda k kvartalu zhiloy zastroyki v g. Tikhvin Leningradskoy oblasti v 2010 g. [Report on archaeological research and supervision at construction site of gas pipeline to residential development block in Tikhvin, Leningrad region in 2010]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Kolchin B. A., 1982. Khronologiya novgorodskikh drevnostey [Chronology of Novgorod antiquities]. *Novgorodskiy sbornik. 50 let raskopok Novgoroda [Novgorod collection. 50 years of Novgorod excavations]*. B. A. Kolchin, V. L. Yanin, eds. Moscow: Nauka, pp. 156–177.

Krupeychenko I. P., 1996. Tayny Tikhvinskoy zemli. Istoriya kraya s drevneyshikh vremen do kontsa XIV v. [Secrets of Tikhvin land. History of the region from ancient times to the end of XIV c.]. Tikhvin. 117 p.

Lapshin V. A., 1995. Arkheologicheskaya karta Leningradskoy oblasti [Archaeological map of Leningrad region], 2. Vostochnye i severnye rayony [Eastern and northern districts]. St. Petersburg: SPbGU. 232 p.

Malygin P. D., Gaydukov P. G., Stepanov A. M., 2001. Tipologiya i khronologiya novgorodskoy keramiki X–XV vv. (po materialam Troitskogo XI raskopa) [Typology and chronology of Novgorod ceramics of X–XV cc. (based on materials from Troitskiy XI excavation trench)]. *NNZ*, 15, pp. 82–97.

Mil'chik M. I., 2017. Tikhvin: gorod pozdnego russkogo Srednevekov'ya. Ocherk gradostroitel'noy istorii [Tikhvin: city of Russian High Middle Ages. An outline of urban planning history]. St. Petersburg: Liki Rossii. 328 p.: ill.

Nikonova A. A., 1990. Svodnyy otchet po arkheologicheskim issledovaniyam 1982–1989 gg. [Summary report on 1982–1989 archaeological research]. *Arkhiv E. P. Varakina i T. N. Pyatnitskoy [Archive of E. P. Varakin and T. N. Pyatnitskaya]. G. Tikhvin. Bol'shoy Uspenskiy monastyr'. Arkheologicheskie issledovaniya na territorii monastyrya. Nauchno-proektnaya dokumentatsiya. Razdel: Kompleksnye nauchnye issledovaniya. Chast' 9 [Tikhvin. Great Assumption Monastery. Archaeological research in territory of the monastery. Scientific and design documentation. Section: Comprehensive scientific research. Part 9]*. (In Russian, unpublished.)

Nosov E. N., 1991. Arkheologicheskie pamyatniki verkhov'ev Volkhova i Il'menskogo Poozer'ya kontsa I tys. n. e. (katalog pamyatnikov) [Archaeological sites of upper reaches of Volkhov and Ilmen Lake region of late I mill. AD (catalog of sites)]. *Materialy po arkheologii Novgorodskoy zemli [Materials on archeology of Novgorod land]*, 1990. Moscow: Novgorodskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya MGU, pp. 5–37.

Otchet o provedenii inventarizatsii s razrabotkoy granits territoriy i predmetov okhrany ob"ektov arkheologicheskogo naslediya Leningradskoy oblasti. II etap: Vyborgskiy, Gatchinskiy, Lodeynopol'skiy, Lomonosovskiy, Priozerskiy, Slantsevskiy, Tikhvinskiy rayony. Tikhvinskiy rayon. Tom XL (40). Kul'turnyy sloy drevnego Tikhvina i predshestvuyushchikh emu poseleniy. (Tikhvin 1–2. kul'turnyy sloy drevnego Tikhvina) [Report on inventory with development of boundaries of territories and objects of archaeological heritage protection in Leningrad region. Stage II: Vyborg, Gatchina, Lodeynopolsky, Lomonosov, Priozersky, Slantsevsky, Tikhvin districts. Tikhvin district. Volume XL (40). Cultural layer of ancient Tikhvin and settlements preceding it. (Tikhvin 1–2. cultural layer of ancient Tikhvin)]. 2022. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Leningradskoy oblasti «Direktsiya po sokhraneniyu ob"ektov kul'turnogo naslediya» [State Institution of Leningrad region «Directorate for preservation of cultural heritage objects»]*.

Otchet o rezul'tatakh naturnogo obsledovaniya i provedennoy istoriko-kul'turnoy ekspertizy na territorii stroitel'noy ploshchadki po adresu: Leningradskaya oblast', g. Tikhvin, kvartal, ogranichennyy ulitsami Delegatskoy, Krasnoarmeyskoy i Il'inskoy [Report on results of full-scale survey and historical and cultural expertise conducted in territory of construction site at the address: Leningrad region,

Tikhvin, block bounded by Delegatskaya, Krasnoarmeyskaya and Ilyinskaya streets]. 2006. *Arkhiv Komiteta po sokhraneniyu kul'turnogo naslediya Leningradskoy oblasti [Archive of Committee for preservation of cultural heritage of Leningrad region]*. (In Russian, unpublished.)

Plokhov A. V., 2005. Lepnaya keramika Ryurikova gorodishcha [Hand-made ceramics of Ryurikovo hillfort]. *Nosov E. N., Goryunova V. M., Plokhov A. V. Gorodishche pod Novgorodom i poseleniya Severnogo Priil'men'ya. Novye materialy i issledovaniya [Hillfort near Novgorod and settlements of Ilmen Northern region: New materials and research]*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 74–81. (Trudy IIMK RAN, XVIII.)

PSRL, III. Novgorodskie letopisi [Novgorod chronicles]. St. Petersburg: Arkheograficheskaya komissiya, 1841. 320 p., ill.

PSRL, IV, 1. Novgorodskaya chetvertaya letopis' [Novgorod fourth chronicle], 3. Leningrad, 1929. 151 p.

PSRL, VIII. Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku [Continuation of the chronicle according to Voskresenskiy version]. St. Petersburg: Arkheograficheskaya komissiya, 1859. 302 p., ill.

PSRL, XI. Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu [Chronicle collection, named Patriarch or Nikon chronicle]. St. Petersburg: Arkheograficheskaya komissiya, 1897. VII, 254 p.

Prusakova Z. V., 1982. Topografiya mogil'nikov u d. Konezer'e na o. Vrevo [Topography of cemeteries at Konezerye village on lake Vrevo]. *Severnaya Rus' i ee sosedi v epokhu rannego srednevekov'ya [Northern Rus and its neighbors in Early Middle Ages]*. A. D. Stolyar, ed. Leningrad: Leningradskiy gos. universitet, pp. 55–60.

Ryabinin E. A., Urban Yu. N., 1988. Drevnyaya istoriya Tikhvinskogo kraya po arkheologicheskim dannym (sovremennoe sostoyanie izucheniya drevneyshego proshlogo) [Ancient history of Tikhvin region according to archaeological data (current state of the study of ancient past)]. *Tikhvinskiy sbornik [Tikhvin collection], 1. Arkheologiya Tikhvinskogo kraya [Archaeology of Tikhvin land]*. G. S. Lebedev, ed. Tikhvin, pp. 56–68.

Senichenkova T. B., 2022. Keramika Ladogi VIII–X vv. v kontekste rannesrednevekovykh drevnostey (k rekonstruktsii istoriko-kul'turnykh protsessov na Severo-Zapade Rusi) [Ladoga ceramics of VIII–X cc. in context of Early Medieval antiquities (towards reconstruction of historical and cultural processes in the North-West of Russia)]. *Novoe v arkheologii Staroy Ladogi: materialy i issledovaniya [New in archaeology of Staraya Ladoga: materials and research]*, II. N. I. Platonova, ed. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 331–625. (Trudy IIMK RAN, LX.)

Serbina K. N., 1951. Ocherki iz sotsial'no-ekonomicheskoy istorii russkogo goroda. Tikhvinskiy posad v XVI–XVIII vv. [Essays from socio-economic history of Russian city. Tikhvin posad in XVI–XVIII cc.]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 485 p.

Shalina I. A., 2010. Chudotvornaya ikona Bogomateri Tikhvinskoy v istorii Moskovskogo gosudarstva kontsa XV – pervoy poloviny XVI veka [Miraculous icon of Our Lady of Tikhvin in history of the Moscow state at the end of XV – first half of XVI century]. *Istoriya i razvitie tserkovno-gosudarstvennykh otnosheniy na primere Tikhvinskogo Uspenskogo monastyrya [History and development of Church – State relations on the example of Tikhvin Assumption Monastery]*. M. A. Antipov, Evfimiy (Shashorin, arkhimandrit), eds. St. Petersburg: Prezidentskaya biblioteka imeni B. N. El'tsina, pp. 15–23.

Shungina S. E., 2008. Otchet ob arkheologicheskom nadzore i issledovaniyakh na territorii Bol'shogo Uspenskogo monastyrya v g. Tikhvine Leningradskoy oblasti v 2008 g. [Report on archaeological supervision and research on territory of Great Assumption Monastery in Tikhvin, Leningrad region in 2008]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Shungina S. E., 2010. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh i arkheologicheskom nadzore v 2010 godu na territorii Bol'shogo Uspenskogo monastyrya v g. Tikhvin Leningradskoy oblasti [Report on archaeological research and archaeological supervision in 2010 in territory of Great Assumption Monastery in Tikhvin, Leningrad region]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Shungina S. E., 2021. Otchet ob arkheologicheskoy razvedke 2020 g., provedennoy na territorii Antonievo-Dymskogo Svyato-Troitskogo monastyrya (Leningradskaya oblast', Boksitogorskiy rayon, d. Krasnyy Bronevik) i Tikhvinskogo gorodskogo poseleniya (Leningradskaya oblast', Tikhvinskiy rayon) [Report on archaeological exploration in 2020 conducted in territory of Antonievo-Dymsky Holy Tri-

nity Monastery (Leningrad region, Boksitogorsk district, Krasny Bronevik village) and Tikhvin urban settlement (Leningrad region, Tikhvin district)]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Shungina S. E., 2022. Arkheologicheskoe izuchenie Tikhvinskogo Bogorodichnogo Uspenskogo muzhskogo monastyrya: kratkie itogi [Archaeological study of Tikhvin Theotokos Dormition Monastery: brief results]. *Aktual'nye problemy izucheniya i sokhraneniya pamyatnikov arkhitektury [Topical problems of study and preservation of architectural monuments], 2. Materialy nauchnoy konferentsii 2021 g. [Materials of scientific conference 2021]*. Moscow, pp. 376–404.

Spiridonov A. M., 1981. Otchet o razvedochnykh arkheologicheskikh rabotakh na territorii Bol'shogo Uspenskogo monastyrya v g. Tikhvine [Report on exploratory archaeological work in territory of Great Assumption Monastery in Tikhvin]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Spiridonov A. N., 1989. Keramika Priladozhskoy kurgannoy kul'tury [Ceramics of Ladoga kurgan culture]. *Kochkurkina S. I. Pamyatniki yugo-vostochnogo Priladozh'ya i Prionezh'ya [Sites of Southeastern Ladoga and Onega regions]*. Petrozavodsk: Kareliya, pp. 303–315.

Ukaznaya gramota tsarya Ivana IV Vasil'evicha Fedoru Dmitrievichu Syrkovu o stroitel'stve Uspenskogo m-rya v Prechistenskom na r. Tikhvine pog. Obonezhskoy p. Novgorodskogo u. 1559/60 g. [Decree of Tsar Ivan IV Vasilyevich to Fyodor Dmitrievich Syrkov on construction of Assumption Monastery in Prechistensky pogost on Tikhvin river, Obonezhskaya pyatina, Novgorod uezd, 1559/60]. *Materialy po istorii Uspenskogo Tikhvinskogo monastyrya [Materials on history of Assumption Tikhvin Monastery], 1. Akty i materialy pistsovogo dela [Acts and materials of scribal case], 1. 1560–1644*. O. A. Abelentseva, comp. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arkheo, 2015, p. 1.

Vypis' iz pistsovoy knigi Obonezhskoy p. Novgorodskogo u. Andreya Likhacheva i pod"yachego Lyapuna Dobrynina na derevni Uspenskogo Tikhvinskogo m-rya v Prechistenskom na r. Tikhvine pog. Obonezhskoy p. Novgorodskogo u. (izvlechenie) ne ranee 1563/64 g. [Extract from scribe's book of Obonezhskaya pyatina, Novgorod uezd, Andrey Likhachev and clerk Lyapun Dobrynin for villages of Assumption Tikhvin Monastery in Prechistensky pogost on Tikhvin river Obonezhskaya pyatina, Novgorod uezd (extraction), not before 1563/64]. *Materialy po istorii Uspenskogo Tikhvinskogo monastyrya [Materials on history of Assumption Tikhvin Monastery], 1. Akty i materialy pistsovogo dela [Acts and materials of scribal case], 1. 1560–1644*. O. A. Abelentseva, comp. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arkheo, 2015, pp. 3–7.

Vypis' pripravochnaya iz pistsovoy knigi Obonezhskoy p. Novgorodskogo u. Andreya Likhacheva i pod"yachego Lyapuna Dobrynina na votchiny Uspenskogo Tikhvinskogo i Vvedenskogo Tikhvinskogo m-rey v Prechistenskom na r. Tikhvine pog. Obonezhskoy p. Novgorodskogo u. ne ranee 1563/64 g. [Corrected extract from scribal book of Obonezhskaya pyatina, Novgorod district Andrei Likhachev and clerk Lyapun Dobrynin on patrimony of Assumption Tikhvin and Presentation Tikhvin Monasteries in Prechistensky pogost on Tikhvin river Obonezhskaya pyatina, Novgorod uezd, not before 1563/64]. *Materialy po istorii Uspenskogo Tikhvinskogo monastyrya [Materials on history of Assumption Tikhvin Monastery], 1. Akty i materialy pistsovogo dela [Acts and materials of scribal case], 1. 1560–1644*. O. A. Abelentseva, comp. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arkheo, 2015, pp. 1–3.

About the author

Shungina Svetlana E., LLC «Scientific Research and Project Institute Spetsrestavratsiya», Bankovskiy per., 3, St. Petersburg, 195299, Russian Federation; e-mail: sveshun@mail.ru

Е. Е. Васильева, О. Ю. Чечёткина

КЛАДБИЩЕ ПРИ ЦЕРКВИ ПРЕОБРАЖЕНИЯ В г. БОРОВСКЕ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ[1]

Резюме. В 2021 г. в г. Боровске (Калужская обл.) была изучена часть кладбища XVII–XVIII вв. при храме во имя Преображения Спаса на площади. Проведенные археологические исследования включали в себя помимо полевых работ анализ коллекции деревянных погребальных сооружений, обнаруженных в ходе раскопок некрополя. Были выявлены типологические особенности коллекции, не характерные аналогичным по статусу и хронологии комплексам некрополей Верхнего Поволжья. Изучение антропологических материалов данного некрополя также свидетельствует о некоторых особенностях, характерных для этой серии в сравнении с синхронными группами из некрополей Верхнего Поволжья (Ярославля и Нижнего Новгорода) и некоторых других городов, а также более ранней выборки (XIII в.) из Ярославля. При сравнимых по значению с другими позднесредневековыми сериями среднем возрасте смерти без учета детей и соотношением полов в целом группа из Боровска оказывается близка некоторым статусным сериям по показателям встречаемости маркеров стресса как во взрослой, так и в детской выборках, а также средней реконструированной длине тела взрослых мужчин.

Ключевые слова: прицерковное кладбище, Новое время, Верхнее Поволжье, палеодемография, диафизарные длины трубчатых костей, цинга.

Введение

В 2021 г. были проведены спасательные археологические работы (раскопки) на участке благоустройства пл. Ленина в центральной части г. Боровска (Калужская область) (рис. 1). Раскопами 1 и 2 была открыта часть кладбища

[1] Работа выполнена за счет средств гранта Российского научного фонда № 22-78-10059 «Новые методы морфологического анализа и визуализации в изучении антропологического состава населения русских городов XII–XVIII вв.», https://rscf.ru/project/22-78-10059/

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.275.436-449

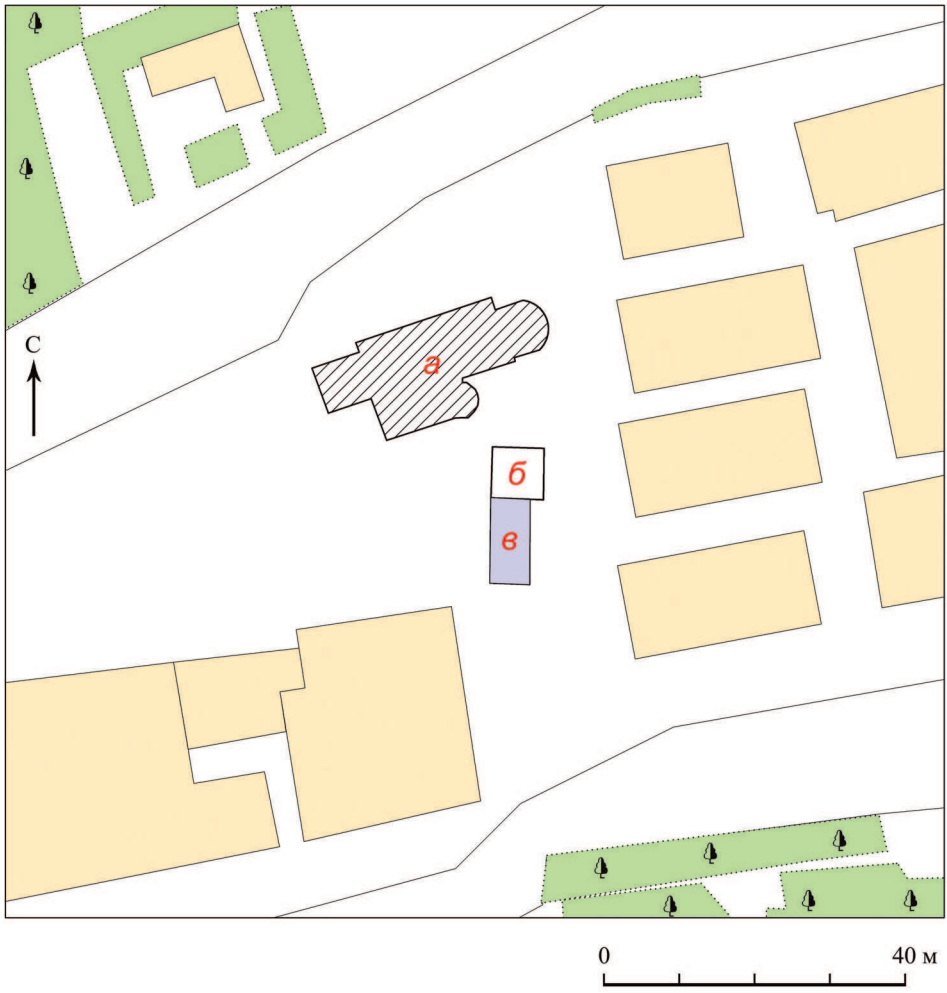


Рис. 1. Боровск. Участок исследований (по: *Терещенко*, 2023)

а – граница фундамента Преображенской церкви по Плану площади Революции гор. Боровск 1950-х гг.; *б* – граница раскопа 1; *в* – граница раскопа 2, 2021 г.

при храме во имя Преображения Спаса на площади, участок к югу от церкви (рис. 2). Всего было вскрыто 113 и 47 погребений соответственно (*Сиротштан*, 2022. С. 3; *Терещенко*, 2023. С. 3). Среди этих погребений были обнаружены человеческие останки 186 индивидуумов, из которых 55 мужчин, 47 женщин, 79 детей, 4 подростка и один взрослый, пол и возраст которого точно определить не удалось.

Основной целью настоящего исследования явилось проведение анализа типологии деревянных погребальных конструкций, что позволило выявить хронологические маркеры, а также провести сравнение с аналогичными комплексами Верхнего Поволжья. Проведенные антропологические исследования материалов

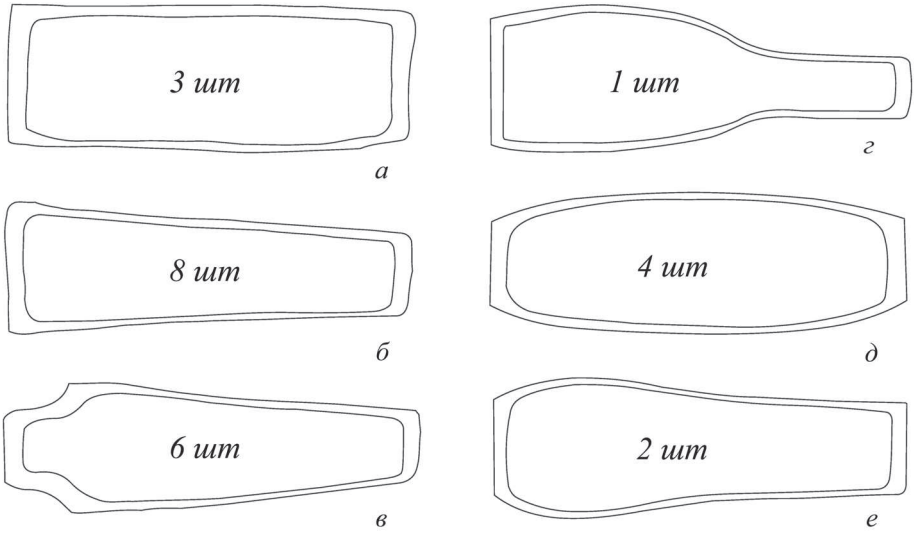


Рис. 2. Деревянные колоды из раскопок кладбища при храме во имя Преображения Спаса на площади в г. Боровске

а – прямоугольной формы; *б* – трапециевидной формы; *в, г* – антропоморфной формы; *д, е* – ладьевидной формы. Реконструкция

позволили выявить некоторые особенности данного некрополя, а также провести сравнение с синхронными сериями.

Захоронения совершены по христианскому обряду, в ряде погребальных комплексов сохранились деревянные гробы. Основная часть сохранившихся погребальных конструкций, пригодных к типологическому разбору, приходится на раскоп 2. Связано это в первую очередь со значительно более высокой плотностью захоронений на раскопе 1, расположенном ближе к зданию церкви (рис. 2), – многие захоронения разрушены котлованами могильных ям вышележащих погребений. В связи с этим можно констатировать тот факт, что погребения на раскопе 1 были совершены в деревянных гробах, однако типы, виды и даже размерные характеристики погребальных конструкций ввиду плохой их сохранности установить не представляется возможным.

Каменное здание храма во имя Преображения Спаса на площади было построено в 1736 г. на месте деревянных церквей Параскевы Пятницы (первое упоминание относится к 1621 г.) и Преображения Господня (построена на месте упраздненной в 1649 г. Пятницкой церкви). Указ о строительстве на площади Боровска каменной Преображенской с Пятницким приделом церкви относится к 1703 г. Строительство велось более 30 лет на средства прихожан (*Легостаев и др.*, 2015. С. 49). Храм значительно пострадал во время городского пожара 1857 г. (Там же. С. 51), к 1934 г. относится упоминание об использовании храма в качестве зернохранилища. Во время Великой Отечественной войны здание было повреждено снарядом, после чего простояло пустующим 15 лет и было взорвано в 1957 г. (Там же. С. 53–54).

Таким образом, по результатам историко-библиографических исследований, время бытования некрополя можно отнести к периоду XVII–XVIII вв., не исключено, что немногочисленные захоронения совершались и в более позднее время. Авторы принимают это допущение, поскольку нами уже неоднократно упоминалось, что законы второй трети XVIII в. о запрете на захоронения в черте городов привели к тому, что количество погребений XVIII в. сократилось, но не так значительно, как это представлялось исследователям ранее (см., например: *Васильева, Решетова*, 2017; *Васильева*, 2020б).

Методика исследований

Археологические исследования проводились с применением стандартной методики – был выполнен типологический разбор коллекции, проведен сравнительный анализ с поиском аналогов.

Антропологические материалы изучены по нескольким программам.

Половозрастные определения взрослых индивидов проводились согласно методам физической антропологии с учетом развития морфологических особенностей черепа и посткраниального скелета (*Алексеев, Дебец*, 1964; *Алексеев*, 1966; *Ubelaker*, 1978). Диагностика возраста детей осуществлялась в соответствии со стандартами ювенильной остеологии (*Schaefer et al*., 2009). Зубной возраст фиксировался по схеме Д. Убелакера (*Ubelaker*, 1978). Измерению подверглись останки детей с неприросшими эпифизами. Измерялись только диафизарные длины трубчатых костей. В большей части сохранность костяков была полной и позволила сверить результаты с определением биологического возраста по степени формирования зубной системы. В случае расхождения сопоставленных данных приоритетом в определении возраста была степень прорезывания зубов.

Вычисление демографических характеристик серии производилось при помощи программы Д. В. Богатенкова *Acheron*. Анализировались следующие демографические параметры:

N – реальный объем выборки;

A – средний возраст смерти в группе;

AA – средний возраст смерти без учета детей;

PCD – процент детской смертности;

PSR – процент индивидов данного пола.

По формуле Троттер и Глезер (*Trotter, Glezer*, 1958) для европейцев по длинам бедренных костей была реконструирована длина тела 73 взрослых индивидов (44 мужчин, 29 женщин). Расчеты проводились по костям правой стороны туловища, но при их отсутствии использовались данные по левой стороне. При анализе этого параметра в выборке не учитывались данные по 29 индивидам, чьи останки были представлены крайне фрагментарно и не позволили провести измерение наибольших длин трубчатых костей.

С целью характеристики уровня состояния здоровья и качества жизни людей фиксировались некоторые патологические признаки на черепах и костях посткраниального скелета взрослых индивидов согласно рекомендациям А. П. Бужиловой (*Бужилова*, 1998). Также оценивалось состояние зубной

системы на основании данных о встречаемости таких патологий, как кариес, зубной камень, парадонтопатия (пародонтит) и прижизненная утрата зубов. Эмалевая гипоплазия и криброзные изменения во внутренней области орбит (cribra orbitalia) рассматривались как маркеры периодических физиологических стрессов в детском возрасте (*Бужилова*, 1998. С. 97, 123; *Медникова*, 2017. С. 50). Уровень травматизма и характер постоянных физических нагрузок реконструировался по зарегистрированным зажившим переломам на костях черепа и посткраниального скелета, степени изношенности позвоночника.

Была произведена диагностика внешних признаков заболеваний детского возраста. При характеристике патологических проявлений у детей в первую очередь обращалось внимание на регистрацию маркеров рахита, цинги и анемии. Для сравнения привлекались данные о состоянии костной системы и демографических особенностях серий из некрополей городов Верхнего Поволжья, данные по которым были опубликованы.

Результаты

Захоронения выполнены в деревянных гробах, сохранность которых варьируется от пятен древесного тлена в границах могильной ямы того или иного погребения до целых форм погребальных конструкций, включая крышку. На раскопе 2 количество целых форм деревянных гробов составляет более 80 %. Из 47 погребений 38 совершено в долбленых колодах, в остальных случаях сохранность древесных остатков не позволяет идентифицировать тип погребальной конструкции. Из 38 колод выявлено: неопределимой формы – 14 шт., прямоугольных – 3 шт., трапециевидных – 8 шт., антропоморфных – 6 шт., колод ладьевидной формы – 7 шт. (с расширением в центральной части – 4 шт., с расширением в головной части – 2 шт., с расширением в центральной части и сужением в ножной – 1 шт.).

Результаты типологического анализа коллекции крайне интересны в сравнении с аналогичными по хронологии комплексами прицерковных кладбищ Верхнего Поволжья. Первое, что на себя обращает внимание, – отсутствие составных гробов. Необходимо отметить, что тип погребальной конструкции возможно определить не только по целым формам, но и по обломкам торцевых, ножных частей и частей стенок и дна (*Васильева*, 2018. С. 94; *Васильева*, 2020а. С. 85, 89), поэтому даже в случае значительного разрушения погребальной конструкции ее тип, как правило, установим. К тому же в случае боровского некрополя мы имеем дело с поздним кладбищем XVII–XVIII вв., и именно в этот период на городских прицерковных кладбищах количество составных гробов превышает количество колод в 1,6–1,8 раза, а на монастырских некрополях начиная с XVIII в. составные гробы либо начинают преобладать над долблеными, либо полностью их вытесняют (*Васильева*, 2020б. С. 138). В целом для этого хронологического периода характерны захоронения взрослых в составных и долбленых гробах и захоронения детей преимущественно в долбленых колодах, в случае же с Боровском, хотя и количество детских захоронений превышает средние значения (процент детской смертности составляет 47,9 %, что является выше среднего), ни одного составного гроба не выявлено.

Еще одной интересной особенностью боровской коллекции является преобладание колод трапециевидной формы. Из 28 некрополей Верхнего Поволжья, изученных автором в рамках диссертационного исследования, подобная картина наблюдалась нами только при анализе комплекса Исуповского могильника (Костромская область) (*Васильева*, 2020в. С. 91), который можно отнести к категории «сельских» кладбищ. Общая тенденция развития форм погребальных конструкций заключается в постепенном вытеснении трапециевидными колодами колод сложных форм, преимущественно ладьевидных, однако в случае боровского некрополя количественное различие незначительно.

Исходя из вышеупомянутых особенностей коллекции, можно сделать вывод о том, что на кладбище при церкви Преображения в г. Боровске преобладала общая тенденция к упрощению погребальных конструкций, но только в случае формы, поскольку перехода к составным гробам нами не зафиксировано.

Обращает на себя внимание несовпадение размеров погребальной конструкции и длины тела погребенного (гроб превышает длину тела на 20–40 см). Такая особенность достоверно зафиксирована в шести случаях погребений взрослых. Это крайне необычно для эпохи Нового времени, поскольку вплоть до начала XX в. вместилища для тела изготавливались по росту погребенного. Наиболее вероятное объяснение этому феномену заключается в том, что гробы заготавливались заранее, в длину же они делались «с запасом», учитывая средний рост мужского населения Боровска, который составлял 171 см, причем рост отдельных индивидов достигал 180 см.

В составе боровской серии численно заметно преобладают мужчины (табл. 1), что является типичным для большинства городских серий (*Benedictow*, 1996. P. 160, 161). Средний возраст смерти, без учета детей, в этой выборке составил 31,9 лет. В том же возрастном интервале (30–34 года) располагаются значения данного показателя в сериях XVII в. из Ярославля (31,7 лет) и Великого Новгорода (31,6 лет) (*Медникова и др*., 2013. С. 158; *Евтеев, Олейников*, 2015. С. 149), в то время как в более ранней серии XVI в. из Великого Новгорода (36,2 лет) и, предположительно, статусной серии XV–XVII вв. из некрополя на территории Можайского кремля (37,5 лет) он заметно выше (*Евтеев, Олейников*, 2015. С. 148; *Тарасова, Чечёткина*, 2021. С. 129). Средний возраст смерти взрослых женщин (30,3 лет) в объединенной выборке из раскопов 1 и 2 немного ниже, чем у мужчин (33,5 лет). Процент детской смертности составляет 47,9 %, что превышает средние значения этого параметра в большинстве позднесредневековых серий и серий Нового времени (*Алексеев*, 1989. С. 3; *Медникова и др*., 2013. С. 158; *Евтеев, Олейников*, 2015. С. 146; *Тарасова, Чечеткина*, 2021. С. 129).

Детская выборка включает останки 99 индивидов в возрасте от 0 до 13 лет, из них только 68 с сохранившимися для измерения трубчатыми костями. Дети были разделены по возрастным интервалам: 3 ребенка внутриутробного развития, 5 детей – от 0 до 1,5 мес.; 13 – от 1,5 до 3 мес.; 11 – от 3 до 6 мес.; 7 – от 6 до 1 года; 6 – от 1 до 1,5 лет; 4 – от 1,5 до 2 лет; 5 – от 2 до 2,5 лет; по 1 ребенку в возрасте – 2,5, 3, 5, 7, 8, 11 лет; 2 – от 6 до 7 лет; 4 – от 10 до 11 лет; 2 – от 13 до 14 лет. В целом в детской выборке преобладают индивиды, умершие до 6 лет (91 из 99 детей).

Таблица 1. Демографические характеристики в объединенных выборках

Признаки	Раскоп 1 и 2 (XVI–XVIII вв.)			
	В целом	Муж.	Жен.	Взрослые
N	207	62	44	107,9
A	18,8	33,5	30,3	31,9
AA	31,9	33,5	30,3	31,9
PCD	47,9	–	–	–
PSR	–	58,5	41,5	–

Во взрослой группе были зафиксированы зубочелюстные патологии, некоторые маркеры эпизодического стресса и физических нагрузок, значения частоты встречаемости по которым представлены в табл. 2.

Таблица 2. Частота встречаемости патологий и маркеров стресса в серии из Боровска

Признак	Вся серия	
	№	%
Кариес зуба	14	13,20
Зубной камень	18	16,98
Парадонтопатия	19	17,92
Прижизненная утрата зуба	35	33,01
Эмалевая гипоплазия	11	10,37
Cribra orbitalia	7	6,60
Узлы Шорля	14	13,2
Последствия травм	15	14,15

Гипоплазия эмали, индикатор эпизодических стрессов, испытанных в детском возрасте, зафиксирована на зубах 11 взрослых индивидов. Патологические изменения на внутренней стенке глазниц, *cribra orbitalia*, являющиеся маркером преодоленной анемии, встречены всего у 7 индивидов.

Были зарегистрированы последствия различных травматических повреждений, их количество составило 13 %. В мужской выборке присутствуют зажившие переломы ребер, ключиц, локтевых, бедренной, таранной кости. У женщины 45–49 лет из погребения 75 выявлено срастание правой бедренной кости с тазовой, возможное последствие перелома головки бедренной кости (встречаются чрезвычайно редко, возникают во время сильного удара вдоль оси приведенного бедра, когда край вертлужной впадины срезает конец головки).

Стоит отметить, что в описанном ранее случае у одного индивида некоторые травматические повреждения были идентифицированы нами как боевые

и в сочетании с другими патологическими изменениями на костях его скелета, а также с учетом археологического контекста, интерпретированы как признаки принадлежности этого человека к воинской элите (*Васильева и др*., 2023).

На останках 14 индивидов были встречены т. н. «узлы Шморля», последствия хрящевых грыж, приводящих к дефектам губчатой ткани тел позвонков. Они были зафиксированы как у мужчин, так и у женщин. На наш взгляд, эта патология может свидетельствовать о присутствии в группе интенсивных физических нагрузок.

У одного мужчины 35–39 лет было обнаружено сращение двух грудных позвонков, что может быть интерпретировано как дискретный признак, последствие специфической физической активности или являться следствием травмы.

Численность взрослых индивидуумов с сохранившимися длинными костями оказалась велика и позволила проанализировать параметры роста. Длина тела по длинам бедренных костей была реконструирована для 46 человек (табл. 3). В объединенной серии была установлена длина тела 34 мужчин и 12 женщин. В среднем длина тел мужчин составила 171 (170,76) см, женщин – 153 (153,03) см. Минимальный рост мужчин составил 155 (155,08) см, для женщин – 143 (143,02) см. Максимальный рост мужчин составил 180 (180,37) см, женщин – 161 (161,79) см.

Таблица 3. Средние значения остеометрических признаков в серии из Боровска

Признаки по Р. Мартину	Мужчины			Женщины		
	n	x	s	n	x	s
Плечевая кость						
1. Наибольшая длина	28	328,68	39,6	21	303,24	40,31
7. Наименьшая окружность диафиза плечевой кости	32	70,2	12,73	21	59,68	16,26
Лучевая кость						
1. Наибольшая длина	29	243,59	13,77	15	227,87	22,21
2. Наименьшая окружность диафиза	27	41,41	9,9	15	33,8	4,24
Локтевая кость						
1. Наибольшая длина	25	262,4	40,31	14	245,5	7,07
3. Наименьшая окружность диафиза	25	38,2	7,07	13	33	6,36
Бедренная кость						
1. Наибольшая длина	34	453,44	76,37	12	400,55	53,74
8.Окружность середины диафиза	41	87,78	13,44	14	74,93	7,07
Большеберцовая кость						
1.Общая длина	31	372,55	65,05	6	327,33	53,74
10b. Наименьшая окружность диафиза	32	75,69	19,8	5	39,6	6,36
Длина тела*	35	170,76	–	11	153,03	–

Средние значения длины тела мужчин близки к таковым в выборке из некрополя Можайского кремля XV–XVII вв. (171,7 см) и, вероятно, статусной группы ярославцев XIII в. (171 см) (*Медникова, Тарасова*, 2022. С. 81). В синхронной серии из Нижнего Новгорода средняя длина тела мужчин составляет 168,8 см. Средняя длина тела женщин исследуемой серии близка к значениям этого параметра в позднесредневековой серии из Суздаля (155,4 см) и более ранней (XIII–XIV вв.) из Владимира (Там же. С. 83). В синхронной боровской нижегородской серии средняя длина тела женщин составляет 156,1 см.

В детской выборке на костях скелета были зарегистрированы некоторые признаки витаминной недостаточности. Так, у 39,3 % детей выявлены случаи младенческой цинги (авитаминоз С), с видимыми изменениями на сфеноидной кости в виде оссифицированных последствий поднадкостничных кровоизлияний. Преобладает количество детей с цингой в возрасте от 0 до 1 года. У 52,4 % был встречен характерный изгиб диафизов костей бедра (авитаминоз D). Рахит преобладает у детей в возрасте от 0 до 2 лет. Маркеры анемии встречены у 16,4 % детей. Признаки травм не были обнаружены.

Детская выборка из Боровска по указанным параметрам демонстрирует меньшие показатели, чем синхронная выборка из Ярославля, где заметно чаще встречаются признаки цинги и анемии (52,5 и 28,8 % соответственно), а также несколько больше детей с последствиями рахита (58,5 %). Заметно больше в выборке из Боровска детей без видимых патологий на костях – 21,3 и 7,6 % соответственно (*Чечёткина*, 2022).

Был проведен сравнительный анализ скелетного возраста, определенного по современным стандартам длин трубчатых костей, по отношению к зубному возрасту, наиболее близкого к реальному (см., напр.: *Бужилова*, 1998. С. 97). По его результатам оказалось возможным оценить наличие или отсутствие отставания продольного роста тела у 29 детей из Боровска. Отставание соматического развития наблюдается у 82,75 % детей в возрасте от 1,5 месяца до 8 лет (рис. 3). Таким образом, у детей из Боровска прослеживается меньшее отставание продольного развития трубчатых костей от зубного возраста, чем в ярославской группе, где только 1 % детей демонстрирует согласованные темпы развития зубной и скелетной систем (*Чечёткина*, 2023). Отсутствие у детей травм показывает более благополучные условия жизни детей в Боровске.

Выводы

Комплекс материалов с кладбища при храме во имя Преображения Спаса в г. Боровске по ряду признаков выделяется среди аналогичных по статусу и хронологии некрополей Верхнего Поволжья. Проведенный анализ типологического состава деревянных погребальных конструкций, с одной стороны, сближает его с сельским некрополем (Исуповский могильник Костромской области), с другой стороны, по соотношению типов боровское кладбище на раннем своем этапе функционирования[2] сближается с комплексами монастырских некрополей.

[2] Имеются в виду погребения, совершенные до XVIII в., поскольку только в этом случае будет корректным проводить сравнение городского некрополя с монастырским.

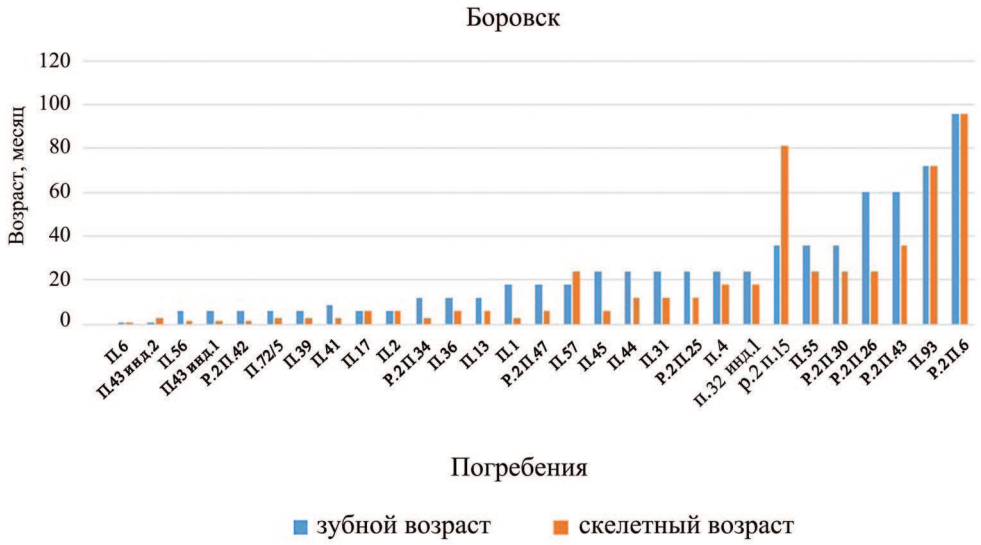


Рис. 3. График соответствия скелетного и зубного возраста детей в серии из Боровска

Примечание: ось «X» – нумерация погребений, ось «Y» – месяцы жизни

Наличие значительного количества гробов, превышающих по длине рост усопших, вероятнее всего, является следствием заготовки погребальных конструкций, что также нехарактерно для некрополей позднего Средневековья и Нового времени. Это явление намного более позднее, появляется с конца XIX – начала XX в.

Изучение антропологической коллекции дало представление об уровне жизни населения Боровска. Низкая встречаемость маркеров стресса иллюстрирует относительно благоприятный уровень жизни. Косвенно об этом может свидетельствовать присутствие в серии индивидов высокого социального статуса, выявленное нами в рамках предыдущих исследований (*Васильева и др*., 2023). При этом значение среднего возраста смерти без учета детей, который в палеопатологии является индикатором здоровья и может интерпретировать качество жизни в исследуемой популяции, оказалось невысоким. Изучение других демографических характеристик позволило выявить большую долю детской смертности и существенное преобладание количества мужских погребений над женскими, что может быть отнесено к характерным особенностям городских серий. Реконструированная средняя длина тела мужчин находит аналогии в статусных

Дело в том, что указы Петра I, регулирующие оформление вместилищ для тела (указ «О неделании дубовых гробов» от 1723 г. и более поздний указ, разрешающий изготовление гробов только из досок), соблюдались только на монастырских некрополях. На типологическом составе коллекций погребальных конструкций, происходящих с городских и сельских некрополей, выход данных указов отразился слабо (см.: *Васильева*, 2020в).

разновременных группах и оказалась большей, чем у синхронной мужской выборки из Нижнего Новгорода. При этом средний рост женщин из Боровска оказался более низким, чем у нижегородских женщин того же времени. Детская выборка из Боровска, несмотря на свою многочисленность, демонстрирует сравнительно меньшие показатели частоты встречаемости маркеров авитоминозов и других патологических проявлений, а также большее количество детей с согласованными темпами развития зубной и скелетной систем, что может свидетельствовать в пользу ее большего благополучия по сравнению, например, с ярославской. Отметим также, что, как уже упоминалось выше, относительно невысокой оказалась и встречаемость маркеров стресса во взрослой выборке исследуемой серии. Таким образом, по множеству признаков мы можем судить, что уровень жизни в группе был относительно благоприятным. Высокая смертность у детей и невысокий средний возраст у взрослых может быть особенностью данной выборки. Статус данной группы сложно охарактеризовать из-за малого количества археологических находок в погребениях.

Дальнейшие углубленные исследования материалов некрополя при храме во имя Преображения Спаса на площади в г. Боровске могут помочь выявить причины особенностей погребального обряда и антропологических характеристик у населения этого города в XVII–XVIII вв.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В. П., 1966. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 251 с.

Алексеев В. П., 1989. Историческая антропология и этногенез. М.: Наука. 436 с.

Алексеев В. П., Дебец Г. Ф., 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 128 с.

Бужилова А. П., 1998. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: Старый сад. С. 87–147.

Васильева Е. Е., 2018. Исследования деревянных погребальных конструкций некрополя Чудова монастыря Московского Кремля // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. Т. 45. № 1. С. 90–96.

Васильева Е. Е., 2020а. О единой системе описания деревянных погребальных конструкций позднего Средневековья и Нового времени // РА. № 2. С. 85–90.

Васильева Е. Е., 2020б. Особенности деревянных погребальных сооружений XVIII в. // Жизнь и смерть в Российской империи: Новые открытия в области археологии и истории России XVIII–XIX вв. / Отв. ред.: Л. А. Беляев, В. Н. Захаров. М.: Индрик. С. 136–140.

Васильева Е. Е., 2020в. Подземные погребальные деревянные конструкции городских и монастырских некрополей позднего Средневековья и Нового времени Верхнего Поволжья: дис. … канд. ист. наук. Т. 1. М. 320 с.

Васильева Е. Е., Решетова И. К., 2017. Об одной группе захоронений XIX века на кладбище при церкви Иоанна Златоуста в городе Ярославле: археология и антропология // ТТЗ. Вып. 10. С. 379–384.

Васильева Е. Е., Чечёткина О. Ю., Тарасова А. А., 2023. Об одном захоронении на кладбище при церкви Преображения в г. Боровске: археологический и антропологический аспект // КСИА. Вып. 272. С. 391–403.

Евтеев А. А., Олейников О. М., 2015. Археологические и палеоантропологические исследования на Даньславле улице в Великом Новгороде // РА. № 1. С. 136–152.

Легостаев В. В., Носиков С. П., Шатохин А. В., 2015. Храмы Боровского уезда. Брянск: Группа компаний «Десяточка». 548 с.

Медникова М. Б., 2017. Биоархеология детства в контексте раннеземледельческих культур Балкан, Кавказа и Ближнего Востока. М.: Club Print. 224 с.

Медникова М. Б., Тарасова А. А., 2022. Население русских городов Нового времени по данным антропологического источника: особенности процессов роста и секулярный тренд // В поисках бояр Романовых: междисциплинарное исследование усыпальницы XVI–XVIII вв. в Знаменской церкви Новоспасского монастыря в Москве. Вып. 2 / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН: Club Print. С. 67–87.

Медникова М. Б., Энговатова А. В., Решетова И. К., Шведчикова Т. Ю., Васильева Е. Е., 2013. Эпидемиология войны и смуты: антропологические и письменные источники в изучении качества жизни населения русского города XVI–XVII вв. (на примере Ярославля) // КСИА. Вып. 231. С. 154–171.

Сироштан И. И., 2022. Отчет об археологических исследованиях на выявленном объекте археологического наследия «Исторический культурный слой г. Боровска» Калужской области в 2021 г. // Архив ИА РАН. Б/н.

Тарасова А. А., Чечеткина О. Ю., 2021. Антропологические материалы из раскопок на территории Можайского кремля. Предварительное сообщение // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. № 1. С. 125–138.

Терещенко Е. И., 2023. Отчет об археологических исследованиях на выявленном объекте археологического наследия «Исторический культурный слой г. Боровска» Калужской области в 2021 г. // Архив ИА РАН. Б/н.

Чечёткина О. Ю., 2022. Патологии у детей, погребенных в городских некрополях XVI–XVIII вв. // КСИА. Вып. 269. С. 296–310.

Чечёткина О. Ю., 2023. Рост детей в русских городах XV–XVII вв. // РА. № 1. С. 128–134.

Benedictow O. J., 1996. The demography of the Viking age and the high middle ages in the Nordic countries // Scandinavian Journal of History. Vol. 21. Iss. 3. P. 151–182.

Schaefer M., Black S., Scheuer L., 2009. Juvenile osteology: a laboratory and field manual. Amsterdam: Elsevier. 369 p.

Trotter M., Gleser G. C., 1958. A re-evaluation of estimation of stature based on measurements of stature taken during life and of long bones after death // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 16. № 1. P. 79–123.

Ubelaker D. H., 1978. Human skeletal remains: excavation, analysis, interpretation. Chicago: Aldine Publishing. 116 p.

Сведения об авторах

Васильева Елена Евгеньевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: veda_lv@mail.ru;

Чечёткина Ольга Юрьевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: chechyotkina91@bk.ru

E. E. Vasil’eva, O. Yu. Chechyotkina

THE CEMETERY AT THE TRANSFIGURATION CHURCH IN BOROVSK: ARCHAEOLOGICAL AND ANTHROPOLOGICAL ASPECTS

Abstract. In 2021 a part of the cemetery was investigated in the graveyard at the Church of the Transfiguration of the Savior in the square in Borovsk (Kaluga region). Besides the fieldwork, the archaeological investigation included analysis of the assemblage of wooden funerary constructions discovered during the cemetery excavations. The analysis identified typological traits of the assemblage that are not typical for cemetery sites in the Upper Volga region regarding their status and chronology. The examination of the anthropological remnants from this cemetery also reveals some distinctive

features characteristic of this series compared with contemporary series from the cemeteries in the Upper Volga region (Yaroslavl and Nizhny Novgorod) and some other cities as well as the earlier sample (12th century) from Yaroslavl. While the values of mean age at death disregarding children and sex ratio are comparable with those estimated for other late medieval series, on the whole, the Borovsk series appears to be close to some high status series relating to such indicators as prevalence of stress markers both in the adult sample and the children sample as well as average reconstructed length of the body of adult males.

Keywords: church cemetery, early modern period, Upper Volga region, paleodemography, diaphyseal length of long bones, scurvy.

REFERENCES

Alekseev V. P., 1966. Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy [Osteometry. Methodology of anthropological research]. Moscow: Nauka. 251 p.

Alekseev V. P., 1989. Istoricheskaya antropologiya i etnogenez [Historical anthropology and ethnogenesis]. Moscow: Nauka. 436 p.

Alekseev V. P., Debets G. F., 1964. Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy [Craniometry. Methodology of anthropological research]. Moscow: Nauka. 128 p.

Buzhilova A. P., 1998. Paleopatologiya v bioarkheologicheskikh rekonstruktsiyakh [Paleopathology in bioarchaeological reconstructions]. *Istoricheskaya ekologiya cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniy [Historical human ecology. Methods of biological research]*. Moscow: Staryy sad, pp. 87–147.

Chechyotkina O. Yu., 2022. Patologii u detey, pogrebennykh v gorodskikh nekropolyakh XVI–XVIII vv. [Pathologies in the children buried in urban cemeteries of 16th–18th centuries]. *KSIA*, 269, pp. 296–310.

Chechyotkina O. Yu., 2023. Rost detey v russkikh gorodakh XV–XVII vv. [The height of children in Russian cities of 15th–17th cc.]. *RA*, 1, pp. 128–134.

Evteev A. A., Oleynikov O. M., 2015. Arkheologicheskie i paleoantropologicheskie issledovaniya na Dan'slavle ulitse v Velikom Novgorode [Archaeological and paleoanthropological research in Danslavl street in Veliky Novgorod]. *RA*, 1, pp. 136–152.

Legostaev V. V., Nosikov S. P., Shatokhin A. V., 2015. Khramy Borovskogo uezda [Churches of the Borovsk uezd]. Bryansk: Gruppa kompaniy «Desyatochka». 548 p.

Mednikova M. B., 2017. Bioarkheologiya detstva v kontekste rannezemledel'cheskikh kul'tur Balkan, Kavkaza i Blizhnego Vostoka [Bioarchaeology of childhood in context of early farming cultures of the Balkans, Caucasus and Near East]. Moscow: Club Print. 224 p.

Mednikova M. B., Tarasova A. A., 2022. Naselenie russkikh gorodov Novogo vremeni po dannym antropologicheskogo istochnika: osobennosti protsessov rosta i sekulyarnyy trend [Population of Russian cities of Modern times according to anthropological source: features of growth processes and secular trend]. *V poiskakh boyar Romanovykh: mezhdistsiplinarnoe issledovanie usypal'nitsy XVI–XVIII vv. v Znamenskoy tserkvi Novospasskogo monastyrya v Moskve [In search of the Romanov Boyars: interdisciplinary study of the XVI–XVIII cc. tomb in the Znamenskaya church of Novospassky Monastery in Moscow]*, 2. N. A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN: Club Print, pp. 67–87.

Mednikova M. B., Engovatova A. V., Reshetova I. K., Shvedchikova T. Yu., Vasil'eva E. E., 2013. Epidemiologiya voyny i smuty: antropologicheskie i pis'mennye istochniki v izuchenii kachestva zhizni naseleniya russkogo goroda XVI–XVII vv. (na primere Yaroslavlya) [The epidemiology of war and times of unrest: anthropological and written sources used in the study of the quality of life of urban population in the 16th and 17th centuries (using Yaroslavl as an example)]. *KSIA*, 231, pp. 154–171.

Siroshtan I. I., 2022. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na vyyavlennom ob"ekte arkheologicheskogo naslediya «Istoricheskiy kul'turnyy sloy g. Borovska» Kaluzhskoy oblasti v 2021 g. [Report on archaeological research at the identified archaeological heritage site «Historical cultural deposit of Borovsk», Kaluga region in 2021]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Tarasova A. A., Chechetkina O. Yu., 2021. Antropologicheskie materialy iz raskopok na territorii Mozhayskogo kremlya. Predvaritel'noe soobshchenie [Anthropological materials from excavations in territory of Mozhaysk kremlin. Preliminary information]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya [Bulletin of Moscow University. Series 23: Anthropology]*, 1, pp. 125–138.

Tereshchenko E. I., 2023. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na vyyavlennom ob"ekte arkheologicheskogo naslediya «Istoricheskiy kul'turnyy sloy g. Borovska» Kaluzhskoy oblasti v 2021 g. [Report on archaeological research at the identified archaeological heritage site «Historical cultural deposit of Borovsk», Kaluga region in 2021]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Vasil'eva E. E., 2018. Issledovaniya derevyannykh pogrebal'nykh konstruktsiy nekropolya Chudova monastyrya Moskovskogo Kremlya [Studies of wooden burial structures in necropolis of Chudov monastery of Moscow Kremlin]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. Politologiya [Scientific bulletin of Belgorod state university. History. Political science]*, vol. 45, no. 1, pp. 90–96.

Vasil'eva E. E., 2020a. O edinoy sisteme opisaniya derevyannykh pogrebal'nykh konstruktsiy pozdnego Srednevekov'ya i Novogo vremeni [The unified system for describing wooden funerary structures of the late Middle Ages and Modern period]. *RA*, 2, pp. 85–90.

Vasil'eva E. E., 2020b. Osobennosti derevyannykh pogrebal'nykh sooruzheniy XVIII v. [Specifics of wooden burial constructures of XVIII c.]. *Zhizn' i smert' v Rossiyskoy imperii. Novye otkrytiya v oblasti arkheologii i istorii Rossii XVIII–XIX vv. [Life and death in the Russian Empire. New discoveries in field of archeology and history of Russia, XVIII–XIX cc.]*. L. A. Belyaev, V. N. Zakharov, eds. Moscow: Indrik, pp. 136–140.

Vasil'eva E. E., 2020c. Podzemnye pogrebal'nye derevyannye konstruktsii gorodskikh i monastyrskikh nekropoley pozdnego Srednevekov'ya i Novogo vremeni Verkhnego Povolzh'ya: dissertatsiya … kandidata istoricheskikh nauk [Underground burial wooden structures of urban and monastic necropolises of Late Middle Ages and Modern times in Upper Volga region: PhD dissertation], 1. Moscow. 320 p.

Vasil'eva E. E., Chechyotkina O. Yu., Tarasova A. A., 2023. Ob odnom zakhoronenii na kladbishche pri tserkvi Preobrazheniya v g. Borovske: arkheologicheskiy i antropologicheskiy aspekt [One burial from the cemetery near Transfiguration Church in Borovsk: archaeological and anthropological aspects]. *KSIA*, 272, pp. 391–403.

Vasil'eva E. E., Reshetova I. K., 2017. Ob odnoy gruppe zakhoroneniy XIX veka na kladbishche pri tserkvi Ioanna Zlatousta v gorode Yaroslavle: arkheologiya i antropologiya [On one group of graves of XIX century in the cemetery at the Church of St. John Chrysostom in the city of Yaroslavl: archaeology and anthropology]. *TTZ*, 10, pp. 379–384.

About the authors

Vasil'eva Elena E., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: veda_lv@mail.ru;

Chechyotkina Olga Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: chechyotkina91@bk.ru

М. М. Шахнович, И. К. Решетова

ПОГРЕБЕНИЕ В ЦЕРКВИ КАНДАЛАКШСКОГО МОНАСТЫРЯ: К ВОПРОСУ О ТОПОГРАФИИ СТАТУСНЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ В ХРАМАХ РУССКОГО СЕВЕРА В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ[1]

Резюме. В 2013 г. были проведены раскопки в алтаре монастырской церкви Рождества Богородицы в городе Кандалакша (Мурманская область). В южной части раскопа найдено оригинальное погребение мужчин 45–55 и 35–45 лет, тела которых лежали друг на друге. Находки – один железный гвоздь около головы и остатки боковых досок у верхнего погребенного. Анализ планиграфии расположения костяков, их анатомическая целостность и ненарушенность, характер засыпки ямы позволяют считать, что тела были захоронены не одновременно при отсутствии ситуации их перезахоронения из другого места. В статье рассматривается практика таких захоронений в позднем Средневековье на Русском Севере. Погребение анонимно, но можно предположить, что это были монахи Кандалакшского монастыря, имевшие высокий статус в местной общине. Возможно, один из них был местночтимым святым. Датировка верхнего погребенного – середина XVII в. Антропологический анализ показал, что для погребенных характерны показатели, сравнимые с сериями из Великого Новгорода и Смоленска, а также пищевая модель – смешанная диета с высоким содержанием белкового компонента.

Ключевые слова: Русская Лапландия, Кандалакша, позднее Средневековье, могила в алтаре, православный погребальный обряд, палеоантропология, изотопный анализ.

[1] Исследование выполнено в рамках госзадания по теме НИР FMEZ-2024-002 «Динамика социокультурного облика Кольского Севера в контекстах истории освоения арктического фронтира России». Антропологические исследования проводились в рамках плановой темы ИА РАН «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем» (НИОКТР 122011200264-9).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.275.450-467

Введение

Погребальные памятники – это один из основных, интересных видов археологических источников, методика изучения которых, по мере накопления опыта раскопок, постоянно развивается. Важной частью археологии погребений является интерпретация полученного материала. Православный похоронный обряд, оставаясь консервативным по своим общим нормам, эволюционирует в широком историко-культурном контексте. Это создает значительную вариативность конструктивных элементов могильных комплексов, так же как и в нехристианских культурах, обусловленную стандартными факторами: этническими, социальными, индивидуальными. В статье мы хотим остановиться на одной из форм позднесредневекового погребального обряда – захоронениях внутри монастырских церквей.

Рождественский Кандалакшский монастырь – древнейшая обитель Русской Лапландии, основанная в первой трети XVI в. Он располагался на левом берегу реки Нива при впадении ее в Белое море. На противоположной стороне реки находилось древнее поморское поселение – центр сбора податей с лопарских погостов. В XVI–XVII вв. монастырь активно развивался, имел обширное хозяйство и многочисленную братию. Уже на начальном этапе его истории на монастырской усадьбе были построены два храма: Рождества Пречистой Богородицы и святителя Николая Чудотворца. Они неоднократно горели во время нападений «каянских шведов» (1589 г.), «воровских шаек литовцев» (1613, 1615 гг.), английской флотилии (1855 г.) или «от небрежения» (1693 г.). По секуляризационной реформе Екатерины II в 1764 г. обедневший монастырь был упразднен и более не возрождался, а Пречистенская церковь стала относиться к приходу с. Кандалакша. Сейчас бывшая территория усадьбы монастыря занята поморским кладбищем XIX–XX вв. и частными домами с огородами. От разобранной в 1942 г. церкви Рождества Богородицы сохранился только каменный фундамент постройки 1865 г. (рис. 1: *1, 2*).

В 2013 и 2015 гг. на месте алтаря церкви проведены раскопки общей площадью 47 кв. м. Выявлен хорошо сохранившийся культурный слой XVII–XIX вв., состоящий преимущественно из наслоений пожаров, мощностью до 1,15 м и некоторые объекты, бытовавшие в подклете церкви: каменная кладка под Царскими вратами, валунное сложение под Престолом, остатки сгоревшего деревянного пола и бревенчатой алтарной преграды, очаг (*Шахнович*, 2023).

В южной части алтарного пространства найдено погребение – два костяка хорошей сохранности, лежащие друг на друге. Эта находка в алтаре церкви небольшого северного монастыря, вследствие ее неординарности для региона, стала важным событием, требующим более углубленного анализа и интерпретации (рис. 1: *3*).

Общее описание

Могила находилась под полом алтаря, в высоком подклете церкви. Создание нижнего этажа, приподнимающего основное помещение над землей, – распространенная практика при строительстве жилых домов и храмов на Русском

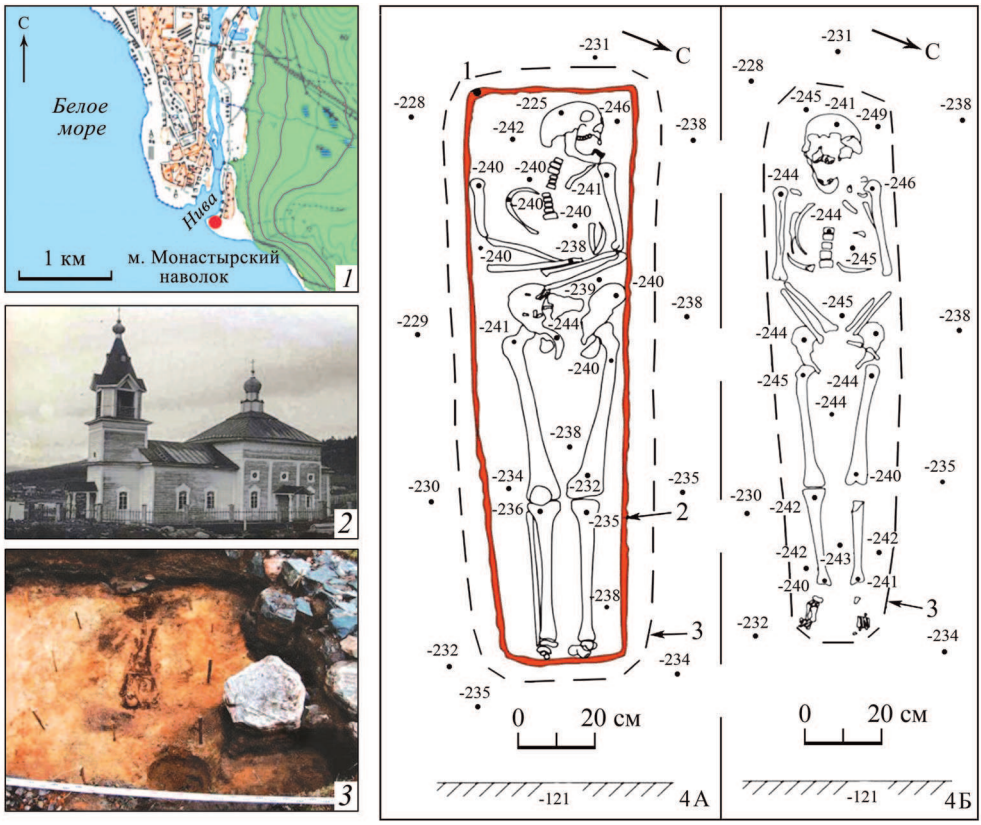


Рис. 1. Кандалакша. Погребение в церкви Рождества Богородицы. 2013 г.

1 – местонахождение церкви Рождества Богородицы; *2* – церковь Рождества Богородицы. 1932 г., вид с юго-запада; *3* – погребение на уровне 0,75 м от с. д. п., вид с запада; *4* – погребение *А* – погребенный 1 (верхний); *Б* – погребенный 2 (нижний)

1 – гвоздь; *2* – древесный тлен; *3* – контур могильной ямы

Севере. В нашем случае это давало возможность постоянного доступа к погребению через отдельный боковой вход. Сакральное пространство под алтарем было оформлено «по-деревенски» просто. При раскопках, кроме кучи камней, отмечающей место под престолом, прослежены остатки внутренней стены из установленных вертикально бревен, вероятно, продолжение в подклете алтарной преграды и выложенная плитняком «входная зона» (*Шахнович*, 2023. С. 26–27).

Поверхностное оформление места могилы (камни, остатки столба или «гробнички» и т. п.), не выявлено. Не исключено, что возможная деревянная «надстройка» была уничтожена пожаром. Могильная яма стала «читаться» на уровне 0,7 м от современной дневной поверхности как пятно насыщенного черного углистого песка, размерами 1,8 × 0,7 м. Форма ее стандартная – в плане подпрямоугольная, со скругленными углами, стенки отвесные, с сужением при

углублении, ровное дно. Она прорезала угольный слой пожара и была незначительно заглублена (на 0,12 м) в материковый крупнозернистый светло-желтый песок без камней.

Следы от деревянного сооружения, предназначенного для укладки тел умерших, сохранились минимально: у верхнего погребенного вдоль стенок могильной ямы наблюдаются тонкие полоски древесного тлена темно-коричневого цвета (толщиной 0,7–1 см), предположительно от боковых располагавшихся вертикально досок (рис. 1: *4А*).

Около черепа верхнего костяка, в юго-западном углу «изголовной» части могилы, найдена единственная находка – лежавший горизонтально кованый гвоздь. Он хорошей сохранности, типично для «гробовых» гвоздей небольшой – длиной 5,6 см, с квадратной шляпкой. На нем сохранился кусочек древесины, что позволяет утверждать, что некая деревянная конструкция в яме, хотя бы у верхнего тела, все же существовала. Это мог быть гроб или боковой короб из вертикально поставленных досок без дна и крышки, что нечасто, но встречается при раскопках православных кладбищ XVII–XVIII в. (*Шахнович, Хартанович*, 2002; *Самигулов*, 2005). Захоронение без гроба, с завертыванием тела в рогожу или бересту было распространенной практикой при погребении монахов и малоимущих мирян (*Мусин*, 1997. С. 86; *Панова*, 2004. С. 67–70) [2].

Если гроб существовал, то одного гвоздя недостаточно для жесткого соединения частей внутримогильной деревянной конструкции. Вероятно, при общем применении для скрепления досок системы пазов или обвязок (берестяных, веревочных, ременных) он был «добавочным штрихом». Вбивание в гроб одного гвоздя могло иметь смысловое значение как особое действие, т. н. «запирание» погребенного «острым железом», известное по этнографическим и археологическим данным на обширной территории расселения финно-угорских и славянских народов (*Травкин*, 1997; *Зеленин*, 1999. С. 115). Отметим, что по материалам раскопок православных могильников в Северной Карелии и на Терском берегу Белого моря гвозди в гробовину вколачивались в торцевые доски, всегда горизонтально и острием в сторону покойника (*Шахнович, Широбоков*, 2013).

Костяки лежали в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, головой на запад. Верхнее тело не нарушает нижнее, аккуратно располагаясь поверх него. Расчистка показала, что слой песка между ними минимален – 2 см. Гробовина верхнего костяка проявилась на уровне 0,86 м от современной дневной поверхности. Череп нижнего проступил на глубине 0,96 м от нее. Положение рук погребенных, зафиксированное при расчистке, скорее всего, не изменилось в ходе процесса разложения тел и соответствует первоначальному: согнуты в локтях и положены друг на друга на животе, левая поверх правой (верхний) и в области тазовых костей, правая кисть на левой (нижний). Остатков, встречаемых в позднесредневековых некрополях Беломорья с песчаным грунтом, травяной «подстилки» под костяками, берестяного покрытия, кожаной обуви и других погребальных элементов не обнаружено (рис. 1: *4*).

[2] «Завертывали тело в рогожу, завязывали его кругом веревками, как мешок, и клали на носилки, которые двое носильщиков на плечах относили к могиле» (*Пекарский*, 1860. С. 336).

Могила ориентирована точно по продольной оси здания церкви и в целом вписывается в его планировочную структуру, что исключает предположение, что она существовала до строительства храма и нахождение ее в алтаре – это случайное совпадение. Анализ планиграфии расположения костяков, их анатомическая целостность и ненарушенность, характер засыпки и разница в размерах ям позволяют считать, что оба тела были захоронены не одновременно, с некоторым временным интервалом и при отсутствии ситуации их перезахоронения из другого места.

Для верхнего погребенного есть две радиоуглеродных даты по фрагментам костей: 246 ± 25 BP (SPb 1067) и 255 ± 25 BP (SPb 4200). Калиброванный календарный возраст первой даты приходится на два интервала: 1632–1673 calAD (63,4 %) – 1644–1665 calAD (54,7 %), для второй – 1630–1672 calAD (63,7 %) и 1637–1665 calAD (57 %)[3]. Радиоуглеродный возраст нижнего индивида – 276 ± 25BP (SPb 4199) (1σ 1527–1658 calAD). Таким образом, нижний погребенный мог быть похоронен ранее, хотя и существует совмещение калиброванных календарных возрастов обоих захоронённых, приходящееся на период 1630–1670 гг.

Антропологическое исследование

Первые антропологические исследования погребенных в алтаре монастырской церкви проводились И. Г. Широбоковым по классической исследовательской программе сразу после проведения раскопок (*Шахнович, Широбоков*, 2014) Цель повторного обращения к останкам состоит в увеличении набора привлеченных методик, так в исследовательскую программу включены оценка маркеров физиологического стресса и патологий, применение метода изотопного анализа рациона питания и мобильности индивидов, создание портретной графической реконструкции лица по черепу.

Погребенный 1 (верхний) – мужчина, умерший в возрасте 45–55 лет. Останки представлены всеми отделами скелета: черепом с нижней челюстью, парными костями конечностей, лопатками, костями таза, позвонками разных отделов, ребрами. Кости кистей и стоп утрачены. Череп мезодолихокранный, с узким лицевым скелетом, несколько уплощенным на верхнем и профилированным на среднем уровне, выступающему к линии профиля носом. Отмечены дискретно варьирующие признаки: наличие непостоянных костей черепа – множественные шовные кости (затылочный шов), а также два доброкачественных костных новообразования – остеомы – слева на лобной кости.

В области венечного шва, надбровья, затылочной кости, вокруг слухового отверстия отмечены следы васкулярной реакции по типу «апельсиновой корки». Этот патологический маркер является следствием воздействия на организм холодового стресса.

На левой теменной кости в непосредственной близости от сагиттального шва, на уровне его середины выявлен след хорошо зажившего тупого перелома.

[3] Для калибровки радиоуглеродных дат использована программа OxCal. v4.4 и атмосферная кривая IntCal20 (*Bronk Ramsey*, 2017; *Reimer et al.*, 2020).

Повреждение округлой формы, 15–17 мм в диаметре, окружено областью васкуляризации. Фотосъемка в косом освещении выявила неравномерность приложения силы удара – костная пластинка скошена под углом от одного края к другому. Вероятно, удар был нанесен спереди справа (рис. 2: *1*).

При оценке зубочелюстной системы зафиксированы множественные патологические проявления и маркеры стресса, связанные с общим состоянием организма (кариес, абсцессы, пародонтопатия) и вероятной высоко углеводной диетой (кариес) с витаминной недостаточностью (васкулярные реакции на нёбе, изменения пародонта), а также свидетельства стрессов, перенесенных в детском возрасте (линейная гипоплазия эмали).

Степень сохранности и комплектности останков позволила реконструировать привычную двигательную активность. На костях скелета выражены места прикрепления мышц пояса верхних конечностей: большой грудной мышцы (*m. pectoralis major*), сгибающей плечо, обеспечивающей приведение его к туловищу и пронацию, подлопаточной мышцы (*m. subscapularis*), обеспечивающих вращательные движения сустава, а также стабилизацию плеча. Акцентирована локализация межбугорковой борозды плеча (*sulcus intertubercularis*): в ней проходит длинная головка бицепса, сгибающая плечо и предплечье. Помимо этого, длинная головка бицепса вертикально сближает суставные поверхности плечевого сустава, а вместе с короткой головкой ограничивает ротационные движения плеча (*Ackland, Pandy*, 2009; *Pagnani et al.*, 1996). В то же время на костях нижних конечностей рельеф выражен слабо.

Основная двигательная нагрузка приходилась на пояс верхних конечностей и была связанна с вращательными движениями в плечевом суставе, приведением плеча и предплечий. В качестве реконструкции можем предположить «гребли» как вид регулярной активности. Что не противоречит археологическому и географическому контексту обнаружения останков.

Погребенный 2 (нижний) – останки мужчины, 35–45 лет. Его череп посмертно фрагментирован: основание черепа разрушено, как и лицевой скелет, присутствует посмертная деформация краниальных фрагментов, не позволяющая реставрировать целую форму, восстановить внешность индивида. Несмотря на невозможность проведения измерений, можно составить представление о качественных показателях: череп брахикранный, с очень широким лбом и носом, уплощенный на верхнем уровне. Присутствует метопический шов. Как и у индивида 1 на своде черепа, затылочной кости, а также вокруг слухового отверстия присутствуют васкулярные реакции.

На затылочной кости со стороны эндокрана зафиксированы обширные нерегулярные углубления (рис. 2: *2*). Был применен неинвазивный способ – рентгенография с использованием многофункциональной передвижной установки ПРДУ[4] (рис. 2: *3*). На рентгенограмме (45кВ, 100Ам, 4 сек.) заметны локальные расширения и лизисы в области поперечного синуса, что, вероятно, связано с патологическими процессами в сосудах оболочек головного мозга (*Максимова и др.*, 2017). Нарушения венозного мозгового кровообращения остаются

[4] Исследование выполнялось с использованием приборной базы Центра коллективного пользования ИА РАН (Москва). Оператор В. И. Данилевская.

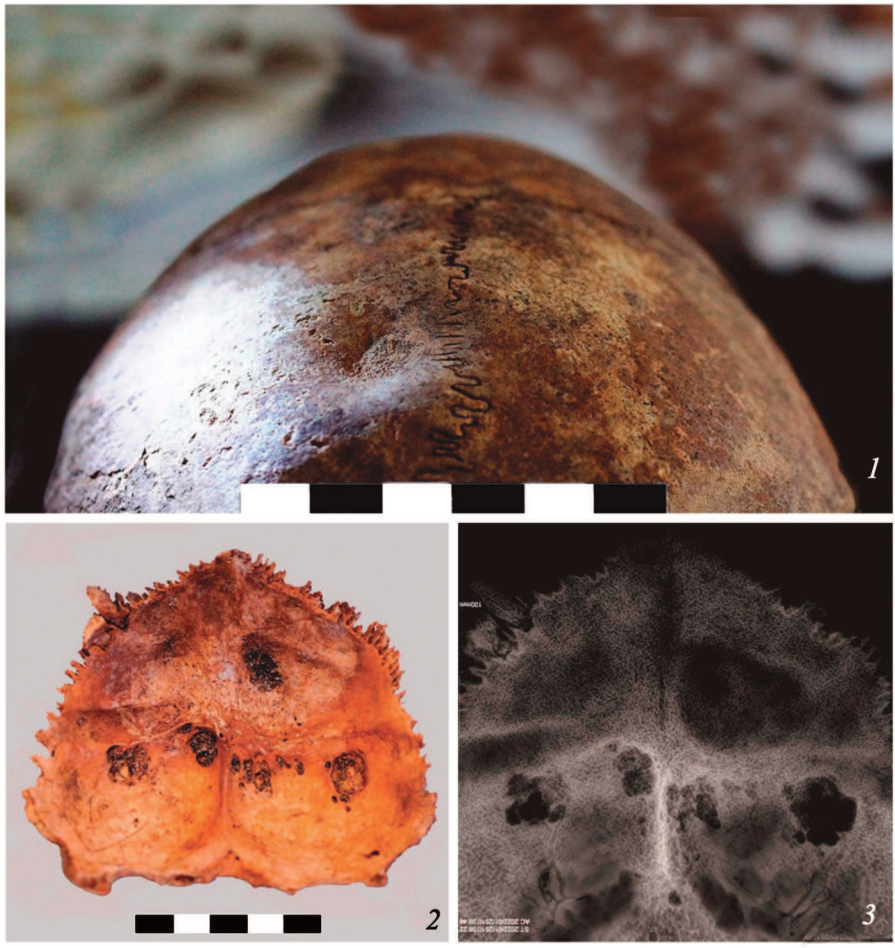


Рис. 2. Кандалакша.
Погребение в церкви Рождества Богородицы. 2013 г.

1 – погребенный 1, тупая травма левой теменной кости, фотосъемка в косом освещении; *2* – погребенный 2, затылочная кость, эндокран, множественные лизисы; *3* – погребенный 2, рентгенограмма затылочной кости, патологическая область с увеличением, прямая проекция

состояниями, вызывающими трудности даже при диагностике современных индивидов (*Глебов и др.*, 2011), поэтому при описании палеоантропологического материала остановимся на регистрации признака, фиксации патологических проявлений. Можно предположить, что эти изменения могли быть вызваны тромбозом синуса, который в свою очередь является следствием черепно-мозговой травмы, неопластическими или инфекционными процессами в черепе.

Одной из задач дополнительного палеоантропологического исследования было проведение изотопного анализа азота и углерода, воссоздающего привычный рацион. Для этого были отобраны образцы костей и дентина зубов

индивидов из Кандалакшского монастыря. Зубы, по своей консервативности, «запечатывают» в себе информацию, накапливаемую в период их формирования в детском возрасте, а проницаемая костная ткань содержит сведения о последних 10–15 годах жизни. Таким образом, имея данные об изотопном составе периода детства и последнем десятилетии жизни индивида, можно реконструировать не только его рацион, но и возможные критические изменения, связанные, например, со значительными перемещениями в течение жизни.

Выделение коллагена производилась из костной и зубной ткани в лаборатории группы физической антропологии Института археологии РАН по принятой методике (*DeNiro, Epshtein*, 1981. P. 341; *Jørkov et al.*, 2007. P. 1824). Анализ коллагена выполнялся в Центре коллективного пользования на базе Института проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова на масспектрометре Thermo-Finnigan Delta V Plus IRMS с элементным анализатором Thermo Flash 1112.

Рацион индивидов представлен смешанным типом диеты с высоким содержанием белкового компонента (табл. 1). Но данные, полученные для образцов, значительно различаются – около одного промилле для соотношений азота и углерода. Рассмотрим индивидуальные значения соотношений изотопов азота и углерода для образца кости и дентина зуба (рис. 3).

Таблица 1. Результаты изотопного соотношения азота и углерода, полученного для индивидов из Кандалакшского монастыря

Образец	δ13C vpdb	δ15N air
Кандалакша – п. 1 зуб	-21,07	10,71
Кандалакша – п. 1 кость	-19,88	12,86
Кандалакша – п. 2 кость	-20,16	11,91
Кандалакша – п. 2 зуб	-20,07	12,10

Для индивида 2 параметры практически идентичные, из чего можно заключить, что регион проживания и система питания человека в период раннего детства и в последнее десятилетие его жизни не претерпели существенных изменений.

Иначе выглядят изотопные соотношения для погребенного 1. Данные для кости и дентина зубов различаются на более 1 промилле по значениям углерода, и более двух промилле по азоту. Если показатели по образцу кости, т. е. последнего десятилетия жизни близки с данными индивида 2, то регион проживания в период детства этого человека был другим.

Соотнесем полученные результаты с данными по стабильным изотопам азота и углерода для других известных нам серий, приближенных по времени и контексту.

Для индивидов из церкви Кандалакшского монастыря характерны показатели, сравнимые с сериями из Великого Новгорода и Клименецкого монастыря на Онежском озере (рис. 4). Рацион представлен смешанной диетой с высоким содержанием белкового компонента. Отметим, что эти значения далеки

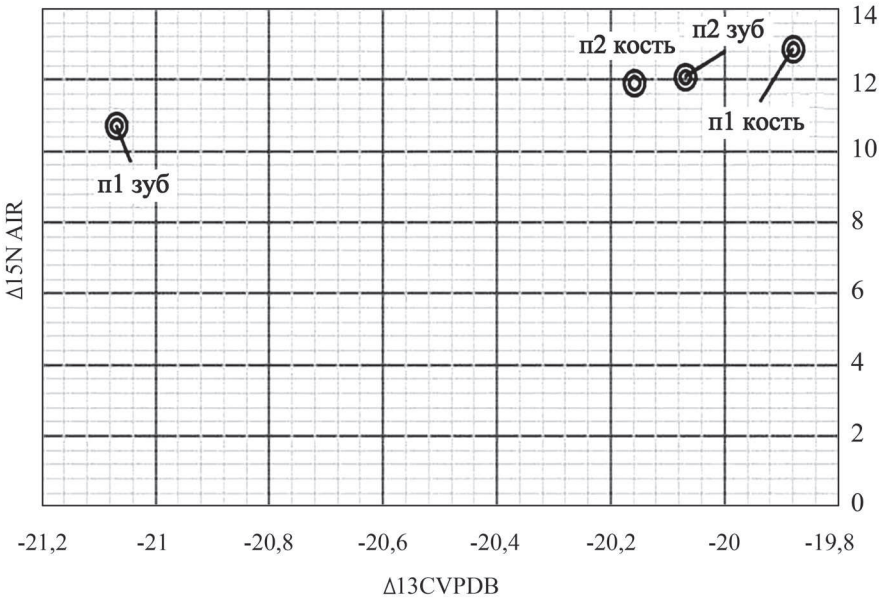


Рис. 3. Изотопные соотношения δ13C и δ15N индивидов из Кандалакшского монастыря

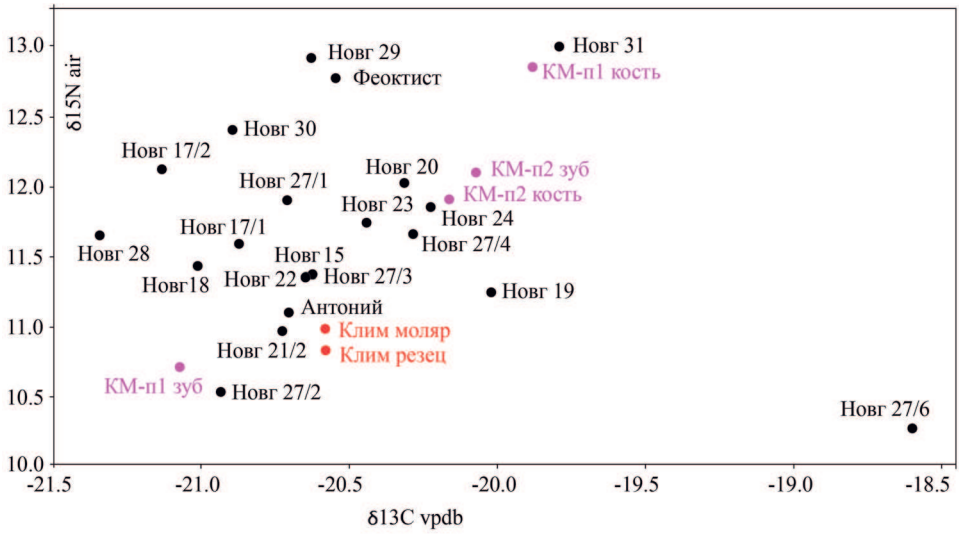


Рис. 4. Изотопные соотношения δ13C и δ15N индивидов из сопоставительных серий

от «лесной» пищевой модели, а также лесных ресурсов (*Добровольская и др.*, 2020). Вероятно, белковый компонент отмечает использование в пищу сельскохозяйственных животных и морскую ихтиофауну в качестве дополнительного источника белка. Отметим, что у индивидуума 1 показатели для периода детства близки значениям из материалов Великого Новгорода и, соответственно, можно предположить, что он был выходцем с этой территории.

Рассмотрим несколько важных признаков этого погребения, по нашему мнению, позволяющих увеличить набор информации об анонимных захороненных.

Местоположение погребения

По нормам византийской Церкви, ставшим основой для канонического права средневековой Руси, запрещалось хоронить внутри храмов: «Мёртвых погребати внутрь церкви освящённой не подобает. Возбранибося. По девятому правилу святаго епископа Китру» (*Павлов*, 1897. С. 317). Исключением были только останки праведников и мучеников: «Ни один храм не строится иначе, как на мощах мученика, которые полагались под алтарём» (*Голубинский*, 1903. С. 32; Христианство…, 1995. С. 183). С течением времени это правило существенно «размывается» и по историческим документам и данным археологии с XI в. отмечается традиция погребать представителей феодальной знати в родовых усыпальницах внутри соборных церквей и в «своих монастырях» (*Панова*, 2004. С. 179). Наиболее почетные места для захоронений мирян локализовались в погребальном пространстве храмов в их западной и южной частях: в юго-западном углу, у южной стены, в притворе (*Макаров*, 1980; *Седов*, 2003).

Для статусных монашествующих порядок был другим. Согласно житиям святых отцов в XV–XVII вв., в монастырях Русского Севера и в северной части Центральной России существовало правило погребать основателей обителей и первых игуменов за внешней – «полуденной», южной стороной дьяконника, около юго-восточного угла «алтаря церковного» (*Шалина*, 2007; 2013. С. 20–21). После обретения останков праведников или решения о переносе их внутрь здания церкви, раки для церковного почитания устанавливали в предалтарной зоне: перед солеёй, стеной иконостаса или перед входом в дьяконник. Мощи особо значимых для монашеской общины персон помещали в боковой части алтаря около южной стены церкви (дьяконнике или реже в жертвеннике), который тем самым превращался в отдельный придел (*Мусин*, 1997. С. 87; *Шалина*, 2008). До XVI в. пространство южной апсиды имело название «кутейник», указывающее, что это было место проведения заупокойных служб и принесения поминальных даров (*Мусин*, 2004. С. 145).

Таким образом, совершение захоронений преподобных в южной стороне алтарей православных храмов – это не частая, из разряда исключительных случаев, но стабильная практика, отмечаемая с XI в. (*Мельник*, 2003. С. 537).

Идентичную ситуацию – погребение в «престижном» месте алтарного пространства, в дьяконнике – мы наблюдаем и в нашем случае. В историческом и территориальном контекстах – это указывает, вероятнее всего, на принадлежность безызвестных погребенных к монашеской братии и на их высокий статус в монастыре. Не исключено, что один из них, скорее всего, нижний погребенный

мог быть местночтимым подвижником. Гробницы святых, располагающиеся в подклетах храмов, известны на Русском Севере. Ближайшая к г. Кандалакша – это могила митрополита Филиппа в Преображенском соборе Соловецкого монастыря (*Мельник*, 2003. С. 535; *Зарайченко*, 2015).

Совместное погребение

Прослеженный способ захоронения не уникален: разновременная укладка умерших «стопкой» в одну могилу изредка встречается на сельских православных некрополях Русского Севера вплоть до современности. На Кольском п-ве археологически подобная ситуация пока зафиксирована один раз при раскопках позднесредневекого могильника села Варзуга: друг на друга были уложены три гроба с телами взрослых и поверх их – три колоды с младенцами. Для каждого нового взрослого умершего могильная яма вскрывалась с небольшим смещением по отношению к предыдущему котловану, что хорошо отмечалось при расчистке (*Широбоков, Шахнович*, 2013).

Причины создания многоуровневых могил на кладбищах могут быть различными: дефицит места, единовременность смерти, близкородственные связи, личное предсмертное завещание.

В церкви на Монастырском Наволоке отсутствует проблема недостатка свободного для погребений места. В границах раскопанного участка, уже под молельным пространством, встречено еще только одно захоронение новорожденного младенца. Ребенок с медным крестиком на груди лежал на спине, на куске бересты, на тонкой доске толщиной 1 см и был накрыт также листом бересты (*Шахнович*, 2023. С. 28).

Способы предания земле монашествующих были вариативными, как и у мирян (*Мусин*, 1997; *Панова*, 2004. С. 178). Кроме индивидуальных могил в некрополях крупных монастырей существовали братские захоронения, где гробы в общую яму укладывали в несколько рядов с минимальной промежуточной просыпкой землей[5]. Были и отдельные захоронения, характер которых определялся распространенной практикой предсмертных завещаний иноков о месте и способе их погребения. Духовное распоряжение часто основывалось на монашеской традиции «небрежительного» посмертного отношения к своим останкам: «съ всякимъ безчестием погребите мя» (в болоте, перед входом в церковь и т. п.) или на желании быть похороненным с духовным наставником (*Донской*, 2015; *Рыжова*, 2019). Многократное использование саркофага с останками основателя обители известны, например, в Коневском Рождество-Богородичном монастыре на Ладожском озере, в Георгиевском соборе Юрьева монастыря (*Молин и др.*, 2002; *Седов*, 2018. С. 145). В качестве примера посмертного единения наставника и духовного ученика в Карелии, можно отметить подзахоронение

[5] «И погребают их на монастыри и кладут в яме в ряд по три брата, гроб на гроб ставят, и со землею на ровень не закапывают, но точию погребение творят землею сыплют вмале, и во все лето от братии мертвых отнюд смрада никакова не бывает, и ни малы вони. <…> И егда та яма исполнится телесы мертвых, и тогда загребут ю вровень з землею…» (Цит. по: *Буров*, 2013. С. 321).

гробовины с телом инока Порфирия к могиле прп. Диодора в Троицком Юрьегорском монастыре (*Алексеев*, 2014. С. 26–28), а в Русской Лапландии – подзахоронение к «честным останкам» соловецкого инока прп. Астерия (XVI в.) тел монахов прп. Авксения и прп. Тарасия (XVII в.) в часовне с. Кашкаранцы на Терском берегу Белого моря (Краткое…, 1896. С. 258).

Анонимность погребенных

Отдельный вопрос, почему это, несомненно, значимое захоронение в какой-то момент истории монастыря было забыто? В сельских приходах Русского Севера издревле существовала традиция почитания местночтимых, но не канонизированных подвижников веры или умерших особой «Богом данной смертью», например, пораженных молнией или безвестных утонувших (*Шахнович*, 2022. С. 158). Их могилы были важными местами в сакральном пространстве округи и над ними возводились небольшие часовни. Память об удаленных от деревень захоронениях, с угасанием традиции почитания, с течением времени исчезала, а места их утрачивались после пожаров. Нередки случаи, когда местонахождение на монастырских усадьбах могил даже известных старцев – основателей общерусских обителей, быстро забывалось и терялось, и уже через несколько десятилетий редко кто из братии мог точно указать место их упокоения. Например, в Русской Лапландии информация о братской могиле 116 мучеников – жертв разгрома Печенгского монастыря в 1589 г. или места погребения прп. Трифона Печенгского до сих пор имеет исключительно легендарный характер (*Шахнович*, 2017).

Возможно, это следствие монашеской традиции, бытовавшей на севере России: окончание земного пути инока, какой бы иерархический пост он не занимал при жизни, не обставлялось мемориальной и престижной атрибутикой. Не способствовала длительному продолжению традиции поклонения могилам местночтимых праведников и запретительная политика Синода в начале XVIII в. по отношению к «неосвидетельствованным мощам» (*Кожевникова*, 2021).

Выводы

Подведем итоги нашей работы по исследованию захоронения в алтаре церкви Рождества Богородицы на Монастырском Наволоке в г. Кандалакша.

Раскопки показали, что пространство под церковью не использовалось как продолжение окружающего его поморского кладбища. По нашему мнению, в южной части алтаря находились погребения насельников Кандалакшского монастыря, которые имели максимально высокую степень значимости в монашеской общине. Из них наиболее «статусным» следует считать нижнего похороненного. Данное захоронение «вписывается» в широкий контекст погребальных норм, практиковавшихся в монастырях Русского Севера в XVI–XVII вв.

По контексту расположения костяков и форме могильных ям мы предполагаем, что захоронения совершены с пока не ясной продолжительности временным интервалом, что подтверждается и радиоуглеродными определениями по фрагментам костей обоих погребенных. Приблизительное время смерти верхнего

индивида – период 1640–1670 гг. У первого захороненного оно пока определяется в широком диапазоне – середина XVI – первая половина XVII в.

Остаются открытыми вопросы, почему захоронение в какой-то момент истории монастыря было забыто. Почему не сохранились предания или письменные сообщения об этом, несомненно, важном погребении, четыре столетия остававшемся «под спудом»? Для точной идентификации погребенных необходимо привлекать письменные исторические источники, без которых персонификация может иметь только гипотетический характер.

В Русской Лапландии и Карелии исследованные раскопками монашеские захоронения единичны, поэтому каждое новое погребение, введенное в научный оборот, представляет значительный интерес. Раскопки в Рождественском соборе Кандалакшского монастыря расширяют наши познания по малоизученному периоду позднего Средневековья Кольского Севера.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А. В., 2014. Предварительные результаты археологических исследований на месте Свято-Троицкой Юрьегорской пустыни // Вестник Сыктывкарского университета. Вып. 3. С. 15–35.

Буров В. А., 2013. Государево богомолье – Соловецкий монастырь. М.; Архангельск: ИА РАН. 500 с.

Глебов М. В., Максимова М. Ю., Домашенко М. А., Брюхов В. В., 2011. Тромбозы церебральных венозных синусов // Анналы клинической и экспериментальной неврологии. Т. 5. № 1. С. 4–10.

Голубинский Е. Е., 1903. История канонизации святых в Русской Церкви. М.: Унив. тип. 595 с.

Добровольская М. В., Тиунов А. В., Крылович О. А., Кузьмичева Е. А., Решетова И. К., Савинецкий А. Б., Свиркина Н. Г., Смирнов А. Л., 2020. Изотопные маркеры экосистем и питания средневекового сельского населения лесной зоны европейской части России // РА. № 3. С. 79–95.

Донской Г. Г., 2015. К вопросу о бытовании в средневековой Руси монашеской практики «поругания тела» // Вестник университета Дмитрия Пожарского. № 1 (2). С. 86–95.

Зарайченко А. Е., 2015. Исследования некрополя в подклете Свято-Троицкого Зосимо-Савватьевского собора Соловецкого монастыря (вторая половина XIX – начало XX в.) // Археология исторических монастырских некрополей: методика, открытия, проблемы восстановления: Вторая ежегодная конференция «Археология и общество»: сб. тез. М.: ИА РАН. С. 144–146.

Зеленин Д. К., 1999. Магическая функция примитивных орудий // *Зеленин Д. К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре. М.: Индрик. С. 109–128.

Кожевникова Ю. Н., 2021. Освидетельствование гробниц местночтимых святых Олонецкого уезда в Петровскую эпоху // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Т. 43. № 6. С. 84–92.

Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 3. Архангельск: Типо-литогр. насл. Д. Горяйнова, 1896. 267 с.

Макаров Н. А., 1980. Топография погребений в древнерусских храмах XI–XIII вв. // Тезисы докладов советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии. М.: Наука. С. 71–73.

Максимова М. Ю., Дубовицкая Ю. И., Брюхов В. В., Кротенкова М. В., 2017. Диагностика тромбоза мозговых вен и венозных синусов // Русский медицинский журнал. Вып. 21. С. 1595–1601.

Мельник А. Г., 2003. Гробница святого в пространстве русского храма в XVI – начале XVII века // Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Прогресс-Традиция. С. 533–552.

Молин Ю. А., Ковалев А. В., Горшков А. Н., Алексина Л. А., Скрижинский С. Ф., 2002. Судебно-антропологические исследования древних православных захоронений // Проблемы экспертизы в медицине. № 2. С. 53–57.

Мусин А. Е., 1997. Погребальный обряд древнерусского монастыря: Студийский устав, письменные памятники, данные археологии // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии:

памяти Василия Дмитриевича Белецкого (1919–1997). Т. II / Сост. С. В. Белецкий. СПб.: Псков: Невельская тип. С. 85–90.

Мусин А. Е., 2004. Послесловие литургиста // *Чукова Т. А.* Алтарь древнерусского храма конца X – первой трети XIII в. Основные архитектурные элементы по археологическим данным. СПб.: Петербургское Востоковедение. С. 135–154.

Павлов А. С., 1897. Номоканон при Большом Требнике: Его история и тексты, греческие и славянские, с объяснениями и критическими замечаниями. М.: Тип. Г. Лисснера. 520 с.

Панова Т. Д., 2004. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Радуница. 195 с.

Пекарский П. П., 1860. Петербургская старина // Современник. Т. 81. № 10. С. 537–638.

Рыжова Е. А., 2019. Модель смерти святого в агиографической традиции: завещания о «небрежении» к телу и мотив «тайные слуги Господа» // Вестник Сыктывкарского университета. № 1 (9). С. 82–97.

Самигулов Г. Х., 2005. Некоторые аспекты формирования русского населения Зауралья XVII–XVIII вв. (попытка комплексного подхода на примере населения Челябинской крепости) // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Вып. 3. Ч. 2. Сыктывкар: Коми науч. центр. С. 127–140.

Седов Вл. В., 2003. Погребения «святых князей» и архитектура княжеских усыпальниц Древней Руси // Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Прогресс-Традиция. С. 447–481.

Седов Вл. В., 2018. Княжеские саркофаги Георгиевского собора Юрьева монастыря // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. № 2 (91). С. 142–158.

Травкин П. Н., 1997. Обряд «запирания» в Верхнем Поволжье по археологическим и этнографическим данным // ТТЗ. Вып. 2. С. 59–63.

Христианство: энциклопедический словарь. Т. 2 / Ред.: С. С. Аверинцев, А. Н. Мешков. М.: Большая Рос. энциклопедия, 1995. 841 с.

Шалина И. А., 2007. Локализация погребений русских чудотворцев в монастырских храмах и их символическое значение // Seminarium Bulkinianum. II. К 70-летию со дня рождения Валентина Александровича Булкина / Ред. И. В. Антипов и др. СПб.: СПбГУ. С. 167–202.

Шалина И. А., 2008. Захоронение преподобного Иосифа Волоцкого и символическая традиция места погребения русских чудотворцев // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель / Ред. Сергий (Воронков, игумен). М.: Иосифо-Волоцкий монастырь. С. 126–152.

Шалина И. А., 2013. Место захоронения преподобного Саввы Сторожевского // Преподобный Савва Сторожевский. Иконография XV – начала XX в. / Сост.: Д. А. Седов, И. А. Шалина. М.: Лето. С. 20–31.

Шахнович М. М., 2017. Археологические работы по поиску «братской могилы 116 мучеников» Трифонов-Печенгского монастыря // ТТЗ. Вып. 10. С. 241–256.

Шахнович М. М., 2022. Валунные кенотафы Восточной Фенноскандии: к вопросу об одной разновидности православного погребального обряда в позднем Средневековье // Самарский научный вестник. Т. 11. № 3. С. 152–160.

Шахнович М. М., 2023. Археологическое изучение церкви Рождества Пречистой Богородицы Кандалакшского монастыря // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Т. 45. № 8. С. 23–35.

Шахнович М. М., Хартанович В. И., 2002. Православие в Северной Карелии по данным археологии и антропологии // Вестник Карельского краеведческого музея. Вып. 4. С. 101–114.

Шахнович М. М., Широбоков И. Г., 2013. Позднесредневековый православный могильник с. Варзуга: Итоги работ 2011–2012 гг. // Некрополи Кольского Севера: Изучение. Сохранение. Коммуникация / Ред. П. В. Федоров. Мурманск: Мурманский гос. гуманитар. ун-т. С. 27–49.

Шахнович М. М., Широбоков И. Г., 2014. Археологическое обследование церкви Рождества Пречистой Богородицы в г. Кандалакша в 2013 году // ННЗ. Вып. 28. С. 174–189.

Широбоков И. Г., Шахнович М. М., 2013. Антропологический состав позднесредневекового населения Терского берега Белого моря (по материалам раскопок некрополя Свято-Никольской церкви с. Варзуга // Записки ИИМК РАН. Вып. 8. С. 193–202.

Ackland D. C., Pandy M. G., 2009. Lines of action and stabilizing potential of the shoulder musculature // The Journal of Anatomy. Vol. 215. Iss. 2. P. 184–197.

Bronk Ramsey C., 2017. Methods for summarizing radiocarbon datasets // Radiocarbon. Vol. 59. Iss. 6. P. 1809–1833.

DeNiro M. J., Epstein S., 1981. Influence of diet on the distribution of nitrogen isotopes in animals // Geochimica et Cosmochimica Acta. Vol. 45. P. 341–351.

Jørkov M. L., Heinemeier J., Lynnerup N., 2007. Evaluating bone collagen extraction methods for stable isotope analysis in dietary studies // JAS. Vol. 34. Iss 11. P. 1824–1829.

Pagnani M. J., Deng X. H., Warren R. F., Torzilli P. A., O'Brien S. J., 1996. Role of the long head of the biceps brachii in glenohumeral stability: A biomechanical study in cadavera // Journal of Shoulder and Elbow Surgery. Vol. 5. Iss. 4. P. 255–262.

Reimer P. J., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P. G., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R. L., Friedrichet M. et al., 2020. The IntCal20 northern hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP) // Radiocarbon. Vol. 62. Iss. 4. P. 725–757.

Сведения об авторах

Шахнович Марк Михайлович, Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», ул. Ферсмана, 14, Апатиты, 184209, Россия; e-mail: marksuk62@mail.ru;

Решетова Ирина Константиновна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: reshetovairina@yandex.ru

M. M. Shakhnovich, I. K. Reshetova

THE GRAVE IN THE CHURCH OF THE KANDALAKSHA MONASTERY: REVISITING THE ISSUE RELATING TO TOPOGRAPHY OF HIGH STATUS GRAVES IN THE CHURCHES OF THE RUSSIAN NORTH IN THE LATE MIDDLE AGES

Abstract. In 2013 excavations were carried out in the altar part in the Church of Nativity of Our Lady in the monastery located in the city of Kandalaksha (Murmansk region). The southern part of the excavation trench revealed an original double burial. It contained males aged 45–55 and 35–45, with one body lying on top of the other in one pit. The finds include an iron nail near the head and remains of lateral planks near the buried individual at the top. The analysis of the planigraphy of the skeleton positions, anatomic continuity of the skeletons that are complete as well as nature of pit fill suggests that the dead were not buried at the same time; there was no reburial of the bodies either. The paper reviews the practice of such interments in the Russian North during the Late Middle Ages. The grave is anonymous; however, presumably, the interred individuals were monks of the Kandalaksha monastery who had a high status in the local community. Probably, one of them was a locally venerated saint. The grave is dated to mid 17th century. The anthropological analysis shows that the craniometric measurements characteristic of the buried individuals are comparable with the anthropological series from Veliky Novgorod and Smolensk, whereas the dietary model demonstrates a mixed diet with a high content of the protein component.

Keywords: Russian Lapland, Kandalaksha, Late Middle Ages, grave in the altar part, Russian Orthodox burial rite, paleoanthropology, stable isotope analysis.

REFERENCES

Alekseev A. V., 2014. Predvaritel'nye rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy na meste Svyato-Troitskoy Yur'egorskoy pustyni [Preliminary results of archaeological research at the site of Holy Trinity Yuryegorsk pustyn]. *Vestnik Syktyvkarskogo universiteta [Bulletin of Syktyvkar university]*, 3, pp. 15–35.

Burov V. A., 2013. Gosudarevo bogomol'e – Solovetskiy monastyr' [Tzar's pilgrimage – Solovetsky monastery]. Moscow; Arkhangelsk: IA RAN. 500 p.

Dobrovolskaya M. V., Tiunov A. V., Krylovich O. A., Kuz'micheva E. A., Reshetova I. K., Savinetskiy A. B., Svirkina N. G., Smirnov A. L., 2020. Izotopnye markery ekosistem i pitaniya srednevekovogo sel'skogo naseleniya lesnoy zony evropeyskoy chasti Rossii [Isotope markers of ecosystems and nutrition of medieval rural population in forest zone of European Russia]. *RA*, 3, pp. 79–95.

Donskoy G. G., 2015. K voprosu o bytovanii v srednevekovoy Rusi monasheskoy praktiki «poruganiya tela» [On the existence of monastic practice of «body desecration» in medieval Russia]. *Vestnik universiteta Dmitriya Pozharskogo [Bulletin of Dmitry Pozharsky university]*, 1 (2), pp. 86–95.

Glebov M. V., Maksimova M. Yu., Domashenko M. A., Bryukhov V. V., 2011. Trombozy tserebral'nykh venoznykh sinusov [Cerebral venous sinus thrombosis]. *Annaly klinicheskoy i eksperimental'noy nevrologii [Annals of clinical and experimental neurology]*, vol. 5, no. 1, pp. 4–10.

Golubinskiy E. E., 1903. Istoriya kanonizatsii svyatykh v Russkoy Tserkvi [History of canonization of saints in Russian Church]. Moscow: Universitetskaya tipografiya. 595 p.

Khristianstvo: entsiklopedicheskiy slovar' [Christianity: encyclopedic dictionary], 2. S. S. Averintsev, A. N. Meshkov, eds. Moscow: Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya, 1995. 841 p.

Kozhevnikova Yu. N., 2021. Osvidetel'stvovanie grobnits mestnochtimykh svyatykh Olonetskogo uezda v Petrovskuyu epokhu [Examination of tombs of locally venerated saints of Olonets district in the Peter the Great period]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific notes of Petrozavodsk state university]*, vol. 43, no. 6, pp. 84–92.

Kratkoe istoricheskoe opisanie prikhodov i tserkvey Arkhangelskoy eparkhii [Brief historical description of parishes and churches of Archangel diocese], 3. Arkhangelsk: Tipo-litografiya naslednikov D. Goryaynova, 1896. 267 p.

Makarov N. A., 1980. Topografiya pogrebeniy v drevnerusskikh khramakh XI–XIII vv. [Topography of burials in ancient Russian churches of XI–XIII cc.]. *Tezisy dokladov sovetskoy delegatsii na IV Mezhdunarodnom kongresse slavyanskoy arkheologii [Abstracts of reports of Soviet delegation at IV International congress of Slavic archaeology]*. Moscow: Nauka, pp. 71–73.

Maksimova M. Yu., Dubovitskaya Yu. I., Bryukhov V. V., Krotenkova M. V., 2017. Diagnostika tromboza mozgovykh ven i venoznykh sinusov [Diagnosis of cerebral vein and venous sinus thrombosis]. *Russkiy meditsinskiy zhurnal [Russian medical journal]*, 21, pp. 1595–1601.

Melnik A. G., 2003. Grobnitsa svyatogo v prostranstve russkogo khrama v XVI – nachale XVII veka [The tomb of saint in the space of Russian church in XVI – early XVII century]. *Vostochnokhristianskie relikvii [Eastern Christian relics]*. A. M. Lidov, ed., comp. Moscow: Progress-Traditsiya, pp. 533–552.

Molin Yu. A., Kovalev A. V., Gorshkov A. N., Aleksina L. A., Skrizhinskiy S. F., 2002. Sudebno-antropologicheskie issledovaniya drevnikh pravoslavnykh zakhoroneniy [Forensic anthropological studies of ancient Orthodox burials]. *Problemy ekspertizy v meditsine [Problems of expertise in medicine]*, 2, pp. 53–57.

Musin A. E., 1997. Pogrebal'nyy obryad drevnerusskogo monastyrya: Studiyskiy ustav, pis'mennye pamyatniki, dannye arkheologii [Burial rite of Ancient Russian monastery: the Studit charter, written monuments, archaeological data]. *Pamyatniki stariny. Kontseptsii. Otkrytiya. Versii: pamyati Vasiliya Dmitrievicha Beletskogo (1919–1997) [Ancient monuments. Concepts. Discoveries. Versions: in memory of Vasiliy Dmitrievich Beletsky (1919–1997)]*, 2. S. V. Beletskiy, comp. St. Petersburg: Pskov: Nevelskaya tipografiya, pp. 85–90.

Musin A. E., 2004. Posleslovie liturgista [Afterword by the liturgist]. *Chukova T. A. Altar drevnerusskogo khrama kontsa X – pervoy treti XIII v. Osnovnye arkhitekturnye elementy po arkheologicheskim dannym [Chukova T. A. Altar of Old Russian temple of late X – first third of XIII c. The main architectural elements according to archaeological data]*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, pp. 135–154.

Panova T. D., 2004. Tsarstvo smerti. Pogrebal'nyy obryad srednevekovoy Rusi XI–XVI vekov [Kingdom of death. Burial rite of medieval Russia in XI–XVI centuries]. Moscow: Radunitsa. 195 p.

Pavlov A. S., 1897. Nomokanon pri Bolshom Trebnike: Ego istoriya i teksty, grecheskie i slavyanskie, s ob"yasneniyami i kriticheskimi zamechaniyami [Nomocanon at Great Breviary: Its history and texts, Greek and Slavic, with explanations and critical remarks]. Moscow: Tipografiya G. Lissnera. 520 p.

Pekarskiy P. P., 1860. Peterburgskaya starina [St. Petersburg antiquity]. *Sovremennik [Contemporary]*, vol. 81, no. 10, pp. 537–638.

Ryzhova E. A., 2019. Model' smerti svyatogo v agiograficheskoy traditsii: zaveshchaniya o «nebrezhenii» k telu i motiv «taynye slugi Gospoda» [Model of the saint's death in hagiographic tradition: wills about «neglect» of the body and motif «secret servants of the Lord»]. *Vestnik Syktyvkarskogo universiteta [Bulletin of Syktyvkar university]*, 1 (9), pp. 82–97.

Samigulov G. Kh., 2005. Nekotorye aspekty formirovaniya russkogo naseleniya Zaural'ya XVII–XVIII vv. (popytka kompleksnogo podkhoda na primere naseleniya Chelyabinskoy kreposti) [Some aspects of formation of Russian population of the Trans–Urals in XVII–XVIII cc. (an attempt at an integrated approach based on example of population of Chelyabinsk fortress)]. *Etnodemograficheskie protsessy na Severe Evrazii [Ethnodemographic processes in the North of Eurasia]*, iss. 3, part 2. Syktyvkar: Komi nauchnyy tsentr, pp. 127–140.

Sedov Vl. V., 2003. Pogrebeniya «svyatykh knyazey» i arkhitektura knyazheskikh usypal'nits Drevney Rusi [Burials of «holy Princes» and architecture of princely tombs in Ancient Rus]. *Vostochnokhristianskie relikvii [Eastern Christian relics]*. A. M. Lidov, ed., comp. Moscow: Progress-Traditsiya, pp. 447–481.

Sedov Vl. V., 2018. Knyazheskie sarkofagi Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya [Princely sarcophagi of St. George's Cathedral of Yuriev monastery]. *Vestnik RFFI [RFBR Bulletin]*, 2 (91), pp. 142–158.

Shakhnovich M. M., 2017. Arkheologicheskie raboty po poisku «bratskoy mogily 116 muchenikov» Trifonov-Pechengskogo monastyrya [Archaeological work on the search for «mass grave of 116 martyrs» in Trifonov-Pechengsky monastery]. *TTZ*, 10, pp. 241–256.

Shakhnovich M. M., 2022. Valunnye kenotafy Vostochnoy Fennoskandii: k voprosu ob odnoy raznovidnosti pravoslavnogo pogrebal'nogo obryada v pozdnem Srednevekov'e [Boulder cenotaphs of Eastern Fennoscandia: on one kind of Orthodox funeral rite in the Late Middle Ages]. *Samarskiy nauchnyy vestnik [Samara scientific bulletin]*, vol. 11, no. 3, pp. 152–160.

Shakhnovich M. M., 2023. Arkheologicheskoe izuchenie tserkvi Rozhdestva Prechistoy Bogoroditsy Kandalakshskogo monastyrya [Archaeological study of the Church of Nativity of the Most Pure Theotokos in Kandalaksha monastery]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific notes of Petrozavodsk state university]*, vol. 45, no. 8, pp. 23–35.

Shakhnovich M. M., Khartanovich V. I., 2002. Pravoslavie v Severnoy Karelii po dannym arkheologii i antropologii [Orthodoxy in North Karelia according to archaeology and anthropology data]. *Vestnik Karel'skogo kraevedcheskogo muzeya [Bulletin of Karelia museum of local lore]*, 4, pp. 101–114.

Shakhnovich M. M., Shirobokov I. G., 2013. Pozdnesrednevekovyy pravoslavnyy mogil'nik s. Varzuga: Itogi rabot 2011–2012 gg. [Late Medieval Orthodox cemetery in village Varzuga: Results of 2011–2012 work]. *Nekropoli Kol'skogo Severa: Izuchenie. Sokhranenie. Kommunikatsiya [Necropolises of the Kola North: Studies. Conservation. Communication]*. P. V. Fedorov, ed. Murmansk: Murmanskiy gos. gumanitarnyy universitet, pp. 27–49.

Shakhnovich M. M., Shirobokov I. G., 2014. Arkheologicheskoe obsledovanie tserkvi Rozhdestva Prechistoy Bogoroditsy v g. Kandalaksha v 2013 godu [Archaeological survey of the Church of Nativity of the Most Pure Theotokos in Kandalaksha in 2013]. *NNZ*, 28, pp. 174–189.

Shalina I. A., 2007. Lokalizatsiya pogrebeniy russkikh chudotvortsev v monastyrskikh khramakh i ikh simvolicheskoe znachenie [Localization of burials of Russian miracle workers in monastic churches and their symbolic significance]. *Seminarium Bulkinianum*, 2. I. V. Antipov, ed. St. Petersburg: SPbGU, pp. 167–202.

Shalina I. A., 2008. Zakhoronenie prepodobnogo Iosifa Volotskogo i simvolicheskaya traditsiya mesta pogrebeniya russkikh chudotvortsev [Burial of St. Joseph Volotsky and symbolic tradition of burial place of Russian miracle workers]. *Prepodobnyy Iosif Volotskiy i ego obitel' [St. Joseph Volotsky and his monastery]*. Sergiy (Voronkov), ed. Moscow: Iosifo-Volotskiy monastyr, pp. 126–152.

Shalina I. A., 2013. Mesto zakhoroneniya prepodobnogo Savvy Storozhevskogo [Burial place of St. Savva Storozhevsky]. *Prepodobnyy Savva Storozhevskiy. Ikonografiya XV – nachala XX v. [The Monk Savva Storozhevsky. Iconography of XV – early XX c.]*. D. A. Sedov, I. A. Shalina, eds. Moscow: Leto, pp. 20–31.

Shirobokov I. G., Shakhnovich M. M., 2013. Antropologicheskiy sostav pozdnesrednevekovogo naseleniya Terskogo berega Belogo morya (po materialam raskopok nekropolya Svyato-Nikol'skoy tserkvi s. Varzuga [Anthropological structure of late medieval population of the Tersk coast of the White Sea (based on materials of excavations at necropolis of St. Nicholas Church in village Varzuga]. *ZIIMK*, 8, pp. 193–202.

Travkin P. N., 1997. Obryad «zapiraniya» v Verkhnem Povolzh'e po arkheologicheskim i etnograficheskim dannym [Rite of «locking up» in Upper Volga region according to archaeological and ethnographic data]. *TTZ*, 2, pp. 59–63.

Zaraychenko A. E., 2015. Issledovaniya nekropolya v podklete Svyato-Troitskogo Zosimo-Savvat'evskogo sobora Solovetskogo monastyrya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Research of necropolis in the basement of Holy Trinity Zosimo-Savvatievskiy Cathedral of Solovetsky monastery (second half of XIX – early XX c.)]. *Arkheologiya istoricheskikh monastyrskikh nekropoley: metodika, otkrytiya, problemy vosstanovleniya: Vtoraya ezhegodnaya konferentsiya «Arkheologiya i obshchestvo» [Archaeology of historical monastic necropolises: methodology, discoveries, restoration problems: Second annual conference «Archaeology and society»]*. Moscow: IA RAN, pp. 144–146.

Zelenin D. K., 1999. Magicheskaya funktsiya primitivnykh orudiy [Magical function of primitive tools]. *Zelenin D. K. Izbrannye trudy. Stat'i po dukhovnoy kul'ture [Selected works. Papers on spiritual culture]*. Moscow: Indrik, pp. 109–128.

About the authors

Shakhnovich Mark M., Center for Humanities Problems of the Barents region of the Federal Research Center «The Kola Scientific Center Russian Academy of Sciences», ul. Fersmana, 14, Apatity, 184209, Russian Federation; e-mail: marksuk62@mail.ru;

Reshetova Irina K., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: reshetovairina@yandex.ru

Л. А. Беляев, А. Л. Корзинин, С. Б. Григорян

ПОГРЕБЕНИЕ ИВАНА МАРТЕМЬЯНОВИЧА ГАНУСА († 1552) В ПОДКЛЕТЕ СМОЛЕНСКОГО СОБОРА НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ[1]

Резюме. Одно из самых загадочных захоронений в подклете Смоленского собора Новодевичьего монастыря принадлежит иностранцу Ивану Мартемьяновичу Ганусу, в православном крещении принявшему имя Алексей. И. М. Ганус похоронен в белокаменном саркофаге в престижном предалтарном (восточном поперечном) нефе, наряду с представителями московских аристократических родов. О погребенном не сохранилось никаких сведений ни во вкладной книге и синодике Новодевичьего монастыря, ни в документах других русских обителей. В статье высказано предположение, что под именем Ивана Гануса скрыт один из немецких мастеров-оружейников (возможно даже, знаменитый пушкарь Василия III Иоганн Иордан). Среди стариц, живших в Новодевичьем монастыре в начале XVII в., известна инокиня Кристина (Христина) Мартемьянова, которую авторы склонны отождествлять с дочерью либо племянницей И. М. Гануса.

Ключевые слова: археология Нового времени, Русское государство XVI в., монастырская археология, некрополь, коммеморация, ономастика, военная история, пушечное дело.

При работах, проведенных Институтом археологии РАН при реставрации Новодевичьего монастыря в Москве (Новодевичья экспедиция под рук. Л. А. Беляева), особое место заняли исследования некрополя в подклете Смоленского собора. Удалось заново разобрать его стратиграфию, установить ряд хронологических последовательностей, добавить новые имена к списку погребенных, ранее с Новодевичьим монастырем не ассоциировавшиеся, а также внести поправки в трактовку уже известных объектов.

[1] Статья подготовлена по теме № НИОКТР 122011200385-1 и при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-18-00416 «Правящая элита Русского государства XV–XVI вв. в фокусе коммеморативных практик. Традиции родовой памяти».

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.275.468-478

При анализе выделились группы погребений, которые принадлежали определенным хронологическим пластам, причем эти группы обладали и конкретными типологическими признаками как археологические объекты. Первая группа погребений – могилы в грунте, появившиеся до постройки каменного собора или вскоре после возведения его нижней части (подклета), но до появления в подклете укрепляющих фундаментных лент. Имена погребенных в этот период нам неизвестны.

Особенно важна вторая группа, состоящая из тех погребений, которые возникли в соборе в течение одного-двух десятилетий после работ по укреплению конструкций дополнительными фундаментами и размещены с учетом их существования. Кроме аргумента «от локализации» такие погребения выделяет использование очень схожих белокаменных антропоморфных саркофагов, причем обычно – с подписными крышками. Саркофаги эти зарывали неглубоко в грунт, не окружая дополнительно кирпичными футлярами («склепами»). На поверхности пола их маркировали, видимо, не кирпичными памятниками (надгробницами), а белокаменными надгробиями с надписями. Таких саркофагов можно выделить не менее тринадцати. В их числе могилы Бельских, Кубенских и других княжеских семей, а также породнившейся с царской фамилией боярской знати (Захарьины, Шереметевы и др.). Однако в этом втором горизонте есть, по крайней мере, один саркофаг аристократа не по роду, а, так сказать, по высокой профессиональной квалификации. Это саркофаг Ивана Мартемьяновича Гануса.

И. М. Ганус погребен в предалтарном (восточном поперечном) нефе подклета, в самой его южной части, менее других заполненной захоронениями и, возможно, поэтому лучше сохранившейся. До погребения в саркофаге на его месте уже было совершено, по крайней мере, одно погребение в простой могильной яме (при работах саркофаги не вскрывались и могилы не раскапывались, что касается и погребения И. М. Гануса) (рис. 1: *а, б*).

Саркофаг И. М. Гануса стоял строго по центру южного нефа, в небольшой прямоугольной ячейке, образованной схождением двух нефов, восточного и южного. Это, безусловно, престижное и «дорогое» место. В том же предалтарном нефе нам известны саркофаги от начала 1550-х гг. (княгинь Небогатой и Ярославской) до начала 1560-х гг. (два саркофага Захарьиных). Таким образом, саркофаг Гануса – пятый по счету с севера, откуда в подклете начинался некрополь (по нумерации археологического отчета о работах 2017–2018 гг. – объект 78). Это одно из самых сохранных и не поврежденных ни повторными захоронениями, ни обстройкой при реставрациях погребений второго слоя.

Саркофаг помещен в отвечающую ему по форме грунтовую яму, которая прорезала древнюю почву (темно-серая супесь) со слабовыраженными признаками культурного слоя и материк. От уровня пола до его крышки всего 32–35 см переотложенного грунта. Саркофаг (2,30 × 0,75–0,4 м, высота крышки – 0,1 м) имеет плавно закругленное оголовье и плечи. В нижней грани на крышке сделана сплошная выборка высотой 0,05 м, оставляющая по периметру кант такой же ширины. К сожалению, изножие крышки откололи при прокладке траншеи во второй половине XX в., но ее фрагмент сохранился в переотложенном виде и стоял тут же, но вертикально (рис. 2).

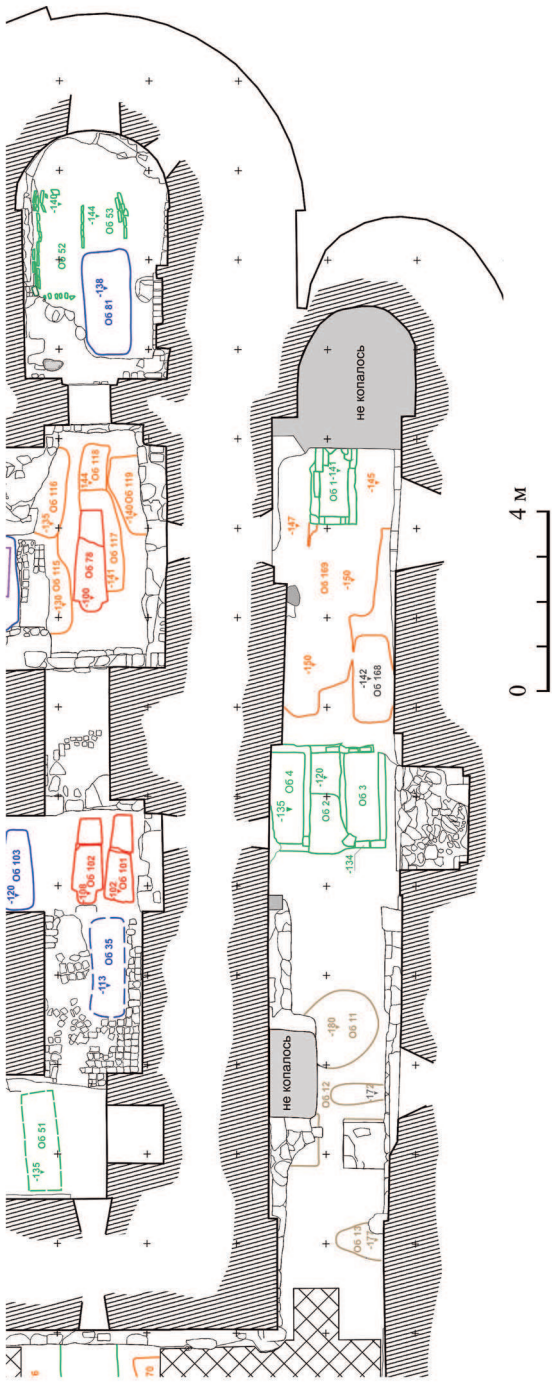


Рис. 1. Подклет Смоленского собора Новодевичьего монастыря. Погребения в южной части

а – южная галерея и южный неф подклета

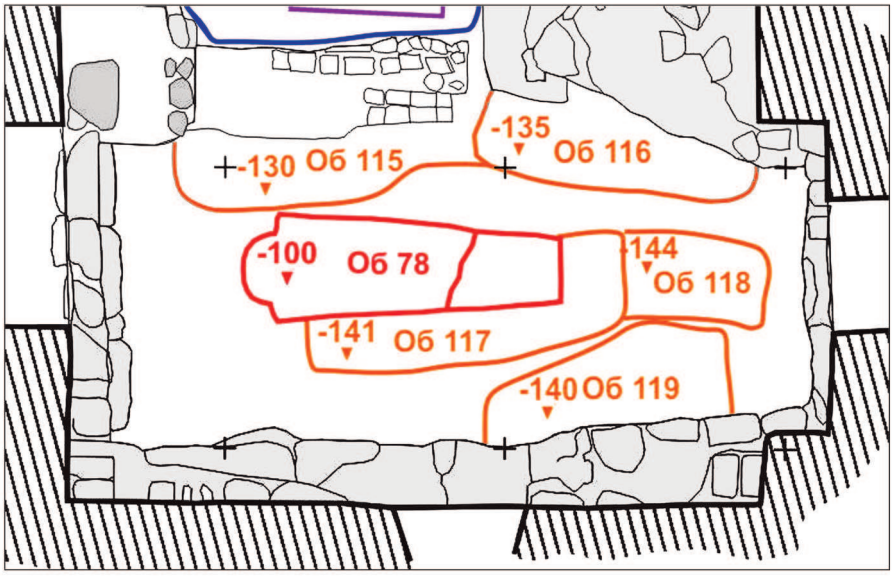


Рис. 1. Подклет Смоленского собора Новодевичьего монастыря. Погребения в южной части

б – юго-восточный угол четверика с погребением Ивана-Алексея Мартемьяновича Гануса (объект № 78)

Рис. 2. Погребение Ивана-Алексея Мартемьяновича Гануса, общий вид

В верхней части крышки, включая изголовье, помещена надпись в 4 строки вязью, типичной для середины XVI в. (рис. 3). Текст надписи:

ЛѢ^{т} ЗѮ ГО МРТА
ЗІ ПРЕ^{с}ТАВИ^{с} ІВА^{н} МАРТЕ^{м}
ЯНОВИ^{ч} ГАНУ^{с} ВЪ СТЕМ
КРЩЕНЬЕ НАРЕЧЕ^{н} АЛЕѮЂ^{й}

Лѣт(а) ЗѮ (7060/1552) го(ду) марта //
ЗІ (17) преставис(я) Іван Мартем//янович Ганус въ с(вя)тем //
крещенье наречен Алеѯѣй

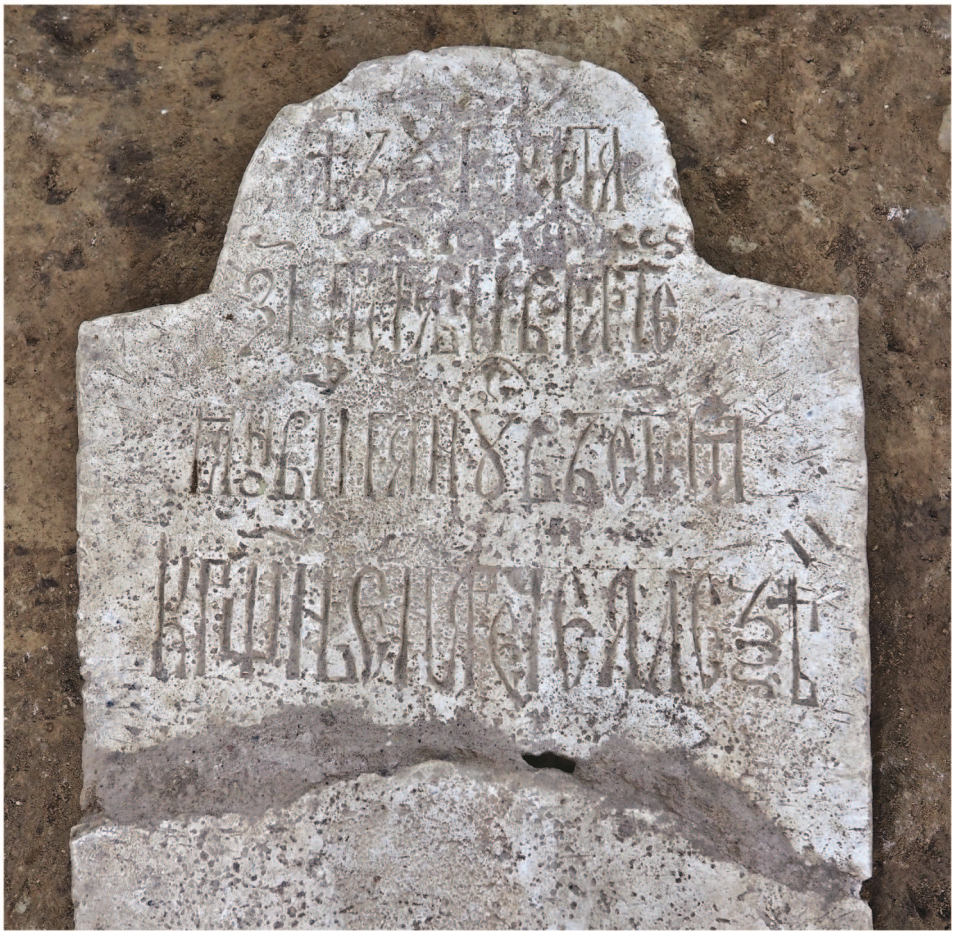


Рис. 3. Надпись на крышке саркофага Ивана-Алексея Мартемьяновича Гануса

Текста о погребении И. М. Гануса нет ни в сводке 1791 г., опубликованной в «Древней Российской Вивлиофике» (по-видимому, надгробия над могилой уже не было) (Надписи…, 1791. С. 293–304), ни в зависящих от нее сочинениях. Впервые эту эпитафию увидели на открывшейся крышке саркофага при реставрации 1880-х гг., она помещена на «плане 1887 года» и в приложенной к нему экспликации (эпитафия № 28)[2]. Это чтение, с мелкой ошибкой в написании (по А. А. Мартынову: «Мартезьянович»), вошло в «Московский некрополь» (*Николай Михайлович* (*вел. кн.*), 1907. С. 255), и с датой 1555 год (в конце ошибочной, так как нет никаких оснований читать сокращенное от «году» ГО – как числительное окончание (тройку). Эта ошибка перенесена О. А. Трубниковой в ее статью (на плане № 43) (*Трубникова*, 1991. С. 123). Интересно, что у В. Б. Гиршберга этой надписи нет (*Гиршберг*, 1960. С. 3–77), поскольку крышка саркофага после реставрации 1880-х гг. вновь стала недоступна, а на чтение в «Московском некрополе» и другие публикации составитель корпуса надписей Москвы, видимо, не захотел сослаться.

Отметим, прежде всего, что И. М. Ганус, по-видимому, не был вкладчиком монастыря: его имя не встречается ни во вкладной книге Новодевичьего монастыря, ни в других вкладных и кормовых книгах, ни в синодиках.

Фамилия «Ганус», скорее всего, была производной от немецкого имени Ганс (Hans – уменьшительная форма от Johann или Johannes) (*Лобин*, 2019. С. 106)[3]. Русское имя Иван, под которым указан погребенный, вполне отвечает немецкому Ганс (древнеевр. «милость божья») (*Суперанская*, 2005. С. 72, 115; *Петровский*, 2005. С. 144). Следовательно, в Новодевичьем монастыре похоронен иностранец, происходивший из Германии или из земель Священной Римской Империи, по имени Ганс (Иоганн). Из текста можно понять, что имя Иоанн было дано погребенному еще до крещения, так его, видимо, звали в прежней, европейской, жизни и, возможно, продолжали привычно называть даже после нового крещения.

Надпись на саркофаге ясно свидетельствует, что Ганс/Иоганн был крещен по православному обряду и получил крестильное имя Алексей. Формула «во святом крещении наречен» для надписей на саркофагах и надгробных плитах, сколько известно, уникальна и явно призвана подчеркнуть вторичное, «взрослое», крещение, которое проходили многие выходцы с Запада и Востока, служившие Московскому государю. Трудно ответить на вопрос, в честь какого православного святого Ганс/Иоганн был наречен Алексеем.

В России в XVI в. известны несколько Иоганнов. Зачастую это оружейники. При Василии III в 1510-х гг. в Москву из Империи приехал немецкий кузнец-оружейник, пушкарь Ганс Иордан/Йордан (Hans Jordan), с которым был лично знаком австрийский посол Сигизмунд Герберштейн (*Герберштейн*, 2008. С. 237, 239, 421, 693). Австрийский дипломат находился в Москве весной – осенью 1517 г. и летом – осенью 1526 г. и встречался с Гансом. Исследователь

[2] ЦГА Москвы. Ф. 454. Оп. 3. Д. 56. Л. 172, 183. Публикация и анализ см.: *Беляев, Давиденко*, 2024.

[3] Авторы выражают признательность А. Н. Лобину за помощь в идентификации И. М. Гануса и Ф. Б. Успенскому за консультацию по вопросам имянаречения.

Э. Эгг отождествляет Ганса Иордана с немецким кузнецом Иорданом Цангером (Jordan Zanger), происходившим из семейства оружейников Цангеров и перебравшимся в Москву из г. Инсбрука (*Лобин*, 2019. С. 105–106). Сигизмунд Герберштейн ярко повествует о том, как Ганс Иордан отличился при осаде Рязани крымским войском Мухаммед-Гирея в начале августа 1521 г., подавив врагов артиллерией: «Тогда пушкарь Иоанн Иордан [по происхождению] немец, уроженец долины Инна, быстрее московитов оценив опасность, выстрелил на свой страх и риск по татарам и литовцам из выстроенных в ряд орудий, чем привел их в такой ужас, что они разбежались прочь от крепости» (*Герберштейн*, 2008. С. 421).

Во второй половине XVI в. в России работал пушкарь-иноземец Отто Ганусов. Он указан в писцовом описании г. Казани в 1565–1568 гг. с другими немецкими пушкарями: «Да из переулка налево в Пушкарскую улицу. Двор Петруши пушкаря. Двор Ганусов пушкарев… Двор Христопов пушкарев немчинов. Двор Ото Ганусов пушкарев, да к тому ж двору припустил место, что был двор оставленного пушкаря Матюшкин. А за хоромы по цене ценовных целовальников От Ганусов дал Матюшке 40 алтын» (Писцовое описание…, 2006. С. 132)[4]. А. Н. Лобин допускает, что пушкарь, живший в Казани, Отто Ганусов, мог быть сыном Ганса Иордана из Инсбрука (*Лобин*, 2019. С. 106). Однако в приведенной цитате помимо двора, где жил Отто Ганусов, в Казани упомянут двор пушкаря Гануса. Его владелец, пушкарь Ганус, скорее всего, отец Отто Ганусова. Ганса Иордана, о котором писал С. Герберштейн, к 1565–1568 гг. уже не было в живых, к тому же он вряд ли бы жил в Казани. Значит, упомянутый во второй половине 1560-х гг. владелец двора в Казани – другой пушкарь по имени Ганс (Ганус). Отметим, что И. М. Ганус, погребенный в Новодевичьем монастыре, умер до составления Писцовой книги Казани.

Еще одним знаменитым немецким пушкарем в Московии был Кашпир Ганусов, т. е. сын Ганса/Гануса, подобно фамильным прозвищам «Петров», «Иванов» и т. д. Кашпир (Каспар, Caspar) Ганусов – прославленный пушечный мастер, учитель Андрея Чохова (отлившего при царе Федоре Ивановиче Царь-пушку), создатель самой крупной 1200-пудовой бомбарды времен Ивана Грозного и множества крупных орудий в 1554–1568 гг. (Там же. С. 105–106).

А. Н. Лобин предлагает две версии. Либо пушечный мастер Каспар Ганусов был сыном Ганса Иордана, либо сыном Ивана Мартемьяновича Гануса, погребенного в Новодевичьем монастыре (Там же. С. 106. Сн. 3).

Выскажем предположение, что похороненным в Новодевичьем монастыре мог быть легендарный пушкарь немецкого происхождения Ганс Иордан, женившийся на русской девушке[5] и принявший православную веру, скорее всего, перед свадьбой. Иваном Мартемьяновичем, вероятно, звали Ганса (Иоганна) Иордана (Йордана) в быту, в повседневном общении знавшие его московиты. Отчество «Мартемьянович» могло быть дальним производным от немецкой

[4] Ср. цитируемый текст с изданием, содержащим ряд неточностей (Материалы по истории Татарской АССР…, 1932. С. 32).

[5] О женитьбе Иоганна на русской девушке упоминает Сигизмунд Герберштейн в своем сочинении (*Герберштейн*, 2008. С. 237).

фамилии пушкаря «Йордан». Имя Мартемьян встречается на Руси XVI в. довольно редко, например Иван Перепеча Мартемьянов сын Посульщиков (Акты служилых землевладельцев…, 1997. № 208. С. 175); Алексей Мартемьянович Устимов (*Шумаков*, 1917. № 1008. С. 347). Отождествить Ганса Йордана с Иваном Мартемьяновичем можно в том случае, если Йордан прожил 70–80 лет.

В подклете Смоленского собора мог быть погребен прославленный уже в России богатый чужеземец, а не обычный немец Ганс. Безымянных Гансов встречается немало в русских документах того времени. Например, в июне 1519 г. великий князь Василий III отправил из Москвы в Империю гонца Гануса, «человека» императора Максимилиана I (Россия и греческий мир…, 2004. С. 165. № 47; Памятники…, 1851. С. 461). В июле 1566 г. в литовском посольстве Ю. Ходкевича, посетившего Москву, упоминался литовский купец Ганус (Сборник Русского исторического общества…, 1892. С. 424–425). 25 июня 1570 г. во время казней в Москве среди прочих был казнен немчин Ганус (*Алексеев*, 2019. С. 120; *Скрынников*, 1992. С. 542). В первой трети XVII в. из Костромского уезда служил немец Яков Филиппов сын Ганусов (*Скобелкин*, 2015. С. 484, 499, 512, 545).

Мастера-оружейники, даже обычные пушкари, в XVI–XVII в. на Руси пользовались уважением и были состоятельными людьми. Нередко их хоронили возле придворных обителей. Рядом с Чудовом монастырем на кладбище был погребен «раб божий Емельянов сын служилый пушкарь, во иноцех Вассиан» (*Панова*, 2003. С. 110). В синодиках Кремлевских Чудова и Богоявленского монастырей содержатся поминания родов пушкарей (*Алексеев*, 2019. С. 143, 162; 2021. С. 184). Во вкладной и кормовой книге Симонова монастыря есть любопытная вкладная запись: «Дали вкладу государев самапалной мастер Гаврило Трофимов да пушкарь Юрье Аксентиев при архимарите Ионе с братиею пять самопалов да пять пищалей с порошницы» (*Алексеев*, 2006. С. 74).

В 1604 г. в Новодевичьем монастыре среди рядовых стариц обители упомянута инокиня Кристина (Христина) Мартемьянова (Источники по социально-экономической истории России…, 1985. С. 93)[6]. Видимо, это дочь или, скорее, племянница Ивана Мартемьяновича Гануса (но мы ничего не знаем о его брате), принявшая постриг после его смерти.

Что касается причины погребения Ганса (Ивана) / Алексея Мартемьяновича именно в Новодевичьем монастыре, то можно, с большой долей вероятности, допустить не только его родство с одной из знатных фамилий (достигнутое через брак). Знатного и состоятельного человека могли просто похоронить в том монастыре, где его наставляли вероучению перед повторным крещением. В более поздний период Новодевичий монастырь был, в числе прочего, известен как место катехизации для желавших принять православие иноверцев, выходцев с Запада и с Востока (погребения последних в монастыре также встречаются).

[6] Авторы благодарны С. Ю. Шокареву за указание на это сообщение, а также за другие замечания к статье.

ЛИТЕРАТУРА

Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в. Т. 1 / Сост.: А. В. Антонов, К. В. Баранов. М.: Археогр. центр, 1997. 432 с.

Алексеев А. И., 2006. Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря // ВЦИ. № 3. С. 5–184.

Алексеев А. И., 2019. Синодик Чудова монастыря в Московском Кремле // ВЦИ. № 3–4 (55–56). С. 5–239.

Алексеев А. И., 2021. Синодик московского Богоявленского монастыря 1670–1730-х гг. // ВЦИ. № 3–4 (63–64). С. 5–211.

Беляев Л. А., Давиденко Д. Г. Новые данные о некрополе Новодевичьего монастыря: подклет Смоленского собора и реставрация 1880-х гг. // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. № V: 54, апрель–май. 2024. С. 157–173.

Герберштейн С., 2008. Записки о Московии. Т. 1 / Пер. А. И. Малеина, А. В. Назаренко. М.: Памятники исторической мысли. 774 с.

Гиршберг В. Б., 1960. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Ч. I. Надписи XIV–XVI вв. // Нумизматика и эпиграфика. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР. С. 3–77.

Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв.: из архива Московского Новодевичьего монастыря. Ч. 1 / Подгот. В. Б. Павлов-Сильванский. М.: Изд-во Ин-та истории СССР АН СССР, 1985. 210 с.

Лобин А. Н., 2019. Артиллерия Ивана Грозного. М.: Эксмо: Яуза. 318 с.

Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565–68 гг. и 1646 г. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. XXVIII, 208 с. (Материалы по истории народов СССР; вып. 2.)

Надписи, находящиеся в Новодевичьем Московском монастыре в церквах и разных местах над умершими // Древняя Российская вивлиофика. Ч. 19. М.: Тип. комп. типографической, 1791. С. 293–304.

Николай Михайлович (*вел. кн.*), 1907. Московский некрополь. Т. 1. А–I. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича. XIII, 517 с.

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 1. СПб.: Тип. II отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1851. 852 с.

Панова Т. Д., 2003. Кремлевские усыпальницы. История, судьба, тайна. М.: Индрик. 224 с.

Петровский Н. А., 2005. Словарь русских личных имен: более 3000 единиц. М.: Русские словари. 477 с.

Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565–1568 годов: публикация текста / Подгот. Д. А. Мустафина. Казань: Фэн, 2006. 660 с.

Россия и греческий мир в XVI в. Т. 1 / Под ред. С. М. Каштанова. М.: Наука, 2004. 527 с.

Сборник Русского исторического общества. Т. 71. СПб.: Тип. А. Китайского, 1892. 946 с.

Скобелкин О. В., 2015. Западноевропейцы на русской военной службе в XVI – 20-х гг. XVII в.: дис. … д-ра ист. наук. Воронеж. 557 с.

Скрынников Р. Г., 1992. Царство террора. СПб.: Наука. 571 с.

Суперанская А. В., 2005. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. М.: Айрис-пресс. 375 с.

Трубникова О. А., 1991. История некрополя Новодевичьего монастыря (30-е гг. XVI в. – 30-е гг. XX в.) // Московский некрополь (история, археология, искусство, охрана) / Отв. ред. Э. А. Шулепова. М.: Науч.-исслед. ин-т культуры: Московский фонд культуры. С. 106–123.

Шумаков С. А., 1917. Обзор «Грамот Коллегии экономии». Вып. 4. М.: Синод. тип. 688 с.

Сведения об авторах

Беляев Леонид Андреевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: labeliaev@mtu-net.ru;

Корзинин Александр Леонидович, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Средний пр. В. О., 57/43, 199178, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: alex.kor77@gmail.com;

Григорян Светлана Багратовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: lana384@yandex.ru

L. A. Belyaev, A. L. Korzinin, S. B. Grigoryan

THE GRAVE OF IVAN MARTEMYANOVICH GANUS († 1552) IN THE BASEMENT OF THE CATHEDRAL OF OUR LADY OF SMOLENSK IN THE NOVODEVICHY CONVENT

Abstract. One of the most mysterious burials in Catholicon funerary vault of Moscow Novodevichy Convent belongs to the foreigner Ivan Martemyanovich Ganus, who took the name Alexey in Orthodox baptism. I. M. Ganus was buried in a stone sarcophagus in the prestigious pre-altar (eastern transverse) nave, in the same place with representatives of Moscow aristocratic families. There was no information about I. M. Ganus in the synodikons of Novodevichy Convent, or in the documents of other Russian monasteries. The authors believe that the famous German gunsmith Johann Jordan, who emigrated to Russia during the reign of Vasily III in the 1510s, could be hiding under the name of Ivan Ganus. Among the elders who lived in the Novodevichy Convent at the beginning of the 17th century, it was known the nun Kristina (Khristina) Martemyanova, whom the authors tend to identify with the daughter or niece of I. M. Ganus.

Keywords: archaeology of the modern period, Russian State of the 16th century, monastic archeology, necropolis, commemoration, onomastics, military history, gunnery

REFERENCES

Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV – nachala XVII v. [Acts of the landowners in service of XV – early XVII c.], 1. A. V. Antonov, K. V. Baranov, eds. Moscow: Arkheograficheskiy tsentr, 1997. 432 p.

Alekseev A. I., 2006. Vkladnaya i kormovaya kniga Moskovskogo Simonova monastyrya [Contribution and feed book of the Moscow Simonov Monastery]. *VTsI*, 3, pp. 5–184.

Alekseev A. I., 2019. Sinodik Chudova monastyrya v Moskovskom Kremle [Synodikon of Chudov Monastery in Moscow Kremlin]. *VTsI*, 3–4 (55–56), pp. 5–239.

Alekseev A. I., 2021. Sinodik moskovskogo Bogoyavlenskogo monastyrya 1670–1730-kh gg. [Synodicon of Moscow Epiphany Monastery in 1670s-1730s]. *VTsI*, 3–4 (63–64), pp. 5–211.

Belyaev L. A., Davidenko D. G., 2024. Novye dannye o nekropole Novodevich'ego monastyrya: podklet Smolenskogo sobora i restavratsiya 1880-kh gg. [New data on the necropolis of Novodevichy Convent: basement of the Smolensk Cathedral and restoration of 1880s]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta [Bulletin of Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities]*, № V: 54, April–May. 2024, pp. 157–173.

Herberstein S., 2008. Zapiski o Moskovii [Notes on Muscovy], 1. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. 774 p.

Hirschberg V. B., 1960. Materialy dlya svoda nadpisey na kamennykh plitakh Moskvy i Podmoskov'ya XIV–XVII vv., I. Nadpisi XIV–XVI vv. [Materials for the corpus of inscriptions on stone slabs of Moscow and the Moscow region of XIV–XVII cc. Part I. Inscriptions of XIV–XVI cc.]. *Numizmatika i epigrafika [Numismatics and epigraphy]*, 1. Moscow: AN SSSR, pp. 3–77.

Istochniki po sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Rossii XVI–XVIII vv.: iz arkhiva Moskovskogo Novodevich'ego monastyrya [Sources on socio-economic history of Russia of XVI–XVIII cc.: from archive of Moscow Novodevichy Convent], 1. V. B. Pavlov-Silvanskiy, ed. Moscow: Institut istorii SSSR AN SSSR, 1985. 210 p.

Lobin A. N., 2019. Artilleriya Ivana Groznogo [Artillery of Ivan the Terrible]. Moscow: Eksmo: Yauza. 318 p.

Materialy po istorii Tatarskoy ASSR. Pistsovye knigi goroda Kazani 1565–68 gg. i 1646 g. [Materials on history of the Tatar ASSR. Scribal books of the city of Kazan in 1565–68 and 1646]. Leningrad: AN SSSR, 1932. XXVIII, 208 p. (Materialy po istorii narodov SSSR, 2.)

Nadpisi, nakhodyashchiesya v Novodevich'em Moskovskom monastyre v tserkvakh i raznykh mestakh nad umershimi [Inscriptions located in Novodevichy Moscow Convent in churches and various places over the dead]. *Drevnyaya Rossiyskaya vivliofika [Ancient Russian library]*, 19. Moscow: Tipografiya kompanii tipograficheskoy, 1791, pp. 293–304.

Nikolay Mikhaylovich, 1907. Moskovskiy nekropol [The Moscow necropolis], 1. St. Petersburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha. XIII, 517 p.

Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy drevney Rossii s derzhavami inostrannymi [Monuments of diplomatic relations of ancient Russia with foreign powers], 1. St. Petersburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy E. I. V. kantselyarii, 1851. 852 p.

Panova T. D., 2003. Kremlevskie usypal'nitsy. Istoriya, sud'ba, tayna [Kremlin tombs. History, fate, mystery]. Moscow: Indrik. 224 p.

Petrovskiy N. A., 2005. Slovar' russkikh lichnykh imen [Dictionary of Russian personal names]. Moscow: Russkie slovari. 477 p.

Pistsovoe opisanie Kazani i Kazanskogo uezda 1565–1568 godov [Scribal description of Kazan and Kazan district in 1565–1568]. D. A. Mustafina, ed. Kazan: Fen, 2006. 660 p.

Rossiya i grecheskiy mir v XVI v. [Russian and Greek world in XVI c.], 1. S. M. Kashtanov, ed. Moscow: Nauka, 2004. 527 p.

Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of Russian historical society], 71. St. Petersburg: Tipografiya A. Kitayskogo i Ko, 1892. 946 p.

Shumakov S. A., 1917. Obzor «Gramot Kollegii ekonomii» [Review of «Charters of the Economy College»], 4. Moscow: Sinodal'naya tipografiya. 688 p.

Skobelkin O. V., 2015. Zapadnoevropeytsy na russkoy voennoy sluzhbe v XVI – 20-kh gg. XVII v.: dissertatsiya … doktora istoricheskikh nauk [West Europeans in Russian military service in XVI – 20s of XVII c.: Thesis presented for the degree of Doctor of Science]. Voronezh. 557 p.

Skrynnikov R. G., 1992. Tsarstvo terrora [Kingdom of terror]. St. Petersburg: Nauka. 571 p.

Superanskaya A. V., 2005. Sovremennyy slovar' lichnykh imen: Sravnenie. Proiskhozhdenie. Napisanie [Modern dictionary of personal names: A comparison. Origin. Spelling]. Moscow: Ayris-press. 375 p.

Trubnikova O. A., 1991. Istoriya nekropolya Novodevich'ego monastyrya (30-e gg. XVI v. – 30-e gg. XX v.) [History of Novodevichy Convent necropolis (the 30s of XVI c. – the 30s of XX c.)]. *Moskovskiy nekropol' (istoriya, arkheologiya, iskusstvo, okhrana) [Moscow necropolis (history, archeology, art, protection)]*. E. A. Shulepova, ed. Moscow: Nauchno-issledovatel'skiy institut kul'tury: Moskovskiy fond kul'tury, pp. 106–123.

About the authors

Belyaev Leonid A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: labeliaev@mtu-net.ru;

Korzinin Aleksandr L., Northwestern Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Sredniy pr. V. O., 57/43, 199178, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: alex.kor77@gmail.com;

Grigoryan Svetlana B., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: lana384@yandex.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ – Археологические вести. СПб.
АВЕС – Археология Восточно-Европейской степи. Саратов
АЕС – Археология евразийских степей. Казань
АКМ – Азовский краеведческий музей
АКР – Археологическая карта России. М.
АН – Академия наук
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия. М.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
БФАН СССР – Башкирский филиал Академии наук СССР. Уфа
ВААЭ – Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень
ВЦИ – Вестник церковной истории. М.
ГИМ – Государственный исторический музей
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ГЭ – Государственный Эрмитаж. СПб.
ДБ – Древности Боспора: международный ежегодник по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике и филологии Боспора Киммерийского. М.: ИА РАН
ЗИИМК – Записки Института истории и материальной культуры. СПб.
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры (1939–1960). М.; Л.
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МАР – Материалы по археологии России, издаваемые Императорской археологической комиссией. СПб.
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир
НАВ – Нижневолжский археологический вестник. Волгоград
ННЗ – Новгород и Новгородская земля: история и археология. Великий Новгород
ОАК – Отчеты Императорской археологической комиссии. СПб.
ПА – Поволжская археология. Казань
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология. М.
РАН – Российская академия наук
РСМ – Раннеславянский мир. М.
СА – Советская археология (1957–1992). М.
САИ – Археология СССР. Свод археологических источников. М.; Л.

СНВЕ – Средневековая нумизматика Восточной Европы. СПб.; М.
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
ТАС – Тверской археологический сборник
ТТЗ – Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь
ТЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад

AEAE – Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. Novosibirsk
AES – Arkheologiya Evraziyskikh stepey [Archaeology of Eurasian steppes]. Kazan'
AN – Akademiya nauk [Academy of Sciences]
AN SSSR [AS USSR] – Akademiya nauk SSSR [Academy of Sciences of the USSR]
AO – Arkheologicheskiye otkrytiya [Archaeological discoveries]. Moscow
AP – Arkheologiya Podmoskov'ya [Archaeology of Moscow region]. Moscow: IA RAN
ASGE – Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological annual of State Hermitage]. St. Petersburg
AV – Arkheologicheskiye vesti [Archaeological news]. St. Petersburg: IIMK RAN
AVES – Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi [Archaeology of East European steppe]. Saratov
BAR – British Archaeological Reports
BPS – Baltic-Pontic Studies. Poznań
CNG – Classical Numismatic Group LLC
DB – Drevnosti Bospora: mezhdunarodny yezhegodnik po istorii, arkheologii, epigrafike, numizmatike i filologii Bospora Kimmeriyskogo [Antiquities of Bosporus: International annual on history, archaeology, epigraphics, numismatics and philology of Cimmerian Bosporus]. Moscow: IA RAN
FA – Fennoscandia archaeologica, Helsinki
GE – Gosudarstvennyy Ermitazh [State Hermitage]
GIM – Gosudarstvennyy Istoricheskiy muzey [State Historic museum]
GMII – Gosudarstvennyy muzey izobrazitel'nykh iskusstv im. A. S. Pushkina [Pushkin Museum of Fine Arts]
IA RAN – Institut arkheologii RAN [Institute of Archaeology RAS]
IAET SO RAN – Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya RAN [Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of RAS]
IA NANU – Institut arkheologii Natsional'noy akademii nauk Ukrainy [Institute of Archaeology National Academy of Sciences of Ukraine]
IIMK RAN – Institut istorii material'noy kul'tury RAN [Institute for the History of Material Culture RAS]
JAS – Journal of Archaeological Science
KSIA – Kratkiye soobshcheniya instituta arkheologii [Brief communications of Institute of Archaeology]. Moscow
KSIIMK – Kratkiye soobshcheniya Instituta Istorii Materialnoy Kultury [Brief communications of Institute for the History of Material Culture]. Moscow; Leningrad
MAE RAN – Muzey antropologii i etnografii RAN im. Petra Velikogo (Kunstkamera) [Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, RAS (Kunstkammer); St. Petersburg
MAIET – Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on archaeology, history and ethnography of Tauria]. Simferopol'
MAR – Materialy po arkheologii Rossii, izdavaemye Imperatorskoy Arkheologicheskoy Komissiey [Materials on the archaeology of Russia, published by the Imperial Archaeological Commission]. St. Petersburg
MGU – Moskovskiy gosudarstvennyy universitet im. M. V. Lomonosova [M. V. Lomonosov Moscow State university]; Moscow
MIA – Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and investigations on archaeology of the USSR]. Moscow; Leningrad
MIASK – Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza [Materials and investigations for archaeology of the North Caucasus]; Armavir
NAV – Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik [Lower Volga archaeological bulletin]. Volgograd

NNZ – Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and Novgorod Land. History and archaeology]. Veliky Novgorod
OAK – Otchety Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii [Reports of Imperial Archaeological commission]. St. Petersburg
PA – Povolzhskaya Arkheologiya [The Volga River Region Archaeology]. Kazan'
PIFK – Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of history, philology and culture]. Magnitogorsk
PM – Prussia-Museum. Königsberg i. Pr.
PSRL – Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete corpus of Russian chronicles]
QI – Quaternary International
RA – Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]. Moscow
RAN [RAS] – Rossiyskaya akademiya nauk [Russian Academy of Sciences]
RSM – Ranneslavyanskiy mir [Early Slavic world]. Moscow
SA – Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]. Moscow
SAI – Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov [Archaeology of the USSR. Corpus of archaeological sources]. Moscow
SNVE – Srednevekovaya numizmatika Vostochnoy Evropy [Medieval Numismatics of Eastern Europe]. St. Petersburg; Moscow
SP – Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology
SPbGU – Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet [St. Petersburg State university]
TAS – Tverskoy arkheologicheskiy sbornik [Tver' archaeological transactions]
TTZ – Tver, tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ya [Tver, Tver Land and adjacent territories in Middle Ages]. Tver'
TYuTAKE – Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii [Transactions of South-Turkmenian archaeological complex expedition]. Ashkhabad
VAAE – Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography]. Tyumen'
VTsI – Vestnik tserkovnoy istorii [Bulletin of Church History]. Moscow
ZIIMK – Zapiski IIMK [Notes of IIMK]. St. Petersburg

КРАТКИЕ ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН»

1. Содержание рукописи должно соответствовать тематике журнала.
2. Рукопись подается в электронном формате (Microsoft Word).
3. Материалы должны состоять из: а) основного текста, б) списка литературы, в) подрисуночных подписей, г) резюме (до 0,5 с.) и ключевых слов (до 10), д) списка сокращений, е) таблиц, ж) иллюстраций, з) сведений об авторах.
4. Общий объем рукописи – не свыше 0,8 авторского листа (32 тыс. знаков с пробелами) и 3 иллюстраций.
5. Форматирование текста должно быть автоматическим (не использовать клавишу пробела для установки абзацного отступа). В заголовке инициалы ставятся перед фамилиями авторов, название прописными не набирать.
6. Иллюстрации представляются в электронном виде, в отдельных файлах формата TIF (не вставлять в текст) и нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Необходимо избегать чрезмерного уменьшения отдельных изображений, учитывая, что в печатном виде размер иллюстраций составляет 13 × 19 см. Условные обозначения сопровождаются малыми кириллическими буквами и расшифровываются в подрисуночной подписи. Черно-белые иллюстрации должны быть сканированы в режиме «градации серого», в масштабе 1:1; фотографии – с разрешением не ниже 300 dpi, а штриховые рисунки – 600 dpi. При необходимости возможна публикация цветных иллюстраций.
7. Таблицы представляются в отдельных файлах (не вставлять в текст) и нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте.
8. Ссылки на литературу даются в тексте в круглых скобках: указываются фамилия автора (на языке издания), год издания, страницы, рис., табл. (*Седов*, 1979. С. 50) или сокращенное название (если издание автора не имеет). Список литературы составляется в алфавитном порядке. Например:

Леонтьев А. Е., 2012. На берегах озер Неро и Плещеево // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 162–177.

Седов В. В., 1979. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука. 158 с.

Чернов С. З., 1977. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. Ч. 4 // Архив ИА РАН. Р-1, № 6695.

Mellaart J., 1979. Egyptian and Near Eastern chronology: a dilemma? // Antiquity. Vol. 53. P. 6–22.

Более подробно см. на сайте журнала: ksia.iaran.ru

Электронный адрес редакции: ksia@iaran.ru

Научное издание

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
Выпуск 275

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук

Редакторы: И. А. Агапьева, Н. В. Бельченко, Л. Б. Орловская
Художники: А. В. Голикова, Н. С. Сафронова
Оригинал-макет подготовлен Е. А. Морозовой

Подписано в печать 03.06.2024. Формат 70×100 1/16.
Уч.-изд. л. 37,81. Тираж 250. Заказ №

На задней стороне обложки –
джучидская монета с русской надчеканкой
(к статье И. В. Болдина, В. В. Зайцева, В. Г. Шапошника)

Подписка на журнал оформляется по Объединенному каталогу
«Пресса России», т. 1, индекс Е11907

Адрес: 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19.
Телефон +7 (499) 126-47-98. Факс +7 (499) 126-06-30.
E-mail: ksia@iaran.ru

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

ISSN 0130-2620